

Д. АНГЕЛОВ

О НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТАХ
РАЗВИТИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
НА ПУТЯХ ФЕОДАЛИЗМА*

Изучение эволюции феодализма в Византии с VIII до середины XV в. свидетельствует о том, что эта эволюция непосредственно связана с развитием аграрных отношений в империи, и в частности — с положением и судьбой непосредственного производителя и земельного собственника. В течение всего периода, когда в Византии происходило становление, а затем расширение и упрочение феодального базиса, феодальная зависимость формировалась двумя путями, каждый из которых достаточно хорошо освещен источниками. Для первого пути характерно предварительное лишение непосредственного производителя земли (экспроприация), что приводило лиц, которых это коснулось, к непреодолимым экономическим затруднениям и являлось первопричиной того, что они в конечном итоге оказывались под властью какого-либо феодала. Факторы, способствовавшие обезземелению, были самыми разнообразными: тяжелый налоговый гнет, характерный для фискальной системы Византии и особенно обременительный для мелкого земельного собственника на селе; злоупотребления администрации, произвол и насилие светских и церковных динатов, войны и нашествия, голодные годы и т. д. Период, когда обезземеление сельского населения приняло массовые размеры и охватило целые области, приходится на вторую половину XI в., когда Византия подвергалась нападениям сельджуков, норманнов и печенегов, а также на весь XIV и первую половину XV в., когда владения империи в Малой Азии, а затем и ее европейские территории стали добычей османских завоевателей.

Процесс обезземеления, отторжения непосредственного производителя от земли, как известно, нашел отражение в появлении таких разнообразных терминов, как «апоры», «апоресанты», «актимоны», «птохи», «элеветеры», «ксены» и пр., которые встречаются во многих источниках с начала VIII до середины XV в., начиная примерно с «Земледельческого закона» и кончая последними «Писцовыми книгами». Независимо от несколько различного толкования этих терминов, явившихся предметом ряда исследований в трудах преимущественно советских византистов, характерно, что во всех случаях речь идет о категориях, оставшихся по той или иной причине или с совершенно недостаточным количеством земли, или вообще без земли, т. е. оказавшихся в положении экспроприированных¹.

* Доклад, прочитанный на симпозиуме по социально-экономическим проблемам истории Византии (Москва, сентябрь 1974 г.)

¹ См., например: *Е. Э. Липшиц*. Византийское крестьянство и славянская колонизация. — «Византийский сборник». Л., 1945, стр. 96 сл.; *А. П. Каждан*. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 42 сл., 100 сл.; *Г. Г. Литаврин*. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 177 сл.; *М. М. Фрейденберг*. Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI—XII веках. — «Ученые зап. Великолукского гос. пед. ин-та», 1956, стр. 105 сл.; *К. А. Осипова*. Положение крестьянства в Византии в X в. М., 1953. Автореф. канд. дисс., стр. 7; *Б. Т. Горянов*.

Отсутствие земли — исходный момент, обуславливающий постепенное втягивание в феодальную зависимость. Оно происходит, как явствует из источников, чаще всего в результате переселения обезземеленного человека в имение светского или церковного землевладельца. На практике это осуществлялось двояко — по собственному желанию или благодаря вмешательству и по распоряжению центральной власти. О том, какие правовые отношения возникали между обезземеленным крестьянином и феодалом, в случае добровольного переселения, хорошо известно из решения Косьмы Магистра, нашедшего отражение в некоторых статьях «Пиры». Документальный материал о поселении обезземеленных лиц в имениях крупных землевладельцев, преимущественно монастырей, в результате вмешательства центральной власти содержится во многих императорских распоряжениях, начиная с середины X в. Это так называемый «арифмос», изучением которого занимались также преимущественно советские византилисты. Терминологическим выражением практики поселения обезземеленных лиц на землях крупного землевладельца являются названия «парик» и «проскафимен», которые указывают, с одной стороны, на переселение, а с другой — на факт оседания данного человека в имении феодала.

Источники позволяют увидеть, что в большинстве случаев присельники (безземельные лица) на земле крупного собственника получают наделы из личного домена хозяина, т. е. превращаются из людей *γῆν ἰδίαν μὴ ἔχοντες* в крестьян, наделенных землей, которую они обрабатывают и за которую платят соответствующий налог. Характерный пример содержит новелла о париках монастыря Иоанна Колову (от 960 г.), которые пришли туда как неимущие лица, ввиду чего не платили налогов государству и носили прозвище «париков неплатежных». Впоследствии, однако, как явствует из другой новеллы (от 995 г.), они имели уже розданные им правлением монастыря земли в городе Иериссу и вокруг монастыря². Подобные случаи часто описываются в монастырских документах XI—XV вв.

О практике давать землю присельникам в имениях крупного землевладельца можно судить также по известной новелле Константина VII (от 947 г.), где говорится, что господская земля эксплуатируется двояко: она или раздается в виде наделов парикам, *παροικεῖν*, или обрабатывается с помощью наемных рабочих, *θητεῖσιν*³.

Снабжение крестьянина землей, т. е. его аппроприация после того, как он предварительно был экспроприирован, вполне соответствует системе феодальных производственных отношений, предполагающих в качестве главного условия, чтобы непосредственный производитель был связан со средствами производства, владел землей. Разумеется, случалось, что присельники в имениях феодала оставались без надела (например, некоторые элевтеры, о которых идет речь в византийских *πρακτικά*, писцовых книгах XIII—XIV вв.).⁴ Это было, однако, насколько можно судить по источникам, довольно редким явлением, и оно не может опровергнуть общего тезиса о том, что поначалу аппроприация являлась регулярной и обычной практикой, создававшей из обезземеленного человека наделенного землей, но уже зависимого крестьянина.

Поздневизантийские писцовые книги. — BS, 1948, р. 203; Д. Ангелов. Принос към поземелните отношения във Византия през XIII в. — ГСУ, Фил.-ист. фак., 11, 1952, стр. 2; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии VIII—XIV в. М., 1952.

² Д. Ангелов. История на Византия, ч. II. София, 1963, стр. 14.

³ Ср. Jus, III, р. 266. 24.

⁴ Ср. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 247. А. П. Каждан указывает, однако, что элевтеры не всегда оставались безземельными людьми, часто они выступают как лица, снабженные землей, подобно множеству париков (А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв., стр. 136). Землю получали и мистики, т. е. наемные рабочие; ср. Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 90.

Таким образом, указанный путь формирования феодальной системы зависимости, исходным пунктом которого является экспроприация непосредственного производителя и завершением которого служит его апроприация, ставящая его под власть местного феодала, позволяет сделать вывод, что развитие византийского феодализма, несомненно сходно с развитием феодальных отношений в Центральной и Западной Европе. И здесь, и там типичен начальный этап — утрата аллода, что является экономической предпосылкой подчинения одних лиц другими. Такой путь развития характерен и для средневековой Болгарии; в подтверждение этого можно привести несколько примеров из скудного в общем материала источников. Хорошо известно, что и в болгарском государстве в VIII—IX вв. наблюдается процесс лишения крестьян земли, вызванный причинами социально-экономического и политического характера. Этот процесс приводит к массовому появлению нищих, о которых идет речь в законодательстве хана Крума (803—814). Согласно распоряжению Крума, нищим надлежит оказывать необходимую помощь, чтобы они больше не просили милостыни. Весьма основательно предположение, что в сущности это обязывало расселять обезземеленных лиц на землях славяноболгарской аристократии и предоставлять им наделы. Иными словами мы встречаемся с практикой, напоминающей византийский «арифмос», — с той разницей, что здесь речь идет не о случаях заселения обезземеленных крестьян на господских землях, а об общем распоряжении в форме закона.

Обезземеление болгарского крестьянства наблюдается также в X в., как можно судить по «Беседе» Пресвитера Космы и по некоторым пассажам «Шестоднева» Иоанна Экзарха. Особенно массовым было разорение сельского населения в середине и второй половине XIV в., когда начались нашествия турок. Об обезземелении крестьян имеются данные и из истории средневековой Сербии.

Как в Византии, так и в Болгарии и Сербии обезземеленные лица могли помещаться феодалом на его владениях или по распоряжению центральной власти (пример законодательства Крума), или по желанию будущих париков. Об этих двух возможных вариантах свидетельствует грамота сербского короля Милутина монастырю Георгия Бырзы (издана в 1300 г.). Из нее явствует, что под властью игумена монастыря могли быть как люди, переданные ему по распоряжению центральной власти («кои му закон оупише»), так и пришедшие на его земли по собственному почину («... ако самохотю кто оузлюби црьковь и придет») ⁵. В первом случае отношения зависимости складывались в силу действующего в соответствующий период публичного права, во втором случае эти взаимоотношения устанавливались на частноправовой основе (между феодалом и обезземеленным крестьянином-присельником на его земле).

В поселении обезземеленных лиц во владениях феодала был заинтересован не только крестьянин, но и крупный землевладелец, который обеспечивал себя столь необходимой ему рабочей силой для «господской земли». Отсюда — неуклонное стремление светских и церковных феодалов и в Византии, и в Сербии увеличивать число приходящих в их имения обезземеленных людей, выискивая все новых и новых присельников. Отсюда и особенно сильно проступающая в сербском феодальном праве XIV в. тенденция не допускать переманивания людей одним феодалом с земель другого. Подобная практика, выраженная словами «прием людски», засвидетельствована в законе Душана, и ее применение осуждается и запрещается, как недопустимое нарушение прав феодала на его собственных людей.

Второй путь формирования частновладельческой зависимости в византийском селе — когда непосредственные производители подпадали под

⁵ Ср. *Р. Грујић*. Три хиландарске повеље. — «Зборник за историју јужне Србије и суседних области». Скопље, 1936, стр. 21.

власть местного феодала вместе со своей землей, т. е. без предварительной экспроприации и без изменения местожительства. Таким образом становились зависимыми как отдельные лица, так и целые села. Этот процесс мог осуществляться добровольно или лжедобровольно (классический пример — так называемые патронатные отношения), в силу внеэкономического принуждения, выраженного нормативными актами в духе феодального права, и путем прямого насилия и произвола. Примеры этого содержатся в большом числе источников, начиная с середины X в. Интересно, что непосредственных производителей можно было поставить вместе с их землей в частновладельческую зависимость и с помощью распоряжений уголовного характера. Когда в 805 г. был подавлен бунт славян Пелопоннеса, Никифор I повелел передать бунтовщиков вместе с семьями, родственниками и всем их имуществом во власть Патрской митрополии святого Андрея. Таким образом, славяне оказались не только лишены остатков политической самостоятельности, но и превращены в церковных париков, и их феодальным владельцем стал патрский митрополит ⁶.

Подчинение непосредственного производителя — земельного собственника феодалу могло осуществляться двояко. В одном случае феодальная зависимость возникала в результате частноправовой договоренности (разнообразные формы патроната), во втором — решающая роль принадлежала центральной власти, которая издавала дарственные грамоты, карательные распоряжения и пр.

Указанный путь развития феодализма (без предварительной утраты аллоидальной собственности) наблюдается не только в Византии X—XV вв., но характерен и для других балканских государств (в первую очередь для Болгарии и Сербии). Если обратиться к болгарским и сербским грамотам XII—XIV вв., то можно увидеть, что почти всюду речь идет о передаче под власть светских или церковных феодалов крестьян вместе с их землей. Притом интересно, что и здесь немалую роль играют уголовноправовые распоряжения. Показательна в этом отношении статья 1 «Закона судного людем», — первого письменного древнеболгарского правового памятника, изданного вскоре после введения в стране христианства (865 г.). В ней сказано, что «каждое село, где совершаются языческие обряды и заклинания, должно быть передано божьему храму вместе со всем его имуществом» ⁷. Таким образом, принимая меры для искоренения язычества, болгарское государство способствовало упрочению феодального базиса страны.

Говоря о двух путях формирования феодальной зависимости в Византии, интересно было бы остановиться на том, в какой мере этот процесс развивался под знаком частноправовых отношений, а в какой мере решающей была роль государства. Разумеется, вопрос этот нуждается в подробном и всестороннем изучении и его решение весьма трудно ввиду отсутствия достаточного материала, а особенно из-за того, что документов частноправового характера сохранилось значительно меньше, чем документов, вышедших из императорской канцелярии.

Формирование феодальной зависимости на основе частноправовых отношений было типично для так называемого «западного пути» развития феодализма, которому, впрочем, не чужд и европейский Юго-Восток в средневековую эпоху. Но в Византии и остальных балканских государствах, которые следовали в этом отношении византийскому образцу, гораздо лучше можно проследить второй путь развития феодализма, когда главной движущей силой формирования частновладельческой зависимости является само государство, олицетворяющееся императором и действующими по его распоряжению чиновниками. Именно государство раздает крупным землевладельцам обезземеленных людей (по системе упоминав-

⁶ Д. Ангелова. История на Византия, ч. I. София, 1959, стр. 287—288.

⁷ Ср. соотв. текст: В. Ганев. Законъ судный людемъ. София, 1959, стр. 163.

шегося «арифмоса»), оно закрепощает бунтовщиков (случай с пелопоннесскими славянами), оно раздает светским и церковным динамам целые села вместе с населением, оно определяет размер пронии, экскуссий и иммунитетных прав — словом, при его непосредственном участии формируется византийское феодальное общество. Эта ведущая роль Византийского государства четко отображена уже в известном «Податном уставе» — одном из важнейших памятников, отобразивших процесс построения феодального базиса в IX—X вв. Следствием решающей роли государства в феодализации Византии явился, в частности, характер феодальной ренты в XIV—XV вв.⁸ Разумеется, то обстоятельство, что византийский и вообще балканский феодализм развивался не только и не столько на основе частно-правовых отношений, сколько на основе публичного права, не дает нам основания говорить о неразвитости феодальных отношений в Византии, об их незаконченности (такого мнения придерживается К. В. Хвостова). В сущности, в этом — своеобразие византийского и балканского феодализма по сравнению с феодализмом в Западной Европе, что имеет свои глубокие причины, исследование которых должно быть предметом отдельной работы.

---

⁸ См. К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М., 1968.

Э. ВЕРНЕР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА: ТИПОЛОГИЯ И СПЕЦИФИКА*

Тематика дискуссии — особенности развития византийского города. Такая постановка проблемы подразумевает нормативное развитие, явно чуждое византийскому обществу. Вместе с тем постановка проблемы с самого начала имеет в виду сравнение. Ведущие советские византинисты всегда придавали большое значение сопоставлению, как это делают М. Я. Сюзюмов¹, А. П. Каждан² или М. А. Поляковская³. Само собой разумеется, что Западная Европа — классическая страна феодализма — выступает при этом как объект сравнения⁴.

Хорошо известно, что теоретические высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о городе и бюргерстве базируются на западноевропейском материале. Недавно С. М. Стам свел воедино эти высказывания и попытался выработать типологию средневекового города. Оказалось, что с переворотом в сельскохозяйственном производстве и ростом крестьянского населения стало возможным второе общественное разделение труда, которое освободило ремесленника и создало условия для развития нефеодалного уклада в XI в. в возникающих коммунах. С. М. Стам отметил прежде всего то обстоятельство, что простое товарное производство объединило в одном лице рабочего и собственника. Из этого он сделал вывод, что простое товарное производство представляет собой особый экономический уклад. Но это означает, что отныне феодальное поместье и городское производство развиваются в противоположных направлениях. Богатей, горожане экономически освобождались от феодализма. Разумеется, С. М. Стам подчеркивает, что этот антагонизм ни в коем случае не приводил к разложению феодальных производственных отношений; напротив, нефеодалный город придавал им скорее силы, которые служили развитию феодализма. До тех пор, пока товарное производство не охватило деревню, нельзя думать, по мнению С. М. Стама, о преодолении феодализма. Решающим, с точки зрения С. М. Стама, для экономического прогресса является степень разделения труда⁵.

Вне всяких сомнений, ремесленное производство в рамках города имеет первостепенное значение, и собственность ремесленника на средства производства должна быть охарактеризована как нефеодалная. Несмотря

* Доклад, прочитанный на симпозиуме по социально-экономическим проблемам истории Византии (Москва, сентябрь 1974 г.)

¹ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. — ВИ, 1959, № 3, стр. 117.

² А. П. Каждан. Византийские города в VII—IX вв. — СА, 21, 1954, стр. 164—188.

³ М. А. Поляковская. Рост монастырских владений в Фессалонике и Серрах в XIV в. как проявление своеобразия поздневизантийского города. Автореф. дисс. Свердловск, 1966, стр. 2.

⁴ А. П. Каждан недвусмысленно говорит о Западе как о «классическом средневековье» («Византийская культура». М., 1968, стр. 81; ср. также: E. Werner. Grenzscheide XI. Jahrhundert. — АДСВ, 10. Свердловск, 1973, стр. 37.

⁵ С. М. Стам. Средневековый город и проблема возникновения нефеодалных форм собственности. — «Средневековый город», 2. Саратов, 1974, стр. 3—45.

представляли собственно средневековое бюргерство и служили К. Марксу и Ф. Энгельсу образцом средневекового городского хозяйства, корпорации и т. д. Если мы будем равным образом рассматривать это нормативно, то при аналогичной основной тенденции проявится важная особенность Византии, а именно развитие мелкого, феодального товарного производства и международной торговли, в чем Византия до XI в. значительно опережала Западную Европу. И все же в Византии не было бюргерства, как организованной, самоуправляемой общины, не было принципа городской свободы в противовес феодализованной деревне, не было самостоятельных цехов, но, напротив, существовала централизованно-государственная регламентация производства и распределения, в которой А. П. Каждан и К. В. Хвостова усматривают специфику природы византийского города в отличие от западноевропейской модели¹⁰. В целом вместе с М. А. Поляковской можно констатировать возрастающее с XI в. влияние феодальной знати на городскую экономику и вообще на городской образ жизни¹¹.

Хотя провинциальные города и становятся с этого времени ремесленными центрами, они очень быстро попадают под власть провинциальной знати, заинтересованной в экспорте сельскохозяйственных продуктов. Знать поработала городских ремесленников и подчиняла их своему патронату, как произошло с еврейскими ткачами шелка в Спарте, Фивах и Коринфе¹². К этому добавлялось следующее: победа крупного землевладения во второй половине XI в. усилила феодальную эксплуатацию париков, пытавшихся бегством спастись от нее. Во Фракии и Македонии, например, в первой половине XII столетия обезлюдели 3 деревни, а во второй — уже 83¹³. Параллельно происходил демографический спад — в полную противоположность Западу. Уменьшение численности населения отражалось на борьбе государства за наемников и рабочую силу для своих доменов и соперничестве в этом с династами¹⁴. Демографический застой сказался также на городской культуре, которая не распространялась вширь, поскольку отсутствовал, согласно Х. Антониадис-Бибику, соответствующий этнический базис¹⁵. Если принять во внимание наблюдаемый как раз в XI в. на Западе приток крестьян в возникающие коммуны, что было связано с развитием деревни¹⁶, то различие между Византией и Западом как в аграрном, так и в городском секторе проявится достаточно выпукло. На Западе как расчистка земель, так и приток населения в город освобождали от обременительных обязанностей и феодального угнетения¹⁷; не так было в Византии, где и крестьянин, и горожанин оставались включенными в аппарат насилия императора или провинциальной знати. Византийского элевтера в городе и деревне, бывшего бесильным бедняком, который видел себя всецело во власти феодального произвола¹⁸, нельзя сравнивать с западным крестьянином, селившимся на расчищенных землях и *civis*. В этом общесоциальном аспекте мне представляется сомнительным существование в Византии XI в. возможности

¹⁰ См. З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 99 и 192.

¹¹ М. А. Поляковская. Указ. соч., стр. 4.

¹² E. Frances. La disparition des corporations byzantines. — «Actes du XIIIe Congrès International d'études byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 95 sq.

¹³ H. Antoniadis-Bibicou. Villages désertés en Grèce. Un bilan provisoire. Ecole pratique des Hautes Etudes — VIe section: Les Hommes et la Terre XI: Villages désertés et histoire économique XIe—XVIIIe siècles. Paris, 1965, p. 364.

¹⁴ Ibid., p. 345.

¹⁵ H. Antoniadis-Bibicou. Démographie, salaires et prix à Byzance au XIe siècle. — «Annales ESC», 27, 1972, p. 221, 236.

¹⁶ C. M. Стам. Указ. соч., стр. 20.

¹⁷ H. Mitteis. Über den Rechtsgrund des Satzes «Stadtluft macht frei». — In: C. Haase. Die Stadt des Mittelalters, Bd. 2. Recht und Verfassung. — «Wege der Forschung», Bd. 244. Darmstadt, 1972, S. 201f.

¹⁸ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 108 f. sq.

«городского пути» развития, как предполагает М. Я. Сюзюмов, т. е. возможности растворения империи в ряду городских республик итальянского образца ¹⁹. Сам М. Я. Сюзюмов пишет, что слабость городов конца XI в. ориентировала императоров на землевладельческую феодальную знать и что возможности маневрирования были для императоров сильно ограничены ²⁰.

Тем не менее дело было не только в экономической слабости и демографическом застое, но в большей степени в отсутствии городской общины, бюргерского движения за освобождение, городского самоуправления. Стабилизировавшаяся при Комнинах центральная власть была нацелена на подчинение городов, как при императорах Македонской династии, но не на интеграцию, как у французских королей. Без автономной фазы городского развития представляется невозможной государственно-централизованная консолидация при содействии бюргерства. Иными словами, город в период феодализма должен был и политически освободиться и стать из объекта субъектом, с тем чтобы стимулировать прогресс и в конце концов наложить на него свой отпечаток. Тяготы византийского ремесленника и купца были следствием не только феодальной регламентации, но и успешной конкуренции итальянского торговца, которая не ослабела после 1261 г., но, напротив, постоянно возрастала. При таких обстоятельствах феодализация поздневизантийского города должна была привести к регрессу.

Как в XI, так и в XIV в. знать была заинтересована в экспорте сельскохозяйственных продуктов и импорте готовых товаров. Это подрывало основу существования ремесла и торговли, и города все больше превращались в места обмена сельскохозяйственных продуктов. Заметно снизился уровень ремесленной техники ²¹. Типичным для регресса было переселение части городского населения в деревни. Тем самым в XIV в. город больше не втягивал крестьянское население в товарное производство, а наоборот, феодальные поместья поглощали городских производителей ²².

Негативная роль монастырей в процессе феодализации византийских городов подробно исследована советскими византинистами и поэтому не нуждается в доказательстве.

Период гражданских войн 1341—1354 гг. открыл перед большими эмпориями вроде Константинополя и Солуни, а также перед средними городами вроде Андрианополя возможность для развертывания борьбы за свободу. Но при всем значении этих событий нельзя оставлять без внимания то обстоятельство, что экономические, социальные и политические условия были слишком сложны, чтобы начать там, где Западная Европа начала уже в XI—XII вв. Речь идет не просто о смещении фаз развития ²³; антифеодальные народные движения XIV в. были продуктом византийского феодализма, изначально отмеченного специфическими чертами, которые отличали византийский феодализм от его латинского варианта, хотя ему и были присущи те же законы развития. «Классическое» начало благодаря тесной связи с античными наследием, сосредоточенным в городах, сделало возможным дальнейшее существование старого государственного аппарата, но это не означало, что путь Византии к феодализму был классическим путем, как полагает М. Я. Сюзюмов ²⁴. Развитие новой общественной формации протекало в Византии более замедленно.

¹⁹ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 114.

²⁰ М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 54 и сл.

²¹ См. «История Византии», т. 3. М., 1967, стр. 109—122.

²² Г. Л. Курбатов, В. И. Рутенбург. Зилоты и чомпи. — ВВ, 30, 1969, стр. 15.

²³ См. Н. F. Schmid. Die byzantinische Stadt. Diskussionsbeitrag zum XI. Internat. Byzantinistenkongress, 1958. München, 1961, S. 100.

²⁴ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ, 35, 1973, стр. 9.

Внедрение натурального хозяйства в VII в.²⁵ доказало, что развитие феодализма шло через мелкокрестьянское хозяйство, на которое опирался господствующий класс и которое он использовал в своих целях с помощью дифференцированной системы эксплуатации²⁶. Стабилизация господствующего класса на основе сельского хозяйства позволила ему также освоить в своих интересах экономический потенциал изолированного рынка IX—X вв.²⁷ Это означает, что с VII в. византийская история «исходила» из деревни, но город и деревня оставались здесь крепко связанными²⁸. В Западной же Европе город резче отделялся от деревни, чем на Востоке или в Византии. Здесь место индифферентного единства занял четкий антагонизм, в котором сначала доминировала деревня, а затем были созданы предпосылки для перемещения центра тяжести, полностью раскрывшиеся в период капитализма. Латинский город был мощным рычагом в преодолении естественных условий общественного производства и в их замене искусственно созданными, исторически сложившимися условиями. Византия не смогла полностью раскрыть все возможности феодального общества²⁹, в результате чего городской компонент получил иное значение, чем на Западе.

²⁵ А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 299.

²⁶ С. М. Стам. Движущие противоречия развития средневекового города. — ВИ, 1965, № 7, стр. 94 и сл.

²⁷ E. Frances. Op. cit., p. 95.

²⁸ А. П. Каждан. Византийская культура, стр. 101; Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 347 и сл.

²⁹ А. П. Каждан. Византийская культура, стр. 101.

И. П Р М Ш Е Р

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ*

То обстоятельство, что византийское государство воспринимало себя как продолжателя римской универсальной монархии и соответственно как единственную законную империю, а также то, что его граждане называли себя ромеями, неоспоримо и не нуждается в специальном доказательстве¹; как веский содействующий фактор к этому добавлялось сознание того, что Византия представляет христианское православие² и греческую культурную традицию. Даже никейская реставрация, ликвидировавшая латинское, чужеземное господство, основывалась на восточноримской идее государственности со всеми ее компонентами, когда она претендовала на законность и преемственность, несмотря на то обстоятельство, что именно в этот период в противовес византийскому универсализму начала утверждаться греческая народность (*λαότης*)³, указывающая на дальнейшее развитие⁴. Наиболее очевидно это проявилось в том, что обозначение «эллин», которым прежде презрительно обозначали язычника, постепенно приобрело старое значение и вместе с ним почет⁵. Разумеется, это было лишь первым признаком того, что преодоление феодальной ограниченности стояло на повестке дня истории, но, как известно, Византия попала под власть турецких завоевателей, прежде чем смогла решить эту проблему.

Между тем не было недостатка в силах, которые стремились именно к решению этой проблемы. Развитие товарно-денежных отношений в поздней феодальной Византии приводило в деревне к социальному расслоению крестьянства, а в городе — к пауперизации ремесленников; оба процесса имели своим следствием возбуждение масс, которое характеризовалось тем, что деревенская беднота действовала сообща с плебсом⁶. В 40-х годах XIV в. почти вся Фракия и почти вся Македония были охвачены восстанием, которое вылилось в движение зилотов в Солуни, одном из самых значительных городов того времени. Вне всяких сомнений, зилоты следовали

* Доклад, прочитанный на симпозиуме по социально-экономическим проблемам истории Византии (Москва, сентябрь 1974 г.).

¹ J. Irmscher. Einführung in die Byzantinistik. Berlin, 1971, S. 33 ff.; F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 70 ff. Частично устарели выводы: E. Stein. — «Forschungen und Fortschritte», 1930, 6, S. 182.

² Христианство вторично по отношению к идее государственности, а не наоборот, как полагает О. Трейтингер (O. Treitinger. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats und Reichsgedanken, 2. Aufl. Darmstadt, 1956, S. 262).

³ Для немецкого перевода Sachwörterbuch der Geschichte Deutschlands und der deutschen Arbeiterbewegung, 2. Berlin, 1970, S. 125 предлагается «этническая Gemeinschaft, Völkerschaft».

⁴ J. Irmscher. Byzantinische Forschungen, 4, 1972, S. 114 ff.

⁵ Примеры см. 'Α. 'Ε. Βακαλόπουλος. 'Ιστορία τοῦ Νέου Ἑλληνισμοῦ, 1. Thessalonike, 1961, p. 67 sq.

⁶ Здесь и ниже см. J. Irmscher, in: Elisabeth Charlotte Welskopf. Hellenische Poleis, 3. Berlin, 1974, S. 1653 ff.

в своих действиях антифеодальной, социально-политической программе; при этом, видимо, обращались все-таки не к античности, как бы это ни помогало в достижении их целей. Лишь в следующем столетии, в последнюю фазу существования византийского государства, обнаружились предпосылки для такой регенерации классического прошлого в целях реализации идеи государственности. Этот прогресс связан прежде всего с Георгием Гемистом Плифоном.

Гуманист Плифон⁷ развернул плодотворную деятельность на своей греческой родине и в Италии, деятельность, которая на Западе привела к созданию Платоновской академии Козимо Медичи⁸. В связи с нашей темой наиболее важны 1414—1437 годы, которые Плифон провел в Мистре при дворе деспота Морей⁹. Вероятно, император Мануил II послал к своему сыну Феодору II специальным советником родившегося в 1355 г., необычно образованного и умудренного жизненным опытом человека высокого судейского ранга; это общественное положение внушало уважение к Плифону и позволяло ему досконально ознакомиться с ситуацией в области¹⁰, которая еще оставалась подвластна Палеологам¹¹. Раздумья Плифона нашли отражение в двух сочинениях, одно из которых посвящено Мануилу II¹², а другое — Феодору II¹³; на основе платоновской философии в них развивается практическая программа реформ¹⁴. При этом Плифон — и это весьма существенно в связи с нашей темой — отказывается от римско-византийского универсализма и противопоставляет ему новое самосознание. В его словах: «мы, которыми вы повелеваете и управляете, греки по происхождению, как об этом свидетельствуют язык и унаследованное нами образование»¹⁵, как бы превосхищаются будущие признаки буржуазной нации¹⁶, и не случайно в новогреческом γένος наряду с другими значениями получает и значение «нация»¹⁷. Для Плифона эта родина — Морейя, Пелопоннес с прилегающими местностями и островами (Πελοπόννησός τε καὶ ὅσα δὴ ταύτῃ τῆς Εὐρώπης προσεχῆς τῶν τε αὐτῶν αἱ ἐπικείμεναι, как звучит в малоконкретной и политически неопределенной формулировке)¹⁸. Тот же самый Пелопоннес в этническом отношении обозначается как греческий, с древности и до времени автора, хотя это целиком и полностью противоречит данным современных источников¹⁹. Сверх того, Пелопоннес представляется как центр, где зарождались важнейшие исторические движения. Иходя из этого, автор сочинения дает советы об устройстве армии, обложении налогами, применении наказаний, о валютной и внешнеторговой политике²⁰;

⁷ Об этом прозвище см. справедливые замечания: F. Masai. Pléthon et le platonisme de Mistra. Paris, 1956, p. 384 sq.

⁸ G. L. Seidler. Soziale Ideen in Byzanz. Berlin, 1960, S. 55f. (там также и эпитафия Плифона в Римини: Gemistus Byzantinus philosophus suo tempore princeps).

⁹ Даты даны по: Γ. Π. Μαρμαλάκης. Γεώργιος Γεμιστός Πλήθων. Ἀθήναι, 1939, σ. 59.

¹⁰ E. Vakkalopoulos. Op. cit., 172 sq.

¹¹ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, 2. Aufl. München, 1952, Karte VI. О политической истории Пелопоннеса при Палеологах см. D. A. Zakynthinos. Le despotat grec de Morée. Diss. Paris, 1932, p. 119 sq.

¹² Σπ. Π. Λαμπρός. Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακά, 3. Ἀθήναι, 1926, σ. 246.

¹³ Ibid., 4, 1930, 113 sq.

¹⁴ О программе реформ говорится также и в «Истории Византии», т. 3. М., 1967, стр. 13.

¹⁵ S. Lampros. Op. cit., 3, 247.

¹⁶ Das Sachwörterbuch (S. 125) определяет нацию как категорию, характеризующуюся общностью экономики, территории, языка, культуры и сознанием этнического единства.

¹⁷ Taschenwörterbuch der neugrichischen Umgangs- und Schriftsprache, 1: J. K. Mitso-takis. Neugrichisch-Deutsch, 2. Aufl. Berlin, 1911, S. 237. Расплывчатым понятием нации оперирует Татакис (B. Tatakis. La philosophie byzantine. Paris, 1949, p. 283).

¹⁸ S. Lampros. Op. cit., 3, 248.

¹⁹ Πέτρος Ρούσος. Ζητήματα τῆς ιστορίας μας, s. I. 1955, σ. 123; H. F. Tozer. — «The Journal of Hellenic Studies», 7, 1886, p. 363 sq.

²⁰ Резюме обоих сочинений см.: Γ. Π. Μαρμαλάκης. Op. cit., 78 и еще раньше: A. Ellisson. Georgius Gemistus Plethon's Denkschriften über die Angelegenheiten des Peloponnes. Leipzig, 1860, S. 35 ff.

он развивает теорию общества, которая опирается на платоновскую теорию, но не копирует ее рабски, а развивает в соответствии с современной реальностью, и, особенно, с условиями итальянских городских республик. Плифон требует, чтобы политические вожди были свободны от экономических интересов; если же они отдадут им предпочтение, то они должны отказаться от государственной деятельности²¹. Это высказывание демонстрирует, в какой степени Плифон следует за Платоном, но оно же одновременно показывает, что в пелопоннесских городах к политической власти были причастны граждане, влияние которых основывалось на торговле и денежном хозяйстве. Реформатор хотел укрепить положение именно этого класса (в противовес феодальной аристократии), к которому сам ученый принадлежал, так как только с помощью этого класса можно создать централизованное государство, от которого Плифон ждал спасения («монархия, использующая наилучших советников и полезные законы, имеющие должную силу») ²²⁻²³.

Но кто должен быть советником? «Лучше всего умеренное число образованных мужей». Вне всяких сомнений, μέτριον должно обозначать прежде всего число, но оно одновременно дает подспудно данные об общественном «качестве» этих лиц, как ясно из контекста²⁴: ὁ τε γὰρ δῆμος, οὐ κατακούοντες ἀλλήλων οὐδὲ συνιέντες ῥαδίως διὰ τε πλῆθος καὶ ἀπαιδεύτων τῶν ἐν αὐτοῖς ὑπερβολὴν, ἀλογίστως τὰ πολλὰ φέρουσι τὰς ψήφους, οἱ τ' εἰς ἐλάχιστον ἀριθμὸν ἀνηγμένοι τὰ ἴδια κέρδη λογιζόμενοι οὐκ ἀγαθὰ τὰ πολλὰ σύμβουλοι, οἱ δ' ἅμα μὲν μετρίως ἔχοντες πλῆθους, ἅμα δ' οὐκ ἀπαιδεύτοι, ἄλλος μὲν ἄλλο κατὰ τὸ εἶκος συνορμώντες τε καὶ εἰς μέσον ἄγοντες, ὑπὸ δὲ τοῦ κοινῇ συμφέροντος καὶ κοινῇ ἀγόμενοι τῷ παντὶ ἀμείνους τε καὶ ἀσφαλέστατοι συμβουλεύειν, ἔτι δ' οἱ μετρίως ἔχοντες βίου καὶ οὐθ' οἱ παμπλοῦσοι, οὐθ' οἱ ἀπορώτατοι· οἱ μὲν γὰρ διὰ τὴν τοῦ πλούτου φιλίαν οὐδὲν ἄλλο τὰ πολλὰ βουλευέσθαι φιλοῦσιν ἢ ὅθεν ἂν τις αὐτοῖς κέρδος προσεῖη, οἱ δὲ διὰ τὴν ἀπορίαν οὐδὲν ἄλλο σκοπεῖν ἢ ὅθεν ἂν τὰς ἰδίας ἀνάγκας παραμυθῇσιν, οἱ δὲ μετρίως ἔχοντες μᾶλλον τοι καὶ ἐθέλουσιν ὑπὲρ τῶν κοινῇ συμφερόντων ἐκάστοτε φροντίζειν²⁵. Иными словами, плебс ввиду своей массовости и необразованности не в состоянии высказывать обоснованные суждения. Высший слой думает лишь о своей выгоде и потому неспособен заботиться о всеобщем благе. Средние слои, напротив, обладают образованием, здравым смыслом, духом солидарности, и потому они поставляют надежных советников. Они не слишком бедны и не слишком богаты, и если богатый стремится к еще большей прибыли, а бедный прежде всего старается преодолеть свою нужду, то представитель среднего сословия постоянно проявляет заботу о всеобщем благе.

Не спорю, в моем пересказе многократно употребляются термины, которые не порождены временем и мировоззрением собственно Плифона²⁶. Но его система доказательств явно свидетельствует о том, что Плифон говорит от имени бюргеров пелопоннесских городов, которые хотели бы преодолеть ограниченность византийского феодализма, в том числе и его имперско-универсалистские притязания, поскольку они видели спасение от турецкой опасности лишь в эллинистической монархии, власть которой ограничена законами, т. е. своего рода конституцией. Еще нуждается в изучении, до какой степени в современном Плифону обществе ощутимы предпосылки²⁷ уже раннекапиталистического способа производства; но

²¹ S. Lampros. Op. cit., 4, p. 119.

²²⁻²³ Так — Б. Т. Горянов (ВВ, VI, 1953, стр. 407: «Законы, имеющие должную силу»).

²⁴ Сходным образом рассуждает Русос (Βοήθημα νέας ιστορίας τῆς Ἑλλάδας. S. 1., 1958, с. 26: ἡ ἀλλαγὴ τοῦ κοινωνικοῦ καθεστώτος ὑπὲρ τῆς «μέσης τάξης» τῶν αὐτῶν).

²⁵ S. Lampros. Op. cit., 4, p. 119.

²⁶ Иначе выглядит парафраза у: F. Schultze. Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen. Jena, 1874, S. 273 f.

²⁷ Формулировка в соответствии с «Geschichte des Mittelalters», 1. Berlin, 1958, S. 228.

то, что он предвосхитил такое развитие ²⁸ и то, что мы должны его ставить в один ряд с раннебуржуазными идеологами, как в Италии, так и за пределами, нельзя подвергать сомнению.

Уже в сочинении, адресованном императору Мануилу, Плифон выступал против экономической привилегированности монашества ²⁹; и больше он, обобщая, оформлял свою философско-политическую систему (поступаясь при этом некоторыми прогрессивными взглядами в полемике с последовательного платонизма или даже неоплатонического мистицизма) тем больше он отдалялся от христианства ³⁰ и церкви — и тем самым опять таки от фундаментальных основ византийской концепции государства. Об этом в целом скорее ретроградном, чем прогрессивном, развитии мыслителя Плифона свидетельствуют немногие дошедшие до нас фрагменты его посмертно опубликованной *Nómwv συγγραφή* ³¹; собственно сочинение патриарх Геннадий II Схоларий приказал сжечь из-за его безбожного содержания ³². Несмотря на эти эллинистически-антихристианские фундаментальные установки, Плифону было ясно значение православной церкви для укрепления национального самосознания, так что на Флорентийском соборе он представлял, как императорский советник, интересы «православных» ³³.

То новое, что появилось в идее государственности у Плифона — и было более узко, у Плифона предитальянского периода, — не раскрылось полностью в тех условиях, в которых он жил: для этого отсутствовали социально-экономические предпосылки в карликовом государстве Палатината, в котором протекала его деятельность и которому османское завоевание положило конец непосредственно после смерти Плифона. И этому его гуманизм не достиг широты, связи с жизнью и жизненной ситуацией итальянского гуманизма, а его обращение к античности во многом было ретроградным. И все-таки преодолением византийско-средневекового универсализма ³⁴ и осмыслением греческой *λαότης* наряду с именем эллинов, своей политической ориентацией на средние слои Плифон привнес в те общественные и идеологические процессы, которые в XVIII в. привели к образованию новогреческой нации, а в XIX в. — к образованию буржуазного греческого национального государства.

²⁸ Ср. также точку зрения Ф. Дэлгера: «The Cambridge Medieval History», IV, 1967, p. 246; This extraordinary writer at times forshadowed modern sociological conceptions».

²⁹ S. Lampros. Op. cit., 3, p. 257; J. Dräseke. In: «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und für Pädagogik», 27, 1911, S. 1.

³⁰ Тешнер (F. Taeschner. — BNJb, 1929/30, S. 100 ff.) видит в этом восточное влияние на Плифона.

³¹ Πλήθων. Νόμων συγγραφή τὰ σωζόμενα, ed. C. Alexandre. Paris, 1858.

³² I. P. Mamalakis. Op. cit., p. 226 sq.; Послание Геннадия Экзарху Иосифу τ τοῦ βιβλίου τοῦ Γεμιστοῦ καὶ κατὰ τῆς Ἑλληνικῆς πολυθείας — PG, t. 160, col. 631.

³³ Ph. Meyer. — Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, 3. Aufl., Leipzig, 1899, S. 508.

³⁴ О последующей судьбе в идее «третьего Рима» ср. H. Schaeder. Moskau, das dritte Rom, 2. Aufl. Darmstadt, 1957.

СТАТЬИ

Г. Г. ЛИТАВРИН

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД
НА РУБЕЖЕ XII—XIII ВВ.

(по материалам налоговой описи Лампсака)

Тот интерес в мировой историографии к проблеме византийского города, который ярко проявился в последнее десятилетие, был, по нашему убеждению, стимулирован развернувшейся незадолго перед этим дискуссией в советской византиноведческой литературе¹.

Появились специальные исследования и монографии, посвященные истории отдельных городов империи, причем не только крупных, а также средних провинциальных центров. Стали появляться и работы, в которых предпринимаются попытки обобщить накопленный материал, произвести классификацию городов, определить их типы².

При знакомстве с этой литературой мы обратили внимание на одну деталь, характерную как для старых, так и для новейших исследований о византийском городе: постоянно вне поля зрения авторов оставляется один из самых содержательных, если не самый содержательный, источник по истории провинциального, рядового города — так называемая «Лампсакская писцовая книга», о которой в лучшем случае лишь глухо упоминают³.

Значение средневековых налоговых описей как важнейшего источника по истории экономики, социальных отношений и государственной системы общеизвестно. Для Византии такие описи насчитываются буквально единицами. И среди них имеется только одна, представляющая собой опись городского налогового округа.

Конечно, возможно предположение: исследователи не привлекают лампсакскую опись потому, что ее данные не позволяют рассматривать Лампсак как город. Грань между небольшим городом и крупной деревней в Византии действительно провести нелегко. Кажется, трудности при этом ощущали и сами византийцы, употреблявшие как раз во время составления описи такой архаичный термин, как *χωρίopolis*, т. е. «деревня-город», или «деревенский город»⁴.

Что же превращало поселение, в глазах византийцев, в город? Из источников это отнюдь не очевидно. Для автора «добавлений к Скилице»

¹ См. об этом дискуссии: *З. В. Удальцова*. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 96—101, 195—215, *И. П. Медведев*. Вопросы истории византийского города на научной сессии в Ленинграде (хроникальная заметка). — ВВ, 30, 1969, стр. 312—315. О некоторых последних зарубежных работах см. аннотации А. П. Каждана («Новое о византийском городе». — ВВ, 28, 1968, стр. 293—296; «Новые книги о Константинополе». — ВВ, 33, 1972, стр. 238—239).

² См. *В. Hrochová*. Byzantská města ve 13—15 století. Praha, 1967; *С. Лишев*. Българският средновековен град. София, 1970.

³ См., например: *А. П. Каждан*. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 98, 118, 121, 143, 146.

⁴ *Nicetae Choniatae Historia*. Bonnae, 1835, p. 82.16. См. об этом: *А. П. Каждан*. Указ. соч., стр. 54—55, прим. 1.

Михаила Девольского наличие стен — неперенный признак города: после того как Василий II разрушил крепостные укрепления Охрида, бывшая столица Западно-Болгарского царства превратилась, по мнению этого автора, в «большую деревню»⁵. Крупнейшего же юриста XI в. Евстафия Ромея этот признак ничуть не смущает: согласно его свидетельству, большинство провинциальных городов либо вообще не имеет стен, либо не имеет их со стороны моря, если это прибрежный город⁶. Любопытно, что и представитель Запада, где города непременно окружались стенами, посол Оттона I епископ Кремонский Лиутпранд не видит ничего удивительного в том, что многие византийские города стен не имеют: Никифор II, пишет он, повелел возвести стены вокруг множества городов восточных провинций, поскольку нужно было максимально обезопасить созданные в этих городах крупные склады продовольствия для войска⁷. Не стены сделали эти города городами. Полководец Алексея I Комнина Григорий Пакуриан обнес стенами несколько своих деревень, но они остались деревнями⁸. Крепость Адрамери на полуострове Халкидика была попросту небольшой крестьянской общиной, насчитывавшей всего 29 домохозяйств⁹.

Со стороны формальной Лампсак — безусловно, город: в византийских памятниках он неизменно определяется термином *πόλις*. Византийский географ X в. Иерокл, перечислив 35 городов Геллеспонта, назвал Лампсак в числе первых шести городов¹⁰. Константин Багрянородный определяет Лампсак как «седьмой» по значению среди «значительных городов» (*πόλεις ἐπισήμους*) фемы Опсикий¹¹. Однако город ли Лампсак в собственном смысле слова¹², — вопрос далеко не праздный. Ответить на него возможно только после детального анализа «Лампсакской писцовой книги». Эту скромную задачу мы и ставим перед собой в данной статье.

Изданный в 1856 г.¹³, трудный для понимания, составленный на варварской латыни, перемежающейся грецизмами и староитализмами, этот памятник был впервые изучен 90 лет назад Ф. И. Успенским, который, запросив копию из венецианского архива, переиздал документ и объяснил немало его темных мест¹⁴. Увлекаемый идеей о воидажном хозяйстве как непременно славянской военнообязанной стаси, Успенский порою акцентирует внимание далеко не на самых важных аспектах. Допустил он, на наш взгляд, и ряд прямых ошибок в понимании и интерпретации описи.

Считая поэтому оправданным возвращение к этому источнику, мы будем его рассматривать, как и Успенский, в тесной связи с другим документом — жалованной грамотой на Лампсак константинопольского байло в пользу трех благородных венецианцев. Оба памятника дополняют и поясняют друг друга.

⁵ B. Prokić. Die Zusätze in der Handschrift des Johannes Scylitzes. München, 1906, S. 37.

⁶ Jus graeco-romanum, I, ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856, cap. XVIII, 5, p. 66.

⁷ Liutprandus von Cremona. Die Werke. Leipzig, 1915, S. 198.

⁸ Typicon Gregorii Pacuriani, ed. S. Kauchtschischvili. Thbilisi, 1963, p. 24, 22—23.

⁹ Actes de Lavra. Première partie, ed. P. Lemerle, N. Svoronos, D. Papachrysanthou. Paris, 1970, № 37.

¹⁰ Hieroclis synecdemus. Bonnae, 1840, p. 394.1—8.

¹¹ Constantinus Porphyrogenitus. De thematibus. Bonnae, 1840, p. 26. 2—7.

¹² Не лишено значения, что термин *πολίται*, обозначавший обычно горожан в противоположность селянам (*χωρίται*), употреблялся и в значении «подданные» вообще, так сказать, «граждане». Характерно это и для Евстафия Ромея (Jus, I, cap. IX, 4, p. 30; cap. IX, 9, p. 30; cap. XV, 10, p. 47), и для некоторых актов (А. П. Каждан. Об одной южноитальянской грамоте XI в. — СБ, XVII, 1960, стр. 319—320).

¹³ G. F. L. Tafel und Thomas. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig, II. Wien, 1856 (далее — *Tafel u. Thomas*), p. 208—209.

¹⁴ Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии, III. Окладной лист города Лампсака. — ЖМНП, ч. 231, февраль 1884, стр. 289—335.

«В год [от рождения] господа [нашего Иисуса Христа 1218] я обнаружил в Лампсаке 60¹⁶ человек (*homines*); они уплачивают 51 перпер и 6 каратов.

Зевгаратов имеется 21; [они платят] 208 перперов, воидатов имеется 52—251 перпер, актимонов имеется 18—48,5¹⁷ перперов, апоров 22—22,5 перпера. Сумма: 581 перпер и 6 каратов.

Есть также 7 мельниц, которые мы облагаем 35 перперами. Солеварни — 34 перпера, этих солеварен имеется 16. За скилл оборудованный и неустроенный (*Lusculo facto et chersochorioi*)¹⁸ — 17 перперов. Столько же было положено практиком.

Рыбная заводь Олько¹⁹ — 20 перперов, барки с неводами²⁰ в Лимасгидии²¹ — 25 перперов. Вафи²² — 14 перперов. Иерусалимский рыбный рынок²³ — 4 перпера. Сумма: 149 перперов.

За 120 плинф виноградников, которые²⁴ они берут в аренду²⁵ за 8 перперов ежегодно и за которые сами получают ежегодно по 14 перперов [30 перперов]. А также, помимо вышеозначенных плинф²⁶, они получают к тому же за 24 плинфы сверх тех [еще] 6 перперов и 6 каратов ежегодно. Сумма: виноградники с арендой, согласно подсчетам, ежегодно, с добавкой — 26 перперов и 6 каратов²⁷.

Форфакт, права и суды²⁸ ежегодно — 36 перперов. Крупный скот²⁹, за 154 головы — 30 перперов. Сборы рыбой³⁰ — 3 перпера. С кур Карлассара³¹ — 4 перпера. Сумма: 83 перпера.

Пристань (*La scala*) — 160 перперов, с рынком (*cum foro*) и со сборами мясом и с их угожьями и пустошами³², как было установлено практиком, — перперов [2, каратов 18. От тех пространств, которые являются теперь зевгаратными]³³, мы определяем ныне 261 перпер, конечно, в среднем, поскольку это было уделено себе³⁴, соответственно своим трудам, в таком количестве и в [такой] доле (*morte*).

И от тех³⁵ пространств, которые являются теперь воидатными, мы определяем ныне 52 перпера, конечно, в среднем³⁶, поскольку они выделены себе, в расчете на свои труды, в таком долевым количестве (*in hac quantitate mortis*). Сумма: 1315 перперов и 6 каратов.

¹⁶ Оригинал рукописи не сохранился. Первые издатели почти не отмечают вносимых ими поправок в публикуемый текст копии. Сделал это Успенский, а мы воспроизвели в подстрочнике. Лакуны (они не обозначены в рукописи) и слова, отсутствующие в тексте, воспроизводим в квадратных скобках. См. *Tafel u. Thomas*, S. 208—209; *Ф. И. Успенский*. Указ. соч., стр. 290—291.

¹⁶ Ркп. — LX, но у Тафеля—Томаса и у Успенского — L.

¹⁷ Ркп. — XLVIIj и далее — XXIj; «j» означает 1,5.

¹⁸ Ркп. — *cherso chorio*, Усп. — *chersochorio*.

¹⁹ Ркп. — *Lu uiuaro de oleo*, Усп. — *Luvivaro de olco*.

²⁰ *Lugrippouoli*.

²¹ Ркп. — *de lumasgidio*, Усп. — *de Luriasgidio*.

²² *Lu uathi*. Не следует ли читать вместо неясного *uathi* — *scathi*, т. е. «суда» (от гр. σκάφη).

²³ *La piscaria de Iherusalem*.

²⁴ Ркп. — *qui*, Усп. — *quas*.

²⁵ Первые издатели — *pro anacapsi*.

²⁶ Ркп. — *plinthi*, Усп. — *plinthis*.

²⁷ Ркп. — *karati III*, Усп. — *karati VI*.

²⁸ *Le forfacte iura et iustitiae*.

²⁹ Ркп. — *li agnelli*, Усп. — *Li anguelli*.

³⁰ Ркп. — *Lu psuni de in pisce*, Усп. — *Lupsuni de lupisce*.

³¹ Ркп. — *de lu carlassare*, Усп. — *de lucarlassare*.

³² Ркп. — *iuribus*. Et disertis, Усп. — *iuribus et disertis*.

³³ Лакуна восполнена Успенским.

³⁴ Ркп. — *sibi datum*, Усп. — *ibi (sibi) data*.

³⁵ Ркп. — *de illis*, Усп. — *de iis*.

³⁶ В ркп. можно читать — *mediis*, Усп. — *medietate*.

Димодео³⁷ — 10 перперов. Сбор (?) и уплата³⁸ шелковичного, сливового, кизилового³⁹ и орешникового⁴⁰ — 36 перперов.

Сумма всего выше перечисленного — 1361 перпер и 6 каратов.

Обнаружили мы ангарии воидатов и зевгаратов⁴¹, так как они клятвенно заверяли, что давали во времена своих господ⁴² каждый по 7 ангариев. Они свидетельствовали также в своих клятвах, что не знали ангариев кастелла⁴³, сколько их было и сколько они делали. Посему кладем конец [вопросу] об ангариях зевгаратов⁴⁴ и воидатов, так как они могут давать ежегодно по 48 ангариев с имущества⁴⁵ вилланов, по 4 перпера с каждого виллана. А актимоны — каждый по 24 ангарии, ибо⁴⁶ они установлены для каждого. Так что⁴⁷ все ангарии⁴⁸ оцениваются в 310 перперов.

Сумма: итог всего выше перечисленного — 1671 перпер и 6 каратов вместе с ангариями».

Жалованная грамота константинопольского байло⁴⁹

«В месяце сентябре 7-го индикта.

Написал я по повелению господина байло⁵⁰ и лучшей части его совета, ибо сам господин байло с лучшей частью своего совета [распорядился], помимо писем господина нашего дожа, которые сам господин [дож] отправил также ради осуществления разыскания и устройства земли Лампсака, каковую землю держат знатные мужи Г. Квирин, Дж. Саккугулло и Джак. Квирин, сын господина П. Квирина.

Они постановили, что эти три мужа должны служить ежегодно за эту землю прежним образом на доход с той же собственности (*amodo inantea pro propriis eiusdem introitus*) в 1670 [перперов] и что эти мужи должны уплачивать с причитающегося от [видов] собственности (*de debito propriorum*) периодически (*transacti temporis*), так что они обязываются давать коммуне Венеции золотые иперпиры в сумме⁵¹ 1000 в следующем порядке, а именно — отныне до праздника рождества господа нашего Иисуса Христа — 300 перперов. Это — в первое грядущее рождество. И от сего праздника рождества до пасхи — воскресения [Христа] другие золотые перперы в сумме⁵² 300. А прочие остающиеся золотые перперы в сумме 400 — от сего праздника пасхи далее, таким способом и в таком порядке, в каком пожелает господин константинопольский байло с лучшей частью своего совета».

Начнем с датировки документов. Из их содержания можно заключить, что они изданы почти одновременно, в течение одного года. И первые издатели, и Успенский странным образом датировали документы 1219 г.⁵³ Но 7-й индикт приходится не на 1219, а на 1218 г. (1218+5509=6727;

³⁷ Ркп. — *Lu dimodeo*, Усп. — *Ludimodeo*.

³⁸ Ркп. — *Lu anauolo lu catauolo*, Усп. — *Luanauolo et Lucatauolo*.

³⁹ *Macricampo et Damaskinea et Cranea*.

⁴⁰ Ркп. — *Coronea*, Усп. — (и первые издатели) — *Cranea*.

⁴¹ Ркп. — *et zegarati*, Усп. — *et zeugarati*.

⁴² Ркп. — *de dominis*, Усп. — *de dominiis*.

⁴³ Ркп. — *de castello*, Усп. — *de castellis*.

⁴⁴ Ркп. — *de zegarati*, Усп. — *de zeugarati*.

⁴⁵ Ркп. — *saltem*, Усп. — *salute*.

⁴⁶ Ркп. — *qui*, Усп. — *que*.

⁴⁷ Ркп. — *quas*, Усп. — *Que*.

⁴⁸ Ркп. *angarias*, Усп. — *angarie*.

⁴⁹ См. *Tafel u. Thomas*, S. 209, 210; Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 291—292.

⁵⁰ Так мы передаем термин документа — «Potestas».

⁵¹ Ркп. — *pes*, издатели — *pensa* (?).

⁵² Ркп. — *pes*.

⁵³ *Tafel u. Thomas*, S. 208; Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 302. Говоря о Лампсакской описи, Ф. Тирье заметил, что ее датировка издателями остается необоснованной, а содержание — темным (*F. Thiriet. La Romanie Vénitienne au moyen âge. Paris, 1959, p. 85, N 2*).

6727 : 15 дает в остатке 7). Сентябрь 1203 г. исключается: крестоносцы еще не владели Константинополем и Лампсаком. Не подходит и сентябрь 1233: Лампсак был отнят у венецианцев уже в 1231 г.⁵⁴

Совершенно непонятны также основания, по которым издатели исправили первую цифру рукописи (LX человек на L человек)⁵⁵. Термин *homines* мы считаем равноценным греческому *πολιται* в собственном смысле, т. е. «горожане», так как 4 следующих термина (зевгараты, воидаты, актимоны, апоры) охватывают все основные имущественные категории сельского населения, известные византийским деловым документам.

Данных о том, что Лампсак в XII—XIII вв. был обнесен стенами, мы не обнаружили. Из сообщений Дуки следует, что первое серьезное укрепление в Лампсаке было возведено лишь в начале XV в. генуэзцем Негро Салгрузо⁵⁶. Лишь слова второго документа об «ангариях кастелла» как о вероятном и при византийских властях виде отработок заставляют допустить наличие в Лампсаке небольшого акрополя, в котором мог останавливаться Иоанн III Ватац, не раз посещавший Лампсак.

Следовательно, и собственно горожане, и крестьяне Лампсака проживали в пределах одного города. Город не мог состоять всего из 60 дворов. Крестьяне Лампсака жили не в пригородных деревнях — по месту жительства они также являлись горожанами, но отличались от них по виду принадлежащей им собственности и роду своих (крестьянских по преимуществу) занятий.

Серьезную трудность представляют слова *Luscillo facto et chersocho-gio*. Успенский допускал двойное их толкование: либо как «колокольцы» (*Luscillo*) и «пастбища» (*chersocho-gio*), т. е. плата со скота (колокольцы на шею у скотины), либо как сбор с православных за их «колокола», т. е. церкви (*chersocho-gio* в таком случае он считал совершенно непонятным)⁵⁷. Мы полагаем, что главная трудность в понимании первого слова, в качестве определений к которому мы расцениваем два следующих. *Chersocho-gio* находит аналогию в *χερσοχηπέλιον* (не культивируемый, заброшенный виноградник⁵⁸). Т. е. речь идет о «заброшенном месте» или о чем-то нетронутом, не приведенном в порядок человеческим трудом. Переводить *Luscillo* как «колокол» или «колокольчик» мы считаем невозможным: у нас нет данных о колоколах в Византии к XIII в. Это слово могло бы быть латинской или итальянской транскрипцией греческого *σχολλῖς* — *χληματίς* («лоза») или *σχιλον* («кожа», «шкура», а также — «шпангоут»). Так как в данной графе идет речь о хозяйственных заведениях (типа мельниц и солеварен), то вряд ли имеется в виду виноградник; скорее предполагаются кожевенные мастерские (действующие и заброшенные) или верфи (где есть готовые суда и еще не оснащенные).

Вся следующая графа имеет отношение к рыбной ловле. Мы согласны с Успенским: следует читать вместо *oleo* — *Olco* — название местечка на лампсакском побережье⁵⁹, упомянутом Акрополитом⁶⁰. «Виварий Ольки» (*Ὀλκή*) — видимо, заводь, богатая рыбой. *Grippoi* или *gripparioi* — барки, одномачтовые, транспортные и рыбацкие^{60a}, *βόλος* — невод (как, впрочем, и *γρίπος*). Отсюда наше понимание — «барки с неводами».

⁵⁴ На это указывает и Успенский (указ. соч., стр. 302).

⁵⁵ *Tafel u. Thomas*, S. 208.

⁵⁶ *Ducas*. *Istoria turco-bizantina*, ed. V. Grecu. Bucharest, 1958, p. 123.15—21, 149.14—15.

⁵⁷ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 328.

⁵⁸ E. Schilbach. *Byzantinische Metrologie*. München, 1970, S. 85: τὸ brachliegende Weinland.

⁵⁹ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 329.

⁶⁰ *Georgii Acropolitae opera*, ed. A. Heinsenber, I. Lipsiae, 1903, p. 36, 12, cf. 37.4.

^{60a} См. V. Laurent. Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trebizonde Alexis IV, Jean IV et David II. — «*Ἀρχαῖον Πόντου*», 18, 1953, σελ. 261.121; С. П. Карпов. Трапезундская империя и государства Западной Европы. М., 1974 (рукопись кандид. дисс.), стр. XXXIV (Приложение № 1, прим. 147).

Lu uathi Успенский понимал также как название местности⁶¹. Но βάθος (транскрипция может быть неточной) — не только глубокие места (где можно было ловить рыбу), а также «уклюжина», «место причала лодки», «ряд весел».

Следующая графа описи вызывает особый интерес. Плинфа (или плефр) равна трем модиям⁶². Следовательно, речь идет о 360 модиях. Текст становится понятным только при допущении, что эти 120 плефров разбиты на 5 равноценных участков по 24 плефра (72 модия) в каждом. Эта земля принадлежит лампсакской городской общине. Три венецианских мужа берут ее у города в длительную аренду (анасарси)⁶³, уплачивая по 8 перперов за участок (всего 40 перперов). Однако они не сами эксплуатируют эту землю, а сдают ее в аренду, взимая с арендаторов по 14 перперов за участок (всего 70 перперов). Их чистая прибыль, таким образом, составляет 30 перперов, которые и имеются в виду⁶⁴. Кроме того, венецианцы держат еще один участок в 24 плинфы, получая от этого также чистый доход в 6 перперов (14—8).

Любопытно, что точно такую же цифру дохода (30 перперов за 360 модиев) мы получим и в соответствии с действовавшим в империи правилом, по которому за аренду 12 модиев земли взимали один золотой⁶⁵. Сомнение, однако, вызывает один факт. Аренда виноградников была обычно вдесятеро дороже аренды пахотной земли. Здесь же арендная плата представляется весьма низкой. Бралась она ежегодно. Следовательно, если бы земля сдавалась под виноградник (с условием его разбивки), то аренда неминуемо возросла бы впоследствии. В документе же на это — ни намека. Скорее всего, это земля, некогда бывшая под виноградниками, затем исчезнувшими, но удержавшая название «виноградников».

Примем толкование Успенским слова «форфакт» как плату за серьезные преступления⁶⁶. Какие «права» (iura) имеются в виду, сказать, к сожалению, невозможно. «Суды» (iustitiae), вероятно, соответствуют византийскому аерикону (судебный сбор).

Мы не согласны с пониманием Успенским термина agnelli (он исправляет на anguelli — «ягнята», «барашки» — в соответствии с латинским термином⁶⁷). Налог в 30 перперов за 154 овцы был бы несообразно высок (энномий брался в размере одного золотого со 100 овец): вряд ли все эти овцы вместе стоили 30 перперов даже в начале XIII в.⁶⁸ Мы предпочитаем усматривать здесь транскрипцию греческого ἀγέλας — «крупный скот», ибо сумма налога близка к норме энномия с крупных домашних животных (8,33% от их стоимости). Стадо в 154 головы, с которого взимали 30 перперов, должно было стоить около 360 золотых⁶⁹. Учитывая, что в нем были и молодые животные (стоившие меньше), естественно считать это стадо не овечьей отарой, а гуртом крупного скота. Подозрительно упоминание о «курах» некоего места Карласар. Любопытно, что документ от 1.VIII 1247 г., опубликованный Тафелем и Томасом, среди многих прочих подписал также некий Micha de Carlasar⁷⁰. Не искажено ли здесь в galine слово galea — «судно» (построенное в Карласаре)?

Далеко не все ясно и в графе о пристани⁷¹. Термин iuribus мы толкуем как перевод греческого δίκαια («угодья»). Т. е. речь может идти о пристани

⁶¹ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 330.

⁶² E. Schilbach. Op. cit., S. 30—31.

⁶³ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 325—327; от греч. ἀναλάψις.

⁶⁴ Успенский не говорит о том, как можно получить эту цифру.

⁶⁵ См. MM, t. IV, p. 85, MM, t. VI, p. 6 (согласно последнему акту, арендатор платил один золотой за участок в 10 модиев).

⁶⁶ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 332.

⁶⁷ Там же, стр. 333.

⁶⁸ Согласно документу XII в., крупная овца стоила $\frac{1}{6}$ золотого, мелкая — $\frac{1}{10}$ (E. Schilbach. Die byzantinische metrologische Quellen. München, 1970, S. 59).

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Tafel u. Thomas, S. 443.

⁷¹ Не читать ли fago (от греч. φάρος — «маяк») вместо fого?

с рынком, с причалами, складами и прочим («угодьями»), а также с ее пустошами, т. е. необорудованными местами.

Графу о «зевгаратной» и «воидатной» земле мы считаем самой трудной, несмотря на кажущуюся простоту текста. Успенский допускал здесь двойное понимание. Согласно первому, эта земля — «излишек» над теоретическими наделами зевгаратов и воидатов, которую они сдают в аренду безземельным (актимонам), а господа берут с зевгаратов и воидатов налог от дохода с морты (арендной платы). Согласно второму пониманию Успенского, новые господа отмежевали некультивируемые общинные земли и сами сдают их актимонам за морту (десятину), считая при этом более состоятельных арендаторов зевгаратами, менее состоятельных — воидатами ⁷².

Однако при таком уяснении текста возникает ряд трудно разрешимых вопросов. В документе дважды подчеркнуто, что земля стала «зевгаратной» и «воидатной» недавно («теперь»). Если бы новые господа в порядке аллиленгии распределили пустующие земли между зевгаратами и воидатами («соответственно своим трудам», т. е. их возможностям) и обязали платить за них налоги, то этот дополнительный налог с зевгаратов (261 перпер) превосходил бы налог с их собственных стасей (208 перперов). Если же сами зевгараты и воидаты сдавали бы эти земли в аренду, то они должны были бы взимать с арендаторов огромную сумму в 3—3,5 тысячи номисм (налог с денежного дохода, который взимали бы при этом с хозяев венецианцы, исчислялся по норме 8,33% от суммы дохода ⁷³). Наконец, если бы сами господа «выделили» эту землю себе и организовали на ней новые зевгаратные и воидатные стаси, посадив на них зависимых безземельных крестьян, то эти новые домохозяйства были бы также приплюсованы к общему числу жителей Лампсака.

Мы предложили бы несколько иную гипотезу. В предшествовавшее написанию документа время «разыскания и устройства» земли Лампсака была сделана новая опись имущества всего городского налогового округа. Пустующие земли были действительно (в качестве домена) переданы трем венецианцам («выделены себе») в соответствии с их «трудами» (т. е. заботами) в таком количестве и такой доле ⁷⁴, которая способна обеспечить доход в 261 перпер, если оценить часть земли с применением понятия «зевгаратное хозяйство», и 52 перпера, если оценить другую, меньшую часть земли с применением понятия «воидатное хозяйство».

Оценка подобного рода была необходима — нужно было знать доходность пустующих земель, если подвергнуть их эксплуатации. Доходность определена «в среднем», так как практически земля не распадалась на отдельные зевгаратные и воидатные стаси, которые можно было бы оценить индивидуально.

Эксплуатировали эти земли венецианцы, по нашему предположению, с помощью наемных работников — мистиев (об этом — ниже).

Предпоследняя графа описи осталась совершенно не понятой Успенским: он считал, что в ней идет речь о сборе пошлин за торговые связи Лампсака с городами Фракии и, возможно, иных районов Балканского полуострова ⁷⁵. Уже А. П. Каждан в 1952 г. отметил, что *La dimodeo*, исправляемое Успенским на *Dimotico* (город во Фракии), означает изредка встречающуюся в византийских документах подать *dimodaton* (существо ее остается неясным) ⁷⁶. Мы считаем, что вся эта графа касается налогов с плодовых деревьев.

Чрезвычайно интересна последняя графа описи. При определении размеров оработочных повинностей населения чиновники константино-

⁷² Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 306—321.

⁷³ E. Schilbach. Die byzantinische metrologische. Quellen, S. 59.

⁷⁴ Слово *morte* отнюдь не обязательно понимать как «десятину».

⁷⁵ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 334—335.

⁷⁶ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 121.

польского байло узнали от жителей, что при старых господах зевгараты и воидаты уплачивали (или выполняли) всего по 7 ангариев с каждого в течение года и что им были неведомы так называемые «ангарии кастелла» (видимо, западные рыцари имели здесь в виду отработки в замке господина).

Если в большинстве других граф описи начисление налогов произведено в целом в соответствии с византийскими нормами, то в данной графе эти нормы резко нарушены: отработки увеличены почти в семь раз. Чиновник заявил, что воидаты и зевгараты имеют возможность платить за 48 ангариев каждый, а активомны — за 24 ангарии. При этом 48 ангариев зевгарата (или воидата) оценены в 4 перпера, а 24 ангарии активомона — в 1 перпер, т. е. вдвое дешевле. (Это соотношение можно, по нашему мнению, понять, допустив, что и зевгарат и воидат — до коммутации отработок — трудились с одним животным, а активомон являлся на работу с голыми руками или несложными орудиями.)

Трудно сказать, в какой мере эти «идеальные» расчеты соответствовали реальной действительности. Но значение приведенных цифр тем не менее трудно переоценить — они говорят об исходных позициях казначейства при определении ценности крестьянского труда. Рабочий день воидата оценен в 24 фолла (2 миллиарисия), рабочий день активомона — в 12 фоллов. А 310 перперов, в которые оценены все ангарии крестьян, признаны равноценными либо 3720 дням дарового труда воидатов, либо 7440 дням труда активомонов.

Нам представляется неслучайным почти полное совпадение двух цифр описи: стоимости ангарий (310 перперов) и доходов от эксплуатации «зевгаратной» и «воидатной» земли (313 перперов). Мы предполагаем, что взимаемая в повышенном размере с крестьян плата в счет ангариев как раз и должна была покрыть расходы господ на оплату наемного труда мистиев, который — при использовании ими господских орудий и тягловых животных — приносил вдвое больший доход (сравнительно с наемной суммой).

Если наша гипотеза правдоподобна, то для того, чтобы получать с земли домена доход в 313 перперов, господа должны были в течение года пользоваться трудом 25—26 мистиев (мы считаем при этом в году 290—300 рабочих дней).

Помимо 4 перперов в качестве ангариев, каждый воидат уплачивал около 5 перперов налога (251 перпер с 52 воидатов). Но если 4 перпера признаны равноценными его 48 рабочим дням, то 9 перперов = 108 дням. Норма эксплуатации крестьян в Лампсаке при венецианцах достигала, таким образом, 36% всего их рабочего времени.

Успенский делил графы описи на «сельские» и «городские», обращая внимание на решительное преобладание «сельских» платежей⁷⁷. Мы склонны выделить еще третью группу — общих для крестьян и горожан платежей, которые, видимо, распределялись между теми и другими — в среднем, в соответствии с количеством дворов того и другого рода. Это — судейские поборы, димоден, сборы с кур и с плодовых деревьев (всего 86 перперов).

Всего в Лампсаке было 173 домохозяйства: 60 городских и 113 крестьянских, т. е. из этой суммы в 86 перперов на горожан приходилось 30, а на крестьян — 56 перперов.

Собственно деревенские (крестьянские) прочие графы описи дают 1219 перперов 6 каратов; собственно городские — 366 перперов, а с учетом «общих»: первые — 1271 перпер 6 каратов, вторые — примерно 400 перперов.

«Городские платежи», таким образом, составляют только около 24% всех платежей, т. е. менее их четверти, тогда как дворов собственно горожан было в Лампсаке 34%.

⁷⁷ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 324.

Если судить по начальным графам описи, то горожане, уплачивающие всего 51 перпер и 6 каратов, представляются беднейшей частью населения Лампсака: они платят по 0,852 перпера с двора, тогда как активные (неимущие, но трудоспособные) платят по 2,7 перпера, а апоры (вдовы, сироты, убогие) — по 1 перперу.

Однако 51 перпер и 6 каратов взимались, несомненно, лишь с домашнего хозяйства горожан (огород, сад, животные, куры и т. п.). Опись упоминает мельницы, солеварни, суда, неводы и т. п. объекты обложения, собственниками которых следует признать тех же горожан. Это подтверждается и тем, что на 60 дворов горожан приходится сумма в 400 перперов от обложения городских статей дохода, т. е. в среднем по 6,6 перпера с горожанина.

Порядок сбора крестьянских налогов, видимо, мало отличался от того, каким он был до завоевания крестоносцев. Хотя опись суммарна, мы знаем, что налог с представителей каждой из четырех сельских категорий жителей взимался индивидуально. Так же индивидуально взимались налоги с домашнего хозяйства горожан и с их мельниц, судов, лодок, солеварен. Однако ряд платежей — с рыбных угодий, с пристани, с рынка — взимался, видимо, с каких-то организаций горожан (рыбаков, торговцев) — раскладку этих платежей они могли производить сами, без участия чиновника.

Рыбная ловля и выпарка соли — единственные виды промыслов горожан Лампсака, которые позволяют констатировать опись. К податям, связанным с ловлей рыбы, можно отнести из собственно городских статей обложения до 230 перперов. Принимая 6,6 перпера за среднюю величину налога с горожанина, следует допустить, что этим промыслом занимались до 35 домохозяев города (более 20% самостоятельного мужского населения). Даже если рыбаки имели лишь мелкие суда и лодки, городской рынок вряд ли мог поглотить всю добывавшуюся ими рыбу.

То же самое, по нашему мнению, следует сказать и о продукции 16 солеварен. При суточном потреблении человеком в южных широтах соли в 25 г. дневной ее расход в городе не превышал, по всей вероятности, 25—30 кг. И соль, и соленая рыба были, несомненно, важной статьей лампсакского вывоза.

Конечно, строительство судов и лодок, плетение сетей и неводов, изготовление иного мореходного и рыбацкого инвентаря предполагает наличие в Лампсакe деревообрабатывающего, прядильного, кузнечного ремесел. Но об этом остается только гадать ⁷⁸.

Наше предположение о внешнеторговых связях Лампсака можно подкрепить еще одним соображением. Крестьяне Лампсака должны были ежегодно выручать на городском рынке до 1270 перперов только для уплаты налогов. Горожанам для этого было достаточно 400 перперов, однако если денежные расходы крестьян были минимальными, то расходы горожан на продукты сельского хозяйства должны были в несколько раз превосходить сумму платимых ими налогов. Мало вероятно, чтобы все эти деньги горожане получали у местных крестьян в обмен на свои товары. Следует учитывать и то, что 1670 перперов у жителей Лампсака изымалось каждый год, и лишь незначительная часть этой суммы возвращалась господами на местный рынок (1000 перперов они, во всяком случае, отправляли ежегодно в Константинополь).

Таким образом, какие-то значительные суммы должны были в течение года притекать на лампсакский рынок извне.

Мы считаем, что в описи названы далеко не все доходы горожан, как и не все их платежи в казну. Лампсак издревле был наиболее удобным

⁷⁸ По свидетельствам восточных авторов XIII в., из Лампсака вывозили также гончарные изделия (*Sp. Vryonis, Jr. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Fifteen Century. London, 1971, p. 13, n. 60*).

местом переправы через Геллеспонт (в Галлиполи и обратно). Перевозом промышляли жители обоих этих городов ⁷⁹. Город лежал на оживленной торговой магистрали. По словам Феофана, судов было множество во всех городах Геллеспонта ⁸⁰. Сп. Врионис считает Лампсак XI—XIII вв. процветающим городом и приписывает его процветание именно торговым связям ⁸¹.

Значительные доходы горожан от торговли и пошлин с них не упомянуты в описи, на наш взгляд, только потому, что право казны на сбор пошлин с внешнеторговых сделок не было передано трем венецианцам. Так и в Константинополе пошлины были в ведении особой администрации, не подвластной столичному эпарху ⁸². Так, видимо, обстояло дело и при византийских властях на Геллеспонте, где издревле находились важнейшие таможи ⁸³.

Перейдем теперь ко второму документу. Три венецианца владели, видимо, Лампсаком какое-то время до 1218 г., может быть — с момента взятия города венецианцами весной 1204 г. Затем по воле дожа была произведена новая опись имуществ в Лампсаке, определена налоговая сумма, которую бенефициарии получили право собирать с жителей. Порядок службы этих лиц (скорее всего — военной, ибо Лампсак лежал близ границ с Никейской империей) остался прежним, как, вероятно, и размеры доходов. Однако теперь более детально были обозначены сроки выплаты ими налоговых сумм в казну и размеры этих сумм, равных в совокупности 1000 перперов.

Степень прав трех мужей на Лампсак не обозначена. Дважды употребленный термин «собственность» (*propritis*, *proprigum*) указывает на отношение к доходным объектам не венецианцев, а жителей Лампсака. Права каждого из трех владельцев города, видимо, равны, как и их обязанности. Их чистый доход, с которого они несли службу, определен в 470 перперов. Но из первого документа мы знаем более точную цифру — 471 перпер 6 каратов. Т. е., на каждого приходилось по 157 перперов 2 карата.

Успенский называл трех венецианцев «прониарами» ⁸⁴. Но данных для уподобления характера их держания византийской пронии недостаточно, хотя несомненно — перед нами условное владение, заключающееся в передаче права сбора государственных налогов с точно указанной территории и права (в качестве награды за службу) отчислять в свою пользу определенный процент (здесь 40,15%) собранных налоговых сумм.

Три владельца Лампсака вряд ли были рядовыми рыцарями. Доход одного можно приравнять к налоговой квоте с 16 зевгаратов, или, если учесть указанное в первом документе соотношение бедных средних и богатых дворов, — с деревни из 33 дворов (в которой 6 зевгаратных хозяйств, 15 воидатных, 5 актимонских и 7 апорских). Рядовой лен рыцаря оценивался в Романии в 300 анжуйских ливров ⁸⁵. К сожалению, мы не знаем соотношения ливра с перпером в это время. Важно, впрочем, что двое из бенефициариев носят фамилию Квиринов — весьма знатного рода в это время, подписи представителей которого весьма часты в официальных актах.

⁷⁹ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*, ed. H. J. Jenkins, Gy. Moravcsik. Budapestini, 1949, p. 92, 116—119; *Georg. Acrop.*, I, p. 46.5—7, 50.12—13, 124.1—3, 125.14—19; *Ducas*, p. 39.19—20, 65. 18—19, 147.20, 213.3, 24—25, 223. 28—29 etc.

⁸⁰ *Theophanes. Chronographia*. Lipsiae, 1883, p. 385.

⁸¹ *Sp. Vryonis, Jr. Op. cit.*, p. 12—13, n. 60. Среди вывозившихся из Лампсака товаров он называет зерно и шелк.

⁸² *Jus*, III, p. 305—306.

⁸³ *H. Antoniadis-Bibicou. Recherches sur la douane à Byzance*. Paris, 1963, p. 212.

⁸⁴ *Ф. И. Успенский. Указ. соч.*, стр. 292.

⁸⁵ *Н. П. Соколов. Образование Венецианской колониальной империи*. Саратов, 1963, стр. 398.

В заключение отметим, что в целом опись Лампсака составлена в соответствии с византийской налоговой системой — в ней есть две прямые ссылки на византийские «практики» (описи имущества налогоплательщиков), а именно, что размеры налогов оставлены такими же, какими они были определены в практиках. Завоеватели не отказались ни от одной статьи дохода имперской казны, но они резко повысили поборы в счет отработок: для зевгаратов в силу этого общий уровень эксплуатации повысился на 40%, а для воидатов (наиболее многочисленной категории крестьян) — на 80%. Неудивительно поэтому, что жители Лампсака принимали активное участие в военных действиях Иоанна Ватаца против латинян ⁸⁶.

Сохранили, видимо, венецианцы и те основные сроки сбора налогов, которые существовали в Византии. Согласно «Пире», новый налоговый год начинался с 1 октября; сентябрь (завершение сбора урожая плодов всех видов) был последним месяцем, в котором налогоплательщик должен был погасить свои обязательства перед казной за год, истекший 31 августа ⁸⁷. Именно поэтому, на наш взгляд, в летний период — от пасхи до сентября (включая его) — три венецианских мужа должны были в казну наиболее крупную сумму (400 перперов). Вторым сроком уплаты налога в Византии был март ⁸⁸. И венецианцы должны были примерно в тот же срок (к пасхе) внести в казначейство байло еще 300 перперов. О третьем сроке каких-либо податных взносов в Византии (к рождеству) источники не упоминают; вполне вероятно, это было новшество, введенное западными завоевателями. Однако не исключено, что этот срок имел определенное значение в отношениях байло с владельцами Лампсака и не играл никакой роли в их отношениях с самими налогоплательщиками.

Выше мы упоминали о том, что 60 дворов «горожан» в собственном смысле слова составляют лишь 34% дворов Лампсака. Прочие 113 дворов (66%) можно с полным правом охарактеризовать как крестьянские. Крестьянские дворы, следовательно, почти вдвое преобладали над домохозяйствами, для обитателей которых земледелие не было главным источником существования. Мало того, и горожане и крестьяне, жившие в пределах одного населенного пункта, составляли не только единый налоговый округ, но и общину, владевшую неподделенными земельными угодьями (эти угодья арендовали у общины новые владельцы Лампсака — венецианцы, часть этих угодьев на берегу считалась также доходной, хотя и не была оборудована под причалы) ⁸⁹.

И тем не менее Лампсак — несомненно город. Хотя мы в сущности ничего не узнали о масштабах ремесленного производства в Лампсаке, определить его как город позволяет уже одно то, что он играл существенную роль в местном торговом обмене. На рынке Лампсака реализовалась товарная сельскохозяйственная продукция не только его жителей-крестьян, но — бесспорно — и земледельцев окружающих город деревень. Треть населения Лампсака должна была покупать на городском рынке основную массу продуктов питания. Безусловно, Лампсак, как и прочие средние и мелкие города империи, испытывал периодические пароксизмы — «припадки» повышенной торговой деятельности весной, когда начинался сбор налогов, и в августе-сентябре, когда взималась их основная масса. Весенне-летняя жажда денег у всех домохозяев города и соседних сел связана была с наиболее оживленным периодом внешнеторговых сделок, обусловленным наиболее благоприятными погодными условиями для мореходства. Однако более важным мы считаем то обстоятельство, что лампсакский рынок не мог не функционировать постоянно

⁸⁶ Georg. Acrop., p. 47. 20—21.

⁸⁷ Jus, I, cap. XXIV, 14, p. 94; cap. XIII, 3, p. 201.

⁸⁸ Jus, III, p. 99.

⁸⁹ О продаже городом своей общественной земли как о заурядном явлении упоминается и в «Пире» («Если ты купил у города поле...» — Jus, I, cap. XXII, 3, p. 82).

в течение года. Без этого значительная часть жителей города не могла существовать.

Мы считаем Лампсак типичным приморским городом Византии конца XII—начала XIII в., структура которого, однако, сложилась несколькими столетиями раньше и вряд ли претерпела существенные перемены к 1218 г. Это наиболее распространенный в империи тип приморских городов, которые В. Грохова определяет как «центры земледельческой округи» с постоянно функционирующим рынком, где совершается организованный обмен городской и сельской продукции и где в какой-то мере ведется торг привозными товарами и продаются на вывоз местные товары. В. Грохова называет такие населенные пункты городами «в точном значении слова» (тип 3—а) ⁹⁰.

При определении населенного пункта в качестве города не последнее значение, видимо, имеет и вопрос о числе его жителей. К сожалению, мы не знаем историю Лампсака в X—XII вв., чтобы уверенно говорить о том, состояние упадка или, напротив, подъема он переживал в момент составления исследуемых документов. Значительные пространства пустующих земель (и как будто заброшенные виноградники) свидетельствуют, кажется, о том, что крестоносное завоевание сопровождалось сокращением населения Лампсака. Однако в тех же документах говорится об активном процессе разработки этих земель арендаторами, что как будто предполагает приток в город и его окрестности новых поселенцев. Сп. Врионис пишет о том, что серьезный кризис, вызванный турецким наступлением, поразил города Геллеспонта только в 80-х годах XIII в. ⁹¹

Однако для того, чтобы отчетливее представить размеры Лампсака среди других городов империи, нам кажется уместным привести забытую анонимную заметку, сохранившуюся в рукописи Cod. Urbin 151 (Ватикан, XV в.). В заметке сказано, что окружность стен Константинополя составляет 18 тысяч «мужских шагов», окружность стен Фессалоники — 6 тысяч, Веррии — 2150, а Андрианополя — всего 1600 шагов. Посему, сказано в заметке далее, «сведующие в геометрии» заключили бы, что Константинополь больше Фессалоники в 9 раз, Фессалоника больше Веррии примерно в 8 раз, а Веррия больше Андрианополя — приблизительно вдвое ⁹².

Автор заметки высчитывал площади названных городов в соответствии с иногда применявшимся в Византии методом деления периметра на 4 (нахождение стороны воображаемого квадрата). По-своему подсчеты он сделал совершенно точно, пренебрегая, однако, тем, что Константинополь, например, представляет собою в плане треугольник.

Учитывая тот факт, что длина константинопольских стен равна примерно 16 километрам ⁹³, следует признать «мужской шаг» заметки не римским двойным шагом ⁹⁴, а особым, «измерительным», равным приблизительно 90 см. Следовательно, периметр Андрианополя не превышал 1424 м, а одна из его четырех сторон — 356 м. Площадь же города — по названному выше методу — можно определить в 126 740 м², т. е. она составляла чуть более 1/8 км².

Сравним для начала Андрианополя с Херсоном, хорошо исследованным советскими археологами византийским городом, переставшим существовать как населенный пункт в XIV в. А. Л. Якобсон определяет его площадь в 339 тыс. м², число же его жителей в X в. — в 6—7 тыс. человек, а в XII—XIII вв. — в 5—6 тыс. ⁹⁵ Следовательно, на-

⁹⁰ V. Hrochová. Op. cit., p. 96.

⁹¹ Sp. Vryonis. Jr. Op. cit., p. 254.

⁹² «Νέος Ἑλληνογρονήμων», I, 1904, σελ. 243.

⁹³ Джелаль Эссад. Константинополь. М., 1919, стр. 88.

⁹⁴ См. E. Schilbach. Byzantinische Metrologie, S. 22—23.

⁹⁵ А. Л. Якобсон. О численности населения средневекового Херсонеса. — ВВ, XIX, 1961, стр. 154—161.

селение Андрианополя можно было определить в 1870—2660 чел. (в 2,67 раза меньше, чем в Херсоне).

Однако мы сделали бы одно замечание к этим цифрам (разумеется, весьма относительным). А. Л. Якобсон исходит из того, что в одном жилище помещении проживало 7—8 человек. Нам эта цифра представляется завышенной, ее не оправдывают и те статистические данные, которые ученый приводит в своей статье. Хиландарские практики, дающие массовый материал о численности византийских семей, позволяют определить среднюю цифру в 4—5 человек ⁹⁶. Конечно, в стиснутом стенами городе возможности расселения членов семьи при подрастании ее молодых представителей были гораздо меньшими, чем в деревне. И тем не менее мы сочли бы более подходящей цифру не 7—8 человек на одно городское помещение, а 5—6.

Итак, в соответствии с этой поправкой число жителей Херсона в XII—XIII вв. мы определили бы в 3600—4300 человек, а Андрианополя — в 1350—1600. Иначе говоря, в Андрианополе было, видимо, не более 260—320 домов. Таким образом, этот значительный византийский город превосходил Лампсак едва лишь вдвое. В 173 домах Лампсака обитало, скорее всего, приблизительно 850—1000 жителей. И приведенное сравнение дает, как нам кажется, право считать Лампсак не маленьким городком, а городом средней величины.

Можно смело предполагать, что и по численности своего населения, и по внутренней структуре многие другие приморские города в бассейне Эгейского моря в XII—XIII вв. мало отличались от Лампсака.

---

⁹⁶ См. К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии. XIV—XV вв. М., 1968, стр. 264—299.

Е. П. НАУМОВ

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОЙ ДАЛМАЦИИ
И ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ЕЕ С ВИЗАНТИЕЙ

(конец XII — середина XIV в.)

Изучение истории экономического развития в средние века, без сомнения, представляет одну из важнейших задач исследователей Византии и феодальных южнославянских государств. Разработка данной проблематики способствует углублению наших представлений об основных отраслях и линиях развития хозяйства в разных регионах Юго-Восточной Европы, уточнению уже имеющихся сведений о торговых связях той поры, о степени товарности отдельных отраслей и т. д. По нашему мнению, в плане таких исследований экономической истории Византии и входивших (в тот или иной период) в ее состав различных районов Балканского полуострова немаловажное место принадлежит южной Далмации.

Это обусловлено не только тем, что она вплоть до начала 80-х годов XII в. входила в состав византийских провинций. Особенности географического положения и предшествующего социально-экономического развития городов и городских округов ее (Котора, Будвы, Улция и др.) подразумевали и достаточно активные торговые связи южной Далмации с Византией¹, сохранявшиеся и после включения всего Зетского и Хумского приморья (т. е. южной Далмации) в состав Сербской державы Неманичей. Между тем, несмотря на неоднократные упоминания о таких прочных связях Византии и Далмации (в частности о вывозе зерна из Македонии, Эпира и Албании в Дубровник, Котор и другие города), в литературе все же остаются почти полностью неизученными вопросы экономической истории той поры, в особенности истории аграрного развития данных местностей бывшей византийской Далмации (а следовательно, и причины вывоза зерна и прочих продуктов питания). Естественно, эти вопросы аграрной истории южной Далмации в конце XII — середине XIV в. приобретают особый интерес также и в связи с проблемой развития основных отраслей сельского хозяйства в масштабах всего Сербского государства².

Следует отметить, что, ставя перед собой задачу дать характеристику основных отраслей сельского хозяйства южной Далмации и, насколько

¹ См., например: «Историја Црне Горе», кн. 2, т. 1. Титоград, 1970, стр. 33; ср. Б. Крекић. Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956, стр. 61 и сл.; Б. Храбак. Извоз житарица из грчких области у XIII, XIV и XV столећу. — «Историјски часопис», кн. XVIII, 1971, стр. 215—253; см. также: Б. Храбак. Privreda Albanije u XIV i XV veku. — «Simpozijum o Skenderbegu». Priština, 1969, str. 67—75.

² Ср. в наших статьях «Пути и тенденции экономического развития Сербии в XIII—XIV вв.» — «Советское славяноведение», 1970, № 3; «Средневековые источники о развитии производительных сил на Балканах». — «Славяно-балканские исследования». М., 1972. К сожалению, в югославской литературе эти вопросы еще мало разработаны; см.: «Историја Црне Горе», кн. 2, т. 1; ср. также: «Историја народа Југославије», т. 1. Београд, 1953; «Преглед историје југословенских народа», т. 1. Београд, 1960; Н. Вучо. Привредна историја Србије до првог светског рата. Београд, 1955. М. Благојевић, Земљорадња у средњовековној Србији. Београд, 1973.

возможно, наметить главные тенденции аграрного развития и (естественно, в соответствующей мере) внешнеторгового обмена, мы располагаем довольно широким и разнообразным кругом источников (статуты и частно-правовые акты городских общин, сербские грамоты и т. п.). Их сведения, пусть нередко фрагментарные, разработанные, дают большей частью надежный и интересный материал, хотя, разумеется, степень их подробности и многочисленность вовсе не одинаковы на протяжении всего рассматриваемого нами периода.

Так, в частности, хуже всего освещен историческими источниками весьма бурный в политической истории южной Далмации конец XII в. Если даже о важнейших политических изменениях той поры мы нередко можем судить лишь по фрагментным материалам, то тем более случайными оказываются отдельные свидетельства о хозяйстве данного района. На основе этих сведений (в сопоставлении с материалами XIII и первой половины XIV вв.) мы можем предполагать, что здесь было развито земледелие, дополнением которого служили скотоводство и рыболовство, что интенсивные культуры (виноград и маслины), имевшие античную традицию, занимали важное место в занятиях местного населения. В то же время можно допустить, что в ту пору южная Далмация переживала экономический застой, а признаки известного подъема и оживления намечаются только в 80-х годах XII в., в связи с присоединением Приморья к государству Неманичей и тем самым — ликвидацией разобщенности и отрыва городов Приморья от их естественного хинтерланда, в результате возобновления торговли с Зетой и Сербией.

Весьма любопытно в этой связи сравнить два источника второй половины XII в. В известном сочинении арабского географа Идриси (1153) перечислены основные города Далмации — Ульцин, Бар, Котор, Дубровник, Стол, Сплит и др.³ Однако показательно, что ни об одном из них Идриси не говорит в таких хвалебных тонах, с таким восхищением богатством их окрестностей, как это он делает, например, применительно к Охриду, Скопье, Нишу, Струмице, Зихне и пр.⁴ По нашему мнению, было бы опрометчиво такое резкое различие в описаниях Идриси относить лишь за счет нехватки у него сведений о приморских районах; скорее всего, сочинение Идриси отразило явную экономическую стагнацию южной Далмации, о которой мы можем судить и на основании одного византийского памятника.

Мы имеем в виду весьма важное указание Евстафия Солунского о вывозе хлеба из Византии (в конце XII в.) в Италию, Сицилию, а также в другие районы Адриатики — «вплоть до Иллирика»⁵. В данном случае, вероятно, допустимо предположение, что Евстафий Солунский подразумевал вывоз зерна из Византии в южную Далмацию, а также, видимо, во внутренние районы Зеты и даже пограничные пределы Сербии (Рашки). Объединение всех этих земель под эгидой сербского великого жупана Стефана Немани, по всей видимости, оказало уже в 80-х годах XII в. определенное влияние на торговые связи разных областей, на их специализацию (т. е. — применительно к южной Далмации — на роль и значимость местного виноградарства и виноделия).

Об этом, как нам кажется, позволяют судить свидетельства широко известных источников конца XII в., которые до сих пор вовсе не использовались в плане экономической истории той эпохи. Речь идет, в частности, о рассказах немецких летописцев III крестового похода, описавших встречу сербских правителей, Стефана Немани и его брата Страцимира, с Фридрихом I Барбароссой в Нише (в 1189 г.). Как известно,

³ Б. Недков. България и съседните ѝ земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960, стр. 35.

⁴ Там же, стр. 37—43, 71.

⁵ См. А. П. Каждан. Братя Айофеодориты при дворе Мануила Комнина. — ЗРВИ, кн. 9, 1966, стр. 91—92.

сербские правители тогда предложили императору «в великолепном изобилии вино, ячмень или муку, овец и быков», а его приближенных одарили «вином, быками и овцами»⁶. Не вызывает сомнений, что щедрое предоставление провианта и вина сербскими правителями говорило о больших *местных* ресурсах; и если правители Сербии могли получить большие стада скота прежде всего из Рашки (общеизвестна ее характеристика в сочинении Гийома Тирского), то местное вино было доставлено, скорее всего, из подвластной Стефану Немане южной Далмации, где тогда виноградарство и виноделие были все же более развиты, нежели в южной Сербии и Поморавье, служивших тогда ареной частых войн Сербии и Венгрии с Византийской империей.

Такой вывод, на наш взгляд, находит свое подтверждение в древнейшем из сохранившихся постановлений которской общины, которое относится к периоду непосредственно после присоединения Котора Стефаном Неманей. Несмотря на всю случайность и отрывочность этого свидетельства, весьма примечательно, что уже первое из известных нам решений коммуны Котора (январь 1186 г.) позволяет судить в известной мере не только о роли виноградарства и виноделия в южной Далмации той поры.

Как известно, это постановление посвящено, казалось бы, на первый взгляд, не слишком важному вопросу: оно запрещает продажу которскими «сервами» (т. е. зависимыми крестьянами или слугами горожан) кольев для виноградников; здесь подразумевается возможность кражи этих кольев «сервами» и продажи их другим виноградарям⁷. К сожалению, в исторической литературе до сих пор не уделялось должного внимания этому свидетельству, которое использовалось обычно лишь для указания на время присоединения Котора Неманей или на назначение в этот город специального сербского чиновника (в данном случае — сотник Юра). В книге акад. И. Синдика о коммунальном устройстве средневекового Котора, где затрагивается вопрос о роли сельского хозяйства (в том числе виноградарства) в экономике города и округа, это постановление 1186 г. совсем не упоминается⁸.

Между тем важность данного свидетельства для изучения аграрной динамики южной Далмации той эпохи, по нашему мнению, трудно переоценить. Не вызывает сомнения тот факт, что повышенный спрос на колья для виноградников должен был иметь своим следствием и зафиксированные в этом постановлении случаи кражи нужных лесоматериалов, равно как необходимость регламентации продажи леса и специальных ручательств хозяев за своих «сервов». Иными словами, мы должны предположить, что уже вскоре после присоединения Котора Неманей в этих районах Адриатического побережья начинается подъем виноградарства и виноделия, который выразился, как можно судить, в разбивке новых виноградников, в обновлении старых; это требовало, естественно, дополнительных затрат и работ по изготовлению и установке кольев для укрепления виноградных лоз.

Все же, как думается, наметившийся подъем виноградарства и всей экономики южной Далмации в тот период вовсе не был продолжительным и постоянным; по всей видимости, последовавшая за этим длительная борьба двух центров сербской государственности, т. е. Рашки и Дуклян-

⁶ См. *К. Лиречек*. Историја Срба, т. I. Београд, 1952, стр. 156 (ср. пер. В. Г. Васильевского: «Славянский сборник», II. СПб., 1877, стр. 287). Об этих источниках см. также: *М. А. Заборов*. Современники-хронисты и историки крестовых походов. — ВВ, т. XXVI, 1965, стр. 142—143.

⁷ *С. Новаковић*. Законски споменици српских држава средњег века. Београд, 1912 (далее — Зак. сп.), стр. 22; ср. «Зборник Константина Лиречека», т. II. Београд, 1962, стр. 99, 103.

⁸ *И. Синдик*. Комунално уређење Котора од друге половине XII до почетка XV столећа. Београд, 1950, стр. 57, 60—61.

ского королевства (в конце XII и начале XIII в.), вновь привела к заметному упадку и экономическому ослаблению Дукли, которая окончательно была включена в состав единого Сербского государства в середине второго десятилетия XIII в. К сожалению, мы не располагаем для этого периода современными свидетельствами; сохранилось, правда, в передаче позднейшей традиции сообщение о страшном опустошении сербских земель и сильном голоде во время междоусобных распрей братьев Неманичей — великого жупана Стефана I и дуклянского короля Вукана⁹.

В соответствии с этим мы можем предположить, что развитие сельского хозяйства в южной Далмации возобновляется на исходе первой трети XIII в., но и в тот период оно еще было весьма медленным ввиду слабости экономических связей отдельных частей державы Неманичей, значительной замкнутости и стремления к хозяйственной автаркии, равно как и преимущественной ориентации южнодалматинских городов на рынки соседних местностей Адриатического и Ионического побережий. Весьма вероятно, что вплоть до конца XIII в., когда в самой Сербии происходит заметный подъем городов, местной торговли и сельскохозяйственного производства, южнодалматинские города были более связаны с другими центрами Далмации, Италии и Византии (Эпира, Албании), находясь в зависимости от импорта зерна и других продуктов питания из этих «чужих» (т. е. не входивших в состав державы Неманичей) регионов Средиземноморья.

Поэтому, располагая лишь отрывочными сведениями о хозяйстве Котора и соседних городов той поры (например, нам известно о подтверждении прав которан на их «сады и виноградники» дуклянским королем Георгием в 1215 г.)¹⁰, мы должны использовать имеющиеся материалы о сельском хозяйстве других районов Адриатического побережья Сербского королевства, которые относятся к середине и к концу XIII в. Это позволит нам не только лучше представить себе общую картину экономического состояния всех приморских владений Неманичей в XIII в., но и попытаться выяснить определенные различия, локальную специфику городских округов и их хинтерланда. Любопытно, что даже немногочисленные сербские грамоты XIII в. проливают свет на соотношение отраслей сельского хозяйства во внутренней Зете и Захумье, т. е. в непосредственном соседстве с упомянутыми южнодалматинскими городами.

Так, во внутренних районах Зеты и Захумья тогда большое значение в феодальном хозяйстве имело скотоводство и пчеловодство, а в некоторых, более плодородных и равнинных местностях — также земледелие. В частности, среди владений Жичского монастыря (по грамотам, изданным в конце первой четверти XIII в.) упоминаются «планины», т. е. горные пастбища, находившиеся севернее Никшича¹¹. Стефан Неманя, основав Хиландарский монастырь, даровал ему в конце XII в. «планину» Богачу, 170 скотоводов-влахов и «в Зете кобыл»¹². Точно так же получил зависимость влахов и основанный в середине XIII в. зетский монастырь Морача¹³.

Несколько более подробные сведения о хозяйстве этих зетских и сербских монастырей в XIII в. мы можем извлечь из сохранившихся грамот монастыря св. Николая Вранинского (на о. Вранина в Скадарском озере). Мы знаем, например, о пожалованных сербской королевой Еленой (около 1280 г.) и королем Урошем II Милутином (около 1282—1296 гг.) этому монастырю «пастбищах зимних и летних», о скотоводах-албанцах и конюхах;

⁹ К. Јиречек. Историја. . . , т. I, стр. 165 (со ссылкой на сообщение сербских агиографов (Доментиана и Феодосия о междоусобных войнах начала XIII в.).

¹⁰ Зак. сп., стр. 24.

¹¹ Зак. сп., стр. 572; Г. Шкриванић. Жичко епархиско властелинство. — «Историски часопис», кн. IV, 1954, стр. 163.

¹² Зак. сп., стр. 384—385.

¹³ «Зборник Константина Јиречека», т. I. Београд, 1959, стр. 195.

нам известно и о передаче «улияника» (пасеки) в Крушевице, близ Скадарского озера, и планины — в этой же части Нижней Зеты¹⁴.

Примечателен и тот факт, что Вранинский монастырь тогда не имел и не получил из королевских имений ни одного виноградника даже в богатой и пригодной для земледелия (особенно для виноградной лозы) Црмнице — районе близ Скадарского озера. Более того, пахотные земли обители («теговища») севернее озера (в Плавнице) названы лишь в сомнительной грамоте Саввы (1233), где прямо сказано об отсутствии в то время у данного монастыря земледельческих угодий¹⁵.

По всей видимости, в приморских местностях Зеты и Захумья, в окрестностях южнодалматинских городов уже в ту пору было немало виноградников, садов и масличных посадок (о чем можно судить по договору 1279 г., о котором мы скажем ниже, и материалам начала XIV в.); однако и в конце XIII в., несмотря на некоторое развитие сельского хозяйства южной Далмации, в том числе виноградарства, приморские области Сербского государства, как и Рашка, оставались важным рынком сбыта зерна и масла, привозимого из других регионов Адриатики и Средиземноморья (Италии, Албании, Византии). Известно, например, о ввозе зерна из Апулии в приморские города Зеты в конце XIII в., притом иногда в больших количествах (к примеру, по I тыс. салм зерна сряду, т. е. по 170—190 т.)¹⁶. Совсем иначе обстоит дело с развитием виноградарства и виноделия в южной Далмации, поскольку ввиду большого спроса на вино в Сербии южнодалматинские города и Дубровник уже старались обезопасить себя от конкуренции «иноземного вина» — видимо, прежде всего итальянского; об этом стремлении получить наибольшие доходы от собственных виноградников, от ввоза вина, меда в Рашку (через Брсково) мы узнаем из договора Дубровника с Котором от 5 июня 1279 г.

Так, в результате соглашения этих городов было решено, «что рагужане могут везти вино из их собственных виноградников в Брсково, как и которане, без всякого препятствия, и что как рагужане, так и которане не могут везти иноземное вино в Брсково каким-либо образом». Аналогичное постановление в договоре касается и ввоза в Брсково меда рагужанами и которанами, причем указывается, что мед также должен быть местного происхождения, т. е. из Дубровника, Котора, Хума, Зеты и «всего Приморья»¹⁷.

Иными словами, мы можем судить об известном экономическом подъеме южной Далмации в конце XIII в., который определялся прежде всего развитием товарных отраслей сельского хозяйства (виноградарства, садоводства, пчеловодства), которые имели постоянный и весьма обширный рынок сбыта во внутренних областях Сербии.

Без сомнения, в данной связи можно напомнить о стараниях дубровчан постоянно расширять свои владения вокруг города, о том, что они постепенно разбивали все новые и новые виноградники и нивы на пограничных сербских землях, несмотря на протесты сербских королей¹⁸. Вероятно, аналогичные процессы происходили и в окрестностях городов южной Далмации в конце XIII в.; к сожалению, об этих проявлениях аграрной динамики мы можем подробнее узнать лишь из памятников пер-

¹⁴ Зак. сп., стр. 578—580; ср. Г. Шкриванић. Властелинство св. Николе Врањинског. — «Историски записи», 1959, св. 3—4, стр. 40—42. Вранинские грамоты 1242 и ок. 1280 гг. признаются некоторыми авторами сомнительными (как и хрисовул св. Саввы 1233 г.), но их недостоверность, по нашему мнению, еще не доказана убедительно (см., например, И. Божий. Доходак царски. Београд, 1956, стр. 9, 17—18).

¹⁵ Ср. Г. Шкриванић. Властелинство. . ., стр. 39—41.

¹⁶ В. В. Макушев. Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории, II. СПб., 1871, стр. 32; ср. стр. 64.

¹⁷ Зак. сп., стр. 30—31; ср. там же, стр. 137.

¹⁸ Там же, стр. 151—153, 157; ср. К. Јиречек. Историја. . ., т. II, Београд, 1952, стр. 168—169.

вой половины XIV в. (в частности, из статута города Будвы, с которым следует сопоставить сведения о сельском хозяйстве о. Млет, материалы Которского статута и др.).¹⁹

Так например, ст. 32 Будванского статута возникла как отражение стремлений будванского нобилитета, желавшего сохранить в своей собственности главную массу местных виноградников, обеспечить за собой львиную долю доходов от производства и продажи вина во внутренние области Сербского государства. Данное постановление позволяет нам судить о постепенном росте площади под виноградной лозой, а, тем самым, и об увеличении производства вина, имевшего постоянный и надежный сбыт в собственно сербских владениях Неманичей. Как мы подробнее покажем ниже, сходство социально-экономических процессов в истории Будвы и Котора (в период их пребывания под властью сербских правителей) обусловило и появление аналогичных постановлений патрицианских властей города Котора.

Впрочем, эти свидетельства названных источников, т. е. данные Млетского и Будванского статуты, единичные упоминания о хозяйстве в районе Бара, в имениях Вранинского и Ртацкого монастырей сильно уступают по богатству социально-экономического материала гораздо более многочисленным, несравненно более разносторонним и хронологически определенным свидетельствам, которые проливают яркий свет на экономику самого крупного и мощного города Зетского приморья (и всего Сербского адриатического побережья той поры) — Котора. К счастью, мы располагаем не только обильными сведениями, к тому же нередко и точно датированными которского статута²⁰, но и сохранившимися за период 1326—1337 гг. частноправовыми нотариальными актами²¹, дающими возможность произвести даже известную статистическую обработку и определенные подсчеты и выкладки в области аграрной истории Которского округа.

Наиболее ранние сведения по социально-экономической истории Котора и подвластной ему округи мы можем получить при анализе Которского статута, а именно его первоначальной редакции, составленной при короле Стефане Уроше II Милутине (по нашему мнению, не ранее 1293 и не позднее 1300 г.).²² Эти данные об отраслях сельского хозяйства

¹⁹ Ср. в нашей статье «Средневековые источники...», стр. 25—32 (по материалам статута Будвы, Ртацкого монастыря и пр.).

²⁰ «Statuta et leges civitatis Cathari». Venetiis, 1616 (далее — St. Cath.).

²¹ A. Mayer. Kotorški spomenici. Prva knjiga kotorskih notara od god. 1326—1335. Zagreb, 1951. Документы из второй тетради кн. 1-й (за 1329—1337 гг.), еще не опубликованной полностью, использованы в работах: Р. Ковијанић и И. Стјепчевић. Културни живот старог Котора (XIV—XVIII вијек), кн. I—II. Цетиње, 1957; Р. Ковијанић. Вита Которанин невар Дечана. Београд, 1962; С. Мијушковић и Р. Ковијанић. Грађа за историју српске медицине. Документи Которског архива, кн. 1 (XIV и XV век). Београд, 1964; Р. Ковијанић. Pomeni stnogorskih plemena u kotorskim spomenicima (XIV—XVI vijek), knj. 1. Cetinje, 1963.

²² О Которском статуте, его рукописях, изданиях и структуре см. И. Синдик. Комunalно... , стр. 7—12; его же. Извештај о раду на Которском статуту. — «Историски часопис», кн. III, 1951, стр. 449—459; О. О. Марков. Статут гор. Котора (Опыт исследования его истории и источников). — «Записки Русского научного института в Белграде», вып. 1, 1930, стр. 119—162. К сожалению, и после появления этих работ структура статута и его хронология остаются еще неясными и спорными; это относится в особенности к датировке первой редакции статута. Н. Чорич датирует статут 1301 г., явно опираясь на самые ранние датированные статьи. См. N. Čorić. Grad Kotor do god. 1420 s osobitim obzirom na bosansku prevlast (1385—1420). St. Gradiška, s/a, s. 33. По мнению О. Маркова, статут «в своей первоначальной редакции был составлен в эпоху Ст. Уроша II Милутина не раньше 1302 и не позже 1315 г.» (О. Марков. Указ соч., стр. 159; ср. 134). Признавая убедительными сравнение Марковым статей статуты Котора и Дубровника (1272 г., с дополнениями 1293 г.) и тем самым вывод о создании Которского статута после 1293 г., мы можем отметить заметную шаткость датировки Марковым первой его редакции (по титулу Милутина). Именно титул сюзерена, естественно, скорее всего мог претерпевать изменения в наличных рукописях памятника (ср. в ст. 23: И. Синдик. Комunalно... ,

на территории Которской коммуны в конце XIII и начале XIV в. и о их развитии и соотношении в целом весьма сходны с материалами Млетского и Будванского статута, как и с данными статута Дубровника.

Так, в частности, многоотраслевое сельское хозяйство в этой части Боки Которской включало тогда и зерновое земледелие, и виноградарство (наряду с садоводством), и скотоводство. Видимо, известное значение имело и разведение оливковых деревьев (соответственно — и производство оливкового масла) и рыболовство; ему посвящена ст. 325, равно как и возникшая после присоединения Грбля к которским землям в 1306—1307 гг. ст. 416 о рыбной ловле грбальских крестьян и доставке ими рыбы к королевскому столу²³. Анализ постановлений — большей частью недатированных — первой редакции статута и ее дополнений начала XIV в. наглядно показывает неравноценность отдельных отраслей сельского хозяйства на территории, находившейся во власти города Котора.

Так, мы встречаем в статьях Которского статута упоминания полей, пашен, зерновых хлебов (ст. 21, 81, 110, 114, 254, 264, 273, 275, 279, 284, 261)²⁴, причем, вероятно, иногда земли для новых посевов добывались расчисткой от кустарника и подлеска (в ст. 279, кстати, говорится о сдаче в аренду «ледины», т. е. целины, облога)²⁵. Гораздо меньше свидетельств в статуте о скотоводстве, хотя все же домашний и рабочий скот фигурирует в перечне движимого и недвижимого имущества которских горожан (ст. 81). Две статьи (21 и 361) специально посвящены защите «виноградников, виноградных питомников, садов и засеянных полей» от потравы свободно пасущимся скотом — лошадьми, коровами, мулами, козами и свиньями, предусматривая большие штрафы и даже создание особого штата стражников для наказания ослушников — хозяев скота²⁶.

Между прочим, здесь фигурирует примечательная оговорка (в конце ст. 361), что это постановление имеет силу как для «граждан, так и для *иноземцев тех из Грбля*», равно как и оговоренная здесь же возможность, естественно, нежелательная для коммуны, что «хозяин скота» может обратиться к «верховой власти», т. е. к сербскому королю, с жалобой на которан. Все это позволяет нам, видимо, сделать несколько иные выводы и предположения, нежели те, которые высказал югославский историк И. Синдик²⁷. По нашему мнению, такая концовка ст. 361 свидетельствует не столько о частых обращениях крестьян Грбальской жупы в королевский суд, сколько о составлении данной статьи еще *до пожалования Грбля* которанам. Более того, вытекающее из контекста ст. 361 противопоставление которан и их соседей — иноземцев, грблян — как по принципу юрисдикции, так — не менее четко и явно — по самому характеру их хозяйства говорит, быть может, о том, что в окрестных селениях и местностях Боки Которской, частью подвластных, частью неподвластных Котору (т. е. Грбаль — до 1306—1307 гг.), скотоводство играло тогда гораздо большую роль (точно так же, как в Грбальской жупе — зерновое земледелие), нежели в пригородах и непосредственном окружении Котора.

Здесь, близ самого города Котора (в так называемом Дистрикте)²⁸, уже в начале XIV в., как наглядно показывают материалы статута, главенствовали виноградарство и садоводство; менее значительно, видимо,

стр. 96); а включение статей 1301 г. в качестве дополнений к основному тексту, существовавшему уже тогда (см. ст. 349), говорит в пользу кодификации обычаев Котора в 90-х годах XIII в. (видимо, уже после 1293 и не позже 1300 г.).

²³ St. Cath., p. 237: ст. 416. — «О людях Жупы (Грбальской. — Е. Н.), чтобы не носили рыбу для господина короля».

²⁴ Ibid., 13, 50, 70, 74—75, 142, 147, 152, 154, 156, 158, 198; ср. И. Синдик. Комунално... , стр. 57, 62.

²⁵ St. Cath., p. 156.

²⁶ Ibid., p. 13, 51, 198; ср. И. Синдик. Комунално... , стр. 62—63.

²⁷ И. Синдик. Комунално... , стр. 63.

²⁸ О территории Дистрикта которского см. И. Синдик. Комунално... , стр. 18 сл.

было разведение оливок. Во многих статьях первоначальной редакции статута мелькают виноградники, виноградные питомники («каламета»), сады и отдельные фруктовые деревья, принадлежавшие которским гражданам и зависимым крестьянам — «посадникам» (см. ст. 21, 81, 82, 94, 110, 114, 135, 247, 249, 250, 252—255, 264, 273, 275, 276, 281—282, 285, 361, 412, 422)²⁹. Эти постановления весьма разнообразны по своему содержанию: они определяют условия аренды виноградников (ст. 276), условия пользования ими, равно как и плодовыми деревьями, защищают эти весьма ценные и трудоемкие посадки от погрома скотом (ст. 21, 361), от вырубания и уничтожения злоумышленниками (ст. 82, 110, 114), определяют наказания за ущерб, нанесенный садам, виноградникам и виноградным питомникам, о которых следует сказать особо.

То обстоятельство, что в ранних статьях Которского статута (конец XIII—начало XIV в.) неоднократно упоминается термин «каламетум», притом как одна из обычных и распространенных категорий интенсивного земледелия наряду с садами и виноградниками (см., например, ст. 21, 82, 135, 361), чрезвычайно любопытно — как показатель огромных возможностей и потребностей в расширении площади под виноградниками на территории Котора. Как мы упоминали выше, Котор осуществлял интенсивный ввоз вина в Сербию еще в конце XIII в., прежде всего в город Брсково, названный в договоре с Дубровником от 5 июня 1279 г., и в ст. 339 которского статута.

Термин «каламетум», как убедительно показал на материалах которских нотариальных актов известный филолог А. Майер, в действительности обозначает виноградный питомник, рассадник молодых лоз для закладки новых виноградников³⁰; указания актов на необходимость доставки «каламум» (саженцев) для обновления или разбивки виноградников свидетельствуют о том, что данный термин вовсе не следует переводить как «тростник», «сад» или даже «нахотная земля», как это делается в работах К. Иречка, И. Степчевича, Р. Ковиянича, И. Синдика³¹. Правильное истолкование термина «каламетум» вполне разъясняет нам, почему нередко в исторических источниках он выступает вместе с виноградниками как неперемное дополнение; это позволяет и предположить, что уже в конце XIII в. в Которе ввиду большого спроса на вино в Сербии производилась закладка новых виноградников, что в свою очередь требовало запрета ввоза иноземных вин (см. в договоре 1279 г. с Дубровником)³².

Заметим также, что интенсивное расширение площади под виноградниками на территории Котора в конце XIII и начале XIV в., связанное с необходимостью освоения новых участков, посадки новых лоз, требующих значительного ухода, вызывало, по всей видимости, у нобилей Котора стремление добиться большей заинтересованности зависимых крестьян и арендаторов в возделывании такой доходной и трудоемкой культуры. Поэтому уже в первоначальной редакции статута появляется ст. 114 «О вырубленных виноградниках посадников», предоставляющая защиту владельцам виноградников, «каламета», садов, полей и плодовых деревьев — притом неполноправным — по сравнению с которскими гражданами — крестьянам-посадникам и «иноземцам». Любопытно, что здесь установлен за уничтожение виноградника штраф в 25 перперов, т. е. вдвое

²⁹ St. Cath., p. 13, 50—51, 58, 70, 74—75, 82, 140—142, 147, 152, 154, 155, 157—158, 198, 232, 241; ср. И. Синдик. Комунално. . . , стр. 60—62; О. Марков. Указ. соч., стр. 153.

³⁰ А. Майер. Op. cit., p. 642; ср. также док. № 1033.

³¹ «Зборник Константина Иречека», т. II, стр. 101; И. Синдик. Комунално. . . , стр. 62; Р. Ковиянич и И. Стјепчевић. Културни. . . , кн. I, стр. 112; и др.

³² Зак. сп., стр. 30—31; ср. St. Cath., cap. 339, p. 184; см. также и ст. 338 и 344 статута о запрете ввоза «чужого вина», стр. 184, 196.

больше, нежели в ст. 110, трактующей об ущербе виноградникам которских граждан со стороны иностранцев ³³.

Наш вывод о многочисленности виноградников в округе Котора и производстве значительных количеств вина уже в конце XIII и начале XIV в. находит подтверждение также и при анализе статей статута, регламентирующих цены основных товаров и порядок торговли вином, зерном, оливковым маслом, оливками и животным жиром. Если тогда — видимо, нередко — и случалась нехватка зерна, оливкового масла, жира и прочих продуктов питания, это вызывало резкое подорожание и запрет вывоза указанных товаров (см. ст. 179 и 326 о ценах и порядке вывоза масла, ст. 327 о запрете вывоза сыра и жиров «за море», ст. 333—336 о торговле зерном и ст. 348 о продаже «фруктов» — прежде всего маслин) ³⁴. Напротив, постоянное наличие больших запасов вина требовало запретительных мер иного рода и ограждения интересов местных, которских виноторговцев, т. е. владельцев виноградников, которыми были преимущественно патриции и отчасти представители плебса ³⁵.

Огромные доходы, получаемые от виноторговли, побудили правящую патрицианскую верхушку Котора уже в начале XIV в. прибегнуть и к другим мерам, которые помогли бы нобилям и богатым плебеям сохранить в своих руках большинство, притом лучших, насаждений виноградной лозы. Вначале это выразилось в принятии строгих постановлений, препятствующих расширению виноградников крестьян-посадников Дистрикта во втором десятилетии XIV в., затем эти ограничения были распространены на окрестные земли, позднее оказавшиеся под властью Котора — в 30-х и 40-х годах XIV в. ³⁶

Рассмотрим подробнее эти постановления Которского статута, свидетельствующие о стараниях патрицианского правительства и господствующей верхушки направить процессы интенсификации сельского хозяйства в удобное им русло, закрепить за собой результаты, достигнутые упорным и тяжелым трудом зависимых крестьян и мелких арендаторов, из года в год расширявших и обновлявших виноградники на территории Которской коммуны. Первой и наиболее ранней из датированных статей, посвященных этим вопросам, является ст. 281 «О запрете посадки виноградников на землях монастыря св. Георгия» (от 28 декабря 1315 г.), к которой примыкает ст. 282; аналогичные меры предусмотрены и в ст. 412 и 422. Все эти статьи не нашли еще надлежащего освещения в литературе, хотя и упоминаются, обычно вскользь, в работах некоторых историков — Н. Вучо, И. Синдика, Г. Чремошника, И. Божица, П. Буторца ³⁷.

Появление первых запретов (ст. 281 и, возможно, ст. 282), вероятно, было обусловлено в какой-то мере неблагоприятными последствиями долгой междоусобной войны братьев Неманичей (1301—1312), нарушавшей регулярный товарообмен Сербии с приморскими городами и отражавшейся тем самым на ввозе которского вина в Сербию. Любопытно, что инициатором первых ограничений крестьянского виноградарства выступила католическая церковь, в частности, монастырь св. Георгия

³³ St. Cath., p. 74—75; ср. *ibid.*, ст. 110, p. 70—71.

³⁴ *Ibid.*, p. 107, 179, 180 (ср. ст. 310 о торговле скотом и сыром от 1346 г.); p. 182—183 (ср. ст. 397, 1343 г., о цене зерна); p. 189.

³⁵ *Ibid.*, ст. 337—339 и 344 (о виноторговле), p. 183—184 и 187. Ср. G. Čremošnik. Vinogradarstvo i vino u Dalmaciji srednjeg veka. — «Гласник Земальског Музеја». XLV, 1933, стр. 26—27.

³⁶ Ср. И. Синдик Комунално..., стр. 61; Н. Вучо. Привредна..., стр. 81; И. Божић. Село Богдашићи у средњем веку. — «Историски часопис», кн. VII, 1957, стр. 94, 115; G. Čremošnik. *Op. cit.*, p. 34; P. Butorac. Opatija sv. Jurja kod Perasta. Zagreb, 1928, стр. 28.

³⁷ Так, например, эти первые запреты крестьянских виноградников Н. Вучо и Г. Чремошник датируют лишь 1346 г. (либо серединой XIV в.); так поступает и Синдик, хотя ему известна и ст. 281. См. И. Синдик. Комунално. . . , стр. 61, ср. стр. 81 — о ст. 281 — в разделе об автономии Котора.

(в Боке Которской, близ Пераста). Под давлением католического клира 28 декабря 1315 г. которская коммуна постановила, чтобы «*впредь* ни один которанин или посадник не мог посадить виноградники на земле монастыря св. Георгия». Единственной уступкой, притом которским нобилям и плебейм, а не крестьянам в ст. 281 служит оговорка: «за исключением лишь (того случая. — *Е. Н.*), если у какого-либо которанина (т. е. не посадника. — *Е. Н.*) виноградник окажется заброшенным, [тогда] он может его обновить и не иначе получит его для насаждения». Для нарушителей этого решения назначен громадный штраф (200 перперов), а разбитый вновь виноградник становился полной собственностью монастыря³⁸.

Не менее тягостной для зависимых крестьян и мелких арендаторов была ст. 282, принятая, видимо, в то же время³⁹. Текст этой статьи, озаглавленной «Чтобы никто из посадников не имел виноградников в „камерах“»⁴⁰, начинается небезынтересной мотивировкой: «Потому что мы претерпели большие убытки из-за краж, которые посадники совершали в виноградниках. . .». Ввиду таких «краж» (быть может, речь идет о тайном расширении посадок, к тому же за счет похищенных черенков и саженцев) которские власти постановили, «чтоб ни один из посадников не имел виноградников в [так называемых] камерах а лишь [разводили лозы] по земле», что тогда именовалось «поземлюх». За нарушение данного постановления посадником назначался очень большой (для простого крестьянина!) штраф — 30 перперов. Однако, по всей видимости, данные мероприятия патрицианских властей по ограничению крестьянского виноградарства и виноделия на территории самого которского Дистрикта оказались малоэффективными, и это послужило причиной для издания новых постановлений, которые относились уже к землям «новых» — более поздних — владений Котора, т. е. к Грбальской жупе, районам Биела, Крушевице и Леденице (или Лединац)⁴¹.

Такие запреты крестьянского виноградарства в «новых» владениях Котора приводят нас к выводу, что патрицианская и плебейская верхушка коммуны решила подавить конкуренцию виноградарей из окрестных селений, заставляя их силой выбирать лишь менее доходные отрасли сельского хозяйства: зерновое земледение, скотоводство, иногда — и садоводство. Можно предположить, что которские правители стремились создать скотоводческо-зерновые районы, колониальные придатки развитого пригородного и городского хозяйства самого Котора, сознательно препятствуя развитию виноградарства в Грбальской жупе, Крушевице, Леденице, как и в Биеле, также оказавшейся под властью Котора. Об этом свидетельствуют не только запреты, относящиеся к данной территории, но и отрывочные сведения о сельскохозяйственных угодьях и занятиях местных крестьян в первый период их зависимости от Котора, т. е. накануне или в момент издания запретов, которые мы рассмотрим ниже. Быть может, такое решение Которской коммуны превратить грбальских, крушевицких, леденицких и биелских крестьян в своих «новых» подданных, исключительно в поставщиков зерна и скота для нужд которан было в известной мере продиктовано и стремлением сделать уступку крестьянам ближней округи города, т. е. самого Дистрикта, смягчить их недовольство прежними ограничениями и сделать, таким образом, Дистрикт прочной опорой для эксплуатации населения «новых» владений коммуны.

³⁸ St. Cath., ст. 281, p. 157.

³⁹ Ср. *ibid.*, p. 158 (выделение части штрафа в пользу короля) и 159—160 (ст. 285 от 1318 г. и ст. 288 от 1321 г.).

⁴⁰ *Ibid.*, p. 157. О термине «камера» (беседка или шпалера) — см. *И. Синдик. Коммунално. . .*, стр. 61 и прим. 19; *М. Благојевић. Земљорадња. . .*, стр. 142—143; ср. также *М. А. Пелях. Справочник виноградаря. М., 1971*, стр. 258—261.

⁴¹ См. *И. Синдик. Коммунално. . .*, стр. 26—29; ср. *Р. Ковијанић. Ромені. . .*, p. 10—15 (его вывод, что «Леденице» которского статута означает Лединац, т. е. Негуши над Котором, а не Леденице выше Рисна, нам кажется убедительным и потому, что Рисан не был тогда во власти Котора).

Нет сомнений, что и в этих владениях, хотя, возможно, и в гораздо меньшей мере, чем в Дистрикте, в начале XIV в. развивались интенсивные отрасли земледелия: виноградарство и плодоводство, уступавшие все же по своему значению скотоводству и зерновому земледелию. Так, например, в ст. 423 статута («О людях из Биелы и Леденице и Крушевице») упоминается, что у крестьян данного района — вероятно, в каждом хозяйстве — был «сад с овчарней и деревьями в саду», которыми местные жители могли пользоваться и после раздела этих земель между которанами ⁴². В первой Которской грамоте Стефана Душана упоминаются в Грбальской жупе «виноградники и влаштаки (зависимые крестьяне. — *Е. Н.*) и земли и луга» ⁴³.

Поэтому после перехода названных селений и местностей под власть Котора в статут вносятся две статьи — ст. 412 (о Грбле) и ст. 422 (о Биеле, Крушевице и Леденице). Первая из них, рассматривающая различные вопросы, связанные с разделом Грбальской жупы среди которских патрициев и богатых плебеев и освоением этой богатой и плодородной местности, не случайно начинается запретом расширения грбальских виноградников. «Прежде всего, — гласит ст. 412, — мы желаем, чтобы никто в своей части (полученной после раздела жупы. — *Е. Н.*) не смел иметь виноградник, исключая [только], если какой-либо дом, в котором живет семья, может иметь два «квадраньола» (мера виноградника. — *Е. Н.*) и не больше; и ректор и судьи, которые имеются [ныне] и будут в другие времена, должны каждый год после праздника св. Георгия посылать в течение месяца своих официалов для *вырубки* того, что составляет излишек (т. е. лоз, посаженных сверх той нормы. — *Е. Н.*)» ⁴⁴. К сожалению, в этой статье нам не вполне ясны слова о «семье», — т. е. означают ли они семью самого которского господина данной доли Грбля или же семью какого-то из подвластных крестьян (видимо, вероятнее второе — ср. ст. 429), но цель и драконовские меры такого постановления достаточно красноречивы и целиком подтверждаются аналогичной ст. 422.

В ст. 422 («О запрете посадок на землях Метохии св. Петра, Крушевице и Леденице») такой запрет касается и которских граждан и иноземцев: «... чтобы никто, ни гражданин (Котора. — *Н. Е.*), ни иностранец, никоим образом не дерзнул разбить виноградник в каком-либо месте на землях как Метохии св. Петра (в Биеле. — *Е. Н.*)» ⁴⁵, так и в Крушевице и Леденице. . .» ⁴⁶. Тем самым сфера подобных запретительных мер которских властей охватила все «новые» владения коммуны, и полное их сходство позволяет нам сделать некоторые предположения насчет времени издания этих постановлений и датировки названных статей.

В частности, сопоставляя их с другими, датированными статьями статута, что отчасти уже было сделано И. Синдиком, можно достаточно уверенно датировать ст. 412 периодом не ранее 1316 г. и не позднее 1331—1334 гг. (как видно из ст. 415 статута и Приштинской грамоты Душана), а ст. 422 — периодом 1331—1334 гг., поскольку Биела, Крушевице и Леденице были дарованы Котору Душаном по Приштинской грамоте (по нашему мнению, в 1331 г.). Все это не позволяет нам согласиться с датировкой ст. 422, предложенной Р. Ковияничем: по его мнению, она была издана после 1355 г. ⁴⁷

⁴² St. Cath., p. 242.

⁴³ Зак. сп., стр. 32. О достоверности ее сведений см. в нашей статье: «Две которские грамоты Стефана Душана». — «Вопросы истории славян», вып. 4. Воронеж, 1972, стр. 9—15.

⁴⁴ St. Cath., p. 232—233.

⁴⁵ Ср. *Г. Шкриванић*. Именик географских назива средњовековне Зете. Титоград, 1959, стр. 41.

⁴⁶ St. Cath., p. 241.

⁴⁷ Ср. И. Синдик. Комунално. . ., стр. 28, прим. 65; 29; *Р. Ковиянич*. Ромени. . ., р. 14—15. Кстати, свидетельство ст. 415 о принадлежности Котору Биелы и других

Заметим, что правильное определение хронологии рассмотренных статей которского статута не только дает нам возможность верно представить поступательное развитие аграрных отношений в Которском округе, отношений между которской коммуной — и местным патрициатом прежде всего — и местным крестьянством, но и позволяет еще более наглядно выяснить значение этих мероприятий для развития сельского хозяйства в данном регионе южной Далмации, поскольку мы их можем сравнить с богатейшими материалами которских частнопровольных актов той же поры, т. е. актов за 1326—1337 гг. Обратимся же к этим актам, особо наглядно рисующим состояние сельского хозяйства в которском Дистрикте.

Весьма примечательно, например, что в 20-х, 30-х да и 40-х годах XIV в. Котор по-прежнему во многом зависел от подвоза зерна⁴⁸, оливкового масла⁴⁹ (из Апулии, «Романии», т. е. Греции и соседних областей), а иногда и продуктов скотоводства⁵⁰, хотя зерновое земледелие и скотоводство играли определенную роль в занятиях местных жителей и их дальнейшее развитие поощрялось коммуной, старавшейся ввиду частной нехватки провианта превратить Грбальскую жупу в житницу Котора⁵¹. Об этом говорят нередкие арендные договоры тех лет, предусматривающие получение землевладельцем чинша зерном (вероятно, это было чаще всего в Грбле)⁵², и еще более многочисленные договоры о сдаче на выпас которанами скота⁵³. О значении скотоводства мы можем судить и по документам об аренде пастбищ коммуны (в 1335 г. за шестилетнюю аренду этих «пашин» патриций Трифон Буча должен был уплатить 400 перперов!)⁵⁴, как и по отрывочным свидетельствам о хозяйстве отдельных крестьянских, патрицианских и плебейских семей, указывающих на преобладание в данных хозяйствах виноградарства или садоводства в сочетании со скотоводством⁵⁵.

Анализ которских нотариальных актов 1326—1337 гг. показывает далее, что по своему значению в те годы садоводство не уступало скотоводству, но что самой важной и наиболее интенсивно развивавшейся отраслью сельского хозяйства (и вообще экономики Которского округа) было виноградарство. Частая нехватка зерна, недостаток земель, пригодных к обработке, немалое количество земли, неудобной, бесплодной, заставляли дорожить не только каждым плодовым, оливковым, ореховым деревом, смоквой, рябиной, которые отдельно указываются в документах⁵⁶, но и каштановыми деревьями. Поскольку каштаны были важным подспорьем в питании населения, в окрестностях Котора возникали целые рощи кашта-

селений (уже до 1334 г.) является новым доказательством в пользу датировки Приштинской грамоты 1331 годом.

⁴⁸ А. Mayer. Op. cit., p. 421 (N 1264) и 183 (№ 514); В. В. Макушев. Итальянские архивы. . . , стр. 63 (о ввозе зерна из Апулии, 1336 г.), ср. ст. 397 которского статута (1343 г.).

⁴⁹ Ibid., p. 409 (N 1219).

⁵⁰ Ср. ст. 310 статута (1346 г.).

⁵¹ Ср. I. Stjepčević. Kotor i Crbalj. Split, 1941, p. 84—85.

⁵² См., например: А. Mayer. Op. cit., N 58, 628, 1202 (p. 39, 222, 405); R. Kovijanić. Pomeni. . . , p. 116, 222—223.

⁵³ См. А. Mayer. Op. cit., №№ 97, 126, 152, 175, 195, 247, 266, 365, 390, 410—411, 438, 481, 482, 564, 633, 773, 788, 796—797, 806, 813—814, 849, 913, 1156, 1225, 1251, 1275 (ср. там же, док. № 1279; Р. Ковијанић. Вита. . . , стр. 104, 233; R. Kovijanić. Pomeni. . . , p. 19, 23, 24, 110, 116, 124—125, 194, 220).

⁵⁴ А. Mauer. Op. cit., № 1148 и 1239 (p. 390—391, 415); ср. R. Kovijanić. Pomeni. . . , p. 18—22.

⁵⁵ См. А. Mayer. Op. cit., № 365, 438, 1132; ср. док. № 718 (о виноградниках и каштановых деревьях) и 1141, а также док. № 1184 — «сад и хлев (кошара)» зависимого крестьянина в Тивте. Ср. о сочиде (аренде скота): Л. А. Котельникова. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. М., 1967, стр. 285 сл.

⁵⁶ См. А. Mayer. Op. cit., № 297-а (маслины); 111, 328, 362, 669 (ореховые деревья); 522 (смоква); 32 (рябина). Ср. там же, № 669 (о бесплодной, неудобной земле).

нов — «каштаницы», сдававшиеся даже в аренду ⁵⁷. В которских источниках той поры мы не только встречаем частые упоминания садов отдельных граждан ⁵⁸, но даже и сведения о «садовниках», возделывавших обширные сады виднейших патрициев и других землевладельцев ⁵⁹; известно, что в саду священника Живе Сестани было вырублено 17 деревьев ⁶⁰.

Наиболее многочисленны и разнообразны свидетельства которских актов 20-х и 30-х годов XIV в. о развитии виноградарства на территории коммуны; эти данные позволяют судить о количестве — разумеется, приблизительно ввиду отсутствия общей переписи земель и угодий — виноградников и виноградных питомников, их размещении в тех или иных пределах Дистрикта, об аренде их (в том числе — и о создании новых посадок лозы), наконец, в известной мере — и о распределении их по принципу собственности и владения между нобилиями, простыми горожанами-ремесленниками и беднейшими плебеями, крестьянами. Весьма показательны, например, произведенные нами подсчеты числа виноградников и виноградных рассадников, упоминаемых в актах 20-х—30-х годов XIV в. Даже по этим — неполным — данным оказывается, что в тот период лишь на территории Дистрикта существовало не менее 560 отдельных виноградников, весьма неодинаковых по величине, назначению (сюда входят и питомники — «каламета»), качеству и стоимости ⁶¹. Если к тому же принять во внимание, что подсчеты выполнены лишь для земель Дистрикта, т. е. южных окраин Котора и пригородных поселений Левань, Шурана, Пуч, как и селений на полуострове Врмац: Тиват, Ластва, Прчань, Муо и др., но не включают имения монастыря св. Георгия (у Пераста) и Грбальскую жупу, можно предположить, что число виноградников на всей территории Которской коммуны было в действительности гораздо больше.

В пользу такого заключения говорит и другое немаловажное обстоятельство: полученное нами число виноградных рассадников составляет примерно $\frac{1}{3}$ всего числа обозначаемых в отдельности насаждений виноградной лозы (68—70 из 560). Иными словами, значительный удельный вес новых насаждений, служащих для расширения и обновления наличных посадок и разбивки новых виноградников (мы, естественно, не можем выяснить площадь плодоносящих посадок и питомников), позволяет полагать, что в этот период Котор был важным центром распространения культуры виноградной лозы в других районах Боки Которской (возможно, и прочих пределах Сербского Приморья и даже внутренних районов Сербии — близ Брскова и др.).

Вполне понятно, что интенсивное развитие виноградарства в Которском округе в 20-х и 30-х годах XIV в., создание новых виноградников (сохранилось несколько арендных договоров о разбивке новых насаждений), а, быть может, и в известной мере влияние на сбыт местного вина постепенного подъема виноделия во внутренних районах Сербского государства, — все это имело своим следствием издание новых запретов — в 1346 г. и, вероятно, позже, вошедших в текст Которского статута и, в отличие от предыдущих, относившихся к главной территории Дистрикта (полуостров Врмац и т. д.).

Так, ст. 429 (от 18 апреля 1346 г.) открывается следующим вступлением: «Видя, что виноградники умножаются и поэтому доходы от них уменьшаются, а многие из наших граждан впадают в нужду, ради доброго и мир-

⁵⁷ См. там же, например: док. № 141, 146, 360, 377, 431 (аренда), 657, 718, 1026, 1132.

⁵⁸ См. там же, например: док. № 351, 834, 937, 1010, 1047, 1059, 1077, 1110, 1184.

⁵⁹ Там же, док. № 1124, стр. 378 (Братолjub — садовник которского патриция Григория Гиманоя).

⁶⁰ Там же, док. № 351, стр. 130 (сп. о тяжбах и спорах по поводу вырубки плодовых деревьев — док. № 1032 и 1129).

⁶¹ При подсчетах числа виноградников по этим актам мы, насколько это возможно, старались избежать повторений, учитывая расположение их и имена собственников и соседей. Виноградники и «каламета», названные во множественном числе, мы подсчитывали только по минимальной ставке (как два виноградника или питомника).

ного состояния нашей земли мы постановляем, чтоб . . . (в пределах проводимой ниже границы, охватывающей почти весь полуостров Врмац вместе с находившимися там владениями монастыря св. Михаила; подробное определение этой границы мы опускаем. — *Е. Н.*) и от реки Которской до реки Даранти (нынешняя Люта. — *Е. Н.*) никто не смел и не мог посадить виноградник либо разбить, если только там прежде не было виноградника, то [в таком случае] этот виноградник можно обновить». Далее в постановлении указывалось, что нарушитель запрета должен заплатить штраф в 50 перперов за каждый «квадраньол» (мера виноградника), «а посаженные лозы должны быть выкорчеваны, и там впредь не должно быть виноградника». В конце статьи, правда, делалась любопытная оговорка, гласящая, что «без всякого наказания любой крестьянский дом нашего гражданина, не имеющий виноградника, может разбить и посадить два квадраньола виноградника [используясь] большой мерой, близ своего «села» (усадебный или жилища. — *Е. Н.*)»⁶². Нет сомнения, что данная оговорка была вызвана желанием которских властей смягчить недовольство зависимых крестьян — вилланов Дистрикта и одновременно создать лазейку для обхода данного постановления землевладельцами-нобиями, имевшими немало вилланов, почему, собственно, сама статья оказывалась неэффективной или направленной лишь против виноградарей из числа беднейших горожан-плебеев и свободных крестьян.

В связи с этим, вероятно, и потребовалось издание ст. 430 («О запрете посадки виноградников в тех местах, где это не разрешено статутом»), ссылающейся на ст. 429 и, следовательно, составленной в конце 40-х или начале 50-х годов XIV в. Так, в мотивировке ее мы читаем: «Поскольку многие из [жителей] данного *города* вопреки постановлениям одного из статутов (далее приводится название ст. 429: «О запрете посадки виноградников в определенных местах». — *Е. Н.*) безрассудно осмеливаются устраивать виноградники или же добиваться их посадки во вред, притом немалый, гражданам названного выше города . . .». Поэтому коммуной было принято решение о драконовских мерах против расширения площади под виноградной лозой: «. . . постановляем, чтоб впредь ни одно лицо, какого бы то ни было состояния [права], *как церковное, так и светское*, не дерзнуло и не решилось делать посадки или распоряжаться о посадках (лозы. — *Е. Н.*) в местах, воспрещенных вышеназванным статутом, *выше того*, что теперь [уже] посажено [там]. . .».

Здесь бросается в глаза не только любопытное напоминание о церковных служителях, очевидно, вовсе не старавшихся исполнять постановления ст. 429, но и крайняя строгость мер по отношению к нарушителям: за расширение виноградника нарушитель должен был отдать коммуне всю землю с *прежними* и новыми посадками виноградных лоз. Такое же наказание было предусмотрено для тех, кто заново разбивал виноградник там, где его раньше не имел: нарушитель должен был уплатить штраф в 10 перперов, лишаясь всех насаждений лозы и земельной собственности в том месте, где он начал новые посадки. Более того, были приняты меры и для усиления контроля коммуны за выполнением этого решения: каждый год выбирались два патриция-контролера, которые были обязаны под страхом штрафа (25 перперов) «пробежать» и осмотреть все местности, где запрещались эти посадки виноградной лозы; наконец, эта статья устанавливала и меры против обхода данных решений и подкупа контролеров, даже самого правителя города⁶³.

Таким образом, рассмотренные выше свидетельства исторических источников дают нам достаточно сведений, пусть иногда и отрывочных, случайных, о тех путях и тенденциях аграрного развития южной Далмации (конца XII—середины XIV в.), которые, как мы показывали выше, обус-

⁶² St. Cath., стр. 429, п. 247—248.

⁶³ Ibid., п. 248—250.

повливались общим экономическим состоянием этих районов Балканского полуострова, их торговыми связями с внутренними областями Сербского государства Неманичей и соседними городами и землями Средиземноморья. Весьма показателен постепенный и все нарастающий к концу XIII в., а затем в первой половине XIV в. экономический подъем южной Далмации, который в сфере сельского хозяйства выразился в заметной интенсификации товарных культур, в расширении виноградников и ввозе вина во внутренние области Сербии. В свою очередь стремление защитить местное виноделие от иностранной конкуренции, сохранить высокие доходы — в ущерб мелким виноградарям — крестьянам и беднейшим горожанам — побуждало правивший в городах южной Далмации патрициат переходить к политике регламентации площадей под виноградниками, запретов и ограничений новых посадок лозы. Не вызывает сомнений, что эта политика, продиктованная интересами самих нобилей, была в заметной мере связана и со стараниями обеспечить местные ресурсы зерна в подвластных коммуне окрестных землях, вызванными зависимостью южнодалматинских городов от подвоза хлеба и других продуктов питания не только из соседних областей Сербии, но также из Италии и «Романии».

Весьма показательно также и то, что эта политика патрициата южной Далмации, встречавшая сопротивление крестьянства, наталкивавшаяся на недовольство городского плебса, ремесленников, даже отчасти и церкви, отдельных нобилей, не смогла, по всей видимости, освободить города от необходимости постоянного ввоза зерна, покупавшегося в разных центрах Средиземноморья. Любопытно, что и в конце XII в., как мы показали выше, вывоз зерна из Византии в южную Далмацию имел немалое значение для торговых связей той поры, как и позднее, в середине XIV в., когда по-прежнему купцы из Котора, Улция и других пунктов Сербского приморья отправлялись за хлебом в византийские владения⁶⁴. Наличие таких прочных торговых связей Византии и южной Далмации, сохранявшихся, несмотря на определенные изменения в сфере сельского хозяйства этих приморских районов и всего Сербского государства Неманичей⁶⁵, позволяет нам полнее представить картину экономического развития Балканского полуострова в средние века, взаимосвязи его приморских и внутренних областей, южнодалматинских городов и их прежней повелительницы — Византии.

⁶⁴ См., например: *A. Mayer*. *Op. cit.*, p. 421, № 1264 (от 11 мая 1335 г.).

⁶⁵ Ср.: *Е. П. Наумов*. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975, стр. 36—51.

М. В. КРИВОВ

«АРХОНТ КРИКОРАХИС» И ГРИГОРИЙ МАМИКОНЯН

Петр Сицилийский, повествуя в «Полезной истории» о бегстве армянских павликиан из пределов Арабского халифата в Византию в середине VIII в., рассказывает, что когда павликиане во главе с ерисиархом Иосифом-Эпафродитом прибыли в селение Эписпарис в Понте, на них напал со своими людьми какой-то местный архонт по имени Крикорахис (Κρικὸράχης)¹ и схватил некоторых еретиков. Самому ересиарху Иосифу-Эпафродиту удалось бежать.

Р. М. Бартикян, тщательно сопоставив сведения Петра Сицилийского с данными «Истории» вардапета Гевонда, армянского историка VIII в., убедительно доказал, что павликиане участвовали в восстании армян под предводительством Григория Мамиконяна против власти Арабского халифата в 747—748 гг. и после его подавления, опасаясь репрессий со стороны арабских властей, бежали в Византию. Во время этого бегства у них и произошло столкновение с «архонтом Крикорахисом». Считая, что имя «Крикорахис» армянского происхождения, Р. М. Бартикян отождествляет его с самим предводителем восставших армян Григорием Мамиконяном². В подтверждение он приводит данные о том, что в тех случаях, когда восточные армяне говорили «г», западные армяне произносили «к»; поэтому на восточноармянском диалекте имя «Крикорахис» произносилось бы как «Григорахис», т. е. Григорий. Р. М. Бартикян считает, что «архонт Крикорахис» не был византийским подданным, так как в его действиях по отношению к павликианам «не находит выражения политика Византийской империи по отношению к еретикам» (иконоборческие императоры в этот период стремились к союзу с еретиками, чтобы расширить социальную базу иконоборчества). На основании всего вышесказанного Р. М. Бартикян приходит к выводу, что «архонт Крикорахис» Петра Сицилийского и Григорий Мамиконян Гевонда одно и то же лицо³.

¹ Ch. Astruc, W. Conus-Wolska, I. Gouillard, P. Lemerte, D. Papachryssanthou, I. Paramelle. Les sources grecques pour l'histoire des Pauliciens d'Asie Mineure. — «Travaux et Mémoires», 4, 1970, p. 51.12—16.

² Р. М. Бартикян. К вопросу о павликианском движении в Византии в первой половине VIII века. — ВВ, VIII, 1956; его же. Армянские источники для изучения истории павликианского движения. — ПС, 4, 1959; его же. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961, стр. 48; его же. Византийский эпос о Дигенисе Акрите и его значение для арменоведения. Автореферат докт. дисс., Ереван, 1970. Выяснением личности «архонта Крикорахиса», кроме Р. М. Бартикяна, насколько нам известно, занимался лишь К. Тер-Мкртчян, отождествивший его с Григорием Магистром Пахлавуни, жившим в XI в.; см. К. Ter-Mkrtschian. Die Paulikianer im byzantinischen Kaiserreiche. Leipzig, 1893, S. 125. К. Тер-Мкртчян строил свою гипотезу, исходя из опровергнутого в основном современными исследователями (в том числе и Р. М. Бартикяном) положения об «Истории» Петра Сицилийского как позднейшей фальсификации XI в., поэтому останавливаться подробно на его гипотезе не имеет смысла.

³ Р. М. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения, стр. 48.

Однако едва ли можно согласиться с этой гипотезой. Во-первых, в рассказе Гевонда о восстании 747—748 гг. нет ни малейшего намека на то, что Григорий Мамиконян находился на территории Византии. Описывая восстание, Гевонд лишь сообщает, что повстанцы, «отправившись, укрылись в крепостях страны Тайкской вместе со всеми своими домохозяевами и всем скарбом, особенно они уповали на войска царя греческого, которые были в областях Понта, ибо было между ними и греческими войсками с соизволения кесаря Константина мирное соглашение»⁴. Упоминаемая у Гевонда область Тайк была расположена в северо-западной части Армении на границе с Грузией⁵ и в описываемую эпоху находилась под властью Арабского халифата; селение же Эписпарис, куда прибыли бежавшие от арабов павликиане, как явствует из текста Петра Сицилийского, находилось на византийской территории⁶. Все дальнейшие действия Григория Мамиконяна вплоть до его смерти происходят также на территории Армении⁷. Таким образом, никаких фактов, подтверждающих гипотезу Р. М. Бартикяна о пребывании Григория Мамиконяна в Эписпарисе, в источниках нет.

Во-вторых, у Петра Сицилийского Крикоракис прямо назван «местным архонтом» (*θεοφίλης τις ἀνὴρ τῶν ἐκείσε ἀρχόντων*)⁸, т. е. коренным жителем Эписпариса, что едва ли можно было сказать об иноземце Григории Мамиконяне.

Что касается тезиса Р. М. Бартикяна об армянском происхождении имени «Крикоракис», то, даже если армянский ученый прав, это не свидетельствует в пользу того, будто «архонт Крикоракис» не был византийским подданным, а являлся жителем Великой Армении. Известно, что в Византии, особенно на востоке империи, проживало много армян. Вероятно, и наш «архонт Крикоракис» был из их числа.

Следует заметить также, что, хотя Р. М. Бартикян считает Григория Мамиконяна противником павликиан, на основании текста Гевонда можно сделать прямо противоположный вывод. На протяжении всего повествования о подготовке и ходе восстания 747—748 гг. мы видим, что главным противником Григория Мамиконяна является Ашот Багратуни, назначенный арабами правителем Армении. Если учесть, что в противоположность Григорию Мамиконяну, последовательно выступавшему за восстание, Ашот Багратуни был противником вооруженного выступления и в конце концов стал на путь прямой измены своему народу, то станет ясно, что они возглавляли различные группировки армянской знати. Нужно отметить, что сочинение Гевонда освещает события весьма тенденциозно. Все симпатии историка на стороне князя Ашота Багратуни. Оно и понятно: свою «Историю» Гевонд писал по заданию князя Шапуха из рода Багратуни и должен был надлежащим образом представить деятельность всех князей этого рода⁹. Вот почему действия князя Ашота, в том числе и его измена, всячески им оправдываются, а действия Григория Мамиконяна осуждаются. Гевонд не жалеет бранных слов по отношению к вождю восстания, называет его «злым Григорием» и «изменником»¹⁰. Описывая начало восстания, Гевонд сообщает, что к войску восставших присоединились многочисленные «сыны греха»¹¹, совершавшие преступления и не знавшие почтения к властям (т. е. лица, выступавшие против феодального правопорядка,

⁴ «История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в.», пер. с армянского К. П. Патканова. СПб., 1862, стр. 86 (далее — *Гевонд*); см. также: Р. М. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения, стр. 115.

⁵ *Гевонд*, стр. 138, прим. 87.

⁶ *Ch. Astruc*. . . *Op. cit.*, p. 51.

⁷ См. *Гевонд*, стр. 87.

⁸ *Ch. Astruc*. . . *Op. cit.*, p. 51, 12.

⁹ *Гевонд*, стр. 117.

¹⁰ Там же, стр. 84—87.

¹¹ Р. М. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения, стр. 115. В переводе К. П. Патканова вместо «сынов греха» стоит «сыны преступления» (см. *Гевонд*, стр. 86).

среди которых, вероятно, находились и павликиане). Это обстоятельство оттолкнуло от восстания князя Ашота и привело его на путь измены, а Григорий Мамиконян продолжал борьбу еще целый год, пока не умер («око-лел» — по выражению Гевонда)¹².

Из всего этого мы можем заключить, что князь Ашот представлял ту часть армянской знати, которая вступила в соглашение с арабскими властями. Гевонд сообщает, что Ашот выступал против восстания, чтобы и дальше спокойно владеть своими имениями¹³. Он изменил восставшим, опасаясь, что движение может обернуться и против собственных феодалов. В противоположность ему Григорий Мамиконян возглавлял патриотически настроенную часть армянской знати, которая, стремясь к свержению иноземного ига, готова была идти на временный союз с павликианами и другими оппозиционными элементами, чтобы подчинить их своему влиянию и направить народное недовольство исключительно в русло борьбы с арабами. Именно этот союз оттолкнул от восставших Ашота Багратуни и привел к открытой борьбе между ним и Григорием Мамиконяном, кончившейся пленением и ослеплением Ашота¹⁴. Из всего этого следует, что решительным противником павликиан Григорий Мамиконян не был.

Что же касается мнения Р. М. Бартикяна о том, что в действиях «архонта Крикорахиса не находит выражения политика Византийской империи по отношению к еретикам»¹⁵, то и с этим нельзя вполне согласиться. Мы знаем, что иконоборческие императоры, борясь с иконопочитателями, проявили известную терпимость по отношению к еретикам, в том числе и к павликианам. Однако этот союз с еретиками не имел официального характера и осуществлялся в обход законодательства. Ни один антиеретический закон не был отменен. Согласно постановлению Эклоги, манихей (т. е. павликиане) и монтеизисты подлежали смертной казни мечом¹⁶. Поэтому действия «архонта Крикорахиса», с точки зрения действовавшего тогда в Византии права, были вполне законными. К тому же точно неизвестно, когда именно иконоборческие императоры стали проявлять терпимость к еретикам. Возможно, что в момент бегства павликиан из Армении в Эписпарис этой терпимости еще не было и «архонт Крикорахис» (вероятно, представитель местной администрации) поступил с новоприбывшими павликианами по всей строгости закона.

Однако напряженная внутренняя обстановка в Византии этого времени, связанная с иконоборчеством, толкала правительство на союз с различными еретическими сектами. Иконоборческое правительство очень скоро поняло всю выгоду союза с новоприбывшими павликианами и, по-видимому, именно с этого времени стало относиться к ним более терпимо. Это явствует из сообщения Петра Сицилийского о том, что ересиарх Иосиф-Эпафродит, бежавший после расправы, учиненной Крикорахисом, в Антиохию Писидийскую, спокойно жил там около 30 лет и умер своей смертью¹⁷.

¹² Гевонд, стр. 87.

¹³ Там же, стр. 86; Р. М. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения, стр. 114.

¹⁴ Гевонд, стр. 87.

¹⁵ Р. М. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения, стр. 48.

¹⁶ С. E. Zachariae von Lingenthal. Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Lipsiae, 1825, S. 51; см. также: Е. Э. Лунин. Некоторые вопросы Византии VIII—первой половины IX в. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 262; J. Couillard. L'hérésie dans l'empire byzantin dès origines au XIIe siècle. — «Travaux et Mémoires», t. 1, 1965, p. 312.

¹⁷ Ch. Astruc. . . Op. cit., p. 51. 15—16.

П. И. ЖАВОРОНКОВ

НИКЕЙСКО-ЛАТИНСКИЕ И НИКЕЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1211—1216 ГГ.

Весной 1211 г. Феодор I Ласкарь (1205—1222) закончил военные приготовления к захвату Константинополя — укрепление войска и флота — и намеревался совместно со своим союзником, болгарским царем Борилом, напасть на город¹. Но он еще не успел начать наступление, как пришлось известие о нападении султана Кей-Хюсрева I на южные границы империи.

Источники ничего не сообщают, но можно предположить, что время похода султана было выбрано не случайно, а согласовано с латинским императором Генрихом, союзником Иконии, которому в этот момент было важно помешать наступлению Феодора на Константинополь. К тому же Иконийский султанат видел в укреплении и усилении империи потенциальную угрозу своим планам прочно обосноваться на Средиземноморском побережье (Атталия) и выйти к берегам Черного моря, чтобы мусульманские купцы могли вести торговлю как с итальянскими республиками, к которой они активно стремились², так и с княжествами Древней Руси³.

Вторжение большой и сильной сельджуцкой армии представляло серьезную опасность существованию Никейской империи. Однако в сражении, происшедшем около Антиохии на Меандре, Феодору I Ласкарю удалось разгромить 20-тысячное⁴ войско султана, а его самого убить. И если в описании подготовки к сражению и самого сражения у исследователей нет большого различия (полнота одних и краткость других диктуются соображениями темы), то в отношении даты битвы и последствий ее, прежде всего в плане территориальных изменений, до сих пор нет единодушия, хотя основания для единомыслия есть.

Еще в 1948 г. Ж. Лоньон⁵ убедительно доказал, что сражение произошло в июне 1211 г. Однако и после этого⁶ датой сражения одними авто-

¹ J. A. C. Buchon. Recherches et matériaux pour servir à une histoire de la domination française au XIIIe, XIVe et XVe siècles, t. II. Paris, 1840, p. 211 (далее — *Buchon*, II).

² A. A. Vasiliev. Histoire de l'Empire Byzantin, t. 2. Paris, 1932, p. 186; *Cl. Cahen*. Pre-Ottoman Turkey. A general survey of the material and spiritual culture and history c. 1071—1330. New York, 1968, p. 120.

³ W. Heyd. Histoire du commerce du Levant au moyen âge, t. I. Leipzig, 1885, p. 298—299; J. Irmscher. Das Nikänische Kaisertum und Russland. — *Byz.*, 40, 1970, S. 379.

⁴ Nicephori Gregorae Byzantina historia, v. I, ed. J. Schopen. Bonnae, 1829, p. 19. 18—20 (далее — *Greg.*, I). Численность войск, по-видимому, не преувеличена, так как известно, что султан брал по 10 тыс. воинов от каждого из 24 племен огузов и туркоман, обитающих в Анатолии. См. Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. Происхождение и основные этапы этнической истории. М., 1971, стр. 90—91.

⁵ J. Longnon. La campagne de Henri Hainaut en Asie Mineure en 1211. — «Bulletin de l'Académie royale de Belgique», t. 34, fasc. 8—9. Bruxelles, 1948 («Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques», 5e sér.), p. 442—452.

⁶ До этого в основном указывался 1210 г. (*Ed. Muralt*. Essai du chronographie byzantine, t. 1. St.-Petersbourg, 1871, p. 309; *R. P. Leonce*, *M. Alishan*. Leon le Magnifique,

рами считается 1210 г.⁷, а другими, хотя и 1211 г.⁸, но без указания месяца, как будто работы Ж. Лоньона вообще не существует.

Если указание на 1211 г. (без месяца) в некоторых случаях и простиительно, то ссылка на 1210 г., или февраль⁹, весну¹⁰ и лето¹¹ 1211 г. говорит о том, что авторы или не принимают датировку Ж. Лоньона (не доказывая этого), или не знают ее, что сомнительно. Интересно, что до сих пор ни один автор не указал на июнь 1211 г. как на дату битвы и не сослался на его работу. Даже Я.-Л. ван Дитен¹² не уделяет должного внимания работе Ж. Лоньона: упомянув о ней вскользь, Я.-Л. ван Дитен датирует сражение июнем 1210—июнем 1211 гг.

Однако мы это говорим не только с целью напомнить о датировке французского ученого, но прежде всего потому, что надеемся с помощью некоторых источников, на которые мало обращали внимания, подтвердить и уточнить датировку Ж. Лоньона. Если последний в определении даты сражения опирается исключительно на письмо Генриха от 13 января 1212 г., то мы сделаем упор на сообщения Ибн аль-Асира, Ибн Биби, народного переложения «Сельджук-намэ» и особенно на одну надгробную надпись в Никее.

Ибн аль-Асир, современник этого события, говорит, что битва произошла 7 июня 1211 г.¹³ И хотя народное переложение хроники Ибн Биби «Сельджук-намэ», составленное через столетие после этого, дает несколько более раннюю дату — 13 dju-l-hidje 607 года хиджры¹⁴, что соответствует 28 мая 1211 г., — однако сам автор Хроники, написанной в начале 80-х годов XIII в., сельджукский историк Ибн Биби, сообщает, что «книга

---

priemier roi de Sisouan ou l'Arménocilie. Venise, 1888, p. 82; A. Gardner. The Lascarids of Nicaea. London, 1912, p. 8; P. Wittek. The Rise of the Ottoman Empire. London, 1938, p. 27; G. de Jerphanion. Les inscriptions cappadociennes et l'histoire de l'empire grec de Nicée. — OCP, 1, 1935, p. 249; B. Sinogowitz. Die abendländische Politik der griechischen Staatenwelt zur Zeit des lateinischen Kaiserreiches (1204—1261). Diss. München, 1944, Maschinenschrift, S. 41 u. a.) и редко 1211 г. (J. de Hammer. Histoire de l'empire Ottoman, t. 1. Paris, 1835, p. 32; Dr. J. H. Löytved. Konia, Berlin, 1907, S. 4.

⁷ Советская историческая энциклопедия, т. 12. М., 1969, стр. 720; Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. . . , стр. 114; G. Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Reiches. München, 1963, S. 306; T. T. Rice. The seljuks in Asia Minor. London, 1961, p. 21, 68; H. Ahrweiler. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations Turques (1081—1317), particulièrement au XIIIe siècle. — «Travaux et Mémoires», t. 1. Paris, 1965, p. 7; G. Prinzing. Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in den Jahren 1204—1219 im Zusammenhang mit der Entstehung und Entwicklung der Byzantinischen Teilstaaten nach der Einnahme Konstantinopols infolge des 4. Kreuzzuges. München, 1972, S. 80; E. Werner. Die Geburt einer Grossmacht die Osmanen (1300—1481). Berlin, 1972, S. 45, 51; A. D. Karpozilos. The ecclesiastical controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epiros (1217—1233). Thessalonikes, 1973, p. 20, n. 19.

⁸ V. Grumel. La Chronologie. Paris, 1958, p. 384; H. Ahrweiler. Byzance et la mer. Paris, 1966, p. 313, n. 6; Sp. Vryonis. Le rôle de Byzance. Paris, 1968, p. 159; idem. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. London, 1971, p. 131.

⁹ «История Византии», т. 3. М., 1967, стр. 54.

¹⁰ D. M. Nicol. The Fourth Crusade and the greek and latin Empires, 1204—1261. — «Cambridge Medieval History», IV, 1, 1966, p. 296.

¹¹ N. Oikonomides. Cinq actes inédits du patriarche Michael Autôreianos. — REB, t. 25, 1967, p. 127.

¹² J.-L. van Diten. Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. Berlin — New York, 1971, S. 59, 162.

¹³ Ibn-al-Atir. Chronicon quod perfectissimum inscribitur Ibn. . . , ed. C. J. Tornberg. Leiden, 1873, t. XII, p. 154. В издании М. Ш. Шефера отрывков из Ибн Биби (M. Charles Schefer. Quelques chapitres l'abrégé du Seldjouk Namèh. . . — «Publications de l'école des Langues orientales vivantes», III série, vol. V. Paris, 1889), которым мы пользовались, p. 61.

¹⁴ Отрывки — у К. Каэна. См. C. Cahen. Seldjukides de Rûm Byzantins et Francs d'après Seljuknâme anonyme. — «Annales de l'Institut de Philologie et d'Histoire orientales et slaves de l'Université de Bruxelles», XI. Bruxelles, 1951 (=«Melanges H. Gregoire», III), p. 102.

судьбы султана закрылась» в самом начале 608 г. хиджры¹⁵, т. е. сразу после 15 июня 1211 г. Далее. Даже Абу-ль-Фида, писавший более чем через 100 лет после этого события, помещает сражение в самом конце 607 г., который кончается 14 июня 1211 г.¹⁶ Таким образом, все восточные источники, за исключением одного, датируют сражение июнем 1211 г., что полностью согласуется с датировкой Ж. Лоньона, основанной на письме Генриха в Брюссельской рукописи.

Обратимся теперь к эпиграфическому источнику греческого происхождения. В Никее, в храме Армян (τῶν Ἀρμενίων) находится могила 35-летнего принца Мануила Комнина¹⁷, который, согласно надгробной надписи, умирает 14 индикта 6719 г.¹⁸, т. е. 17 июня 1211 г. Уже А. Милиаракис^{18а} указывал на эту надпись и полагал, что Мануил Комнин¹⁹ был взят в плен в этом сражении вместе с Алексеем III²⁰, а затем умер в Никее. Предположение о пленении возникло у А. Милиаракиса вследствие датировки эпитафии не 1211, а 1212 г.²¹, т. е. через два года после битвы Феодора I Ласкаря с Кей-Хюсревом I — согласно дате сражения (1210 г.), принятой А. Милиаракисом. Но поскольку речь в эпитафии идет о 17 июне 1211 г., поскольку все основные восточные источники датируют это событие июнем 1211 г., хотелось бы предположить, что дата смерти Мануила и дата сражения не просто совпадают, а как-то связаны друг с другом. И если наше предположение верно, то сражение могло произойти именно 17 июня 1211 г.

Последствия этого сражения как для победителя, так и для побежденного были огромными. С этого времени Иконийский султанат отказывается от прямого захвата восточных и южных областей империи и стремится к сохранению статус-кво (мы не имеем в виду мелкие набеги «гази»). Сельджуки понимали, во-первых, трудность завоевания греческих земель, а во-вторых, необходимость выхода к Черному морю и защиты своих земель от восточных и южных соседей, необходимость, которая не позволяла думать о завоеваниях на Западе²².

Однако планы султана о поддержании статус-кво не нашли, как показывают события 1211—1216 гг., поддержки со стороны Никей. «Неразрывный союз»^{22а} (каким он не был), заключенный вскоре после сражения по просьбе сельджуков на условиях, выгодных для ромеев²³, хотя и гаранти-

¹⁵ H. W. Duda. Die Selttschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959, (далее — H. Duda), S. 50.

¹⁶ Aboulfeda. Annales Muslemici. t. 5. Kopenhagen, 1794, p. 245.

¹⁷ Об идентификации принца Мануила Комнина см. M. Matthiae. Un πρίγκις Manuel Comnène, issu de terre sicilienne. — Byz., 23, 1953, p. 132 — 137.

¹⁸ Corpus Inscriptionum Graecarum, v. 4. Berolini, 1877, N 9262, p. 84—85.

^{18а} A. Μηλιαράκης. Ἱστορία τοῦ βασιλείου Νικαίας καὶ τοῦ δεσποτάτου τοῦ Ἡπείρου, 1204 — 1261. Ἐν Ἀθήναις, 1898, σ. 84.

¹⁹ Правда, А. Милиаракис считал Мануила племянником Алексея III. Согласно же изысканиям французского исследователя (см. прим. 17), принц Мануил был сыном племянницы императора Мануила I Комнина Феодоры от брака с антиохийским принцем Боэмундом III в 1175 г.

²⁰ Что Мануил участвовал в сражении с Алексеем III, — всего лишь гипотеза, не подтверждаемая пока источниками.

²¹ A. Μηλιαράκης. Op. cit., p. 84.

²² P. Wittek. The Rise. . . , p. 27.

^{22а} Georgii Acropolitae Opera, rec. A. Heisenberg, v. I. Lipsiae, 1903 (далее — Acrop., I), p. 17.16—18, Ф. Дельгер (F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches, III. München, 1932, № 1682) считает, что в 1211 г. был заключен договор не о мире, а только перемирие. Это мнение не лишено оснований, если иметь в виду военные действия Феодора в 1214—1216 гг. с сельджуками (см. ниже).

²³ Greg., I, p. 21.12—15; Свидетельство Ибн Биби (H. Duda, S. 57—58), что посольство с предложением о мире было послано к Кей-Каусу I Феодором, боявшимся мести за убийство отца, маловероятно. Совершенно лишено оснований мнение А. Мюллера («История ислама», т. 3, стр. 179) и Т. Хутсмы (T. Houtsma. Über eine türkische Chronik zur Geschichte der Selgyen Klein-Asiens. — Actes du VIe Congrès International des Orientalistes, II. Leyden, 1885, S. 376), что после этой битвы Никейская империя сделалась данником султаната.

ровал безопасность восточной границы и давал ромеям отдых ²⁴, по-видимому, не позволил полностью реализовать планы восточной политики Феодора.

Прежде всего договором не предусматривалось никаких территориальных изменений в пользу Никейской империи, ибо источники ничего об этом не сообщают. Точку зрения Г. де Жерфаньона, что вслед за этим сражением было подчинение района каппадокийских церквей возле Кесарии ²⁵, следует признать неверной ²⁶. Мнение, что Атталиа была уступлена Феодору ²⁷, тоже не подтверждается источниками. Напротив, Ибн Биби говорит, что город после победы восстал и пригласил латинян с Кипра, но вскоре был взят сельджуками ²⁸.

Кроме того, неудовлетворенность договором подтверждает и тот факт, что уже через три года, летом 1214 г., Феодор предпринял поход против сельджуков и захватил Атталию (см. ниже). Поэтому мы не можем согласиться с существующим в литературе мнением, что сражение на Меандре положило начало статус-кво между Иконийским султанатом и Никейской империей ²⁹, хотя Икония после 1211 г. к нему и стремилась. В ходе дальнейшего изложения мы покажем это.

Но если не было территориальных приобретений, то моральное значение этого сражения трудно переоценить. Оно породило надежды не только среди многочисленного греческого населения султаната ³⁰, но и среди всех греков как Никейской, так и Латинской империй, поверивших, что Феодор может явиться настоящим освободителем Константинополя от лати-

²⁴ *Theodori Scutariotae Additamenta*. — In: *Acrop.*, I, p. 277. 14—278.3 (далее — *Scut.*).

²⁵ Г. де Жерфаньон (*G. de Jerphanion*). *Les inscriptions cappadociennes*. . . , p. 239—256) на основе трех новооткрытых каппадокийских надписей в пещерных церквях с именами императоров Феодора I Ласкаря и Иоанна III Ватаца, датированных 1212 г., 1216/1217 г. и началом правления Ватаца, и привлекая известие Григоры, что империя Феодора I к востоку простиралась «до самой Каппадокии» (*Greg.*, I, p. 16. 25), пришел к выводу, что эта территория на непродолжительное время была владением Никейской империи (как следствие битвы 1211 г.), то ли в виде анклава, то ли соединялась коридором между Ликаонией и Галатией с остальной империей.

²⁶ Ибо нельзя не согласиться с точкой зрения П. Виттека (*P. Wittek*. *Von der byzantinischen zur türkischen Toponymie*. — *Byz.*, 10, 1935, S. 47), П. Хараниса (*P. Charanis*. *On the Asiatic Frontiers on the Empire of Nicaea*. — *ОСР*, 13, 1947, p. 58—62), Р. Вольфа (*R. Wolff*. *The Lascarids' Asiatic Frontiers. Once More*. — *ОСР*, 15, 1949, p. 194—197) и П. Губерта (*P. Goubert*. *S. J. Note sur l'histoire de la Cappadoce au début du XIIIe siècle*. — *ОСР*, 15, 1959, p. 198—201), основывающейся на убедительной аргументации, что этот район, заселенный христианами, никогда не был территорией империи и что надписи возникли как выражение надежды греков на присоединение их к империи. Особенно после победы Феодора I при Антиохии. на Меандре 17 июня 1211 г. Помимо этого следует добавить, что Феодору вслед за этим пришлось вести тяжелую войну с Генрихом. Так когда же он мог завоевать эту область Каппадокии до 1212 г.?

²⁷ *Ф. И. Успенский*. *История Византийской империи*, т. 3. М.—Л., 1948, стр. 549, 551.

²⁸ *H. Duda*, S. 61—63.

²⁹ *P. Wittek*. *The Rise*. . . , p. 27; *M. F. Körpülü*. *Les origines de l'Empire Ottoman*. Paris, 1935, p. 37—38.

³⁰ Существование значительного греческого населения в Иконийском султанате не подлежит сомнению. Часть осталась там после завоевания сельджуками областей Малой Азии, как, например, в Каппадокии. Но часто султаны силой и обещаниями переселяли жителей из пограничной греческой полосы на свою территорию. Так Кей-Хюсрев I в 1198 г. поселил 5 тыс. жителей Карии и Тантала около Филомилии, освободив их на 5 лет от налогов. См. *Nicetae Choniatae historia*. Bonnae, 1835 (далее — *Nic. Chon.*), p. 665, 1—657. Это привело к тому, что население целых ромейских городов переселилось к сельджукам (*ibid.*, p. 675, 6—18). Именно из таких ромеев был организован особый отряд под командованием Михаила Палеолога, который мужественно сражался с татаро-монголами в 1256 г. (*Acrop.*, I, p. 137. 13—14). В сражении 1243 г. при Кёседаго также находились ромейцы (*Gregorii Abulpharagii sive Bar-Hebraei Chronicon Syriacum*. Lipsiae, t. 2. 1789, p. 497, далее — *Abulpharagii Chronicon*), а еще ранее (1237 г.) другой отряд штурмовал Амиду (*Abulpharagii Chronicon*, p. 502). К тому же матери султанов часто были христианками, например у Кей-Хюсрева I. (*Nic. Chon.*, p. 690. 2) и Кей-Кайса II (*H. Duda*, S. 283—284). Ср. *R. S. Atabinen*. *Les Turcs occidentales et la Méditerranée*. Istanbul, 1956, p. 137.

нян³¹. И он, используя эти надежды, разослал письма во все греческие области³², в том числе и в Константинополь³³, требуя помощи, чтобы изгнать «латинских собак». Греки Константинополя обещали ему помощь, если он пойдет на столицу³⁴, и стали, по-видимому, готовить восстание против латинян по секретному плану, который им, как и письмо, привез Николай Месарит³⁵. Положение Генриха было критическим, тем более, что многие из латинян желали перейти на службу к Феодору. В этих условиях Генрих не стал ожидать нападения Ласкаря, а сам выступил (июль 1211 г.³⁶) против никейского императора.

О ходе военных действий в 1211 г. между Феодором и Генрихом мы знаем исключительно благодаря письму последнего папе, ибо Акрополит, «чтобы не затягивать далеко историю»³⁷, ничего не сообщает о сражениях, а сразу переходит к условиям договора. Однако ход военных действий был неблагоприятным для Феодора. Греческое войско, как в июле около Пиг, так и 15 октября 1211 г. на Риндаке около Прусы, несмотря на численное превосходство, потерпело поражение³⁸. Но Генрих не рискнул осадить сильно укрепленные Прусу и Никею, а пошел на юг, где сопротивление было минимальным, так как население ушло в горы, а у Феодора не было сил, чтобы помешать его продвижению. К январю 1212 г. он достиг Нимфея³⁹, а затем повернул назад и не позднее 13 января прибыл в Пергам.

На этом сведения, которые можно почерпнуть из письма Генриха, кончаются, и у историков до сих пор нет полной ясности и единодушия как о ходе военных действий в 1212 г., так и о взаимоотношениях между Никейской и Латинской империями в 1212—1214 гг.⁴⁰ Такое положение сложилось, как нам кажется, потому, что при описании кампании Генриха недостаточно привлекались и не тщательно сопоставлялись свидетельства Акрополита и Николая Месарита. Обратимся к ним.

Письмо от 13 января 1212 г. Генрих писал из Пергама, т. е. он уже оставил район Смирны и шел к Адрамитию. Что же заставило его покинуть так быстро район южнее Пергама? Прежде всего невозможность удержать завоеванное теми силами, что он имел⁴¹. Во-вторых, сопротивление гре-

³¹ Μιχαὴλ Ἀγομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σοφώμενα, v. II. Athen, 1880, ed. Sp. Lampros. (далее — *Lampros*, II), p. 354—355; *Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae*. rec. I. A. van Dieten. Berolini, 1972 (далее — *Nic. Chon. Orationes*), p. 175. 24—35. См. также А. А. Васильев. История Византии. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империи (1204—1261). Пг., 1923, стр. 17. Восстание населения Атталии также было вызвано этой победой.

³² *Buchon*, II, p. 212; *F. Dölger. Regesten*. . . , III, N 1683.

³³ A. Heisenberg. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion, II: Die Unionsverhandlungen vom 30. August 1206. Patriarchenwahl und Kaiserkrönung im Nikaia 1208. — SBAW, Phil.-hist. Klasse. München, 1923, N 2 (далее — A. Heisenberg, NQ, 2), S. 43, 25.

³⁴ *Buchon*, II, p. 212.

³⁵ A. Heisenberg, NQ, 2, S. 43. 26; *N. Oikonomides. Cinq actes*. . . , p. 127—128.

³⁶ J. Longnon. La campagne. . . , p. 446; *idem*. L'empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. Paris, 1949, p. 126.

³⁷ *Acrop.*, I, p. 27. 15.

³⁸ *Buchon*, II, p. 212—213. Хотя у латинян (например в битве при Риндаке) было всего 260 рыцарей, а войско Ласкаря насчитывало около 1700 чел. (из них 160 латинян), однако победило превосходство в вооружении и военное искусство (*Buchon*, II, p. 213). Подробнее о сражении см. А. Μηλιαράκης. *Op. cit.*, p. 89—90; J. Longnon. La campagne. . . , p. 448.

³⁹ *Acrop.*, I, p. 27. 16—18; ср. *Buchon*, II, p. 213.

⁴⁰ Великолепная статья Ж. Лоньона, базирующаяся на письме Генриха, не дает также ответа на вопрос о характере взаимоотношений в 1212—1214 гг.

⁴¹ В письме к друзьям на Западе от 13 января 1212 г. (*Buchon*, II, p. 213), а также в послании к «преподобным отцам. . . и прелатам Фландрии» [*Ph. Lauer. Une lettre inédite d'Henri Ier d'Angre, empereur de Constantinople, aux prélats italiens (1213). — «Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger, Membre de l'institut à l'occasion du quatre-vingtième anniversaire de sa naissance, t. I. Histoire du Bas Empire. Paris, 1924, p. 201*], написанном в то же время (Ф. Лоэ неверно датирует его 13 января 1213 г. — *Ph. Lauer. Op. cit.*, p. 197), Генрих просил о помощи, так как не имел достаточно сил, чтобы удержать завоеванные земли.

ческого населения района Смирны, которым руководил тогда брат Феодора Ласкаря Георгий, дука Фракийской фемы, о чем мы узнаем из трех грамот от 1235/36 г.⁴² И в-третьих, необходимость завоевания нескольких крепостей, оставленных в тылу, о чем латинский император писал в конце письма⁴³.

Что же это за крепости? Прежде всего Лентяна и Пиманинон, о взятии которых сообщает Акрополит⁴⁴. Однако он помещает это свидетельство после описания условий договора⁴⁵, заключенного позднее между Никеей и Латинской империей. Означает ли это, что они действительно были завоеваны после заключения мира, т. е. соглашение о мире было нарушено, что было обычным для того времени (вспомним нарушения перемирий 1205 г. и 1207 годов), и эти события не относятся к 1212 г.? Такое предположение неверно, поскольку из условий договора нам известно, что Лентяна и Пиманинон отходили к латинянам⁴⁶ и не было необходимости вновь их потом завоевывать.

Значит, у Акрополита сообщение о заключении соглашения о мире предшествует событиям, которые случились до этого. В таком случае хочется предположить, что взятие Лентяны и Пиманинона произошло между июлем и октябрём 1211 г., так как после завоевания в июле Пиг Генрих направился к Пруссе и проходил мимо Пиманинона и Лентяны. За то, что он мог бы взять их именно в этот период, говорит и время, которое он потратил на путь от Пиг до Риндака (июль—октябрь)⁴⁷.

Однако при внимательном сопоставлении источников оказывается, что взятие упомянутых крепостей не могло произойти до января 1212 г. Во-первых, если бы Генрих взял их летом—осенью 1211 г., он обязательно написал бы об этом в письме, которое подробно освещает события 1211 г. Во-вторых, в пользу 1212 г. говорит и то обстоятельство, что Генрих после взятия Лентяны и Пиманинона не убил никого из греков⁴⁸, а, напротив, включил их в войско и поставил над этими областями в качестве правителей знатных греков. Эта мера объясняется не только политикой балансирования между греками и латинянами, которую он проводил и раньше⁴⁹, но и недостатком сил, который, конечно, обнаружился не в начале похода (1211 г.), а после января 1212 г., о чем он сам пишет. В-третьих, если бы крепости были взяты в июле—октябре 1211 г., то Акрополит должен был написать о взятии Пиманинона и Лентяны, а не наоборот, что соответствовало бы маршруту движения латинского войска от Пиг к Пруссе. Указание на взятие Лентяны и Пиманинона говорит о том, что это произошло при его возвращении с юга в Пиги. И наконец, в-четвертых, согласно Николаю Месариту, Феодор Ласкарь в ходе борьбы с Генрихом захватил около Пиг отряд латинян⁵⁰. В пользу того, что здесь не имеется в виду сражение в июле 1211 г., говорит тот факт, что тогда он потерпел поражение. Значит, это сражение при Пиги произошло после января 1212 г.

⁴² MM, t. 4, p. 35, 38, 40; H. Ahrweiler. L'histoire. . ., p. 138—139.

⁴³ Buchon, II, p. 213.

⁴⁴ Acrop., I, p. 28. 17—18.

⁴⁵ Ibid., p. 27. 21—28. 10; F. Dölger. Regesten. . ., III, № 1684. К вопросу о сущности договора мы еще вернемся.

⁴⁶ Acrop., I, p. 28. 7—10; Τοῦ Ἀκροπόλεως κυροῦ Γεωργίου ἐπιτάφιος τῷ ἀδελφῷ βασιλεὶ κυρῷ Ἰωάννῃ τῷ Δούκῃ. — In: Georgii Acropolitae Opera, v. II. Lipsiae, 1903 (далее — Acrop., II), p. 16. 2—4.

⁴⁷ Только на осаду Лентяны он потратил 40 дней (Acrop., I, p. 28.20—22).

⁴⁸ При осаде из знатных погибли только брат Феодора Ласкаря и Дермокаит (Scut., p. 280.5—6).

⁴⁹ Scut., p. 279.1—280.2; ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Хронологические выписки. — Архив Маркса и Энгельса, т. V. М., 1938, стр. 202.

⁵⁰ A. Heisenberg. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion, III: Der Bericht des Nikolaos Mesarites über der politischen und Kirchlichen Ereignisse des Jahres 1214. — SBAW, Phil.-hist. Klasse. München, 1923, № 3 (далее — A. Heisenberg, NQ, 3), S. 9. 5—8; ср. ibid., S. 65.

Следовательно, военные действия зимой—летом 1212 г. происходили именно в этом районе и крепости были взяты Генрихом тоже в это время.

Подведем итоги. После января 1212 г. Генрих направился в области фемы Опсикий и, завоевав ее, подошел к Лентиане и Пиманинону, обороной которых руководили соответственно Константин Ласкарь и Дермокаит, и после длительной осады взял их⁵¹. По-видимому, потом он ушел в Пиги, где через некоторое время и был атакован Феодором, который за зиму 1212 г. сумел собрать войско. Сражение, которое там произошло, закончилось, согласно Месариту, победой Ласкаря. Точная датировка этих событий затруднительна, но можно предположить, что все они произошли в течение зимы—лета 1212 г.

Дальнейшее рассмотрение взаимоотношений Никейской и Латинской империй невозможно без решения вопроса о времени и месте заключения договора о мире между ними. В литературе существуют две точки зрения относительно времени заключения договора о мире. Одни считают наиболее вероятной датой 1212 г.⁵², другие — декабрь 1214 г. или просто 1214 г.⁵³ В то же время те и другие исследователи называют этот договор Нимфейским. Так ли это?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к единственному источнику, повествующему об этом событии, — «Хронике» Георгия Акрополита. «Генрих поставил (свой) лагерь, — пишет Акрополит — у самого Нимфея, так как никто ему не мешал. Возвратившись оттуда, отчасти потому, что пресытился уже добычей, отчасти желая заключить перемирие, ибо латинское племя не слишком крепко стало в сражениях, — он вступил в союз с императором Феодором»⁵⁴.

Что можно извлечь из этого сообщения о характере, времени и месте соглашения? Прежде всего, что соглашение между Генрихом и Феодором было не договором о мире, а перемирием. Два места из этого отрывка говорят об этом. Во-первых, термин *συμβάσεις* («соглашения») не свидетельствует, что имеется в виду именно договор⁵⁵. Во-вторых, выражение *ἐκχευρίαν ἑθελήσας λαβεῖν* («желая заключить перемирие») прямо указывает на заключение именно перемирия, а не договора о мире.

Кроме того, известно, что кардинал Пелагий, легат Рима, был послан папою осенью 1213 г. в Константинополь не только для переговоров по церковным вопросам с греческим духовенством, но и для заключения мира между Никеей и Латинской империей. Переговоры о мире начались в се-

⁵¹ Предположение А. Гарднер (*A. Gardner. The Lascarids of Nicea*, p. 84—85), что взятие Лентианы и Пиманинона произошло в 1214 г., необоснованно, так как по условиям соглашения о перемирии, которое было заключено в 1212 г. (см. ниже), эти крепости отошли к Латинской империи.

⁵² *B. Sinogowitz. Die abendländische Politik. . .*, S. 42; *L. Bréhier. Le monde byzantin*, t. 1. *Vie et mort de Byzance*. Paris, 1947, p. 345; *H. Ahrweiler. Byzance et la mer*, p. 313.

⁵³ «История Византии», т. 3, стр. 54; *Д. Ангелов. История на Византия*, ч. 3 (1204—1453). София, 1972, стр. 22; *J. Longnon. La campagne. . .*, p. 451; *D. M. Nicol. The Fourth Crusade. . .*, p. 300; *Sp. Vryonis. The Decline of Medieval Hellenism. . .* p. 131. К этой точке зрения ближе и Ф. Дэльгер (*F. Dölger. Regesten. . .*, III, № 1684), который относит его ко времени после 1212 г.

⁵⁴ *Асвор.*, I, p. 27.16—22.

⁵⁵ Говоря о договорах, Акрополит употребляет всегда выражения *εἰρήνη* (*Асвор.*, I, p. 14.22; 57.14; 127.10; 153.2; 175.18), *σπονδαί* (*Асвор.*, I, p. 17.17; 64.18; 65.22; 78.22; 92.8), *ἔρχει* (*Асвор.*, I, p. 49.5; 57.12; 67.15; 133.14) или *συνθήκαι* (*Асвор.*, I, p. 38.6; 70.5; 88.16), но никогда не *συμβάσεις*, за исключением одного раза (*Асвор.*, I, p. 91.23). Речь идет о договоре Иоанна III Ватаца с Михаилом II в 1252 г. Как в соглашении 1212 г. между Генрихом I и Феодором I, так и в соглашении 1252 г. термин *συμβάσεις* («соглашения») предшествует перечислению территорий, отошедших к той и другой стороне. Однако, если в соглашении 1252 г. вслед за этим Акрополит говорит, что обе стороны заключили договор (*σπονδαί*. — *Асвор.*, I, p. 92.8), то в соглашении 1212 г. нет и намек на это, а напротив, ясно указывается на перемирие (*ἐκχευρία*. — *Асвор.*, I, p. 28.19).

редине октября 1214 г., но окончательный договор был подписан только в конце декабря того же года ⁵⁶.

Итак, у Акрополита речь идет о перемирии, которое предшествовало заключению мирного договора в декабре 1214 г. Остается выяснить два вопроса: когда было заключено перемирие между Феодором и Генрихом и было ли оно подписано под Нимфеем, т. е. было ли Нимфейским ⁵⁷.

Во-первых, Акрополит ясно говорит, что Генрих, «возвратившись оттуда» (из своего лагеря под Нимфеем) ⁵⁸, т. е. придя в Константинополь, вступил в соглашение с Феодором. Во-вторых, даже если предположить, что Генрих пошел оттуда не в Константинополь, а к Феодору Ласкарю для заключения перемирия, — что уже само по себе не означает «у самого Нимфея» ⁵⁹, — возникает вопрос, когда он был у Нимфея, где мог бы заключить перемирие. Январь 1212 г. отпадает, так как Генрих говорит в письме не о перемирии, а наоборот, о намерении завоевать оставшиеся у греков крепости. Но может быть, он еще раз совершил поход к Нимфею и именно это описано у Акрополита?

Как мы уже выяснили, после января 1212 г. Генрих пошел на север и в течение нескольких месяцев завоевал области фемы Опсикий, крепости Лентияну и Пиманинон. Значит, он мог прибыть к Нимфею только летом—осенью 1212 г. Но едва ли поход Генриха мог с небольшим войском продолжаться более года, тем более, что Акрополит недвусмысленно говорит, что «латинское племя не очень выносливо в походах (сражениях)» ⁶⁰, т. е. не любит вести длительные войны. Кроме того, выражение Акрополита, что лагерь Генриха около Нимфея был «в то время, когда ему никто не мешал» ⁶¹, — скорее всего указывает на его пребывание здесь в начале января 1212 г., когда он действительно прошел беспрепятственно до этих мест ⁶².

Таким образом, Нимфей у Акрополита — это лагерь латинского императора близ Нимфея в январе 1212 г. С другой стороны, указание на возвращение Генриха в Константинополь (лето 1212 г.) и вступление его в соглашение с Феодором позволяет с уверенностью предположить, что перемирие было заключено не позднее конца 1212 г. и, во всяком случае, не под Нимфеем, а поэтому оно не может называться Нимфейским. Очевидно, следуя установившейся традиции (как в 1205 и 1207 гг.), перемирие было двухгодичным, тем более что ровно два года, в конце 1214 г., когда истек срок перемирия, и начались переговоры о мире.

В пользу того, что перемирие было заключено не позднее конца 1212 г., говорит и внешнеполитическая деятельность Феодора в 1213—1214 гг. Никейский император, используя междоусобицу в Иконийском султанате, уже в начале 1213 г. ищет союза с Киликийской Арменией, врагом Иконии, чтобы совместно выступить против сельджуков, а в следующем году (1214) захватывает у них Атталию (см. ниже). Мог ли Феодор идти на такое обострение отношений с Иконийским султанатом, не имея перемирия с латинянами? Думаем, что не мог.

И еще одно дополнение к этому. В хрисовуле Феодора I Ласкаря монастырю Иоанна на Патмосе от февраля 1214 г. ⁶³ говорится, что монастырские суда освобождаются от налогов на всем восточном побережье. Но инте-

⁵⁶ См. П. И. Жаворонков. Никейская империя и Запад (взаимоотношения с государствами Апеннинского полуострова и папством). — ВВ, 36, 1974, стр. 102—103.

⁵⁷ То, что декабрьский договор 1214 г. нельзя назвать Нимфейским, ясно без доказательств: он был заключен либо в Пафлагонии, либо в Никее, или в Константинополе.

⁵⁸ *Акрор.*, I, р. 27. 18—19.

⁵⁹ *Ibid.*, р. 27. 16—17.

⁶⁰ *Ibid.*, р. 27. 20—21.

⁶¹ *Ibid.*, р. 27. 17—18.

⁶² *Buchon*, II, р. 213.

⁶³ *MM*, t. VI, р. 165—166; *F. Dölger. Regesten.* . . , III, № 1687.

ресно, что самым северным портом малоазийского побережья, названным здесь, является Смирна, а из фем — Фракийская, что соответствует южной границе захваченных к середине 1212 г. латинянами областей и включенных в соглашение о перемирии. Значит, соглашение о перемирии и установление границ к 1214 г. являлось уже совершившимся фактом.

Итак, мы должны признать, что ни «Нимфейского перемирия», ни «Нимфейского договора» как таковых не было, а было перемирие 1212 г. и декабрьский договор 1214 г. о мире между Никейской и Латинской империями.

Соглашение о перемирии 1212 г. восстанавливало, если говорить в общих чертах, то положение, которое существовало зимой 1205 г. до ухода латинян из Малой Азии. Но если разобраться внимательнее, то имелись и некоторые отличия от 1205 г. в территориальных приобретениях и потерях той и другой стороны. Если в 1205 г. Генрих смог дойти только до Адрамития, то сейчас по перемирию к Латинской империи отходили земли значительно восточнее Адрамития: почти вся фема Опский, вплоть до фемы Неокастры, крепостей Пергама и Калама на юге и Ахирая и Лопадия на востоке ⁶⁴. С другой стороны, если Лопадий и восточное побережье Мраморного моря как в 1205 г., так и в 1207 г. отходили к латинянам, то по перемирию 1212 г. Лопадий и побережье (до Никомедии) входили в состав Никейской империи, о чем мы узнаем, помимо свидетельства Акрополита ⁶⁵, из сообщения Николая Месарита о его путешествии в начале ноября 1214 г. в Константинополь ⁶⁶.

Таким образом, перемирие 1212 г. хотя и свидетельствовало о поражении Никейской империи, однако, если исходить из его условий, а также из неспособности латинян удержать все захваченные области и предпринять в будущем их новое завоевание, его, как и впоследствии декабрьский договор 1214 г., не внесший никаких изменений, можно рассматривать как компромиссное. Это был последний успех Латинской империи, которая, просуществовав чуть более десяти лет, начала клониться к упадку. Но это проявится несколько позднее, после смерти Генриха I, а пока ей удалось не только потеснить Феодора Ласкаря, но и урегулировать отношения и со вторым основным соперником — Болгарией. Заключив договор о союзе, женившись на дочери Борила и выдав за последнего свою племянницу (1213 г.) ⁶⁷, Генрих не только ликвидировал угрозу со стороны Болгарии, но и лишил Никейскую империю ее единственного союзника.

Поэтому перед Феодором I Ласкарем вскоре после заключения перемирия с Латинской империей встала задача: найти союзников в предстоящих битвах с латинянами и сельджуками. Потенциальными союзниками Никей в 1213 г. могли быть только Эпир и Киликийская Армения. Но ввиду того, что к этому времени отчетливо проявились противоречия между Никейской империей и Эпиром, заложенные уже в самом процессе создания двух независимых греческих государств, претендующих на приоритет в овладении Константинополем, вопрос о союзе с Эпиром даже не поднимался.

Для союза же с Киликийской Арменией, одним из основных противников Иконийского султаната, препятствий не было. Поэтому Феодор,

⁶⁴ *Асроп.*, I, p. 27. 21—28. 8; *Асроп.*, II, p. 15.37—16.3.

⁶⁵ *Асроп.*, II, p. 16.3—4.

⁶⁶ Месарит пишет, что, проплыв одни сутки вдоль побережья, они достигли Никомидийского залива, северным берегом которого уже владели латиняне (*A. Heisenberg*, *NQ*, 3, p. 19.31—20.1). По-видимому, Феодору удалось одержать победу не только под Цигами, но и изгнать латинян из небольших приморских крепостей еще до заключения перемирия.

⁶⁷ *Г. Цанкова-Петкова*. Български-гръцки и българско-латински отношения при Калојане и Борила. — «Известия на института за история», 21, 1970, стр. 164—168; *В. Златарски*. История на българската държава през средните векове, т. 3. Второ Българско царство. България при Асеновци (1187—1280), под ред. на проф. Д. Ангелов. София, 1972, стр. 308—310. Кроме того, Болгария заключила унию с Римом.

желая использовать борьбу султана Кей-Кауса I (1211—1220) со своим братом Кей-Кубадом и дядей Тогрул-ханом из Эрзерума⁶⁸, уже в 1213 г. (не позднее лета)⁶⁹ начал переговоры о союзе с могущественным царем Киликийской Армении Левонам II (1198—1219)⁷⁰, еще в 1198 г. коронованным двумя коронами — германской и византийской⁷¹, — чтобы совместно выступить против Иконийского султаната, занятого междоусобными войнами. В свою очередь и для Левона II такой союз в это время был необходим, так как Киликийская Армения вела борьбу на два фронта — против сельджуков и Антиохийского королевства. Одновременно велись переговоры о браке Феодора I Ласкаря (его жена Анна умерла в конце 1211 г.)⁷² с дочерью Левона II — Ритой⁷³, которые продолжались более года и закончились в самом конце 1214 г.⁷⁴ браком никейского императора с принцессой. Но, как вскоре оказалось, это была не Рита⁷⁵, дочь Левона II, а его племянница — Филиппа⁷⁶, от которой Феодор имел сына Константина⁷⁷, а возможно, и дочь Софию⁷⁸. Но, вероятно, еще до брака был

⁶⁸ H. Duda, S. 64—65; G. de Jerphanion. Les inscriptions. . . , p. 251.

⁶⁹ На основании грамоты Феодора к синоду (октябрь 1213 г.): см. А. С. Павлов. Синодальная грамота 1213 г. о браке греческого императора с дочерью армянского князя. — ВВ, IV, 1897, стр. 164—165; F. Dölger. Regesten. . . , III, № 1686.

⁷⁰ Nic. Chon., Orationes, p. 217.16.

⁷¹ Г. Г. Микаелян. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952, стр. 155—158.

⁷² По-видимому, к этому времени умерли и два его малолетних сына (Иоанн и Николай, см. Acrop., I, p. 31.13; Scut., p. 280.16—18), один из которых, Николай, был его соправителем. К тому же во время осады Лентяны в 1212 г. был взят в плен его зять, который вскоре и умер, деспот Андроник Палеолог, которому он мог бы передать власть. Ср. Б. Ферьянчи. Деспоти у Византии и южно-славянским землям. — «ИИАН», 336, Византологический институт, кн. VIII. Београд, 1960, стр. 35; V. Laurent. La généalogie des premiers Paléologues. — Byz., 8, 1933, p. 147—148; Таким образом, остро стоял вопрос о престолонаследнике.

⁷³ А. С. Павлов. Синодальная грамота. . . , стр. 164—165; Nic. Chon., Orationes, p. 217.1; V. Laurent. Les Regestes de 1208 à 1309. Paris, 1971, № 1214.

⁷⁴ Свадьба была сыграна в Рождество, 25 декабря. См. А. Heisenberg. NQ, 3, S. 47, 20—31; N. Oikonomides. Cinq actes. . . , p. 129.

⁷⁵ Это подтверждают все армянские источники (RHC, Documents arméniens, I. Paris, 1869, p. 445, 462, 510, 627, 685), а неясная фраза Акрополита, что Феодор взял ἐξ Ἀρμενίων γυναῖκα (Acrop., I, p. 26. 22—23), скорее служит подтверждением этого, чем отрицанием. Позднейшее свидетельство Скутариота, что это была дочь Левона II (Anonymi compendium chronicon. — «Bibliotheca graeca medii aevi», v. 7. Venetiis, 1894, p. 462, 6), нельзя принимать с полным доверием. К тому же этой точки зрения придерживается большинство историков: А. Heisenberg, NQ, 3, S. 81—82; idem. Zu den armenisch-byzantinischen Beziehungen am Anfang des 13. Jahrhunderts. — SBAW, Phil.-hist. Klasse, 6. München, 1929, S. 4, 8; Φ. Κουκουλέξ. Συμβολὴ εἰς τὸ περί τοῦ γάμου παρά βυζαντινοῖς κεφάλαιον. — ΕΕΒΣ, 3, 1926, σ. 8; N. Oikonomides. Cinq actes. . . , p. 128; J.-L. van Dieten. Erläuterungen. . . , S. 185—186. Правда, Г. Г. Литаврин («История Византии», т. 3; стр. 57) считает, что это была дочь Левона II.

⁷⁶ Филиппа — одна из двух дочерей Рубена II (1175—1186), обещанная брату Хетума — Шахин-шаху в 1189 г.; но тот умер в 1193 г., когда ей было 11 лет. Значит, она родилась около 1182 г. и в 1214 г. ей было около 32 лет (RHC, Documents arméniens, I, p. 629, 640).

⁷⁷ Acrop., I, p. 31, 15.

⁷⁸ Австрийский ученый Хантхалер, на которого ссылается без указания названия работы К. Хайлиг (K. Heilig. Ostrom und das Deutsche Reiches um die Mitte des 12. Jahrhunderts. Die Erhebung Österreichs zum Herzogtum 1156 und das Bündnis zwischen Byzanz und dem Westreich. — In: «Kaisertum und Herzogsgewalt im Zeitalter Friedrichs I». Leipzig, 1944, S. 222, № 1), на основе арабских и армянских источников доказал, что Феодор от брака с Филиппой имел дочь Софию; та позднее была замужем за последним герцогом Австрии из династии Бабенбергов — Фридрихом II Воинственным (1230—1246). С этим согласен и П. К. Енепекидес (P. K. Enepekides. Byzantinische Prinzessinnen im Hause der Babenberger und die Byzantinischen Einflüsse in den Österreichischen Ländern des 12. und 13. Jahrhunderts. Ein Versuch zur ersten Monographie. — «Ελληνικά». Παράρτημα 9, 1956, S. 369, 371—372), который в подтверждение приводит цитату из указанной работы К. Хайлига. Поскольку нам недоступна работа Хантхалера, трудно сказать что-либо определенное об этом интересном факте, свидетельствующем, что брак Феодора с Филиппой продолжался

заключен военный союз против сельджуков, опираясь на который, Феодор смог захватить у Иконии Атталию.

Из сообщения Николая Месарита нам известно, что 14 сентября 1214 г. Феодор вернулся в Сарды из похода против сельджуков⁷⁹. Но Месарит ничего не сообщает о районе похода. Однако на воротах Атталии имеется надпись, в которой, согласно прочтению Кирхгофа, говорится об укреплении города в течении двух лет императором. Работы были закончены в 1215/16 г.⁸⁰ Но поскольку в надписи нет начала и некоторые строки из-за плохой сохранности текста могут быть прочитаны несколько иначе, то другой издатель этого памятника, А. Грегуар⁸¹ предложил объединить ее с надписью 915/16 г. на крепостной стене, которая находилась западнее ворот⁸².

Чтобы привести в соответствие обе надписи, французский ученый дал другое прочтение отдельных слов первой надписи⁸³. Таким образом, представляя их как одно целое, А. Грегуар датировал эти две надписи 915—916 гг. В словах о спасении города от арабов «рукою господа», он видел указание на небольшие победы византийского войска в Месопотамии в 915—916 гг., а в необходимости укрепления города — опасность со стороны критских арабов⁸⁴.

Действительно, то и другое имело место⁸⁵, но неясно, как победа в Месопотамии могла спасти далекую Атталию. К тому же предположение А. Грегуара, как и несколько ранее А. Пападопуло-Керамевса⁸⁶, что в надписи речь идет о Льве (подразумевается, конечно, Лев Фока, малоазиатский феодал, представлявший тогда одну из двух политических группировок, так как император Лев VI умер 11 мая 912 г.), сомнительно,

несколько дольше, чем предполагали до сих пор (до 1215 г.). Заметим, что в хронике «Трех фонтанов» Альберика (*Albericus Monachus Trium Fontium Chronicon*. — MGH, SS, 23, 1874, p. 911, 39) действительно имеется свидетельство о браке дочери Феодора Софии (имя которой указано не хронистом, а издателем — здесь же в примечаниях) с герцогом Австрии, но Альберик говорит, что она родилась от брака Феодора с первой женой — Анной. («Lascarus plures habuit filias de prima uxore... aliam duxit dux Austrie». — *Albericus Monachus Chronicon*). Однако и в этом случае возникают некоторые сомнения как в подлинности имени, так и вообще в реальности существования четвертой дочери Феодора Ласкаря, а значит, и брака. Во-первых, издатель текста не указывает источник, на основании которого он установил имя, а во-вторых, там же, в примечании (p. 911), он называет старшую дочь Феодора Еленой, хотя она была Ириной, а о третьей дочери (т. е. Евдокии) говорит, что ее имя неизвестно, хотя у Акрополита она упоминается несколько раз (*Acrop.*, I, p. 26.13; 31.5; 35.8). Наконец, в-третьих, ни у одного из греческих авторов нет упоминания о четвертой дочери Феодора от брака с Анной.

⁷⁹ A. Heisenberg, NQ, p. 8. 31—33; Cp. *ibid*, S. 64.

⁸⁰ *Corpus inscriptionum graecarum*, № 8743:

1. [στ]ήσατο σοφῶς τὴν [ἡμετέραν] πόλιν.
2. [ἐτ]ει δευτέρῳ ταυτην [εἰ] δὲ οὐχ ὠρῶσας
3. [πασ]ῶν πόλεων δείξας ἅ [σφ]αλεστέραν,
4. [ἦν] ἦρε κ[αὶ] αἱ σέσωκεν χειρὶ Κυρίου
5. εἰς δόξα [ν] πά[ν]τῳ καὶ καύχημα Ρωμ[αίων].
6. [μαται] ὁ [τ]ι τῶν δυσεβῶν Ἀ [ρ]ά[β]ων.
7. ἅπαν δὲ πληροὶ σπουδῇ τότε τὸ ἔργον
8. [ἐξ]ῆλυσ[τ]ον καὶ ἐπ[ὶ] τετράρτῳ χρόνῳ.
9. διπλ[η] δὲ [ἡ] δὲ κἀδὲ σύν καὶ τετάρτῳ χρόνῳ. 'ιδ. [δ.]

⁸¹ H. Gregoire. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure. t. I. Paris, 1922, № 303.

⁸² 'Ετους 915/16'

Ἀ [εἰ] π[ρὸ] ρογία τῶν σοφῶν βασιλεων
Κωνσταντίνου Ζωῆς τε τῶν παναγῶτων
[Δέων] ὁ [π]νθθαυμαστος ἐνστρατηγησιν...

⁸³ [ἡ]σφα[λ]ήσατο вместо [στ]ήσατο — строка 1; [τε]ίχ[ε]ι вместо [ἐ]τ[ε]и — строка 2; [νῦν] δ' αὐτὴν κ[αὶ] вместо [ἦν] ἦρεκ[αὶ] — строка 4, но прежде всего изменил слово «в семисотом» (π[τ]ι ακοντάδι) на «в четырехсотом» (τετ[ρε]ς ακοντάδι).

⁸⁴ H. Gregoire. Recueil... p. 104.

⁸⁵ А. А. Васильев. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов во время македонской династии (867—959). СПб., 1902, стр. 202—204.

⁸⁶ Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Διορθωτικὴ εἰς χριστιανικὰς ἐπιγραφάς. — ЖМНП, ч. 343, 1908, стр. 437.

ибо несколько первых строк текста, по чтению А. Пападопуло-Керамевса и А. Грегуара, очень схожи со строками надписи императора Льва VI от 911—912 гг. на этих же стенах ⁸⁷.

Таким образом, хотелось бы отнести и первую надпись к концу правления Льва VI, но это невозможно, так как речь идет, согласно А. Грегуару, о 915—916 гг. В то же время трудно предположить, чтобы Лев Фока или кто-то другой всего через несколько лет укреплял бы вторично городские стены и рассказал бы об этом в тех же выражениях, что и надпись Льва VI.

Остается заключить, что прочтение этой надписи, напечатанной в «Corpus inscriptionum graecarum», Кирхгофом более правильно и она, несомненно, состоит из двух частей: первая, на стене, относится к 915—916 гг., а вторая, на воротах, — к 1215—1216 гг. Наименование сельджуков и туркоманов «арабами», а в прочтении А. Грегуара — «агарянами» — не должно смущать, поскольку мы неоднократно встречаем это в источниках начала XIII в. ⁸⁸

Но, даже если допустить, что наши сопоставления неверны, свидетельства Николая Месарита о том, что Феодор после того, как победил султана, «присоединяет давно оторванное к ромейской державе» ⁸⁹ и что «мысли и заботы нашего императора о нас. . . создали такие плоды, а труды императора дали такие урожаи, что мы пьем божественный нектар из пота нашего императора» ⁹⁰, свидетельства, которые повествуют о событиях и успехах к осени 1214 г., указывают, что к этому времени Феодору удалось одержать одну или несколько побед над своими врагами. А если учесть, что в период с начала 1213 г. по осень 1214 г. Феодор после заключения перемирия с латинянами мог вести войну только против сельджуков, то и выражение «давно оторванное» от ромейской державы — а именно такой была Атталиа — скорее всего относится к этому району Иконии. Кроме того, без событий 1214 г. не совсем ясны свидетельства источников о поражении и уступке Феодором I Ласкарем в 1216 г. Атталии сельджукам ⁹¹.

Таким образом, мы должны признать, что отвоевание Атталии у сельджуков произошло в 1214 г., так как свидетельство Месарита должно иметь в виду именно этот поход против Иконии. Возможно, что жители Атталии и сами пригласили Феодора (до этого они дважды призывали латинян с Кипра, но, возмущенные их притеснениями, подчинялись сельджукам), надеясь с его помощью избавиться как от власти сельджуков, так и от притеснений латинян, и он без боя взял город ⁹². Независимо от причин похода такой поход не мог быть рядовым и неподготовленным, и едва ли Феодор, недавно уступивший значительные территории латинянам, решился бы разорвать договор (или перемирие) с Иконийским султанатом и без военной поддержки отправиться на завоевание далекой Атталии. Но поскольку не имеется никаких свидетельств, что в военных действиях летом 1214 г. против сельджуков участвовала и Киликийская Армения, это остается не более, чем предположением.

Однако Феодору Ласкарию не удалось удержать этот район. Не позднее весны—лета 1216 г. он был вынужден отсюда уйти ⁹³. Вытеснению Никеи

⁸⁷ H. Gregoire. Recueil. . . , p. 104, № 302;

4. λέων σὺν υἱῷ τῷ γλυκαῖ Κωνσταντίνου. . .

7. καὶ τῇδε σώζων τὴν φιλόχριστον πόλιν.

8. σφοδρῶς κατωχύρωσε τεῖχει δευτέρῳ

9. δεικνὺς ἑαυτῆς μᾶλλον ἀσφαλ[ε]στέραν

10. ἐχθρῶν τε πάσης μήχανῆς ἀνωτέραν.

⁸⁸ Nic. Chon. Orationes, p. 170. 11; 174. 6; A. Heisenberg, NQ, 2, p. 27. 14; NQ, 3, p. 33.19.

⁸⁹ A. Heisenberg, NQ, 3, p. 10. 24—25.

⁹⁰ Ibid., p. 11.1—4.

⁹¹ См. об этом прим. 93.

⁹² На это указывает выражение Месарита «без крови» (αἵματος ἄνευ). — A. Heisenberg, NQ, 3, p. 10.25.

⁹³ Согласно синодальной грамоте митрополита Эфеса Николая Месарита от апреля 1216 г., Феодор находился в это время «на азиатских границах» (ἐπὶ τὰ τῆς

из данного района способствовали, с одной стороны, установление дружественных отношений (заключение договора о торговле и союзе) между Кипром и Иконийским султанатом к началу 1216 г.⁹⁴, а с другой — разрыв союза Никеи с Киликийской Арменией (после того как Феодор отослал племянницу Левона II назад), чему немало содействовали как султан Кей-Каус I, так и король Кипра Гуго, так как после заключения союза они уже не были противниками в сирийско-килийском конфликте⁹⁵. Киликийская Армения, включенная в сферу их союзных отношений, больше не нуждалась в помощи Никейской империи для борьбы с сельджуками и Антиохийским королевством, потому что не позднее весны 1216 г. заключила союз с Иконийским султанатом⁹⁶, а вскоре Левону II удалось установить в Антиохии правление внука своего брата Рубена III⁹⁷.

В то же время новая обстановка, сложившаяся после завоеваний Феодора в Пафлагонии в декабре 1214 г. и заключения договора с Латинской империей, означающего официальное признание Никейской империи латинским Западом, вынуждала активизировать борьбу за возвращение Константинополя и изменить ее формы: вместо военных действий — широкое дипломатическое наступление на латинский мир, и в первую очередь на Латинскую империю. Но это требовало прочного мира на Востоке. Поэтому, по-видимому, вскоре после потери Атталии и был заключен окончательный договор между Никейской империей и Иконийским султанатом⁹⁸, поскольку после 1216 г. нет ни одного свидетельства о столкновениях между ними.

Мирные отношения⁹⁹, установившиеся с 1216/17 г., были жизненной необходимостью для империи. Только сохраняя спокойствие на восточных границах, Никея могла стремиться к достижению своей главной цели — отвоеванию Константинополя у латинян и восстановлению Византийской империи. С другой стороны, и Иконийский султанат не желал воевать с им-

⁹⁴ *Ἀσίας ὁρίᾳ διατρίβων*) (Э. Курц. Три синодальные грамоты митрополита Эфесского Николая Месарита. — ВВ, XII, 1906, стр. 104.37—38), куда он отправился еще до конца января 1216 г., потому что известие о смерти патриарха Ириника [31 января 1216 г. — V. Laurent. La chronologie des patriarches de Constantinople au XIIIe siècle (1208—1309). — REB, t. 27. 1969, p. 134] застало его там (Э. Курц. Три синодальные грамоты. . . , стр. 104.31—37). Что речь идет именно об Атталии, доказывает свидетельство Абу-ль-Фараджи, что султан «в 612 г. (2 мая 1215 г. — 20 апреля 1216 г.) захватил у ромеев Атталию» (*Abulpharagii Chronicon*, p. 469). Кроме того, имеется свидетельство более позднего арабского историка Макризи (полное имя: аль-Макризи Таки-ад-дин Ахмед ибн Али, 1364—1442 гг.), что султан Кей-Каус I в 611 г. (13 мая 1214 г. — 2 мая 1215 г.) одержал победу над Ласкарем, императором греков (*Histoire d'Egypte de Makrizi*. — «Revue de l'Orient latin», IX, 1902, p. 155). Если учесть, что Макризи писал свой труд через два столетия в Египте, в период мамлюков, то не будет ничего удивительного в том, что он мог ошибиться и вместо 612 г. поставить 611 г. хиджры.

⁹⁵ Письмо короля Кипра Гуго к султану от 19 июля 1216 г. и ответ султана королю в сентябре этого года (Эл. Δάμπερος. Ἡ ἐλληνικὴ ὡς ἐπίσημος γλώσσα τῶν σουλτάνων. — NE, 5, 1908, с. 48. 2—7; 48.16—49.3; 51.1—8) ясно показывают, что союз и договор между ними к этому времени был уже свершившимся фактом.

⁹⁶ До заключения договора Кипр и Икония в конфликте Левона II с Бозмундом IV Антиохийским поддерживали разные стороны (Кипр — Армению, а Икония — Антиохийское королевство). См. *Cl. Cahen. Pre-Ottoman* . . . , p. 122.

⁹⁷ Согласно Ибн Биби (А. Мелиоранский. Сельджук-намок как источник по истории Византии в XII и XIII вв. — ВВ, I, 1894, стр. 638), после неудачного похода султана Кей-Кауса I на пограничные крепости Киликии, который состоялся осенью 1215 г. по армянским источникам (см. Г. Г. Микаелян. История Киликийского армянского государства, стр. 169—173), это произошло в 665 г. армянской эры (25 янв. 1215 г. — 25 янв. 1216 г.), что согласуется со свидетельством Ибн Биби.

⁹⁸ Г. Г. Микаелян. История Киликийского армянского государства, стр. 165—166.

⁹⁹ Мы склоняемся к точке зрения Ф. Дэльгера, что в 1211 г. было заключено только перемирие (F. Dölger. Regesten. . . , III, № 1682), а свидетельства Акрополита и Григория о заключении договора следует отнести к 1216/17 г.

⁹⁹ Мелкие стычки между акритами и разн (данышмедами) (*Acrop.*, I, p. 105. 24—26; *Pach.*, I, p. 15.4—16.5; см. P. Wittek. Das Fürstentum Mentesche. Istanbul, 1934, S. 5—6) не могли поколебать отношения между двумя государствами.

перией: сельджуки, во-первых, поняли, что любое прямое нападение на ее границы — рискованно, а во-вторых, их стремления были направлены на север и восток, а не на запад¹⁰⁰. Дружественные отношения были вызваны тем, что одна сторона направила свою деятельность на север и восток, а другая — на запад, и, таким образом, их основные интересы не приходили в столкновение.

Итак, основные выводы статьи таковы:

1. Сражение между войсками Феодора I Ласкаря и султана Кей-Хюсрева I произошло, скорее всего, 17 июня 1211 г.

2. Нимфейского договора 1214 г. между Латинской и Никейской империями как такового не существовало, а был договор от декабря 1214 г., которому предшествовало двухгодичное перемирие конца 1212 г.

3. Мирные отношения Никейской империи с Иконийским султанатом начали складываться только с 1216/17 г., а период 1212—1216 гг. характеризовался военными столкновениями.

---

¹⁰⁰ P. Wittek. The Rise. . ., p. 26.

И. С. ЧИЧУРОВ

ФЕОФАН ИСПОВЕДНИК — КОМПИЛЯТОР ПРОКОПИЯ

Немало загадок таит в себе так широко бытовавший в византийской исторической литературе метод компиляции. Многие из этих загадок уже решены исследователями, иные еще ждут ответа. Тем не менее кажется уже достаточно сделано византинистами-источниковедами, чтобы можно было от вопроса, что компилировали византийские историки, перейти к другому немаловажному вопросу, как они это делали. Начиная свое повествование 284 годом «Хронография» Феофана (ок. 752—819) представляется в этом отношении очень удобным для анализа памятником, который позволяет, с одной стороны, проследить работу хрониста над сочинениями его предшественников, т. е. Прокопия, Агафия, Иоанна Малалы, Феофилакta Симокатты, Георгия Писиды и других авторов, с другой — уяснить приемы, которыми пользовались более поздние историки (Георгий Монах, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара), компилируя «Хронографию» Феофана. Наконец, мы можем говорить и о характере компилирования двух современников: патриарха Никифора (806—815) и Феофана. Разумеется, изучение проблемы в целом (компилятор Феофан и компиляторы Феофана) выходит далеко за рамки небольшой статьи. Поэтому мы ограничиваемся пока наблюдениями над тем, как компилировал Феофан одного из самых знаменитых писателей Византии Прокопия Кесарийского.

Вообще компилятору Феофану свойственно очень точное воспроизведение оригинала, так что временами варианты «Хронографии» могут быть использованы как разночтения в критическом аппарате «Истории войн», что и делают издатели Прокопия¹. Тем более знаменательны при такой точности незначительные отклонения Феофана от текста «Истории войн» и крайне редкие добавления к нему.

Начнем с того, что проследим, сколь точно передает Феофан заимствованные у Прокопия числа. В 533 г. император Юстиниан I (527—565) отправил, по словам Прокопия², вандальскому наместнику Сардинии Годе одного из своих полководцев Кирилла и 400 стратиотов, что точно передается Феофаном³. Столь же точно передано количество кораблей, посланных королем вандалов Гелимером против Годы⁴, число воинов в отряде ромеев, преследовавших разбитого Велисарием Гелимера⁵, число погибших в сражении у горы Бургаон в Северной Африке маврусиев⁶. Даже там, где Прокопий дает приблизительные числовые значения, сопровождая их

¹ *Procopii Caesariensis opera omnia*, rec. J. Hauriy, editio stereotypa correctior, addenda et corrigenda adjecit G. Wirth. V. I—IV. Lipsiae, 1963—1964 (далее — *Procop.*), I, 346.21, 351.7, 352.12, 362.17, 363.9.

² *Ibid.*, 360.25—26.

³ *Theophanis Chronographia*, rec. C. De Boor. V.I—II. Lipsiae, 1883—1885 (далее — *Theoph.*), I, 189.5—6.

⁴ *Procop.*, I, 364.1 — *Theoph.*, I, 189.22.

⁵ *Procop.*, I, 434.1 — *Theoph.*, I, 197.3.

⁶ *Procop.*, I, 474.16—18 — *Theoph.*, I, 201.29—202.1.

словами «около, больше, меньше, многие», Феофан сохраняет их в приближительной форме оригинала ⁷. Исключение составляет один случай: согласно Прокопию, в сражении с вандалами при Трикамаре в 533 г. погибло *менее* 50 ромеев и *более* 800 вандалов, а по Феофану — 50 ромеев и 800 вандалов ⁸.

При максимальной точности (мы приводим все случаи заимствования) в передаче чисел Прокопия ⁹ наш хронист допускает лишь две ошибки ¹⁰. С такой же акрибией передана Феофаном хронология Прокопия ¹¹ и расстояния между населенными пунктами ¹².

- ⁷ *Procop.*, I, 469.24 — *Theoph.*, I, 201.7—8;
Procop., I, 470.3 — *Theoph.*, I, 201.9;
Procop., I, 490.15—16 — *Theoph.*, I, 203.23—24;
Procop., I, 470.10—11 — *Theoph.*, I, 201.11—12;
Procop., I, 456.18—19 — *Theoph.*, I, 199.23—24;
Procop., I, 494.25—495.2 — *Theoph.*, I, 204.1—2.
⁸ *Procop.*, I, 430.23—24 — *Theoph.*, I, 196.9—10.
⁹ *Procop.*, I, 243.5—6 — *Theoph.*, I, 220.18—19;
Procop., I, 347.12—14 — *Theoph.*, I, 187.13—15;
Procop., I, 360.25—26 — *Theoph.*, I, 189.5—6;
Procop., I, 362.14—17 — *Theoph.*, I, 189.15—16;
Procop., I, 362.17 — *Theoph.*, I, 189.16;
Procop., I, 364.1 — *Theoph.*, I, 189.22;
Procop., I, 385.4—6 — *Theoph.*, I, 191.10—11;
Procop., I, 388.12 — *Theoph.*, I, 192.3—4;
Procop., I, 390.6 — *Theoph.*, I, 192.16—17;
Procop., I, 390.8 — *Theoph.*, I, 192. 17;
Procop., I, 407.23—24 — *Theoph.*, I, 194.25—26;
Procop., I, 423.14—15 — *Theoph.*, I, 195.19—20;
Procop., I, 423.19—20 — *Theoph.*, I, 195.22—23;
Procop., I, 434.1 — *Theoph.*, I, 197. 3, 29;
Procop., I, 472.24 — *Theoph.*, I, 201.1—202.1;
Procop., I, 474.16—17 — *Theoph.*, I, 201.29—202.1;
Procop., I, 490.7—8 — *Theoph.*, I, 203.19—20;
Procop., I, 505.9 — *Theoph.*, I, 205.12;
Procop., I, 510.25 — *Theoph.*, I, 206.11;
Procop., I, 518.12 — *Theoph.*, I, 208.6;
Procop., I, 533.21—22 — *Theoph.*, I, 211.13;
Procop., I, 546.1 — *Theoph.*, I, 214.23;
Procop., I, 469.24 — *Theoph.*, I, 201.7—8;
Procop., I, 470.3 — *Theoph.*, I, 201.9;
Procop., I, 490.15—16 — *Theoph.*, I, 203.23—24;
Procop., I, 470.10—11 — *Theoph.*, I, 201.11—12;
Procop., I, 456.18—19 — *Theoph.*, I, 199.23—24;
Procop., I, 494.25—495.2 — *Theoph.*, I, 204.12;
Procop., I, 430.23—24 — *Theoph.*, I, 196.9—10;
Procop., I, 362.22 — *Theoph.*, I, 189.18;
Procop., I, 407.19 — *Theoph.*, I, 194.28;
Procop., I, 362.10—11 — *Theoph.*, I, 189.13—14.
¹⁰ *Procop.*, I, 362.22 — *Theoph.*, I, 189.18;
Procop., I, 407.19 — *Theoph.*, I, 194.28.
¹¹ *Procop.*, I, 346.3 — *Theoph.*, I, 187.2—3;
Procop., I, 346.18—19 — *Theoph.*, I, 187.6;
Procop., I, 391.1—2 — *Theoph.*, I, 187.19;
Procop., I, 353.1 — *Theoph.*, I, 188.2;
Procop., I, 365.8—9 — *Theoph.*, I, 189.24;
Procop., I, 432.7—8 — *Theoph.*, I, 196.22;
Procop., I, 432.12—14 — *Theoph.*, I, 196.28—197.2;
Procop., I, 456.3—4 — *Theoph.*, I, 199.13—14;
Procop., I, 483.4—5 — *Theoph.*, I, 202. 13—14;
Procop., I, 551.1—3 — *Theoph.*, I, 215.14—15;
Procop., I, 532.9 — *Theoph.*, I, 210.23—24;
Procop., I, 517.22—25 — *Theoph.*, I, 207.30—31;
Procop., I, 508.6—7 — *Theoph.*, I, 207.18—19.
¹² *Procop.*, I, 358.1—2 — *Theoph.*, I, 188.22;
Procop., I, 386.12 — *Theoph.*, I, 191.16—17;
Procop., I, 388.9—10 — *Theoph.*, I, 192.2—3;
Procop., I, 394.14—15 — *Theoph.*, I, 192.28—193.1;
Procop., I, 439.20—21 — *Theoph.*, I, 198.18—19;
Procop., I, 520.15—16 — *Theoph.*, I, 208.25—26.

Картина резко меняется, стоит только обратить внимание на то, Феофан передает топонимы Прокопия. Готский вождь Теодорих, вы свою сестру замуж за короля вандалов Тразамунда, подарил ей Лили (Λιλόβαλον)—современную Марсалу в Сицилии, который у Феофана и возвращается в Лисий (Λύσιον)¹³; описывая путь Велисария в Карфаг Проконий упоминает города Адрамит (Ἀδραμητός) и Грасси (Γράσση), что отвечают Адрамут (Ἀδράμουτον) и Храси (Χράσι) Феофана¹⁴; очевидными были представления Феофана о географии — Кирнос у него становится древним названием Сардинии, а не Корсики, как об этом пишет Прокопий¹⁵; Мамма в Северной Африке у Феофана уже не Мамма, а Рамма¹⁶; сражение префекта претория Африки Соломона с маврусами происходит не у горы Бургаон (Βουργάων) а у горы Бургарион (Βουργαρίων) метрополия Второй Мавритании Ситифис у Феофана получает форму Ифис¹⁷. Иного рода ошибка: полководец Юстиниана I Иоанн, потерпев поражение в битве с маврусами, бежит не в Ларивы, а в Карфаген.

Иногда первый слог топонима принимается Феофаном за артикль или частицу, и географическое название, таким образом, изменяется. Так было, вероятно, с названием города в Нумидии Тамугади, встречающимся в контексте Прокопия τὰ ἀρφὶ πόλιν Ταμουγάδην πεδία, т. е. «р. нины вокруг города Тамугади»²⁰, куда отправился после победы над маврусами уже известный нам префект претория Африки Соломон. Первый слог в этом слове был, очевидно, понят компилятором как артикль, отнесен к πεδία и потому опущен в «Хронографии», что привело к появлению формы Мугади (Μουγάδην)²¹. Возможно, аналогичной причиной является ошибка при передаче топонима Тебеста (город в Северной Африке у которого в сражении с маврусами погиб Соломон): ἀρφὶ πόλιν Τεβέστον (т. е. «у города Тебесты») Прокопия передается Феофаном как εἰς Βέστον τὴν πόλιν, т. е. «в город Бесту», где первый слог воспринят историком как энклитическая частица τε²². Такого же типа ошибку (пропуск первого слога) мы видим и в гидрониме Ави́га (Ἀβίγας — река в Нумидии, принявшем форму Вига (Βίγας)²³.

Равнина Буллы (τὸ Βούλλης... πεδίον), где в 536 г. собрались и предводительством Стотзы восставшие стратиоты, превращается у Феофана в τὸ Βούλλης πεδίον, т. е. «равнина совета»?²⁴ Нумидийский гор Багаис (Βάγαϊς) — в Бавгаис (Βαύγαϊς)²⁵.

К этому можно еще добавить ряд мест Прокопия, которые содержат более или менее подробные сведения о географии Северной Африки, которые в «Хронографии» Феофана становятся скудным и не всегда полным перечнем городов, рек, островов²⁶.

¹³ *Procop.*, I, 347.16 — *Theoph.*, I, 187.16—17.

¹⁴ *Procop.*, I, 386.15—17 — *Theoph.*, I, 191.18—19.

¹⁵ *Procop.*, I, 439.10—14 — *Theoph.*, I, 198.15—17.

¹⁶ *Procop.*, I, 464.24 — *Theoph.*, I, 201.4.

¹⁷ *Procop.*, I, 470.23—24 — *Theoph.*, I, 201.19. Ср. разночтения «Хронографии» Βουργαρίωνι, Βουλγαρίωνι, Βουλγαρίωνι.

¹⁸ *Procop.*, I, 517.7 — *Theoph.*, I, 207.26.

¹⁹ *Procop.*, I, 551.24—25 — *Theoph.*, I, 215.29.

²⁰ *Procop.*, I, 511.5.

²¹ *Theoph.*, I, 206.8—9.

²² *Procop.*, I, 520.15 — *Theoph.*, I, 208.25. Такая же ошибка засвидетельствована одним из списков «Истории войн» (Cod. Ottob. graec. 82, s. XIV). Не исключена возможность, что Феофан пользовался рукописью, к которой восходит (или, по крайней мере, относится к той же группе рукописей) и упомянутый список XIV в.

²³ *Procop.*, I, 509.5 — *Theoph.*, I, 206.1.

²⁴ *Procop.*, I, 489.2 — *Theoph.*, I, 203.12.

²⁵ *Procop.*, I, 509.6 — *Theoph.*, I, 206.1.

²⁶ *Procop.*, I, 415.7—9 — *Theoph.*, I, 195.4—5;

Procop., I, 396.4—7 — *Theoph.*, I, 193.12—13;

Procop., I, 412.17—19 — *Theoph.*, I, 194.30 — 195.1;

Procop., I, 440.4 — *Theoph.*, I, 198.23—24.

Столь же часты у Феофана и искажения имен собственных, встречающихся в «Истории войн» Прокопия. Племянник короля вандалов Ильдериha Гоамер (Ὁάμερ) выступает в «Хронографии» под именем Америк (Ἀμεργουδς)²⁷. Ошибка, происшедшая в результате слитного чтения контекста (Ὁάμερ γουδ Прокопия прочтено слитно, а «о» понято как артикль), тем более очевидна, что в другом месте компилятор приводит форму Америк (Ἀμερ)²⁸, тоже, впрочем, ошибочную²⁹. Не менее прозрачна и другая ошибка: жену наместника Юстиниана I в Северной Африке Ареовинда Прокопий называет Преиекта (Πρεϊέκτα), а Феофан — Периекта (Περιέκτα), что объясняется перестановкой ро и энсилон³⁰. Один из полководцев Велисария Ἀλφίας получает у компилятора несколько иное имя: Ἀλφίας³¹. Имя Гивамунд (Γιβαμουδνδς) искажено и превращено в Кивамунд (Κιβαμουδνδς)³². Предводитель масагетов Синион (Σιννίων) известен Феофану как Сисиний (Σισίννιος)³³. Брат Гелимера Цазон становится Цазоном (Τζάτζων)³⁴. Даже греческое Лавр (Λαβρος) заменяется Феофаном на Лаврентий (Λαυρέντιος)³⁵. Силенциарий Адолиос (Ἀδόλιος), армянин по происхождению, — это Адулиос (Ἀδούλιος) Феофана³⁶. Ситта (Σίττας), один из полководцев Юстиниана I, превращается у Феофана в Цитаса (Τζίττας)³⁷.

²⁷ *Procop.*, I, 351.8 — *Theoph.*, I, 187.23. В этом месте списки «Истории войн» Vat. graec. 152 и Ottob. graec. 82, XIV в. дают чтения ἄμερ и ὁ ἄμερ, отвергнутые издателями Прокопия как неправильные.

²⁸ *Theoph.*, I, 188.10, 4 (без разночтений).

²⁹ Списки Vat. graec. 152 и Ottob. graec. 82 в двух случаях дают чтение ἄμερ, ὁ ἄμερ (*Procop.*, I, 351.8) и ὁ ἄμερ (*ibid.*, I, 387.16), причем в этих случаях имя стоит в именительном падеже; в двух других — чтение ὁάμερα (*ibid.*, I, 353.2), имя в винительном падеже. Ошибка происходит именно в тех местах, где слово стоит в именительном падеже и первый слог можно понять как артикль ὁ. Ошибка едва ли зависит от рукописной традиции Прокопия, поскольку «Хронография» сохраняет неправильную форму даже там, где Vat. graec. 152 и Ottob. graec. 82 дают правильные чтения.

³⁰ *Procop.*, I, 551.5 — *Theoph.*, I, 215.17.

³¹ *Procop.*, I, 361.21 — *Theoph.*, I, 189.11. В рукописной традиции Прокопия это имя передается без разночтений (см. *Procop.*, I, 428.21, 475.22, 477.3). У Феофана Альфий упоминается только в этом месте, также без разночтений. Может быть, эта ошибка — результат «внутреннего диктанта»?

³² К. Де Боор в своем издании принимает чтение Κίβαμουδνδς, хотя некоторые списки «Хронографии» дают либо правильное чтение Прокопия (Γιβαμουδνδς), либо близкое к нему (Γιβαμουδνδς): *Theoph.*, I, 192.25. Впрочем, те же самые списки в других случаях дают неправильные чтения, в том числе и Κίβαμουδνδς. См. *ibid.*, I, 192.3, 5, 17 — *Procop.*, I, 388.12, 15, 390.7.

³³ *Theoph.*, I, 189.15 — *Procop.*, I, 362.13 (разночтения Прокопия — σιννίων, συνίων, σιννίων). Синниона Прокопий упоминает и в «Войне с готами», причем один из списков (*Laurent*, 69, 8, XIV в.) дает в этом фрагменте чтение σισιννίων (см. *Procop.*, II, 586.2).

³⁴ *Theoph.*, I, 189.22 — *Procop.*, I, 364.2;

Theoph., I, 195.3 — *Procop.*, I, 413.22;

Theoph., I, 195.29 — *Procop.*, I, 429.21;

Theoph., I, 196.3 — *Procop.*, I, 430.1;

Theoph., I, 198.16 — *Procop.*, I, 439.6. Следует, однако, заметить, что рукописные чтения для ряда других мест «Истории войн» дают среди прочих и форму Τζάτζων (I, 410.3, 413.22, 426.21, 429.12, 439.6, 15). Не исключена, таким образом, возможность влияния рукописной традиции «Истории войн» на «Хронографию» Феофана.

³⁵ *Theoph.*, I, 195.14 — *Procop.*, I, 420.14. Лавр упоминается Прокопием, а вслед за ним и Феофаном только в этом эпизоде.

³⁶ *Theoph.*, I, 220.21 — *Procop.*, I, 243.8. Рукописной традицией «Истории войн» это имя передается повсеместно в форме Ἀδόλιος (I, 155.4, 243.8, 246.11, 21, 262.15) и без разночтений, за исключением лишь одного случая (I, 268.9), когда две рукописи дают чтение Ἀδούλιος. У Феофана это единственное упоминание Адолиоса.

³⁷ *Theoph.*, I, 213.38 — *Procop.*, I, 542.17. В рукописной традиции «Истории войн» это имя передается без разночтений (I, 58.16, 59.3, 74.15, 75.15, 78.10, 110.19, 111.14, 113.18, 114.13, 154.21, 157.7, 10, 15, 18, 161.21). В то же время в трактате «О постройках», где Ситта упоминается один раз, встречается форма Τζίττα (IV, 96.20). В другом месте «Хронографии» (*Theoph.*, I, 175.5) мы также видим форму Τζίττα, что передает Τζίτταν Иоанна Малалы (*Ioannis Malalae Chronographia*, rec. L. Dindorf. Bonn, 1831, 429.16 — далее *Mal.*). Итак, мы можем объяснить эту неточ-

Так же и Гезон (Γέζων) Прокопия соответствует Гензону (Γένζων) Феофана³⁸. Разумеется, мы ни в коем случае не исключаем возможности того, что некоторые из этих ошибок и неточностей Феофана восходят к рукописной традиции сочинений самого Прокопия. И тем не менее среди них немало таких, которые принадлежат непосредственно нашему хронисту: они не засвидетельствованы дошедшими до нас списками «Истории войн», и их можно объяснить неправильным пониманием контекста, невнимательностью компилятора, скудостью его познаний в географии, приближением имен к привычным для его времени формам.

Конечно же, представления Феофана о географии Северной Африки и событиях, происходивших там в VI в., уступают осведомленности Прокопия, современника, очевидца и участника многих из описанных им событий. Но сейчас для нас не так важно представить себе уровень знаний Феофана (ведь речь идет о компиляции, а не о самостоятельной работе историка), как попытаться объяснить причину ошибок и неточностей, вкравшихся на страницы «Хронографии» при компилировании столь авторитетного источника. Вместе с тем ждет своего объяснения и любопытное противоречие между точностью в передаче чисел и обилием ошибок в топонимах и именах собственных.

Едва ли эти неточности можно объяснить лишь тем, что заимствованные из «Истории войн» фрагменты описывают события почти 300-летней давности, происходившие к тому же в далекой для Феофана Северной Африке, где уже около 150 лет к моменту появления «Хронографии», господствовали арабы. Такого рода ошибки мы можем встретить и в рассказе о событиях хронологически более близких историку: говоря о вторжении хазар в 626 г. в Южный (Иранский) Азербайджан, Феофан употребляет необычную форму Адраиган (Ἀδαιγάν), хотя в его источнике стояла, вероятно, более правильная форма Адорбадиган (Ἀδορβαδίγανον), [сохраненная «Бревиарием» патриарха Никифора³⁹. Севастополь во Второй Армении становится у Феофана приморским городом (ἡ παρὰ θάλασσαν)⁴⁰. Феофан не замечает противоречий в локализации одних и тех же географических названий: хорошо ему известные по рассказу о бегстве Юстиниана II (685—695 и 705—711) в 704 г. из Херсона Некропилы перемещаются в экспурсе о протоболгарах к устью Кубани⁴¹. Хронист не придает большого значения географическим деталям, зачастую пропуская их: Юстиниан II, по Никифору, узнав о заговоре херсонитов, бежит «в крепость, называемую Дорос и расположенную в Готской стране», в то время как Феофан обходится беглым упоминанием названия крепости, причем несколько изменяя форму топонима (Δαρᾶς)⁴². Не составит особого труда продолжить перечень тех мест, где Никифор оказывается точнее и подробнее Феофана⁴³, здесь же нам хотелось бы только отметить, что ошибки, неточности, пропуск деталей одинаково характерны для Феофана независимо от того, имеет ли он дело с эпохой Юстиниана I, или Юстиниана II, пишет ли он о Северной Африке, или о Крымском полуострове.

ность Феофана либо перестановкой двух первых букв в форме Иоанна Малалы, либо предположив, что она восходит к трактату «О постройках». И все же окончательно не исключено, что неточность допущена самим Феофаном: читая «Историю войн», хронист не мог не заметить последовательности Прокопия в передаче имени.

³⁸ *Theoph.*, I, 206.19 — *Procop.*, I, 514.13, 16, 515.1. Опять-таки надо заметить, что в первом и последнем случае у Прокопия рукописная традиция в лице известного нам списка Ottob. граес. 82 дает чтение Γένζων. В сочинениях Прокопия это единственное упоминание о Гезоне.

³⁹ *Theoph.*, I, 316.1; ср. *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica*, ed. C. De Boor. Lipsiae, 1880 (далее — *Nic.*), 17.10.

⁴⁰ *Theoph.*, I, 366.5—6 — *Nic.*, 36.28—29.

⁴¹ *Theoph.*, I, 356.27—357.2; ср. 373.20—22. Ср. Ю. Кулаковский. История Византии, III. Киев, 1915, стр. 377.

⁴² *Theoph.*, I, 372.30 — *Nic.*, 40.22—24.

⁴³ См. например, *Theoph.*, I, 378.13—16, 385.26—27, 404.19, 415.18—19, 420.14 — *Nic.*, 45.17—18, 51.12, 57.5—7, 60.24—26, 62.8—9.

Все это наводит нас на мысль, что в представлениях константинопольца Феофана пространственная характеристика происходящего (коль скоро оно свершалось вне стен царственного града) не играла существенной роли. Мы отнюдь не склонны относить все ошибки нашего автора за счет его плохой осведомленности в предмете: ведь, переписывая Прокопия, он имел перед своими глазами оригинал; неправильно локализуя Некропилы, он в то же время знал их действительное расположение, опуская или не считая нужным приводить те или иные подробности, он тем самым как бы подчеркивал их незначительность. Иное дело числа, особенно в хронологии: здесь, видимо, дает себя знать автор сложной, стоящей особняком во всей византийской историографии хронологической системы. Возможно, нам возразят, ссылаясь на то, что «Хронография» создавалась в довольно короткий промежуток времени, где-то между 810 и 814 гг., что Феофан торопился, отсюда и ошибки хрониста. С этим можно было бы согласиться, если бы Феофан, спешивший закончить свой труд, одинаково часто ошибался и в передаче чисел, и в передаче имен собственных.

При той точности передачи текста Прокопия, о которой мы уже говорили, странными, на первый взгляд, кажутся пропуски Феофаном тех мест Прокопия, где приводятся положительные характеристики Юстиниана I или говорится о таких поступках императора, которые могли бы представить василевса в благоприятном свете. Прокопий рассказывает, что Юстиниан I еще до своего вступления на царство фактически управлял империей, так как дядя его Юстин I, воцарившийся будучи уже глубоким стариком (ὁπέρητρός τε ὢν), был совершенно неопытен в государственных делах ⁴⁴. Так историк выдвигает на передний план молодого Юстиниана I, умаляя достоинства Юстина I. Компилируя этот фрагмент, Феофан опускает косвенно превозносящие Юстиниана I слова Прокопия о недостатках Юстина I ⁴⁵.

В другом месте Прокопий, сообщая о решении Юстиниана I отправиться походом в Ливию, замечает попутно, что василевс был «смел в замыслах и решителен в выполнении своих намерений», что опять-таки опускается Феофаном ⁴⁶. Когда Велисарий был оклеветан перед Юстинианом I, василевс, по словам Прокопия, не стал разглашать клевету, «либо не обратив на нее внимания, либо задумав нечто лучшее» ⁴⁷. И снова пропускает столь выгодный для Юстиниана I момент Феофан, у которого император ограничивается тем, что посылает для расследования Соломона ⁴⁸. Юстиниан не решается отозвать наместника Северной Африки Сергия, племянника знаменитого Соломона, помня о былых заслугах последнего, — мотивировка, отсутствующая у писателя VIII в. ⁴⁹ Тем отчетливее выделяется на таком фоне сохраняемое Феофаном сообщение Прокопия о том, как посол Хосрова I Ануширвана к Велисарию должен был попрекнуть полководца за то, что Юстиниан не послал в Персию послов для переговоров о мире ⁵⁰. Провозглашение императора «прекраснопобеждающим» (καλλίνικος) ⁵¹ невольно теряется в таком окружении, а случайность его проступает еще нагляднее в сравнении с фрагментом, взятым Феофаном из Малалы, где говорится об осуждении Зимарха, выступавшего против василевса ⁵². компилятор, опуская положительные характеристики императора, в то

⁴⁴ *Procop.*, I, 351.22—352.3. Пренебрежительное отношение к Юстину I характерно для Прокопия. См. F. H. Tinnfeld. *Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie*. München. 1971, S. 22, 31, 33 f.

⁴⁵ *Theoph.*, I, 187.25—27.

⁴⁶ *Procop.*, I, 355.7—8 — *Theoph.*, I, 188.11—13.

⁴⁷ *Procop.*, I, 452.6—8.

⁴⁸ *Theoph.*, I, 199.4—6.

⁴⁹ *Procop.*, I, 542.1—2 — *Theoph.*, I, 209.14.

⁵⁰ *Theoph.*, I, 220.16—17 — *Procop.*, I, 243.1—4.

⁵¹ *Theoph.*, I, 215.10 — *Procop.*, I, 550.13—14.

⁵² *Theoph.*, I, 237. 1—3; ср. *Mal.*, 490.13. Примечательно, что Малала в этом месте ничего не говорит о причинах отстранения Зимарха от власти.

же время обращает внимание на то, что политика Юстиниана не всегда встречала сочувствие ромеев. Представляет интерес в этой связи и фрагмент, завершающий собой рассказ о правлении Юстиниана, где говорится об издании императором «эдикта, чуждого благочестия» (имеется в виду τὸ περὶ φθάρτου καὶ ἀφθάρτου... δόγμα)⁵³. Значительность этого эпизода подчеркивается композиционно: помещенный непосредственно перед сообщением о смерти василевса, он претворяется в последнее слово историка об умершем Юстиниане.

Однако сам по себе этот факт еще не дает нам достаточных оснований для каких бы то ни было выводов. Но если попытаться проследить, сохраняет ли Феофан положительные характеристики других персонажей Прокопия, то перед нами откроется любопытная картина. Король вандалов Тразамунд был мужем рассудительным и великодушным — характеристика дословно (упрощена лишь конструкция) перенесена Феофаном в «Хронографию» из «Истории войн»⁵⁴. Вандал Ильдерих, согласно Прокопию, был доступен для подданных и кроток, не был жесток (χαλεπός) ни к христианам, ни к кому другому, что, видимо, не вызывает возражений у Феофана, который в тех же словах говорит об Ильдерихе, изменив только «доступный» (εὐπρόσδοος) Прокопия на «добродетельный» (ἀγαθός)⁵⁵. То же самое происходит с характеристикой некоего Аполлинария, прекрасного воина (ἀνὴρ ἀγαθὸς εἰς τὰ πόλεμια)⁵⁶. Предводителя восставших в Северной Африке византийских стратиотов Стотзу Прокопий характеризует как мужа «смелого и деятельного» (θυμοειδῆ καὶ δραστήριον), с чем соглашается и Феофан, повторяя слова своего предшественника⁵⁷. Прекрасным воином, как по Прокопию, так и по Феофану, был один из военачальников в Северной Африке Гонтарис⁵⁸. Наместник Юстиниана в Северной Африке Ареовинд, хотя и неопытен в ратном деле, но все же «благороден и благоразумен» (εὐγενὴς καὶ εὐβούλος)⁵⁹⁻⁶⁰. И посланный Хосровом I к Велисарию перс Анаванд выступает у Феофана, следующего за Прокопием, как «муж разумный» (ἀνὴρ συνετός).⁶¹ Отметим попутно, среди этих персонажей немало варваров, пренебрежительное отношение к которым в византийской литературе традиционно.

Еще дальше идет Феофан, когда дело касается одного из центральных героев «Истории войн» — Велисария. Как и прежде хронист заимствует положительные характеристики Прокопия. Посол Хосрова I, вернувшись из лагеря Велисария, рассказывает своему повелителю о безмерной мужественности и уме полководца (συνετός τε καὶ ἀνδρεῖος ὑπεράγαν)⁶¹. Ромеи прославляют Велисария: дела его «поистине достойны упоминания и похвалы»⁶². Феофан не останавливается, однако, на этом. Он вносит некоторые изменения и добавления в текст Прокопия. Если, по Прокопию, Велисарий проявляет «кротость и человеколюбие» (πραότητα καὶ φιλάνθρωπίαν)⁶³, то у Феофана эти качества изменяются, превращаясь в «добродетель и красноречие» (ἀγαθότης καὶ γλῶσσολογία)⁶⁴. В сражении с Гелимером Велисарий «быстро» (δρόμῳ) отправляется против вандалов, но Феофана не удовлетворяет лаконичность оригинала, и он добавляет: «быстро и храбро» (δρόμῳ καὶ ἀνδρείᾳ) отправляется у него полководец на

⁵³ Theoph., I, 240.31—241.2.

⁵⁴ Procop., I, 346.20—21; ср. Theoph., I, 187.7—8.

⁵⁵ Theoph., I, 203.13 — Procop., I, 489.4.

⁵⁶ Theoph., I, 198.24—25 — Procop., I, 440.13—14.

⁵⁷ Theoph., I, 203.13 — Procop., I, 489.4.

⁵⁸ Theoph., I, 205.30—31 — Procop., I, 509.4—5.

⁵⁹⁻⁶⁰ Примечательно, что в этом месте Феофан ошибается, передавая техническое для Прокопия выражение ἀνὴρ ἐκ βουλῆς («муж из совета», т. е. из синклита) как εὐβούλος: Theoph., I, 210.1—2 — Procop., I, 529.16—530.1.

⁶¹ Theoph., I, 221.11—12 — Procop., I, 245.9—10.

⁶² Theoph., I, 221.30, 222.2 — Procop., I, 247.21—22, 248.1—2.

⁶³ Procop., I, 386.6.

⁶⁴ Theoph., I, 191.13.

Гелимера⁶⁵. Одержав победу над Гелимером, Велисарий «устраивает пир для всякого знатного, кто только был в войске»⁶⁶. Под пером Феофана этот пассаж приобретает иной оттенок: «Велисарий по-царски угостил войско»⁶⁷. Скрашивается, таким образом, избранность круга приглашенных и подчеркивается царская щедрость угощения. При подавлении Велисарием мятежа стратиотов в Ливии погибших было немного и большую их часть составляли вандалы: Велисарий, замечает Феофан, «щадил ромеев» (ἐφείδeto δὲ τῶν Ῥωμαίων)⁶⁸. Вслед за Прокопием вспоминает Феофан о прекрасных качествах (κάλλος) Велисария⁶⁹. Наконец знаменателен и следующий пропуск Феофана: побежденного знаменитым полководцем Гелимера проводят в триумфальном шествии на константинопольский ипподром, где он совершает проскинесу у ног императора, а за ним «сделал это, словно проситель василевса, и Велисарий»⁷⁰. Прокопий, приближенный Велисария, многим к тому же ему обязанный, не останавливается перед тем, чтобы поставить здесь на одну ступень побежденного и победителя, варвара и ромея; Феофан предпочитает умолчать об этом, обрывая свой рассказ на проскинесе пленного короля вандалов⁷¹.

Эти примеры все больше и больше убеждают нас в том, что не случайны пропуски положительных характеристик Юстиниана I в «Хронографии», не случайны и заимствования положительных характеристик других персонажей, не случайно опять-таки заметное выдвижение на первый план Велисария. Хронист отказывает императору в какой-бы то ни было характеристике, не упуская при этом случая отметить ту или иную положительную черту в облике приближенных василевса, а иногда и противников. Конечно же, эти характеристики весьма схематичны, стереотипны, но для нас сейчас важно не их качество, новизна или традиционность, а собственное их присутствие либо, наоборот, отсутствие на страницах «Хронографии». Очевидно, не стоит подробно говорить о том, как много значит для Феофана благочестие и ортодоксальность василевса (вспомним критику императоров-иконоборцев)⁷², опытность в государственных делах и способность к самостоятельным действиям и решениям [антипод такому государю в «Хронографии» — Михаил I Рангаве (811—813)]⁷³, милостивое отношение императора к подданным (известны слова Никифора I, адресованные им, по Феофану, патрикию Феодосию Саливару: «Если господь, ожесточая, ожесточил мне сердце, как у Фараона, что доброго будет моим подвластным? От Никифора, Феодосий, не жди ничего, кроме того, что ви-

⁶⁵ Ibid., I, 193.10 — *Procop.*, I, 395.25, причем рукописная традиция и Прокопия, и Феофана передает это место без разночтений.

⁶⁶ *Procop.*, I, 401.5—7.

⁶⁷ *Theoph.*, I, 194.8—9.

⁶⁸ *Theoph.*, I, 204.2—3. Так Феофан резюмирует слова Прокопия, который рассказывает, что Велисарий не преследовал мятежников, посчитав достаточным бегство противника. См. *Procop.*, I, 495.2—3.

⁶⁹ В тексте Прокопия стоит κλέος; есть чтение κράτος. См. *Procop.*, I, 541.23; ср. *Theoph.*, I, 213.19 (без разночтений).

⁷⁰ *Procop.*, I, 457.24—458.2.

⁷¹ *Theoph.*, I, 200.5—7. Э. Фольери (*E. Follieri. Il poema bizantino di Belisario. — «Accademia nazionale dei Lincei. Quaderno», № 139. Roma, 1970, p. 583—651*), прослеживая становление поэмы о Велисарии, отмечает лишь этот эпизод «Хронографии», не поднимая вопроса о возможности влияния эпоса о Велисарии, зарождение которого она относит к концу VII—началу VIII в. Мы не хотели бы пока говорить о причинах такого отношения Феофана к Велисарию: материал характеристик еще не дает для этого достаточных оснований. На Феофана могло повлиять и становление романа о Велисарии, вполне понятен и обостренный интерес хрониста, современника поражений Византии в войнах с арабами и болгарами, к личности прославленного полководца, не раз спасавшего империю; в этом, наконец, могло отразиться и отношение компилятора к военной верхушке как к социальной группе вообще.

⁷² См. *F. H. Tinnefeld. Op. cit.*, S. 67—69.

⁷³ См. *ibid.*, S. 78f.

дишь»)⁷⁴. Едва ли мы ошибаемся, считая, что подобные качества представлялись положительными самому Феофану.

Но, может быть, такое элиминирование положительных характеристик императора свойственно Феофану, представляет собой систему, и Юстиниан I — правило в ней, а не исключение? Для ответа на этот вопрос обратимся к оценке нашим хронистом ближайших предшественников и преемников Юстиниана I на византийском троне, т. е. Юстина I (518—527) и Юстина II (565—578). «Воцарил благочестивый Юстин. . . , — пишет Феофан о Юстине I, — муж преклонных лет и многоопытный. . . »⁷⁵, «все провозглашали его благороднейшим», был он «пламенным ревнителем православной веры, прославленным и в войнах»⁷⁶. Интересно, что при компилировании рассказа Прокопия о переговорах Юстина I с Кавадом Феофан изменяет тенденцию оригинала в передаче событий: по Прокопию, Кавад перед смертью решил прекратить войну с ромеями и устранить ее причины, с тем чтобы его сын Хосров, будущий Хосров I Ануширван, стал приемным сыном Юстина I⁷⁷. Юстин, узнав об этом, очень обрадовался и поторопился претворить побыстрее замысел в дело⁷⁸, но ему помешал квестор Прокл, выступивший против намерений императора⁷⁹. Если у Прокопия поспешная реакция Юстина противопоставляется мудрому совету Прокла, то у Феофана акценты несколько смещены: главным действующим лицом в «Хронографии» становится император (василевс, создав синклит, не принял предложения Кавада)⁸⁰, хотя ниже и говорится о прекрасном совете Прокла⁸¹. Для Феофана Юстин I остается «благочестивым василевсом» отличавшимся мужеством и способностью в управлении государством⁸². Становится понятным, почему Феофан опускает тот фрагмент Прокопия, где о Юстине говорится как о престарелом василевсе, совершенно неопытном в государственных делах⁸³: такая оценка противоречит отношению Феофана к Юстину как к благочестивому, способному, многоопытному и прославленному в войнах государю. Добавим к этому, что и в окружении своем Юстин назначал на высокие должности людей вроде Виталиана, который был, по Феофану, «вполне православен» (λίαν γὰρ ἦν ὀρθόδοξος)⁸⁴.

Похвалы Феофана удостаивается и Юстин II. Согласно хронисту, он был «великодушен» (μεγαλόψυχος), «во всем искусен» (εἰς πάντα ἐπιδέξιος); Феофан отмечает любовь Юстина II к строительству (φιλοκτίστης), он, «будучи благочестивым, украсил основанные Юстинианом церкви» (удивительно, что не Юстиниан, постройкам которого Прокопий посвятил специальный трактат, а Юстин II, хотя ему принадлежит лишь честь украшения построенного Юстинианом, получает от Феофана эпитет φιλοκτίστης); венчает же характеристику Юстина II признание Феофана в том, что этот василевс был «всецело православен» (ὀρθόδοξος πάνυ)⁸⁵.

Таким образом, перед нами вырисовывается довольно отчетливая картина: на передний план выдвигается окружение Юстиниана I, особенно Ве-

⁷⁴ *Theoph.*, I, 489.32—490.2; ср. F. H. Tinnefeld. *Op. cit.*, S. 78.

⁷⁵ *Theoph.*, I, 164.16—17.

⁷⁶ *Ibid.*, I, 164.31—165.2. Как непохожа эта характеристика на литературный портрет Юстина I у Малалы: «... среднего роста, с широкой грудью, курчавый, весь седой, с красивым носом, с красноватым [цветом лица], благообразный, потрудившийся в войнах, почитаемый, но неграмотный» (*Mal.*, 410.6—8). Бросаются в глаза и различия в манере письма и некоторый критицизм Малалы (неграмотность Юстина).

⁷⁷ *Procop.*, I, 49.12—14.

⁷⁸ *Ibid.*, I, 50.7—8, 10—11.

⁷⁹ *Ibid.*, I, 50.17—51.25.

⁸⁰ *Theoph.*, I, 168.3—4. Здесь вновь пропускается положительная характеристика Юстина I, см. *Procop.*, I, 50.8—10.

⁸¹ *Theoph.*, I, 168.5—6.

⁸² *Ibid.*, 170, 24—26.

⁸³ *Procop.*, I, 351.22—352.3.

⁸⁴ *Theoph.*, I, 165.8—9; ср. *Mal.*, 411. 14.

⁸⁵ *Theoph.*, I, 241. 28—242. 4.

лисарий, Юстиниан теряет при компилировании положительные характеристики; контраст усиливается еще и тем, что предшественник Юстиниана, как и его преемник, на константинопольском троне охарактеризованы положительно. В чем кроются причины такого истолкования исторического материала хронистом, отделенным почти тремя столетиями от описываемой им эпохи? Истоки этого явления можно было бы искать в характере самой византийской историографии, использованной компилятором. Так, некоторые фрагменты в «Хронографии» Иоанна Малалы, содержащие факты, которые использовала оппозиция Юстиниана в критике его режима⁸⁶, могли повлиять и на отношение Феофана к этому василевсу. Не меньше оснований для такого объяснения дают сочинения самого Прокопия: не исключена возможность, что Феофан читал «Тайную историю», отсюда и тенденциозность историка. Наконец Феофан мог почувствовать подспудную критику Юстиниана Прокопием в «Истории войн»⁸⁷. Тем самым тенденциозность Феофана, казалось бы, имеет свои историографические корни.

И все же мы не думаем, чтобы Феофан при компилировании ограничивался пассивным воспроизведением концепции оригинала. Мы уже имели возможность убедиться в активности его историографического метода: резко отрицательное, пренебрежительное отношение Прокопия к Юстину I⁸⁸ не только замалчивается Феофаном, но даже преобразуется в свою противоположность. Там, где это необходимо, компилятор отчетливее выделяет тенденцию источника, акцентируя внимание на деталях, важных в его представлении: пример тому мы видим в пусть даже незначительных добавлениях к характеристике Велисария. Да и историографическое прошлое, в котором Феофан черпает материал, было гораздо сложнее и противоречивее, чтобы тенденциозность Феофана можно было расценивать как простое заимствование. Предположив, что Феофан читал «Тайную историю» Прокопия, мы с таким же успехом можем говорить и о том, что хронисту был известен трактат того же Прокопия «О постройках», прославляющий деятельность Юстиниана⁸⁹. Как бы то ни было, Феофан имел дело с неоднородной по своей политической и идейной направленности массой источников, так что если он и был несвободен в создании той или иной концепции, то в выборе ее неизбежно должны были отразиться его взгляды.

Итак, чем объясняется выбор Феофаном тенденции, умаляющей роль Юстиниана I, скрадывающей значение его деятельности, или, иными словами, не отразились ли в компиляции источников VI в. взгляды историка начала IX в.? Поскольку речь здесь идет об отношении нашего хрониста к византийским императорам, то и ответ на этот вопрос мы получим, лишь проследив, насколько вообще характерна для Феофана критика ромейских василевсов, особенно же тех, кто хронологически более близок к нему, нежели Юстиниан I.

Что же мы видим? Император Маврикий (582—602) обвиняется в жадности⁹⁰, Ираклий (610—641) за его приверженность к монофелитам (добавим к этому и женитьбу на собственной племяннице) уличается Феофаном в «неправославии» (*κακοδοξία* как противоположность *ορθοδοξία*)⁹¹. Последователь монофелитов Константин II (641—668) вызывает ненависть кон-

⁸⁶ См. В. Rubin. *Das Zeitalter Justinians*. Bd. I. Berlin, 1960, S. 232. Ср. рец. Г. Вирта на книгу В. Рубина: «*Helicon*», 1961, № 1, S. 188, а также З. В. Удальцова. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси. — «Археографический ежегодник за 1965 г.», М., 1956, стр. 48, прим. 5.

⁸⁷ См. В. Rubin. *Op. cit.*, S. 178—179; ср. F. H. Tinnefeld. *Op. cit.*, S. 19f, S. 26f. З. В. Удальцова. Мировоззрение Прокопия Кесарийского. — ВВ, 31, 1971, стр. 11.

⁸⁸ См. F. H. Tinnefeld. *Op. cit.*, S. 22, 31, 33f.

⁸⁹ См. В. Rubin. *Op. cit.*, S. 174, 175—177; ср. З. В. Удальцова. Мировоззрение Прокопия. . . , стр. 10.

⁹⁰ *Theoph.*, I, 259.28—260.2; ср. F. H. Tinnefeld. *Op. cit.*, S. 54f.

⁹¹ *Theoph.*, I, 339.31—32.

стантинопольцев преследованиями православных, и в первую очередь ссылкой папы Мартина I (649—655) и Максима Исповедника⁹². Юстиниан II (685—695 и 705—711) заслуживает порицания за свою жестокость и внешнюю политику⁹³. Не обходит Феофан стороной и императора Филиппика-Вардана (711—713), который, согласно ему, был еретиком, не заботившимся о государственном благе, расточавшим без пользы казну, мудрым и разумным лишь на словах, а не на деле⁹⁴. Даже восстановившая иконопочитание императрица Ирина (797—802) вызывает осуждение у иконопочитателя Феофана: окруженная дурными советниками честолюбивая императрица не хочет передать власть своему сыну Константину VI (780—797) и ослепляет его⁹⁵, что вызывает божий гнев, проявившийся в последовавшем за ослеплением солнечном затмении⁹⁶. Нетерпим Феофан к императору Никифору I (802—811)⁹⁷, критически отзываясь о подержанном сторонним влиянием Михаиле I Рангаве⁹⁸.

Таким образом, в «Хронографии» Феофана последовательно проводится критика византийских императоров, она не ограничивается порицанием императоров, близких по времени к периоду иконоборчества, но переносится и на времена, весьма отдаленные от эпохи создания памятника. При таком преломлении материала тенденциозность Феофана в отношении к Юстиниану I перестает быть явлением случайным, изолированным, тенденциозность компилятора влетает в систему представлений писателя, отражает оценку хронистом не только отдельного императора, как материального воплощения императорской власти, но всех византийских василевсов. И напротив, положительные характеристики Юстина I и Юстина II стоят особняком в «Хронографии»⁹⁹, выделяются на общем критическом фоне, выходят за рамки системы. Случайны ли они? Чем оправдывается появление этих характеристик? Может быть, они функциональны, но только функция, ими выполняемая, — иного свойства, нежели та, которую несет на себе критическая концепция историка: она художественная. Нагнетая недоверчивое отношение к Юстиниану I, Феофан опускает положительные характеристики василевса, подчеркивает их отсутствие тем, что сохраняет положительные характеристики других персонажей и усиливает при этом контраст восхвалением предшественника и преемника Юстиниана I. Усиливая контраст, эти две характеристики, предваряющая и заключительная, в то же время словно придают композиционную завершенность (как ни странно это звучит в применении к сочинению, повествование в котором разделено на фрагменты по формальному, хронологическому, принципу) рассказу об эпохе Юстиниана I. Осознан или неосознан этот прием — вопрос другой, и отвечать на него — в другом месте, но результат, художественный эффект, как нам кажется, именно такой. Мы

⁹² Ibid., I, 351.16—24.

⁹³ См. F. H. Tinnefeld. Op. cit., S. 58f. Ограничиваясь в этом случае выявлением такого элемента критики императора, как критика его внешней политики, Ф. Тиннефельд оставляет без внимания осуждение Феофаном репрессий Юстиниана II, и прежде всего жестокости василевса по отношению к жителям Херсона (*Theoph.*, I, 377.22—380.8).

⁹⁴ Ibid., I, 381.23—30; ср. F. H. Tinnefeld. Op. cit., S. 59f.

⁹⁵ *Theoph.*, I, 464.10—17, 472.12—18.

⁹⁶ Ibid., 472. 18—22; ср. F. H. Tinnefeld. Op. cit., S. 59f., 72f.

⁹⁷ Ibid., S. 74—78.

⁹⁸ *Theoph.*, I, 497.28—498.23; ср. F. H. Tinnefeld. Op. cit., S. 78f. Мы не ставим здесь вопроса о том, какая система ценностей лежала в основе критики Феофаном императоров, — это особая тема, и для того, чтобы исчерпать ее, необходим обстоятельный анализ материала критики императоров в «Хронографии» от Константина I до Михаила I Рангаве. Предварительно все же заметим, что мы, в отличие от Ф. Тиннефельда, склонны придавать больше значения роли идеологии (в частности представлений об идеале императора) в критике Феофана.

⁹⁹ В таком же тоне выдержана лишь неизменно положительная характеристика Константина I. См. *Theoph.*, I, 8.16—17, 9.23, 11.33, 14.26—27, 20.12—17, 21.33—34, 24.1, 33.25 («божественнейшего и христианнейшего» государя) и Феодосия I (379—395) — см. ibid., I, 66.17—20.

опять-таки напоминаем, что источники, которыми пользовался Феофан, могли содержать как положительные, так и отрицательные оценки исторических персонажей, суть дела не столько в этом, сколько в том, на чем останавливался в своем выборе Феофан и чем его выбор определялся.

У компилятора, отделенного от времени Юстиниана I почти тремя столетиями, неизбежно возникали трудности при передаче исторических реалий описываемой эпохи. В этом плане небезынтересно было бы проследить за тем, как Феофан передает административную терминологию Прокопия, тем более что хронист иногда ошибается, неправильно понимая тот или иной термин оригинала. Например, техническое для Прокопия выражение ἀνὴρ ἐκ βουλῆς, «муж совета», т. е. «сенатор», «синклитик»¹⁰⁰, теряет в «Хронографии» специальное значение и превращается в простое ἀνὴρ σοφὸς («мудрый муж») или ἀνὴρ εὐβουλος («муж рассудительный, добрый советом»)¹⁰¹. Эпарх дворца (ἐπαρχος τῆς αὐλῆς) — должность, видимо, незнакомая Феофану, Иоанн Каппадокиец упоминается им только как патрикий¹⁰².

В некоторых местах Феофан правит стиль Прокопия: оборот εἰς χεῖρας ἰέναι («вступать в сражение») заменяется на более привычный для хрониста глагол συμβάλλειν и выражения μάχης γενομένης μάχης κροτηθείσης¹⁰³ с аналогичным значением. Ἐνιαυτός («год») меняется на χρόνος («время») в значении «год»¹⁰⁴. Πόνος («труд, тяготы, бремя») в значении «война» у Прокопия соответствует нейтральному πόλεμος («война») у Феофана¹⁰⁵. Однако пока это единичные наблюдения, и они не дают нам права на какие бы то ни было выводы.

Подведем итоги. Компилируя Прокопия, Феофан часто ошибается при передаче топонимики и географии оригинала. Эти ошибки характерны для хрониста, мы встречаем их не только там, где он переписывает Прокопия, но и в других частях «Хронографии». Наряду с этим бросается в глаза точность в передаче чисел, особенно хронологии, что должно быть не удивительно для автора сложной хронологической системы. Наконец критическое отношение Феофана к византийским императорам проявляется как в критике современных ему василевсов, так и ретроспективно, оно дает о себе знать и в компиляции¹⁰⁶. При этом умелое расположение материала в рассказе об эпохе Юстиниана I (прославление Юстина I и Юстина II в противовес Юстиниану) усиливает контраст и производит впечатление композиционно завершенного целого.

Мы целиком и полностью отдаем себе отчет в том, что предлагаемая вниманию читателя работа не представляет собой окончательного ответа на вопрос, как компилировал Феофан, это скорее предварительные наблюдения, чем законченная картина. Но сравнение с одним лишь Прокопием и не может дать такой законченной картины. Чтобы представить манеру компилятора Феофана как систему приемов, необходимо обратиться и к другим источникам хрониста (Иоанну Малале, Агафию, Феофилакту Симокатте), а это уже дело будущего.

¹⁰⁰ См. Αἰκ. Α. Χριστοφιλοπούλου 'Η σύγκλητος εἰς τὸ Βυζαντινὸν κράτος. 'Αθήναι, 1949, с. 17—18.

¹⁰¹ Theoph., I, 204.11, 210.1—2 — Procop., I, 497.4, 529.26.

¹⁰² Theoph., I, 188.18—19 — Procop., I, 356.21—22. Прокопий называет Иоанна патрикием лишь в одном фрагменте «Истории войн», который, кстати сказать, не был включен Феофаном в текст «Хронографии» (см. I, 141.5).

¹⁰³ Theoph., I, 211.19, 210.13, 210.11, 208.13, 206.6. — Procop., I, 534.6—7, 531.5—6, 2, 519.15, 510.15—16.

¹⁰⁴ Theoph., I, 199.13, 202.13—14 — Procop., I, 456.3, 483.4—5.

¹⁰⁵ Theoph., I, 201.29, 204.1, 205.1 — Procop., I, 474.16, 495.1, 504.3—4.

¹⁰⁶ Обработка источника под углом зрения критики императора прослеживается у Феофана на другом материале Ф. Тиннефельдом (F. H. Tinnefeld. Op. cit., S. 15, Anm. 13; S. 58—72). Но Ф. Тиннефельд анализирует ту часть памятника, источник которой не дошел до нас, отсюда гипотетичность некоторых его выводов.

З. В. УДАЛЬЦОВА

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ВИССАРИОНА НИКЕЙСКОГО

РАННИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИССАРИОНА

На берегу Черного моря, в живописной местности раскинулась столица Трапезундской империи — Трапезунд, один из прекраснейших в XV в. еще цветущих городов Черноморского побережья, крупный торговый порт, в котором появлялись многочисленные корабли западных и восточных купцов. Трапезунд в эту эпоху был также важным культурным центром, «приютом наук и искусств», «царем городов после царственного города», по выражению панегириста Виссариона Никейского — Михаила Апостолия¹.

Здесь² около 1403 г.³ родился будущий знаменитый ученый и политический деятель; при рождении он был назван Иоанном и лишь позднее принял имя Виссариона. По своему происхождению Виссарион принадлежал, видимо, к средним слоям общества. По утверждению того же Михаила Апостолия, «родители его не были знатного происхождения и отмечены почетом, но добывали себе на жизнь трудом рук своих — образ жизни, как я полагаю, более угодный богам, чем жизнь тиранов и династов, которые держат в своей власти народы и государства и управляют ими⁴.

Биограф и панегирист Виссариона рисует идиллическую картину скромной, но праведной жизни родителей будущего кардинала. В противоположность тиранам родители Виссариона жили честно и согласно природе. Они имели достаточно богатств, добытых трудами рук своих, чтобы помогать бедным, оказывать гостеприимство странникам, с радостной душой зажигают они очаг, обмывают путников теплой водой, умащают их маслом, облачают в одежды и предоставляют им ложе⁵.

¹ *Μιχαὴλ Ἀποστολίου Βυζαντίου ἐπιτάφιος Ὁμηγῶδης*. — PG, vol. 161, col. 118. О Михаиле Апостолии см. *D. J. Geanakoplos*. Greek Scholars in Venice. Cambridge. Massachusetts, 1962, p. 73—110. О Трапезунде см. *E. Janssens*. Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969.

² PG, vol. 161, col. 104. О том, что Виссарион — уроженец Трапезунда, говорит еще при жизни Виссариона и его секретарь Баптиста Платина из Кремоны в «Похвальном слове» Виссариону (см. PG, vol. 161, col. 103).

³ Дата рождения Виссариона вызывает споры. Автор первой научной биографии Виссариона — итальянский ученый XVIII в. А. Бандини — считал временем рождения Виссариона 1395 г.; см. PG, vol. 161, col. 3 sq. В современной литературе общепринятой датой является 1403 г. См. *A. E. Vacalopoulos*. Origins of the Greek Nation. The Byzantine period, 1204—1461. New Brunswick, 1970, p. 172—178.

⁴ PG, vol. 161, col. 132.

⁵ Ibidem. Некоторые дополнительные биографические данные о Виссарионе содержатся в «Надгробной речи» Николая Капраники, видного, представителя папской курии и друга Виссариона. Эта речь была произнесена на торжественных похоронах Виссариона в Риме (*Nicolas Capranica*. Oratio funebris Bessarionis. — In: *Compendio storico della basilica de S. S. XII Apostoli*, ed. B. Malvasia. Romae, 1665). Кроме того, сохранились биографии Виссариона, принадлежащие перу Веспасиана да Бичиччи из Флоренции (*Vite di homini illustri del secolo XV*. Scritte da Vespasiano Fiorentino. — «Spicilegium Romanorum», vol. 1. Romae, 1839), Паоло Джовио

Описание в духе житий благотворительной деятельности родителей Виссариона, хотя и является риторическим приемом Михаила Апостолия, но, думается, все же указывает на их известную состоятельность. По некоторым косвенным данным можно предположить, что родители Виссариона занимались ремеслом или торговлей, имея, вероятно, собственное предприятие⁶. Во всяком случае, они были достаточно богаты, чтобы дать своему сыну блестящее образование. Однако бесспорно, что они не принадлежали к знати, о чем не преминул бы упомянуть где-либо такой честолюбец, как Виссарион. Напротив, в «Энциклике к грекам» он говорит о своем «низком положении в юности»⁷.

На наш взгляд, свидетельство Михаила Апостолия — достаточно убедительный аргумент, позволяющий принять версию о происхождении Виссариона из средних кругов трапезундского общества⁸. Ведь недаром, даже находясь на вершине славы и могущества, Виссарион всегда чувствовал себя homo novus и любил подчеркивать, что добился многого в жизни благодаря личным трудам и дарованиям, а не знатности предков.

Детство и раннюю юность Виссарион провел в родном городе, где и получил первоначальное образование под руководством местного епископа Дорофея, оказавшего покровительство талантливому мальчику. Родители, видя его исключительные способности, решили предназначить Виссариона для духовного поприща и дать ему широкое образование⁹. Сам Виссарион в «Энциклике к грекам» говорит, что он с юных лет проводил свои дни в изучении наук¹⁰.

Панегрист Виссариона Баптиста Платина утверждает, что уже в ранней юности Виссарион изучал греческих философов, поэтов и раторов. В изучении трудов античных философов и писателей он прошел как бы два этапа: первоначально он ознакомился с произведениями Диогена, Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, поэта Дельфия, историка Гекатея, а затем уже стал самостоятельно постигать философию великих мыслителей — Сократа, Платона и Аристотеля. Уже в юные годы его влекло ораторское искусство, и он зачитывался речами Исократы и Демосфена. По словам Платины, Виссарион умерял цветистость Азии суровой сдержанностью аттического гения¹¹.

Однако в Трапезунде, городе, хотя и славившемся своей культурой, но все же провинциальном, одаренный юноша не мог получить всестороннего образования, и родители решили отправить его в столицу для усовершенствования знаний под руководством знаменитых учителей. Стремление проникнуть в тайны науки, жажда деятельности, честолюбивые

(*Paulus Jovius. Elogia virorum litteris illustrium*, ed. P. Pernaе Basileae, 1577), и др. Жизнь Виссариона позднее интересовался и Гете. (*W. von Goethe. Studien und Forschungen über das Leben und die Zeit des Cardinals Bessarion*. Iena, 1871).

⁶ PG, vol. 161, col. 132. В этой цитате Михаила Апостолия чрезвычайно интересен термин «*χειρωναξία*»; в античное время он означал не только ремесло, но и владение какой-либо ремесленной мастерской; возможно, и в нашем тексте он имеет тот же оттенок и свидетельствует, что родители Виссариона были не простыми ремесленниками, а владельцами ремесленной мастерской или какого-либо торгового предприятия, что, во всяком случае, более правдоподобно и более вяжется с дальнейшим контекстом. Но это является лишь нашей догадкой.

⁷ PG, vol. 161, col. 461. Биографы Виссариона расходятся во мнениях относительно социального статуса родителей этого ученого. А. Бандини отказывается определить происхождение Виссариона. Никероний без доказательств говорит о его знатности (PG, vol. 161, col. 3). А. Садов считает, что Виссарион был сыном простых родителей и возвысился благодаря личным талантам (см. А. Садов. Виссарион Никейский. Его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе, богословские труды и значение в истории гуманизма. СПб., 1883, стр. 1—2).

⁸ Большинство исследователей соглашается с этой версией. См. А. Vast. *Le cardinal Bessarion*. Paris, 1878, p. 3; R. J. Loenertz. *Pour la biographie du cardinal Bessarion*. — «*Orientalia Christiana Periodica*», 10, 1944, p. 116—149.

⁹ PG, vol. 161, col. 132—133.

¹⁰ Ibid., col. 461.

¹¹ Ibid., col. 104.

мечты влекли юношу в столицу — центр культуры и просвещения, где он мог слушать знаменитых ораторов, учиться у выдающихся ученых и проявить свои незаурядные дарования. Около 1415 или 1416 гг. Виссарион покидает родной город¹², чтобы многие годы уже в него не возвращаться. Константинополь, Пелопоннес, Рим станут отныне его пристанищем.

ВИССАРИОН В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Несмотря на экономический и политический кризис, несмотря на грозную внешнюю опасность со стороны турок, Византия в XIV—XV вв. переживает «возрождение» наук и искусств. Константинополь продолжал оставаться средоточием образованности и «главным центром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе»¹³. Столица империи жила напряженной политической и духовной жизнью. Виднейшие ученые ревностно хранили светоч греческого знания, передавая его своим ученикам.

Особенно славился в то время ритор и грамматик Мануил Хрисокок, школа которого пользовалась широкой известностью не только в Византии, но и привлекала любознательных юношей также из Италии. В стенах этой школы в 1425 г. встречаем мы и молодого Виссариона¹⁴. В школе Хрисокока занимались изучением главным образом греческой грамматики, литературы и отчасти философии. По словам Михаила Апостолия, Виссарион изучал там риторику, логику и этику¹⁵.

Какое же место занимала школа Хрисокока в формировании мировоззрения Виссариона, в частности его латинофильских взглядов? Дать определенный ответ на этот вопрос чрезвычайно трудно. В официальном преподавании того времени все латинское было запрещено, как отдающее ересь, и ученики, в том числе и Виссарион, были мало сведущи или даже совсем не знакомы с латинским языком.

Но, с другой стороны, есть целый ряд указаний, которые позволяют говорить о влиянии латинской культуры в стенах школы Хрисокока и даже о своеобразном «латинском окружении» Виссариона в этой школе. Хотя о мировоззрении самого Хрисокока у нас нет точных данных, однако можно думать, что он был сторонником унии; известно, что позже он дал письменное полномочие Виссариону подписать от его имени унию, причем на любых условиях¹⁶; известно также, что Виссарион навсегда сохранил со своим учителем дружеские отношения, что указывает на идеологическое родство этих выдающихся людей, установившееся, возможно, еще в бытность Виссариона в школе.

Товарищем Виссариона по школе был будущий знаменитый итальянский гуманист Франческо Филельфо; не исключено, что именно его влияние возбудило у Виссариона интерес к итальянской культуре, к западному гуманизму¹⁷. Можно также предполагать, что Виссарион через Филельфо вошел в кружок Мануила Хрисолора¹⁸, видного западника и, возможно, был знаком с Иоанном Хрисолором, племянником знаменитого ученого, зятем которого был Франческо Филельфо.

¹² PG, vol. 161, col. 13; A. Vast. Op. cit., p. 7.

¹³ К. Маркс. Хронологические выписки. — «Архив Маркса—Энгельса», т. V, стр. 193.

¹⁴ См. письмо Ф. Филельфо к Виссариону (F. Philelpho. Epistolarum libri VII. Venetiae, 1502, lib. VI, epist. 35). В этом письме Филельфо напоминает Виссариону о том, что они вместе с ним учились в школе Хрисокока. Из этого же письма можно установить дату совместного пребывания Виссариона и Филельфо в школе Хрисокока — это было после смерти тестя Филельфо Иоанна Хрисолора (1425 г.) и до отъезда Филельфо из Константинополя (1427 г.).

¹⁵ PG, vol. 161, col. 133.

¹⁶ J. D. Mansi. Acta concilii florentini, vol. 31, col. 1040. Roma, 1638.

¹⁷ Хотя нет достаточных оснований переоценивать влияние Филельфо на Виссариона, как это делают некоторые историки (см. А. Садов. Указ. соч., стр. 3).

¹⁸ Виссарион не мог быть знаком с самим Мануилом Хрисолором, умершим еще в 1415 г.

Среди других учеников Хрисокока, с которыми общался Виссарион, можно назвать будущего гуманиста Константина Ласкариса, убежденного латинофила. Здесь же мы также видим Иоанна Аргиропула, уехавшего впоследствии в Италию и ставшего преподавателем во Флоренции. Виссарион, вероятно, был знаком с итальянским гуманистом Джованни Ауриспой, посетившим Константинополь в 1423 г. Вполне возможно, что в школе Хрисокока перекрещивались влияния греческой и латинской культуры, и это не могло не отразиться на мировоззрении молодого Виссариона.

В начале 20-х годов XV в. Виссарион принимает монашество и меняет свое имя Иоанн на Виссарион в честь одного египетского мученика. Посвящение Виссариона в монахи происходит в константинопольском монастыре, патроном которого являлся св. Василий, один из греческих отцов церкви, наиболее близко стоявший к латинскому учению¹⁹.

К этому времени относится первое литературное произведение Виссариона. В 1425 г. умер император Мануил Палеолог, и Виссарион написал по случаю его смерти надгробную речь — монодию²⁰. В этом произведении молодой писатель обнаруживает широкую начитанность и бесспорный литературный талант. Он украшает речь блестящими образцами риторики — яркое свидетельство того, что уроки Хрисокока не пропали даром.

Однако для пытливого ума Виссариона круг знаний, полученных в школе знаменитого ритора, казался тесен, он стремится приобщиться к высотам науки, к изучению философии и теологии. Слава знаменитого философа Георгия Гемиста Плифона гремела по всей Византии²¹. Виссарион покидает столицу, чтобы отправиться в Пелопоннес и услышать «нового Платона».

ПЕЛОПОННЕССКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ВИССАРИОНА

Столица Пелопоннеса Мистра была вторым после Константинополя культурным центром империи. Здесь кипела напряженная научная и идейная борьба. Здесь жил и учил знаменитый Плифон. Известный копист Николай родился в Мистре. Георгий Германим, учитель Эразма и Рейхлина, был родом из Пелопоннеса. Многие видные ученые, в том числе Георгий Схolariй и Виссарион, побывали здесь в школе Плифона. Чудные фрески церкви св. Иоанна, монастыря Пантанасса, церкви Перивлепты поражают до сих пор своим изяществом, элегантностью и техническим совершенством. Мистра с XIV в. стала центром византийского «Возрождения»²².

Культура Мистры отличалась чрезвычайной сложностью. Пелопоннес в недалеком прошлом — одна из территорий Латинской империи; здесь на древней земле Ликурга высились замки потомков латинских баронов; рыцарская культура и обычаи пустили тут глубокие корни. Оживленные торговые связи Мистры с Италией способствовали появлению в этом городе массы иностранцев; греки жили рядом с франками, испанцами, ве-

¹⁹ Однако вряд ли это свидетельствует о тяготении Виссариона к латинству уже в те годы, как предполагает А. Васт (A. Vast. Op. cit., p. 19).

²⁰ PG, vol. 161, col. 615—621; N. Tomadakis. Oriente e Occidente all'epoca del Bessarione. — «Rivista di Studi Bizantini e neocellenici», 5 (XV), 1968, p. 29—40.

²¹ О Плифоне см. И. П. Медведев. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, стр. 99—113; F. Schultze. Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen. Iena, 1874; F. Taeschner. Georgios Gemistos Plethon, ein Vermittler zwischen Morgenland und Abendland, zu Beginn der Renaissance. — «Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher», 8, 1931, S. 100 f; J. Mamalak. Γεώργιος Γεμιστός Πλήθων. 'Εν 'Αθήναις, 1939; F. Masai. Pléthon et le platonisme de Mistra. Paris, 1956; idem. Pléthon, l'averroisme et le problème religieux. In: «Le néoplatonisme». Paris, 1971.

²² D. A. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, t. II. Athènes, 1953; И. П. Медведев. Указ. соч.; B. Tatakis. La Philosophie byzantine. Paris, 1949.

нецианцами, гетуэзцами и другими выходцами с Запада. Греческие и латинские церковные обряды уже около двух столетий продолжали как-то уживаться. И вся эта своеобразная греко-латинская христианская культура на почве древней Спарты находилась под сильным влиянием античных традиций. Философия Платона и Аристотеля, как и вся античная языческая культура, были как бы общей идеологической почвой, которая сближала византийских и западных гуманистов, церковных и научных деятелей ²³.

Эта сложность культурных влияний в одном из центров византийского «Возрождения», может быть, отчасти объясняет некоторую двойственность взглядов первого философа того времени — Плифона. С одной стороны, это грек-патриот, мечтающий спасти свою родину путем возрождения античной религии и философии, а также античных порядков. С другой стороны, — это гуманист, тяготеющий к западной культуре, восторженно встреченный в Италии, учитель многих итальянских гуманистов и фактически основатель флорентийской платоновской Академии ²⁴.

Если и нельзя слишком преувеличивать «латинскую атмосферу» Мистры и ее влияние на Виссариона ²⁵, то все же можно предположить, что здесь Виссарион глубже познакомился с латинской культурой, окунулся в атмосферу западных влияний и большей религиозной терпимости к латинянам ²⁶.

Виссарион вступил в число учеников Плифона и изучал под его руководством математику и другие науки, в которых делал блестящие успехи ²⁷. Но главным его занятием было проникновение в «тайны философии», и прежде всего в философию Платона ²⁸.

Каково же было влияние Плифона на формирование мировоззрения Виссариона? Вот вопрос, который волновал всех его биографов.

Безусловно, уроки такого могучего ума, как Плифон, не могли пройти бесследно для Виссариона. Под влиянием Плифона Виссарион стал питать особую любовь к Платону и сохранил ее на всю жизнь, хотя и отдавал должное Аристотелю. Что касается ее участия в кружке «избранных» Плифона и знакомства с его новой религией и реформаторскими планами, то сказать что-нибудь определенное по этому поводу трудно из-за отсутствия точных данных ²⁹. Во всяком случае, Виссарион не стал последователем плифоновской религии. Но он заимствовал у своего учителя более широкий взгляд на вопросы веры, отрешился от узкой ортодоксальности и заразился от Плифона некоторым свободомыслием. Кроме того, Плифон сыграл, видимо, известную роль в усилении интереса Виссариона к западной культуре.

Всю жизнь Виссарион сохранял чувство глубокого уважения к своему учителю, с которым вел постоянную переписку. Смерть Плифона глубоко

²³ N. Tomadakis. Op. cit., p. 29—40; И. И. Медведев. Указ. соч., стр. 95—122; I. W. Taylor. Gemistos Plethos. Criticism of Plato and Aristotle. Chicago, 1921.

²⁴ F. Masai. Pléthon et le platonisme. . .; A. E. Vacalopoulos. Op. cit., p. 241—245.

²⁵ A. Vast. Op. cit., p. 29 sq.; L. Mohler. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann, I—II. Paderborn, 1923—1927.

²⁶ Время переезда Виссариона в Пелопоннес и срок его пребывания там точно неизвестны. С определенностью можно сказать лишь, что Виссарион покинул Константинополь после 1425 г., он находился в Пелопоннесе в 1427 г., во время посещения Мистры императором Иоанном II Палеологом, и, наконец, покинул гостеприимный полуостров после 1435 г.

²⁷ PG, vol. 161, col. 105, 138.

²⁸ К сожалению, сам Гемист Плифон изучал Платона главным образом в передаче александрийских неоплатоников, а не по подлинным сочинениям великого философа. Это обстоятельство, видимо, должно было отразиться и на занятиях Виссариона; см. F. Masai. Pléthon et le platonisme. . ., p. 137, 166 sq.

²⁹ Г. Фойт без точных доказательств говорит о том, что Виссарион вступил в кружок «избранных» Плифона, ссылаясь только на общий стиль письма Виссариона к сыновьям Плифона. С участием в кружке Плифона Фойт связывает политическую карьеру Виссариона. См. G. Voigt.. Die Wiederbelebung des Klassischen Alterthums.. Berlin, 1859, S. 110 f.

огорчила Виссариона, и он воздал великому философу дань почитания в письме к его сыновьям ³⁰. «Я узнал о том, — пишет он, — что наш общий отец и руководитель, простившись со всем земным, переселился на небо в вечную обитель, чтобы вместе с олимпийскими богами славить хоровами мистического Вакха. Я радуюсь, что знал такого мужа, который после Платона (исключая только Аристотеля) был мудрейшим во всей Элладе». Виссарион заканчивает письмо эпитафией Плифону, написанной в стихах ³¹:

Немало мужей породила Эллада,
Прославленных в мудрости, смелых душою,
Но краше всех звезд лучезарное солнце:
Так всех затмевает мужей знаменитых
Мудрейший из мудрых, средь славных великий,
Почтивший навеки, Гемист несравненный.

Живя в Пелопоннесе, Виссарион наряду с научными занятиями много сил отдает проповеднической деятельности ³² и одновременно начинает делать политическую карьеру. В 1433 г. он пишет «Монодию» на смерть Клеопы, жены деспота Федора, в весьма льстивом духе, которая помогла ему выдвинуться в придворных кругах. Большой интерес представляет известие биографов Виссариона о его участии в переговорах между императором Иоанном II Палеологом и трапезундским императором Алексеем IV Комнинным о союзе против турок, который предполагалось закрепить браком императора Иоанна с Марией, дочерью Алексея IV ³³. У нас нет данных, что именно благодаря дипломатическим талантам Виссариона был заключен этот союз, однако само участие Виссариона в этом важном политическом деле указывает на его возросшее влияние при дворе, хотя несомненно, что его происхождение из Трапезунда и связи, которые он имел в родном городе, способствовали поручению ему столь важной миссии ³⁴.

Удача его поездки в Трапезунд явно отразилась на продвижении Виссариона по иерархической лестнице; по возвращении из Трапезунда он становится игуменом одного монастыря в Пелопоннесе, а затем поднимается еще выше, достигая высоких церковных должностей.

Источники, относящиеся к пелопоннесскому периоду жизни Виссариона, к сожалению, чрезвычайно скудны. До сих пор даже неизвестно с полной определенностью время пребывания Виссариона в Пелопоннесе. Сильвестр Сироцул, вероятно, ошибочно говорит, что Виссарион провел 21 год в монастыре в Пелопоннесе ³⁵: это противоречит известиям о том, что Виссарион в 1425 г. был в Константинополе, а уже в 1434—1435 гг. вновь ездил туда для участия в подготовке к Флорентийскому собору. Он, видимо, не раз покидал Пелопоннес, уезжая то в столицу, то в Трапезунд. Окончательно оставляет гостеприимную Мистру Виссарион, как кажется, в 1437 г. В это время за большие заслуги в деле подготовки соединения церквей и по настоянию императора Иоанна VIII Палеолога Виссарион получает высокий сан митрополита Никеи ³⁶. Одновременно с Виссарионом подобные же почетные назначения получили и другие ла-

³⁰ PG, vol. 161, col. 696—697.

³¹ Ibid., col. 697.

³² Ibid., col. 105.

³³ Ibid., col. 6, 105.

³⁴ *O Lampsides*. Zu Bessarions Lobrede auf Trapezunt. — BZ, 35, 1935, S. 15—17; *idem*. Datierung des 'Εγκώμιον Τραπεζούντος von Kardinal Bessarion. — BZ, 48, 1955, S. 291—292; *idem*. Bessarions Zeugnis über den Titel ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ. — «Ἀρχαίον Πόντου», 30, 1970.

³⁵ *Silvester Syropulos vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos sive concilii Florentini exactissima narratio*. Hage—Comitis, 1660, cap. 5.

³⁶ *R. J. Loenertz*. Op. cit., p. 124 sq.; *L. Mohler*. Op. cit., p. 45 f.; *D. Zakythinos*. Op. cit., t. II, p. 332.

тинофилы: Исидор был возведен в сан митрополита Киевского, а Дионисий — Сардского. Цель этих назначений состояла в том, чтобы поднять авторитет сторонников унии в момент подготовки к Ферраро-Флорентийскому собору³⁷.

Пелопоннесский период, тем не менее, был крупным этапом в жизни Виссариона. В эту полосу жизни Виссарион завершил свое образование и благодаря глубокому изучению наук, главным образом теологии и философии, оказался на уровне передовых знаний своего времени. Именно тогда был заложен прочный фундамент дальнейшей научной деятельности Виссариона.

В этот период, видимо, сформировались философские и научные взгляды Виссариона. Под влиянием Плифона он стал горячим приверженцем философии Платона и остался им до конца своих дней. Очень вероятно, что в бытность в Пелопоннесе Виссарион делает дальнейший шаг в сторону латинофильства, а может быть, уже теперь определяется окончательно как латинофил.

Кроме того, в пелопоннесский период Виссарион быстрыми шагами начинает делать политическую карьеру, получает доступ в придворные круги, приобретает известность благодаря ораторскому таланту и выходит на широкую арену политической деятельности. Но самым главным является то, что общая гуманистическая атмосфера центра византийского «Возрождения» Мистры оказала огромное влияние на формирование Виссариона как гуманиста и оставила в душе Виссариона неизгладимый след на всю жизнь.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИССАРИОНА НА ФЕРРАРО-ФЛОРЕНТИЙСКОМ СОБОРЕ И ЕГО РОЛЬ В ЗАКЛЮЧЕНИИ УНИИ

Ферраро-Флорентийский собор занимает выдающееся место среди церковных соборов средневековья³⁸. На соборе, во-первых, была заключена уния между Западной и Восточной церквями, однако эта уния вовсе не была союзом равноправных сторон, она была создана на основе догматической и политической капитуляции православного Востока перед католическим Западом.

Во-вторых, этот собор положил конец попыткам со стороны Базельского собора ограничить папское единодержавие в католической церкви: папский абсолютизм вновь получил верховную санкцию. Но, как известно, ферраро-флорентийская победа папства оказалась недолговечной, решения собора не только не ослабили противоречий как внутри католицизма, так и между католичеством и православием, но они еще более обострили эти противоречия; в частности, борьба между латинской и греческой церковью приобрела особенно острый характер именно в результате решения собора об унии и в конечном счете привела к полному ее провалу³⁹. Что же касается победы папства над Базельским собором, то она также оказалась весьма эфемерной, и борьба против папского абсолютизма вскоре развернулась с новой силой в реформационном движении⁴⁰.

³⁷ З. В. Удальцова. Борьба партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона в Никейском в заключении унии. — ВВ, III, 1950, стр. 116.

³⁸ J. Gill. Constance et Bâsle-Florence. Paris, 1965 (нем. изд. — Mainz, 1968); *idem*. Le concile de Florence. Tournai, 1964; *idem*. Il concilio di Firenze. Firenze, 1967. Основным источником о Флорентийском соборе и деятельности на нем греческой делегации являются «Acta graeca concilii Florentini cum versione latine». Pars 1. Res Ferrariae gestae; Pars 2. Res Florentinae gestae. Ed. J. Gill. Roma, 1964. (Concilium Florentinum Documenta et Scriptores, vol. I—II).

³⁹ M. Lehmann. Das Konzil von Florenz und die Ostkirche. — «Ostkirchliche Studien», 12, 1963, S. 295—313.

⁴⁰ A. Leidl. Die Einheit der Kirchen auf den Spätmittelalterlichen Konzilien von Konstanz bis Florenz. Paderborn, 1966.

Мы уже высказывали мнение о так называемом греческом вопросе на Ферраро-Флорентийском соборе⁴¹. При этом мы пришли к выводу, что политическая и догматико-полемическая борьба на этом соборе велась не только между представителями католической и православной церквей, но и между латинофильской и православной партиями внутри самой греческой делегации. Во главе латинофильского течения стоял Виссарион, роль которого в заключении унии трудно переоценить⁴².

Особенно большое значение в ходе догматико-полемической борьбы имела «Догматическая речь» Виссариона, или «Речь о соединении»⁴³. Эта речь Виссариона — блестящий по форме, поражающий эрудицией манифест латинофильской партии, вложенный в уста ее красноречивого вождя. Он содержит всю сумму догматических и политических уступок, на которые шли латинофилы для достижения унии, и знаменует их полный разрыв с представителями ортодоксального течения среди греческого духовенства⁴⁴.

Заключенная во многом стараниями латинофилов Флорентийская уния⁴⁵, как известно, не была принята в Византии. Активная деятельность Виссариона⁴⁶ и его сподвижников (в частности Исидора) в пользу унии в конечном счете не увенчалась успехом⁴⁷. Высшие церковные сановники, подписавшие унию, были встречены на родине проклятиями и осыпаны упреками за то, что они за папское золото продали веру отцов⁴⁸. Эти обвинения, впрочем, имели основания. Несмотря на свое раскаяние и возвращение к православной вере, греческие духовные сановники не преминули оставить себе полученные в Италии деньги⁴⁹.

Масса греческого духовенства, колебавшаяся на соборе и подписавшая унию по необходимости, теперь вновь возвратилась к православию. Среди них были Антоний Гераклеийский, Георгий Схоларий и многие другие. Даже сам император Иоанн Палеолог несколько охладел к унии, увидев, какой враждебный прием ожидал ее в Византии⁵⁰. Зато партия православных подняла голову, почувствовав поддержку греческого духовенства, особенно монашества, а также народа Византии. Марк Эфесский — «борец за чистоту веры» — получил ореол святого мученика и

⁴¹ З. В. Удальцова. Борьба партий на Флорентийском соборе. . . , стр. 106—132.

⁴² О социальном составе и политической программе латинофильской и ортодоксально-православной партии см. З. В. Удальцова. Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского. — «Вестник МГУ», 1947, № 1. О грехах на Ферраро-Флорентийском соборе см. J. Décarreaux. Les Grecs au Concile de l'Union Ferrare-Florence, 1438—1439. Paris, 1970; *idem*. Les Grecs à Ferrare pour le Concile de l'Union des églises d'après les mémoires de Syropoulos (avril 1438 — janvier 1439). — «Revue des études Italiennes», NS, 9, 1962/63, p. 33—99.

⁴³ PG, vol. 161, col. 243—261.

⁴⁴ З. В. Удальцова. Борьба партий на Флорентийском соборе. . . , стр. 125 сл.; E. Candali. Bessarion Nicaenus. Oratio dogmatica de Unione. — «Concilium Florentinum, Documenta et Scriptores». Series B, vol. VII, fasc. 1. Roma; *idem*. Bessarion Nicaenus in Concilio Florentino. — «Orientalia Christiana», 6, 1940; E. Bouларанд. L'argument patristique au Concile de Florence dans la question de la procession du Saint-Esprit. — «Bull. de Litter. Eccll», 63, 1962, p. 161—199; J. Gill. Personalities of the Council of Florence and other essays. Oxford, 1964.

⁴⁵ J. Décarreaux. Les Grecs à Florence pour le Concile de l'Union des églises d'après les mémoires des Syropoulos (janvier—juillet 1439). — «Revue des études Italiennes», NS, 10, 1964, p. 219—239; 11, 1965, p. 472—490; 13, 1967, p. 148—183; J. Gill. The Freedom of the Greeks in the Council of Florence. — «University of Birmingham Historical Journal», 12, 1970, p. 226—236.

⁴⁶ C. Corsenedo. Il cardinale Bessarione e l'unione dei cristiani. — «Studi Romani», 11, 1963, p. 280—287.

⁴⁷ A. Vast. Op. cit., p. 123.

⁴⁸ Ducas. Istoria turco-bizantina. ed. V. Grecu. București, 1958, cap. 31, p. 216.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Существует даже версия, правда, выдвигаемая православными писателями, о том, что император перед смертью отрекся от всякого союза с римской церковью. См. «История Флорентийского собора». М., 1847, стр. 197—198. Автор этого произведения, написанного в сугубо православном духе, неизвестен, но предполагают, что им был А. В. Горский.

приобрел необычайную популярность. Преследования Марка со стороны властей еще более увеличивали его влияние. Он стал оракулом и кумиром народа.

После заключения унии папа потребовал от императора Иоанна заставить Марка Эфесского подписать унию или же подвергнуть его наказанию. Пока Марк Эфесский жил в Константинополе, император боялся преследовать его, так как влияние Марка среди народа было столь велико, что император мог опасаться народных волнений. Тогда император настоял на возвращении Марка в его епархию, чтобы с ним расправиться там. Марк решил искать убежища у афонских монахов, однако по дороге был схвачен и заключен в тюрьму. Но и в тюрьме этот фанатичный вождь православной партии продолжал проповедовать, писать письма, привлекать на сторону своей партии новых приверженцев ⁵¹.

Низы византийской церкви выступили против унии. Монахи Синая и Афона отказались от общения с асимитами ⁵². Ставленники униатов и сами униаты изгонялись из монастырей (например, Досифей из монастыря Продрома, его ставленник был изгнан из Афин и т. д.) ⁵³. Много шуму наделало раскаяние и возвращение в православие Георгия Схолария, сделавшегося после смерти Марка (1447 г.) главой православной партии.

Особенно ожесточенная борьба развернулась вокруг выборов патриарха. Императору с большим трудом удалось сперва провести своего ставленника Митрофана (отказавшегося от престола и вскоре умершего), а затем лишь через два года — униата Григория Мамму. Возможно, что эта победа императора, правда, временная, была обусловлена новым успехом турок под Варной (1445 г.) и ростом военной опасности, что заставило православную партию пойти на некоторые уступки. Но борьба была столь ожесточенной, и православная партия получила такую силу, что Григорий должен был бежать в Италию.

Православная партия в минуту грозной внешней опасности, когда Византии особенно было необходимо внутреннее единство, фактически вновь пыталась разжечь гражданскую войну. Внутренние распри и религиозная борьба весьма мешали организации сил Византийской империи для отпора туркам, но сближение Византии с Западом было также опасно и, быть может, чревато для нее новым «латинским завоеванием».

Не удивительно, что Виссарион, один из главных инициаторов унии, был встречен на родине самыми тяжкими упреками и обвинениями в измене. Видимо, он не слишком рьяно взялся за проведение унии в Византии, хотя некоторые ученые и хотят выставить его смелым борцом за унию на Востоке ⁵⁴. Виссарион очень скоро убедился в провале унии в Византии и в бесполезности дальнейшей борьбы.

В создавшихся условиях Виссарион пошел по пути наименьшего сопротивления. Если бы он был такой бескорыстный сторонник унии, единственная цель жизни которого была — соединение церквей, каким изображают его некоторые исследователи, он остался бы в Византии и продолжал борьбу. Вместо этого Виссарион навсегда покидает родину и уезжает в Италию.

Другие латинофилы проявили больше стойкости, чем Виссарион. Например, Григорий Мамма, еще во время собора трезво оценивавший обстановку и предвидевший, какой прием ожидает латинофилов в Византии, писал: «Я знаю, что если мы приступим к соединению с римской церковью,

⁵¹ Сохранился ряд писем Марка, представляющих большой интерес для воссоздания картины борьбы, развернувшейся после заключения унии, и указывающих на активность Марка. См. PG, vol. 160, col. 529, 533, 536, 1092—1066. К сожалению, до нас не дошла полностью переписка Марка и мы знаем о ней главным образом по ответам и опровержениям латинофилов.

⁵² PG, vol. 160, col. 237, 1096.

⁵³ Ibid., col. 1096.

⁵⁴ A. Vast. Op. cit., p. 123 sq.

то нас проклянут еще прежде, чем мы успеем доехать до Венеции; если и не приступим, то тоже проклянут. Так лучше соединиться, и тогда пусть проклинают»⁵⁵. По приезде в Византию Григорий Мамма стойко защищал дело унии и способствовал ее проведению как своей деятельностью в качестве константинопольского патриарха, так и своими богословскими трудами.

Какие же причины заставили Виссариона покинуть родину и навеки уехать на чужбину?

Католические ученые, желая обелить поступок Виссариона, находят оправдание даже этому окончательному разрыву Виссариона с родиной и православной религией. Они считают, что отъезд Виссариона в Италию — величайшая жертва истинного патриота, принесенная якобы во имя чистоты веры и спасения родины. Виссариона призывал в Италию священный долг стать посредником между Востоком и Западом. Его ждала там великая миссия сделаться пламенным апостолом крестового похода и добиться помощи для спасения отчизны⁵⁶.

Но, кажется, менее возвышенные причины толкнули Виссариона на отъезд в Италию. Видя враждебный прием унии, Виссарион понимал, что ожидает его на родине; в Италии же его манили к себе богатства и почести. Не вызывает сомнения существование договоренности между Виссарионом и курией о возвращении Виссариона в Италию. Папа Евгений IV в особом бреве (от 11 августа 1439 г.) назначил Виссариону ежегодную пенсию в 300 флоринов, пока он будет жить в Константинополе, и в 600 флоринов, когда он возвратится в курию⁵⁷. Из этого бреве видно, что Виссарион обещал папе вернуться в Италию. Кроме того, Виссарион был уже, очевидно, осведомлен о высоком сане кардинала, который ожидал его в Италии, что ему не преминули сообщить его друзья, близкие к курии.

Возможно, что определенную роль в решении Виссариона сыграли также его знакомства в среде итальянских гуманистов, открывшие перед ним сокровища итальянской культуры. Его гуманистические стремления могли найти благоприятную почву в Италии. Как известно, по прибытии в Италию Виссарион попал в среду видных гуманистов (Амброджо Траверсари, Гуарино, Флавио Биондо, Ауриспа) и вел с ними ученые беседы. Видные прелаты западной церкви вроде кардинала Джулиано Чезарини и Доменико Капраники, сближаются с ним, приглашают на обеды, знакомят его с учением католической церкви, ведут беседы на богословские темы. При посредстве новых друзей Виссарион доставал латинские книги, главным образом в греческом переводе, и знакомился более углубленно с вероучением западной церкви. Среда, в которую попал Виссарион в Италии, естественно, должна была оказать на него влияние и способствовать его сближению с латинянами.

Итак, Виссариона влекли в Италию и честолюбивые надежды на богатство и высокое положение при папском дворе, и его гуманистические интересы; кроме того, он опасался преследований со стороны православной партии у себя на родине.

Таким образом, мы подошли к переломному моменту в жизни Виссариона. В мае 1440 г. Виссарион покидает Византию и навсегда связывает свою жизнь с Италией и папским престолом.

⁵⁵ *Silv. Syropoulos. Op. cit.*, IX, 5.

⁵⁶ *A. Vast. Op. cit.*, p. 125 sq.

⁵⁷ *Cod. Barb.*, XVI, 84, 489; *A. Bandini. Op. cit.*, cap. 11; *F. Frommann. Kritische Beiträge zur Geschichte der Florentiner Kircheneinigung. Halle, 1872. A. Vast. Op. cit.*, p. 125; *A. Садов. Указ. соч.*, стр. 117. В новейшей литературе ренегатство Виссариона объясняется часто причинами психологического характера. См. *S. Antoniadis. Della condotta del cardinale Bessarione (Saggio di interpretazione psicologica). — «Rivista di Studi Bizantini neoellenici», 5, XV, 1968, p. 87—94.*

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИССАРИОНА В ИТАЛИИ (1440—1472 гг.)

Значительную часть жизни Виссарион провел в Италии. Вся его деятельность отныне была связана с папской курией, видным членом которой он стал ⁵⁸.

Еще 18 декабря 1439 г. Виссариону одновременно с другим видным латинофилом Исидором был пожалован сан кардинала римской церкви, и в 1440 г. он приступил к исполнению своих обязанностей. Положение, которое занял Виссарион при папском дворе, было весьма высоким. Но греку, хотя и перешедшему в латинство, надо было проявить немало ловкости, ума и таланта, чтобы упрочить положение в среде влиятельного, а порою недоброжелательного западного духовенства, и надо сказать, что Виссарион блестяще доказал свои способности политика и дипломата. Немало трудностей стояло на пути Виссариона. Тем более, что он был сравнительно беден, значительно беднее других кардиналов, и влияние в курии должен был добывать лишь собственными способностями и умом, а не ценой золота. Правда, с течением времени Виссарион весьма разбогател, получив доходные синекуры.

Виссарион не мог похвастаться также и знатным происхождением. С точки зрения знатных и богатых римских прелатов он был homo novus. Несмотря на это, Виссарион быстрыми шагами стал делать карьеру. Уже при Евгении IV он пользовался большими милостями папы. Ему поручили управление церковью Святых апостолов в Риме и рядом других церквей и монастырей. Особенно почетно и выгодно было для Виссариона назначение его патроном ордена греческих монахов василиан в Южной Италии (в Калабрии). Виссарион проявил немалую энергию, управляя подчиненными ему церквами и монастырями, заботясь об их благоустройстве и росте их богатства. Особенно большое внимание он уделял ордену святого Василия. Виссарион следил за усилением дисциплины и введением строгих нравов в монастырях этого ордена. Он провел ряд реформ, в частности касающихся применения квасного хлеба при причастии, разрешив применять при таинстве евхаристии и квасной, и пресный хлеб.

В понтификат Николая V Виссарион также занимал видное положение в курии и поднимался дальше «по лестнице славы». Он был близок к папе и импонировал Николаю V, видному меценату, покровителю литературы и науки, своей широкой образованностью и умом.

В 1449 г. Николай V назначил его епископом Сабинским, затем вскоре епископом Тускуланским. Эта кафедра принесла в управление Виссариону богатый монастырь Гротта-Феррата, доставлявший большие доходы и весьма поправивший материальные дела кардинала.

Получая столь высокие назначения, Виссарион проявлял себя как деятельный и преданный служитель курии и принес немало пользы папскому престолу. Удачно Виссарион выполнил трудное и важное поручение курии установить мир в Болонье, раздираемой внутренней борьбой. Во время посольства в Болонью (1450—1455 гг.) Виссарион обнаружил в полной мере свой дипломатический талант и добился победы папской политики и установления мира в этом городе.

Виссарион приобрел большой авторитет среди граждан Болоньи, и в память о его пребывании в городе благодарные граждане воздвигли монумент с такой лаконичной, но весьма знаменательной надписью: «Bessarioni Episcopo Tusculano cardinali Nicaeno benefactori nostro» («Виссариону, епископу Тускуланскому, кардиналу Никейскому, нашему

⁵⁸ Память о Виссарионе глубоко чтится в Италии. Это нашло выражение в издании католического журнала, носящего его имя («Bessarione», pubblicazione periodica di studi orientali, vol. 1—10, 1896—1901). Этот журнал содержит статьи о жизни и деятельности Виссариона, но написанные в ярко выраженном прокатолическом духе.

благодетелю») ⁵⁹. Никакой панегирик не может сравниться с этой короткой фразой, такой простой, но в то же время такой многозначительной. Во время пребывания в Болонье наряду с политическими делами Виссарион не забывал и своих церковных обязанностей. Он реставрировал ряд церквей, в том числе *Madonne de Saint Luc*. Кроме того, Виссарион проявлял себя как меценат, покровитель ученых и писателей. По инициативе Виссариона была проведена реставрация здания Болонского университета.

Впоследствии Виссарион не раз, правда, с различным успехом, выполнял почетную роль папского легата ⁶⁰.

Став верным сыном римской курии, Виссарион все же не забывал о своей родине. Страшное известие о падении Константинополя Виссарион получил в Болонье. Оно произвело на него крайне тяжелое впечатление. Натура деятельная и смелая, Виссарион не стал предаваться бесполезному горю, а решил активно помочь Византии. Как умный политик, Виссарион видел, что из всех западноевропейских государств наиболее заинтересована в помощи Византии Венеция, владениям которой грозит непосредственная опасность от турок. И вот 13 июля 1453 г., т. е. спустя лишь полтора месяца после падения Константинополя, Виссарион пишет письмо дожу Венеции Франческо Фоскари ⁶¹. Это очень любопытный и важный документ, характеризующий Виссариона как искусного дипломата. В начале своего письма Виссарион рисует душераздирающую картину взятия и разгрома великого города, картину убийств, насилий, осквернения святынь. Однако, будучи трезвым политиком, Виссарион отчетливо понимает, что венецианцев не разжалобить даже самой ужасной картиной падения Византии. И он немедленно переходит к более веским аргументам, которые должны были заставить Венецию подумать о помощи империи.

Он говорит, что необходимо остановить турок в Греции, чтобы они не напали на Италию. Турки вынашивают замысел захватить не только всю Византию, но и переправиться на Апеннинский полуостров. Сила турок — в раздорах западных государств. Для спасения христианского мира от нашествия неверных существует лишь один путь — объединение всех христиан. Венеция должна стать во главе этого дела и выступить против врагов христианства, так как ей первой грозит непосредственная опасность.

Письмо Виссариона не дало желаемых результатов, но оно интересно как первая попытка со стороны Виссариона поднять западные государства на крестовый поход. Католические историки, склонные к идеализации Виссариона, всячески подчеркивают его роль в организации крестовых походов в XV в. и стремятся показать его неутомимую деятельность в этом направлении ⁶². Не подлежит сомнению, что Виссарион проявлял особый интерес к делу помощи Византии, но нельзя преувеличивать его роль в проповеди крестового похода против турок. Ведь эта идея выдвигалась курией, горячими адептами ее были папы Николай V, Каллист III и особенно Пий II (Энео Сильвио Пикколомини), надеявшиеся поднять престиж римского престола при помощи крестового похода.

Таким образом, проповедуя крестовый поход против турок и исполняя важные поручения при различных европейских дворах для организации этого дела, Виссарион проводил политику курии, являясь ее верным слугой. Интересно отметить, что в письме к Франческо Фоскари сам Виссарион дает понять, что он вначале даже несколько опасался решительно выступать в защиту своей покинутой родины, так как боялся нареканий со стороны католического духовенства в том, что он более активно забо-

⁵⁹ B. Platina. Op. cit., col., 109; A. Bandini. Op. cit., cap. XXII.

⁶⁰ C. H. Clough. Cardinal Bessarion and Greek at the court of Urbino. — «Manuscripta», 8, 1964, p. 160—171.

⁶¹ A. Vast. Op. cit., p. 454—456.

⁶² Ibid., p. 454.

тится о старой отчизне, чем это приличествует человеку, нашедшему новое и лучшее отечество на Западе.

При папе Каллисте III, мечтавшем сделать крестовый поход великим делом своего понтификата, Виссарион выполнял весьма важную миссию — он был отправлен ко двору неаполитанского короля Альфонса I с поручением склонить его к крестовому походу⁶³. В Неаполе папскому легату был оказан торжественный прием, Альфонс I обещал Виссариону деньги и войско для крестового похода, но эти обещания остались лишь пустыми словами, так как неаполитанский король не имел средств для крестового похода и, кроме того, его отвлекала вражда с Анжуйским домом.

При Пие II, одном из самых горячих приверженцев идеи крестового похода, Виссарион также принимает активное участие в попытках возродить крестовые походы. На съезде представителей западных монархов в Мантуе, собравшемся в 1459 г. по инициативе папы, Пий II произнес торжественную речь с призывом к походу. Речь папы, поражающая своей ученостью, обилием аллегорий и примеров из истории и мифологии, была, однако, слишком оторвана от жизни и политики.

Вслед за папой также с длинной речью выступил Виссарион. Эта речь одновременно и эрудита, и политика. Наряду с риторическими отступлениями, без которых нельзя было обойтись в речах того времени, Виссарион подходит к проблеме крестового похода как государственный человек, обсуждает методы и пути его организации, показывает относительную слабость турок, которые побеждают из-за отсутствия согласия среди христиан (Виссарион напоминает о победе крестоносцев под Белградом). Путь к победе — единение христианского мира. Речи папы и кардинала сперва возымели действие, и некоторые западные государи высказали желание выступить в поход⁶⁴.

Однако для успеха дела необходимо было склонить к борьбе против турок германского императора Фридриха III и германских владетельных феодалов. Посольство в Германию с целью поднять ее на крестовый поход было поручено Виссариону.

ПОСОЛЬСТВО ВИССАРИОНА В ГЕРМАНИЮ

(1459—1461 гг.)

Виссарион отправился в путь зимой 1459 г., несмотря на лютый холод и трудности переезда. Он перевалил через Альпы в самое тяжелое время года и, не отдыхая ни в Инсбруке, ни в Аугсбурге, поспешил в Нюрнберг. По дороге он подвергался многочисленным опасностям, в том числе опасности нападения разбойничьих банд, которыми кишела в те времена Германия. По прибытии в Нюрнберг Виссарион отправил всем влиятельным германским феодалам призыв явиться на сейм. Однако далеко не все германские князья и владетельные принцы откликнулись на его призыв, и лишь незначительная часть их приехала в Нюрнберг. На сейме Виссарион произнес блестящую речь с призывом подняться против врага христиан — турок, но особого успеха эта речь не имела⁶⁵. Видя отсутствие многих представителей прирейнских городов, Виссарион сам отправляется в Вормс и Майнц с проповедью крестового похода. Но вся Германия оставалась глухой к речам пламенного проповедника.

Потерпев неудачу в прирейнских городах, Виссарион вернулся в Вену для переговоров с самим императором. Фридрих III встретил Виссариона с большим почетом, оказал ему доверие, пригласив стать крестным отцом своего сына Максимилиана, но реально для крестового похода ничего

⁶³ PG, vol. 161, col. 110; A. Bandini. Op. cit., cap. 125.

⁶⁴ Речь Виссариона на соборе в Мантуе не была опубликована; выдержки из нее см. в кн.: A. Vast. Op cit., p. 238—241. Другие речи Виссариона против турок опубликованы: PG, vol. 161, col. 641—676.

⁶⁵ R. J. Loenertz. Op. cit., p. 139 sq.

не сделал. Установить мир между германскими феодалами Виссариону также не удалось. Посольство Виссариона, на которое он потратил столько труда и энергии, окончилось полной неудачей. Германия раздиралась феодальными усобицами, немецкие феодалы, не заинтересованные более в крестовых походах, не желали давать денег на крестоносное дело. Виссарион покинул Германию крайне удрученный и опечаленный. Германия ему не понравилась. Уроженцу солнечного юга эта страна показалась мрачной и неприветливой. Его угнетал холод, царивший там даже в июне. Особое раздражение вызывали у него жители германских земель, которых он обвинял в жадности, грубости и невежестве. Такое мнение высказывали и некоторые другие современники ⁶⁶, в частности Пий II ⁶⁷.

Несмотря на неудачу посольства в Германии, положение Виссариона при Пие II было прочным. Папа с большим уважением относился к умному и образованному кардиналу. Пий II еще не оставил мысли организовать крестовый поход. В 1461 г. турки захватили Пелопоннес, а затем вскоре — остров Лесбос и Трапезунд. Падение родного города должно было сильно опечалить Виссариона. Сохранилось очень интересное письмо Георгия Амируци к Виссариону ⁶⁸, описывающее падение Трапезунда. Амируци умоляет Виссариона оказать ему материальную помощь и выкупить из плена его сына в память о прежней дружбе и их несчастной родине. Успехи турок сильно беспокоили итальянцев, особенно венецианцев, которые были близки к объявлению войны туркам. Чтобы окончательно толкнуть их на этот решительный шаг, курия отправляет Виссариона в Венецию летом 1463 г. Виссариона встретили в Венеции чрезвычайно торжественно. Сенат во главе с дожем выехал встречать его на корабле, пышно украшенном коврами и флагами, — честь, которая оказывалась лишь коронованным особам. В речи к сенату Виссарион обещал помощь папы против турок и убеждал венецианцев немедленно объявить войну. Обещания Виссариона возымели действие, и был отдан приказ адмиралу Лоредано тотчас выступить в поход ⁶⁹.

Виссарион завоевал в Венеции большое уважение и был даже внесен в качестве почетного гражданина в знаменитую «золотую книгу». Он с большой симпатией относился к венецианцам и сохранил доброжелательное отношение к ним до конца жизни. Однако вступление Венеции в войну против турок не дало желаемых результатов. Венеция осталась одинока в этой борьбе, другие государства Западной Европы не поддержали ее.

В 1464 г. Пий II еще раз пытается организовать крестовый поход. При деятельном участии Виссариона была подготовлена экспедиция против турок, которая должна была отплыть из Анконы. Виссарион на свои личные средства снарядил одну галеру (что, кстати сказать, показывает, как возросло богатство кардинала к этому времени). Но внезапная смерть Пия II 14 августа 1464 г. привела к крушению этого предприятия, и, таким образом, попытка организовать крестовый поход опять не удалась.

Европейские государства уже не были заинтересованы в крестовых походах. Крестовые походы привлекали теперь лишь отдельных авантюристов. Крестоносная идея изжила себя. Зарождение элементов капитализма, становление национальных государств, развитие промышленности и торговли, образование внутреннего рынка в странах Западной Европы — все это способствовало тому, что Европа после провала крестовых походов уже не интересовалась ими и охладела к крестоносному делу.

Виссарион, выдающийся политик и государственный человек, много сил и энергии потратил на дело, заранее обреченное на неудачу ⁷⁰. Однако

⁶⁶ Pii II Epist. 127. In: *Aeneae Sylvii Piccolomini Opera omnia*, vol. V, epist. 11.

⁶⁷ Pii II Epist. 165.

⁶⁸ PG, vol. 161, col. 723—728.

⁶⁹ Th. N. Vlachos. Bessarion als päpstlicher Legat in Venedig im Jahre 1463. — «*Rivista di Studi Byzantini e neoellenici*», NS, 5, XV, 1968, p. 123—125.

⁷⁰ G. Voigt. Op. cit., S. 112. Фойгт весьма скептически относится к деятельности Виссариона в пользу крестовых походов.

он с большим упорством продолжал борьбу за организацию крестовых походов. Он пишет письма, обращенные к западному духовенству, произносит речи с призывом к борьбе против турок ⁷¹.

Даже на склоне лет, накануне смерти, в 1472 г. Виссарион отправляется во Францию с целью побудить Людовика XI принять участие в крестовом походе. Эта миссия Виссариона также не имела успеха и лишь окончательно подорвала силы престарелого кардинала. Однако неутомимая деятельность Виссариона в пользу организации крестовых походов против турок свидетельствует о том, что, покинув свою родину, Виссарион никогда не мог забыть о ее бедствиях и несчастьях и стремился всей душой помочь ей.

Итак, мы видели, что Виссарион благодаря выдающимся способностям, а также ловкости и гибкости сумел достигнуть видного положения в курии. В 1463 г., после смерти Исидора, бывшего Константинопольским патриархом с 1458 г., Виссарион по настоянию Пия II получил этот высокий, хотя и эфемерный сан. Однако фактически он не имел ни престола, ни паствы, так как в Константинополе, занятом турками, был другой патриарх. Назначение Исидора и Виссариона Константинопольскими патриархами подчеркивало стремление со стороны папы показать, что уния имеет силу даже после падения Константинополя.

Однако достигнуть вершины славы и предела своих мечтаний — одеть папскую тиару — Виссариону так и не удалось. Дважды он был близок к желанной цели, но оба раза его кандидатура отклонялась. Известно, например, что в 1455 г., после смерти Николая V, Виссариона выдвинули в качестве претендента на папский престол, но он не был избран.

В исторической литературе существуют две версии, объясняющие провал кандидатуры Виссариона. Первая принадлежит его панегиристу Платине и явно неправдоподобна. По словам Платины, самые уважаемые члены коллегии кардиналов подали свои голоса за Виссариона. Меньшинство же прелатов, любящих легкую жизнь и удовольствия, испугавшись строгости нравов Виссариона, якобы объявило, что в выборах не были соблюдены все формальности, и потребовало перебаллотировки, при которой Виссарион провалился и прошел Каллист III ⁷². Другая версия принадлежит Энео Сильвио Пикколомини, который утверждает, что епископ авиньонский Ален Коэтиви резко выступил против Виссариона и доказал, что невозможно подчинить латинскую церковь греку. «Неужели у нас нет своих латинян?», — вопрошал он коллег. Его выступление сыграло решающую роль. Вторая версия заслуживает, безусловно, большего доверия: латинская церковь не могла допустить, чтобы папский престол был занят греком, хотя бы и перешедшим в католичество ⁷³. И без того вызывает удивление, что Виссарион мог достигнуть такого высокого положения в римской церкви.

Однако сохранить свое положение ему не удалось, и при папе Павле II звезда Виссариона начинает меркнуть. Немалую роль сыграло его участие в попытке проведения церковной реформы, ограничивающей права папы и устанавливающей контроль над ним со стороны коллегии кардиналов. Эта «конституция» весьма сильно задевала личные интересы пап, так как ограничивала их право распоряжаться церковными бенефициями, боролась с папским nepотизмом. Но она была далека от попытки реформировать самые основы католической церкви и посягнуть на папский абсо-

⁷¹ PG, vol. 161, col. 647 sq.

⁷² Ibid., col. 110.

⁷³ G. Voigt. Op. cit., S. 114; относясь с большим предубеждением к грекам вообще и не слишком симпатизируя Виссариону, Фойгт говорит (впрочем, не приводя доказательств), что «одну ночь Виссарион был кандидатом значительной партии в конклаве, партии тех кардиналов, которые желали выбрать папой человека, не пользовавшегося большим значением и без политических симпатий, но утром получило перевес то мнение, что не следует возводить на папский престол новообращенного».

лютизм (подобно реформам Базельского собора, прагматическим санкциям и т. д.). Власть римской церкви должна была оставаться по-прежнему неограниченной, но осуществляться не только папой, а папой совместно с коллегией кардиналов.

Если Виссарион и не был инициатором этой реформы, как утверждает А. Васт ⁷⁴, то, во всяком случае, он ее поддерживал. Павел II при вступлении на престол принужден был признать эту «конституцию», но, как только он достиг власти и укрепился в курии, он перестал соблюдать «конституцию» и стал всячески ее нарушать. Большинство кардиналов под давлением папы должно было уступить, однако дольше всех сопротивлялся ее отмене Виссарион. За это, очевидно, он и навлек на себя немилость папы, и ему пришлось удалиться в добровольное изгнание в монастырь Гротта-Феррата и предаться там ученым занятиям. При папе Сиксте IV его положение, кажется, не улучшилось, хотя Виссариону и было поручено важное посольство во Францию. Но это посольство скорее похоже на ссылку, вызванную желанием удалить Виссариона подальше от папского двора ⁷⁵.

Таким образом, мы видим, что грек-ренегат, но выдающийся политический и церковный деятель достиг весьма высокого положения в Италии и был полезным и преданным служителем курии. Однако мы не можем согласиться с панегиристами Виссариона, которые утверждают, что он с момента своего приезда в Италию стал одним из первых лиц в римской курии. Скорее можно предположить, что Виссарион прошел длинный и порою тернистый путь к высотам власти, впрочем, так и не достигнув ее вершины.

ВИССАРИОН КАК ТЕОЛОГ.

ДОГМАТИКО-ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИССАРИОНА

Мы осветили деятельность Виссариона как выдающегося политика и дипломата, занимавшего высокие посты в римской курии. Теперь обратимся к рассмотрению научной деятельности Виссариона как ученого богослова и философа, а также к его гуманистическим занятиям. Характерной чертой научной деятельности Виссариона является то, что он, занимаясь даже самыми отвлеченными, казалось бы, чисто богословскими проблемами, остается все же политиком и представителем определенного политического течения, выражающего интересы латинофильской партии. Это касается прежде всего его полемики с греками по догматическим вопросам, а также его участия в философской борьбе своего времени.

Предметом нашего изучения будут являться богословские произведения Виссариона, написанные им или окончательно обработанные уже после Флорентийского собора. Политическая цель этих богословских произведений совершенно ясна — доказать противникам унии в Византии правильность латинского учения и необходимость унии, подтвердить правоту своего дела, а также искренность перехода в католичество. Таков лейтмотив, проходящий красной нитью через богословские труды Виссариона.

Все они носят большей частью полемический характер. Виссарион выступает в них против своих врагов из православной партии, в частности против ее главы Марка Эфесского. Борьба, развернувшаяся на Флорентийском соборе, продолжается на попроще богословской полемики. Эта борьба латинской и православной партий имеет за собой вековые традиции, которые широко используются противниками. В частности, Виссарион в своих трудах опирается на произведения греческих богословов-латинофилов Иоанна Векка и Димитрия Кидониса, а также, познакомившись с латинским языком и латинской культурой, черпает аргументы из трудов ла-

⁷⁴ A. Vast. Op. cit., p. 289 sq.

⁷⁵ Ibid., p. 154 sq.

тинских богословов-схоластов, в первую очередь Фомы Аквинского ⁷⁶. Его противники заимствуют аргументы у православных богословов-полемистов Нила Кавасилы, Паламы. Обеими сторонами широко используются и интерпретируются в нужном направлении творения восточных и западных отцов церкви, таких, как Афанасий, Василий Великий, Григорий Богослов, Кирилл, Иоанн Златоуст, Максим Исповедник, Тарасий и другие.

Кроме трудов своих главных богословских авторитетов — Иоанна Векка и Димитрия Кидониса, Виссарион читал сочинения таких латинофильствующих греческих полемистов, как Варлаам Калабрийец, Никифор Влеммид и Мануил Хрисолор. Однако он, бесспорно, был знаком и с сочинениями полемистов греко-православного направления, таких, как Николой Мефонский, Максим Плануд, Нил и другие ⁷⁷.

Решающее воздействие на формирование богословских взглядов Виссариона оказали произведения Иоанна Векка и Димитрия Кидониса. Поэтому для определения источников, откуда черпал Виссарион свои богословские воззрения, необходимо обратиться к краткому рассмотрению богословского наследия его предшественников.

Иоанн Векк — знаменитый константинопольский патриарх-латинофил, вступил на патриаршую кафедру при императоре Михаиле Палеологе в 1275 г., после отречения патриарха Иосифа, который не желал принять Лионской унии. Векк же стал защитником унии и помогал в ее проведении Михаилу Палеологу. Прежде чем сделаться униатом, Векк прошел довольно длительный путь, долго не соглашаясь поддерживать униатские стремления императора. По сообщению Никифора Григоры ⁷⁸, император подверг Векка насилию, бросив его со всеми родственниками в тюрьму, но и здесь Векк сперва оставался тверд в православии. Поворотным моментом в жизни Векка было его знакомство с трудами знаменитого ученого и богослова начала XIII в. Никифора Влеммида, который склонялся к унии и выражал свои латинофильские взгляды еще задолго до Лионского собора ⁷⁹. Император доставил сочинения Влеммида Векку в темницу, и они произвели на него сильнейшее впечатление и заставили переменить свои воззрения. Это сообщение Григоры, хотя и несколько наивное, чрезвычайно любопытно; оно указывает на то, что корни латинофильства самого Векка, оказавшего, как мы увидим, большое влияние на формирование латинофильского течения в Византии, надо искать еще у Никифора Влеммида.

Однако Векк был довольно умеренным униатом. Став на точку зрения политической необходимости унии, он выступил со следующим тезисом: «Святые отцы учат, что прекрасно и в высшей степени боголюбезно оставлять без внимания разногласия в словах, лишь бы только братья были согласны в мыслях», а потому не следует спорить с латинянами по вопросу об исхождении святого духа через сына ⁸⁰.

Векк был чрезвычайно образованным человеком. Никифор Григора ставит его очень высоко, он называет Векка «человеком умным, питомцем красноречия и науки, наделенным такими дарами природы, как никто из его современников» ⁸¹. По словам историка Пахимера, «он отличался ученостью, красноречием и опытностью в церковных делах» ⁸². Векк был

⁷⁶ PG, vol. 161, col. 196, 200.

⁷⁷ В каталоге библиотеки Виссариона имеются сочинения всех этих авторов. См. PG, vol. 161, col. 196, 200.

⁷⁸ *Nicephori Gregorae Historia Bizantina*, ed. J. Bekker. Bonnae, 1855 (далее — *Niceph. Greg.*), lib. VI, cap. 1.

⁷⁹ В. Барвенок («Никифор Влеммид и его сочинения». Киев, 1911) отрицает без достаточных оснований наличие латинофильских взглядов у Влеммида.

⁸⁰ PG, vol. 141, col. 868—869.

⁸¹ *Niceph. Greg.*, lib. V, cap. 2.

⁸² *Georgii Pachymeris de Michaelis et Andronico Paleologis libri XIII*, rec. I. Bekker. Bonnae, 1835 (далее — *Georg. Pachym.*), lib. V, cap. 24.

прекрасным знатоком богословия и, по выражению Григоры, «по части знания церковных догматов все казались перед ним детьми»⁸³.

Пахимер подчеркивает высокие нравственные качества Векка, его честность, гуманность⁸⁴. Векк пользовался большим влиянием при Михаиле Палеологе. По сообщению историков, Векк держал себя довольно независимо, «он сделался для царя всем — языком, рукою и пером писца»⁸⁵.

Из рассказов византийских историков выступает фигура влиятельного духовного сановника и крупного политического деятеля, ставшего во главе латинофильского течения в конце XIII в. Но, будучи одновременно видным ученым богословом, Векк в своих многочисленных трудах стремился дать теоретическое обоснование политике соединения церквей. Богословские произведения Векка посвящены главным образом вопросу об исхождении святого духа и унии с латинянами⁸⁶. Большинство трудов Векка, как и Виссариона, проникнуто духом полемики. Особенно ожесточенно он полемизирует с патриархом Фотием в своем труде «*Refutatio libri Photii de processione Spiritus Sancti*»⁸⁷. Кроме того, Векк разбирает труды Феофилакта Болгарского (XI в.) и Николая Мефонского (XII в.). Одновременно Векк вел борьбу с современными ему противниками унии — Федором, епископом Сугдейским, Константином Мелитиниотом и особенно с Григорием Кипрским. Чрезвычайно любопытно «Завещание» Векка⁸⁸, в котором много общего по тону и духу с «Энцикликой к грекам» Виссариона. В «Завещании» Векк, как и Виссарион, стремится оправдать свой переход в унию и доказать его искренность. Он пишет, что до самой смерти остается верен унии и что он присоединился к униатскому движению совершенно искренне.

Судьба этого выдающегося униата XIII в. была тесно связана с судьбой унии. После смерти императора Михаила Палеолога, вступления на престол ревностного приверженца православия и врага латинян Андроника Старшего и отмены Лионской унии звезда Векка закатилась: его низвергли с патриаршего престола, заключили в монастырь, а затем отправили в ссылку, где он умер в 1293 г.⁸⁹

Богословские произведения Векка оказали значительное влияние на умы византийских ученых XIV и XV столетий. В XIV в. его «Надписи» вызвали отпор со стороны главы православной партии Григория Паламы, а в XV в. этот богословский спор продолжил Виссарион в своей «Апологии „Надписей“ Векка», показав тем самым, что он прямой преемник взглядов знаменитого борца за Лионскую унию. Влияние Векка на Виссариона не подлежит сомнению. Многие богословские вопросы Виссарион трактует так же, как и Векк, хотя и проявляет известную самостоятельность. Если сравнить произведения Векка и Виссариона, то можно установить их близкую связь.

Так, оба богослова выдвигают тезис о непогрешимости отцов церкви. Векк в «Опровержении книги Фотия об исхождении святого духа», оспаривает мнение Фотия, что латинские отцы, как люди, могли ошибаться. Но Векк в своей аргументации довольно умерен⁹⁰. Виссарион, принимая в основном тезис Векка, идет дальше, говоря о том, что творения отцов церкви внушены свыше⁹¹. Виссарион заимствует у Векка и другое положение: в трактате «Об исхождении святого духа» Векк разбирает вопрос о вставке в знаменитом месте труда Василия Великого, говорящем об ис-

⁸³ *Niceph. Greg.*, lib. V, cap. 2.

⁸⁴ *Georg. Pachym.*, lib. VI, cap. 10.

⁸⁵ *Niceph. Greg.*, lib. V, cap. 2.

⁸⁶ PG, vol. 141, col. 15—1031.

⁸⁷ Ibid., col. 725—863.

⁸⁸ Ibid., col. 1029—1031.

⁸⁹ *Georg. Pachym.*, lib. I, cap. 4, p. 19; lib. III, cap. 29, p. 270.

⁹⁰ PG, vol. 141, col. 813—820.

⁹¹ Ibid., vol. 161, col. 551.

хождении святого духа и от сына, выражения «ἵσως», «может быть». Векк считает слово «ἵσως» позднейшей прибавкой, и Виссарион присоединяется к нему.

Можно было бы привести еще ряд примеров, указывающих на сходство основных богословских трудов Виссариона и Векка, но важен лишь сам факт, что Векк оказал значительное влияние на богословские труды Виссариона.

Большим авторитетом для Виссариона был Димитрий Кидонис. Он отзывался о нем с глубоким уважением, а иногда прямо отсылает читателя к его трудам. Для него Димитрий Кидонис — „мудрейший“ из греческих богословов.

Димитрий Кидонис, выдающийся ученый и политический деятель XIV в., был видным участником богословских споров и партийной борьбы, развернувшейся в связи с вопросом о соединении церквей, выступавшим на стороне латинской партии. В споре между Варлаамом и Паламой он энергично боролся против Паламы. Кидонис пользовался большим влиянием при дворе, был министром и другом императора Иоанна Кантакузина, вел переписку с Мануилом II Палеологом. Он побывал в Италии и изучил там латинский язык, знание которого употребил для научных целей. Впоследствии он перевел на греческий язык Фому Аквинского и ряд других латинских авторов. Димитрий Кидонис был плодовитым писателем, оставившим обширное литературное наследство. До нас дошли его произведения политического, риторического и теологического характера⁹². По своим политическим взглядам Кидонис был униатом и «западником», что ярко обнаруживается в его трудах. В речи, написанной во время дипломатической поездки императора Иоанна V Палеолога в Италию (1369 г.), Кидонис убеждает греков соединиться с латинянами, от которых единственно можно получить помощь против турок. Основное теологическое произведение Кидониса — трактат «Об исхождении святого духа» — написан с ярко выраженной латинофильской окраской. Любопытен его философский трактат «О презрении к смерти» и ряд других произведений.

Ценный материал по истории политической и религиозной борьбы западников с национально-православной партией дают письма Кидониса к крупнейшим ученым, философам и политическим деятелям его времени (Никифор Григора, Варлаам, Николай Кавасила, патриарх Филофей, философ Георгий и многие другие)⁹³.

Димитрий Кидонис оказал значительное влияние на Виссариона. Это влияние, пожалуй, более значительно, чем влияние Векка. У обоих ученых встречаются не только одинаковые мысли и положения, но иногда и совсем идентичные выражения. Например, о существе и ипостаси в троице основная мысль обоих ученых выражена совершенно одинаково⁹⁴; когда речь идет о том, говорят ли латиняне о двух причинах святого духа, выражения обоих ученых чрезвычайно сходны⁹⁵ и т. д.

Особенно сильное влияние на Виссариона оказал трактат Кидониса «Об исхождении святого духа», откуда Виссарион черпает ряд аргументов в полемике с православными богословами. Например, касаясь вопроса об исхождении святого духа, Виссарион использует довод о применении предлогов «ἐκ» «от» и «διὰ» «через»⁹⁶, соображение о непогрешимости отцов церкви вследствие их боговдохновенности⁹⁷ и многое другое.

Однако Виссарион имеет ряд преимуществ по сравнению с Кидонисом. Он более ясен и точен в выражениях, более логичен в аргументации, в то-

⁹² PG, vol. 154.

⁹³ Ibid., col. 1283—1301.

⁹⁴ Ibid., vol. 154, col. 876; cp. ibid., vol. 161, col. 369.

⁹⁵ Ibid., vol. 154, col. 925; cp. ibid., vol. 161, col. 312 sq.

⁹⁶ Ibid., vol. 161, col. 397—400.

⁹⁷ Ibid., vol. 154, col. 929; cp. ibid., vol. 161, col. 551 sq.

время как рассуждения ученого богослова XIV в. порою весьма туманны и путанны.

Вернемся к полемической борьбе, которую вел Виссарион со своими соотечественниками после Флорентийского собора. Центральным предметом этой полемики был, естественно, вопрос об исхождении святого духа как главным догмате, разделявшем церковь. Защите латинского учения о *filioque*, собственно, посвящены богословские труды Виссариона.

Нельзя сказать, что Виссарион был нов и оригинален в трактовке этого вопроса. Основные положения, выставленные в защиту *filioque*, приводились им еще в «Догматической речи», произнесенной на Флорентийском соборе, теперь они лишь несколько расширились и пополнились. Его произведения особенно интересны тем духом полемики, духом ожесточенной партийной борьбы, который пронизывает их, что обуславливает как положительные, так и отрицательные стороны трудов Виссариона. С одной стороны, полемический характер оживляет длинные богословские трактаты, вносит в них пламя страстной борьбы и ненависти, иногда прорывающееся в очень резких выражениях; с другой стороны, Виссарион не может быть объективен, опровергая врагов, часто увлекается и бывает даже несправедлив к своим противникам⁹⁸. Горячность Виссариона вполне закономерна: ему было крайне важно оправдать переход в католичество. В трудах Виссариона, хотя и не лишенных недостатков, обнаруживается огромная эрудиция автора, глубокое знание патристической литературы и священного писания, а также блестящее владение риторическими приемами.

Хронологически первым является труд Виссариона «Апология „Надписей“ Векка и опровержение Паламы»⁹⁹, начатый Виссарионом тогда, когда он был еще архиепископом Никейским, но законченный уже в Италии после Флорентийского собора. В этом труде Виссарион вновь воскрешает богословский спор, волновавший умы ученых XIV столетия, между Векком, защитником латинского учения, и греческим ортодоксом и вождем партии исихастов Григорием Паламой. Воскрешение этой полемики в XV в. уже само по себе весьма симптоматично. Оно говорит о продолжении борьбы латинской и православной партий в Византии, которая особенно обострилась в связи с Флорентийской унией. Виссарион, как прямой продолжатель дела греческих латинствующих полемистов, выступает в защиту Векка против нападок Паламы.

В предисловии Виссарион ясно говорит о задачах, которые он ставит перед собой в этом труде. Он пишет, как после Лионской унии патриарх Иоанн Векк, присоединившись к унии, захотел разбить своих противников, а для этого тщательно изучал произведения греческих отцов церкви и собрал воедино все тексты, трактующие вопрос об исхождении святого духа согласно латинскому учению. Так создались знаменитые «Надписи» Векка. Против этого труда резко выступил Григорий Палама, который опровергал подлинность приводимых Векком текстов и отрицал смысл, им придаваемый, обвиняя Векка в подлоге и обмане. Защита Векка от клеветнических обвинений Паламы — вот основная задача «Апологии» Виссариона.

«Я не могу терпеть, чтобы отцы церкви подвергались таким нападкам и клевете и чтобы мудрец Векк, патриарх Константинопольский, стал жертвой таких обвинений в обмане и святотатстве. Я доказал по мере своих сил, что цитированные (Векком) тексты имеют тот смысл, который им придает Векк, а не Палама. И истина воссияет ярче, чем день!»¹⁰⁰

В своем труде Виссарион шаг за шагом разбирает «Опровержение „Надписей“ Векка» Паламы и критикует главные положения этого трак-

⁹⁸ PG, vol. 161, col. 277. Здесь Виссарион дает искаженную трактовку труда Паламы.

⁹⁹ Ibid., col. 243—310.

¹⁰⁰ Ibid., col. 288.

тата. Критика Виссариона — вдумчивая и основанная на знании текстов; он легко нащупывает слабые места Паламы, где тот отрицает какое-либо положение Векка, не приводя доказательств. Все произведение написано в ярко выраженном латинофильском духе.

Следующим богословским произведением Виссариона является «Письмо к Алексею Ласкарису Филантропину об исхождении святого духа»¹⁰¹. Оно создано между 1442 и 1445 гг. «Письмо к Алексею Ласкарису» — обширный богословский трактат, написанный по просьбе Ласкариса, в котором Виссарион излагает все события Флорентийского собора стороннику унии Алексею Ласкарису, не присутствовавшему на соборе. Главная цель произведения — стремление защитить унию от нападок ее врагов и осветить в выгодном для латинофилов свете деятельность Флорентийского собора¹⁰².

Однако и противники унии в Византии не дремали. Вождь православного направления Марк Эфесский по возвращении из Флоренции с присущей ему страстностью занялся богословским обоснованием православного греческого учения и опровержением учения латинян. Отсюда и родился его трактат «Силлогические главы против латинян». В этом произведении, которое является как бы арсеналом греческой ортодоксии, с необычайной яркостью выступает крутой и резкий нрав его автора. Марк Эфесский не щадит своих врагов и осыпает их градом самых резких обвинений. Но он мастерски владеет силлогическим методом, его нападки остры и метки, силлогизмы сжаты и отточены.

Произведение Марка имело значительный успех в Византии и должно было вызвать ответ со стороны латинской партии. За это важное дело взялся первоначально протосинкелл Григорий, будущий Константинопольский патриарх Григорий Мамма. Но ему не удалось довести дело до конца. После своего избрания на патриарший престол он уже не имел времени выполнить эту весьма сложную задачу и обратился с просьбой к Виссариону окончить начатый им труд. Долгое время в научной литературе существовало недоразумение, благодаря которому опровержение Марка Эфесского приписывалось Георгию Схоластику, но это не вяжется никоим образом с общей позицией Схоластика по возвращении его в Византию, с его письмом, написанным в покаянных тонах его учителю Марку Эфесскому¹⁰³, где он раскаивается в своем временном отступничестве на Флорентийском соборе. Кроме того, было найдено письмо Григория Маммы, обращенное к Виссариону, с просьбой продолжить начатый им труд против Марка Эфесского.

В настоящее время считается доказанным, что автором опровержения первых 17 глав Марка Эфесского является Григорий Мамма, а продолжателем его — Виссарион. Виссарион написал «Опровержение силлогических глав Марка Эфесского», по-видимому, в период между годами 1445 (годом вступления на патриарший престол Григория Маммы) и 1447 (годом смерти Марка Эфесского, к которому Виссарион в своем труде обращается как еще к живому)¹⁰⁴.

«Опровержение силлогических глав Марка Эфесского» — бесспорно, самое значительное богословское сочинение Виссариона. Оно написано в ярко выраженной полемической форме. Отвечая Марку на его нападки против латинян, Виссарион весьма резок по отношению к своему противнику. Он характеризует его как «человека, потерявшего рассудок, который вместо истинной мудрости имеет лишь мнимую». Труд Марка Виссарион пренебрежительно называет «паутиной, которую легко можно разорвать»¹⁰⁵.

¹⁰¹ PG, vol. 161, col. 321—407.

¹⁰² E. Boularand. Op. cit., p. 161 sq.

¹⁰³ PG, vol. 160, col. 533—536.

¹⁰⁴ Ibid., vol. 161, col. 1 sq.; vol. 160, col. 254 sq.

¹⁰⁵ Ibid., vol. 161, col. 140.

Метод, применяемый Виссарионом в его произведении, таков: сперва Виссарион излагает главу Марка, приводя затем свое опровержение этой главы. Таким образом одну за другой Виссарион опровергает 20 последних глав труда Марка Эфесского. Подобный метод дает нам возможность при сличении текста, приводимого Виссарионом, с произведением самого Марка, выяснить добросовестность Виссариона в изложении аргументов противника, и, надо отдать справедливость, Виссарион довольно точно приводит положения Марка.

Опровергая Марка, Виссарион подробно излагает латинское учение о *filioque*. Это произведение Виссариона является как бы квинтэссенцией богословской аргументации в пользу *filioque*. Поэтому оно заслуживает особенного внимания.

Для подведения прочной базы под латинское учение о *filioque* Виссарион сперва тщательно разбирает вопросы об определении личных свойств и сущности лиц троицы, об отношении между ними, об их общности и различии. Затем он переходит к изложению латинского учения об исхождении святого духа. Если кратко резюмировать силлогические построения Виссариона, то они в основном сводятся к следующему: личными свойствами отца в троице является «отечество», сына — «рожденность» и святого духа — «исхождение его»¹⁰⁶.

«Исхождение святого духа» — свойство, общее и отцу и сыну, так как они во всех свойствах, кроме личных, уже вышеуказанных, полностью тождественны. Акт исхождения святого духа от отца и сына нельзя рассматривать так, что якобы исхождение святого духа только от отца было несовершенно и нуждалось в дополнительном исхождении от сына. Суть заключалась в том, что сын, получив от рождения от отца все его свойства, вместе со всеми другими качествами приобрел силу исхождения святого духа. Данное свойство имел бы и святой дух, если бы это не противоречило его личному свойству. Самый акт исхождения святого духа надо понимать как единый акт отца и сына, а не как два разных действия, ибо они (отец и сын) едины.

Вот, собственно, сущность латинского учения о *filioque*, излагаемого Виссарионом. В этих положениях Виссарион опровергает основное обвинение Марка против латинян в том, что, согласно их учению, святой дух исходит от двух различных принципов, имеет две причины. Марк же утверждал, что отец является единственным творцом и сына, и святого духа.

Теологический трактат Виссариона несколько метафизичен, но отличается отточенной логикой и страстностью изложения. Если в «Апологии Векка» Виссарион прибегает к возрождению богословского спора XIV столетия для борьбы с ортодоксами, то в опровержениях Марка он выступает против своего главного и самого влиятельного противника, пишет это произведение в самый напряженный момент острой партийной борьбы и поэтому стремится с особой тщательностью подобрать наиболее веские аргументы в пользу латинского учения.

«Опровержение силлогических глав Марка Эфесского» занимает выдающееся место в истории богословской полемики между православными ортодоксами и латинофилами.

К богословским трудам Виссариона, касающимся также вопроса об исхождении святого духа, относится его «Опровержение силлогизмов Максима Плануда об исхождении святого духа»¹⁰⁷. Мы не будем останавливаться на анализе этого произведения Виссариона, так как оно не представляет особенного интереса и в основном повторяет уже приводимые ранее Виссарионом в других его сочинениях аргументы в пользу *filioque*.

¹⁰⁶ Ibid., vol. 161, col. 160—164.

¹⁰⁷ Ibid., col. 309—319.

Из других богословских произведений Виссариона можно упомянуть трактат «О таинстве евхаристии»¹⁰⁸, где излагается учение по этому вопросу также в латинском духе, греческое учение о словах таинства пресуществления, представленное Виссарионом на Флорентийском соборе¹⁰⁹, компендиум устава святого Василия для монахов василиан в Италии и Сицилии¹¹⁰ и др. В этих трудах Виссарион трактует, разумеется, в латинском духе уже менее важные догматические вопросы, разделяющие католическую и православную церкви. Из других богословских произведений Виссариона привлекает внимание еще лишь одно — «Энциклика к грекам»¹¹¹.

«Энциклика к грекам» была написана Виссарионом после его назначения папой Пием II на Константинопольский патриарший престол в 1463 г. Это самое позднее богословское произведение Виссариона, показывающее, с одной стороны, как Виссарион становился все более и более преданным и ревностным сыном католической церкви, с другой — что все же, несмотря на его католическую ортодоксию, Виссариона до конца не покидала мысль о снятии с себя обвинений, бросающих тень на него, и желание оправдать себя перед соотечественниками. Это стремление тем более усугублялось необходимостью привлечения на свою сторону новой паствы.

В «Энциклике к грекам» Виссарион выступает как ярый католик. Это особенно сказывается в трактовке причин падения Византии и оценке состояния греческой церкви. Основной тезис Виссариона крайне тенденциозен. Причина падения Константинополя и всех страданий греков — схизма, отклонение греков от истинной веры и отделение их от католической церкви¹¹².

Из этой презумпции Виссарион делает вывод, что единственный путь спасения греков — признание латинского учения и соединение с католической церковью. Далее Виссарион дает оценку состояния греческой церкви до и после падения Константинополя, причем краски им крайне сгущаются. По мнению Виссариона, греческая церковь пришла в полный упадок и даже невозможно говорить о ней как о самостоятельной церкви¹¹³. Греческое духовенство столь невежественно, что не может отправлять богослужения. Варвары до такой степени ниспровергли все, что надо опасаться совершенного исчезновения на Востоке греческого языка, всех книг, всех творений учителей церкви и самого священного писания. Но и ранее (за 50—100 лет) греческое духовенство якобы плохо разбиралось в священном писании.

Из такого плачевного состояния греческой церкви Виссарион опять-таки делает вывод, что необходимо признать единственно истинной церковью католическую и склонить голову перед супрематией папы. Однако, ставя целью этой «Энцикликой» привлечь новую паству на сторону латинского учения и укрепить собственный авторитет в глазах греков, он стремится убедить их в правоте латинского учения об исхождении святого духа и оправдать свой переход в латинство.

«Вы не говорите, что я удалился от истины по невежеству или по неспособности. Вы знаете, что с самой ранней юности я посвящал свое время научным занятиям, что я занимался вопросом догмата прежде всего и с наибольшим прилежанием и вниманием, что искал истину, как я мог. . . Я могу сказать без тщеславия, я много читал, много воспринимал, много писал о суете мира, о морали, о наказании и воздаянии. Но должен ли я был пре-

¹⁰⁸ PG, vol. 161, col. 493—525.

¹⁰⁹ Ibid., col. 489—493.

¹¹⁰ Ibid., col. 524—531.

¹¹¹ Ibid., col. 447—489.

¹¹² Ibid., col. 453.

¹¹³ Ibid., col. 460.

жде всего напитать свой дух истиной и справедливостью и искать прежде всего истинную веру? Теперь я оцениваю эти вещи много лучше, чем раньше. Я стар, слаб и болен, и каждый день мне может угрожать смертью. Последний миг приближается, миг, когда, как говорят мудрецы, люди начинают бояться того, чего раньше они не боялись. Они видят приближение дня, когда они должны будут отдать отчет во всех своих действиях»¹¹⁴.

Виссарион вновь и вновь подчеркивает свою искренность в переходе в латинство и верность догматам католической церкви. Но звучит это как исповедь ренегата, совесть которого нечиста и который стыдится своих соотечественников.

Итак, Виссарион, порвав с греческой церковью и перейдя в католичество, продолжал борьбу с греческими ортодоксальными богословами, на научно-богословской почве и в ряде своих произведений теологического характера, выступал в защиту учения латинской церкви. В своих богословских трудах Виссарион не дает какой-либо новой аргументации в пользу латинского учения и широко использует научное наследие своих предшественников. Но тем не менее богословские произведения Виссариона представляют большой интерес. Над Виссарионом-богословом всегда брал верх Виссарион-политик, поэтому все его богословские труды имеют политическую, партийную окраску и проникнуты духом полемики. Богословские произведения Виссариона, как в зеркале, отражают ту напряженную политическую и партийную борьбу, которая после Флорентийского собора достигла в Византии предельной остроты.

---

¹¹⁴ Ibid., col. 461 sq.

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

ПСЕЛЛ В ОТНОШЕНИЯХ С СОВРЕМЕННОКАМИ*

(Опыт характеристики личности)

На протяжении сравнительно недолгой истории изучения личности и творчества Пселла писатель успел заслужить самые противоположные и взаимоисключающие оценки. «Пселл — человек без чести и совести, худшее порождение византизма», — утверждали одни. «Свободная артистическая натура, лишенная предрассудков, чьи недостатки с лихвой окупаются достоинствами», — оценивали его другие. «Богобоязненный христианин и теолог», — считали третьи. Разнобой в мнениях породил среди части исследователей скептицизм в отношении самой возможности проникнуть в природу «человека-Протея», «личности, лишенной внутреннего ядра», «отливающего разными красками» Пселла¹.

Априори можно предложить несколько методов изучения личности и мировоззрения выдающегося византийца. В настоящей работе используется только один из них: Пселл рассматривается в многообразных отношениях со своими современниками. Выбор метода не случаен. Именно в связях с окружающими людьми (личных и общественных, первые постоянно переходят во вторые и наоборот) реализует и проявляет вонне человек свою сущность. Исследование такого рода, довольно обычное для литератур нового времени, в применении к писателям древним и средневековым почти не проводилось, как видно, из-за скудности материала. Пселл в этом отношении — счастливое исключение, эпистолярное наследие, оставленное им, огромно.

Корреспонденция Пселла давно и активно используется учеными для восстановления биографии писателя, реконструкции различных деталей общественной, частной, религиозной и государственной жизни византийцев XI в. И вместе с тем эти письма и поныне — нераспечатанное богатство: к ним обращаются за частными сведениями, но никогда еще их не рассматривали как единое целое².

* Настоящая статья представляет собой попытку систематизации и обобщения материала и выводов ряда наших работ, посвященных этой теме: «Пселл в отношениях с современниками (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд)». — ПС, 23, 1971; «Пселл в отношениях с современниками (Пселл и фемные судьи)». — «Revue des études sud-est européennes», X, 1, 1972; «Михаил Пселл и Михаил Кируларий». — «Клио», 54, 1972; «Пселл в отношениях с современниками (1. Михаил Пселл и Лев Параспондил. 2. Михаил Пселл и Дуки)». — ВВ, 34, 1973; Пселл в отношениях с современниками (Пселл и семья Кирулариев)». — ВВ, 35, 1974; «Византийский монах XI в. Илья». — АДСВ, 10, 1974.

¹ См. Я. Н. Любарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение. Проблемы и итоги изучения. — ВВ, 30, 1969, стр. 87 сл.

² Существуют две попытки общей классификации эпистолярного наследия Пселла. Обе они были, однако, предприняты до появления издания Курца — Дрекля (*Michaelis Pselli scripta minora*, ed. E. Kurtz, F. Drexel (далее — Scr. min.), II. Milano, 1941), содержащего около половины всех известных писем (B. Rhodius. Beiträge zur Lebensgeschichte und zu den Briefen des Psellos. Progr. Plauen, 1892; K. Müller. Epistolografie Michaela Psella. — «Listy filologické», 36, 1909). Как Родигус, так и Мюллер классифицируют послания по положению их адресатов.

Между тем внушительное эпистолографическое собрание (около 500 опубликованных писем)³, дополненное многочисленными речами, — настоящая «человеческая комедия» Византии XI в. Уже простое перечисление адресатов и героев писем и речей Пселла, сгруппированных по их рангам, должностям, социальному положению и интеллектуальному уровню, могло бы показать грандиозность картины, отразившейся в «малых сочинениях» писателя. Из 12 царствовавших особ, на время правления которых приходилась сознательная жизнь Пселла, адресатами его писем были 8. Из пяти константинопольских патриархов трое (Михаил Кируларий, Константин Лихуд, Иоанн Ксифилин) находились в переписке с писателем. Из высших чиновников государственных приказов и императорского двора получателями писем Пселла были: протасикрит, логофет дрома, протонотарий дрома, «министр» юстиции (ὁ ἐπὶ κρίσεως), «министр» по делам прошений (ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων), логофет геникона, протовестиарий, сакеларий, хранитель императорской чернильницы (ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλείου), управляющий императорским имуществом (ὁ ἐπὶ τῶν οἰκείων), великий эконоμ, ливелисий, остиарий, великий друнгарий и др. Среди адресатов Пселла — носители высших титулов византийской табели о рангах: кесарь, куропалат, протопродр, продр, магистр, вестарх, вест, патрикий.

Немало писем Пселла шло на периферию империи к провинциальным властителям, духовным и светским. Судьям 16 фем и областей направляя свои послания писатель⁴. Патриарх Антиохии (скорее всего, Эмилиан), митрополиты и епископы Амасии, Кизика, Эфеса, Мелитины, Никомидии, Евхаит, Парнаса получали послания столичного писателя. Двигаясь ниже по иерархической лестнице, следует упомянуть среди корреспондентов игуменов, архимандритов, настоятелей монастырей и т. д. Наконец на самой нижней ступени этой иерархии находятся бесчисленные монахи, нотариусы, безымянные родственники и люди разных состояний (среди них даже музыкант), которых Пселл за редким исключением даже не удостоивает писем, но которые присутствуют в его корреспонденции в качестве объекта ходатайств и просьб. И только один слой византийского общества представлен относительно бедно в эпистолярном наследии писателя — воинское сословие⁵.

Это эпистолографическое богатство нуждается в освоении, и прежде всего классификации. Последняя может быть произведена по разным принципам, из которых следует выбрать наиболее рациональный. При всем разнообразии положений и функций адресатов классифицировать письма по этому принципу нецелесообразно, уже хотя бы потому, что в продолжение переписки, длившейся иногда десятилетия, корреспонденты успевали проделать почти весь *cursus honorum*, перейти из светского звания в духовное, стать чуть ли не «первыми министрами» и попасть в опалу.

³ Письма Пселла, помимо уже цитированного нами издания Курца—Дрексля, опубликованы: *Bibliotheca graeca medii aevi*, ed. Sathas (далее — *Bibl. gr.*), V. Paris, 1876; *Psellos. De operatione daemonum*, ed. J. F. Boissonade. Nürnberg, 1838 (далее — *De oper. daem.*, перепечатано — PG, t. 122); *Th. L. F. Tafel. De Thessalonica eiusque agro dissertatio geographica*. Berlin, 1839 (перепечатано — PG, t. 122); *Ch. E. Ruelle. Rapports sur une mission littéraire et philologique en Espagne*. — «Archives des missions scientifiques et littéraires», III-e série, t. 2, а также: BS, 12, 1951, p. 51—52; «Γρηγόριος Παλαμάς», 8, 1924, с. 279—281 (нам недоступно). Ряд писем Пселла поныне остается в рукописи, см. о них: *J. Darrouzes. Notes d'épistolographie et d'histoire des textes*. 2. Les lettres inédites de Michel Psellos. — REB, t. 12, 1954; *P. Canart. Nouveaux inédits de Michel Psellos*. — REB, t. 25, 1967; *G. Weiß. Forschungen zu den noch nicht edierten Schriften des Michael Psellos*. — «Byzantina», 4, 1972.

⁴ См. Я. Н. Любарский. Пселл и фемные судьи, стр. 17, прим. 2.

⁵ На фоне огромного множества гражданских чиновников можно назвать только единичных лиц воинского сословия, которым Пселл посвящает свои произведения или адресует письма. См., например, монодию некоему Николаю (Scr. min., I, p. 216—219), письма Катакалону Кекавмену (Scr. min., II, № 30, 41, 59, см. о них: Г. Г. Литаврин. Три письма Михаила Пселла Катакалону Кекавмену. — «Revue des études sud-est européennes», VII, 3, 1969), Далассину (Scr. min., II, № 264) и некоторые другие.

Таким образом, письма, направленные одним и тем же лицам, попали бы в разные рубрики. Такая классификация, весьма полезная, например, в исследовании состава господствующего класса Византии XI в., оказалась бы непригодной в работе, предмет которой — личность автора писем.

Можно было бы предложить и иной — литературно-типологический принцип классификации. К XI в. письмо уже давно превратилось в один из жанров риторической прозы. Реальные чувства и мысли эпистолографа укладывались в определенные, восходящие к античности типы или жанры писем⁶.

Такая классификация не представляет трудностей, поскольку подавляющее большинство писем Пселла идеально подходит под какой-либо из 21 типа, предусмотренных еще в трактате *Περὶ ἐπιγραφῆας*, приписывавшемся Деметрию Фалерскому и давшем начало большинству позднейших письмовников. Но и это подразделение — универсальное, всеобъемлющее и потому в принципе пригодное для любой эпистолографической системы — могло бы помочь исследованию эволюции жанра, но никак не раскрытию образа эпистолографа. Между тем любая классификация, а она всегда по необходимости относительна и одностороння, обязана быть целесообразной, т. е. соответствующей задачам конкретного исследования.

Однако возможно ли вообще разглядеть авторское «я» византийского писателя за набором риторических клише и выражениями стандартизованных чувств, столь обычных для писем этого периода? Немало исследователей нового времени вынуждены были давать на этот вопрос категорически отрицательный ответ. «К сожалению, по сохранившимся письменным источникам, — пишет Г. Литаврин, — мы можем судить скорее не об объеме чувств и мыслей, а о степени образованности отдельных представителей византийского, как правило, привилегированного общества. . . »⁷. Между тем уже античная теория эпистолографии не только положительно отвечает на поставленный вопрос, но и настойчиво требует от писателя самовыражения. «Письмо, — замечает автор уже упомянутого трактата, — должно быть самым полным выражением нравственного облика человека (τὸ ἠθικόν), как и диалог. Ведь каждый, кто пишет письмо, дает почти что изображение своей души»⁸.

Михаил Пселл полностью примыкает к этой традиции. «Как икона в красках представляет одухотворенный образ прототипа, так твоё письмо рисует тебя», — хвалит Пселл куратора Кипра (*Scr. min.*, II, p. 185.12—13). Не столько важны красоты стиля, сколько «свидетельства характера пишущего», — обращается писатель к патриарху Антиохии, видимо, мало искушенному в искусстве риторической эпистолографии (*Scr. min.*, II, p. 117.19—22). Письменная речь, по мнению Пселла, отражает врожденные свойства автора даже лучше, чем речь устная (*Bibl. gr.*, V, p. 242—243).

Не следует понимать эти откровения буквально. Искушенный во всех риторических тонкостях, византийский эпистолограф никогда не позволит себе раскрыться полностью в письме или даже серии писем одному адресату. Следуя универсальному в риторике принципу τὸ πρέπον, он, напротив, приспособит не только слог, но и строй мыслей и чувств к адресату, проявляя тот самый «протеизм», который издавна считался одной из основных добродетелей истинного оратора. По иным письмам можно легче судить о характере их адресата, нежели автора. Тем не менее пределы

⁶ Литература, трактующая о стандартах византийской и особенно античной эпистолографии, очень велика. Из последних работ см. *H. Koskenniemi. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. chr.* Helsinki, 1956; «Античная эпистолография». М., 1967; *K. Thraede. Grundzüge griechisch-römischer Briefftopik.* München, 1970; *G. Karlsson. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine.* Uppsala, 1962; *N. Tomadakis. Βυζαντινὴ Ἐπιστολογραφία. Ἀθῆναι*, 1969—1970. Литературу вопроса см. *В. А. Сметанин. Эпистолография.* Свердловск, 1970.

⁷ Г. Г. Литаврин. Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972, стр. 61.

⁸ Цит. по: «Античная эпистолография», стр. 7—8.

видоизменения и приспособления византийского эпистолографа не бесконечны. Являясь каждый раз в новом обличье, он не просто меняет маску, а и на деле реализует какую-то частицу своего «я», всякий раз генерализируя и выдавая за облик в целом какую-то из сторон своей личности. Процесс этот, как правило, двусторонний: автор не только «делает себя» под адресата, но и «приспосабливает» к себе его облик. Адресаты — вернее, их образы в его письмах — в какой-то степени оказываются объективацией отдельных черт его характера. Явление это осознается и самим писателем. Так, в одном из писем (Bibl. gr., V, № 176), обращенном сразу к трем лицам и потому представляющем для эпистолографа понятные трудности, Пселл обеспокоен тем, что ему придется принаравливаться сразу к трем разным характерам. Его задача, впрочем, облегчается тем, что сам он, как ему кажется, объединяет свойства всех трех адресатов (ἐχάστω ὁμῶν ὁτὼ διηρημένον συνηρμοσμένον εἶμι. — Bibl. gr., V, p. 453,3—4).

Вникнуть в образы возможно большего числа корреспондентов писателя, проследить отношения, выяснить, где это важно, причины симпатий и антипатий — значит в определенной мере понять внутренний мир Пселла: скрытый в каждом отдельном послании образ эпистолографа должен достаточно отчетливо предстать из всей переписки в целом.

Из приведенных предпосылок вытекает и предложенный нами принцип классификации писем: они разбиваются по адресатам, а сами адресаты, как правило (есть и неизбежные исключения!), группируются не по «формальному» положению в обществе, а по своему «интеллектуально-нравственному» типу. Этот принцип уступает другим в четкости, но весьма удобен для целей настоящей работы: в письмах к каждой из групп адресатов, предполагаем мы, раскрывается какая-то частица души самого Пселла.

* * *

Значительную роль в жизни, судьбе и переписке Пселла играли друзья его юности: Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин и Константин Лихуд. Духовные лица во второй половине своего жизненного пути, они в молодости составляли кружок придворных интеллектуалов, деятельность которого немало способствовала византийскому просвещению XI в. Глубокую привязанность к Мавроподу и Лихуду, несмотря на временные размолвки, Пселл сохранял до конца дней. Общие интеллектуальные интересы, культ бескорыстной дружбы, глубокое уважение к науке и «слову» — таковы основные отличительные черты этих связей. Члены кружка испытывали чувство интеллектуального превосходства над окружающими, ощущали себя островком в «море невежества» (выражение самого Пселла), и это ощущение делало связи внутри кружка еще более крепкими. Пселл, Мавропод и Лихуд при всей разнице характеров и темпераментов оставались друзьями и единомышленниками на протяжении десятилетий. Напротив, отход Ксифилина от взглядов и представлений юности сделал этих людей к концу жизни почти врагами⁹.

В «море невежества», окружавшем Пселла, были и другие островки. В одном из уже упомянутых писем (Bibl. gr., V, № 176)¹⁰ Пселл объединяет четырех лиц. Трем из них письмо направлено, четвертый только упоминается. Всех четверых (это протасикрит, ливелисий, ὁ ἐπὶ τῶν

⁹ Подробно отношения Пселла с Мавроподом, Ксифилином и Лихудом рассматриваются нами в статье «Пселл в отношениях с современниками (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд)».

¹⁰ Письмо датируется, скорее всего, весной 1069 г. Написано оно из Кесарии, откуда Пселл собирается возвращаться назад (в Константинополь), в то время как адресаты продолжают «военной дорогой» двигаться вперед. О путешествии в Кесарию и обратно писатель сообщает также в неопубликованном письме к Константину Кирулярию (G. Weiss. Op. cit., S. 30). Речь идет о втором походе Романа Диогена против сельджуков. Император останавливался тогда в Кесарии, и его сопровождал Пселл (Michael Psellos. Chronographie, éd. E. Renauld, 2. Paris, 1926—1928, p. 161.13).

δεήσεων и человек по имени Хирсфакт) объединяют тесные связи. Свидетельство этому — как упомянутое послание, так и тот факт, что в одной из рукописей (Cod. Laurent., 5740, f. 71—72) друг за другом следуют четыре письма (Scr. min. II, 146—149), трактующие об одном и том же предмете (просьба помочь некоему человеку из Гордиаса) и адресованные — кроме одного — этим уже знакомым нам по «коллективному» письму лицам. Ливелисия, известного из Bibl. gr., V, № 176, среди получателей писем нет, зато добавляется некий носитель титула ὁ ἐπὶ κανικλείου. Протасикрит назван в этом случае по имени — Аристин. Датировать эти письма трудно¹¹, без сомнения только, что их получатели — друзья: послания одним и тем же или связанным друг с другом лицам в рукописи нередко помещаются рядом. Последний аргумент дает основание и для другого заключения. В парижской рукописи следуют друг за другом два близких по содержанию послания, обращенные одно — к вестарху и ὁ ἐπὶ κανικλείου Василию (Bibl. gr., V, № 88), другое — к ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων, Льву Патрскому (Bibl. gr., V, № 89). Вновь носители этих двух титулов оказываются адресатами смежных писем¹². В этом случае они уже названы по именам. Речь, конечно, идет об уже знакомых нам лицах.

Перечислив и выяснив имена членов кружка, можно попытаться ближе охарактеризовать этих людей.

Х и р с ф а к т. Не совсем ясно, о каком Хирсфакте должна идти речь. У Пселла упоминаются еще три человека с таким именем: магистр и протонотарий дрома Евстратий¹³ и Михаил Хирсфакт с сыном (Scr. min., II, N 243). Не исключено, что имеется в виду и какое-то четвертое лицо¹⁴. Хирсфакт — ритор (Scr. min., V, p. 455, 16), видимо, учен: его имя писатель вспоминает, беседуя с мудрыми людьми — ἐν ἐπιλήσις σοφῶν (Scr. min., II, p. 173.11), хотя и не считает свой слог достаточно изысканным для эпистолярного общения с Пселлом.

Л и в е л и с и й. Об этом персонаже известно очень мало. В «коллективном» письме Пселл считает основным его достоинством χάρις — «приятность» (Bibl. gr., V, p. 453, 4.20). Возможно, он идентичен ливелисию по имени Иоанн, которому Пселл посвятил неопубликованное сочинение о значении 24 букв алфавита¹⁵.

Ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλείου Василий¹⁶. Василия связывает с Пселлом старинная дружба (παλαιὸς σύνδεσμος). Одно из писем направлено было Василию в период, когда тот отправился с какой-то военной экспедицией (Романа Диогена? — Bibl. gr., V, № 28), другое письмо написано в связи с принятием монашества или уходом Василия в монастырь (Scr. min., II, № 103). Наиболее интересное для характеристики этого человека — письмо Scr.

¹¹ Возможно, что *terminus post quem* для них — 1055 г., время принятия монашества Пселлом. В одном из писем (Bibl. gr., V, № 131), где писатель также ходатайствует за ὁ Гордиасοῦ, говорится о продуктах, которые ему прислал адресат и которые ему не годны. Не по причине ли монашества? Из самих писем можно понять, что Пселл находится в опале и вдали от императора, в то время как его адресаты пользуются царскими милостями (Scr. min., II, № 146, 148).

¹² В обоих случаях, подписывая письма, Пселл называет себя вестом. Означает ли это, что послания следует датировать временем Константина Мономаха, в конце царствования которого писатель обладал уже следующим чином вестарха?

¹³ Bibl. gr., V, № 124 и Cod. Paris. 1277, f. 270—271; — *P. Canart. Op. cit.*, p. 60, № 124.

¹⁴ Вейс (*G. Weiss. Op. cit.*, S. 30, Anm. 72) идентифицирует этого Хирсфакта, с павшим при Манцикерте протасикритом Хирсфактом, упомянутым Атталиатом. Можно пойти и дальше Вейса, отождествив с ним судью Кивериотов, бывшего протонотария дрома, адресата письма Bibl. gr., V, № 171. Характер обрисовки этого лица и стиль его отношений с Пселлом, дают, казалось бы, все основания для такого отождествления. Однако из-за отсутствия формальных критериев — единственно решающих в данном случае — воздержимся от подобных утверждений.

¹⁵ *G. Weiss. Op. cit.*, S. 13, Anm. 9.

¹⁶ Н. Дюз совершенно произвольно ассоциирует этого Василия с другим корреспондентом Пселла — Василием Малеси (*N. Düz. Un haut fonctionnaire byzantin du XI-e siècle: Basile Malésès. — REB, XXX, 1972; ср. возражения: BS, 34 (2), 1973, p. 219.*

min., II, № 146: Василий, говорится там, сладостен своей речью, остер умом, верен в дружбе. Пселл клянется, что не забыл «тех застольных речей и сладостных бесед и игр, которые они вели друг с другом» (p. 172.7—10).

Ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων Лев Патрский. Из писем Bibl. gr., V, № 89, 176 можно понять, что и Лев принадлежал к числу интеллектуалов и, по всей видимости, был учеником Пселла. У нас нет достаточно строгих оснований, но вполне вероятно, что Льву было направлено и весьма интересное письмо Bibl. gr., V, № 12, адресованное ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων и тому же ученику Пселла. Пселл ранее, видимо, подшутил над адресатом, намекнув на какие-то изъяны в его внешности; тот, обидевшись, ответил писателю ругательным письмом, порицая характер Пселла. Последний, однако, решил не обострять конфликта и убеждает своего ученика в допустимости безобидных шуток. Любопытно, что в «коллективном» письме прекрасный психолог Пселл считает начальника ведомства прошений человеком замкнутым (его отличительная черта — τὸ ἐπιστράφει πρὸς ἑαυτόν. — Bibl. gr., V, p. 4—5), что вполне согласуется с неумением адресата Bibl. gr., V, № 12 понимать шутки.

Π ρ ο τ α σ ι κ ρ ι τ Α ρ ι σ τ ι ν η. Наибольшее число писем сохранилось к Аристину, переписка с которым длилась долгие годы (Scr. min., II, № 67, 94, 111, 148, 224 и неопубликованное Cod. Paris., 1277, f. 268—269¹⁷ Аристин — ученик Пселла¹⁸. У Пселла же впоследствии обучался и его сын (Scr. min., II, № 224). Аристин носил титул вестарха, был по какой-то причине удален из Константинополя и из изгнания обращался к писателю с просьбами о заступничестве перед императором (Scr. min., II, № 67). Между Пселлом и Аристином все время поддерживаются отношения изысканной φιλία, друзья оказывают взаимные услуги и обмениваются письмами, исполненными рафинированной учености и красноречия.

Лица, о которых шла речь, — очень различны по своему характеру (ἥθος). Их несхожесть отмечает сам Пселл в письме, адресованном трем из пяти членов этого дружественного союза: «У каждого из вас собственный тип характера, несходный с другими» (Bibl. gr., V, p. 452. 11—12). Тем не менее, продолжает писатель, эти люди «объединены одним духом» (οἱ διὰ μιᾶς γνώμης ἐνίσταντες. — Bibl. gr., V p. 452. 6) и их различие — различие в тождестве (Bibl. gr., V, p. 452.17—18). Общее, что их объединяет, — «согласие и единодушие во всем прекрасном и рвение ко всяческой мудрости и разуму» (p. 452.18—19). Внутри этого кружка, равно как и в отношениях его членов с Пселлом, присутствует тот же комплекс «ученой дружбы», который ранее объединял содружество Пселла, Мавропода, Лихуда и Ксифилина.

Кружок этот, хотя в него входят весьма высокопоставленные чиновники, существовал на несколько более «низком» уровне, нежели первый. Его участники — уже «второе поколение» интеллектуалов. Двое из них — наверняка ученики Пселла. Писатель для них — уже нечто вроде метра, наставляющего и иногда журущего более молодых коллег.

Фрагментарность и нарочитая затемненность содержания сохранившихся писем не позволяют с достаточной определенностью говорить о других кружках, но стиль отношений, названных нами «интеллектуальной или ученой дружбой», поддерживается Пселлом с рядом корреспондентов. Среди них — называем лишь некоторых — куропалат Ясит, один из немногих, «уши которого открыты для звука слова» (Bibl. gr., V, p. 437.10)¹⁹,

¹⁷ P. Canart. Op. cit., p. 67, N 13; G. Weiss. Op. cit., S. 31. Письма с леммой «протасикриту» без указания имени мы не имеем основания однозначно относить к Аристину, поскольку у Пселла упоминается и другой протасикрит — Филарет.

¹⁸ G. Weiss. Op. cit., S. 31.

¹⁹ Сохранились два письма к Яситу (Bibl. gr., V, № 171; Scr. min., II, № 6). Кроме того, Ясит упоминается в двух неопубликованных письмах: к Константину Кирулярию (G. Weiss. Op. cit., S. 70) и Евстратию Хиросфакту (ibid., S. 30, Anm. 32;

великий эконо́м, воспитанный в науках (Bibl. gr., V, p. 266.11), остиарий и протонотарий дро́ма Иоанн, которого с детских лет связывает с Пселлом «согласие и единомыслие» (Bibl. gr., V, № 125), поэт Малеси, соученик Пселла Николай Склир, ученик Пофос²⁰ и др.

Среди второго «пласта» друзей и учеников писателя видное место занимают Константин и Никифор, племянники знаменитого патриарха Михаила Кирулария, с которыми Пселл поддерживал длительные тесные связи и интенсивную переписку. Красной нитью в посланиях бывшего наставника проходит мотив особого духовного родства, которое связывает его с воспитанниками. Родство это базируется на «идейных» основаниях: они единомышленники в своей преданности и любви к «науке» (этим словом мы очень неточно передаем античное и византийское понятие *λόγος*, под которым следует понимать всю систему культуры и образованности того времени с определенным светским оттенком). Вместе с тем в этой части корреспонденции Пселла ярче, чем в других случаях, проявляются и другие черты. Прежде всего это подчеркнутый взаимный интерес к эстетической стороне как житейских, так и духовных ценностей. Во-вторых, почти неприменный интимный тон посланий, которые Пселл направляет адресатам. В-третьих, это тот тип отношений, который с некоторой натяжкой можно назвать «эпикурейско-горацианской» дружбой, включающей в себя признание спокойных радостей жизни, интимное товарищество, умение ценить шутку²¹.

О том, что эти новые черты в письмах — не случайность и не просто результат приспособления к адресату риторически образованного автора, свидетельствуют отношения Пселла с известным вельможей, авантюристом и жуиром, братом императора Константина X — кесарем Иоанном Дукой (интенсивная переписка относится к 60-м годам). Значительная часть писем — изысканные риторические безделушки с минимальной информационной нагрузкой. Корреспонденты чрезвычайно ценят эту эпистолографическую связь, Дука даже коллекционирует письма партнера. Придерживаясь весьма высокого мнения об образованности друг друга, они особенно внимательны к эстетической стороне «учености» и потому нередко превращают свои послания в эстетическую самоцель. Для их отношений — весьма близких и даже интимных — характерна терпимость и готовность простить недостатки, которые им представляются не столько подлежащим непременно осуждению отступлением от торжествующей нормы, сколько слабостью, вызывающей снисходительную улыбку. Отсюда в этих письмах легкая ирония и самоирония, вообще свойственная тому стилю отношений, который мы условно называли «эпикурейско-горацианской» дружбой²².

Каждый новый корреспондент и обращенные к нему послания расширяют в нашем представлении диапазон личности Пселла. Иногда эта роль выпадает на долю не только адресата, но и героя писем писателя. Весьма интересной фигурой в этом смысле является монах Илья, упоминаемый в десяти посланиях. Илья — одна из наиболее колоритных личностей в истории XI в.²³ В доме Пселла этот незнатный и небогатый человек выполняет функции готового ко всем видам услуг полумута, полуслуги. Основное свойство его натуры — низменность. Бренное тело этого обжоры и волокиты постоянно берет верх над не очень сильными духовными порывами. Илья, однако, сложнее, чем может показаться с первого взгляда. Склон-

P. Canart. Op. cit., p. 60); Ясит входил в окружение Евстратия Хирсфакта. Если последний идентичен упомянутому нами выше Хирсфакту, то Ясит также находился в сфере кружка Аристина и его товарищей.

²⁰ О Пофосе см. *P. Levy. Michaelis Pselli de Gregorii Theologi caractere iudicium. Lipsiae, 1912, S. 29—35*; о Малеси см. *N. Duye. Op. cit.*, ср. *Я. Н. Любарский. Пселл в отношениях с современниками («Пселл и фемные судьи»)*, стр. 20, 23, 24.

²¹ Подробно об отношениях Пселла с братьями Кирулариями см. *Я. Н. Любарский. Пселл в отношениях с современниками (Пселл и семья Кирулариев)*.

²² Подробно об отношениях с Иоанном Дукой см. *Я. Н. Любарский. Пселл в отношениях с современниками (2. Михаил Пселл и Дуки)*, стр. 83—87.

²³ Подробно см. *Я. Н. Любарский. Византийский монах XI в. Илья*.

ный к лицедейству монах, скорее всего, сознательно играет роль шута, в которую низменность пристрастий входит как обязательный компонент. Любопытно отношение к монаху писателя. Для его характеристики Пселл находит самые высокие слова, не останавливаясь даже перед тем, чтобы сравнить своего героя с Платоном. Одаренность, житейская опытность, живой нрав, актерский талант делают Илью незаурядной личностью. В фигуре этого человека находит выражение то взаимопроникновение «верха» и «низа», которое было столь характерно для средневекового, в частности византийского, мышления²⁴.

То, что человек типа Ильи оказался в сфере притяжения и объектом горячих симпатий утонченного интеллектуала и первого философа империи, может показаться неожиданным. Натура Пселла оказывается шире и многообразней, чем можно заключить даже из его собственных деклараций. Почти болезненное увлечение лицедейством, интерес к изнанке человеческой природы и сфере «низменного» — такие же отличительные черты писателя, как его интеллектуализм или эпикурейские тенденции.

Связи Пселла с современниками — не только притяжения, но и отталкивания. История взаимоотношений писателя с людьми ему враждебными не менее, чем с друзьями, может дать богатый материал для характеристики его личности. Наиболее интересны в этом отношении сочинения, обращенные Пселлом к патриарху Михаилу Кируларию и временщику императрицы Феодоры Льву Параспондилу.

Отношения Пселла и Кирулария — одна из самых драматических страниц византийской истории XI в. В поведении Пселла, который должен был «добить» уже поверженного патриарха и составил для произнесения в синоде в 1058 г. длинную обличительную речь против того, кому раньше льстил, историки видели предательство, сервилизм и моральную растленность. Детальное рассмотрение взаимоотношений этих людей, хотя и не освобождает писателя от тяжких обвинений, тем не менее представляет события в значительно более сложном освещении. Пселл сыграл — вернее, должен был сыграть — зловещую роль в судьбе патриарха отнюдь не только потому, что, будучи человеком «без чести и совести», готов был любой ценой выполнить волю императора Исаака Комнина. На протяжении долгих лет Пселл испытывал к Кируларию чувство раздражения и неприязни, в котором тесно переплетались личные и общественные мотивы. Наиболее яркое выражение чувство это получило в речи (письме?), составленной незадолго до трагической развязки (Bibl. gr., V, № 207), где «ученый, добрый, снисходительный и земной» Пселл противопоставляется «презирающему науки», «жесткому», «суровому и отказавшемуся от всего земного» патриарху²⁵.

Перед нами не простая перепалка между философом и священнослужителем, а явное противостояние двух противоположных нравственных типов человека. Четкое разграничение этих двух типов людей прослеживается и во взаимоотношениях Пселла с временщиком императрицы Феодоры Львом Параспондиллом. За исключением некоторых деталей Параспондил рисуется теми же красками, что и Кируларий. Так же как и константинопольский патриарх, он суров, замкнут в себе и недоступен всему земному. Отношение Пселла к Параспондилу также чрезвычайно напоминает его отношение к Кируларию: при внешнем почтении и даже восхищении — внутреннее неприятие и отстранение. Люди характера Параспондила, по Пселлу, вообще не имеют права заниматься государственными делами, земные заботы — не их удел²⁶.

²⁴ См. М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле. М., 1965, стр. 157 сл.; А. П. Каждан. Византийская культура. М., 1968, стр. 162 сл.

²⁵ Подробно о взаимоотношениях с Кируларием см. наши статьи «Михаил Пселл и Михаил Кируларий», «Пселл в отношениях с современниками (Пселл и семья Кирулариев)».

²⁶ Подробно об отношениях с Параспондиллом см. Я. Н. Любарский. Пселл в отношениях с современниками (1. Михаил Пселл и Лев Параспондил).

В отношении к Кируларию и Параспондилу нашла выражение нелюбовь писателя к тому типу людей, которые наиболее полно воплощали в себе аскетическую тенденцию византийской культуры. В связи с этим интересно рассмотреть отношение Пселла к тому сословию византийского общества, которое по своему положению должно было являться воплощением этих тенденций: монашеству.

Монашеская стихия со всех сторон окружала каждого византийца²⁷. Пселл не был в этом отношении исключением. Его отец и мать кончают свои дни в монастыре, друзья его юности еще в молодые годы принимают монашество, двое из них становятся константинопольскими патриархами, третий — митрополитом. На протяжении всей жизни Пселл находится в переписке с высшими духовными сановниками империи²⁸. В его письмах все время мелькают имена простых монахов, которым писатель просит своих влиятельных корреспондентов оказать покровительство²⁹. Целые монастыри (большая часть принадлежащие ему на правах *харистіκια*) пользуются покровительством писателя. Наконец, уже в возрасте 37 лет сам Пселл становится монахом.

В принципе писатель согласен признать превосходство аскетического образа жизни и монашеской простоты над изысканной интеллектуальной атмосферой, которой он старался окружить себя. «Я не так люблю искусных и мудрых мужей, как бесхитростных стариков вроде тебя: язык у них всегда в согласии с сердцем, речь сдобрена солью, а стиль письма простой, но одухотворенный», — отвечает Пселл некоему олимпийскому монаху. «Нелицемерный монашеский нрав» радует писателя, и он надеется успеть пожить среди удалившихся от суеты людей (*Bibl. gr.*, V, p. 262.13—17). «Молись за меня, чтобы я отрешился от мирской суеты и стал бы жить с вами», — пишет он некоему Пентактену, незадолго до этого принявшему монашество (*Scr. min.*, II, p. 142.8—10)³⁰. Декларации подобного рода — общее место византийской литературы. Как и всегда в этих случаях, внимание следует обращать не столько на прямой смысл трафаретных высказываний, сколько на тон, которым они делаются. Одно из подобного рода писем направлено двум хиосским монахам Никите и Иоанну (*Scr. min.*, II, № 36). Оба персонажа хорошо известны: это те самые монахи, устраивавшие совместно с некоей Досифеей запретные оргии и порицавшие будущее, за покровительство которым Пселл сурово порицал патриарха Михаила Кирулария. Обвинительная речь против Кирулария, где повествуется об этом эпизоде, была написана в 1058 г.; в письме Пселл еще относится к Никите и Иоанну со всем почтением, следовательно, оно должно было быть написано до этого времени. В послании писатель представляет себя в виде кающегося грешника: он преисполнен гордыни своим знанием — *τοῖς ἀπὸ τῆς γυώσεως ἀγαθοῖς* (*Scr. min.*, II, p. 58.20), до глубины души

²⁷ См. *P. Charanis. The Monk in Byzantine Society.* — *DOP*, 25, 1971.

²⁸ Наибольшее число писем Пселла обращено к антиохийскому патриарху (*Scr. min.*, II, № 82, 134, 135, 138, 139; *Bibl. gr.*, V, № 42, 61, 181, а также три неопубликованных письма — см. *P. Canart. Op. cit.*, p. 53, № 7, 8, s. 60, № 17; *G. Weiss. Op. cit.*, S. 33). Имя патриарха (Эмилиан, занимал престол в 70-е годы) указано только в леммах писем, сохранившихся в Эскуриальской рукописи. Все ли письма адресованы этому патриарху, неясно. Показания против такой атрибуции содержатся только в *Bibl. gr.*, V, № 42, относящемся, скорее всего, ко времени Константина Мономаха. Ср. *G. Weiss. Op. cit.*, S. 33, Anm. 90. Эмилиана, по нашим предположениям, имеет в виду Пселл и в письме к Пофосу (*Bibl. gr.*, V p. 498; 7; см. *Я. Н. Любарский. Пселл и фемные судьи*, стр. 20—21). Как явствует из *Scr. min.*, II, № 88, послание составлялось писателем уже в немолодом возрасте. Пселла связывали с патриархом дружеские взаимоотношения, он ходатайствует за своих подопечных и в свою очередь предупреждает его о грозящей беде. Имеется в виду, видимо, решение Михаила VII доставить мятежного патриарха Эмилиана в Константинополь. С этим заданием был послан в Антиохию в 1074 г. Исаак Комнин.

²⁹ *Bibl. gr.*, V, № 31, 140, 158; *Scr. min.*, II, № 95, 166, 204, 205 и др.

³⁰ Тот же мотив встречается в письме и архимандриту Олима (*Scr. min.*, II, № 112). Эти письма, скорее всего, были написаны около 1054 г., в период, когда Пселл принял монашество и готовился к переселению в монастырь.

сожалеет о собственной испорченности и вполне признает, что земное знание, которым он так гордится, не может помочь постижению божественного. Раскаяние это, однако, скорее идет от ума и абстрактного сознания долга, нежели от сердца; во всяком случае сам писатель признает, что он не страдает от своих «пороков» и не радуется «добродетелям». «Нередко, наедине с собой, — пишет он, — мысленно кладу я на чаши весов свое достоинство. На одну — прегрешения против бога, на другую — то, что приобрел своим рвением из книг. Сравнив то и другое, я понимаю, что худого у меня больше, чем хорошего, но этим малым я горжусь сильнее, чем огорчаюсь многим» (Scr. min., II, p. 60.3—9). Таким образом, «книжное», земное знание, в преданности которому он как будто раскаялся, искупает для него даже прегрешения против господ. Такое «раскаяние» похуже любого упорства в «грехе»!

Естественно, что когда писатель сам столкнулся с необходимостью отречения от мира и ухода в монастырь, это решение превратилось для него в большую нравственную проблему. Его колебания нашли выражение не только в переписке с Ксифилином, где сомнения писателя ярко выступают на фоне твердости будущего патриарха. В письме, адресованном какому-то монаху (Scr. min., II, № 170), выражая, как и положено, желание уйти в монахи, Пселл тут же признает, что его отвлекают светские мысли (*φιλοκόσμοις ἀνακοπήμενοι λογισμοῖς*. — Scr. min., II, p. 194.7—8), и он находит утешение в эпистолярном общении с адресатом. Неприятие аскетических идеалов Пселл вовсе не считает нужным скрывать и во второй части похвального слова матери, созданного около 1054 г. Восхвалив вначале, как и положено, подвижничество матери, Пселл в конце недвусмысленно заявляет о своей неспособности следовать ее примеру: «Я могу восхищаться и испытывать восторг перед тобой, — обращается он к матери, — но подражать не в состоянии. . .» (Bibl. gr., V, p. 52.15—16). Заявление это Пселл сделал как раз в тот момент, когда сам должен был вступить на путь спасения души. . .

Против чрезмерного усердия в исполнении монашеских обетов Пселл считает своим долгом предупредить и других. Когда некий Симеон Кенхри — в прошлом человек в высшей степени светский (Bibl. gr., V, p. 286.30 sq.) — стал монахом, Пселл, выражая естественные восторги по поводу этого события, тем не менее предупреждает его от излишнего усердия (Bibl. gr., V, p. 286.18): «Не избирай безраздельного пути добродетели, а то остушишься». Писатель предлагает Симеону «средний, поистине царский путь», на который он вступил сам (Bibl. gr., V, p. 286.26—27) и который несет с собой многие прелести³¹.

Понятно, что близкие контакты писателя с монахами на Вифинском Олимпе, где он монашествовал в 1056 г., не приносят ничего, кроме взаимного разочарования и недовольства. Любопытное свидетельство этому — обмен ругательными посланиями между Пселлом и монахом монастыря Синкела Иаковом, имевший место, видимо, сразу после возвращения писателя в Константинополь. Играя на названии горы, где находился монастырь (Олимп), и, по естественной ассоциации, олицетворяя Пселла с Зевсом, автор эпиграммы Иаков утверждает, что Пселл-Зевс покинул Олимп, поскольку там не было его богинь (Bibl. gr., V, p. 177). Намек на женолюбие Пселла, засвидетельствованное в других случаях им самим, достаточно прозрачен³². В ответ Пселл разражается длиннейшим посланием, пародирующим церковный канон и в разных видах варьирующим тему пьянства Иакова. Обвинение монахов в грехе пьянства обычно

³¹ Можно ли делать отсюда вывод, что Пселл писал это письмо будучи монахом, но находясь на царской службе, т. е. после 1056 г.?

³² Эпиграмма эта переведена М. Л. Гаспаровым в кн.: «Памятники византийской литературы IX—XIV веков». М., 1969, стр. 288. Вряд ли нужно предполагать, как это делает автор комментария (там же, стр. 448), что под богинями имеется в виду императрица Феодора и ее свита.

для средневековья. Знаменательна форма инвективы — пародия на канон. Монотонность и бесконечное повторение, которое в состоянии выдержать только византийское ухо, сочетается в этом «каноне» с гиперболами и образами раблезианского типа³³.

Иаков — не единственный представитель монашеского сословия, который вступил в конфликт с Пселлом в связи со светскими пристрастиями последнего. Длинное ответное послание направил Пселл некоему монаху по имени Феревий (Bibl. gr., V, p. 167), недовольному тем, что писатель проводит время во дворце и общается с царями (Bibl. gr., V, p. 427. 10—11). На Феревия обрушивается поток обвинений в пристрастии к играм, флейтистам, обжорству и пр.

Отношение Пселла к монахам и монашеству достаточно однозначно. Пселл не испытывает никакой принципиальной неприязни к монахам как к сословию (ее, во всяком случае в четко выраженной форме, трудно представить себе в монашеской Византии XI в.), но совершенно очевидно избегает утрирования аскетических тенденций. В этом смысле линия его поведения оказывается удивительно последовательной на протяжении всей жизни. Вспомним, что Пселл — уже старик — горячо отговаривал друга своей юности Мавропода от ухода в монастырь.

Существенные штрихи к образу Пселла могут добавить и послания, не составляющие больших циклов, а направленные различным, часто анонимным адресатам, представляющие собой как бы деловую, будничную корреспонденцию высокопоставленного византийского чиновника. Такие письма образуют основную часть эпистолярного наследия и адресовались большей частью высшим столичным должностным лицам и провинциальным администраторам — судьям³⁴. Чаще всего эти послания представляют собой рекомендательные письма, просьбы или, напротив, обещания услуг. Судя по этим письмам, Пселл вольно или невольно находился в центре разветвленной системы связей, которая почти безотказно обеспечивала продвижение в чине, назначение на должность, уклонение от наказания и пр.

Любопытны мотивы, которые выдвигает Пселл, когда он ходатайствует за своих протеже. Автор писем почти никогда не упоминает достоинств рекомендуемого лица, зато постоянно ссылается на его «бедность» или тяжелое положение, скорее пытаясь воздействовать на чувства христианского милосердия у адресата, нежели убедить его в целесообразности оказания протекции. Но христианское милосердие — не единственное чувство, к ко-

³³ Сочинение в стихах аналогичного типа, исполненное отборных ругательств, направил Пселл и некоему монаху Савваиту (Scr. min., I, p. 220 sq.). Об этом же Савваите см. Bibl. gr., V, № 35. Временные рамки для стихов против Савваита можно установить только очень приблизительно. В период его написания правил император (мужского пола), который «отдал ключи от неба познавшему Христа» (Scr. min., II, p. 76—77). Из метафоры ясно, что в царствование этого императора был рукоположен патриарх. Таким образом, стихи могли быть написаны в периоды правления: 1) Константина IX Мономаха (рукоположен Михаил Кируларий), 2) Исаака I Комнина (рукоположен Константин Лихуд), 3) Константина X Дуки (рукоположен Иоанн Ксифилин). Первая возможность представляется нам маловероятной, хотя именно на ней настаивает Л. Штернбах (Ein Schmähdgedicht des M. Psellos). — «Wiener Studien», 25, 1903, S. 11). По мнению ученого, разделявшего точку зрения Б. Родюса, письмо Bibl. gr., V, № 35, в котором также упоминается распри с Савваитом, относится к 1053—1054 гг., так как там речь якобы идет об Элпидии, неудавшемся зяте Пселла, которого тот называет сыном и которого он аттестует адресату в качестве судьи Армениака. Однако *ὁὶς* никак нельзя безоговорочно отнести к Элпидии, во-первых, потому, что слово это не обязательно должно в эпистографии обозначать родство или свойство, во-вторых (если уже стать на точку зрения Родюса—Штернбаха), таким образом мог быть назван и новый зять Пселла. Не поддерживает критики также атрибуция письма Bibl. gr., V, № 35 Иоанну Мавроподу. Письмо явно обращено к митрополиту Амасии, последний же отнюдь не идентичен митрополиту Евхаит. Характерно, что наиболее резкие сатирические произведения адресуются Пселлом представителям монашеского сословия!

³⁴ Отношения Пселла с провинциальными судьями посвящена наша статья «Пселл и фемные судьи».

тому апеллирует писатель. На страницах этой части корреспонденции постоянно встречается уже примелькавшееся понятие *φιλία*. В данном случае, однако, оно применяется уже не в письмах к интимным друзьям и даже не близким знакомым, а к весьма широкому кругу людей, часто едва известных автору. Вместе с расширением круга лиц, входящих в сферу действия *φιλία*, необычайно расширяется и само это понятие, которое скорее следует переводить словом «дружелюбие», а не «дружба»³⁵.

Φιλία предполагает определенный кодекс, основные положения которого сводятся к следующему. *Φιλία* всемогуща, особенно если она связывает людей разумных и деятельных; у друзей все общее; истинный друг немедленно исполняет просьбы; ходатайства за друга и исполнение его просьб — удовольствие, поскольку оно — лучшая возможность проявления дружеских чувств; друг моего друга — мой друг и т. д.

Традиционная античная *φιλία*, соединяясь с идеями христианского милосердия, переводится в полуделовой переписке в практический план и становится мотивом реальных поступков и действий. Как универсальная личностная связь *φιλία* оказывается для Пселла своеобразным субститутотом государственных отношений и даже приходит в противоречие с правовыми нормами и «справедливостью» (*δικαιοσύνη*). В связи с этим приходится признать несправедливой или во всяком случае не вполне справедливой точку зрения ряда исследователей, согласно которой Пселл — лишь тип коррумпированного и разложившегося чиновника — «печальное порождение печального времени»³⁶. Коррупция — всегда нарушение или разложение какой-то устоявшейся системы. *Φιλία* же, по мотивам которой действовали высокопоставленные византийцы, в том числе Пселл, — сама представляла собой уже сложившуюся систему со своими нравственными ценностями и нормами. То, что, например, для жестоко порицавшего Пселла русского ученого П. Безобразова, жившего в условиях коррупции бюрократического аппарата царской России, представлялось лишь бесстыдным нарушением законности, для византийского писателя было выполнением определенных требований кодекса *φιλία*.

Разбирая отношения Пселла с современниками, мы намеренно обошли молчанием одну категорию лиц, с которыми писателя связывали самые тесные узы на всем протяжении его жизни, — византийских императоров. Увлекательная сама по себе тема Пселл — императоры неминуемо привела бы нас к кругу проблем, выходящих за рамки настоящей работы. Кроме того, письма и панегирики писателя василевсам по необходимости превращались в выражение верноподданнической преданности и восхищения, за которыми, как правило, почти до конца скрывалась личность автора. И только для двух византийских самодержцев, как нам кажется, следует сделать исключение, поскольку в отношениях с ними достаточно ярко проступает индивидуальность автора, — Константина X и Михаила VII Дук. Образы царственного отца и сына (особенно последнего) в «Хронографии» и других произведениях лепятся Пселлом в соответствии с его представлениями об идеальном императоре. Ко второму из них глагол «лепить» может быть применен не только в смысле литературного изображения. Как воспитатель молодого императора Пселл принимал самое непосредственное участие в формировании личности Михаила.

Отцу и сыну одинаково свойственны традиционное царское человеколюбие (*φιλανθρωπία*), кротость (*πραότης*), скромность (*σωφροσύνη*), справед-

³⁵ Несовпадение понятий *φίλος* и *φιλία* со значением, соответствующим в новых языках «другу» и «дружбе», давно отмечалось филологами уже для эллинского времени. «Слова *φίλος* и *φιλία* употребляются не для обозначения тесной связи, но для характеристики хороших отношений со всевозможными нюансами» (Н. Koskeniemi. Op. cit., S. 116). Слова эти употреблялись даже в отношении деловых партнеров (см. F. Preisigke. Wörterbuch der griechischen Papyruskunden. Berlin—Göttingen, Bd. II, s. v.).

³⁶ Эта точка зрения отчетливо представлена у П. Безобразова (П. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 189 сл.).

для средневековья. Знаменательна форма инвективы — пародия на канон. Монотонность и бесконечное повторение, которое в состоянии выдержать только византийское ухо, сочетается в этом «каноне» с гиперболами и образами раблезианского типа³³.

Иаков — не единственный представитель монашеского сословия, который вступил в конфликт с Пселлом в связи со светскими пристрастиями последнего. Длинное ответное послание направил Пселл некоему монаху по имени Феревий (Bibl. gr., V, р. 167), недовольному тем, что писатель проводит время во дворце и общается с царями (Bibl. gr., V, р. 427. 10—11). На Феревия обрушивается поток обвинений в пристрастии к играм, флейтистам, обжорству и пр.

Отношение Пселла к монахам и монашеству достаточно однозначно. Пселл не испытывает никакой принципиальной неприязни к монахам как к сословию (ее, во всяком случае в четко выраженной форме, трудно представить себе в монашеской Византии XI в.), но совершенно очевидно избегает утрирования аскетических тенденций. В этом смысле линия его поведения оказывается удивительно последовательной на протяжении всей жизни. Вспомним, что Пселл — уже старик — горячо отговаривал друга своей юности Мавропода от ухода в монастырь.

Существенные штрихи к образу Пселла могут добавить и послания, не составляющие больших циклов, а направленные различным, часто анонимным адресатам, представляющие собой как бы деловую, будничную корреспонденцию высокопоставленного византийского чиновника. Такие письма образуют основную часть эпистолярного наследия и адресовались большей частью высшим столичным должностным лицам и провинциальным администраторам — судьям³⁴. Чаще всего эти послания представляют собой рекомендательные письма, просьбы или, напротив, обещания услуг. Судя по этим письмам, Пселл вольно или невольно находился в центре разветвленной системы связей, которая почти безотказно обеспечивала продвижение в чине, назначение на должность, уклонение от наказания и пр.

Любопытны мотивы, которые выдвигает Пселл, когда он ходатайствует за своих протеже. Автор писем почти никогда не упоминает достоинств рекомендуемого лица, зато постоянно ссылается на его «бедность» или тяжелое положение, скорее пытаюсь воздействовать на чувства христианского милосердия у адресата, нежели убедить его в целесообразности оказания протекции. Но христианское милосердие — не единственное чувство, к ко-

³³ Сочинение в стихах аналогичного типа, исполненное отборных ругательств, направил Пселл и некоему монаху Савваиту (Scr. min., I, р. 220 sq.). Об этом же Савваите см. Bibl. gr., V, № 35. Временные рамки для стихов против Савваита можно установить только очень приблизительно. В период его написания правил император (мужского пола), который «отдал ключи от неба познавшему Христа» (Scr. min., II, р. 76—77). Из метафоры ясно, что в царствование этого императора был рукоположен патриарх. Таким образом, стихи могли быть написаны в периоды правления: 1) Константина IX Мономаха (рукоположен Михаил Кируларий), 2) Исаака I Комнина (рукоположен Константин Лихуд), 3) Константина X Дуки (рукоположен Иоанн Ксифилин). Первая возможность представляется нам маловероятной, хотя именно на ней настаивает Л. Штермбах (Ein Schmähgedicht des M. Psellos). — «Wiener Studien», 25, 1903, S. 11). По мнению ученого, разделившего точку зрения Б. Родюса, письмо Bibl. gr., V, № 35, в котором также упоминается распря с Савваитом, относится к 1053—1054 гг., так как там речь якобы идет об Эллидии, неудавшемся зяте Пселла, которого тот называет сыном и которого он аттестует адресату в качестве судьи Армениака. Однако *ὁ υἱός* никак нельзя безоговорочно отнести к Эллидии, во-первых, потому, что слово это не обязательно должно в эпистографии обозначать родство или свойство, во-вторых (если уже стать на точку зрения Родюса—Штермбаха), таким образом мог быть назван и новый зять Пселла. Не поддерживает критики также атрибуция письма Bibl. gr., V, № 35 Иоанну Мавроподу. Письмо явно обращено к митрополиту Амасии, последний же отнюдь не идентичен митрополиту Евхаит. Характерно, что наиболее резкие сатирические произведения адресуются Пселлом представителям монашеского сословия!

³⁴ Отношения Пселла с провинциальными судьями посвящена наша статья «Пселл и фемные судьи».

тому апеллирует писатель. На страницах этой части корреспонденции постоянно встречается уже примелькавшееся понятие *φιλία*. В данном случае, однако, оно применяется уже не в письмах к интимным друзьям и даже не близким знакомым, а к весьма широкому кругу людей, часто едва известных автору. Вместе с расширением круга лиц, входящих в сферу действия *φιλία*, необычайно расширяется и само это понятие, которое скорее следует переводить словом «дружелюбие», а не «дружба»³⁵.

Φιλία предполагает определенный кодекс, основные положения которого сводятся к следующему. *Φιλία* всемогуща, особенно если она связывает людей разумных и деятельных; у друзей все общее; истинный друг немедленно исполняет просьбы; ходатайства за друга и исполнение его просьб — удовольствие, поскольку оно — лучшая возможность проявления дружеских чувств; друг моего друга — мой друг и т. д.

Традиционная античная *φιλία*, соединяясь с идеями христианского милосердия, переводится в полуделовой переписке в практический план и становится мотивом реальных поступков и действий. Как универсальная личностная связь *φιλία* оказывается для Пселла своеобразным субститутутом государственных отношений и даже приходит в противоречие с правовыми нормами и «справедливостью» (*δικαιοσύνη*). В связи с этим приходится признать несправедливой или во всяком случае не вполне справедливой точку зрения ряда исследователей, согласно которой Пселл — лишь тип коррумпированного и разложившегося чиновника — «печальное порождение печального времени»³⁶. Коррупция — всегда нарушение или разложение какой-то устоявшейся системы. *Φιλία* же, по мотивам которой действовали высокопоставленные византийцы, в том числе Пселл, — сама представляла собой уже сложившуюся систему со своими нравственными ценностями и нормами. То, что, например, для жестоко порицавшего Пселла русского ученого П. Безобразова, жившего в условиях коррупции бюрократического аппарата царской России, представлялось лишь бесстыдным нарушением законности, для византийского писателя было выполнением определенных требований кодекса *φιλία*.

Разбирая отношения Пселла с современниками, мы намеренно обошли молчанием одну категорию лиц, с которыми писателя связывали самые тесные узы на всем протяжении его жизни, — византийских императоров. Увлекательная сама по себе тема Пселл — императоры неминуемо привела бы нас к кругу проблем, выходящих за рамки настоящей работы. Кроме того, письма и панегирики писателя василевсам по необходимости превращались в выражение верноподданнической преданности и восхищения, за которыми, как правило, почти до конца скрывалась личность автора. И только для двух византийских самодержцев, как нам кажется, следует сделать исключение, поскольку в отношениях с ними достаточно ярко проступает индивидуальность автора, — Константина X и Михаила VII Дук. Образы царственного отца и сына (особенно последнего) в «Хронографии» и других произведениях лепятся Пселлом в соответствии с его представлениями об идеальном императоре. Ко второму из них глагол «ленишь» может быть применен не только в смысле литературного изображения. Как воспитатель молодого императора Пселл принимал самое непосредственное участие в формировании личности Михаила.

Отцу и сыну одинаково свойственны традиционное царское человеколюбие (*φιλανθρωπία*), кротость (*πραότης*), скромность (*σωφροσύνη*), справед-

³⁵ Несовпадение понятий *φίλος* и *φιλία* со значением, соответствующим в новых языках «другу» и «дружбе», давно отмечалось филологами уже для эллинского времени. «Слова *φίλος* и *φιλία* употребляются не для обозначения тесной связи, но для характеристики хороших отношений со всевозможными нюансами» (*H. Koskeniemi. Op. cit., S. 116*). Слова эти употреблялись даже в отношении деловых партнеров (см. *F. Preisigke. Wörterbuch der griechischen Papyruskunden. Berlin—Göttingen, Bd. II, s. v.*).

³⁶ Эта точка зрения отчетливо представлена у П. Безобразова (*П. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 189 сл.*).

ливость (*δίκαιοσύνη*), их отличает необыкновенная любовь к наукам и ученым. Все эти свойства без сомнения входят в традиционный набор императорских *ἀρεταί*, однако в других случаях у Пселла они — равноправные детали в мозаике из добродетелей. В изображении Константина и Михаила они — доминирующие качества. Оба «мирных» и «кротких» василевсы противопоставляются «воинственным» самодержцам типа Исаака Комнина и Романа Диогена, чья активная внешняя политика вызывает осторожное неодобрение писателя.

В отношениях Пселла с Дуками как будто встречается та редкая в истории ситуация, когда извечная проблема «поэта и царя» находит положительное решение: писатель не только принят и признан при дворе, но его идеальные представления получают воплощение в политике и в самом облике ученых и «милостивых» императоров. Однако на деле альянс писатель-василевсы был далек от той идиллии, которая царствует в сочинениях Пселла. Атмосфера 60-х и особенно 70-х годов в Византии — атмосфера кануна краха. Другие современные или жившие несколько позже писатели (Атталиат, Продолжатель Скилицы, Зонара и др.) остро ощущали несовместимость императорских «ученых забав» с Пселлом и обстановки, когда само существование империи находилось под угрозой. В их глазах отношения писателя с царственными Дуками, и особенно Михаилом, приобретали трагически-фарсовый характер «пира во время чумы». Таковыми в какой-то степени они и были. Не знающее границ упоение ученостью и знанием заставили Пселла и его коронованного ученика абстрагироваться от суровой реальности и навлечь на себя презрительное осуждение современников ³⁷.

Вскоре после отречения Михаила Пселл исчезает с исторической арены. Никаких отчетливых свидетельств о его деятельности после 1078 г. у нас нет.

* * *

Мы проследили отношения Пселла с разными его современниками, как бы «раздробив» образ писателя, в надежде на новый синтез. Настало время подвести итоги.

Письма Пселла пронизаны терминологией и духом *φιλία*, предстающей на разных уровнях, имеющей ряд градаций. Ее высший уровень — утонченная интеллектуальная дружба, связывающая писателя с Мавроподом, Лихудом, молодым Ксифилином и другими современниками. Ученость составляет основу этих отношений, общие интеллектуальные интересы и общее мироощущение с оттенком эстетизма — ее душу. В некоторых случаях этот тип *φιλία* приобретает свойства эпикурейско-горацианской дружбы, когда, помимо ученых занятий, партнеров связывает общность жизненных отношений, которое с известной натяжкой можно назвать гедонистическим. Иногда (в отношениях с Иоанном Дукой, например) эпикуреизм даже оттесняет на второй план интеллектуальные связи.

Другой уровень *φιλία* — широко трактуемые личностные связи между людьми, принадлежащими к господствующему классу, связи, подразумевающие определенные взаимные обязанности партнеров и кодекс поведения. Как уже отмечалось, эта *φιλία* выступает в некотором роде субститутотом официальных государственных связей. И наконец, последняя градация *φιλία* — вообще доброжелательное отношение к людям, даже едва знакомым ³⁸. Это уже самый низкий уровень, за которым могут следовать равнодушие и открытая неприязнь.

³⁷ Подробно см. Я. Н. Любарский. Пселл в отношениях с современниками (2. Михаил Пселл и Дуки), стр. 77—83.

³⁸ Насколько тонкой и малозначительной бывает связь при такого рода *φιλία*, показывает письмо Пселла Scg. min., II, № 216. «Не допусти, чтобы задержка с присылкой *ἀραβικὸν ξυλάριον* (арабской трости?) испортила нашу дружбу», — пишет Пселл своему корреспонденту.

Для своего бесперебойного функционирования *philía* нуждается в постоянном поддержании и обновлении, и лучшим средством для этого является обмен письмами, часто в сопровождении подарков. Нарушение в нормальном функционировании этой системы вызывает упреки, раздражение и разочарование корреспондентов. Отсюда обычный в византийской эпистолографии мотив горьких упреков за молчание ³⁹.

Итак, *philía* — отнюдь не только традиционная топка позднеантичной и византийской эпистолографии, как можно было бы подумать, встречая «дружескую» терминологию в письмах на протяжении добрых полутора десятка веков. Само существование указанной терминологии и топики (во всяком случае для XI в.) объясняется той ролью, которую играет это понятие в идеологии верхушки византийского общества.

Можно утверждать и большее. Понятие *philía* в XI в. имеет и некоторую социальную окраску. Ее культ разделяется отнюдь не всеми прослойками правящего класса. Монашеско-аскетические круги, выразителем идеологии которых в начале XI в. был Симеон Новый Богослов, презирали *philía*, полагая, что она, наряду с ученостью отвлекает человека от аскезы ⁴⁰. Тенденция эта продолжалась и при жизни Пселла. На таких позициях стоял нравственный и интеллектуальный антипод писателя Михаил Кируларий. Эти же идеи усвоил принявший монашество Ксифилин. Интересно, что Михаила Кирулария связывала с Симеоном отнюдь не только идейная преемственность: сподвижник Кирулария Никита Стифат был ближайшим учеником Симеона. Против пренебрежения *philía* Кируларием и Ксифилином Пселл выступал резко и неоднократно. Таким образом, культ *philía* характерен прежде всего для интеллектуальной элиты византийского общества с определенными светскими тенденциями.

Каким же является Пселл в своих многочисленных и многообразных связях с современниками? Сам писатель неоднократно пространно рассуждал о сложности и противоречивости человеческой природы ⁴¹. Вряд ли следует пытаться подвести под однозначные определения и его самого. Речь может идти только об основных, ведущих тенденциях личности, существование которых также им охотно допускалось.

Интеллект Пселла, столь ярко проявившийся в его связях с Мавроподом, Лихудом, молодым Ксифилином и рядом других ученых его друзей, — интеллект человека гуманистического или, вернее, предгуманистического склада. Этот интеллект горд своей избранностью, упоен могуществом и превосходством над окружающими и прямо противостоит склонной к самоуничтожению смиренной христианской учености. Эта «упоенность» нередко выливалась в тщеславие и неприкрытое хвастовство, вызывавшее сильное раздражение у исследователей нового времени.

Помимо традиционного для образованного византийца уважения к знанию мироощущение Пселла, равно как и некоторых его корреспондентов, включает в себя определенный эстетизм и то отношение к жизни, которое мы условно охарактеризовали как эпикурейско-горацианское. Нет нужды

³⁹ Византийцы умели великолепно пользоваться системой *philía* для достижения своих целей и прекрасно знали, по какому адресу им следует каждый раз обращаться. Пселл нередко служит передаточной инстанцией для просьб и делает это явно небескорыстно, ожидая, видимо, подобных услуг и для себя. В одном случае он в подкрепление своего ходатайства указывает, что его протеже — человек, близкий к императору (Bibl. gr., V, № 133). В письме к патриарху Антиохии (Bibl. gr., V, № 61, лемма не бесспорна) Пселл отмечает, что монах, за которого он просит, обратился именно к нему, поскольку только его ходатайство может иметь успех у адресата.

⁴⁰ См. А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — BS, 28, 1967, p. 20 sq. Пренебрежение *philía*, Каждан отмечает также и для современника Пселла Кекавмена. С нашей точки зрения, у Кекавмена нет однозначного отношения к проблеме дружбы.

⁴¹ См. Я. Н. Любарский. Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла. — ВВ, 33, 1972, стр. 94 сл.

объяснять, что то и другое резко противоречит монашеско-аскетической идеологии. Этот приобретенный еще в юности «идейный субстрат» оказался в натуре Пселла весьма устойчивым и долговременным. Лучшее тому доказательство — эволюция отношений Пселла с Ксифилином: к воздействию монашеской идеологии писатель оказался несравненно более стойким, чем друг его юности. Противоречие между этой стороной натуры писателя и «официальной» нравственной доктриной, которую он обязан был исповедывать, привели к метаниям и непоследовательности поступков Пселла, равно как и к противоречиям в отношениях с людьми.

С «эпикурейством», возможно, связана и другая черта личности Пселла, которую, казалось бы, трудно совместить с представлениями об утонченном философе и человеке элиты, — его влечение к той стороне жизни, которую с ригористических позиций строгой Византии нельзя было не оценить как «низменную». Юноша Пселл, не в силах пропустить празднество, не является на занятия к учителю; уже принявший монашество, в возрасте за сорок, он ищет возможностей посетить веселую свадьбу своего ученика; наконец, уже очень немолодой писатель отличает шута и балагура Илью, находя особое удовольствие в его фиглярстве и непристойных рассказах. Стихия «низа», как это случалось в средневековье, как бы компенсирует метафизическую абстрактность занятий и вольный или невольный аскетизм жизни писателя.

Пселл и его ближайшее окружение жили в определенном нравственном климате с его этическими нормами и категориями. Сострадание, душевная мягкость, прощение человеческих слабостей, нравственная гибкость — таков ряд этических категорий, исповедуемых писателем. Нетрудно видеть, что и он противостоит нравственному ригоризму монашеских кругов. Безусловно, грани между «нравственной гибкостью» и моральной беспринципностью, а то и прямым предательством часто бывают едва различимы, и Пселл, как никто другой, умел их переступать. Достаточно вспомнить поведение Пселла с Романом Диогеном и в определенной мере с Михаилом Кируларием, чтобы проиллюстрировать это утверждение, хотя мотивы его действий, особенно в последнем случае, много сложнее, чем думают некоторые исследователи. Но, даже отвлекаясь от этих исторических трагедий, активным действующим лицом которых не случайно оказался писатель, в своем рядовом, ежедневном поведении, в «бытовой» морали Пселл проявляет себя человеком, постоянно готовым к компромиссам и маневрированию, проявлениям сервилизма. Эти свойства — обратная сторона «нравственной гибкости» — особенно бросаются в глаза при сравнении его с прямым и твердым в своих принципах Мавроподом.

Говоря о «гуманистических», — вернее, «предгуманистических» — чертах личности Пселла, нельзя обойти молчанием и то обстоятельство, что таковыми же по своему типу были и функциональные связи писателя с окружающим миром и людьми. На протяжении почти всей жизни Пселл объединял в себе функции государственного деятеля, философа, ратора. Этот свойственный Ренессансу идеал соединения активной политической, ученой и литературной деятельности не только воплощался на практике, но и активно защищался им в ряде трактатов и писем. В сфере чисто интеллектуальной деятельности Пселл входит в состав ученых кружков, функционирование которых также чрезвычайно характерно для европейского гуманизма. И наконец, отношения Пселла с Дуками («просвещенные монархи» — придворный философ и наставник, образованный *bonvivant* и авантюрист Иоанн Дука и его ученый и снисходительный друг) — прообраз аналогичных связей, нередко устанавливавшихся в ренессансной Европе. Однако и в данном случае Пселл сумел переступить тот порог, который отделяет высокое от низкого, доблестное от смешного: его научно-литературные занятия с Михаилом VII на борту тонущего корабля империи закономерно вызвали насмешливое презрение современников.

Сделав попытку рассмотреть личность Пселла, мы не обнаружили в ней почти ни одной черты, поддающейся однозначному определению или оценке. Грани его образа нечетки и размыты, одни свойства переходят в другие, и почти ни одно из них нельзя занести только в нравственный «актив» или «пассив» писателя. В этом отношении Пселл мог бы занять достойное место в галерее лучших образов, созданных им в «Хронографии».

Эта усложненность и антиномичность внутреннего мира византийского интеллектуала XI в. сама по себе — знаменательное явление для того периода Византийской истории, которое с достаточными основаниями характеризуют как предгуманизм ⁴².

---

⁴² Еще К. Дитерих (*K. Dieterich. Byzantinische Charakterköpfe. Leipzig, 1908, S. 79*) указывал на сходство личности Пселла с выдающимися деятелями итальянского Ренессанса, в частности с Пьетро Аретино. Как всякие исторические аналогии, эти уподобления могут вызвать немало возражений, тем не менее действительные — существенные и не случайные! — черты сходства нельзя игнорировать.

С. В. ПОЛЯКОВА

К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИНО-ФРАНЦУЗСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ(«Повесть об Исминие и Исминии» Евмафия Макремволита
и «Роман о розе» Гийома де Лоррис)

Сопоставление на основе черт общности «Повести об Исминие и Исминии» и аллегорического романа Гийома де Лоррис может представиться на первый взгляд странным, чтобы не сказать неправомочным.

В самом деле, что, казалось бы, общего с сюжетом «Повести» имеет содержание старофранцузского романа: герою-рассказчику привиделось во сне, будто он попал в сад, принадлежащий Чувственному наслаждению. Оказавшись за оградой, пришедший отправляется осматривать сад, видит в волшебном источнике отражение розы, влюбляется в нее и хочет сорвать — Амур, следовавший за *Amant*'ом по пятам, стреляет в него из лука. Герой становится рабом бога любви, заболевает любовным недугом и стремится завладеть розой, которая тоже успела влюбиться в него. Добрый привет, Дружба, Жалость, Искренность помогают *Amant*'у, Злоязычие, Страх, Стыдливость и др. охраняют от него розу. Действие подвигается к развязке в чередовании любовных успехов и неудач, причем серьезные препятствия возникают как раз в моменты, когда герой уже почти у цели. Последняя помеха встает на пути влюбленного, после того как ему удастся поцеловать розу, — Злоязычие разглашает это, а Ревность возводит вокруг розового куста неприступную стену.

Роман Гийома де Лоррис обрывается на lamentациях героя, впавшего в отчаяние от новой и, кажется, окончательной неудачи. О дальнейшем развитии сюжета оставалось бы только гадать, не сохранись анонимной стихотворной развязки, содержащей конспективное изложение событий, следующих за этой сценой. Согласно анониму, *Amant* на одну ночь получает возможность обладать розой, и на этом кончается его сон, а вместе с ним и роман¹.

Едва ли когда-нибудь удастся установить, придумал ли автор приписки то, что рассказал, или ему каким-нибудь образом было известно, как Гийом предполагал завершить свой роман, но его версия несомненно отражала понимание средневековым читателем логики сюжета, т. е. была в известном смысле аутентичной. Показательно в этой связи, что другой продолжатель романа, Жан де Мён (Жан Клопинель) через 40 лет после смерти Гийома заканчивает повествование аналогичным образом: у него герой тоже завладевает розой.

Несмотря на внешнее несходство, византийский роман по существу — сюжетный вариант «Романа о розе». Напомним вкратце содержание «Повести»: целомудренный юноша Исминий, не ведающий любви и ее презирающий, пробуждает к себе любовь Исмины, дочери Сосфена, в доме кото-

¹ E. Langlois. Les Manuscrits du «Roman de la Rose». Lille, 1910, p. 207; *idem*. «Roman de la Rose», t. 1—5. Paris, 1914—1924 (ср. t. 1, p. 3 и прим. к ст. 4028). Впрочем, некоторые исследователи, и в их числе такой знаток, как Левис (C. S. Lewis. Allegory of Love. Oxford, 1936), считают, что по замыслу Гийома *Amant* в конце должен был отказаться от *fol amour* и подчиниться Разуму.

рого он как феор остановился. Сначала Исмий отвергает девушку, но вскоре становится рабом бога любви Эрота и влюбляется в Исмину. Далее, как у старофранцузского автора, чередуются успехи и неудачи, т. е. сближения и отдаления друг от друга любящих, и следующее за последним, по видимости, расставанием (корабельщики бросают девушку в море) печальное воссоединение.

Здесь и там, таким образом, герой превращается в адепта любви и слугу Эрота — Амура; в результате этого разворачивается серия эпизодов, повествующих о встречах и разлуках, сближениях и отдалениях друг от друга любящих, которые вопреки всем препятствиям соединяются наконец в финале.

То обстоятельство, что приключения у Гийома численно ограничены, обеднены в своей занимательности и не уводят за тесные пределы садовой ограды, создает иллюзию различия, затемняя сюжетное сходство. Ведь вместо столкновений с эфиопскими пиратами, скитаний по чужим городам и тому подобных событий, отбрасывающих влюбленных «Повести» друг от друга, *Amant* топчется вокруг розового куста: он то приближается к розе благодаря помощи своих друзей, то удаляется от нее вследствие козней врагов. Непохожести романов способствует и веристическая атмосфера «Повести» с ее не столь абстрактными, как у Гийома, и неизменно антропоморфными героями². Их более архаическая природа, как показывает пример Исмины, надежно скрыта за антропоморфным обликом героини, так как вегетативная ее сущность сохраняется лишь в схематизме поэтической речи, которая одна выдает тождество девушки и розы (см. III, 1; 6; IV, 22; V, 17; VI, 18. В последнем случае героиня уравнивается с садом как метафорой растительности вообще). Эти счастливым образом сохранившиеся следы былого тождества Исмины и розы позволяют сделать дальнейший шаг в сближении «Повести» и романа Гийома: роза, героиня Евмафия, оказывается спрятанной, как у старофранцузского автора, за оградой чудесного сада³, где юноша впервые видит ее и, влюбившись, пытается завладеть ею; на протяжении большей части повествования (до середины VIII книги) единственной ареной действия служит сад и все события разворачиваются в его границах.

Сюжетная схема, характерная для «Повести» и «Романа о розе» (разлука, поиски, соединение любящих), повторяет стереотипную схему греческого романа I—IV вв., восходящую к земледельческим мифам об умирающем и воскресающем божестве растительности (у обоих наших авторов еще проглядывают свидетельства вегетативного происхождения героини) с их серией разлук, поисков, страданий и обретения богиней своего возлюбленного или супруга⁴.

Так как Евмафий в качестве образца использовал греческий роман, главным образом «Левкиппу и Клитофонта» Ахилла Татия, все компоненты этой схемы выступают у него в обнаженной форме. Иное дело «Роман о розе». Мы попытаемся пересказать его, выделяя жанрообразующие признаки греческого романа: неискушенный в любви и скорее враждебный ей юноша, надменный или гордец, по принятой греческими *erotici scriptores* терминологии (*orgueil* ст. 867 и 1893), поработен богом любви и по его прихоти

² Евмафий остановился на полпути: ведущее положение у него не принадлежит еще чистым персонификациям, а лишь до крайности абстрактно трактованным действующим лицам.

³ Аналогично роману Гийома, где розу защищает, кроме высокой садовой ограды, вторая, построенная вокруг розового куста Ревностью, у Евмафии проглядывает представление о второй ограде, когда Исмина, уподобленная саду, говорит в VI, 8: «Исмий, меня, вот эту Исмину, ты любовно взлелеял как сад, обведи же меня оградой, чтобы рука путника не причинила мне вреда».

⁴ О. М. Фрейденберг. Происхождение греческого романа. — «Атеист», 1930, № 12; К. Керени. Die griechisch-orientalische Romanliteratur. Tübingen, 1927. Структура греческого романа компактно и удачно изложена И. М. Тронским (И. М. Тронский. История античной литературы. Л., 1951, стр. 273—274).

с первого взгляда влюбляется и заболевает любовной болезнью (ст. 1693 сл.; 2274 сл.)⁵. Героиня отвечает юноше взаимностью⁶, но судьба складывается так, что неблагоприятные обстоятельства постоянно отрывают любящих друг от друга. Затем, по-видимому, наступал перелом, скрытый за последним препятствием, так что Amant добивался соединения со своей возлюбленной.

Помимо общего сюжета, в «Повести» и романе Гийома наблюдается сходство отдельных частных⁷ — мотивов, персонажей (не считая фигур главных героев), образов и даже фраз. Всего можно отметить 9 случаев подобных примыканий:

1. Оба романа содержат рассказ о превращении недавнего противника бога любви в его покорного вассала или, по терминологии Евмафия, раба.

III, 9 (ср. III, 8 и III, 10)

см. 1882

Исминий из ненавистника любви становится рабом Эрота.

Vassaus, pris estes rien n'i a de destorner ne de defendre
(Вассал, вы пленены, нельзя это ни отворать, ни отразить⁸, — говорит Амур герою).

Юноша изъявляет богу полнейшее подчинение:

III, 10

см. 1897

Οὕτως ἔγω δουλολογαῖμαι τῷ Ἑρωτι
καινήν τινα δούλωσιν, οὐ μόνον σώματος,
ἀλλὰ καὶ ψυχῆς

Par Deu, volentiers me rendrai, ja
vers vos ne me desfendrai.//Ja Deu
ne place//que je pense//que j'aie ja
vers vos desfense,//car il n'est pas
resson ne droiz.//Vos poez quan que
vos voudroiz//feire de moi, pendre
ou tuer,//bien sai que je ne puis muer.//
car ma vie est en vestre main

Я изъявляю Эроту рабскую покорность, невиданную дотоле, которую никто никогда не изъявлял, покорность не только тела, но и души.

Клянусь богом, я охотно покорюсь, никогда не буду сопротивляться

⁵ Вопреки не чуждому средневековому Западу представлению о любви как душевной болезни (John. V. Fleming. The Roman de la Rose. Princeton, 1969, p. 119). следует, как нам кажется, предполагать, что Гийом воспринял его в составе других трафаретных элементов греческого романа; в пользу этого говорит и то, что болезнь Amant'a изображается им как не столько душевная, сколько телесная.

⁶ В этом пункте Гийом де Лоррис ближе к традиционной схеме, чем Евмафий, у которого инициатива на первых порах принадлежит героине, герой же остается равнодушным к любви.

⁷ Уоррен (F. M. Warren. A Byzantine Source for Guillaume de Lorris Roman de la Rose. Publication of the Modern Language Associat. of America, 31, 1916) тоже обратил внимание на сходство некоторых деталей романов Евмафия и Гийома. Согласно Уоррену, романы обнаруживают черты близости: украшенная аллегорическими фигурами садовая ограда, описание сада с его цветами и птицами, Амур, преследующий свою жертву, кристаллы источника любви, образ героини розы, защищенной оградой (р. 233—234), что, по его мнению, объясняется наличием общего источника (р. 241). Как мы покажем в дальнейшем, примеры Уоррена, за исключением одного, не могут рассматриваться как безусловные свидетельства связи между «Повестью» и «Романом о розе», так как встречаются не только у Евмафия и могли быть заимствованы Гийомом у другого средне- или древнегреческого автора. № 1, 3—5, 7—9 нашего перечня, тоже, впрочем, не составляющие исключительного достоинства Евмафия, ускользнули от внимания Уоррена.

⁸ При чтении старофранцузского текста я пользовалась прозаическим научным переводом Инайхена (Guillaume de Lorris. Der Rosenroman. Übersetzt v. G. Ineichen. Berlin, 1956), а также консультацией А. С. Бобовича, которому приношу здесь глубокую благодарность. «Роман о розе» цитируется по изданию: Guillaume de Lorris et Jean de Meun. Le Roman de la Rose, publié par Félix Lecoy, t. 1. Paris, 1965.

вам. Упаси бог, чтобы я помыслил, будто когда-нибудь стану сопротивляться вам, так как не имею на это ни основания, ни права. Вы можете делать со мной, что Вам угодно, — повесить меня либо убить. Я знаю, что ничего не в состоянии изменить: моя жизнь в ваших руках.

ст. 1916

tant ai oi de vos bien dire//que metre
veil tot a devise//cuer et cors en vostre
devise//car, se ge faz vostre vouloir
(Я столько слышал о вас хорошего, что хочу полностью и безоговорочно отдать свое сердце и всего себя на ваше усмотрение).

Здесь и там речь идет о присяге в верности: свое решение не возвращаться более в родной город и стать гражданином Авликомида, будучи внесенным «в число его граждан по списку служителей любви», Исминий облакает в форму клятвы или присяги (III, 8); сходным образом из слов *Amant'a* выясняется, что Амур, несмотря на готовность героя всецело ему подчиниться (ст. 1978 сл.), требует от него заверений и гарантий этого (*plege de moi ne seürte* — ст. 1977).

2. Подробно, как и в «Повести» Евмафия, описывается сад, украшенный благоухающими цветами, пышно разросшимися деревьями и источником. Он так прекрасен, что вызывает ассоциации с местами блаженных: Исминий в соответствии с языческим колоритом «Повести» сравнивает его с садом Алкиноя и Елисейскими полями (I, 4), называет «блаженным местом, краем богов» (II, 1), а *Amant* — земным раем (*paradis terrestre* — ст. 634). Доступ туда открыт одним избранным: у Гийома сад окружен высокой недоступной стеной, напоминающей обводную оборонительную (ст. 131), и герой попадает туда только вследствие расположения к нему Праздности, которая впускает юношу через боковую дверку. У Евмафия это представление несколько редуцировано: ничего не говорится, как того и требует веристический характер его повествования, о невозможности войти в сад, и автор ограничивается упоминанием о том, что «ровно настолько ограда поднималась ввысь, чтобы охранить сад от взоров и ворований» (II, 1)⁹.

Самой чудесной диковинкой оказывается здесь водоем с водометом. В саду Гийома это источник Нарцисса, мраморный водоем и фонтан; на его дне лежат два кристалла, в которых играют солнечные лучи и отражается все, что есть в саду (ст. 1536 сл.). Источник обладает свойством внушать чувство любви (ст. 1576 сл. и 1584 сл.). Водоем Евмафия лишен сказочных черт и представлен как совершенное произведение искусства (I, 5 сл.); потому вместо приворотных чар источника Нарцисса автор только «зарифмовывает» его с любовными переживаниями своих героев: первое знакомство Исмины и Исминия, когда девушка влюбляется в него (I, 8 сл.), и едва ли не все последующие любовные встречи происходят у этого водоема; здесь же в конце романа празднуется свадьба молодых людей «у того пиршественного стола и водоема, у которых впервые они воздвигли любовный чертог» (XI, 18).

В картине сада, как ее дают Евмафий и Гийом, есть еще одна примечательная черта сходства — описание украшающих его ограду аллего-

⁹ В византийских романах XIV в. сады приобретут более фантастические черты и сблизятся по своему типу с садом Гийома.

рических изображений. Их сюжеты там и тут не совпадают, так как Исминий видит в II, 1—11 аллегорические фигуры четырех кардинальных добродетелей, а затем триумф любви и в IV, 5—20 образы XII месяцев, Amant — фигуры, воплощающие различные пороки и состояния, которым в чудесном саду нет места, Ненависть, Неверность, Низость, Алчность, Печаль, Старость и др., но в обоих случаях это аллегии, выполненные с большой степенью вероподобности, что особо отмечается:

II, 2

ст. 144

Столь правдиво передал мастер при-
роду драгоценных камней

estoit par semblant cele ymage
о фигуре Ненависти говорится, что
«изображение было очень похожим»

IV, 5

ноги столь правдоподобно и искусно
нарисованы, что, взглянув, ты бы
сказал, что воин движется.

IV, 10

Глядя на него (на вышедшего из бани
человека. — С. П.), ты бы сказал,
что искупавшийся задыхается и сов-
сем обессилел от жары: так искусно
живописец сумел передать это кра-
сками.

IV, 13

...худой, весь в дырах (и это было
искусно передано красками) хитон.

3. *Compaig sege et celant* (ст. 2673), советчик и наставник в делах любви, к помощи которого неоднократно прибегал Amant (ст. 3109 сл. и 3201 сл.) имеет аналогию в образе Кратисфена из «Повести», друга Исминия, наставляющего его в любви (I, 10—14; II, 10—13).

4. Романы сближает также особое пристрастие их авторов к описанию снов. Языческие предшественники Евмафия, древнегреческие *erotici scriptores*, как непременную принадлежность своих книг рассматривали повествование о вещих сновидениях. Однако ни в одном греческом романе снам не было отведено столько места, сколько они занимают в «Повести»: несмотря на ее небольшой объем, Исминий пересказывает 10 снов. Так как все они с удивительной быстротой сбываются, невозможным оказывается провести границу между сном и явью. В результате этого возникает ситуация, близкая к представленной «Романом о розе», сюжет которого — сон, изложенный, «чтобы обрадовать ваши сердца» (ст. 32).

5. К этой же группе совпадений относится ведение рассказа от первого лица, тяготение к аллегории и наличие одинаковых аллегорических персонажей — Целомудрия, Чистоты, (*Chasteé*), Стыдливости (*Houte*) и Эрота-Амура, фигуры для обоих авторов уже превратившейся в персонафикацию любви.

Можно отметить и близкие тематически и лексически отрывки:

6. Описание игры цветовых оттенков в воде:

I, 5

ст. 1541 сл.

Τὸ δὲ γε καταρρέον ὕδωρ διαιδῶς ὃν πρὸς
τὰς τῶν λίθων χροιάς μετεβάλλετο. Τὸν
τοῦ φρέατος πυθμένα νησιώτης ἐκόσμη
λίθος λευκός μὲν ἀλλ' ὑπεμελαίνετο κατὰ
μέρη· καὶ τὸ μελάνωμα τέχνην ἐμιμείτο
ζωγράφου, ὥς ἐντεῦθεν δοκεῖν τὸ ὕδωρ

Quant li solaus, qui tot aguiete, //
ses rais en la fontaine giete // et la clarté
aval descent, // lors perent colors plus
de cent

κινεῖσθαι διηνεκῶς καὶ κατακυματοῦσθαι καὶ οἶον ἀνακυρτοῦσθαι

вода... меняла свои оттенки в зависимости от цвета камня. Дно водоема было устлано островным камнем; белый, он местами был покрыт черными прожилками; чернота эта спорила с искусством живописца: из-за нее казалось, что вода непрерывно движется, волнами вздымается и выгибается.

7. Описание цветов розы, находящихся в разных стадиях развития.

1, 4

τῶν ῥόδων τὸ μὲν προκύπτει τῆς κάλυκος, τὸ δ' ἐγκυμονεῖται, ἄλλο προέκυψεν· ἔστι δ' ὁ καὶ πεπανθὲν κατὰ γῆν ἐρρύη

Иные розы возникают из чашечки, иные лишь бременеют цветком, иные уже распустились, есть и такие, что, расцветши, успели осыпаться.

Когда всевидящее солнце бросает свои лучи в водоем и яркий свет опускается вниз, в воде возникает более сотни цветовых оттенков.

ст. 1637 сл.

si ot boutons petiz et clous, // et tex qui sont un poi plus grous // si en i a d'autre moison, // qui traient ja a lor seson // et s'aprestoient d'espanir. На кусте были небольшие и закрытые бутоны, и такие, которые были несколько крупнее, а также бутоны, появившиеся еще раньше, уже приближающиеся к расцветанию и готовые раскрыться.

8. Описание кровли из ветвей, защищающей сад от солнца.

1, 4

ст. 1367

δάφνη γὰρ καὶ μυρρίνη καὶ κυπάριττος καὶ ἄμπελοι καὶ τὰλλα τῶν φυτῶν... ἐφαπλοῦσι τοὺς κλάδους ὡς χεῖρας καὶ ὥσπερ χορὸν συστησάμενα κατοροφοῦσι τὸν κῆπον, ἐς τοσοῦτον δὲ τῷ ἡλίῳ παραχωροῦσι προκύφαι περὶ τὴν γῆν, ἐς ὅσον ὁ ζέφυρος πνεύσας τὰ φύλλα διέσεισεν

Ведь лавры, мирты, кипарисы, виноградные лозы и другие растения... протягивают, словно руки, свои ветви, как бы в хороводе, осеняют сад и лишь тогда дают лучам солнца коснуться земли, когда веяние легкого ветра колеблет листву.

mes li rain furent lonc et haut et por le leu garder de chaut // furent si espés par deseure // que li solaus a nes une eure // ne puet a la terre descendre // ne fere mal a l'erbe tendre.¹⁰

Ветви были длинные и высокие, и, чтобы оградить это место от зноя, столь густы в кронах деревьев, что солнце никогда не может ни достигнуть земли, ни причинить вред нежной траве.

9. Сорвать нерасцветшую розу — отнять девственность.

V, 17

ст. 2892

Ἵγρινία λέγουσα φεῖσαι παρθενίας ἐμῆς· μὴ πρὸ τοῦ θέρους ἐκτίλης τοὺς στάχους· μὴ τὸ ῥόδον τρυγῆσης πρὸ τοῦ προκύφαι

... Frere, vos beez // a ce qui ne puet avenir. // Coment! me volez vos honir? Vos m'avriez bien asoté, // se le bouton

¹⁰ Э. Ланглуа в примечании к ст. 78 (по принятой в его издании нумерации) приводит отрывок из *Descriptio loci ameni* Матве Вандомского, рассматривавшийся, как видно из одной маргиналии, еще читателем XIV в. как образец для этого пассажа Гийома. Однако *Vestit humum decus arborum, frigidusque propinas // Solis ad exsilium nititur umbra tepens // non infestat aquas solis calor, immo teporum // Ramorum series orbiculat fovet* Матве Вандомского, обнаруживая только отдаленное смысловое, а не вербальное сходство, на наш взгляд, — менее убедительная параллель, чем отрывок из «Повести», с которым текст Гийома совпадает по смыслу и образности.

τῆς κάλυκος, μὴ τὴν σταφυλὴν ὀμφακί-
ζουσιν. . . . Σὺ θερίσεις τὸν ἄσταχυν, ἀλλ'
ὅταν λευκανθῇ σοι τὸ λήιον· σὺ τὴν ῥοδωνιάν
ἀπανθίσσεις, ἀλλ' ὅταν πεπανθῇ τὸ ῥόδον
προκύβη τῆς κάλυκος

Исминий, пощади мою девственность,
не срежай до срока колосьев, не сры-
вай розу, пока она не раскрылась,
не тронь зеленого винограда. . .
Ты срежешь колос, но когда нива
засолотится; сорвешь розу, но когда
она расцветет. . .

aviez osté//de son rosier; n'est pas
droiture//que l'en l'oste de sa nature.//
Vilains estes du demander!//Lessiez
le croistre et amender

В ответ на просьбу героя сорвать
для него розу Добрый привет от-
вечает: «Брат, Вы хотите невозмож-
ного. Как! Неужто Вы хотите меня
опозорить? Я был бы глупцом,
если б Вы сорвали бутон с розового
куста; не подобает его отрывать
от родного лона. Вы — наглец, что
его домогаетесь. Оставьте его расти
и расцвести.

Не все параллели к роману Гийома, содержащиеся в перечне, в рав-
ной степени могут пролить свет на причину, обусловившую их происхож-
дение, а иные, возможно, возникли случайно, на основе сходных жизнен-
ных впечатлений или как следствие конвенциональной образности (особенно
справедливо такое предположение для № 6—9). Все же неосторожно было бы
объяснять хождение конвенциональной образностью, поскольку далеко
не все наши примеры подходят под эту рубрику; в равной мере нельзя
счесть совпадения случайными, так как их слишком много, и три номера
из девяти однотипны и восходят к кругу мотивов и образов греческого
романа (№ 1—3), принадлежа к постоянным особенностям этого литера-
турного вида ¹¹.

Мы не располагаем и источником, который мог бы послужить одновре-
менно Гийому и Евмафию ¹², так что остается истолковать парадоксаль-
ное сходство их романов заимствованием французского автора, жившего
позднее Евмафия, из «Повести». При современном состоянии наших сведе-
ний о византино-западных связях это предположение вполне обосновано,
поскольку, как показали исследования последних лет, связи между Ви-
зантией и Западом в первой трети XIII в. («Роман о розе» возник около
1230 г.) были достаточно тесны и влияние ее культуры на культуру латин-
ского мира достаточно интенсивно ¹³. Рассматривая в этом аспекте соб-
ранный в перечне материал, можно обнаружить одну несомненную рецеп-
цию из «Повести», описание ограды, так как оно не имеет аналогий в ан-
тичной и средневековой греко- и романоязычной литературе, включая
сюда и старофранцузскую, и до интересующего нас хронологического
рубежа (ок. 1230 г.) встречается только у Евмафия ¹⁴. Все остальные
детали, роднящие «Повесть» с «Романом о розе», могли появиться у Гийома
и вне зависимости от Евмафия, так как неоднократно встречались в про-
изведениях его предшественников. Поскольку регистрация даже одной
параллели к тексту «Романа» позволяет считать «Повесть» не единственно

¹¹ Указанные элементы не составляли исключительной принадлежности греческого романа, встречаясь в различных жанрах древне- и среднегреческой литературы. Однако совокупное их появление, как у Гийома, и вдобавок на фоне сюжетной схемы греческого романа, показательно для генеалогии этих номеров.

¹² В духе господствовавшей в начале века филологической школы Уоррен (op. cit., p. 235, 241) постулировал некий якобы общий источник, который он ближе не опре-
делил.

¹³ Вопрос о византино-западных связях привлекает к себе последнее время все больше и больше внимания; в результате этого, надо надеяться, традиционное умаление роли византийского воздействия на средневековую Европу будет преодолено.

¹⁴ Ланглуа (*E. Langlois. Origines et sources du Roman de La Rose. Paris. 1891, p. 76; idem. Roman. . .*, прим. к ст. 132 сл.; 1323 и 78 — по нумерации стихов, принятой в этом издании) и Уоррен (op. cit., p. 236) согласно свидетельствуют, что в западной литературе этот мотив отсутствует.

возможным источником Гийома, мы ограничиваемся минимумом аналогий, заимствуя их по преимуществу из древне- и среднегреческих источников ¹⁵. № 1: сцена изъяснения верности Амуру имеет самую убедительную параллель в романе Ксенофонта Эфесского (I, 1, и I, 4). № 2: описание сада широко представлено в греко-византийских памятниках и особенно характерно для греческого романа (Ахилл Татий, I, 15; Лонг, IV, 2) и эпистолографии (Аристенем, I, 3). № 3: образ наставника в любви и верного помощника героя типичен для греческого романа (Харитон, Ахилл Татий, Ксенофонт Эфесский). № 4: текст прокомментирован в перечне. № 5: форма личного рассказа, использование в качестве действующих лиц персонификаций и тяготение к аллегории — черты настолько распространенные во многих жанрах античной, византийской и западной средневековой литературы, что возводить их к какому бы то ни было источнику не представляется возможным. № 7: описание цветов розы в разные периоды их развития — излюбленное общее место античной и средневековой экфразы ¹⁶. № 9: срывание розы как метафора отнятия девственности — столь же популярное представление ¹⁷. Появление № 6 и 8, содержащих описание игры цветовых оттенков в воде и образованной раскидистыми ветвями кровли, могло быть обусловлено использованием сходных впечатлений жизненного опыта или простой случайностью.

Так как за совпадением стоит обычно несколько возможных авторов, для каждого случая затруднительно установить источник заимствования. Но, как уже было сказано, одна несомненная рецепция из «Повести» все же есть, и она свидетельствует о воздействии византийского романа на старофранцузский, а значит, и закрепляет за Евмафием почетную заслугу культурного посредничества между Византией и латинским миром: его роман оказал влияние на одно из самых прославленных произведений средневековой литературы.

Но если заимствование удовлетворительно отвечает на вопрос о происхождении по крайней мере части аналогий между романами Гийома и Евмафия — наличие одной бесспорной рецепции делает вероятным, что образец некоторого числа остальных тоже следует искать в «Повести» ¹⁸, — совпадение сюжетной схемы обоих романов не может быть объяснено рецепцией. Ведь думать, будто сюжет «Романа о розе» был взят его автором из «Повести» или сочинения какого-нибудь из греческих *erotici scriptores* и переработан, значит поверить в возможность для Гийома, не выходя за рамки заимствованного сюжетного трафарета, до неузнаваемости для невооруженного глаза трансформировать материал повествования, что может быть достигнуто, лишь если применить такую филологическую методику, владение которой было бы антиисторично приписывать автору XIII в. Это заставляет предположить, что путь Евмафия к Гийому был сложнее. По-видимому, Гийом читал «Повесть» (или слышал ее подробный пересказ) и заимствовал оттуда описание ограды, а возможно, и другие мотивы и образы, отраженные в перечне. Но определяющей была не эта прямая рецепция: автор, неосознанно воспроизвел *res nullius*, достояние традиции; она «водила рукой» Гийома, когда он повторил типичный для греческого романа сюжет, а также некоторые (часть их, возможно, попала в перечень) укоренившиеся в произведениях этого жанра мотивы, фигуры и особенности художественной техники. Подобный внекнижный тип бытования традиции характерен для фольклора и еще не эмансипировавшейся от него ранней литературы и нередко обнаруживает себя в па-

¹⁵ Латинские и старофранцузские аналогии раскрыты Ланглуа в комментариях к его изданию s. v., а также на страницах «*Origenes*».

¹⁶ R. Ross. Rose und Nachtigall. — «*Romanische Forschungen*», 67, 1955, S. 58.

¹⁷ *Ibid.*, s. 75 f.

¹⁸ Это ни в коей мере не исключает наличия иных источников для ряда аналогий — рецепции у других авторов, совпадения, случайного или основанного на схожести полученных внешних наблюдений, внекнижной традиции.

мятников, отдаленных друг от друга географически и хронологически. Поэтому, если больше никого не удивляет сходство сцен из «Одиссеи» с сюжетом полинезийского мифа или чукотской сказки с итальянской, близость «Романа о розе» к древнему мифологическому сюжету, а следовательно, и к его позднейшим античным и византийским репликам, не должна вызывать недоумение.

Впрочем, как бы ни относиться к предлагаемому объяснению, совпадение в старофранцузском и византийском романах сюжетной схемы и отдельных подробностей повествования не подлежит сомнению. Из этого следует вывод более общего характера. В нашем представлении конечной «станцией» греческого романа была Византия¹⁹; теперь завершающим этапом его пути оказывается «Роман о розе», произведение, где абстрактная, но все же бытовая атмосфера, свойственная этому литературному жанру, сменилась аллегорией: древний миф, подобно бабочке, совершил цикл предопределенных ему метаморфоз и выпорхнул в европейскую литературу, прочертив в ней яркий след.

---

¹⁹ Единичные, не делающие литературной погоды реминисценции из греческого романа у западноевропейских авторов XVI—XVII вв. нельзя считать свидетельствами полноценного литературного бытия этого жанра.

Я. Н. ЩАПОВ

РЕЦЕПЦИЯ СБОРНИКОВ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА
В СРЕДНЕВЕКОВЫХ БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ *

Проблема рецепции византийского права в других странах изучается в нескольких направлениях, различающихся методическими приемами, но тесно связанных общей целью. Это — выявление и сравнительно-историческое исследование норм права и институтов, которые или находили применение в практике, заменяя другие, в том числе местные, нормы и институты, или включались в местные памятники права. Далее, выявление местных обработок и компиляций из византийских памятников путем определения значения включенных в них норм для истории права и социально-экономического строя этих стран. Наконец, анализ распространения памятников в переводе, которое также свидетельствует о стремлении использовать их в новых условиях, в интересах другого государства. В этом смысле распространение памятника в переводе на другой, в частности славянский, язык также может рассматриваться как форма его рецепции. Это еще не свидетельство рецепции его норм. Применялись ли последние в практике, нельзя сказать без изучения местных законодательных памятников и актов. Но появление славянских переводов византийских памятников, также как распространение их списков из одних политических центров и стран в другие, — материал, позволяющий значительно обогатить наши знания об ареале византийского правового наследия на Балканах в X—XVII вв.

В средневековых балканских государствах вне Византии (соответственно в Первом и Втором Болгарских царствах, в Сербии, в Валахии и Молдавии) было известно в славянских переводах большинство важнейших византийских памятников светского и церковного права — такие, как Новеллы и другие части Кодекса Юстиниана, Эклога, Земледельческий закон, Прохирон, Номоканон (Синагогэ) в 50 титулах Иоанна Схоластика, Сборники 14 титулов, Синтагма Матфея Властаря, Шестикнижие Константина Арменопула и др.¹ Созданные в различное время, отражавшие изменявшиеся условия социально-экономической жизни и эволюцию правосознания Византии, проникавшие на территорию балканских государств разными путями, они имели неодинаковое значение в истории этих стран. Однако они помогали использовать политический и юридический опыт древнего классового общества и некогда мощной державы

* Доклад, подготовленный для III Конгресса по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, 1974).

¹ A. V. Soloviev. Der Einfluß des byzantinischen Rechts auf die Völker Osteuropas. — «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Bd. 76. Romanistische Abteilung. Weimar, 1959, S. 432—458; Th. Saturník. Příspěvky k šíření byzantského práva u Slovanů. Praha, 1932; E. Э. Лунин. К истории «Земледельческого закона» в Византии и в средневековых балканских государствах. — ВВ, 29, 1969, стр. 53—62; М. Андреев. Римское право и славянската Еклога. — «Годишник на СДУ», Юрид. ф-т, 1959, № 2.

для нужд формирующихся и развивающихся молодых балканских средневековых государств.

Темой настоящей работы является история распространения в балканских странах, в которых применялась письменность на славянских языках, переводов Номоканона 14 титулов. Этот сложный, объединявший несколько десятков памятников византийского церковного и светского права сборник имел для балканских стран особое значение. Церковное право в Византии, наряду с нормами отправления культа, внутрицерковной жизни и управления, включало также правовые нормы, связанные с универсальными для общества семейными, брачными, наследственными и некоторыми другими имущественными отношениями. Кормчие книги были основным полным корпусом церковного права, нужным высшим представителям церковной организации — митрополитам, епископам и их судебным и административным чиновникам для суда и управления. Созданный в VI в. в Константинополе, этот сборник в течение последующих веков продолжал перерабатываться, обогащаться новыми материалами и изменять свою структуру. К XI—XII вв. архаичные канонические нормы соборов IV—VII вв., давно вступившие в противоречие с жизнью и между собой, потребовали значительных сокращений и объяснений. Появившиеся в XII в. новые издания Сборника 14 титулов, в частности снабженные комментариями крупных юристов Иоанна Зонары и Алексея Аристина, стали в течение ближайших столетий наиболее авторитетными собраниями источников церковного права ².

В балканских странах были известны в переводах обе основные редакции Сборника 14 титулов — ранняя, VI—IX вв., без толкований и с небольшим числом светских установлений, и поздняя, XII в., с сокращениями и комментариями правил, а также с добавлением Прохирона.

Славянский перевод Сборника 14 титулов без толкований известен в 6 списках XII—XVI вв. русского происхождения. Однако анализ языка перевода и соотношение перевода этого памятника с переводом Номоканона Иоанна Схоластика позволил отнести его возникновение к более раннему времени и к Болгарии.

Древнеславянская кормчая 14 титулов была введена в науку изданием ее старшего, но дефектного Ефремовского списка XII в. лишь частично ³. В этом издании памятник завершается Собранием в 93 главах, после которого в других списках следует много статей, часть из которых также принадлежит первоначальному составу этого памятника. Основываясь на результатах исследования В. Н. Бенешевичем основного византийского источника — Синтагмы III редакции (между 787 и 861 гг.) и на отсутствии в публикации более поздних статей, В. Златарский включил Сборник 14 титулов в число книг, попавших в Болгарию еще при князе Борисе, до 866 г. ⁴

Изучение Древнеславянской кормчей в совокупности всех сохранившихся списков позволяет не ограничивать ее состав Собранием новелл в 93 главах, а включать в него еще 14 статей. Это календарно-хронологические сочинения: Ритора Антиохийского о древнеримском счете времени (V—VI вв.), Летописец вкратце (Хронографикон) Никифора патриарха и Перечень епископов и патриархов Константинополя, оба — с дополнениями до 912 г., хронологическая справка о семи вселенских соборах с записью о смерти императора Константина VI (797 г.). Далее — статьи

² С. E. Zachariae von Lingenthal. Die griechische Nomokanones. SPb., 1877; В. Н. Бенешевич. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905; М. Е. Красножен. Толкователи канонического кодекса восточной церкви Аристин, Зонара и Вальсамон. М., 1892.

³ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича. Т. I. СПб., 1906.

⁴ В. Златарски. Какви канонически книги и граждански закони Борис е получил от Византия. — «Избрани произведения». София, 1972, стр. 235—264.

об основах христианского учения: изложение веры Михаила Синкелла и Ответ Афанасия Александрийского князю Антиоху; выписи из Прохирона и Эклоги с правилами заключения браков; статьи об отдельных сторонах деятельности епископов — правило Константинопольского собора 861 г., установления Прохирона о поставлении епископов и наследовании имущества, компиляции о преимуществах Константинопольского престола со схолией-трактатом, отрицающим это преимущество⁵. Наиболее поздние статьи в этой кормчей относятся к 912 г., т. е. ко времени деятельности Симеона. Все эти статьи в том или ином виде известны по византийским церковно-юридическим сборникам — они находятся в приложениях к сборникам типа Синтагмы и Номоканона, в сборниках типа Синайских № 1609 и 1699 и других. Исключение представляет, очевидно, только календарная статья Ритора Антиохийского, греческий источник которой мне неизвестен, хотя списки различных фрагментов его большого сочинения упоминаются в литературе⁶.

Таким образом, есть основания считать, что состав сборника, включавшего Синтагму III редакции, Собрание в 93 главах и дополнительные статьи, сложился в Византии вскоре после 912 г. и проник оттуда в 910-х годах в Болгарию. Очевидно, опосредствующим звеном между Константинополем и Преславом, где перевод сборника был сделан по заказу Симеона, была какая-то территория, принадлежавшая юрисдикции Рима; там в греческий список сборника были внесены некоторые схолии. Одна из них — указанная схолия к правилу 28 Халкидонского собора, отрицающая преимущества Константинополя — Нового Рима⁷, вторая — маргиналия к заглавию Собрания в 93 главах, приписывающая его Григорию Акраганскому (Агригентскому), очевидно, итальянскому епископу конца VI в., подчиненному папе Григорию IX, или деятелю второй половины VII в., почитаемому святым и западной, и восточной церквями⁸. Возможно, что эти схолии появились на основе материалов римского библиотекаря IX в. Анастасия, участие которого в составлении опровержения 28-го халкидонского канона предполагается исследователями⁹.

Перевод византийского сборника — появление Древнеславянской кормчей — нужно связывать, очевидно, с последними годами деятельности Симеона (893—927) и созданием вскоре после 916—917 гг. автокефальной болгарской церковной организации¹⁰. Эта деятельность Симеона привела к учреждению в 927 г. патриархии, но не в столичном Преславе, а в Дорогостеле, что сохраняло и подчеркивало уникальность Константинопольской столичной патриархии. В этих условиях для новой церковной организации были актуальны не только каноны восточной православной церкви и светские установления, но и противоречивые церковно-политические трактаты, обосновывающие и опровергающие привилегии Константинопольской кафедры.

В пору существования Первого Болгарского царства и первой патриархии Древнеславянская кормчая имела распространение на их территории, проникла отсюда, возможно, через западноболгарское царство Самуила

⁵ Я. Н. Шапов. О составе Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции. — В сб.: «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 207—215; его же. Новый список кормчей Ефремовской редакции. — Там же, стр. 258—276.

⁶ RE, Suppl. Bd. V, col. 731.

⁷ С. Троицки. Спор старог Рима са Новим на странама словенске Крмчије. Београд, 1960.

⁸ Древнеславянская кормчая XIV титулов. . . , стр. 739; H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 467—468.

⁹ С. Троицки. Спор старог Рима са Новим, стр. 23—25. И. Вашица считает, что схолия была переведена с латинского. (Magnae Moraviae fontes historici, vol. IV. Brno, 1971, p. 229).

¹⁰ В. Златарски. История на Българската държава през средните векове. Т. 1, част. 2. София, 1971, стр. 389—391, 507—509.

в конце X—начале XI в. на Русь¹¹, попала на Афон, где сохранялась в XII—XIII вв.¹² и использовалась при переводе нового Сборника 14 титулов с толкованиями¹³. Вместе с тем на территории самой Болгарии списки кормчей были, очевидно, уничтожены вместе с другими славянскими книгами в ходе борьбы византийской администрации со славянской письменностью и богомильской ересью¹⁴.

Новый этап в распространении Сборника 14 титулов на Балканах относится к концу XII—XIV в., ко времени возникновения Сербского королевства, Второго Болгарского царства и — в дальнейшем — княжеств Валахии и Молдавии. В основу нового славянского собрания памятников церковного права легли последние обработки номоканона, принадлежавшие авторитетным константинопольским юристам — номофилаксу Алексею Аристину и историку Иоанну Зонаре.

Проблемы перевода этих двух основных источников славянской кормчей с толкованиями и ее составления остаются нерешенными. Кормчая известна только в славянских текстах и является, очевидно, компиляцией славянского происхождения. Известно более 40 ее списков, 10 из которых XIII—XVII вв. сербские по происхождению, около 30 — восточнославянские (русские, украинские и белорусские) и один список — славяно-румынский (валахский). Русизмы в орфографии и лексике старшего, сербского Иловицкого списка 1262 г. и сохранение русских слов, сопровождающихся сербскими глоссами и в более поздних сербских списках, позволяют считать, что в переводе византийских сборников принимали участие древнерусские переводчики второй половины XII—начала XIII в. Однако все сохранившиеся русские списки этой редакции восходят через Болгарию XIII в. к общему архетипу сербских списков. Поэтому местом перевода принято считать Афон и его русские монастыри того времени — Ксилургу и (с 1169 г.) Пантелеймона.

Как показывают записи на некоторых сербских списках, начало распространения новой славянской кормчей в Сербии связано с созданием там церковной организации Саввой Сербским, ставшим в 1219 г. архиепископом. Роль Саввы в составлении этой кормчей остается невыясненной; он жил до поставления на Афоне, в частности в Пантелеймонове монастыре, где мог познакомиться с новыми переводами византийских сборников. Дальнейшее изучение истории этого значительного памятника славянской средневековой культуры упирается в отсутствие его издания по южнославянским и восточнославянским спискам, хотя начало такой работы было положено капитальным трудом одного из организаторов — С. В. Троицкого¹⁵.

Новая кормчая включила в себя, наряду с традиционными апостольскими, соборными (кончая поместным собором 880 г.) и отеческими пра-

¹¹ В. А. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV вв. — ТОДРЛ, т. 19, 1963, стр. 54—59.

¹² Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомуч. и целителя Пантелеймона. Киев, 1973, стр. 50—76.

¹³ С. Троицкий. Како треба издати Светосавску крмчју (Номоканон са тумачењима). — «Списак Академија наука. Споменик 102». Београд, 1952, стр. 99; В. Мошин. — «Slovo» (Zagreb), 1952, № 2, s. 57—67 (рецензия).

¹⁴ В. Мошин. О периодизации. . . , стр. 65—69.

¹⁵ С. В. Троицкий. Како треба издати Светосавску крмчју (здесь указана и литература, связанная с дискуссией о происхождении этой кормчей). Среди новых работ: В. Мошин. Op. cit., p. 57—67; S. Troicki. Dali je slovenski nomokanon sa tumačenjima postojao pre sv. Save? — «Slovo», 1955, № 4—5, s. 111—122; I. Žužek. Kormčaja Kniga. Studies on the Chief Code of Russian Canon Law. Roma, 1964, p. 32—38; С. Троицкий. Хиландарски номоканони. — «Хиландарски зборник», I. Београд, 1966, стр. 58—68; Я. Н. Шапов. Первоначальный состав Рашской кормчей книги 1305 г. — «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», т. 33. М., 1972, стр. 140—147. О сербской лексике Прохирона в этой кормчей см. Е. П. Наумов. Законник Душана и рецепция византийского права на Балканах. — «Юго-восточная Европа в средние века», т. 1. Кишинев, 1972, стр. 191—207.

вилами, также старые и новые императорские постановления (новеллы 1084, 1095 гг. и др.), полный Прохирон, патриаршие решения X—начала XII в., сочинения о ересях и др. С. В. Троицкий считает, что этот славянский сборник был составлен в духе симфонии светской и церковной властей — идеологии, господствовавшей в Византии в пору его возникновения¹⁶. Эта Сербская (или Святославская) кормчая получила на Балканах в XIII—XVI вв. большое распространение и была до появления в XIV перевода Синтагмы Матфея Властаря единственным церковно-гражданским кодексом в балканских странах.

В Сербии распространение кормчей было вызвано созданием еще при Савве 8 или 9 епископий, которые нуждались в этих книгах. Текстологическое изучение опубликованных текстов и записей списков позволяет частично восстановить историю кормчей на Балканах в XIII—XIV вв. Опыт генеалогической схемы списков был предложен С. В. Троицким¹⁷, однако он вызвал справедливую критику рецензента, поскольку автор необоснованно считал архетипом всех сохранившихся списков рукопись Феофила 1252 г.

Таким архетипом является все же, очевидно, жичский экземпляр кормчей, который до того, как он, как считают, сторел в 1253 г., дал жизнь ряду других списков первой половины XIII в. Состав кормчей того времени представляют древнерусский Рязанский список 1284 г. и сербский Иловицкий 1262 г., переписанные с ранних протографов. К первой половине XIII в. нужно отнести еще две сербских обработки. Первую представляет Белградский список, в который вписано заглавие Эклоги — возможно, след несостоявшегося внесения в нее этого памятника, и добавлены антинесторианские сочинения и статьи из Прохирина. При второй обработке (к ней восходят Рашский, Пчинский, Саввинский, Морачский, Бухарестский и Печский списки) были добавлены сочинения Иоанна Дамаскина.

Распространение списков в Сербии с середины XIII в. оставило более зримые следы. Феофил, епископ Будимльский, переписывая в 1252 г. кормчую, как свидетельствует его запись, стремился сделать список официальным экземпляром, не подлежащим исправлениям, и заверил его аутентичность своим авторитетом. К рукописи Феофила, кроме Морачского списка, сохранившего его запись, восходят также Рашский и, очевидно, Пчинский и Саввинский списки.

Дофеофиловская рукопись лежит в основе группы списков, начинающейся переписанной, скорее всего, при Стефане Драгутине (1276—1282). При изготовлении рукописи кормчей в 1295 г. в Милешевском монастыре имя Стефана (Драгутина?) было заменено на Стефана Уроша. Еще в XVI в. кормчая переписывалась в Сербии (Печский список 1552 г.) наряду с Синтагмой Матфея Властаря в ее полном и сокращенном (в составе сборника законодательства Стефана Душана) виде.

О распространении Сербской кормчей в Болгарии говорит послание болгарского деспота Святослава к митрополиту Киевскому Кирилу 1262 (?) г., вписанное в присланную им кормчую¹⁸, и состав этой кормчей. Она стала известна в Болгарии очень рано, еще до появления в старших сербских списках глосс и дополнительных статей. Однако славянская кормчая использовалась в Болгарии в XIII в. не широко, очевидно, лишь в Тырновской патриархии; по крайней мере у Святослава, правившего при царе Константине Асене, ее не было, и он должен был обратиться

¹⁶ С. Троицкий. Црквено-политичка идеологија Светосавске крмчије и Властареве синтагме. Београд, 1953 (оттиск).

¹⁷ С. В. Троицкий. Како треба издати. . . , стр. 69. См. также: I. Žužek. Kormčaja Kniga. . . , р. 36, где схема Троицкого пополнена русскими списками.

¹⁸ О послании см. М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, стр. 177—178. В. С. Ангелов. Из старата българска, руска и сербска литература. София, 1958, стр. 191—194.

к патриарху за список. В XIV в. Синтагма Матфея Властаря должна была значительно помешать распространению кормчей в Болгарии.

В Валахии и Молдавии первые румынско-молдавские переводы византийских компиляций относятся ко второй четверти XVII в. С этого времени начинаются непосредственное усвоение и переработка византийских юридических памятников на румынском языке. До XVI в. источником знакомства с юридическим наследием Византии, древнего христианского мира были славянские переводы с греческого и переработки, сопровождаемые нередко и славянскими сочинениями. А именно это время, XIV—XV вв., было эпохой укрепления и расцвета феодальных княжеств Валахии и Молдавии, когда сформировались основы их государственного, имущественного и церковного права. Таким образом, славянский перевод Сборника 14 титулов был важнейшим источником знакомства правящих классов этих стран с системами права древних классовых обществ.

Источником для изучения рецепции кормчей 14 титулов в Валахии и Молдавии являются ее славянские списки XV—XVI вв.¹⁹ О распространении в Валахии Сербской кормчей свидетельствует валашский Бухарестский ее список конца XV в. Через Милешевский протограф 1295 г. и сербский же список времени Стефана Драгутина он восходит к наиболее многочисленной группе сербских списков. Однако Бухарестский список — не сербский, а валашский. Для оценки его значения в истории рецепции византийского права в Румынии нужно бы исследовать его язык, что может дать материал для суждений о месте его переписки и характере его протографа.

В истории кормчей в Румынии оказываются важными два этапа: проникновение сербского списка в Валахию и появление валашской копии конца XV в. с этого списка. Возможно, что кормчая проникла за Дунай задолго до того, как возник Бухарестский список — он списан с дефектного, очевидно, ветхого протографа. Немаловажное значение имеет и активное распространение этой кормчей в Сербии во второй половине XIII—первой половине XIV в.: восемь списков этого времени сохранились или оставили свои следы в рукописях. При Уроше II (1282—1321) границы Сербии сомкнулись с границами Баната на Дунае. Однако особая нужда в кормчей книге — сборнике права для епископского суда и управления — появилась в Валахии, вероятно, во второй половине XIV—XV в., когда Валашское княжество получило митрополию кафедры и собственное церковное управление.

Очевидно, большая потребность в кодексах права классового общества вызвала проникновение в Молдавию и Валахию византийских сборников не только с юга, но и с севера, со стороны Руси. Об этом свидетельствуют списки кормчей книги молдавского и валашского происхождения, переписанные с украинских рукописей²⁰. Все они представляют собой особую Русскую редакцию кормчей, созданную в XIII в. в Киеве и затем в Северо-Восточной Руси в результате соединения Сербской кормчей с толкованиями с Древнеславянской кормчей и добавления дополнительных статей. Подчинение в церковном отношении молдавских земель в XIV в. галичскому епископу (временами носившему титул митрополита), до создания в 1380 г. молдавской митрополии, а частично и до начала XV в., открывало широкую возможность для проникновения древнерусских обработок славянских текстов византийских памятников. Арадский список включает, наряду с традиционным составом, древнерусский устав князя

¹⁹ P. Panaitescu. Manuscrisele slave din biblioteca Academiei RPR, vol. I. București, 1959, p. XV, 373—383; Y. N. Ščapov. Le nomocanon grec dans les traductions slaves en Moldavie et Valachie. — «XIVe Congrès International des études Byzantines. Les communications». București (в печати).

²⁰ Библиотека Арадского монастыря в Румынии, № 21; Библиотека Академии СРР, слав. рук. 461 (Бистрицкий сп.); БАН в Ленинграде, № 13. 3.27 (собрание Яцимирского, 27).

Владимира о десятинах, церковных судах и церковных людях в галичской обработке начала XIV в.; валашский Бистрицкий список 1651 г. и молдавский Ленинградский начала XVI в. — восходят к западноукраинской обработке XIV—начала XV в., пополненной древнерусскими правилами и полемическими сочинениями в защиту земельной собственности церкви и переводными статьями против латинства²¹. Возможно, что эти дополнения были особенно актуальны для Молдавии и Валахии.

Подводя итоги сказанному, нужно отметить, что византийский сборник 14 титулов, наиболее богатый источниками церковного и светского права среди кодексов такого рода, имел в X—XVI вв. на Балканах, в пору существования там средневековых феодальных государств, большое распространение. Этим богатством источников права, так же как, очевидно, идейным его содержанием, объясняется то, что он не был вытеснен в XIV—XVI вв. другими, новыми компиляциями византийского права, хотя последние и заняли соответствующее им место.

Сборник был дважды переведен на славянский язык, в начале X в. и во второй половине XII—начале XIII. В обоих случаях переведены были последние, новейшие редакции сборника: с дополнением правилами соборов IX в., хронографическими сообщениями о деятелях церкви начала X в. — в первом случае; императорскими постановлениями и патриаршими решениями XI—XII вв. — во втором. Появление переводов и распространение многочисленных списков сборников права на Балканах совпадает с формированием и развитием феодальных государств и созданием государственных церковных организаций. Эти процессы были тесно связаны между собой.

В Молдавии и Валахии славянские переводы византийских сборников были первыми собраниями права классового общества, которые здесь известны. Эти сборники распространялись в этих государствах не только с юга, из-за Дуная, но и с севера, из-за Карпат, причем в последнем случае они несли с собой и памятники древнерусского права, отражавшие своеобразную рецепцию византийского права на Руси.

---

²¹ Я. Н. Шапов. Правило о церковных людях. — «Археографический ежегодник за 1965 г.». М., 1966, стр. 72—81; *его же*. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI—XIV вв. М., 1972, стр. 53—63.

И. П. МЕДВЕДЕВ

ЛЕВ АЛЛЯЦИЙ О ВИЗАНТИЙСКИХ ХРОНОГРАФАХ

Имя Льва Алляция (Allacci — итальянская адаптация греческого Ἀλάτσης), знаменитого эллиниста XVII в. (1588—1669), хорошо известно специалистам¹. Уроженец Хиоса, он рано был увезен в Италию, в 1597 г. поступил в греческую коллегию св. Афанасия в Риме, позднее стал хранителем Ватиканской библиотеки, а в 1660 г. унаследовал от Луки Голстения должность ее Главного библиотекаря. Прекрасный знаток античной и патристической классики, Алляцияй много сделал также и для изучения византийских авторов. Его работы, посвященные проблеме омонимов, представлявшие собой своеобразные каталоги византийских авторов, носивших одно и то же имя — Пселлов, Георгиев, Симеонов, Нилов, Никит, Филонов, Феодоров, — с указанием рукописей с их сочинениями, до сих пор не потеряли своего значения²; им впервые была издана с латинским переводом полная редакция хроники Георгия Акрополита (Париж, 1651) и т. д. Богатый и до сих пор недостаточно изученный архив Алляция (Carte Allacciane) полностью хранится в римской Biblioteca Vallicelliana³, но значительная часть его (187 единиц хранения) была в свое время приобретена академиком Н. П. Лихачевым, в составе коллекции которого она и хранится в настоящее время в собрании западноевропейской секции Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (картаны 3 и 4). Нами подготовлен детальный разбор этой части архива Алляция, который будет опубликован в другом месте. Здесь же нам хотелось бы познакомить исследователей только с двумя письмами Алляция (90/4 — 6 листов, без пагинации, и 92/4 — тоже 6 листов), адресованных

¹ О нем см.: S. Gradi. Vita. — In: A. Mai. Novae Patrum Bibliothecae, VI, 2. Romae, 1853, p. V—XXVIII; L. Crasso. Elogii d'huomini letterati. Venezia, 1666, p. 397—404; A. Fabricius. Catalogus operum L. Allatii. Hamburg, 1721; Notizie di Leone Allacci col catalogo delle sue opere insieme con cinque lettere scritte da lui al Antonio Magliabechi. — In: A. Calogerà. Raccolta d'opuscoli scientifiche e filologici, XXX. Venezia, 1744, p. 265—290; De Meester. Leone Allazio alunno del pontificio Collegio Greco di Roma ed i suoi scritti in relazione con Roma. — «Atti del V Congresso naz. di studi romani», V. Roma, 1946, p. 361—366; G. Manacorda. L'Allacci e l'«Italia sacra» dell' Ughelli. — «Studi storici», XII, 1903, p. 453—466; C. Mazzi. L'Allacci e la Palatina di Heidelberg. Bologna, 1893; Dizionario biografico degli italiani, v. 2. Roma, 1960, p. 467—471; C. Jacono. Bibliografia di Leone Allacci (1588—1669). Palermo, 1962; V. Rotolo. L. Allacci. — In: Dizionario critico della letteratura italiana, vol. I. Torino, 1973, p. 59—61; S. G. Mercati. Δημοτικά κείμενα ἐκ τῶν χειρογράφων τοῦ Ἀλλάτιου. — «Παρνασσος», 15, 1973, σ. 489—498.

² De Psellis. Romae, 1634; De Georgiis. Parisiis, 1651; De Simeonibus. Parisiis, 1664; De Nilis. Romae, 1668; Tres grandes dissertaciones de Nicetis, de Philonibus et de Theodoris. — In: A. Mai. Novae Patrum Bibliothecae, VI, 2, p. 1—202.

³ Суммарную и далеко не полную характеристику бумар Алляция см.: G. Martini. Catalogo dei manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane, vol. II. Milano, 1902, p. 201—233. Ср. A. Berthelot. Rapport sur les manuscrits alchimiques de Rome. — «Archives des missions scientifiques et littéraires», sér. 3, XIII, 1887, p. 850—856; C. Mazzi. Tre epistolari nella Vallicelliana di Roma. — «Rivista delle biblioteche», II, 1889, p. 103—112; G. Manacorda. Dai carteggi Allacciani. Note bibliografiche. — «La Bibliofilia», III (1901—1902), p. 213—231, 298—300; 382—387; IV (1902—1903), p. 37—42, 157—167, 242—249.

Антонио Караччоли и сохранившихся, правда, в непринадлежащих перу самого Алляция копиях (в правом верхнем углу первого листа второго из упомянутых писем есть помета: *è stata ricopiata: era scritta da Leone Allaci al P. D. Antonio Caraccioli il 3. Luglio 1626*). Написанные по-итальянски, эти письма Алляция не представляют труда для чтения, но достаточно неудобны для перевода их на русский язык. Поэтому предлагаемый перевод не претендует на передачу стиля Алляция (даже обращение V. P., т. е. *Vostra Paternità*, мы передаем современным «Вы»). Что касается содержания писем, то и здесь мы ограничимся самой общей их характеристикой, предоставляя специалистам судить о том, насколько ценны содержащиеся в них сведения.

В своих письмах Алляций дает Караччоли, обратившемуся к нему за консультацией, разъяснения по поводу некоторых византийских хронистов и высказывает в связи с этим любопытные соображения о манере работы последних. Так, рассматривая вопрос о том, является ли Георгий Кодин автором одной константинопольской хроники (*Cronico Costantinopolitano*), Алляций формулирует свое принципиальное понимание этого в следующих словах: «Было много одноименных авторов, которые писали „Историю Константинополя“ (*Istorie Costantinopolitane*), или, говоря вернее, было много людей, носивших одно и то же имя, которые переписывали друг у друга подобную «Историю», и если они и изменяли в ней что-то, то суть этой «Истории» оставалась у всех одной, а часто даже одни и те же слова и выражения, что, впрочем, имело место и у других историков, различающихся по имени, насколько можно понять из Зонары, Кедрина и других, которые больше обращали внимание на то, чтобы переписывать, чем сочинять (*hanno atteso più à copiare, che à comporre*)». Во втором из указанных писем Алляций, жалуясь на недоступность для него рукописи с сочинением Феодора Гераклийского, находившейся в частной *Biblioteca Altempsiana*, пишет, что великим несчастьем (*grande infelicità*) его времени, которое можно сравнить разве только с каким-нибудь варварским, «являются сокрытие и утайка» (*occultare e tener nascosti*) подобных сокровищ, приносящие столько вреда почтенной публике, и с возмущением обрушивается на «так называемых *βιβλιογράφοι*». Попутно Алляций исправляет многочисленные ляпсусы и ошибки, допущенные в более ранних и современных ему изданиях и описаниях сочинений византийских хронистов.

Конечно, многие из проблем византийской хронографии, волновавших Алляция и других западноевропейских эрудитов его времени, уже решены наукой, но некоторые его наблюдения, на наш взгляд, еще нуждаются в проверке. Интересно, например, указание Алляция на сочинение Исихия Милетского (VI в.), известного прозвищем *Ἰλλούστριος*, как на источник анонимного сочинения *Περὶ τῆς οἰκονομικῆς τοῦ ναοῦ τῆς ἁγίας Σοφίας*, хотя еще Крумбахер считал, что последнее «носит легендарный характер и, очевидно, восходит к какому-то совершенно неграмотному, народному источнику (*ungelehrte, volksmässige Quelle*)»⁴. Как бы то ни было, данные письма Алляция, если даже не сообщают специалистам ничего существенно нового о византийской хронографии, любопытны уже тем, что отражают уровень знаний о ней в первой трети XVII в. и характеризуют взгляды самого Алляция по этому вопросу. Приводим текст писем.

I

Molto rev(eren)do Padre mio Oss°

Mi par cosa difficile da provarsi, che questo suo *Cronico Costantinopolitano* sia di Georgio Codino ancorchè il suo amico sia di questa opinione et acciò V. P. si possa meglio risolvere intorno quello, che ha da tenere,

⁴ K. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Litteratur*. München, 1897, S. 423.

meterò alcuni miei mottivi. Sono stati più autori dell'istesso nome, che hanno scritto l'Istorie Costantinopolitane o, per dir meglio, sono statte più persone dell'istesso nome, che hanno copiato l'uno dall'altro simile Istoria, perchè se bene variano in qualche cosa, l'essenziale dell'Istoria é uno appresso tutti, e molte volte sono l'istesse, e le parole e la struttura dell'oratione. Cosa successa alli altri storici ancora di nome diverso, come si può raccogliere da Zonara e Cedreno, ed altri, dei quali molti hanno atteso più à copiare, che à componere. Li furti dei quali alla più saranno noti se si stampasse qualche volta l'Istoria di Giovanni Siculo, o Schilitze, o vero di Giorgio Syngello, o di Giulio Polluce, o Gio(vanni) Antiocheno. Quest'anni addietro a Leyda si stampò un Cronico Costantinopolitano di Giorgio Logotheta Acropolita greco latino, ma questo solo contiene l'Istorie dei tempi ultimi, intanto, che non puole essere questo suo, che incomincia da Costantino, oltre che tiene diversa maniera nel scrivere. Sotto qual nome di Giorgio Logotheta vi è uno Cronico nella Biblioteca Augustiana, qual contiene l'istories del principio del mondo insino ad'Heracloa figlio d'Heraclio come si vede nel Plut. s. n. 37: Georgii monachi Logothetae Syngeli Chronicon breve ex diversis chronographis et interpretibus collectum, continens historias ab exordio mundi usque ad Heraclonem Heraclii filium MS. graece, dove per adesso avvertisca il nome di Syncello. Jacomo Pontano stampò solo latino e mutilò il Cronico di Giorgio Phranze che, se ben m'arricordo altre volte, V. P. ne fece non sò che diligenza, il quale è di tempi bassi, nè l'istoria sua sarà mai conforme col suo Giorgio. Vi è un altro Giorgio Cyprio, da altri detto Gregorio Patriarca Costantinopolitano, scrisse ancora lui non sò che Istorie di quella città, ne sò, che siano stampate e totalmente diversissime da queste sue. Il primo e principale fra tutti è, del quale n'espressa memoria apresso gli autori è Giorgio Sincello, il quale scrisse l'Istoria di Constantinopoli dal principio del Mondo insino, se mal non m'arricordo, a Gratiano. Gesnero ne fa mentione: Georgii Sincelli Istoriae ab Adamo ad Alexium Comnenum graece extant Romae in Vaticana et Viennae manuscripta in Bibliotheca Imperatoris, le quali parole ripete Braudio nella sua Bibliotheca Classica, dove bisogna avvertire l'errore di questi doi scrittori, li quali attribuiscono l'opera di Theophane monaco a Giorgio. Poichè se bene è vero, che detta Istoria l'incominciasse il Sincello per la morte non la finì e la continuò Theophane. Secondo, che si vede chiaramente in detta Istoria nel prologo del continuatore, dalla quale Istoria io tengo sicuro, che sia stata copiata l'istoria, che ella hà, e l'authore mutando qualche cosa nelle parole sel'habbia fatta sua, supplendo però dove essi mancano da altri autori. E che questo sia vero si fa manifestissimo dal capitolo, che io li manderò. Che se nel resto procedesse così, non puol essere tale notizia buono autore pigliando quello, che hà da Syncello ottenuto, e approvatissimo da tutti à dispetto di Giosepho Scaligero, e di simile altra Canaglia, che cercano sempre honorarsi col detrahere ad'altri. Questa Istoria sa tradusse in lingua latina Anastasio Bibliothecario non assai perfetta et è l'istessa, che communemente si chiama Istoria Ecclesiastica Anastasii Bibliothecarii, diversa dall'Istoria de Pontefici dell'istesso autore, se quella che si come l'accennai nella passata si stà stampando in Parigi, non sò se con nova traduzione, che sarebbe necessaria, ò pure col quella di Anastasio. Oltre questi vi è quest'altro Giorgio Seco, che, se non m'inganno, e quello del quale ne fa menzione il Gesnero: Georgii cujusdam graeci monachi Istoria temporum sive Cronica a condito mundo usque ad regnum Nicephori Botaniate extant manuscripta Venetiis in Bibliotheca SS. Ioannis et Pauli, et apud Diegum Hurtadum Caesaris legatum ibidem. Né si deve maravigliare che Gesnero dica «ab exordio mundi», perchè è suo solito di poche volte tochar il vero. Se però non vogliano dire, che questa sua sia mancha, e che la prima parte del principio del mondo insin a Costantino sia perta, ò lo scrittore non habbi voluto pigliar tanto fastidio in copiarlo. E per dirli una cosa

quasi, che in sogno, per il tempo lungo corso fra mezzo et, per non avere applicato all'hora, saranno da tredici anni incirca, mentre ero a Scio, venendomi occasione di parlare con quella gente delle ribaldarie di Photio, che loro tengono in gran conto, non valendomi authori latini come sospetti, m'arricordai, che di lui ne diceva male Costantino Manasse nella sua Istoria, per buona sorte io me lo trovava manuscritto, che stampato almeno in greco non m'arricordo che fosse allora, trovo il luogo lo mostro, un'altro della mia Natione mi disse, che haveva un storico, che pur diceva l'istesso, ad'istanza mia lo portò in quel luogo et si trovò. Io volsi vedere, chi era quello autore e, considerando le cose, che trattava, trovai, ch'era l'istesso che Manasse, riferiva però che Manasse era in verso e lingua buona, quello era in prosa e mezzo barbaro, vedo dal principio il libro era scritto Γεωργίου τοῦ Κωδινού et incominciava come Manasse dal principio del mondo e finiva come quello nell'Imperio di Niceforo Botaniata. Per esser scorso tanto tempo non posso affermar per certo il nome dell'Autore, ma mi pare, che fosse così e per venir più al particolare del Codino, deve sapere, che l'autore è buono et è tenuto di stima, poichè tutto quello, che dice, l'hà tolto da buoni autori. Se bene la lingua è barbara assai, questi è citato sotto nome di Curopalate per l'ufficio, e dignità in che era e non ch'è li fosse nome proprio come sciochamente s'imaginò Nadabo Agmonio. Questi è quello, che scrisse De officiis Palatii Constantinopolitani, stampato più volte con l'interpretazione del detto Agmonio e di Francesco Junio. E qui si nota un'altro errore del Braudio mentre scrive «Nadabus Agmonius scripsit De officiis in Aula Imperatorum graecorum», poichè non scrisse de officiis, ma interpretò solamente questo Codino sotto nome di Curopalate. Scrisse Codino un'altra operetta che l'intitolò Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως. Dove vi è congiunto ancora il trattatello «De edificio S. Sophiae» stampato dal Comellino greco latino col'interpret(azione) di Georgio Dousa. È vero, che la maggior parte di quello trattato, et in particolare quello che concerne all'antiquità, l'hà tolto di peso da Hesichio Illustrio, siccome credo, che il resto l'abbia tolto da altri, ma già di sopra ho detto, che questo autore è solito copiare. Di questo libro, ne fece menzione Gesnero in quelle parole: Georgii Costantini Πάτρια Constantinopolis et liber de Sapientia graece servatur apud Diegum Hurtadum. Dove si deve correggere quello Costantini in Constantinopolitani et avertir, che il libro de Sapientia non è altro, che il trattato De edificio S. Sophiae. Mi viene notificato che il libro de officiis sia ristampato di nuovo in Germania con l'annotazioni di non sò che gesuita, io non l'hò visto ancora. Hesichio Illustrio, l'hà stampato il Meursio et aggiunte molte sue annotazioni, ma mi pare d'abusar la cortesia di V. P. contante ciarle, un'altra volta li scriverò quello, che con maggior diligenza hò trovato intorno a questo particolare, e li manderò copia di qualche capitolo del Syn-cello acciò veda, consideri e giudichi. Non hò avuta sorte di trovar queste operette del Codino che li averia mandato, se capitarano l'haverà senzaltro. Mi comandi poi, che io godo mentre m'impiego in servizio di V. P. e mi racomando alle sue orazioni.

Di Roma l'Anno Santo l'ultimo di Maggio.

Di V. P. molto reverendo

Aff. mo Servitore

Leone Allacio.

II

Molto Reverendo Padre mio in Christo Oss.°

Per finir di sodisfarmi intorno all'opinione mia di Teodoro Heraclense non mi manca altro, che veder un codice di detto autore sopra li salmi, che secondo mi notificano alcuni miei patriotti di scrittori greci, si trova nella Bibliotheca Altempsiana e qui in Roma, e già mi sarei chiarito del tutto, ma l'esser inaccessibile quella Bibliotеча. Insino adesso non hò po-

tuto finir d'accosentire, forse con qualche tempo e per mezzo del Padre D. Michele s'arriverà. Grande infelicità de tempi nostri che contrasta con qualsivoglia barbarie, in occultar e tener nascosti simil tesori con tanto pregiudizio del bene publico, e grande disavventura delli scrittori, che doppo scapati tanti e tanti infortunii in mano delli amici peggio trattati, che se fossero statti in mano dell'inimici. Insino adesso non posso capire, che utile ne risulti a sì perniciosi βιβλιογράφοι, per il quale s'habbino da mostrare sì tenaci della robba, che non è loro, e del bene, che adessi non può risultare se non vergogna.

Il cronographo suo è assai più gustoso di quello, che io m'ero imaginato. breve nelle sue narrationi e copiosi in molte cose, che non si trovano per tutto e particolarmente in quelle che anno non sò chè di pelegrino, si vede, ch'è una raccolta da molti disposta dal scrittore secondo, che li pareva più convenevole alli tempi. La lingua è bassa e peggiore in molte luoghi, che non è la tersa volgare, che oggi s'usa nelli paesi della Grecia, dove vi sia qualche civiltà, e molte volte disgustosa, perchè parlando in volgare, affetta il grecismo buono, che a chi poi hà un puocho di naso li stufa non pocho, e li viene ancora per dire così tanto pedantesmo, ma questo tedio l'alleggerisse molto la varietà delle cose. Usanza ordinaria etiando di tutti li altri bassi scrittori, che hanno scritto in simil lingua, li quali per uscir dall'ordinario, forse per non li sodisfare la lingua, con la quale si parla, nel scrivere si vonno mostrare letterati, e così non scrivono nella lingua nella quale professano di scrivere e strappiano la letera vera, dove non arrivano a usanza di pedanti, che all'ora si tengono in conto però da se stessi, quandochè nel parlare o scrivere introducono qualche parola latina, ò modo di dire, cosa noiosissima a chi li sente. Se però non fossero dette per mover il viso. E questo autore, e meno assai delli altri. Quandoquè meno barbaro, e meno affettato, e dal quale si ponno imparare molte cose in torno alla lingua. E sò dire, che il Meursio, quandochè avesse avuto quest'opera avrebbe arricchito molto più il suo Lessico. Quello, che somamente mi piace è che l'autore è pio, e per quanto si può conoscere parziale della Chiesa Romana mentre maltratta con parole i nimici di quella come chiaramente si vede nell'Istoria di Photio Patriarca. Adesso dubito più che prima se l'autore è il Codino, perchè mi pare, che il Codino sia più elegante e manco barbaro ancorchè barbaro in'eccesso. Tanto più, che l'aggiunta del trattatello dell'edificazione di S. Sophia stampato altre volte sotto il nome del Codino è diverso in quanto all'elocuzione da questo, sebene in quanto alla sostanza, ordina, e maniera sia l'istesso. Se pure non vogliamo dire, che l'autore l'abbia scritto in più munire, e per l'indotti, e per li dotti cosa, che no la credo. E dubiteria, che quel Georgio posto nel fine sotto nome di scrittore sia ancora l'autore: ἐτελειώθη ὁ παρὼν χρονογράφος εἰς ὃς ἐάν θεοῦ διὰ χειρὸς καµοῦ ἁμαρτωλοῦ Γεωργίου ἐκ τῆς Κωνσταντινουπόλεως διὰ συντροµῆς (nicute manca). Perchè trovo nell'indice Bavarico de manuscritti greci farsi menzione di un Georgio Hamartolo scrittor greco sotto queste parole: Georgii Hamartolo annales breves ex variis scriptoribus collecti ab exordio mundi usque ad imperium Constantini Leonis filii, ed averto, che il cognome di Hamartolo, è mal preso dal fattore dell'Indice significando, peccatore, e così si doveva tradurre, essendo solito di molti di pigliarsi questo epiteto per umiltà, come mi ricordo aver letto Ιωβίου ἁμαρτωλοῦ περὶ μυστηρίων e così d'altri e si potrebbe dire, che siccome il suo cronico manca in tanti imperatori così ancora sia manchevole in quella parte, che comincia dal principio del mondo, non per mancamento dell'Autore, ma del scrittore, e giachè parliamo di mancamento averta, che in questo suo sono lasciate le vite di quelli Imperatori, delli quali largamente scrisse la Vita Giovanni Curopalata per sopra nome Schylitza, autore degno e buono, forse che questo non à voluto porre le mani in quella parte di Storia, che Giovanni aveva trattato così esquisitamente, e per concluderla più presto in confondere che in chiarire il negozio, che per

dirli la verità quando più cerco e trovo tanto meno ne sò in queste materie, che non ricapezzeria Apollo Delphico, non sò se lei hà havertito, che questo autore per il più per non dir tutto è Constantino Manasse, tradotto in questa Lingua. E prova, e confronti un puoco, e vedrà esser vero che dico, sono però ancora cose, che in Manasse non si trovano, e quelle poche. Tale però quale egli è questo libro ò col nome del autore ò senza, è degno, che sia visto e letto da tutti l'amatori dell'Istoria, per le cose scritte da me di sopra, et altre, che non è adesso tempo di raccontarle. Questo è quanto li posso dire per adesso, e credo, che a V. P. basterà, perchè col suo giudizio, e pratica nell'Istoria haverà assai più lume in questo negozio, che ne hò io. Però se mi jovenisse altro gli e ne farò parte, e scusi la poca sufficienza, la quale tanto è maggiore, quanto, che non hà quella comodità di libri, che bisognarebbe. Che se bene al Vaticano vi è abbondanza non di meno non omnibus datum est di manegiarli a suo gusto.

Il Sig.^r Cardinale S. Susanna è passato a miglior vita non hà trasferito, se non quatrocento scudi di pensione a tre soli della sua famiglia, alla quale lasciò tre mila scudi da partirsi fra tutti, ecettuatone uno, che non vuole, che manco avesse la quarantena. A una sua Nipote mille scudi per maritarsi. Al nepote trecento scudi per una vicce tantum.

Li manuscritti l'hà lasciato al Vaticano.

L'anello cardinalizio legato nella casa, il resto della sua robba alli poveri, e bisognosi e rev(eren)di padri gesuiti, si dice, che li luoghi de Monti ascendono scudi ventiquatro mila. La guardarobba, libreria, la quale era esquisitissima, et altre robbe di casa si dice, che arrivano a trentamila e più. Intanto che veda V. P. con che consolatione e con che scontento debbano hoggi di vivere molti a Roma. Mi racomando alle sue orazioni.

Da Roma li 3. Luglio 1626.

Di V. P. molto reverendo

Aff. mo Servitore

Leone Allacio.

Перевод

I

Мой достопочтенный, многоуважаемый падре.

Мне представляется трудным доказать, что эта Ваша «Константинопольская хроника» принадлежит Георгию Кодину, даже если Вам друг такого мнения, и чтобы Вы могли лучше принять решение относительно того, какого мнения Вам надлежит придерживаться, я приведу некоторые свои соображения. Было много одноименных авторов, которые писали «Историю Константинополя» или, говоря вернее, было много людей, носивших одно и то же имя, которые переписывали друг у друга подобную «Историю», и если они и изменяли в ней что-то, то суть этой «Истории» оставалась у всех одной, а часто даже одни и те же слова, и выражения, что, впрочем, имело место и у других историков, различающихся по имени, насколько можно понять из Зонары, Кедрина и других, которые больше обращали внимания на то, чтобы переписывать, чем сочинять. Их кражи стали бы более известны, если бы когда-нибудь напечатали «Историю» Иоанна Сицилийца, Скилицы, Георгия Синкелла, Юлия Полидевка, Иоанна Антиохийского. Несколько лет назад в Лейдене напечатали «Константинопольскую хронику» Георгия Логофета Акрополита на греческом и латинском языках, но она содержит только события позднейших времен, так что Ваша хроника, которая начинается с Константина и, кроме того, отличается манерой письма, не может

быть ею. Какая-то хроника, приписываемая Георгию Логофету, хранится в *Biblioteca Augustiana*. В ней описываются события с возникновения мира до Ираклона, сына Ираклия, как явствует из *Plut. s. n. 37*: Георгия монаха Logothetae Syngeli *Chronicon breve ex diversis chronographis et interpretibus collectum, continens historias ab exordio mundi usque ad Heraclionem Heraclii filium* Ms. graece, и в которой пока что обращает на себя внимание имя Синкелла. Жак Понтан напечатал только на латинском языке и в искаженном виде «Хронику» Георгия Франдзи*, которой, если мне не изменяет память, Вы когда-то с таким усердием занимались, но она довольно поздняя, да и история, которая в ней описывается, совсем не соответствует Вашему Георгию. Есть еще один Георгий — Кипрский, называемый некоторыми Григорием, патриархом Константинопольским, который также писал какие-то «Истории» этого города. Насколько мне известно, они уже напечатаны и не имеют ничего общего с Вашей хроникой. Первым и основным из всех авторов, о которых сохранилась память, является Георгий Синкелл, который написал «Историю Константинополя» с начала мира и до, если не изменяет память, Трациана. Геснер** упоминает о ней в таких словах: *Georgii Sincelli Istoriae ab Adamo ad Alexium Comnenum graece extant Romae in Vaticana et Viennae manuscripta in Bibliotheca Imperatoris*. Эти же слова повторяет Браудио в своей *Bibliotheca Classica*, но нужно предупредить об ошибке у обоих этих авторов, которые приписывают труд Феофана монаха Георгию. Ибо на самом-то деле названная «История» была начата Синкеллом, но из-за смерти не кончена им и продолжена Феофаном. Второе, что ясно видно в названной «Истории» из предисловия продолжателя, которому, как я считаю, наверняка принадлежит «История», — это то, что здесь была переписана как раз та история, которая есть у Вас, причем автор, изменив кое-что в словах, сделал из нее свою, добавив, однако, там, где чего-то не доставало, из других авторов. И то, что это именно так, становится особенно ясным из главы, которую я Вам пошлю. А что и остальное в том же духе, доказывается тем, что эти сведения не могут принадлежать добросовестному автору, присваивающему то, что им получено от Синкелла и что в высшей степени одобряется всеми, вопреки Джузеппе Скалигеро и другим подобным канальям, которые всегда стремятся к почестям, сдирая у других. Эта история, переведенная Анастасием Библиотекарем недостаточно совершенно на латинский язык, и есть та самая, которую обычно называют *Istoria Ecclesiastica Anastasii Bibliothecarii*, отличная от «Истории понтификов» того же автора, и которая, как я уже упомянул мимоходом, печатается в Париже, не знаю, с новым ли переводом, который был бы необходим, или же с переводом Анастасия. Кроме этих, есть еще один Георгий—Seco, который, если не ошибаюсь, как раз тот, о ком упоминает Геснер: *Georgii cujsdam graeci monachi Istoria temporum sive Cronica a condito mundo usque ad regnum Nicephori Botaniate extant manuscripta Venetiis in Bibliotheca SS. Ioannis et Pauli, et apud Diegum Hustadum Caesaris legatum ibidem*. И не следует удивляться, что Геснер говорит *ab exordio mundi*, так как он обычно редко касается истины. Если только не предположить, что эта его часть отсутствует и что вся первая часть от возникновения мира до Константины утеряна или же писец не пожелал обременять себя ее перепиской. Хотю рассказать Вам об одном событии, о котором помню, как во сне, ибо времени с тех пор ушло много, около 13 лет. Во время моего пребывания на Хиосе я имел случай разговаривать с тамошними людьми по по-

* Как известно, «Мемуары» Георгия Сфрандзи впервые были напечатаны Жаком Понтаном в отрывках на латинском языке в виде приложения к его изданию Феофилакта Симокатты (Ingolstadt, 1604).

** Здесь и далее имеется в виду, очевидно, работа знаменитого швейцарского эрудита Геснера (Conrad de Gassner, 1516—1565) «*Bibliothèque universelle*», v. 1—II (Zurich, 1545, 1548), оказавшаяся для нас недоступной.

воду краж Фотия, которого они почитают, не признавая ценности латинских авторов, как вызывающих подозрение. Тогда я вспомнил, что о Фотие плохо отзывался Константин Манасси в своей «Истории», рукопись которой я, к счастью, нашел. Отыскал я и то место и показал его, на что один из моих земляков ответил, что у него был один историк, который говорил то же самое. По моей просьбе он принес рукопись, в которой находилось то место. Мне захотелось узнать, кто был тем автором, и, рассматривая данные, которые тот излагал, я нашел, что они были теми же самыми, что и у Манасси, отличаясь, однако, тем, что сочинение Манасси было написано в стихах и хорошим языком, в то время как этого — в прозе и на полуварварском наречии. В начале книги было написано Γεωργίου τοῦ Κωδινού, и начиналась она, как и у Манасси, с возникновения мира, заканчиваясь, тоже как у него, на царствовании Никифора Вотианата. По прошествии стольких лет я не могу утверждать наверняка, каким было имя автора, но мне кажется, что оно было именно таким, и чтобы поближе подойти к особенностям Кодина, следует знать, что автор он добросовестный и уважаемый, потому что все, о чем он говорит, взято им у хороших авторов, хотя язык его и довольно варварский. Он упомянут под именем Куропалата из-за должности и чина, которыми он был облечен, а отнюдь не потому, что это было собственным именем, как нелепо вообразил Надабус Агмонийс. Это как раз тот автор, который написал *De officiis Palatii Constantinopolitani*, неоднократно публиковавшееся с комментарием названного Агмония и Франциска Юния***. И здесь обнаруживается еще одна ошибка Браудио, когда он пишет: *Nadabus Agmonius scripsit De officiis in Aula Imperatorum graecorum*, ибо он не писал *de officiis*, но только перевел этого Кодина под именем Куропалата. Кодин написал еще одно сочинение, которое он озаглавил Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως. К нему присоединен небольшой трактат *De edificio S. Sophiae*, напечатанный на греческом и латинском языках Комеллино с комментариями Георгия Дузы. Верно, что большая часть этого трактата, и в частности то, что касается античности, украдена им у Исихия Иллюстрия. Впрочем, я считаю, что и остальное он взял у других, но выше я уже сказал, что у этого автора в обычае списывать. Об этой книге Геснер упоминает в таких словах: *Georgii Costantini Πάτρια Constantinopolis et liber de Sapientia graece servatur apud Diegum Hustadum*. Здесь нужно исправить это *Costantini* на *Constantinopolitani* и предупредить, что книга *de Sapientia* есть не что иное, как трактат *De edificio S. Sophiae*. Мне только что сообщили, что книга *de officiis* снова перепечатана в Германии с примечаниями какого-то иезуита, но я ее еще не видел****. Что касается Исихия Иллюстрия, то его опубликовал Меурсий, присоединив много своих примечаний. Но, кажется, я уже злоупотребляю Вашей любезностью со своей болтовней. В другой раз я напишу Вам о том, что, приложив больше старания, нашел, в частности, об этом и пришлю Вам копию какой-нибудь главы Синкелла, чтобы Вы посмотрели, изучили и оценили. Мне не повезло найти те сочинения Кодина, которые Вы прислали; если обнаружатся, то Вы сразу же будете о них знать. Располагайте мною и дальше, я рад оказать Вам услугу и верить себя Вашим молитвам.

Рим, святой год (1625), последний день мая.

Ваш преданный слуга Леон Алляций.

*** Несколько непонятно в устах Алляция это разделение Агмония и Юния. Насколько известно, *Nadabus Agmonius* — это псевдоним Франциска Юния, под которым он и издал *de officiis* Псевдо-Кодина — издание, о котором идет речь в письме Алляция: *Sapientissimi curopalatae de officialibus palatii Constantinopolitani ex bibliotheca Julii Pacii*. Lugduni, 1588.

**** Имеется, очевидно, в виду издание: *Georgius Codinus curopalata De officiis etc.* studio J. Gretseri. Parisiis, 1625 (с латинским переводом и комментарием).

Мой достопочтенный, многоуважаемый падре во Христе,

Чтобы окончательно убедиться в своем мнении о Феодоре Гераклийском, мне не остается ничего другого, как посмотреть рукопись названного автора о псалмах, которая, как мне сообщают некоторые мои соотечественники, — греческие писатели, находится в Bibliotheca Atemp-siana здесь, в Риме, и все было бы уже для меня ясно, но эта библиотека оказалась недоступной. До сих пор мне не удается получить разрешение на доступ, возможно, что со временем и через посредство отца Микеле это и получится. Великим несчастьем наших времен, которые можно сравнить разве только с какими-нибудь варварскими, являются сокрытие и утайка подобных сокровищ, приносящие столько вреда почтенной публике. И большой неудачей писателей является то, что они, к великому их несчастью, находятся в зависимости от друзей, что хуже, чем оказаться в зависимости от недругов. До сих пор не могу понять, что полезного для всех этих столь вредных *библиографов* в том, что они стремятся показать себя столь упорными в деле, которое явно не для них, и что хорошего в том, что ничего, кроме срама, из этого не может получиться.

Ваш хронограф гораздо более интересен, чем я себе представлял, краткий в своей повествовательной части и обильный во многом, что не находят совсем [в других источниках], и в частности в тех местах, в которых говорится о каком-то пилигриме. Ясно, что это сборник, собранный из многих авторов второстепенным писателем, которому они показались более подходящими ко времени. Язык низкий и во многих местах хуже, чем очищенный вульгарный язык, которым пользуются ныне в тех областях Греции, где еще есть какая-то культура, а нередко и отвратительный, ибо, говоря на вульгарном диалекте, автор симулирует хороший эллинский, к которому у него, однако, мало чутя и который немало ему докучает. А еще у него столько, так сказать, педантизма, но вся эта занудность сильно смягчается разнообразием сведений. Обычная, впрочем, вещь и у всех прочих поздних писателей, что писали на подобном языке, которые, желая выйти из рамок обычного, а может быть, не удовлетворяясь разговорным языком, при письме стремятся проявить себя знатоками, а потому не пишут [своих сочинений] на языке, на котором пишут в повседневной жизни, и подрывают тем самым истинную литературу, не достигая навыка педантов, каковыми они сами себя считают, когда и в свою речь и в свое письмо вводят какие-то латинские слова или целые обороты — скучнейшая вещь для того, кто это чувствует. И если бы только они не говорились из желания изменить облик [сочинения?]. А этот автор гораздо менее других [может быть обвинен в этом]: он менее варварский, менее жеманный, и от него можно многое почерпнуть о языке. И могу сказать, что если бы Меурсий располагал этим сочинением, то он бы значительно обогатил свой «Лексикон» *****. Что мне особенно приятно, так это то, что автор набожный и, насколько можно понять, сочувствующий римской церкви, когда он плохо отзывается о врагах последней, как это ясно видно в «Истории» патриарха Фотия. Сейчас я больше, чем прежде, сомневаюсь, является ли этим автором Кодин, потому что, как мне кажется, Кодин более изысканный и менее варварский, хотя и он достаточно варварский. Тем более, что приложение в виде трактата о постройке храма св. Софии, неоднократно публиковавшегося под именем Кодина, отличается по красноречию от этого, хотя по содержанию, структуре и манере такое же. Если только не хотим сказать, что автор написал его с большим обеспечением (?),

***** Имеется в виду, несомненно, издание: *J. Meursius. Glossarium graeco-barbarum. Lugduni, 1614.*

и для несведущих, и для знатоков, — вещь, на мой взгляд, невозможная. Сомнительно, чтобы этот Георгий, обозначенный в конце под именем письма, был еще и автором: ἐτελειώθη ὁ παρὼν χρονογράφος εἰς δόξαν θεοῦ διὰ χειρὸς καὶ τοῦ ἀμαρτωλοῦ Γεωργίου ἐκ τῆς Κωνσταντινουπόλεως διὰ συντρομῆς. Поскольку я нашел в Баварском каталоге греческих рукописей упоминание о некоем Георгии Амартоле, греческом писателе в следующих словах: Georgii Hamartolo annales breves ex variis scriptoribus collecti ab exordio mundi usque ad imperium Constantini Leonis filii, предупреждаю, что слово «Амартол», неверно понятое автором каталога как фамилия, означает на самом деле «грешник», так что так и нужно было переводить, ибо многие имели привычку заимствовать этот эпитет из чувства самоуничижения. Помню, например, что я вычитал у одного писателя Ἰωβίου ἀμαρτωλοῦ περὶ μυστηρίων, но также и у других. Можно было бы сказать, что как в Вашей хронике недостает стольких императоров, она также недостаточна и в той части, которая начинается с возникновения мира, причем вследствие погрешности не автора, а писца, и раз уж заговорили о погрешности, следует помнить, что в этой Вашей хронике опущены жизнеописания тех императоров, о которых пространно писал «Житие» Иоанна Куропалата по имени Скилица, автора достойного и добропорядочного. Возможно, что автор Вашей хроники не пожелал прикладывать рук к той части «Истории», которую Иоанн так изысканно обработал. Сознаваясь в заключение, что я скорее запутал, чем разъяснил Вам вопрос, и что, говоря по правде, чем я больше ищу, тем меньше нахожу во всех этих материях, я не могу все же не коснуться снова Аполлона Дельфийского. Не знаю, предупреждали ли Вас, что автором большей его части, если не сказать всего целиком, является Константин Манасси, переведенный на этот язык. Стоит Вам проверить, лишь слегка сопоставив [тексты], и Вы сразу увидите, что то, что я говорю, правда. Есть, конечно, кое-что, что у Манасси отсутствует, но это «кое-что» — очень небольшое. Так что такой же, как и он сам, является и эта книга, с именем автора или без оно, т. е. достойной, книга, которую видели и читали все любители истории как из-за тех достоинств, о которых я писал выше, так и из-за прочих, о которых у меня нет сейчас времени рассказывать Вам. Полагаю, что того, что я пока могу сказать, будет для Вас достаточно, потому что с Вашим умом и опытом в области занятий историей Вы прольете гораздо больше света на этот вопрос, чем удастся мне. Однако, если мне посчастливится узнать что-нибудь еще, я сообщу Вам об этом, а пока извините за столь небогатую информацию, недостаточность которой тем больше, что она не дает того удобства, которое представляет обладание нужными книгами. Хотя в Ватикане их и изобилие, тем не менее non omnibus datum est пользоваться ими в свое удовольствие. . .

Рим, 3 июля 1626.

Ваш преданный слуга Леон Алляций.

Б. Л. ФОНКИЧ

НИКОЛАЙ КАРАДЖА И ЛЕНИНГРАДСКИЙ СБОРНИК ВИЗАНТИЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ

(Из истории византийской дипломатики)

Недавно И. П. Медведев обратил внимание на хранящийся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР (БАН) в Ленинграде под шифром F № 3 сборник XVIII в., содержащий копии византийских документов конца XIII—первой половины XV в.¹ Характерные особенности почерка, которым написано большинство документов этого картулярия (лл. 1—10б., 3, 4, 5—9, 15—21, 22—26об.), позволили нам установить имя писца — им был известный греческий ученый и библиофил XVIII в. Николай Караджа (Νικόλαος Καρατζᾶς)².

Большое число помет, сделанных Николаем Караджой в процессе копирования документов, а также некоторые кодикологические наблюдения дают возможность восстановить историю создания сборника.

Приводим подробное описание рукописи, с указанием всех заглавий, помет и схолий, принадлежащих Николаю Карадже.

Рукопись состоит из 26 лл. размером 296×200 мм; лл. 2—2об., 3об., 4об., 9об., 10—10об., 14об. и 21об. — чистые. Документы переписаны на бумаге с различными филигранями второй половины XVIII в.; к сожалению, почти всем этим водяным знакам не находится близких аналогий в альбомах филиграней [за исключением водяного знака лл. 2—4, 15—17 — типа: G. Eineder. The ancient paper-mills of the former Austro-Hungarian Empire and their watermarks. Hilversum, 1960, № 1040 (1765 г.), 1041 (1764 г.), но с другой контрамаркой], и мы можем указать лишь число имеющихся в рукописи филиграней (семь) и их распределение по листам сборника: 1) л. 1; 2) лл. 2—4, 15—17; 3) лл. 5—10, 24—25; 4) лл. 11—14; 5—6) лл. 18—23; 7) л. 26.

Листы 11—14 переписаны другим писцом.

1. (л. 1) Προστάγμα περί τοῦ Σικελοῦ καὶ τοῦ Πολίτου. Против этого надписания на внутреннем поле находится помета Николая Караджи: ἔξωθεν, указывающая на местонахождение этого надписания в подлиннике. На верхнем поле — помета Караджи: „Ἰσὸν ἀπαράλλακτον τοῦ ἐν χάρτῃ αὐτογράφου³ βασιλικῆς προσταγματος⁴. Против даты документа (ἰνδικτιῶνος ἥ) на внутреннем поле — помета Караджи: ἰνδικτιῶν διὰ κινναβάρως.

¹ И. П. Медведев. Поздние копии византийских документов в собрании Библиотеки Академии наук СССР. — ВВ, 32, 1971, стр. 223—231.

² Отождествление по почерку проведено путем сличения с автографом Николая Караджи, опубликованным в работе: X. Γ. Πατριωλῆς. Πατριαρχικά γραμμάτια καὶ ἄλλα ἔγγραφα καὶ σημειώματα τοῦ 15—17 αἰῶνος ἐκ τοῦ κώδικος τοῦ Ἱερακοῦ (Ἐθν. Βιβλιοθ. Ἑλλ. 1474). — «Επετηρίς τοῦ Μεσαιωνικοῦ Ἀρχείου», 12 (1962), 1965, σελ. 116—165, πιν. 3. Подробное описание Ленинградской рукописи см.: «Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Том 5. Рукописи греческие. Составитель И. Н. Лебедева. Л., 1973, стр. 163—165. В БАН хранится еще один автограф Николая Караджи — рукопись РAIK № 164 (И. Н. Лебедева. Указ. соч., стр. 162—163).

³ Первоначально было: ... ἐν χάρτῃ βασιλικῇ... αὐτογράφου приписано сверху; специальный знак указывает, что это слово должно находиться перед βασιλικῇ.

⁴ Большинство помет и заголовков, принадлежащих Николаю Карадже, начинаются поставленными им в начале кавычками; ср. X. Γ. Πατριωλῆς. Op. cit., πιν. 3.

2. (л. 10б.) Πρόσταγμα περί τοῦ Βλυσζιδῆ. Над заглавием документа — помета Караджки: „ἕτερον ὅμοιον.

3. (л. 3) Здесь находится составленный Николаем Караджой пинакс, в котором перечислены копии документов, расположенные на лл. 15—170б., 4, 5—9, 11—14, 24—260б.

Χρυσόβουλλα βασιλικά. Ἀπὸ πρωτοτύπων μεμβρίνων ἀμέσως καὶ ἀπαράλλάτως μεταγραφέντα ὧν ὁ Πίναξ οὗτος πέλει.

Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου ὁροθετήριον τῆς κατὰ τὸ Ἅγιον ὄρος τοῦ Ἀθω μονῆς τοῦ Ξηροποτάμου, καὶ προστάγματα περὶ τῆς διακατοχῆς τοῦ Σικελοῦ, Πολίτου καὶ Βλυσζιδῆ μονυδρίων.

Τοῦ αὐτοῦ ἐπικυρωτικὸν διαλαμβάνον ἅπαντα τὰ δικαιώματα τῆς κατὰ τὸ Ἅγιον ὄρος τοῦ Ἀθω μονῆς τῆς μεγάλης Λαύρας.

Τοῦ αὐτοῦ βεβαιωτήριον τῶν προνομίων, ἐπισκοπῶν καὶ προσόντων κτημάτων καὶ δικαίων τῆς μητροπόλεως Μονεμβασίας.

Ἰωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ ἐπικυρωτικὸν τῶν αὐτῶν προνομίων καὶ λοιπῶν δικαίων τῆς αὐτῆς μητροπόλεως.

Ἰωάννου τοῦ Παλαιολόγου εὐεργετήριον τῶν ἐν τῇ νήσῳ Λήμνῳ εὐεργεσιῶν τῆς κατὰ τὸ Ἅγιον ὄρος τοῦ Ἀθω μονῆς τοῦ ἁγίου Παύλου⁵.

4. (л. 4) Заглавие документа и помета над ним совпадают с материалом на л. 10б. Против заглавия — маргинальная помета Караджки: „ὅπισθεν τοῦ αὐτοῦ.

5. (лл. 5—9) Χρυσόβουλλον τοῦ αἰοιδίμου βασιλέως κυροῦ Ἀνδρονίκου, διαλαμβάνον ἅπαντα τὰ δικαιώματα τῆς (на этом заглавие документа обрывается). Маргинальная помета Караджки, сопровождающая это заглавие, — ὅπισθεν τοῦ αὐτοῦ. Ниже заглавия следует большая заметка Караджки: Ἀντίτυπον ἀπαράλλακτον τοῦ πρωτοτύπου ἐπικυρωτικοῦ χρυσόβουλλου τοῦ αἰοιδίμου βασιλέως Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου Περί τῶν προσόντων κτημάτων τε καὶ μετοχίων, καὶ ἄλλων δικαίων, ἐτι δὲ καὶ περὶ καταστάσεως τῆς κατὰ τὸ Ἅγιον ὄρος τὸν Ἀθω βασιλικῆς σεβασμίας μονῆς τῆς μεγάλης Λαύρας τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου, ἐν ᾧ ἦν ἀπὸκηρημένη μετὰ σηρικῶν νήματος καὶ ἡ συνήθης χρυσῇ βούλλᾳ, ἔχουσα ἐντετυπωμένην ἐκ τοῦ ἐνὸς μέρους τὴν εἰκόνα τοῦ Χριστοῦ, ἐκ δὲ τοῦ ἐτέρου, τοῦ αὐτοῦ βασιλέως μετὰ τῶν ἐπιγραφῶν αὐτῶν.

На внешнем поле у начала этой заметки — помета Караджки: „ἐχομίσθη ἐν Κωνσταντινουπόλει κατὰ τὸ αψξβ' ἔτος. Николаю Карадже принадлежат и маргинальные пометки на л. 6—60б.; л. 6: против слов μετόχιον ἐπιλεγόμενον τὰ Βουλευτήρια — Μετόχιον τὰ Βουλευτήρια: ὁ ἅγιος ἐλευθέριος; против места ἕτερον μετόχιον τὸ Μυλοπόταμον — τὸ Μυλοπόταμον; л. 60б.: против места ἕτερον μετόχιον τοῦ Καλόκα — τοῦ Καλόκα; против слов ἐν ταῖς Καρέαις — ἦγουν τοῦμινα; против τὰ Δρυμόσυρτα — τὰ δρυμόσυτα.

6. (лл. 11—14) Ἀντίγραφον ἀπαράλλακτον ἐκ τοῦ χρυσόβουλλου τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ αἰοιδίμου βασιλέως Ῥωμαίων Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου, ὅπερ διαλαμβάνει τὰ προνόμια, τὰς ἐπισκοπὰς, τὰ χωρία, τὴν γῆν, τοὺς ἀμπελώνας, τοὺς μύλους, τὰ διάφορα δένδρα, τὰ περιβόλια, καὶ τὰ λοιπὰ ἅπερ δέδωκε τῇ ἁγιωτάτῃ μητροπόλει Μονεμβασίας.

На внешнем поле у начала заглавия — помета Караджки: „ἐστάλη ἀπὸ Μονεμβασίας εἰς Κωνσταντινούπολιν κατὰ τὸ αψν'.

7. (лл. 15—17) Χρисуул Андроника II Палеолога афонскому Ксиропотамскому монастырю, август, инд. 13, 6810 (1302). Л. 15 начинается большой заметкой Николая Караджки (сопровождаемой маргинальной пометой: „ἐχομίσθη ἐν Κωνσταντινουπόλει κατὰ τὸ αψνθ' ἔτος): Ἀντίτυπον ἀπαράλλακτον τοῦ πρωτοτύπου ἐν μεμβρᾷ ὁροθετηρίου χρυσόβουλλου τοῦ αἰοιδίμου βασιλέως Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου Περί τῶν κτημάτων, μετοχίων τε καὶ τοπίων, ἐτι δὲ καὶ περιορισμῶν τῶν ὀρίων τῆς κατὰ τὸ Ἅγιον ὄρος τοῦ Ἀθω σεβασμίας βασιλικῆς μονῆς τῶν ἁγίων τεσσαράκοντα μαρτύρων, ἐπικεκλημένης τοῦ Ξηροποτάμου, ἐν ᾧ ἦν ἱστορημένη καὶ ἡ εἰκὼν τοῦ βασιλέως μετὰ φεγγίου, καὶ ἡ συνήθης χρυσῇ βούλλᾳ ἀπὸκηρημένη

⁵ Пинакс издан И. П. Медведевым (указ. соч., стр. 223—224).

μετὰ σθητικοῦ νήματος, ἔχουσα ἐντετυπωμένην ἐκ τοῦ ἐνὸς μέρους τὴν εἰκόνα τοῦ Χριστοῦ, καὶ ἐξ ἐτέρου τὴν εἰκόνα τοῦ αὐτοῦ βασιλέως μετ' ἐπιγραφῆς.

На этом же листе почти в самом начале текста хрисовула, против слов: καὶ διατηρεῖσθαι ... — маргиналия Караджи: „Ἰστέον ὡς οἱ ἀριθμοὶ δηλοῦσι τοὺς στίχους τοῦ χρυσοβούλλου).

8. (л. 17об.) Помета „Ἰσὼν ἀπαράλλακτον ... , заглавие и текст документа совпадают с материалом на л. 1. Изменена лишь маргинальная помета Караджи, находящаяся против заглавия: ὁπισθεν τούτου (вместо ἔξωθεν на л. 1), да отсутствует помета против даты.

9. (лл. 18—19об.) Диатаксис великого примикрия Иоанна монастырю Пандократора, август, инд. 7, 1384.

Записи и пометы Николая Караджи. л. 18. 1) По краю верхнего поля: „εἰς τὸν ἀφιέρωσις τοῦ ἐν τῇ νήσῳ θάσσῃ ναοῦ τοῦ Προδρόμου, πύργου, φρουρίου, καὶ λοιπῶν ἀπάντων ἐν τῇ κατὰ τὸ Ἅγιον ὄρος μονῇ τοῦ Παντοκράτορος. 2) Заглавие документа: Διάταξις Ἰωάννου μεγάλου Πριμικηρίου καὶ κτήτορος τῆς κατὰ τὸ Ἅγιον ὄρος τοῦ Ἄθω σταυροπηγιακῆς μονῆς τοῦ Παντοκράτορος περὶ τῶν κατ' αὐτόν, μεταγραφείσα ἀπαράλλάκτως ἐκ τοῦ πρωτοτύπου τοῦ ἐν τῇ αὐτῇ μονῇ ἐν μεμβράνῃ φυλαττομένου. 3) На внутреннем поле, против первой строки заглавия: „ὁπισθεν τούτου † χρυσοβούλλον τῆς θάσσου. 4) На внешнем поле, против первой строки заглавия: „ἐχομίσθη ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐν ἔτει αψπγ", καὶ μαίους α' ἀντεγράφη. 5) Против слов текста αἱ συνεχεῖς τῶν Ἀχαιμενιδῶν ἐπιδρομαί... — две заметки на полях: а) „ἐπειδὴ κάκείνην (τὴν Καλλιούπολιν) ὁ σεισμὸς ἐκείνος τοῖς Ἀχαιμενidais, οὓς νῦν Τούρκους καλοῦμεν, ὑπεποιήσατο: Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς, ἐπιστολὴ πρὸς Θεσσαλονικεῖς. в) „Ἀχαιμένης, ὁ Ἦρως, ἀφ' οὗ καὶ οἱ Πέρσαι Ἀχαιμενidai, γέγονεν υἱὸς Περσέως, ὠνόμαται δὲ ἀπὸ τοῦ εἶναι τὸν προπάτορα αὐτοῦ ἀπὸ τῆς Ἀχαιᾶς. οὕτω Νικόλαος Βαρίνος εἰς τὸ, Ἀχαир:

л. 19. К месту текста ὡσαύτως καὶ Ἀμυγδαλέας — две маргинальных заметки: а) „ἐνταῦθα τὴν τόπος ἀνοικτός, ὡς οἶμαι τοῦ ἀριθμοῦ, ὃς περιέχεται εἰς τὸ σιγίλλιον διὰ τοῦ τ' στοιχείου. в) „ἰσ(τέον) ὁ ἀριθμὸς τῶν Ἀμυγδαλέων τοῦτο τ'.

л. 19об. К заключительным (после подписей) словам документа: † λέγω καὶ τοῦτο ὅπερ με ἔλαθε καταγραφῆναι... αὐτοῦ ὥστε καταμένειν, — Караджа сделал на поле помету: „τοῦτο τὴν γεγραμμένον εἰς τὸ περιθώρι τοῦ κάτω μέρους τῆς σελίδος, πρὸ τῶν ὑπογραφῶν.

10. (лл. 20—21) Сигиллий патриарха Нила, май, инд. 9, 6894 (1386). Все пометы Николая Караджи находятся на л. 20. 1) Заглавие документа: Σιγίλλιον πατριαρχικὸν ἐπικυροῦν τὴν Διάταξιν τοῦ μεγάλου Πριμικηρίου, ἀνελλειπῶς ἀντιγραφὲν ἐκ τοῦ πρωτοτύπου ἐν μεμβράνῃ σωζομένου τῇ Παντοκρατορικῇ μονῇ. 2) На внутреннем поле, против первой строки заглавия: „ὁπισθεν † σιγίλλιδος τῆς θάσσου. 3) На внешнем поле, против первой строки заглавия: „καὶ τοῦτο τῷ αὐτῷ ἔτει ἐχομίσθη, καὶ τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἀντεγράφη. 4) К месту в тексте: πάλαι χωράφι τῶν Κοιλαδεινῶν καὶ τοῦ Γιανοῦ, — две маргинальных пометы: а) „ἐν τῇ διατάξει ἐστὶ γεγραμμένον οὕτω τὰ παλαιὰ χωράφια. в) „ἐν τῇ διατάξει) Γιανίου.

11. (лл. 22—23об.) Хрисовул Мануила II Палеолога монастырю Пандократора, январь 6904 (1396).

л. 22. Заглавие документа: Χρυσόβουλλον εὐεργετήριον τοῦ αἰοδίδμου βασιλέως Μανουὴλ τοῦ Παλαιολόγου, φιλοτιμηθὲν ὑπ' ἐκείνου τῇ αὐτῇ Παντοκρατορικῇ μονῇ, ὅπερ ἀπαράλλάκτως ἀντεγράφη ἐκ τοῦ πρωτοτύπου ἐν μεμβράνῃ σωζομένου τῇ αὐτῇ μονῇ. Против первой строки заглавия на внутреннем поле — помета Николая Караджи: „εἰς τὸ κάτω μέρος χρυσοβούλλον τῆς λήμνου, а на внешнем поле — „ἐχομίσθη καὶ τότε τῷ αὐτῷ ἔτει, καὶ ἀντεγράφη μαρτίου ε' τοῦ αψπδ' ἔτους.

12. (лл. 24—25об.) Хрисовул Иоанна VI Кантакузина Монеμβасийской митрополии⁶. На л. 24 — заметки Николая Караджи. 1) Заглавие доку-

⁶ См. издание текста хрисовула и исследование: *И. П. Медведев*. Указ. соч., стр. 227—230.

мента: Ἴσον ἀπαράλλακτον τοῦ ἀντιγράφου χρυσοβούλλου παρεκβληθέντος ἐκ τοῦ πρωτοτύπου ἐπικυρωτικοῦ χρυσοβούλλου τοῦ αὐτιδίμου βασιλέως Ἰωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ περὶ τῶν προνομίων τῆς κατὰ Πελοπόννησον ἀγιοτάτης Μ(ητρο)πόλεως Μονεμβασίας, καὶ τῶν ὑποκειμένων αὐτῇ ἐπισκοπῶν, καὶ τῶν προσόντων κτημάτων καὶ δικαίων. 2) На внешнем поле, против первой строки заглавия: „ἐσ-τάλη ἀπὸ Μονεμβασίας εἰς Κωνσταντινούπολιν, καὶ ἐξ ἐκείνου ἀντεγράφη κατὰ τὸ αψν' ἔτος.

13. (л. 26—26об.) Хрисовул Иоанна VIII Палеолога афонскому монастырю св. Павла, сентябрь 1436. На л. 26 — заметки Николая Караджи. 1) Заглавие документа: Ἀντίτυπον ἀπαράλλακτον τοῦ πρωτοτύπου ἐν μεμβράνῃ εὐεργετηρίου χρυσοβούλλου τοῦ αὐτιδίμου βασιλέως Ἰωάννου τοῦ Παλαιολόγου περὶ τῶν ἐν τῇ νήσῳ Δήμῳ τεσσάρων ζευγαρίων γῆς, καὶ ἐλευθερίας ἐννομίου τῶν προβάτων, τῶν ὑπ' ἐκείνου εὐεργετηθέντων τῇ κατὰ τὸ Ἅγιον ὄρος μονῇ τοῦ ἀγίου Γεωργίου, ἐπικεκλημένη τοῦ ἀγίου Παύλου, ἐν ᾧ ἀπηφώρητο μετὰ σηρικοῦ νήματος καὶ ἡ συνήθης χρυσῇ βούλλα, ἔχουσα ἐντετυπωμένην ἐν μὲν τῷ ἐνὶ μέρει τὴν εἰκόνα τοῦ Χριστοῦ, ἐν δὲ τῷ ἐτέρῳ τὴν βασιλικήν. 2) На внешнем поле, против первой строки заглавия: „ἐκομίσθη ἐν Κωνσταντινουπόλει κατὰ τὸ αψνε' ἔτος.

* * *

Обратимся к анализу пинакса на л. 3. Здесь перечислены документы, описанные нами под номерами 4, 5, 6, 7, 8, 12 и 13; следовательно, первоначально сборник, составленный Николаем Караджой, включал в себя только эти документы. Сборник начинался, как указано в пинаксе, ὁροθετήριον Андроника Палеолога Ксиропотамскому монастырю (№ 7 описания), т. е. нынешний л. 15 был первым листом картулярия. В этом случае помета в начале текста на л. 15 — „Ἰστέον ὡς οἱ ἀριθμοὶ δηλοῦσι τοὺς στίχους τοῦ χρυσοβούλλου — оказывается на месте: читатель рукописи мог не понять значения цифр над строками некоторых документов (а такие цифры имеются на лл. 15—17 об., 4, а также на л. 1—1 об., но об этом см. ниже), и помета на первом листе сборника сразу же объясняет, что эти цифры обозначают порядок строк документа в подлиннике.

За текстом № 7, в соответствии с пинаксом, следовали Πρόσταγμα περὶ τοῦ Σικελοῦ καὶ τοῦ Πολίτου (№ 8, л. 17об.) и Πρόσταγμα περὶ τοῦ Βλυτζιδῆ (№ 4, л. 4). Текст этих простагм переписан в рукописи дважды — 1) л. 1—1 об., 2) л. 17 об. и 4, причем оба раза — с указанием порядка строк документов в подлиннике. Различия в цвете чернил показывают, что тексты на лл. 1—1 об. и 17 об., 4 были написаны в разное время. Наблюдения над текстом этих копий позволяют сделать заключение, что л. 1—1 об. был переписан раньше, чем лл. 4 и 17 об.⁷, однако Николай Караджа отказался от своих прежних копий (быть может, потому, что в них имелись некоторые поправки) и переписал их заново в момент составления картулярия, зафиксированного пинаксом, объединив с ὁροθετήριον того же императора: получилась подборка трех документов Андроника II Палеолога в пользу Ксиропотамского монастыря.

Таким образом, первоначальный порядок расположения первых листов картулярия был следующим: лл. 15—17 об., л. 4 (№ 7, 8, 4).

Вслед за документами Ксиропотама пинакс указывает хрисовул Андроника II Палеолога Лавре св. Афанасия: его текст (лл. 5—9; № 5) должен идти за текстом на л. 4, т. е. в настоящее время в рукописи сохраняется первоначальный порядок расположения копий этих документов. В соответствии с данными пинакса после текста на лл. 5—9 следовали βεβαιωτήριον

⁷ За первичность текста на л. 1 об. по отношению к тексту на л. 4 говорят, например, то, что на л. 1 об. Караджа, не разобрав сначала в 5-й строке слово τοῦ σισύχου, написал его неверно, а затем исправил; на л. 4 это место сразу написано четко, так что если бы Караджа переписывал текст л. 4, он не мог бы сделать такой ошибки.

Андроника II Палеолога Монеувасийской митрополии (лл. 11—14; № 6 ἐπικρωτικὸν Иоанна Кантакузина той же митрополии (лл. 24—25 об.; № 11) и εὐεργετήριον Иоанна Палеолога монастырю св. Павла (л. 26—26 об.; № 13).

Итак, из 12 документов, находящихся в Ленинградской рукописи, (№ 4, 5, 6, 7, 8, 12 и 13) вошли в первоначальный картулярный, описанный в пинаксе, и 2 (№ 1 и 2) были использованы в качестве подготовительных материалов. Три документа, относящиеся к владениям монастыря Пандократора и не отраженные в пинаксе (№ 9, 10, 11), были присоединены Николаем Караджой к первоначальному сборнику позже.

Рассмотрим вопрос о времени написания рукописи БАН. Для его решения большое значение имеют приведенные выше пометы Караджа о времени присылки подлинников переписанных им документов в Константинополь и датах снятия с них копий.

О присылке подлинников речь идет в пометах на лл. 5, 15, 18, 20, 22, 26; во всех этих случаях в заглавиях документов Николай Карадж отмечает, что копия снята им с подлинного документа (л. 5: Ἀντίτυπον ἀπαράλλακτον τοῦ πρωτοτύπου ἐπικρωτικοῦ χρυσοβούλλου...; л. 15: Ἀντίτυπον ἀπαράλλακτον τοῦ πρωτοτύπου ἐν μεμβράνῃ ὁροθετηρίου χρυσοβούλλου...; л. 18: Διατάξεις... μεταγραφεῖσα ἀπαράλλάκτως ἐκ τοῦ πρωτοτύπου...; л. 20: Σιγίλλιον... ἀνελλειπῶς ἀντιγραφέν ἐκ τοῦ πρωτοτύπου ἐν μεμβράνῃ σωζομένου...; л. 22: Χρυσόβουλλον... ὅπερ ἀπαράλλάκτως ἀντεγράφη ἐκ τοῦ πρωτοτύπου ἐν μεμβράνῃ σωζομένου...; л. 26: Ἀντίτυπον ἀπαράλλακτον τοῦ πρωτοτύπου ἐν μεμβράνῃ εὐεργετηρίου χρυσοβούλλου...), и иногда (лл. 5, 15, 26) подробно описывает дипломатические особенности подлинника.

В двух случаях — когда речь шла о документах Монеувасийской митрополии — Николай Караджа имел дело не с подлинниками, а с изготовленными другими писцами (писцом) и отправленными в Константинополь копиями; одна из них была прямо включена в картулярный (№ 6; лл. 11—14), а другая — заново переписана Караджой (№ 12; лл. 24—25 об.; именно поэтому заглавие документа на л. 24 отличается от всех остальных: Ἰσα ἀπαράλλακτον τοῦ ἀντιγράφου χρυσοβούλλου παρεκβληθέντος ἐκ τοῦ πρωτοτύπου ἐπικρωτικοῦ χρυσοβούλλου..., т. е. «Точная копия списка, снятого с подлинного хрисовула...»).

Любопытны и пометы Караджи при документах № 6 и 12. Если в шести указанных выше пометах на лл. 5, 15, 18, 20, 22, 26 для обозначения присылки подлинника из места его хранения в Константинополь употребляется слово ἐχορίσθη, то в пометах на лл. 11 и 24 стоит: ἐστάλη. Нам представляется, что словом ἐχορίσθη Николай Караджа всюду обозначал доставку подлинного документа, тогда как слово ἐστάλη указывал на присылку копии⁸.

Документы, вошедшие в первоначальный картулярный, имеют следующие даты присылки в Константинополь подлинников или копий: № 6 — 12 — 1750 г., № 13 — 1755 г., № 7 (а следовательно, и непосредственно примыкающие к нему № 8 и 4) — 1759 г., № 5 — 1762 г. Лишь при одном документе № 12 имеется помета Караджи о времени изготовления им списка с присланной копии хрисовула: ... ἀντεγράφη κατὰ τὸ αὐτὸ ἔτος.

Даты копирования остальных частей картулярия не указаны, однако ясно, что № 6 не мог быть переписан *позже* 1750 г. (так как он был включен в сборник без снятия с него новой копии), а № 13, 7, 8, 4 (а также № 1 и 2, послужившие подготовительными материалами для № 4 и 8) и № 5 не могли быть переписаны *ранее* времени получения их подлинников в Константинополе, т. е. соответственно ранее 1755, 1759 и 1762 гг. Однако анализ чернил и бумаги позволяет сделать некоторые уточнения.

По цвету чернил и филиграммам бумаги материалы первоначального сборника делятся на 4 части.

⁸ На лл. 11—14 сохранились следы продольных и поперечных сгибов, свидетельствующие о том, что этот документ был сложен в виде письма.

1. лл. 4, 15—17 об. (№ 4, 7, 8) писаны одинаковыми черными чернилами на бумаге одного сорта (см. выше).

2. лл. 5—9, 24—25 об. (№ 5 и 12) писаны, без сомнения, одновременно, одинаковыми коричневыми чернилами на бумаге одного сорта (см. выше). Так как № 5 не мог быть написан ранее 1762 г., следовательно, и № 12 написан в это же время. Если же теперь принять во внимание помету к № 12 о том, что этот документ, присланный в Константинополь в 1750 г., тогда же был и скопирован, то остается предположить, что, включая хрисовул в картулярный не ранее 1762 г., Николай Караджа не удовлетворился его копией 1750 г. и изготовил новую копию.

3. л. 26—26 об. (№ 13) писан черными (отличающимися от № 4, 7, 8) чернилами на бумаге с филигранью «три шляпы».

4. Пинакс и все пометы о времени получения в Константинополе подлинников или копий документов первоначального картулярия писаны одинаковыми чернилами черного цвета, оттенок которых отличается от чернил всего комплекса материалов и свидетельствует об одновременности появления оглавления сборника и помет с датами. Совершенно ясно, что пинакс был последним этапом оформления картулярия, поэтому время его появления, а следовательно, и дату составления первоначального сборника византийских документов нужно относить ко времени не ранее написания самой поздней копии, т. е. не ранее 1762 г.

Проставленные Николаем Караджой даты изготовления копий не вошедших в первоначальный картулярный документов № 9—11 (1 мая 1783 г. и 5 марта 1784 г.) позволяют определить *terminus ante quem* образования описанного пинаксом сборника — 1 мая 1783 г. К сожалению, более узкие хронологические границы создания первоначального картулярия, чем 1762 — 1 мая 1783 гг., мы указать сейчас не можем.

Суммируем результаты наших наблюдений над порядком появления материалов Ленинградской рукописи.

1. Копии византийских документов, вошедшие в рукопись БАН, были написаны между 1750 г. и 5 марта 1784 г.

2. Самыми ранними копиями являются № 6 (не позже 1750 г.) и оригинал копии № 12, написанный в 1750 г. и заново скопированный не ранее 1762 г.

3. Документ № 13 появился не ранее 1755 г.

4. Не ранее 1759 г. были сделаны копии документов № 1 и 2, вновь переписанные позже (№ 8 и 4), одновременно с № 7. При этом следует заметить, что во время написания № 8 и 4 подлинники этих документов все еще находились в Константинополе: Караджа не скопировал на л. 4 свои пометы на внутреннем поле л. 1, а поставил новую помету.

5. Документ № 5 был скопирован не ранее 1762 г., одновременно с изготовлением новой копии документа № 12.

6. Не ранее 1762 г., когда у Николая Караджи оказались копии документов конца XIII — первой половины XV в. афонских монастырей св. Павла, Ксиропотама, Лавры св. Афанасия и Монеувасийской митрополии, у него возникла возможность объединить их в единый сборник. Работа по созданию картулярия выразилась в подборке материалов по монастырям и размещении документов в хронологической последовательности (с некоторым нарушением ее в начале) издания их подлинников; в создании оглавления сборника; в написании (по-видимому, на основе имевшихся более ранних отметок) помет о времени получения подлинного документа или — для № 6 и 12 — копии в Константинополе и — для № 12 — времени изготовления нового списка. Расположение листов первоначального картулярия было следующим: 3, 15—17, 4, 5—10, 11—14, 24—25, 26.

7. В 1783 г. Николай Караджа получил подлинники трех документов афонского монастыря Пандократора (№ 9, 10, 11) и 1 мая того же года снял копии двух первых документов; копия документа № 11 была из-

готовлена 5 марта 1784 г. Возможно, нынешние лл. 18—23 об. занимали сначала другое место, но так как первоначальный картулярий, по-видимому, не был переплетен (в его составе находились ставшие уже ненужными материалы л. 1—1 об.) и его листы со временем изменили свое прежнее расположение, то и три новых копии оказались среди его листов, в окружении других афонских документов. Можно было бы предположить, что начальный порядок листов рукописи был несколько изменен В. И. Григоровичем, получившим манускрипт в Филиппополе (помета на л. 1), изучавшим его (пометы на л. 1 об.) и облекшим в картонный переплет. Мы, однако, не разделяем это предположение и думаем, что В. И. Григорович сохранил тот порядок листов рукописи, который наблюдается в настоящее время.

* * *

Анализ принадлежащих Николаю Карадже заглавий документов и некоторых маргинальных помет характеризует составителя Ленинградского картулярия как дипломатиста, не только точно копирующего текст подлинного документа (ἀντίτυπον ἀπαράλλακτον τοῦ πρωτοτύπου ἐπικυρωτικοῦ (ὁροθετηρίου, εὐεργετηρίου) χρυσοβούλλου, ἴσον ἀπαράλλακτον τοῦ ... αὐτογράφου βασιλικοῦ προστάγματος, μεταγραφεῖσα (ἀντιγραφὲν, ἀντεγράφη) ἀπαράλλακτως (ἀνελλειπῶς) ἐκ τοῦ πρωτοτύπου), но и скрупулезно отмечающего все детали «внешности» подлинника: 1) материал, на котором написан документ, — почти всегда пергамен (л. 3: Ἀπὸ πρωτοτύπων μεμβρίνων; в других случаях: ... τοῦ πρωτοτύπου ἐν μεμβράνῃ), но один раз — бумага (л. 1 = л. 17 об.: τοῦ ἐν χάρτῃ... βασιλικοῦ προστάγματος); 2) порядок расположения текста подлинника (пометы на лл. 15 и 19 об., документы № 1, 2, 4, 7, 8); 3) способ прикрепления печати (лл. 5, 15, 26: ἐν ᾧ ἦν ἀπηρωρμένη (ἀπηρωρτο) μετὰ σθητικοῦ νήματος καὶ ἡ συνήθης χρυσῇ βούλλᾳ); 4) описание печати (лл. 5, 15, 26: ... ἔχουσα ἐντετυπωμένην ἐκ τοῦ ἐνός μέρους (ἐν μὲν τῷ ἐνὶ μέρει) τὴν εἰκόνα τοῦ Χριστοῦ, ἐκ δὲ τοῦ ἑτέρου (καὶ ἐξ ἑτέρου, ἐν δὲ τῷ ἑτέρῳ), τοῦ αὐτοῦ βασιλέως (τὴν βασιλικὴν) μετὰ τῶν ἐπιγραφῶν αὐτῶν (μετ' ἐπιγραφῆς)); 5) пометы на обороте подлинника.

Только в трех случаях (на копиях документов Пандократора) Николай Караджа указал место хранения подлинника; однако и тогда, когда речь идет об оригиналах остальных документов, ясно, что они были присланы в Константинополь именно из тех мест, которые указаны в заглавиях: Лавры св. Афанасия, Ксиропотама, монастыря св. Павла, Монеμвасии; вероятно, поэтому при слове ἐκομίσθη не стоит соответствующего указания.

Важным моментом работы Караджи является определение характера документа (πρόσταγμα, ἐπικυρωτικόν (ὁροθετήριον, εὐεργετήριον) χρυσόβουλλον, διάταξις, σιγίλλιον πατριαρχικόν) и передача в заглавии его краткого содержания.

Таковы результаты исследования небольшого Ленинградского сборника, позволяющие проследить зарождение в Греции научного подхода к древнему документу и поставить Николая Караджу наряду с Кириллом Лаврским⁹ у истоков византийской дипломатики как науки.

⁹ А. Guillou. Les débuts de la diplomatie byzantine: Cyrille de Lavra. — BCH, 82, 1958, p. 610—634.

Р. А. НАСЛЕДОВА

ВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ ГРЕЧЕСКОЙ РУКОПИСИ № 348 ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В МОСКВЕ

Пометы и записи, встречающиеся на греческих рукописях, вызывали к себе интерес еще со времени основателя греческой палеографии Монфокона. При этом главное внимание как Монфоконом, так и последующими учеными — Гардхаузенем, Девреем и др., а в недавнее время К. Троем — уделялось записям, сделанным самими переписчиками рукописей¹. Это вполне понятно, если принять во внимание, что почти каждая греческая рукопись имеет ту или иную запись или помету ее писца. Но наряду с пометами и записями писцов в них встречаются также записи позднейших владельцев и лиц, пользовавшихся рукописью. Записи эти, как справедливо отметил Трой, могут представлять в известном смысле еще большую культурно-историческую ценность².

На одну из таких записей обратил мое внимание московский палеограф Б. Л. Фонкич.

Запись находится в греческой рукописи № 348, хранящейся в Синодальном собрании Государственного Исторического музея в Москве³. Рукопись была привезена в Москву в 1655 г. Арсением Сухановым, который купил ее на Афоне в числе других греческих рукописей. Как свидетельствует помета, сделанная монастырским библиотекарем на нижнем поле второго листа рукописи, при ее передаче Арсению она принадлежала монастырю Пантократора (βιβλίον τοῦ Παντοκράτορος Χριστοῦ). Рукопись содержит 389 листов и представляет собою Патерик, писанный на пергамене минускулом. В каталоге Х. Ф. Маттеи она датируется XII—XIII вв.⁴, в каталоге Владимира — XIII веком⁵. Поскольку рукопись написана на пергамене, более точную ее датировку дать трудно; можно лишь сказать, что Владимир был безусловно прав, исключив возможность написания рукописи в XII в. Судя по палеографическим данным, она могла быть писана в XIII и даже в XIV в.

Патерик, находящийся в рукописи № 348, был составлен монахом Павлом, ктиторм основанного им в 1048 г. Евергетидского монастыря⁶.

¹ *B. de Montfaucon*. Palaeographia Graeca. . . Parisiis, 1708; *V. Gardthausen*. Griechische Palaeographie. Leipzig, 1913, S. 424—483; *R. Devreesse*. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. Paris, 1954, p. 46—58; *K. Treu*. Griechische Schreibernotizen als Quelle für politische, soziale und kulturelle Verhältnisse ihrer Zeit. — «Byzantino-bulgarica», II. Sofia, 1966, S. 127—143. В статье Троя указаны основные работы, посвященные пометам писцов и их публикациям, а также дана их краткая характеристика. См. также: *I. Irigoin*. Les manuscrits grecs 1931—1960. — «Lustrum», Bd. 7 (1962), 1963, p. 58.

² *K. Treu*. Op. cit., S. 130.

³ Арх. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной библиотеки, ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 508—510.

⁴ *Ch. F. Matthaei*. Accurata Codicum Graecorum Mss. bibliothecarum Mosquensium sanctissimae Synodi notitia et recensio. Lipsiae, 1805, t. 1, p. 128—129.

⁵ Арх. Владимир. Указ. соч., стр. 508.

⁶ *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2. Auflage. München, 1897, S. 188, 318.

В собрании Исторического музея, помимо нашей рукописи, которая держит первую и вторую книги Патерика Павла, Патерик такого же держания представляет собой рукопись № 352, писанная в XV в.; третья и четвертая книги Патерика помещены в рукописи № 349, писанные как об этом свидетельствует помета писца, в 1297 г.

Владельческая запись рукописи № 348 полностью была приведена в каталоге Маттеи, который издал ее с некоторыми исправлениями орфографии⁷, и в сокращенном виде — в каталоге Владимира⁸. Запись ходит в левой колонке первого листа рукописи, предшествующей первому листу текста Патерика. Она занимает примерно половину листа и гласит следующее (см. фото):

Τὸ παρὸν βιβλίον ἔστιν ἐμὸν τοῦ πατρὸς
Δοσιθέου καὶ ἡγόρασα αὐτὸ ἐν τῇ ἀλώσει
τῆς Θεσσαλονίκης. καὶ νῦν δίδωμι αὐτὸ
πρὸς τὸν πατρὶν κυρὸν Ἀρσένιον τὸν Κρήτα,
καὶ τοῖς μετ' αὐτοῦ ἀδελφοῖς χάριν τοῦ
ἀναγινώσκειν αὐτὸ καὶ ὀφελείσθαι ἐξ αὐτοῦ.
καὶ ὅταν βούλωμαι ἐπάρω αὐτὸ ἐξ αὐτῶν.
εἰ δὲ συμβεῖ μοι θάνατος, ἵνα ἔχωσιν αὐτὸ
οἱ ῥηθέντες ἀδελφοί, καὶ εὐχονται, καὶ
μνημονεύουσιν ἡμῶν τῆς οὐθενότητος.
ἔτους ΣΗΠΒ' μηνὶ αὐγούστου. Δοσίθεος
ἱερομόναχος.

Эта книга принадлежит мне, священнику Досифею, и я купил во время взятия Фессалоники, а теперь я даю ее священнику Арсению Критскому и братьям, которые с ним, читая ее, получают от нее пользу; если же я пожелаю, возьму ее у них. Если же постигнет меня смерть, пусть упомянут братья владеют ею и молятся за меня] и поминуют меня недостойно. Лета 6982, месяца августа Досифей иеромонах.

Запись эта интересна во многих отношениях.

В ней указана прежде всего дата ее написания: 6982 г. (1474 г.), что уже немаловажно для палеографического изучения манеры письма сложившегося в первой половине XV в., к тому же письма, принадлежавшего руке не писца-профессионала, а простого владельца рукописи. Датировки греческих рукописей подобные образцы, как известно, представляют большую ценность.

Автор владельческой записи сообщает о своем общественном положении и называет свое имя: это иеромонах (монах-священник) Досифей.

Весьма любопытна запись и по содержанию. Владелец Патерика Павел пишет, что он купил книгу во время завоевания Фессалоники. Судя по тому, что запись была сделана в 1474 г., речь идет о взятии Фессалоники турками в 1430 г. Допустить, что Досифей имел в виду первое взятие Фессалоники турками (1387 г.), едва ли возможно уже потому, что между этим событием и записью Досифея должно было бы пройти 87 лет, и если бы он купил книгу даже в возрасте 20 лет, то к моменту записи ему было бы 107 лет. Некоторые ученые считают, что между взятием Фессалоники турками в 1387 г. и возвращением ее Византийской империи в 1403 г. фессалоникийцы на короткое время сбрасывали турецкое иго, и турецкому султану Баязиду приходилось вновь захватывать город. Событие это относилось одними исследователями к 1391 г., другими — к 1394 г.⁹ Но, не говоря уже о том, что показания источников о завоевании Фессалоники турками в 1391 или 1394 г., на которых основывались утверждения ученых, сами по себе противоречивы и малодостоверны, ка

⁷ См. Ch. F. Matthaei. Op. cit., p. 128—129.

⁸ Арх. Владимир. Указ. соч., стр. 508.

⁹ См., например: K. Hopf. Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf die neuere Zeit. Leipzig, 1867—1868, S. 85—86; N. Yorga. Geschichte des Osmanischen Reiches, I. Gotha, 1908, S. 282, n. 3; „Всемирная история“, т. III. М., 1957, стр. 735; «История Византии», т. 3. М., 1968, стр. 168.

показал недавно в своей работе Г. Деннис¹⁰, Досифей опять-таки уже в силу своего возраста едва ли мог бы приобрести рукопись в эти годы. Да и делая запись в 1474 г., спустя 21 год после падения самой Византийской империи, Досифей — если он не имел в виду окончательное завоевание Фессалоники турками — не преминул бы, надо полагать, отметить, о каком именно завоевании города идет у него речь.

Упоминание Досифеем завоевания Фессалоники турками — конкретного события, случившегося при его жизни, — привлекает к себе внимание и еще с одной стороны. Сообщения такого рода, оставившиеся на полях греческих рукописей писцами-монахами, были, в отличие от рукописей латинских, весьма редкими и делались лишь в исключительно важных случаях¹¹. Владельческая запись Досифея не была исключением из общего правила. Несомненно, что только большая трагедия его родины — переход крупнейшего города Византийской империи под власть турок — заставила его, монаха престарелого возраста, спустя почти полвека после этого события, упомянуть о нем во владельческой записи.

Указание Досифея на покупку Патерика Павла при взятии Фессалоники турками служит, возможно, доказательством большой ценности этой книги в то время. В противном случае трудно объяснить, почему Патерик был приобретен в наиболее, казалось бы, неподходящий для этого момент, когда в город ворвался враг и население было охвачено неизбежной в таких случаях паникой. Очевидно, в этих критических обстоятельствах бывший владельчик рукописи вынужден был с нею расстаться, и Досифей купил ее для себя.

Ценность и популярность Патерика Павла для читателей — современников Досифея — подтверждается и содержанием всей остальной его записи. В 1474 г., через 44 года после приобретения книги, он дает ее во временное пользование знакомому священнику с братией, «чтобы они ее читали и получили от нее пользу» (*ἵνα τοὶ ἀναγινώσκουσιν αὐτὸ καὶ ὠφελεῖσθαι ἐξ αὐτοῦ*). Досифей и теперь, когда книга была, несомненно, уже неоднократно им прочитана, не хочет с ней насовсем расстаться: он не дарит ее, а, напротив, особо оговаривает, что если пожелает, то опять возьмет ее себе (*ὅταν βούλωμαι ἐπάρω αὐτὸ ἐξ αὐτῶν*). И только в случае его смерти (*εἰ δὲ συμβῇ μοι θάνατος*) Патерик Павла может перейти в их собственность; в награду за это Досифей просит их помянуть его и молиться за него.

Далеко не безынтересно, наконец, указание Досифея на то, кто именно были те лица, кому он пожелал передать свою книгу для чтения, а в случае его смерти — оставить в собственности. «Я даю ее, — пишет он, — священнику господину Арсению Критскому и братьям, которые с ним». Если принять во внимание, что рукопись Патерика Павла была куплена Досифеем в Фессалонике, расположенной в ближайшем соседстве с Афоном, и что Арсений Суханов купил ее, как отмечалось выше, в середине XVII в. в одном из афонских монастырей, то можно с известной долей вероятности предположить, что и сам Досифей, и Арсений с братией были монахами на Афоне. Причем последние, как показывает прилагаемое Досифеем к имени священника Арсения прозвище-топоним, были выходцами с Крита, этого находившегося под венецианским господством острова, где усиленно насаждалось католическое вероисповедание. Вполне естественно, что, покинув Крит, они могли обосноваться на Афоне, в этой твердыне православия. Вероятно, как раз именно потому, что они были чужеземцы, беглецы с Крита, особенно остро испытывавшие нужду в православных религиозных книгах, Досифей и передал им свой Патерик.

Запись Досифея позволяет бросить дополнительный свет на один из существенных моментов в истории взаимоотношений греческой право-

¹⁰ G. T. Dennis. The Second Turkish Capture of Thessalonica 1391, 1394 or 1430? — BZ, 57, Heft 1, p. 53.

¹¹ См. К. Treu. Op. cit., S. 130—131.

славной и западной католической церковью в конце первой и начале второй половины XV в. Она показывает, что в это время с Крита эмигрировали представители греческого православного духовенства, не желавшие, по видимому, идти на компромисс с «латинянами».

Ущемление прав греческого духовенства на этом острове началось, как известно, еще со времени IV крестового похода, когда Крит после раздела Византийской империи перешел во владения Венеции, принявшей незамедлительные меры к вытеснению православного духовенства католическим. Вся история многовекового господства Венецианской республики на Крите — господства, пережившего саму Византийскую империю, наполнена, несмотря на известную гибкость венецианской политики, восстаниями греческого населения, носившим национально-религиозный характер¹². Что касается положения греческого православного духовенства, то после заключения Флорентийской унии (1439 г.), явившейся победой католицизма над православием, оно еще более ухудшилось. Это и вызвало, по-видимому, волну эмиграции греческого духовенства с Крита¹³.

Таковы те наблюдения и предположительные выводы, которые позволяют сделать владельческая запись греческой рукописи № 348 ГИМ

¹² См. *Н. П. Соколов*. Народно-освободительное движение и классовая борьба на Крите в первые полтора столетия венецианского владычества. — «УЗ Горьковского гос. ун-та», ист.-фил. серия, 46. Горький, 1959, стр. 33 сл.

¹³ О тяжелом экономическом положении Крита и его обезлюдении в середине XV в. см. *Н. Noiret*. Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénitienne en Crète de 1380 à 1485. Paris, 1892, p. 409.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ, А. П. РУНИЧ

НОВЫЕ НАХОДКИ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ И ИНДИКАЦИЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ КИСЛОВОДСКА

Археологические раскопки 1968—1971 гг., проведенные в районе Кисловодска, дали небольшую, но исключительно интересную серию византийских монет и индикаций. Описание найденных монет, так же как и индикаций, дается в хронологическом порядке, но отдельно. Наибольшее их количество и наиболее ранние из них происходят из аланского катакомбного могильника VI—VII вв. н. э., находящегося в 4 км к югу от Кисловодска, у реки Мокрая балка, неподалеку от известного «Замка коварства и любви».

Монеты

Катакомба № 114. Юстин II и Тиберий Константин—578 г. Л. с. Погрудное изображение императора Юстина и его преемника Константина впрямь. Между головами фигур небольшой равноконечный крест. На головах короны с ниспадающими на обе стороны лица парными подвесками. Оба в палудаментах, застегнутых у плеча фибулой с тремя подвесками. По ободку надпись: DNIVSTNI ET CONSTAN, под фигурами: PPAVCS. О. с. Крылатая богиня победы во весь рост впрямь, в правой руке длинный жезл с монограммой Христа. В левой сфера. По ободку надпись: VICTORI AAVCCCEΘS. В «обрезе» под чертой OB, крест и восьмиконечная звездочка (табл. I, 1—2). Золото; В—3,6 г; Д—1,9 см; ↓ на противоположных концах монеты два отверстия.

Эта монета принадлежит к числу очень редких монет совместной эмиссии Юстина II и Тиберия Константина, выпущенных, по-видимому, между 26 сентября и 4 октября 578 г., т. е. в период со дня провозглашения Тиберия Константина императором до дня смерти Юстина II, последовавшей четвертого октября 578 г.¹

Солид, аналогичный нашему, издан А. Беллинджером и Ф. Гирсоном², но на территории СССР до сих пор они не встречались, отчего значение находки этой монеты значительно возрастает³.

Катакомба № 113. Маврикий (582—602).

Л. с. В линейном круге полустертое погрудное изображение императора вправо, в военном плаще, застегнутом у плеча фибулой с тремя подвесками. Волосы подвязаны диадемой, развевающиеся концы которой видны из-за головы.

По ободку полустертая надпись: DN MAV [RIKI PERAVC]

¹ Ю. Кулаковский. История Византии, т. II. Киев, 1912, стр. 379.

² A. Bellinger and Ph. Grierson. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks collection and in the Whittemore collection. Washington, 1966, p. 263.

³ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962; его же. Новые находки византийских монет на территории СССР. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 166—189.

О. с. В точечном кругу большой крест, вертикальная перекладина которого длиннее горизонтальной. Слева от креста пальмовая ветвь (табл. I, 3—4).

Серебро; В — 1,2 г; Д — 1,7×1,6 см; на противоположных концах два отверстия.

Т а м ж е: Фока (602—610).

Л. с. В линейном круге погрудное изображение императора вправо, в военном плаще, застегнутом у правого плеча фибулой с двумя подвесками. Волосы повязаны диадемой, развивающиеся концы которой видны из-за головы.

По ободку надпись: DN FOCAS PER AV.

О. с. В линейном круге большой крест, вертикальная перекладина которого длиннее горизонтальной. Слева от креста пальмовая ветвь ⁴.

Серебро; В — 1,2 г; Д — 1,7×1,6 см (табл. I, 5).

Следует отметить, что обе эти монеты найдены около черепа вместе с четырьмя сасанидскими драхмами: Хосрова I Ануширвана (531—579) — 2 экз., Хормизда IV (579—590) и Хосрова II Парвеза (590—628) ⁵.

В январе 1967 г. краевед В. Лученков, осматривая дромос ограбленной катакомбы на известном средневековом могильнике городища Римгора, в 18 км к западу от Кисловодска, нашел золотую монету ⁶.

Катакомба № 55. Константин VII и Роман II (?) (945—959).

Л. с. Сверху по краю монеты надпись: CONSTANTI SE ROMANI далее буквы надписи плохо вышли, возможно было ЧССЬR. Внутри легенды погрудное изображение впрямь Константина VII и Романа II, в коронах с крестами и лоранах. В руках держат длинный патриарший крест. Константин VII справа представлен с небольшой бородой.

О. с. Изображение бородатого Христа с крещатым нимбом, сидящего на троне. Правая рука, опирающаяся локтем на спинку трона, поднята в жесте назидания, левая, несколько опущенная вниз, покоится на противоположной спинке. Вокруг легенда, вышедшая не совсем четко (табл. I, 6—7) IHS XPS REX REG [NANTICHM]. Золото; В — 3,5 г; Д — 17 мм.

Монета литая, что доказывается наличием на ее поверхности большого количества шероховатостей и небольших бугорков. На это же указывает и несколько спиленная, с небольшой выемкой часть гурта монеты над головой Христа; вероятно, в этом месте монета подходила к устью литника.

Некоторые детали, в частности небрежно исполненные буквы надписи, возможно, говорят, что эта монета является варварским подражанием, однако В. В. Кропоткин, осмотревший фотографию ее, считает, что она не может быть таковой, так как варварские подражания этого времени — не литые, а битые двумя штемпелями. По его мнению, монета является фальсификатом, поскольку на лицевой стороне скопирована монета Константина VII и Романа II типа, изданного Росом ⁷, а обратная сторона является копией с монеты Романа I и его сына Христофора (921—927?) ⁸.

К высказанным В. В. Кропоткиным соображениям можно добавить, что этот «фальсификат» мог быть изготовлен на месте по имеющимся

⁴ И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. VI. СПб., 1914, стр. 590, табл. 42, но на реверсе монеты, опубликованной И. И. Толстым, в отличие от нашей две пальмовые ветви.

⁵ Помимо этих монет в могильнике найдены еще следующие сасанидские монеты: Кавад I (499—531) — 1, Хосрой I Ануширван (531—579) — 1, Хосрой II Парвез (590—628) — 1 (определение Э. В. Ртвеладзе).

⁶ Подробное описание римгорского могильника см. А. П. Рунич. Катакомбы Римгоры. — СА, 1970, № 2, стр. 198—210. Здесь же упомянуто и о находке монеты Константина VII и Романа II (стр. 207).

⁷ W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum, vol. II. London, 1908, p. 465, № 60, tabl. LIII.

⁸ Ibid., p. 459, № 35, tabl. LIII.

образцам подлинных византийских солидов. Высокое литейное мастерство у аланских племен этого времени доказывается наличием высокохудожественных изделий, изготовленных в технике литья, и литейных форм для отливки зеркал и различных украшений⁹.

Индикации

Мокрая балка. Катакомбы без №. Юстин II (565—578)?

Индикация выполнена на тонкой медной пластинке. Изображения очень нечеткие. Буквы надписи прослеживаются плохо. В центре изображение женской фигуры, сидящей в кресле. В правой руке длинный жезл, а в левой сфера с крестом. По ободку остатки надписи, слева VIC....., справа... CCC, т. е. VICTORI AVCCCA (Victoria Avgustorum). Судя по изображению, индикация, скорее всего, выполнена с солидов Юстина II¹⁰.

Медь; Д — 1,9 см. Два экземпляра. По краям два отверстия.

Катакомба № 74. Фока (602—610).

Индикация выполнена на очень тонкой медной пластинке, сильно поврежденной. Изображение нечеткое. В центре погрудное изображение безбородого императора вправо в военном плаще, застегнутом у правого плеча фибулой с двумя подвесками. Волосы повязаны диадемой. По ободку остатки надписи: DN F. CA...RAV, т. е. DN FOCA S PERAVC. Особенности изображения и размеры индикации указывают на то, что она выполнена с серебряной монеты Фоки типа опубликованной И. И. Толстым¹¹.

Медь; Д — 2,1 см, по краям два отверстия. Верхняя часть обломана.

Катакомба № 117. Ираклий и Ираклий Константин (613—614).

Индикация выполнена из тонкой золотой фольги, надетой на медный кружок. Изображения четкие, но буквы надписи не вышли. Слева погрудное изображение Ираклия, справа его сына Ираклия Константина в военных плащах, скрепленных у плеч фибулами с двумя подвесками, на головах короны с крестом. Между головами небольшой равноконечный крест.

Золото; Д — 2,07 см.

Катакомба без №. Неопределенные, VI—VII вв.

Индикации выполнены на тонкой медной пластинке. Изображения нечеткие. В центре большая буква М (=40 nummia), над ней крест, внизу буква Е, т. е. 5-я мастерская. Слева ANNO справа, где должны находиться цифры, индикация обломана. Внизу под чертой — ON, т. е. CON (Constantinopolis).

Индикация выполнена с медной монеты достоинством в 40 nummia, но точное хронологическое определение ее не представляется возможным, поскольку медные монеты с обозначением года их выпуска появляются в византийском монетном чекане с 12-го года правления Юстиниана I (527—565) и продолжают в VI и VII вв.¹² (табл. I, 9).

Медь; Д — 2,2 см. По краям два отверстия. Два экземпляра.

Эшкаконский скальный могильник

В августе 1970 г. краевед В. Лученков в 15 км к югу от селения Учкелен (Кабардино-Балкарская автоном. область), вверх по течению р. Эш-

⁹ Такие формы найдены на поселении X—XII вв. у мебельной фабрики на северной окраине Кисловодска. В настоящее время хранятся в Кисловодском краеведческом музее.

¹⁰ И. И. Толстой. Указ. соч., вып. IV, 1913, стр. 45, № 1.

¹¹ И. И. Толстой. Указ. соч., вып. V, 1913, стр. 590, № 42.

¹² И. И. Толстой. Указ. соч., вып. III, 1913, стр. 309.

какон, на ее левом берегу, обнаружил большой могильник, состоящий из искусственно вырубленных в скале камер. В одной из ограбленных камер этого могильника им была найдена почти целая индикация, изготовленная из низкопробного серебра. На ней в точечном круге имеется погрудное изображение императора в плоской короне, увенчанной крестом. В правой руке (?), поднятой на уровень плеча, сфера с крестом. По ободку очень искаженная и нечитаемая надпись. Из-за плохой сохранности надписи индикация не поддается точному определению, но, судя по отдельным деталям, ее возможно отнести к концу VI в. н. э.¹³ (табл. I, 8). Серебро; Д — 2,2 см.

По мнению М. Е. Массона, осмотревшего индикацию, она сделана с варварского подражания монетам Тиберия Константина (578—582).

Таким образом, состав найденных в районе Кисловодска византийских монет и индикаций значительно пополняется за счет новых находок¹⁴. Приводимый ниже список дает наглядное представление о периоде наиболее интенсивного проникновения в этот район византийских монет, который приходится на конец VI—начало VIII в.

К о н е ц VI в.

Юстин II (565—578) — 2 индикации.

Юстин II и Тиберий Константин (578) — 1 монета.

Маврикий (582—602) — 1 монета.

Неопределенные — 2 индикации.

VI—VII вв.

Неопределенные — 2 индикации.

VII в.

Фока (602—610) — 1 монета и 3 индикации.

Ираклий, Ираклий Константин и Ираклеон (610—641) — 14 индикаций.

Константин II и Констанс (659—668) — 2 индикации.

Константин IV Погонат (668) — 1 индикация.

К о н е ц VII — н а ч а л о VIII в.

Тиберий Апсимар (698—705) — 5 индикаций.

X в.

Константин VII и Роман II (?) (945—959) — 1 монета.

Вполне вероятно, что часть этих монет проникла сюда не в связи с торговыми операциями, а в результате определенной политики Византии, стремившейся во время войн с сасанидским Ираном привлечь на свою сторону воинские соединения аланских племен Северного Кавказа путем выплаты им определенной суммы денег. Так, согласно Агафию, варварским племенам Северного Кавказа, в том числе и аланам, выплачивались ежегодные императорские субсидии, причем автор отмечает, что раздача эта производилась с древних времен¹⁵. О выдаче аланскому народу денег за военные предприятия против сасанидского Ирана сообщает и Прокопий Кесарийский¹⁶. Представляется, что довольно значительное количество найденных в районе Кисловодска серебряных

¹³ В этом же могильнике найдены сасанидская драхма Кавада I (499—531) и очень интересный бронзовый перстень, на щитке которого имеется весьма схематичное изображение богоматери с младенцем.

¹⁴ Предыдущие находки описаны в статье: Э. В. Ртвеладзе, А. П. Рунич. Находки индикаций с византийских монет вблизи Кисловодска. — ВВ, 32, 1971, стр. 219—223.

¹⁵ Агафий. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953, стр. 87.

¹⁶ Прокопия Кесарийского История войн римлян с персами, вандалами и готами, т. 1. СПб., 1862, стр. 292—293.

сасанидских драхм, а также гемм могло быть в качестве военной добычи захвачено аланами во время пребывания в Закавказье.

К настоящему времени установлено, что этот район был одним из главнейших раннеаланских центров на Северном Кавказе, о чем говорит наличие здесь около 20 катакомбных могильников и поселений IV—VIII вв. н. э., причем таких больших, как Мокробалкинский, где уже вскрыто более 120 камер. Это почти столько же, сколько в остальных районах Северного Кавказа. Не исключена поэтому возможность участия алан из районов Центрального Кавказа в военных акциях в Закавказье и получения ими части византийских денежных субсидий, отпускаемых аланскому народу. Заметим кстати, что проникновение алан в Закавказье проходило не только через Дар-и-алан, но, вероятно, и через Клухорский перевал, с которым Кисловодский район связан древним караванным путем. К тому же сообщения как Агафия, так и Прокопия Кесарийского преимущественно относятся к западным, а не восточным аланам.

Как явствует из приведенных данных, проникновение византийских монет в район Кисловодска прекращается в первой половине VIII в. и возобновляется лишь во второй половине X в. Таким образом, совершенно выпадает IX в. и почти весь VIII в., что, по данным В. В. Крпоткина, характерно также и для всего Центрального Кавказа¹⁷. По-видимому, определенную роль в этом сыграла арабская экспансия в Закавказье, но для района Кисловодска существовали и свои причины. Дело в том, что здесь до сих пор, несмотря на весьма хорошую изученность района в археологическом отношении, не найдено ни одного достоверного могильника или поселения, датированного второй половиной VIII—IX вв. Это тем более странно, что для предшествующего времени, т. е. V—VII вв., мы имеем около 20 могильников, а от X—XII вв. до нас дошло 7 могильников. Явление это приходится пока оставить без объяснения, так как существующие предположения для его толкования, как нам кажется, недостаточно убедительны¹⁸.

¹⁷ В. В. Крпоткин. Клады. . . , карты 5—6.

¹⁸ Авторы приносят благодарность проф. М. Е. Массону и В. В. Крпоткину за ценные консультации при определении ряда монет, а также А. Агачеву, И. Гуськову, В. Лученкову, С. Пьянкову, В. Ценцера, принимавшим участие в раскопках могильников Кисловодского района.

А. И. РОМАНЧУК

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ КЕРАМИКА ХЕРСОНЕСА

Для изучения ремесла в средневековом городе исследователи чаще всего располагают данными по металлообрабатывающему и керамическому производствам, в частности по строительной керамике: имею в виду плинфу и черепицу.

Для раннесредневекового Херсонеса известно несколько видов керамических строительных материалов, которые с большей или меньшей уверенностью можно датировать V—VII вв. В большой работе А. Л. Якобсона, где собраны материалы из дореволюционных и советских раскопок, к этому времени отнесено несколько экземпляров черепицы с рельефными клеймами¹. К сожалению, почти все они не имеют паспорта. Только теперь появилась возможность уточнить прочтение некоторых клейм² и сообщить некоторые дополнительные сведения о производстве строительной керамики гончарами Херсонеса V—VII вв.

В 1971 г. в портовом районе Херсонеса недалеко от 17-й куртины оборонительных стен было раскопано хозяйственное помещение, в котором на полу лежала стопка керамид и калиптеров, приготовленных владельцем усадьбы, вероятно, для ремонта кровли. Помещение, где кроме черепицы найдено большое количество кухонных сосудов и несколько амфор, датируется на основании находок монет первой половины VII в.: здесь обнаружено свыше десятка монет преимущественно времени Юстиниана I и одна — Константа II (641—668).

Раннесредневековые керамиды, как отмечалось А. Л. Якобсоном³, воспроизводят форму позднеантичной черепицы. Найденные нами в слое VII в. относятся к двум типам:

1. Черепица с желобчатой поверхностью, ангобированная, 55—60××38—39,5 см, толщиной 2 см, в нижней части имеет легкое сужение, бортики прямые, высокие (рис. 1, 1).

2. Гладкие черепицы, 49—53×36—40 см, на которых сужение внизу только намечено (рис. 1, 2).

Черепок обоих типов керамид имеет близкую структуру; он светло-коричневого цвета, а иногда на поверхности видно большее или меньшее количество включений пироксена, известковых частиц. Кроме керамид, здесь было найдено несколько калиптеров (рис. 1, 3).

В настоящее время из-за отсутствия массовых находок трудно решить, как долго удерживалась описанная форма. Но вполне вероятно, что при строительстве VI—начала VII в. такие калиптеры и керамиды еще применялись.

Большой интерес вызывает другой вид строительной керамики — плинфа. Во время раскопок Р. Х. Лепера в Херсонесе на многих кирпи-

¹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, № 63, 1959, стр. 304—305.

² Там же, стр. 305, № 237 и 238.

³ Там же, стр. 304.

чах, по его словам, «найлены клеима ранневизантийской эпохи с обозначением индиктов»⁴, но сохранилось в фондах только два фрагмента клеим, прочтенных как имена Никита и Михаил⁵.

В 1970—1971 гг. при исследовании рыбозасолочных цистерн на Северном берегу была обнаружена серия клеим с обозначением индикта.

В цистерне № 84⁶, расположенной к востоку от IX поперечной улицы, дно было вымощено 38 плитами 39×35 см и толщиной в 4—4,5 см; на 23 из них имелись клеима трех видов.

IN SWANCY — 7 экз.

IN ZWACVU — 6 экз.

IN EAPES — 4 экз.

Остальные прочесть не удалось.

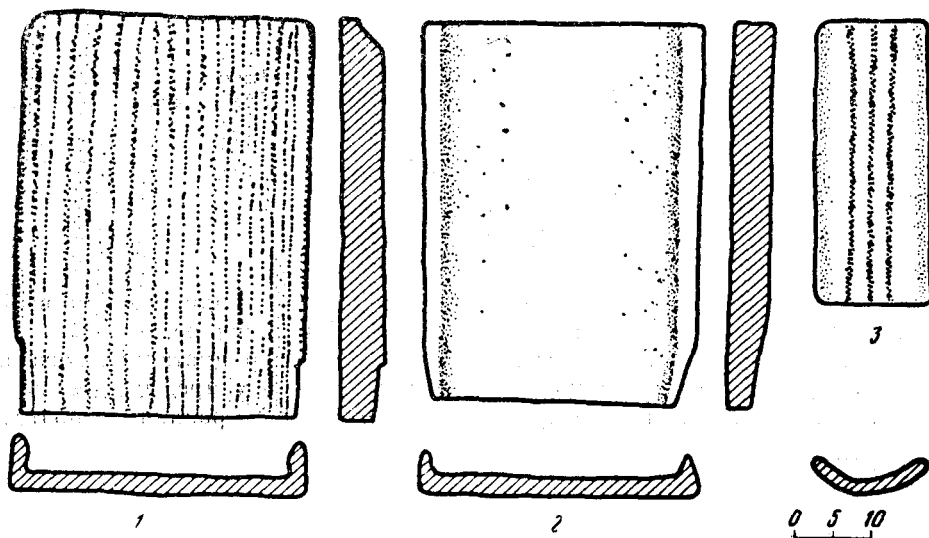

Рис. 1. Черепица из слоя VII в.

Такие клеима до сих пор не были известны, поэтому на них следует остановиться. Клеима оттиснуты очень небрежно. Расположены они почти в центре черепицы, но строго фиксированного места не имеют. Клеима оттиснуты специальным штампиком, размеры которого колеблются в зависимости от вида клеима: $17,5 (18) \times 2,2 (2,8)$ см. Буквы рельефные. На штампе они имели негативное написание, кроме клеима 2 (см. рис. 2), у которого последние две буквы вырезаны неправильно.

Клеима такого вида принято расшифровывать следующим образом. Первые две буквы представляют собой сокращение слова *indictio*; далее следует буква, обозначающая номер индикта, сокращение ВА или ВАС относится к следующему слову *basileus*⁷ (оттиснутое, отпечатанное). Последние буквы содержат имя мастера-гончара.

⁴ Письмо Р. Х. Лепера в ИАК от 25.V.1914 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1913, д. 2, л. 175.

⁵ См. МИА, № 17, 1950, стр. 138.

⁶ Описание раскопок цистерны см. в статье: А. И. Романчук. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн. — «Античная древность и средние века», вып. 9. Свердловск, 1973.

⁷ Долгое время ВА и ВАС читалось как *basileus*. Убедительная критика этого положения с массой примеров содержится в небольшой работе Е. Мамбури (Е. Mambrury. Une nouvelle lecture raisonnée des inscriptions des briques byzantines et l'emploi de ces derniers dans la datation des monuments des V-e et VI-e siècles. — Byz., XIX, 1948, p. 113—125); поэтому нет надобности повторять доказательства расшифровки. К сказанному Е. Мамбури можно добавить только следующее. В период, к которому относятся эти клеима, слово «базилевс» не применялось для обозначения главы ви-

Клейма, близкие в нашем, встречались при раскопках городов на территории Румынии, при раскопках византийских построек в Константинополе, которые датируются Юстиниановым временем⁸. По характеру написания эпиграфисты датируют их VI—началом VII в.⁹

В расположенной неподалеку цистерне № 86 (раскопана В. И. Кадевым) встречены пять клейм; из них три клейма являются вариантом наших № 1 и 2; изготавливал их тот же гончар, но сделана плинфа в 8-й индикт (буква Н')¹⁰; другие два клейма отличаются от тех, которые стояли на плинфе из цистерны № 84.

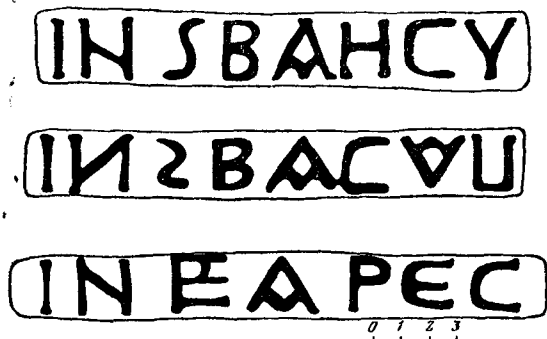

Рис. 2. Индиктные клейма на плинфах из цистерны № 84.

Плинфа из цистерны № 84 изготовлена в 5-м и 6-м индиктах (буквы Е' и Z'), причем на клейме № 1 изображение Z' негативное.

Большинство кирпичей, которыми выложено дно цистерны, изготовлено в одно время и только некоторые из них — в предыдущем году. На всех клеймах последние буквы — имя мастера — различны, поэтому

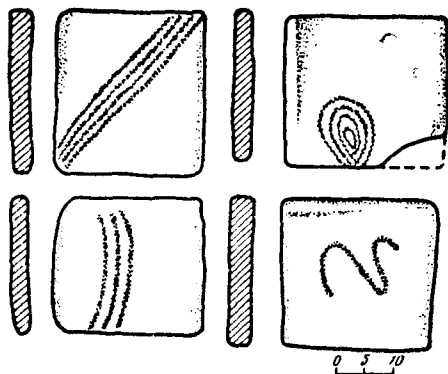

Рис. 3. Раннесредневековая плинфа Херсонеса.

можно говорить, что одновременно в городе работало не менее трех гончаров, занятых выделкой кирпичей. Продукция их отличается близкими размерами, аналогичной структурой черепка, что свидетельствует об

зантийского государства. В надписях и клеймах употребляется слово *αὐτοκράτορ*. См.: *I. Barnea. Nouvelles contribution à l'histoire de la Dobrudja sous Anastase I-er. — «Dacia», N. S., XI, 1967, p. 355, fig. 1; M. Irmia. Cuptoarele romano-byzantine de ars ceramica de la Oltna. — In: «Pontice», 1968, p. 408.*

⁸ *R. Demangel et E. Mamboury. Le quartier des Manganes et la première région de Constantinople. Paris, 1939, p. 16, fig. 17; p. 29, fig. 31—33 и др. Особенно близко к нашему по характеру написания клеймо, изображенное на стр. 58.*

⁹ *V. Beševliev. Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien. Berlin, 1965, S. 103.*

¹⁰ Пользуюсь случаем выразить благодарность В. И. Кадеву за предоставление возможности ознакомиться с материалом до его публикации. См. *В. И. Кадева. Нова рыбазасолювальна цистерна у херсонесі. — «Археологія». Київ, 1973, № 2, стр. 76—79.*

использовании одного источника сырья; технология производства была, несомненно, также одинаковой.

Для этого времени — а возможно, и более раннего — известен еще один тип меток, представляющих собой сочетание различных линий и окружностей. Плинфа с такими метками встречается в ранних постройках византийских городов в Болгарии¹¹ и в Херсонесе.

В 1959 г. раскопан склеп IV—V вв., одна из ниш которого была заложена кирпичами размерами $25 \times 15 \times 3,4$ см. На кирпичах выявлено 8 вариантов меток¹². В 1971 г. такие же метки (10 вариантов) обнаружены на плинфе, которой было выложено дно цистерны № 96, расположенной под одной из средневековых усадеб на главной улице Херсонеса. Размеры плинфы: $28 \times 27 (26) \times 2,5-3$ см (рис. 3).

Разнообразие меток и то обстоятельство, что ставятся они не на всей черепице, является косвенным указанием на то, что гончар таким знаком помечал какую-то партию изделий и, вероятно, обозначал время, когда она сделана. Это предположение подтверждается наличием клейм с указанием индикта. Вместе с тем разнообразие меток свидетельствует о том, что партии производимой черепицы или плинфы были сравнительно небольшими.

---

¹¹ В. Антонова. Две раннохристиянски църкви във външното укрепление на аула на хан Омуртаг при гара Цар Крум (Шименско). «Археология», X, 1968, кн. 4, стр. 60.

¹² Е. Г. Суров. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961, стр. 80.

В. В. БЫЧКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭСТЕТИКИ

Византийская эстетика и как теоретическая дисциплина, и как феномен истории культуры в силу своеобразных социально-исторических идеологических условий не существовала в виде отдельной, в себе замкнутой структуры. Процесс обособления искусства как самостоятельной сферы духовной деятельности и появления специальных работ по поэтике и как сказали бы мы теперь, по описательному искусствознанию (Аристотель, Псевдо-Лонгин, Филостраты, Каллистрат), наметившийся в поздней античности, в целом не получил особого развития на почве византийской духовной культуры¹.

Кризис эллинского рационалистического мышления, обострившийся в период эллинизма, способствовал усилению антирационалистической реакции в новой грекоязычной культуре, направив ее по пути нерасчлененного, мифологического мышления. В результате этого византийское искусство оказалось органически включенным в систему христианской онтологии и гносеологии, а эстетическая теория — в религиозную теорию познания, что существенно повлияло на характер всей византийской эстетики.

Византийская гносеология², как и вообще византийская философия к сожалению, исследована еще далеко не так полно, как философия античности или западноевропейского средневековья. Для этого есть объективные основания, которые тем не менее, не снимают эту проблему с повестки дня современной науки. Византийская философия — прежде всего философия религиозного иррационализма, что уже осложняет ее понятийное осмысление и описание. Сами византийские мыслители не дали нам единого и полного изложения своей философско-религиозной концепции, тем более, системы своей гносеологии, хотя в работах почти всех отцов и учителей церкви, начиная с Климента Александрийского и кончая Григорием Паламой, эти проблемы стоят в центре внимания. Наконец

¹ Существовавший в Византии жанр экфрасиса (описания), в частности архитектурных сооружений (см. *J. Schlosser-Magnino. La letteratura artistica. Firenze—Wien 1956*, p. 15—25), имел здесь несколько иной характер, чем в античной культуре. Византийский экфрасис чаще всего — не описание самого предмета, но перед субъективного впечатления о нем (см., например: *Прокопий Кесарийский. О постройках*, а также: *O. Wulff. Das Raumerlebnis des Naos im Spiegel der Ekphrasis. — 1930, 1929—1930, S. 534—539*). В этом плане византийцы отходят от античной традиции и продолжают древнееврейскую (см. *Th. Votann. Das Hebräische Denken im Vergleich mit dem Griechischen. 3. Aufl. Göttingen, 1959, S. 60—61*).

² Гносеология (теория познания), так же как онтология или эстетика, не выделялась византийскими мыслителями в специальную дисциплину, а разрабатывалась в неразрывной целостности с другими аспектами их философско-религиозной системы. Это была гносеология объективно-идеалистического типа, главным предметом которой являлось познание не мира, но его идеальной первопричины, божества. Соответственно, и методы этой гносеологии существенно отличались от методов логико-материалистической теории познания.

своеобразие этой системы и ее принципиальный отход от линии антично-западноевропейской рационалистической философии, философии как теоретической дисциплины, стоящей над жизнью, в сторону внутрижизненного мышления, бытия-мышления, философии-опыта (*παράξις*), долгое время не позволяли историкам философии правильно осмыслить систему византийской философии, особенно ее гносеологию, и правильно оценить ее роль и место в истории духовной культуры. Приведем несколько характерных примеров.

Опубликованная в 1949 г. и переизданная в 1959 г. в Париже книга В. Татакиса по византийской философии³ не ставит своей целью системное изложение этой философии, что практически и невозможно сделать, начиная ее историю с VI в. н. э. Стремясь формально не выйти за рамки понятия «византийская», автор исключает из рассмотрения период становления и развития собственно византийской религиозной философии со всей ее спецификой. На свою долю В. Татакис оставляет только разбор концепций отдельных византийских как религиозных, так и светских мыслителей с точки зрения наличия у них традиционных элементов основных философских систем античности (платонизма, аристотелизма, стоицизма), как открыто выраженных, так и «христианизированных».

Другой современный историк философии, Г. А. Вольфсон, более глубоко подходит к пониманию византийской философии. Опираясь на свою трактовку филоновской философии⁴, он рассматривает в работе «Философия отцов церкви»⁵ взгляды византийских мыслителей как целостную систему, возникшую на базе греческой философии и ее «иудейской версии» у Филона. В вышедшем томе широко освещаются такие кардинальные проблемы патристики, как вера, троичность и воплощение, однако нет раздела, специально посвященного вопросам гносеологии, хотя они и затрагиваются при изложении другого материала.

Отсутствует специальный анализ системы познания и в глубокой статье С. Аверинцева и В. Соколова по патристической философии в «Философской энциклопедии»⁶.

В современной литературе есть работы, специально посвященные проблемам христианского познания с ориентацией на восточное христианство. В 1960 г. вышел первый том трехтомной работы В. Зеньковского «Основы христианской философии»⁷. Сославшись на тот факт, что восточное богословие «не выработало до сих пор своей гносеологии»⁸, автор, используя христианские источники и опыт новоевропейской философии, излагает свою концепцию христианской «теории» познания. Ополчаясь против секулярной культуры, Зеньковский выступает за христианизацию культуры и науки, за «просвещение» разума «светом веры». Подмечая ряд присущих восточнохристианской гносеологии черт типа единства индивидуального и соборного познания, слияния объекта и субъекта веры в процессе познания, В. Зеньковский во многом модернизирует византийское миропонимание, так и не изложив его системы. К тому же Зеньковский исследует только одну сторону христианского познания, особо актуальную для современного богословия, — познание

³ В. Tatakis. La philosophie byzantin. Paris, 1949.

⁴ См. H. A. Wolfson. Philo. Foundations of religions philosophy in Judaism, Christianity and Islam. Vol. I—II. Cambridge, Mass., 1948. Концепция Вольфсона не бесспорна. В ряде основных положений он модернизирует взгляды Филона. Здесь мы во многом должны согласиться с критикой этой концепции, высказанной К. Борманом в специальном исследовании: К. Bormann. Die Ideen- und Logoslehre Philos von Alexandrien. Eine Auseinandersetzung mit H. A. Wolfson. Köln, 1955.

⁵ H. A. Wolfson. The Philosophy of the Church Fathers. Vol. I. Cambridge, Mass., 1956.

⁶ «Патристика». — «Философская энциклопедия», т. 4. М., 1967, стр. 224—227.

⁷ В. Зеньковский. Основы христианской философии, т. 1. Христианское учение о познании. Франкфурт-на-Майне, 1960.

⁸ Там же, стр. 79.

мира «в свете Христовом», но не познание первопричины, на чем делали главный акцент византийские мыслители.

Попытку построения практически также «своей» системы христианской философии, но более широко и полно опираясь на патристический материал, предпринимает в двухтомном труде другой религиозный исследователь — А. Позов⁹. В отличие от Зеньковского, рассматривавшего вслед за теорией познания космологию и антропологию христианства, А. Позов заостряет все внимание практически на одной гносеологии. Первая часть его работы по существу мало отличается от работы Зеньковского, хотя и выглядит более «ортодоксальной» за счет обильного цитирования отцов церкви. А. Позов рассматривает многие важные понятия патристической теории познания. Его интересуют такие категории, как мышление, знание, познавательные силы, монады и сердце, интуиция, созерцание, откровение и т. п. Выдвигая на первое место в познании веру как «гносеологический метод»¹⁰, обогащающий знание больше, чем разум, А. Позов, опираясь на авторитет отцов церкви, настойчиво выступает за иррационализм в познании. Во второй части книги с многообещающим названием «Диалектика» автор, вместо того чтобы разобраться в действительных предпосылках диалектичности в патристической философии — в ее антиномизме, охарактеризовав для начала Гегеля как «фальсификатора диалектики»¹¹, пытается создать свою «диалектику». За основу «истинной» диалектики он принимает платоновский метод, т. е. делает шаг назад даже от византийских мыслителей, и конструирует свою метафизическую систему примитивных «диад — противоположностей» типа: мужское — женское, дух — душа, душа — тело, небо — земля и т. п.¹² Все это очень слабо отражает истинную картину византийской гносеологии.

Ближе всего к пониманию ее сущности подошли русские религиозные мыслители первой половины нашего столетия П. Флоренский, С. Булгаков, В. Лосский¹³. Однако и они не занимались этой проблемой специально. Кроме того, конфессиональная тенденциозность этих авторов существенно ограничила их научные горизонты.

Таким образом, византийская гносеология еще ждет своего исследователя. В данной статье гносеологические проблемы затрагиваются только в той мере, в какой это необходимо для подхода к византийской эстетике.

Основу византийской гносеологии составляет антиномическая идея — познание, постижение умопостигаемой и непознаваемой трансцендентной первопричины — христианского божества. Эта идея и определила все своеобразие византийской системы познания как на ее теоретической, так и на практической ступенях.

Проблема знания, гносиса, познания — сложный и противоречивый вопрос первостепенной важности в истории византийской философии. С первых веков христианства он стоял в центре внимания его теоретиков. По их мнению, бытие основывается на жизни и знании, и без знания немислима конечная цель христианского существования — спасение¹⁴, осознаваемое, особенно в византийский период, как онтологически-гносеологический акт слияния с объектом познания.

Христианские мыслители первых веков новой эры, воспитанные на традициях античной философии и хорошо ощущавшие ее кризисное со-

⁹ А. Позов. Основы христианской философии, ч. 1. Теория познания (Гносеология); ч. II. Диалектика. Мадрид, 1970.

¹⁰ Там же, ч. I, стр. 122.

¹¹ Там же, ч. I, стр. 118.

¹² Там же, ч. II, стр. 109, 116—117, 178.

¹³ См. П. Флоренский. Столп и утверждение истины. М., 1914; его же. Разум и диалектика. — «Богословский вестник», 1914, № 9; С. Булгаков. Свет невечерний, 1917; В. Лосский. Essai sur la théologie mystique de l'Eglise d'Orient. Paris, 1944.

¹⁴ В ветхозаветной культуре архетипом этого принципа была мысль Екклесиаста: «Превосходство знания в том, что мудрость дает жизнь владеющему ею» (7.12).

стояние в позднеэллинистический период, активно разрабатывают на основе библейского материала идею трансцендентности конечного объекта познания. С другой стороны, античные традиции и естественное стремление человеческого разума к познанию твердо убеждают их в необходимости и возможности абсолютного познания первопричины. Особенно неутомим в этом плане Климент Александрийский. Все его работы пронизаны эллинской любовью к знанию, к мудрости. Проблема гносиса занимает центральное место в его философии. Он первым сформулировал и всесторонне проанализировал идею христианского гносиса, основывающегося на вере, показав, что она (идея) вытекает из основных положений ветхозаветной мудрости и греческой философии. При этом вера (πίστις) выступает у Климента своеобразной априорной предпосылкой знания¹⁵. Она без доказательств изначально признает бога действительно существующим (Strom., VII, 55.2) и этим определяет всю последующую познавательную деятельность. Вера возбуждает в человеке тоску по учению (μάθησις), которое ведет его по ступеням гносиса (Strom., VII, 60.2)¹⁶. Вера активизирует, по мнению Климента, дух искания (ζήτησις), ведущий к истинному гносису¹⁷. Познание же является совершенствующим фактором человека как такового¹⁸ и оно «полнее» веры¹⁹. Гносис возводит человека по лестнице совершенства к «высшей обители успокоения» (Strom., VII, 57.1). В соответствии с этим имеется ряд ступеней познания, по которым проходит «истинный гностик» в процессе своей познавательной деятельности²⁰.

Всякий гносис начинается с элементарного познания окружающего мира. Этим «гносисом» обладают и неразумные существа. Принадлежностью человека является познание ноэтическое, связанное с разумной частью души. Это мирское, или научное, знание действительности — ἐπιστήμη. В тесной связи с ним находятся «опытное» познание (ἐμπειρία) и такие виды интеллектуального познания, как εἶδησις, σύνεσις, νόησις и γνῶσις (Strom., II, 76.2). Γνῶσις является высшим из этих видов. Он способен проникнуть в самую сущность предмета (Strom., II, 76.3). Познание окружающего мира побуждает человека к активной деятельности, ибо «началом и двигателем всякой разумной деятельности является гносис» (Strom., VI, 69.2)²¹. Эта важная в истории гносеологии мысль возникает у Климента как синтез идей античной философской созерцательности и древнееврейской практической мудрости (мышления-действия) и образует фундамент византийской гносеологии. Развивая дальше свою концепцию, Климент полагает, что и «истина складывается из двух аспектов: познавательного (γνωστικόν) и практического (ποιητικόν), вытекающего из созерцания» (Strom., VI, 91.2). Этим гносеология выводится из области чистого интеллектуального умозрения и частично погружается в сферу деятельности. У Климента речь идет о деятельности в самом широком философском плане — о «всякой разумной практике» (πάσης λογικῆς πράξεως). Византийские же мыслители конкретизируют эту идею до особой, религиозной «практики», мистического опыта, опираясь опять же

¹⁵ Cp. W. Völker. Der wahre Gnostiker nach Clemens Alexandrinus. Berlin, Leipzig, 1952, S. 234.

¹⁶ Cp. ibid., S. 246.

¹⁷ Ibid., S. 331, 353.

¹⁸ "Ἐστὶν γάρ... ἡ γνῶσις τελείωσις τις ἀνθρώπου ὡς ἀνθρώπου (Strom., VII, 55.1. Цит. по последнему изданию работ Климента в серии «Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte» (Clemens Alexandrinus. Werke, Bd. 1—3. Berlin, 1960—1972).

¹⁹ πλεόν δέ ἐστι τοῦ πιστεῦσαι τὸ γινῶναι (Strom., VI, 109.2).

²⁰ При этом термин γνῶσις употребляется Климентом в различных значениях, соответствующих той или иной ступени познания. Подробный анализ см. W. Völker. Op. cit., S. 304—313; ср. также: K. Ernesti. Die Ethik des Titus Flavius Clemens von Alexandrien. Paderborn, 1900, S. 126.

²¹ ἀρχὴ καὶ δημιουργὸς πάσης λογικῆς πράξεως ἡ γνῶσις εἰς ἄν.

на идеи Климента о том, что только с помощью познания верующий достигает нравственного и духовного совершенства (Strom., VII, 55.1—2). Здесь гносеология (а это лейтмотив всего творчества Климента) тесно переплетается с этикой и служит ее философским обоснованием.

Таким образом, в целом гносис у Климента далеко выходит за рамки «научного» (в современном смысле слова) познания²². Высшим гносисом у него выступает «познание бога» (γινῶνς τοῦ θεοῦ — Strom., VII, 47.3). В нем — конечная цель человеческого бытия (Strom., VI, 65.6). С помощью этого гносиса достигается спасение (Strom., VII, 47.3), и именно к нему стремится «истинный гностик» по ступеням христианской гносеологии. Его основными источниками являются Писание и «церковное предание» (ἐκκλησιαστικὴ παράδοσις). Однако большое внимание гностик должен уделять и философии, которая, по глубокому убеждению Климента, способствует выходу из «незнания» (ἄγνοια), укрепляет и углубляет гносис и защищает веру²³.

Клименту, как истинному наследнику классической философии, чужд какой бы то ни было скепсис или агностицизм. Он твердо уверен в том, что нет ничего такого, чего нельзя было бы познать, ибо именно для сообщения знания «приходил сын божий» (Strom., VI, 70.2). Поэтому Климент постоянно подчеркивает, что «всякий гносис в конце концов божественный дар»²⁴. И дар этот приводит в упоение александрийского мыслителя, хорошо осознавшего ограниченность платоновско-стоической гносеологии, приверженцем которой он был до принятия христианства. Даже спасение, хотя оно и не отделимо от познания, отступает для него на второй план по сравнению с «чистым гносисом». «Не из желания спастись, — заявляет Климент, — стремится человек к гносису, но из-за его божественного знания» (Strom., IV, 136.3).

Этот гносеологический пафос усваивается и византийской философией, но он не выступает так открыто и непосредственно в ее сложных и противоречивых построениях и наставлениях. Агностицизм понятийного уровня снимал поверхностную патетику и требовал углубленного решения коренных гносеологических проблем того времени.

Уже у каппадокийцев, но особенно у Псевдо-Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника, совершенно отчетливо звучит идея трансцендентности и, следовательно, принципиальной непознаваемости божества как с помощью разума, так и с помощью чувства²⁵. Интеллектуальное познание бессильно проникнуть в сферу божественной сущности, и тем не менее вся византийская теория познания направлена на постижение божественной Истины. По убеждению Псевдо-Дионисия, не следует никогда оставлять «священной любви к истине», напротив, необходимо «постоянно и вечно стремиться к ней по мере своих возможностей» (ЕН, II, 3, 5, 401 С)²⁶. Эта принципиальная двойственность в подходе к основному вопросу своей гносеологии побудила византийских мыслителей организовать систему познания первопричины по двухступенчатому принципу. Принцип этот сформировался в византийской духовной культуре как результат синтеза двух противоположных по основным своим параметрам принципов мышления — древнегреческого и древнееврейского.

Первая ступень византийской гносеологии реализуется на уровне вербального мышления. Здесь византийские мыслители в результате дли-

²² Ср. W. Völker. Op. cit., S. 377.

²³ Ibid., S. 352—353.

²⁴ Ibid., S. 326.

²⁵ См., например, у Псевдо-Дионисия: De divinis nominibus (далее — DN), 2, 7; 3, 3; 7, 1; 7, 3; H. U. von Balthasar. Kosmische Liturgie. Freiburg im Br., 1947, S. 60—66.

²⁶ «Ареопагитики» цит. по: PG, t. 3 (СН — «О небесной иерархии»; ЕН — «О церковной иерархии»; Ер. — письма).

тельных логико-лингвистических поисков приходят (вначале неосознанно, но исторически закономерно) к «пониманию» того, что не все в мире (в том числе и процесс познания) подчиняется логике причинно-следственных отношений. И в отличие от пришедшей в тупик агностицизма античной мысли (скептики) и в противоположность ей, а также значительно смелее и плодотворнее поисков отягощенных традиций неоплатоников христианская мысль, опираясь на художественно-мифологические принципы, приходит к использованию противоречий логического мышления как основополагающего принципа своей гносеологии. Возникает развернутая антиномическая система мышления, в основе которой лежит утверждение равноправного существования взаимоисключающих суждений. Но это не философские антиномии в строгом (кантовском) смысле, так как ни тезисы, ни антитезисы их логически не доказываются, а принимаются на веру как некие трансцендентальные посылки мышления. Однако в силу того, что этот теологический антиномизм возник как естественное продолжение и освоение высокой философской культуры древних греков, он развился в сложную, развернутую мировоззренческую систему.

Принципиальную противоречивость, антитетичность византийского мышления отмечали в своих работах П. Флоренский, С. Булгаков, Вл. Лосский²⁷, А. Лосев, Г. Острогорский, А. Каждан²⁸, но, к сожалению, ни один из этих авторов не дал развернутого анализа теологического антиномизма как целостной структуры в системе византийской гносеологии.

Византийский антиномизм основывается, с одной стороны, на античной «диалектике» и антитетичности скептиков, а с другой, развивает антиномические элементы библейской литературы. Имеет смысл остановиться на некоторых из них.

В философских поэмах Ветхого завета, книгах Екклесиаста и Иова, например, элементы антиномизма вписаны в структуру художественных оппозиций. Формально-логические противоречия усиливают художественный эффект этих произведений и приводят читателя к убеждению, что основные жизненные принципы не подчиняются законам рассудочной логики. Так, в книге Иова²⁹ бог ставит странный, с точки зрения «здорового смысла», эксперимент по испытанию веры благочестивого Иова, лишая его всего самого дорогого и подвергая страшным физическим мучениям. Иов верит в бога и надеется на него (Иов, 2.10; 13.15), и в силу этой веры он поднимает бунт против него. Он упрекает бога в том, что тот виновник зла и несправедливости, царящих в мире; он хочет судиться с богом (Иов, 13.3), чтобы отстоять перед ним свою веру (!) в него («я желал бы только отстоять пути мои перед лицом его!» — Иов, 13.15).

Иов ищет место обитания премудрости (Иов, 28.12). Бог сообщает человеку: «... страх господень есть истинная премудрость» (Иов, 28.28), но Иов не боится бога, «желал бы состязаться» с ним (Иов, 13.3). И бог щедро вознаграждает строптивого праведника. Друзья Иова боятся бога. Они призывают Иова сменить безумный гнев на смирение, ибо непостижима для людей воля вседержителя (Иов, 11.7—10). Но бог гневается на этих «мудрецов» за то, что они говорили о нем «не так верно», как раб (!) его Иов (Иов, 42.7). В нескольких отрывочных фразах, конечно, трудно передать всю глубину и сложность художественной логики

²⁷ См. указанные выше работы.

²⁸ См. А. Ф. Лосев. *Очерки античного символизма и мифологии*, т. 1. М., 1930, стр. 882; Г. Острогорский. *Гносеологические основы византийского спора о св. иконах*. — СК, II, 1928; *его же*. *Афонские исихасты и их противники*. — «Записки русского научного института в Белграде», вып. 5. Белград, 1931; А. П. Каждан. *Византийская культура (X—XII вв.)*. М., 1968, стр. 110 и сл.; *его же*. *Книга и писатель в Византии*. М., 1973, стр. 112.

²⁹ Подобные замечания относительно антиномий в художественной структуре книги Екклесиаста см. В. Бычков. *Гносеологические корни восточнохристианского искусства*. — «Вопросы истории и теории эстетики», вып. 4—5, изд. МГУ, 1970, стр. 221—223.

этого произведения, тем не менее уже здесь можно уловить те явно случайные моменты, которые затем, абстрагируясь и развиваясь, найд себе место в антиномической системе мышления христиан.

Эти интересные формы в развитии древнееврейского религиозно-мифологического мышления, очевидно, появились в результате острой духовной борьбы с сильными греческими влияниями эллинистического периода, которые более явно выступают, например, в книге Премудрости Соломона.

Появление собственно христианской литературы, особенно канонической (новозаветной), образует то духовное ядро, которое становится основным предметом исследования христианских мыслителей. В то же время оно явилось и окончательным критерием истинности этого исследования, т. е. полной, всеохватывающей и в себе замкнутой основ системы мышления. Вполне естественно и закономерно, что эта религиозно-мифологическая литература отбирала, развивала и закрепляла материю предшествующих исканий на почве греко-римской и древнеиудейских культур, с примесью различных восточных влияний.

Важнейшим источником византийского антиномизма является «диалектическое» мышление апостола Павла. В «Послании к римлянам» с помощью легких и точных логических конструкций он показывает закономерность существования и возникновения одной из другой противоположностей, связывая на их основе онтологический, этический и гносеологический уровни.

Строится интересная цепочка оппозиций: закон—преступление—благодать. «Грех не вменяется, когда нет закона» (Рим., 5.13), т. е. он не является, не существует как таковой, пока нет его антитезы — нормы закона, «ибо без закона грех мертв. Я жил некогда без закона, но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер; и, таким образом, заповедь данная для жизни, послужила мне к смерти, потому что грех, взяв повсюду от заповеди, обольстил меня и умертвил ею» (Рим., 7.8—11). С появлением закона умножается и преступление, «а когда умножился грех, стал преизобиловать благодать» (Рим., 5.20), как его естественная противоположность. «Что же скажем? Оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?» (Рим., 6.1—2). Тем самым мы умерли и «для закона телом христовым» (Рим., 7.4) и живем теперь «не под законом, но под благодатью» (Рим. 6.14), т. е. благодать снимает, в понимании Павла, не только негативный фактор (грех), но и позитивный (закон!), постулирующий и определяющий эту благодать. Закон — позитивный фактор низшего уровня (эмпирического): «Закон имеет власть над человеком, пока он жив» (Рим. 7.1), так же, как и грех. Но когда человек с крещением умирает для плотской жизни и переходит на иной, духовный уровень, здесь начинает действовать другой фактор, снимающий все предыдущие.

Однако сфера благодати — это в первую очередь сфера любви. А «любовь есть исполнение закона» (Рим., 13.10), для которого «мы умерли», который не имеет теперь над нами власти, «потому что конец закона — Христос» (Рим., 10.4) и который, тем не менее, постоянно остается (хотя и постоянно снимается) важной и необходимой константой духовной жизни.

Таким образом, утонченная «диалектика» Павла замыкается сама в себе и приводит к возникновению напряженнейших внутренних противоречий — антиномий, снятие которых в сфере логического мышления неосуществимо, что хорошо понимает и сам Павел, оправдывая свои понятия-логические рассуждения «немощию» человеческой в непосредственном постижении божественных истин (Рим., 6.19).

«Послание к римлянам» показательный и даже символический пример становления христианской системы мышления, когда с помощью греческой «диалектики» предпринимается попытка преодоления ветхозаветного экзистенциального «закона» и организации на их основе, но на ином уровне новых принципов мышления.

У византийских мыслителей основные гносеологические антиномии были сформулированы автором «Ареопагитик», Максимом Исповедником, Иоанном Дамаскином. Особенно важен в этом плане вклад Псевдо-Дионисия в средневековую философию. Того, что этот вклад трудно переоценить и что вне влияния «Ареопагитик» невозможно понять закономерность развития христианской (как восточной, так и западной) философии, никто не отрицает. Однако, особенно после установления в конце прошлого века литературной близости «Ареопагитик» к работам Прокла (в частности к его «Первоосновам теологии») ³⁰, многие исследователи видят в их авторе только талантливого христианского неоплатоника, сумевшего приспособить («переработать») языческую философию для нужд христианства ³¹.

Другая группа исследователей считает неоплатонистические черты отнюдь не главными и не определяющими в творчестве Псевдо-Дионисия. Так, для Хунгера несомненен истинно христианский характер его произведений, «несмотря на все их формальное сходство с языческим неоплатонизмом» ³². Более того, на основании 7-го письма Псевдо-Дионисия он считает даже, что тот ставил перед собой задачу «победить неоплатонизм его собственным оружием» ³³.

Немецкий исследователь, В. Фёлкер, в монографии, посвященной Псевдо-Дионисию, доказывает, что здание его системы могло быть сооружено только на фундаменте теоретических достижений его христианских предшественников, уже высказавших в той или иной форме многие из основополагающих идей теории Псевдо-Дионисия ³⁴. Автор «Ареопагитик» продолжает и развивает учение христиан-александрийцев и Григория Нисского ³⁵ (им Фёлкер посвятил также специальные исследования), что, естественно, не исключает влияния Прокла.

Последняя точка зрения, убедительно проводимая и в работах Э. Иванки ³⁶, является, по всей вероятности, в настоящее время наиболее приемлемой. Однако ее сторонники, видимо, в силу специфики своих

³⁰ О зависимости «Ареопагитик» от Прокла см. *H. Koch. Proklos als Quelle des Pseudo-Dionysius Areopagita in der Lehre vom Bösen.* — «Philologus», Bd. 54. Göttingen. 1895; *idem. Pseudo-Dionysius Areopagita in seinen Beziehungen zum Neuplatonismus und Mysterienwesen.* Mainz, 1900; *J. Stiglmayr. Der Neuplatoniker Proclus als Vorlage des sog. Dionysius Areopagita in der Lehre vom Übel.* — «Historisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft», Bd. 16. München, 1895; *idem. Zur Lösung «Dionysischer Bedenken».* — BZ, 7, 1898.

³¹ См. *II. F. Müller. Dionysios, Proklos, Plotinos. Ein historischer Beitrag zur neuplatonischen Philosophie.* — «Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters», Bd. XX, Hf. 3—4. Münster i. W., 1918; ср. *III. И. Нузубидзе. Петр Ивер и античное философское наследие (Проблемы Ареопагитики).* Тбилиси, 1963, стр. 64, 335 и др. Нузубидзе поддерживает в этом вопросе позицию Коха (см. указ. соч.), с которым солидарен и Э. Хонигман (см. русск. изд. «Петр Ивер и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита». Тбилиси, 1955).

³² *H. Hunger. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur.* Graz, Wien, Köln, 1965, S. 331.

³³ *Ibid.*, S. 332. Подобного же мнения придерживался и О. Барденхеве в работе: *Geschichte der altkirchlichen Literatur*, Bd. IV. Freiburg im Br., 1924, S. 283. Отличие основных идей «Ареопагитик» от неоплатонизма подчеркивает и Э. Иванка: *E. v. Ivánka. Plato christianus. Übernahme und Umgestaltung des Platonismus durch die Väter. Einsiedeln*, 1964, S. 225—289.

³⁴ См. *W. Völker. Kontemplation und Ekstase bei Pseudo-Dionysius Areopagita.* Wiesbaden, 1958, S. 97.

³⁵ *Ibid.*, S. 24.

³⁶ *E. v. Ivánka. Plato christianus; idem. «Teilhaben», «Hervorgang» und «Hierarchie» bei Pseudo-Dionysios und bei Proklos (Der «Neuplatonismus» des Pseudo-Dionysios).* — «Actes du XIe Congrès International de Philosophie. Brüssel, 1953», t. 12. Amsterdam, 1953; *idem. Zum Problem des christlichen Neuplatonismus. II. Inwieweit ist Pseudo-Dionysios Areopagita Neuplatoniker?* — «Scholastik», Bd. 31. Freiburg i. Br., 1956; ср. также: *H. Goltz. HIERA MESITEIA. Zur Theorie der hierarchischen Sozietät im Corpus areopagiticum.* Erlangen, 1974, S. 16. Г. Гольц, с другой стороны, справедливо упрекает В. Фёлкера в том, что тот впадает в иную крайность, стремясь фактически доказать полную зависимость «Ареопагитик» от александрийско-каппа-

исследований, не останавливаются, за исключением мистического аспекта, на собственно гносеологической стороне «Ареопагитик». Так В. Фёлкер только констатирует у Псевдо-Дионисия «предпочтение к антистетическим формулировкам»³⁷ (Хунгер называет их «тавтологией»)³⁸, особенно при стремлении возбудить у читателя чувство «непостижимой возвышенности бога»³⁹. При этом Фёлкер не усматривает за подобными «формулировками» присущей восточному христианству антиномической системы мышления. Но антистетическая терминология, как это показал еще в I в. н. э. Псевдо-Лонгин, употреблялась и древнегреческими риториками для «возбуждения» психики слушателя неожиданным переходом к противоположному утверждению. По его мнению, в риторских фигурах Демосфена «порядок беспорядочен (ἡ τάξις ἀταχτος) и, наоборот, беспорядок подчинен внутренней упорядоченности» (De sublim., 20.3).

В художественной сфере в первой половине V в. на принципе антистетичности и парадоксии организует свои поэтические образы языческий поэт Нонн⁴⁰, автор «Дионисиак» и стихотворного переложения Евангелия от Иоанна, писавший на греческом языке. Современный исследователь творчества Нонна, М. Римшнейдер, удивляется его «свободе словоупотребления» — не греческой и даже не латинской⁴¹. Автор совершенно не принимает во внимание тот факт, что Нонн — поэт V в., периода активного утверждения христианской системы мышления, хотя и «язычник», но интересовавшийся христианской мифологией, типичный представитель духовной среды своего времени и, видимо, современник Псевдо-Дионисия.

Однако, эллинистическая антистетическая терминология не имела под собой глубокой гносеологической основы. Она возникла в русле риторской эстетики, ставившей слово ради слова, речь ради речи выше всего. Важен был только мгновенный эффект от «риторической фигуры», а не ее глубинная и, тем более, философская значимость.

Византийские мыслители приходят к использованию антистетической терминологии совсем на ином уровне, в результате длительного напряженного философско-религиозного поиска. Вся их антиномическая «тавтология» — не пустые риторские «побрякушки» (термин Псевдо-Лонгина — De sublim., 23.4), а попытка в определенной системе на понятийном уровне выразить глубокую противоречивость жизненных явлений (τῇ ἐκ τῶν ἐναντίων σύγκρατον ζωῇ)⁴², непостижимых человеческим разумом, но все же доступных познанию.

Основу византийской антиномической системы мышления⁴³ составляет утверждение имманентности миру трансцендентного божества.

Казалось бы, чисто схоластическая мысль о том, что божество, первопричина всего бытия, одновременно принадлежит миру умонепостижимому и нашему земному существованию, одновременно является всем и ничем, существует и не существует, познаваема и непознаваема и т. п., — казалось бы, эта мысль не может играть никакой существенной роли в истории культуры. Однако практика показала иное. Признание про-

---

докийского богословия, чем принижает самобытность этого памятника (S. 18). Оригинальность «теории познания» Псевдо-Дионисия по отношению к взглядам как неоплатоников, так и предшествующих отцов церкви отстаивает Ваннест (J. Van neste. Le Mystère de Dieu. Essai sur la structure rationnelle de la doctrine mystique du Pseudo-Denys l'Aréopagite. Paris, 1959, p. 219 sq.

³⁷ W. Völker. Kontemplation. . . , S. 95.

³⁸ H. Hunger. Op. cit., S. 330.

³⁹ W. Völker. Op. cit., S. 147.

⁴⁰ См. M. Riemschneider. Der stil Nonnos. — «Aus der byzantinischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik», Bd. 1. Berlin, 1957, S. 61.

⁴¹ Ibid., S. 47.

⁴² Gregor Nys. De anim. et resur. — PG, t. 46, col. 81B.

⁴³ Более подробно см. В. В. Бычков. К вопросу о восточнохристианской гносеологии. — «Историко-философский сборник». Изд-во МГУ, 1971, стр. 57—81.

тиворечия как реального факта бытия и сознания (пусть пока в мистифицированной форме идеи божества) активно способствовало преодолению духовного кризиса эллинизма и формированию новой культуры. В силу того, что культура эта начала формироваться прежде всего в сфере религиозного сознания, новый принцип мышления воплотился в первую очередь в сугубо религиозном феномене чуда. Чудо стало в христианской культуре ее важнейшим фактором, воплощающим идею реальности противоречия. На уровне философского мышления этот принцип реализовался в признании парадокса, антиномии в качестве основной и наиболее точной формы понятийного выражения истины.

На онтологическом уровне возможность «невозможного» явления обосновывается идеей воплощения одной из ипостасей божества в феномен богочеловека и теорией божественных энергий. В гносеологической сфере антиномия трансцендентности заостряется и углубляется главной антиномией этого уровня — «миф — догмат». Сущность ее состоит в следующем. Христианство ставит в основу гносеологии миф, хотя и не осознаваемый как таковой, но организованный в силу специфики своего жанра на полухудожественных принципах, в частности ориентированных на многозначность и ассоциативность восприятия. «Христианство, — отмечает современный исследователь, — вновь, на более высокой основе краха античного рационализма, возрождает серьезное отношение к сфере воображения, фантазии, внутреннего представления, ибо эти способности человека могут открывать ту истинную действительность идеала, которая сокрыта для бездуховных глаз рассудка. Потому "имеющий уши — да слышит!"»⁴⁴.

С другой стороны, эта же религиозная гносеология не удовлетворяется многозначностью, ассоциативностью и противоречивостью мифа (своего критерия истинности!) и формулирует основные положения в системе догматов, однозначно, по мнению византийских теоретиков, констатирующих «богооткровенные истины» Писания (т. е. мифологического мышления). Догмат выявляет и фиксирует на вербальном уровне сущностное умонепостижимое ядро мифа, чем как бы снимает его на этом уровне. Но сам догмат организован по антиномическому принципу и этим провоцирует человеческую психику и на его снятие, но уже в сфере внесознательной, т. е. приводит опять к ассоциативности и многозначности на ином уровне — на второй «опытной» ступени византийской гносеологии.

Антиномизм догматов составляет основу первой, понятийной ступени этой гносеологии — развернутой системы формул. Он имеет бурную историю своего возникновения и существования, выходящую даже за исторические рамки Византии, ибо вся эта история — не что иное, как практически постоянная борьба с живучими традициями античного рационализма⁴⁵.

Основные антиномии византийской гносеологии связаны с описанием христианского божества — «единоначальной триады», «сверхсущностного существа» (ἡ ὑπερούσιος ὑπαρξίς), «сверхблагого блага» (ἡ ὑπεράγαθος ἀγαθότης), «сверхбожественного божества» (ἡ ὑπέρθεος θεότης), которое превышает все существующее и несуществующее и находится «по ту сторону» (ἐπέκεινα) всякого бытия и небытия, всего мыслимого и немислимого (Агеор., DN, 2, 4, 641A). Оно, как полагал Максим Исповедник, одновременно и существует, и не существует (Mystag. Prooem., 664B)⁴⁶, познается и не познается. Бог, «будучи всем во всем и ничем в чем-либо, всеми по-

⁴⁴ Г. Д. Гачев. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа, ч. 1. М., 1972, стр. 101.

⁴⁵ Именно с этими традициями были связаны основные еретические движения. См. Е. Ivánka. Hellenisches und christliches im frühbyzantinischen Geistesleben. Wien, 1948.

⁴⁶ Цит. по: PG, t. 91.

знается из всего и ничем из чего-либо» (DN, 7, 3, 872A) ⁴⁷. Все имен подходит для обозначения божества и ни одно из них не выражает его сущности. Наиболее адекватным обозначением его является «имя, превышающее всякое имя, безымянное имя» (DN, 1, 6, 596A). В этом божестве «неслитно соединены и нераздельно разделены» (ἀσυγχύτως ἑνωμένα καὶ ἀδιαστάτως διαχωρμέναις) ⁴⁸ три ипостаси. В подобном же состоянии находятся в Христе две противоположные природы, воли, два желания, действия. Естественно, что существовавшие в античной гносеологии понятия оказываются неприменимыми к такому объекту познания. Божественное «немыслие» (ἄλογον), «неразумие» (ἄνοον) и «глупая мудрость» (μωρὰν σοφίαν) являются единственным источником «всякого разума, смысл и всякой мудрости» (DN, 7.1, 868A). Из этого логически вытекает, что только «в высшей степени полное незнание является знанием того, что превышает все доступное познанию» (Ер. I, 1065AB).

Однако божество само, по мнению Псевдо-Ареопагита, стремится быть «познано» и являет себя по мере возможности на уровне бытия в виде божественных сил, энергий — божественных «разделений» (διακρίσεις) (DN, 2, 4, 640D). И в каждом из своих многообразных проявлений сверхсущностное божество, первоначальное «единство», нерасчленимо «соединение» (ἑνωσις) умонепостигаемым образом присутствует все целиком оно в своих «разделениях» (в частности в ипостасях Троицы, в нес творенном свете божественного «Преображения») «соединенно разделяется, умножается единокупно (ἐνικῶς) и многообразится, не покидая единства» (DN, 2, 11, 649B). Здесь Псевдо-Дионисий, следуя уже вполне сложившейся у него антимоныческой традиции, преодолевает неоплатоновскую теорию эманации. Это именно то принципиально новое, что резко отличает Псевдо-Дионисия при всех его неоплатонических заимствованиях от Плотина или Прокла и не позволяет причислить его философскую систему к неоплатонизму. Ступенчатая эманация божества как основа неоплатонической онтологии не была принята Псевдо-Ареопагитом, ибо это противоречило христианской идее творения из ничего ⁴⁹. Бог Псевдо-Дионисия не эманурует, но *всецело* присутствует в каждом из своих «разделений», не покидая при этом абсолютного единства. Как это возможно, автор «Ареопагитик» не знает и считает, что именно этот сущностный вопрос христианской онтологии принципиально недоступен человеческому разуму. Он описывается с помощью антиномий, снятие которых осуществимо только на путях религиозного «опыта». Знаменитая же иерархическая система Псевдо-Ареопагита, на чем мы еще остановимся, не имеет практически ничего общего с эманационной теорией неоплатоников, не является важной частью христианской гносеологии.

Построив на понятийном уровне развернутую систему теологических антиномий, византийские мыслители утверждают, что в сфере разума познание первопричины принципиально неосуществимо. Дальнейший и окончательный процесс познания переносится в область внесознательного психического — «сверхчувственного» и «сверхразумного», по терминологии отцов церкви, — опыта. Ибо «наиболее божественное познание бога мы обретаем, познавая его неведением в превосходящем разум единении, когда наш ум, отрешившись от всего существующего и затем оставив самого себя, соединяется с пресветлыми лучами и оттуда, с того света, осиявается неизведанной бездной премудрости» (DN, 7.3) ⁵⁰.

⁴⁷ Русск. перевод цит. по кн.: «Антология мировой философии», т. I, ч. 2. М., 1969, стр. 617.

⁴⁸ Ioan. Damasc. De fide orthod., I, 8. — PG, t. 94, col. 809A. В тех же выражениях эта мысль фигурирует и у Максима Исповедника: бог представляет собой «единицу в троице и троицу в единице. . . — соединение неслитное и разделение нераздельное и бесчастное» (ἀσυγχύτως τὴν ἑνωσιν ἔχουσαν, καὶ τὴν διακρίσιν ἀδιαίρετον τε καὶ ἀμέριστον. — Mistag., 23, 700D).

⁴⁹ Ср. также: E. V. Ivánka. Plato christianus.

⁵⁰ См. «Антология мировой философии», т. I, ч. 1, стр. 617.

Развернутая система теологических антиномий является своеобразным трамплином для последующего непонятного и «сверхразумного» прыжка к Истине, который в системе византийской гносеологии осуществляется на путях мистического, литургического и художественного гносиса.

Прежде чем перейти к анализу этой «практической» ступени религиозной гносеологии, следует подчеркнуть, что для византийских мыслителей в отличие от античных философов и даже Климента Александрийского познание божества не являлось самоцелью. В основе их учения лежит идея спасения каждого конкретного человека (не абстрактной идеи человека вообще). Познание же является необходимым шагом на пути к спасению. И так как предмет познания бесконечен, что констатировали еще «великие каппадокийцы», то и само познание — бесконечный путь поиска истины. В этом пафос византийской философской мысли. Познание для византийцев являлось и залогом веры, и стимулом морально-нравственного очищения, совершенствования человека. Догмат о вочеловечивании бога актуализовал возможность спасения, а познание бога уже на второй, «экзистенциальной» ступени как единение с ним, «жизнь в нем» делало реальным спасение для каждого члена церкви.

С этим связано и пристальное внимание христианства к внутреннему миру человека, стремление эффективно воздействовать на этот мир с учетом индивидуальных психических особенностей каждого члена церкви. Этим, пожалуй, только и можно объяснить выход, найденный восточным христианством из понятийно-логического «агностицизма» и скептицизма эллинистических философов, — перенесение познавательной функции в сферу внесознательного психического каждого члена церкви, которая находится в антиномическом единстве с «соборным» сознанием христианской общины. Для эффективного возбуждения внесознательной сферы и возникла на понятийном уровне развернутая система теологических антиномий.

Антиномизм, констатируя наличие противоречий в объекте познания и в системе «истинных» суждений о нем, делает новый шаг после античности на пути развития диалектического мышления. В этом его историческая заслуга, еще недооцененная историей философии.

Действительно, в истории философии посредником между античной и современной диалектикой по праву считается И. Кант, который «в своем учении об антиномии вновь с силой выдвинул диалектическую проблему противоречия и благодаря этому стал пионером всей новейшей диалектики»⁵¹. Кант в результате своих философских изысканий столкнулся с необычайным, в его глазах, «новым феноменом человеческого разума, а именно с совершенно естественной антитетикой»⁵², присущей человеческому разуму на всех трех его ступенях (чистый разум, практический и способность суждения), особенно при постижении явлений, лежащих за пределами возможного опыта. С удивлением, хотя на этом принципе основывалась вся философия скептиков и его отлично знали византийские мыслители⁵³, Кант отмечает: «Неожиданно обнаруживается противоречие, не устранимое обычным, догматическим путем, так как и тезис, и антитезис можно доказать одинаково ясными и неопровержимыми доказательствами»⁵³. При этом Кант убежден, что антиномичность разума не выдумана произвольно, а заключена «в природе человеческого разума»⁵⁴, что повергает «критического философа. . . в раздумье и беспокойство»⁵⁵.

⁵¹ В. Ф. Асмус. Иммануил Кант. М., 1973, стр. 275.

⁵² И. Кант. Сочинения в шести томах, т. 3. М., 1964, стр. 390.

^{52a} Ср. мысль Григория Нисского — PG, t. 46, col. 52B.

⁵³ Там же, т. 4, ч. 1, стр. 161.

⁵⁴ Там же, стр. 160.

⁵⁵ Там же, стр. 161.

Оценивая антиномизм Канта как одно из высших достижений его философского гения, В. Ф. Асмус пишет: «Оригинальность Канта — в подчеркнутой им мысли, что противоречия разума возникают не случайно, не как досадная ошибка разума, но как совершенно неизбежное, логически обоснованное состояние, поражающее разум как раз при выполнении высшей цели познания, когда разум стремится к предельному объединению всех знаний»⁵⁶. Антиномии Канта по сути своей так же априорны, как и антиномии византийских мыслителей, ибо кантовские доказательства их тезисов и антитезисов, как отмечал еще Гегель, имеют только «видимость доказательств»⁵⁷. Однако по содержанию и характеру они во многом отличны от византийских (их сравнительный анализ может привести к интересным выводам), но в основе и тех и других лежат одни и те же онтологические и гносеологические предпосылки: противоречия реальной действительности (бытия и сознания); невозможность на том или ином этапе истории культуры постигнуть эти противоречия: стремление человеческого разума к познанию. Они-то и привели в свое время византийцев, а затем и Канта (между ними стоит, кстати, и такая значимая в истории диалектики фигура, как Николай Кузанский) к идентичным выводам — утверждению факта существования антиномий разума, что для истории диалектики имеет первостепенное значение. «Открытие Канта било по главной твердыне метафизической логики — по запрету противоречия. Из невозможного, немислимого, ложного по самой природе, а потому запретного, презираемого, гонимого за пределы логической мысли — *противоречие* вновь выдвигалось как центральный, важнейший факт и как основная проблема познания. И каков бы ни был способ, посредством которого Кант разрешил свою антиномию. . . , но уже сама постановка проблемы знаменовала громадную победу диалектической мысли»⁵⁸. Эти замечательные слова известного советского философа практически без всякой натяжки могут быть отнесены и к антиномизму византийской философии с той лишь разницей, что у Канта проблема антиномий разума выдвигалась «вновь», а византийцы ее поставили впервые, опираясь на большую культуру мысли предшествующей эпохи.

Однако в строгом смысле слова византийская система мышления не является «диалектической» ни в платоновском, ни в гегелевском понимании этого термина. Напротив, она противостоит и той и другой «диалектике», снимая первую и предшествуя второй.

Система имеющихся в византийской гносеологии противоречий совершенно статична. Противоположные суждения не вытекают одно из другого, но противостоят друг другу в некоторой с математической точностью выверенной, раз и навсегда установленной жесткой структуре терминов. Снятие этих статических противоречий принципиально не осуществимо на формально-логическом уровне, что вряд ли допустимо для какой бы то ни было «диалектики». Это — статический антиномизм, воспринимаемый отцами церкви как более надежная и «истинная» система мышления, чем диалектика, с помощью которой можно одинаково добиться и «низложения истины и осуждения лжи»⁵⁹. Он сознательно ориентирован на полную остановку дальнейшего развития формально-логического мышления в направлении постижения первопричины жизненных явлений. И в этом его историческая ограниченность, приведшая в схоластический период к реакционной борьбе церкви с развитием научного познания мира.

С другой стороны, антиномизм, ограничив дальнейшее развитие понятийного мышления, активно способствовал переключению почти всей

⁵⁶ В. Ф. Асмус. Указ. соч., стр. 259.

⁵⁷ Там же, стр. 276.

⁵⁸ Там же, стр. 271—272.

⁵⁹ Gregor. Nys. De anim. et resur. — PG, t. 46, col. 52B.

психической энергии основной функции человеческого разума — познавательной — в сферу эмоционально-эстетического и художественного мышления. С этим переключением и следует, видимо, связывать глубину, богатство и многообразие форм художественного мышления византийского и, шире, всего восточнохристианского мира.

Таким образом, византийская гносеология предстает перед нами как специфическая система, которая не выводит свое «знание» на уровень сознания в виде формально-логических конструкций, а стремится ощутить его, «пережить» на внесознательном уровне в форме определенных психических состояний. Истинный богослов, по мнению Псевдо-Ареопита, «не только учит божественному, но и сам переживает (παθών) его» (DN, 2.9, 648B).

Гносеологической предпосылкой возможности «экзистенциально-психологической» ступени познания в византийской философии является идея «обожения» (θέωσις), полного неслитного соединения личностей бога и человека, «кроме сущностного тождества»⁶⁰, т. е. слияние гносеологии и онтологии. «Перетекание» гносеологии в сферу личностного бытия во всех его проявлениях⁶¹ открывает широкие возможности перед эмоционально-эстетическим гносисом. «Обожение» и любой иной мистический акт осознаются субъектом только как определенные внутренние состояния, т. е. некая реальность уровня внесознательного психического. Но именно с этим уровнем и связаны сферы эмоционального и — во многом — эстетического «сознания».

Эмоционально-эстетическое познание становится доминирующим в византийской гносеологической системе. При этом в принципе как своеобразная «форма мышления» это познание обладает своей, отличной от других форм функцией в системе мыслительной деятельности человека. «В этом плане, — подчеркивает Л. И. Новикова, — противопоставление чувственного познания, как низшего, неполноценного, рациональному, как высшему, творческому, — безосновательно»⁶². В византийской гносеологии эмоционально-эстетический гносис завершает процесс познания первопричины.

«Приобщение» к Истине осуществляется, по учению отцов церкви, посредством любви (важнейшая у них гносеологическая категория), созерцания божества в себе и вне себя — в образах, символах, знаках; путем подражания и уподобления богу, наконец в акте слияния с ним.

Все эти способы «постижения», взаимно переплетаясь, реализуются в трех основных направлениях «опытной» ступени познания: на путях мистического делания, в литургическом действе и в художественной практике. Выделяя эти три направления, следует помнить, что строгая дифференциация здесь вряд ли уместна, ибо все они содержат много общих элементов и тесно взаимосвязаны в системе византийского религиозного опыта.

Теоретическим обоснованием «опытной» ступени гносеологии является учение об «иерархии». Византийская мысль разработала теорию иерархической «лестницы» для осуществления связи между трансцендентной сферой и миром бытия. Это — своеобразная система передачи информации сверху вниз и, с другой стороны, нравственно-духовного совершенствования и подъема по ступеням познания (до определенного предела, правда) — снизу вверх. Законченное изложение теории иерархии мы находим

⁶⁰ Χωρίς τῆς κατ'οὐσίαν ταύτότητος (Maxim. Conf. De ambig.). — PG, t. 91, col. 1308B.

⁶¹ Церковь в этом плане также мыслится как личность, наделенная «соборным» сознанием.

⁶² Л. И. Новикова. Эстетическая деятельность в системе научно-технической революции. — «Искусство и научно-технический прогресс». М., 1973, стр. 71—72.

у Псевдо-Дионисия Ареопагита⁶³ в работах «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии».

В первом трактате излагается общая теория иерархии, чина (τάξις) как специфической информационной системы. «Иерархия, — пишет Псевдо-Дионисий, — есть священный чин и знание (ἐπιστήμη. — СН, 3.1 164D). . .». Ее целью «является неуклонное *подражание* божественной идее; и *деятельность* всякой иерархии делится на священное *принятие* и *сообщение* (другим) совершенного очищения, божественного света и сокровенного знания» (СН, 7.2, 207A). Главная функция небесных чинов иерархии состоит в посильном «невещественном разумении бога» (ἀβυσσότην νοῦν), заключающемся в «богоподражании» (θεομίμητον — ЕН, 5.1. 2, 501A), в «уподоблении» (ἀφομοίωσις) ему, возможном только в структуре иерархии⁶⁴, т. е. в максимальном изоморфизме. Таким образом, сама идея высшего познания базируется у Псевдо-Дионисия на принципе эстетического познания (в частности миметического), берущего свое начало в «пластическом мышлении» античности⁶⁵. Но здесь имеется в виду мимесис (и изоморфизм, соответственно) особого рода, принципиально отличный от «подражания» античной эстетики. «Подражать» приходится не предметам реального мира, а трансцендентной, «неподражаемой» идее; «подражание» осуществляется не в художественных образах, а в самой сущности субъекта познания. Отсюда, идеал такого «подражания» антиномичен — это «неподражаемое подражание» (τὸ ἀμίμητον μίμημα — Ер., II, 1068A).

Идеи «уподобления» и «подражания» занимают центральное место в теории Псевдо-Дионисия⁶⁶, ибо без этих онтологически-эстетических явлений невозможно, по его мнению, приобщиться к богу (ср. ЕН, 3.3, 13, 444D), т. е. «познать» первопричину. В этом автор «Ареопагитик» опирается на Филона и особенно на Григория Нисского, но он связывает эти идеи, как мы уже видели, с теорией иерархии, ибо вне ее он не представляет себе возможным осуществление мимесиса⁶⁷.

Сама иерархия организована практически на эстетических принципах. Основными среди них являются «соразмерность» (συμμετρία) и «аналогия» (ἀναλογία)⁶⁸. На них с учетом особенностей «образного отображения» в этой системе, в частности «неподобных образов», и строится «неподражаемое подражание». Иерархия на каждой своей ступени по возможности «отпечатывает» (ἀποτύπω) в себе образ бога (СН, 3.2, 165A), т. е. является иерархией образов, все более удаляющихся от архетипа по мере спуска по ее ступеням. А образ в гносеологии и эстетике Псевдо-Дионисия выступает в качестве онтологически-гносеологической категории. Он обладает самостоятельным бытием и одновременно является знанием (не только носителем знания, но и самим знанием). Поэтому и члены иерархии у него одновременно «чины и знания». Только такое слияние онтологии и гносеологии в единое нерасчленимое «умонепостигаемое» целое и позволяет, по мнению византийских мыслителей, снять антиномию «трансцендентное—имманентное». Стержнем всей системы выступает понятие «образ» — по сути своей чисто эстетическая категория, ибо оно понимается как «отпечаток», «подражание», «изображение» или «символ» архетипа, построенный в целом на принципе изоморфизма — «подобия».

⁶³ В онтологическом плане иерархическая организация космоса встречается уже у Климента Александрийского (см. W. Völker. Der wahre Gnostiker nach Clemens Alexandrinus, S. 394).

⁶⁴ Ср. R. Roques. L'Univers Dionysien. Structure hiérarchique du monde selon le Pseudo-Denys. Paris, 1954, p. 92.

⁶⁵ О «пластичности» античного мышления см. А. Ф. Лосев. Очерки античного символизма и мифологии, стр. 76, 82, 91 и др.; Th. Vroman. Op. cit., S. 70—71.

⁶⁶ Ср. W. Völker. Kontemplation. . . , S. 56—58.

⁶⁷ Ср. ibid., S. 58.

⁶⁸ См. R. Roques. Op. cit., p. 60.

Первая ступень иерархии, как стоящая ближе всего к богу, «просто и непрестанно устремлена в вечное познание» (γνώσιν. — СН, 7.4, 212А, его. Высшие чины иерархии «передают» (διαπορεύουσι) низшим в соответствующей им мере «боготворные знания» (θεουργικὰς γνώσεις — ЕН) 5.1, 2, 501В). Вся информация в иерархической системе передается в виде «богоначальных озарений» (θεαρχικὰς ἐλλάμψεις — СН, 9.2, 257С), божественного света, различной, в зависимости от ступени, степени материализации. На земной ступени свет этот реализуется в «*неясных изображениях истины, в далеких от архетипа отображениях, в труднодостижимых иносказаниях и образах*»⁶⁹, т. е. практически в феноменах, имеющих непосредственное отношение к эстетике.

Небесная иерархия состоит из трех тройственных чинов бесплотных существ. Первый чин (высший): престолы, херувимы, серафимы; второй: господства, власти, силы; третий: начальства (начала), архангелы, ангелы. Церковная, или земная, иерархия также состоит из трех триад. Но если два ее низших чина по своему характеру подобны небесным чинам, т. е. состоят из «существ» (людей), — чин священнослужителей: епископы, священники, диаконы, и чин верующих: монахи, верующие и оглашенные (готовящиеся принять веру), — то третий, высший чин в принципе отличается от них. Он состоит из основных таинств: крещения, евхаристии и миропомазания. И это не случайно. Чин этот — важнейший для византийца во всей иерархии, ибо он является соединительным звеном между двумя несоизмеримыми и несовместимыми уровнями бытия: небесным и земным. И Псевдо-Дионисий ясно осознавал, что на этой ступени не может находиться ни одно из существ (за исключением богочеловека, но и он в гносеологическом плане не снимает оппозиций) и субстанций (т. е. преодолевается эмонационная теория неоплатоников). Он помещает на ней важнейшие христианские таинства — мистические акты, которые сейчас могут быть осмыслены как определенные состояния психики верующего. В этих актах и совершается передача непонятной информации от небесной иерархии к земной. Высшее таинство — миропомазание — обладает силой «совершенствующего познания и знания божественных дел» (ЕН, 5.1, 3, 504С).

Но таинства — не единственный (хотя и необходимый для каждого христианина) путь постижения сферы «сверхбытия». Религиозная практика христиан, всецело посвятивших себя «познанию» бога, привела к развитию мистического пути постижения божества «вне мира». Он выступает как индивидуальный путь совершенствования и «сверхразумного» единения с богом, «обожения». Этот путь глубоко субъективен, и каждый мистик имел свою теорию мистического познания бога. Все их, хотя и с большой степенью условности, можно разделить на два основных направления: «абстрактно-спекулятивное» и «нравственно-практическое»⁷⁰. Венцом и того, и другого является экстатическое общение с богом. В первом случае в результате «исступления» ума (мистический γῶσις), во втором — «восхищения чувства». К основным представителям первого направления относят Григория Нисского и Псевдо-Дионисия. По их учению, для достижения «мистического гносиса»⁷¹ необходимо прежде всего осознать и убедиться на опыте в невозможности познания бога с помощью разума (к чему, собственно, и ведет теологически-антиномическая система мышления). Затем начинается путь «сверхразумного» познания. Он

⁶⁹ ... ἀμφοῖς τῶν ἀληθῶν εἶδόν, καὶ πορρωτάτοις τῶν ἀρχετύπων ἀπεικονίσμασι, καὶ δυσθεωρήτοις αἰνίγμασι, καὶ τύποις (ЕН, 5.1, 2, 501 ВС).

⁷⁰ См. П. Минин. Главные направления древнецерковной мистики. — «Богословский вестник», т. 3, 1911, стр. 831. Ближкое к этому разделение вводят Бек (H.-G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 345) и А. П. Каждан («Византийская культура», стр. 122).

⁷¹ См. Григорий Нисский. О жизни Моисея-законодателя; Псевдо-Дионисий Ареопагит. Мистическая теология.

у Псевдо-Дионисия Ареопагита⁶³ в работах «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии».

В первом трактате излагается общая теория иерархии, чина (τάξις) как специфической информационной системы. «Иерархия, — пишет Псевдо-Дионисий, — есть священный чин и знание (ἐπιστήμη. — СН, 3.1 164D). . .». Ее целью «является неуклонное *подражание* божественной идее; и *деятельность* всякой иерархии делится на священное *принятие* и *сообщение* (другим) совершенного очищения, божественного света и сокровенного *знания*» (СН, 7.2, 207A). Главная функция небесных чинов иерархии состоит в посильном «невещественном разумении бога» (ἀλογάτης νόησις), заключающемся в «богоподражании» (θεομίμητον — ЕН, 5.1, 2, 501A), в «уподоблении» (ἀφομοίωσις) ему, возможном только в структуре иерархии⁶⁴, т. е. в максимальном изоморфизме. Таким образом, сама идея высшего познания базируется у Псевдо-Дионисия на принципе эстетического познания (в частности миметического), берущего свое начало в «пластическом мышлении» античности⁶⁵. Но здесь имеется в виду мимесис (и изоморфизм, соответственно) особого рода, принципиально отличный от «подражания» античной эстетики. «Подражать» приходится не предметам реального мира, а трансцендентной, «неподражаемой» идее; «подражание» осуществляется не в художественных образах, а в самой сущности субъекта познания. Отсюда, идеал такого «подражания» антиномичен — это «неподражаемое подражание» (τὸ ἀμίμητον μίμημα — Ер., II, 1068A).

Идеи «уподобления» и «подражания» занимают центральное место в теории Псевдо-Дионисия⁶⁶, ибо без этих онтологически-эстетических явлений невозможно, по его мнению, приобщиться к богу (ср. ЕН, 3.3, 13, 444D), т. е. «познать» первопричину. В этом автор «Ареопагитик» опирается на Филона и особенно на Григория Нисского, но он связывает эти идеи, как мы уже видели, с теорией иерархии, ибо вне ее он не представляет себе возможным осуществление мимесиса⁶⁷.

Сама иерархия организована практически на эстетических принципах. Основными среди них являются «соразмерность» (συμμετρία) и «аналогия» (ἀναλογία)⁶⁸. На них с учетом особенностей «образного отображения» в этой системе, в частности «неподобных образов», и строится «неподражаемое подражание». Иерархия на каждой своей ступени по возможности «отпечатывает» (ἀποτυπώω) в себе образ бога (СН, 3.2, 165A), т. е. является иерархией образов, все более удаляющихся от архетипа по мере спуска по ее ступеням. А образ в гносеологии и эстетике Псевдо-Дионисия выступает в качестве онтологически-гносеологической категории. Он обладает самостоятельным бытием и одновременно является знанием (не только носителем знания, но и самим знанием). Поэтому и члены иерархии у него одновременно «чины и знания». Только такое слияние онтологии и гносеологии в единое нерасчленимое «умонепостигаемое» целое и позволяет, по мнению византийских мыслителей, снять антиномию «трансцендентное—имманентное». Стержнем всей системы выступает понятие «образ» — по сути своей чисто эстетическая категория, ибо оно понимается как «отпечаток», «подражание», «изображение» или «символ» архетипа, построенный в целом на принципе изоморфизма — «подобия».

⁶³ В онтологическом плане нерархическая организация космоса встречается уже у Климента Александрийского (см. W. Völker. Der wahre Gnostiker nach Clemens Alexandrinus, S. 394).

⁶⁴ Ср. R. Roques. L'Univers Dionysien. Structure hiérarchique du monde selon le Pseudo-Denys. Paris, 1954, p. 92.

⁶⁵ О «пластичности» античного мышления см. А. Ф. Лосев. Очерки античного символизма и мифологии, стр. 76, 82, 91 и др.; Th. Vroman. Op. cit., S. 70—71.

⁶⁶ Ср. W. Völker. Kontemplation. . . , S. 56—58.

⁶⁷ Ср. ibid., S. 58.

⁶⁸ См. R. Roques. Op. cit., p. 60.

Первая ступень иерархии, как стоящая ближе всего к богу, «просто и непрестанно устремлена в вечное познание» (γνώσιν. — СН, 7.4, 212А, его. Высшие чины иерархии «передают» (διαπορεύουσι) низшим в соответствующей им мере «боготворные знания» (θεουργικὰς γνώσεις — ЕН) 5.1, 2, 501В). Вся информация в иерархической системе передается в виде «богоначальных озарений» (θεαρχικὰς ἐλλὰμψεις — СН, 9.2, 257С), божественного света, различной, в зависимости от ступени, степени материализации. На земной ступени свет этот реализуется в «неясных изображениях истины, в далеких от архетипа *отображениях*, в труднодостижимых *иносказаниях и образах*»⁶⁹, т. е. практически в феноменах, имеющих непосредственное отношение к эстетике.

Небесная иерархия состоит из трех тройственных чинов бесплотных существ. Первый чин (высший): престолы, херувимы, серафимы; второй: господства, власти, силы; третий: начальства (начала), архангелы, ангелы. Церковная, или земная, иерархия также состоит из трех триад. Но если два ее низших чина по своему характеру подобны небесным чинам, т. е. состоят из «существ» (людей), — чин священнослужителей: епископы, священники, диаконы, и чин верующих: монахи, верующие и оглашенные (готовящиеся принять веру), — то третий, высший чин в принципе отличается от них. Он состоит из основных таинств: крещения, евхаристии и миропомазания. И это не случайно. Чин этот — важнейший для византийца во всей иерархии, ибо он является соединительным звеном между двумя несоизмеримыми и несовместимыми уровнями бытия: небесным и земным. И Псевдо-Дионисий ясно осознавал, что на этой ступени не может находиться ни одно из существ (за исключением богочеловека, но и он в гносеологическом плане не снимает оппозиций) и субстанций (т. е. преодолевается эмонационная теория неоплатоников). Он помещает на ней важнейшие христианские таинства — мистические акты, которые сейчас могут быть осмыслены как определенные состояния психики верующего. В этих актах и совершается передача непонятной информации от небесной иерархии к земной. Высшее таинство — миропомазание — обладает силой «совершенствующего познания и знания божественных дел» (ЕН, 5.1, 3, 504С).

Но таинства — не единственный (хотя и необходимый для каждого христианина) путь постижения сферы «сверхбытия». Религиозная практика христиан, всецело посвятивших себя «познанию» бога, привела к развитию мистического пути постижения божества «вне мира». Он выступает как индивидуальный путь совершенствования и «сверхразумного» единения с богом, «обожения». Этот путь глубоко субъективен, и каждый мистик имел свою теорию мистического познания бога. Все их, хотя и с большой степенью условности, можно разделить на два основных направления: «абстрактно-спекулятивное» и «нравственно-практическое»⁷⁰. Венцом и того, и другого является экстатическое общение с богом. В первом случае в результате «исступления» ума (мистический γῶσις), во втором — «восхищения чувства». К основным представителям первого направления относят Григория Нисского и Псевдо-Дионисия. По их учению, для достижения «мистического гносиса»⁷¹ необходимо прежде всего осознать и убедиться на опыте в невозможности познания бога с помощью разума (к чему, собственно, и ведет теологически-антиномическая система мышления). Затем начинается путь «сверхразумного» познания. Он

⁶⁹ ... ἀμυδραὶ τῶν ἀληθῶν εἰκόσι, καὶ πορρωτάτοις τῶν ἀρχετύπων ἀπεικονίσμασι, καὶ δυσδεωρήτοις αἰνίγμασι, καὶ τύποις (ЕН, 5.1, 2, 501 ВС).

⁷⁰ См. П. Минин. Главные направления древнецерковной мистики. — «Богословский вестник», т. 3, 1911, стр. 831. Ближкое к этому разделение вводят Бек (H.-G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 345) и А. П. Каждан («Византийская культура», стр. 122).

⁷¹ См. Григорий Нисский. О жизни Моисея-законодателя; Псевдо-Дионисий Ареопагит. Мистическая теология.

включает в себя три этапа, ибо, по мнению Псевдо-Дионисия, «причастн к богочаальному знанию является очищение (κάθαρσις), просвещение (φωτισμ) и совершенствование (или «совершенство» — τελείωσις)» (СН, 7.3, 209С). Первый этап — κάθαρσις — освобождение человека от страстей. Второй — φωτισμός — озарение души божественным светом, возведение ее на высоты созерцания. И третий — τελείωσις — высшее состояние мистического гносиса, приобщен к тайнам божественной жизни, экстаз «безмыслия» (ἀνοησία), превышающего всякое мышление. И это, по мнению мистиков, не пантеистическое слияние с божеством за счет полного растворения, уничтожения личности, а мистическое общение личностей при постоянном сознании различия между конечным «я» и божеством. Это — гносис-созерцание, погружен в божественную тьму, как в «неприступный свет»⁷².

Нравственно-практическое направление (его основными представителями считают Макария Египетского и Симеона Богослова) апеллирует к богатейшей сфере чувств, психологических переживаний. Это эмоциональный экстаз, состояние восторженной всеохватывающей любви к богу, как венеч аскетического подвига. В экстазе происходит почти физическое единение души с богом. «Все мистики согласно свидетельствуют, что эмоции и феномены, которые они переживают в состоянии экстаза, совершенно неописуемы. . .»⁷³. Путь эмоционального экстаза, «мистический эроса» (ἐρωτοποίησις) в отличие от «мистического гносиса» связан с возбуждением фантазии и воображения. Он сопровождается такими феноменами мистической жизни, как фотисмы — созерцание мистиком божественного света, видения — яркие образы, воспринимаемые как реальные явления, откровения — некая информация, осознаваемая мистиком как данная свыше в виде зрительных или звуковых образов.

Различают и третье, этико-гностическое направление⁷⁴, объединяющее оба выше рассмотренные. К мистикам этого типа можно условно отнести Исаака Сирина и Максима Исповедника. Они развивают своеобразный эротически-гностический путь высшего постижения бога — созерцания (θεωρία). Исаак Сирин (VII в.) выделял две ступени божественных откровений. Первая — видения — «откровения» в чувственных образах; вторая — «умные откровения», которые выше слов, образов, размышления⁷⁵.

Путь к созерцанию проходит через сферу религиозной практики — «делание» (πράξις). «Делание и созерцание в христианском познании друг от друга неотделимы»⁷⁶. Эта мысль, наиболее полно развитая Максимом Исповедником, является гносеологическим базисом и византийского художественного творчества (в сфере культового искусства). Работа мозаичиста, фрескиста и особенно иконописца являлась прежде всего религиозным «деланием», близким к мистической «практике». И это «делание» было тесно связано с «созерцанием». Художник воплощал в материю «образы», постигнутые им или его предшественниками (и воспринятые и пережитые им по преданию) в акте божественного «видения», т. е. мистического гносиса — «введения» первопричины⁷⁷. «Видение» как одна из ступеней «введения» имеет одним из своих уровней и видение зрительных образов, которые воплощались в искусстве, закреплялись в предании.

⁷² «Божественная тьма есть неприступный свет» (ὁ θεῖος ὕψος ἐστὶ τὸ ἀπρόσιτον φῶς), — со свойственным ему антиномизмом заявляет Псевдо-Дионисий (Ер., V 1073 А).

⁷³ П. Минин. Мистицизм и его природа. Сергиев Посад, 1913, стр. 28.

⁷⁴ См. П. Минин. Главные направления древнецерковной мистики. — «Богословский вестник», т. 3, 1914, стр. 50.

⁷⁵ Г. Флоровский. Византийские отцы, стр. 192.

⁷⁶ V. Lossky. Essai sur la théologie mystique de l'Eglise d'Orient, p. 199.

⁷⁷ Проблемы «видения» и «введения» стояли в центре внимания Исаака Сирина как гносеологическая основа этого направления.

в форме иконографического канона и являлись доминантой творческого метода византийских мастеров ⁷⁸.

Путь к созерцанию начинался с молитвы (ср. DN, 3.1, 68BC), о чем много писал еще Климент Александрийский, а затем почти все отцы церкви, особенно практики мистической жизни. Начальной молитвой, по Исааку Сирину, является «просительная». Словесная молитва приводит человека к бесстрастию. «И тогда начинается молитва созерцательная, молитва без слов, в которой сердце в молчании раскрывается перед богом» ⁷⁹. В результате мистик погружается в состояние абсолютного покоя — исихии (ἡσυχία). Для скорейшего достижения этого состояния Симеон Богослов предлагает ⁸⁰, а Григорий Палама развивает искусственные приемы (дыхательная гимнастика, повторение одной и той же фразы в уме, определенные позы) «умной молитвы», быстрого достижения сосредоточенного состояния ума, очищенного от каких-либо образов фантазии и подготовленного для созерцания в самом себе божественного света, т. е. непосредственное видение бога, «превосходящее чувство и ум» ⁸¹.

Григорий Палама дал развернутое учение о «нетварном свете» (фаворском), в котором бог открывается людям, достигшим высшего предела гносиса — единения с ним ⁸². Узрению этого света предшествует созерцание света чувственного, связанного с физическим зрением, и света ума — источника мыслительной деятельности. «Но когда достойные полуют духовную и сверхъестественную благодать и силу, — пишет Григорий Палама, — они и чувством и умом видят то, что превосходит всякое чувство и всякий ум» ⁸³, т. е. «нетварный свет».

Свет (φῶς), озарение (ἐκλάμψις), как мы видели, с «Ареопагитик» занимают важнейшее место в византийской гносеологии ⁸⁴. С другой стороны, свет — важнейшая категория византийской эстетики. В этой роли он приходит сюда из ветхозаветной культуры. У древних евреев «свет» играл практически ту же роль, что и «красота» в античной эстетике ⁸⁵. Ранние христиане и византийские мыслители развивают эту идею. Наслаждение светом во всех его проявлениях становится главным содержанием духовной жизни византийского мистика. «Световая эстетика» Филона Александрийского, Августина, Псевдо-Дионисия составляет важный раздел средневековой (как восточной, так и западной) эстетики. Свет, наконец, играет ведущую роль в византийской художественной практике, особенно в архитектуре, живописи и в системе литургического действия как главный синтезирующий элемент.

Таким образом, на пути «мистического опыта» византийская гносеология погружается в сферу внесознательного психического и реализует свое «познание» в основном на уровне эмоционально-эстетических переживаний путем возбуждения комплекса положительных эмоций и различных звуковых, зрительных, и прежде всего световых, образов. Путь этот сугубо индивидуальный и осуществлялся в результате интенсивной психической активности «познающего» субъекта в направлении самовозбуждения и самовнушения.

⁷⁸ Подробнее см.: В. Бычков. Эстетические аспекты иконографического канона в восточнохристианском искусстве. — «Вопросы теории и истории эстетики», вып. 7. Изд. МГУ, 1972, стр. 148—168.

⁷⁹ V. Lossky. Op. cit., p. 203.

⁸⁰ См. А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — BS, XXVIII, 1967, стр. 33.

⁸¹ Василий (Кривошеин). Св. Григорий Палама. Личность и учение по недавно опубликованным материалам. — «Messenger», № 33—34, 1960, стр. 105.

⁸² Ср. V. Lossky. Op. cit., p. 219.

⁸³ PG, t. 150, col. 1833, O. s. Русск. пер. цит. по кн.: Василий (Кривошеин). Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы. — SK, VIII, 1936, стр. 138).

⁸⁴ Это подчеркивает и V. Lossky (op. cit., p. 216, 227, 231).

⁸⁵ Ср. Th. Boman. Das Hebräische Denken im Vergleich mit dem Griechischen. Göttingen, 1959, S. 72.

Полной противоположностью мистическому пути является литургический гносис, ориентированный в первую очередь на коллективного субъекта познания — общину верующих.

Таинства, будучи сущностью всей «церковной жизни», составляли основу церковного богослужения. В богослужении с большой наглядностью проявляется «экзистенциальность» христианского познания. Оно является собой, по мнению византийских мыслителей, *реальное бытие* вечной вневременной жизни (инобытие) внутри нашей, преходящей. Каждый участник богослужения «реально» приобщается к этому «сверхбытию» — пребывает в нем, не покидая уровня бытия. В этой реализации «сверхбытия» — основной смысл церкви, богослужения, таинства. К какому же образом осуществляется «изживание» антиномий спекулятивного мышления на уровне «литургического опыта»? Для ответа на этот вопрос необходимо хотя бы указать на две основные проблемы богослужения как гносеологического феномена: структуру богослужения и восприятие его членами церкви.

Богослужение для отцов церкви являлось углублением, развитием практическим осуществлением догматического богословия⁸⁶. Многочисленные молитвы, гимны и песнопения часто в художественной форме развивают, поясняют и иллюстрируют основные догматические формулы. Так одна из древнейших евхаристических молитв, известная нам по «Апостольскому преданию» Ипполита Римского (III в. н.э.), является практически «развитой доксологической тринитарной формулой»⁸⁷. В высокохудожественных образцах культовой поэзии догматические антиномии образуются в систему художественных оппозиций. Известный, например, памятник византийской церковной поэзии «Ἀχάθιστος ὕμνος» (VI—VII вв.)⁸⁸ включая в свой состав мифологические, догматические и терминологические антиномии, снимает их в структуре художественного образа. Особенно насыщены художественными оппозициями заключительные части икосов. Многие из содержащихся в них эпитетов — обращений к Богородице — антитетичны: «Бога неместимого вместилище» (θεοῦ ἀχωρήτου χώρα), «девство и рождество совокупившая» (ἡ παρθενία καὶ λοχίαν ζευγύσα), «невеста невестная» (νύμφη ἀνύμφευτε)⁸⁹. Кроме того, «хайретизмы» рифмуются строго по два, и часто рифмованную пару составляют антитетические термины близкие друг другу по звучанию. Показательны в этом плане следующие стихи:

Χαῖρε, τῶν Ἀθηναίων τὰς πλοκάς διασπῶσα·

Χαῖρε, ἀλιέλων τὰς σαφήνας πληροῦσα·

Радуйся, сети афинские расплетающая

Радуйся, мрежи рыбацкие наполняющая (икос 9).

Χαῖρε, δι' ἧς ἡ χαρὰ ἐκλάμψει·

Χαῖρε, δι' ἧς ἡ ἀρά ἐκλείψει.

Радуйся, чрез тебя радость сияет.

Радуйся, чрез тебя горесть истаёт (дословно: «погасает») (икос 1)

Χαῖρε, τὸ τῶν ἀγγέλων πολυθρόνητον θαῦμα·

Χαῖρε, τὸ τῶν δαιμόνων πολυθρόνητον τραῦμα·

Радуйся, ангелов многославное изумление.

Радуйся, демонов многослезное уязвление (икос 2)⁹⁰.

⁸⁶ См. А. Шмеман. Введение в литургическое богословие. Париж, 1961, стр. 246.

⁸⁷ Киприан (Керн). Евхаристия. Париж, 1947, стр. 67.

⁸⁸ См. о нем, например: O. Bardenheuer. Geschichte der altkirchlichen Literatur, Bd. V, 1932, S. 166—168.

⁸⁹ Эпитеты из 16-й песни (икос 8). Цит. по: R. Cantarella. Poeti bizantini. Vol. 1. Milano, 1948, p. 90—91.

⁹⁰ Греч. текст цит. по указ. изданию R. Cantarella, русский перевод С. С. Аверинцева — по кн.: «Памятники византийской литературы IV—IX веков». М., 1968, стр. 240—241.

Как видно из приведенных примеров, могут рифмоваться по две и по три антитетических пары⁹¹ в соседних стихах, что ведет к напряженной оппозиционности художественного образа.

Однако не только отдельные элементы, но и вся структура службы, особенно ее центральной части — литургии, отражает в своеобразной опосредованной форме сложность и принципиальную противоречивость понятийной ступени гносеологии. Как отмечают современные исследователи, «для христианского церковного сознания богослужение есть живая и жизненная философия православия, а не только обряд»⁹². Основным структурообразующим противоречием богослужения выступает проблема времени, ибо в центре богослужения стоит повторение во времени единственного и неповторимого события — евхаристии (евхаристической жертвы). Годовое богослужение складывается из двух, находящихся в различных временных плоскостях циклов: постоянного, календарного — «богослужения времени», начинающегося в сентябре, и переменного, ориентированного на лунный календарь пасхального цикла. «Богослужение времени» состоит из суточного, недельного и месячного кругов. Основу составляют службы суточного круга, в которые включается материал остальных кругов и пасхального цикла. В результате получается противоречивое единство циклической замкнутости времени и его протяженности.

Здесь в структуре богослужения нашла свое отражение и конкретное воплощение важнейшая в византийской культуре антиномия времени — единство циклического и линейного времени. Эта антиномия в свою очередь возникла как синтез древнееврейского и античного понимания времени. В науке неоднократно подчеркивалось⁹³, что ветхозаветное мышление ориентировано во времени, а греческое — в пространстве⁹⁴. О. Кульман убедительно показал, опираясь на своих предшественников, что христианство развивает в этом плане ветхозаветную традицию⁹⁵. Эсхатологические чаяния христиан базируются на понимании бытия как необратимого временного процесса. При этом не только собственно *χρόνος*, но и *αἰών* («вечность») носит у христиан временной характер, в отличие от платоновского понимания «эона» как «бесвременности»⁹⁶. Христианство, по терминологии Псевдо-Дионисия, признает «длящуюся во времени вечность» (*ἔχχρονος αἰών*, — DN, 10.3, 937D). Этот эон понимается в различных смыслах⁹⁷, но все они имеют характер бесконечно длящегося времени. Греки (как и индусы) представляли время циклически замкнутым. Для них символом времени был круг (*κύκλος*)⁹⁸, в отличие от линии — у иудеев и персов⁹⁹. Поэтому греки (и древние индийцы) стремились вырваться из вечного круговорота бытия в надвременную вечность (или в абсолютное небытие — индийцы). «Грядущее царство божие» возможно только во времени (в истории). Христианство приняло и то, и другое понимание времени как данность, хотя на раннем своем этапе оно, как постоянно подчеркивает О. Кульман, действительно ориентировалось только на ветхозаветную традицию. Однако в византийский период устойчивость эллинской культуры мышления и развитие литур-

⁹¹ В удачном переводе С. С. Аверинцева эти антитезы все же смягчены по сравнению с оригиналом.

⁹² Киприан. Евхаристия, стр. 29; см. также: А. Шмеман. Исторический путь православия. Нью-Йорк, 1954, стр. 273.

⁹³ См., например: О. Cullmann. Christus und die Zeit. Zürich. 1962; там же — библиография.

⁹⁴ Ср. I. Hessen. Platonismus und Prophetismus. München, Basel, 1955, S. 88—90; Th. Boman. Op. cit., S. 133.

⁹⁵ О. Cullmann. Christus und die Zeit, S. 49.

⁹⁶ См. ibid., S. 69—72.

⁹⁷ См. о них: ibid., S. 58, 73.

⁹⁸ Ср. у Аристотеля: καὶ γὰρ ὁ χρόνος αὐτὸς εἶναι δοκεῖ κύκλος τις (Phys., 4, 14, 223b).

⁹⁹ См. О. Cullmann. Op. cit., S. 61.

гической практики приводят к принятию антиномии времени: «хронос — эон». При этом хронос сохраняет греческое значение замкнутого времени, а эон — линейное, эсхатологическое «время — вечность» ветхозаветной культуры. Только причастность к этому антиномическому времени ведет к «сущему». Как полагал Псевдо-Дионисий, только «то, что, с одной стороны, участвует в эоне, а с другой — во времени, находится между сущим и преходящим (ὑπάρχοντες)» (DN, 10.3, 940A). И самого «бога воспеваем мы как эон и как время (ὡς αἰῶνα καὶ ὡς χρόνον), как причину всех времен и эонов. . . , но также и как того, который существует до эона *сверх* эона, и царство его является царством всех эонов». С этим-то пониманием божества и его «царства» и связана основная литургическая оппозиция между «богослужением времени» (реализация антиномии «хронос — эон») и таинством (реализация до- и сверхвременного «царства»).

Таинство в восприятии членов церкви было мистическим актом *реального* бытия «царства божия», реальным «прорывом» в наш мир мира «сверхбытия». «Смысл таинства. . . в том, что, совершаемое как повторение во времени, оно в нем являет реальность неповторимую и надвременную»¹. Практически и любой праздник, связанный с жизнью Христа, воспринимался как прорыв и разрушение протяженности и цикличности времени, т. е. как снятие антиномии «хронос — эон». Соответственно и вся церковная эсхатология, как непрерывное ожидание «царства», утверждающая протяженность и конец времени, постоянно актуализуется в богослужении «реальным» явлением этого «царства» в таинстве. Таким образом, структурная антиномичность спекулятивного мышления находит свое отражение в сложной временной структуре богослужения — в противоречивом совмещении времени, эона и «вневременных» прорывов «сверхбытия» И, что важно для понимания всей византийской системы мышления, это сложное «литургическое время» определяло практически весь жизненный ритм средневекового человека, являясь для него естественным и обычным. «Церковные праздники, — пишет П. А. Каждан, — рассматривались как основные вехи времени, как границы погодных периодов, как определяющие пункты начала и конца сельскохозяйственных работ — и тем самым человеческая жизнь как бы втягивалась в религиозный ритм»¹⁰¹. «Литургическое время» было одним из важных факторов, определявших структуру росписей в храме¹⁰².

Проблема восприятия литургического действия по своей сложности и необъятности должна стать предметом отдельного рассмотрения, так как византийский культ, по выражению В. Н. Лазарева, был «грандиозным художественным ансамблем, задача которого сводилась к тому, чтобы одновременно давать эстетическое наслаждение и возносить душу верующего к небесам»¹⁰³. Здесь же важно отметить, что весь «литургический опыт» был связан с воздействием почти исключительно на эмоциональную эстетическую сферу психики субъекта восприятия, ориентирован на возбуждение ассоциативных мыслительных процессов. Служба включала в свой состав чтение текстов Писания, пение гимнов и духовных песен, определенное развитие действия, специфическую хореографию священнослужителей, их переодевание, общение с народом, свершение таинства молитвы. Неразрывно со всей службой связана архитектура храма, «реальная» символика внутреннего пространства (увеличение степени значимости с запада на восток и снизу вверх), система росписи храма, декоративное украшение, одежда служителей культа, сложная система освещения, зрительно-обонятельная атмосфера в храме¹⁰⁴. Непосредственно

¹⁰⁰ А. Шлеман. Введение в литургическое богословие, стр. 53.

¹⁰¹ А. П. Каждан. Византийская культура, стр. 104.

¹⁰² См. О. Detus. Byzantine mosaic decoration. London, 1947, p. 16.

¹⁰³ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 27.

¹⁰⁴ См. П. Флоренский. Храмовое действо как синтез искусств. — «Мáковец. Журнал искусств», № 1. М., 1922.

эмоциональное восприятие этого многопланового синтетического действия усложнено было у византийцев еще знанием догматики и семантической значимости каждого элемента службы. Семантика же богослужения и особенно евхаристии сложна и многоаспектна, как и принципы ее структурной организации, ибо многозначное, антиномическое содержание определило и соответствующую структуру действия.

Евхаристия воспринималась византийцами одновременно по крайней мере в четырех аспектах¹⁰⁵. Во-первых, это «таинство таинств» — ежедневное «реальное повторение» воплощения Логоса, т. е. практически ежедневное мистическое снятие теологической антиномии «трансцендентное — имманентное», реализуемое в форме соответствующих действий служителей культа, молитв и песнопений народа. При этом причащение воспринималось как реальное, конкретное обожение человека, реальное «приобщение» (Κοινωνία) к божеству (ЕН, 3. 3, 12, 444В), которое, как писал Симеон Фессалоникийский, являлось целью литургии и «вершиной всех благ и желаний»¹⁰⁶.

Во-вторых, евхаристия — это жертва «о всех и за вся», повторение голгофского жертвоприношения — «таинственное жертвоприношение» (μυστικὴ θυσία), по выражению патриарха Германа¹⁰⁷. Это благодарственная (отсюда и название εὐχαριστία — «благодарение») жертва богу.

В-третьих, евхаристия — это и «небесная литургия», вечная евхаристическая жертва, начавшаяся в недрах Троицы «от вечности» и длящаяся постоянно. Священник во время богослужения «мысленно созерцает небесную службу (τὴν οὐράνιον λατρείαν)»¹⁰⁸, а «мы (все участники богослужения. — В. Б.), — продолжает патриарх Герман, — уже не на земле, а на небе предстоим царскому престолу бога» (там же, 441А). Земная литургия как бы перерастает в небесную и совершается одновременно «как горе, так и долу» (ἄνω τὸ καὶ κάτω)¹⁰⁹. При этом считается, что и сами небесные силы реально находятся в алтаре, принимая участие в богослужении, на что указывают многие моменты службы. Например, об этом говорится в первой евхаристической молитве (в начале «Анафоры»), в конце которой хор верующих, «образующих собою (ἀντὶ!) херувимские силы и четверовидных животных, восклицает: «Свят, свят, свят, господь Саваоф!»¹¹⁰. С другой стороны, участники богослужения полагали, что они сами «изображают» (не являются!) небесные силы в их «великом и страшном» служении, т. е. все участвуют в некоем театрализованном действе, о чем поется в «херувимской песне»: «Мы, херувимов тайно изображающие. . .». При этом в древней церкви по алтарю с пением «порхали» юноши, изображающие ангелов¹¹¹. Все это должно означать вход бесплотных чинов на «таинственное жертвоприношение»¹¹², совершаемое в храме. Здесь как нигде лучше проявился воплощенный в художественную форму византийский синтез серьезнейшей мистической углубленности в мир «сверхбытия» и по-детски наивной любви к игре, к фокусам, к изображению «чудес», воспринимаемых как дело рук искусных мастеров (в Византии была развита даже наука «создания чудес» — θαυματοποιία¹¹³, связанная, правда, больше с придворным церемониалом, чем богослужением). На соединении этих крайностей и строилось византийское богослужение. Сам Христос в этом «вечно длящемся жертвоприношении» был и первосвящен-

¹⁰⁵ См. Куприан. Евхаристия, стр. 339—342.

¹⁰⁶ De sacra liturgia. — PG, t. 155, col. 300В.

¹⁰⁷ German. Historia ecclesiastica. — PG, t. 98, col. 420А.

¹⁰⁸ Ibid., col. 429С.

¹⁰⁹ Sim. Thessal. De sacro tempo. — PG, t. 155, col. 340AB.

¹¹⁰ German. Hist. eccl., 429D.

¹¹¹ См. K. Onasch. Der Funktionismus der orthodoxen Liturgie. Grundzüge einer Kritik. — «Jahrbuch für Liturgik und Hymnologie», Bd. 6, 1961, S. 2.

¹¹² German. Hist. eccl., 420А.

¹¹³ См. G. Mathew. Byzantine Aesthetics. London, 1963, p. 27.

ником, приносящим жертву, и жертвой, приносимой за грехи мира ¹¹⁴.

Наконец, в-четвертых, все евхаристическое действо символически «выражало» земную жизнь Христа ¹¹⁵. Начало проскомидии (первая часть литургии) воспринималось как символ воплощения (рождения Христа в Вифлееме), первая часть литургии оглашенных — жизнь Христа в Назарете, малый вход — выход на проповедь, великий вход — страсти и крестная смерть, поставление даров на престоле — положение Иисуса во гроб и т. п.

Здесь следует несколько подробнее остановиться на характере литургической символики, ибо она лежит в основе символики всего византийского искусства и отражает существенные особенности эстетического сознания византийцев.

Перенеся центр тяжести своей гносеологии в сферу литургического гносиса, византийские мыслители разработали сложную систему «символического» восприятия литургии и всех ее элементов. Причем эта система формировалась по двум направлениям. Первое, наиболее распространенное и ориентированное на коллективный субъект восприятия — народ, — развивало «реальную» символику, а второе, более узкое, связанное с индивидуальным восприятием, — «умозрительную» символику.

С первым направлением связаны имена прежде всего «практиков» литургического гносиса: Кирилла Иерусалимского (IV—V вв.), Германа Константинопольского (VIII в.), архиепископа Симеона Фессалоникийского (XV в.). Главным теоретиком второго был Максим Исповедник.

Первое направление понимает литургию со всеми ее элементами как систему особых «образов», символов — «реальных символов», которые одновременно и обозначают, и «реально» являют обозначаемое. При этом можно отметить историческую смену акцентов в понимании этой антиномической символики.

Кирилл Иерусалимский а за ним и патриарх Герман почти все «литургические образы» воспринимают как реальное явление мира сверхбытия. Поэтому они чаще всего употребляют термин «является» (*ἐστίν*), «является вместо...» (*ἐστὶν ἀντὶ...*), «являет собой» (*ἐμφαίνει*), а не «изображает», подчеркивая этим особый сакральный характер литургического «образа».

Церковь, например, у Германа «является» земным небом, конха «является» (*ἐστίν*) вифлеемской пещерой и местом погребения Христа, диаконы «являют собой» серафимов и т. д. Но Герман хорошо сознает антиномичность этих «явлений», их принадлежность и к миру «сверхбытия», и к земному «быванию». Заявляя, например, в одном месте, что жертвенник «является и называется (*ἐστὶ καὶ λέγεται*)... гробом Господним» (389В), в другом он называет его «образом (*ἀντίτυπον*) гроба» (420С). Иереи у него, изображают (*ἀντιτύποι*) бесплотные чины. Отсюда и специальное употребление Германом двусмысленных в данном контексте терминов *ἐστίν*, *ἀντί*, *ἐμφαίνει*, которые могут быть поняты здесь и как «изображает», «выражает», «заменяет».

Эта двусмысленность несколько утрачивает свою актуальность в послеиконоборческий период, вернее, растворяется в понятии «образ», расширяя и дополняя его новым аспектом. Теория образа (изображения) прочно лежала теперь в основе всей византийской эстетики и, шире, всего византийского миропонимания. Вполне естественно, что и византийская литургия опирается на эту универсальную теорию.

В «Комментарии на литургию» XII в., приписывавшемся одно время Софронию Иерусалимскому ¹¹⁶ (см. текст в PG, 87/III, 3981—4001), для

¹¹⁴ Кирилан. Евхаристия, стр. 286.

¹¹⁵ См. H. J. Schulz. Die byzantinische Liturgie. Vom Werden ihrer Symbolgestalt. Freiburg im. Br., 1964.

¹¹⁶ См. B. Altaner. Patrologie, Freiburg i. Br., 1958, 5. 483.

объяснения различных элементов культового действия, употребляются в основном понятия «образ» (τύπος, ἀντίτυπος), «изображает» (ἀντιτυπῶ). Постоянно используемый здесь термин τύπος, наделяется практически особым значением «литургического образа», отличного от εἰκών или μῦθος Псевдо-Дионисия Ареопагита¹¹⁷.

Конха в этом трактате «изображает» вифлеемскую пещеру и одновременно «гроб» Христа, своды алтаря и потолок храма — образы двух уровней неба, лампы и свечи — образ вечного света, стихарь — образ плоти Христовой, архиерей — «образ» (τύπος) Господа, иереи «изображают» духовные чины, диаконы — ангелов и т. п.

Наконец, Симеон Фессалоникийский (см. PG, 155), также активно употребляя термин τύπος, поясняет своеобразие этого «образа». Подчеркнув, что евхаристические хлеб и вино «не образ (οὐ τύπος), но сама истина» (300D), он заявляет, что τύπος, т. е. литургический образ, — это такой «образ» архетипа, который «обладает его силой» (τὴν αὐτοῦ πλοῦτεῖ δυνάμιν — 340A). Именно в этом смысле и воспринималась «реальная символика» богослужения византийцами, так как только «образ», не «являющийся» (ибо это невозможно даже при византийском антиномизме) «по сущности» архетипом, но обладающий его силой, мог стать достойным посредником на пути постижения этого архетипа.

Со своеобразием литургической «реальной» символика связано и понимание богослужения как «воспоминания» (ἡ ἀνάμνησις). Псевдо-Дионисий, поясняя литургическое священнодействие, замечает, что оно совершается «в Его воспоминание» (ΕΝ, 3. 3, 12, 441C). Но это особое, вневременное воспоминание, не подчиняющееся логике «бытия». В нем «вспоминали» и прошлое, и настоящее, и будущее как уже бывшее и вечно длящееся, т. е. воспоминание, выходящее за пределы антиномии хронос — эон, преодолевающее и этим снимающее ее. Так, в «анамнесисе» (название части литургии) литургии апостола Иакова вспоминают «второе и славное и страшное Его пришествие, когда Он придет со славой судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его. . .»¹¹⁸.

«Реальная» литургическая символика определяла и так называемый «топографический символизм» внутреннего пространства храма — существенный фактор для осмысления системы росписей¹¹⁹.

Изображения в храме на уровне восприятия также включались в общее литургическое действие, способствуя своей эстетической информацией созданию эффекта мистического единения неба и земли. Так, по мнению Симеона Фессалоникийского, «священные изображения» (τῶν ἱερῶν εἰκόνων) Спасителя, Богоматери, Иоанна Крестителя, ангелов, апостолов и других святых на алтарной преграде (ὕπερ ἂν τῶν διαστόλων, т. е. прообраз иконостаса) означают «и пребывание Христа на небе со своими святыми, и присутствие его здесь среди нас» (345CD). Эта мысль лежит в основе всей византийской эстетики, ее понимания живописного образа.

Наконец, следует отметить, что «реальная символика» отдельных элементов действия и различных предметов культа не только многозначна, но и динамична — меняется в процессе богослужения. Так, дискос с положенными на него частицами просфоры в «проскомидии» выступает образом церкви, небесной и земной, и одновременно изображает «вифлеемский вертеп». При «великом входе» стоящий на голове диакона он означает распятого Христа, а снятие дискоса с головы символизирует снятие тела Иисуса с креста¹²⁰.

¹¹⁷ Об этих аспектах «образа» см. В. В. Бычков. Образ как категория византийской эстетики. — ВВ, 34, 1973, стр. 159—161.

¹¹⁸ Кириак. Евхаристия, стр. 231. Ср. у патриарха Германа: «алтарь» (θῆμα) указывает на второе пришествие его (τῇ δευτέρᾳ αὐτοῦ παρουσίᾳ), когда он придет во славе судить живых и мертвых (Hist. eccl., 389D).

¹¹⁹ См. по этому поводу: О. Demus. Op. cit., p. 87—88.

¹²⁰ См. Кириак. Евхаристия, стр. 160, 201.

Максим Исповедник в своем «Тайноводстве» развивает иной аспект литургической символики. Его интересует «философско-умозрительный» смысл как всего литургического действия, так и его элементов. При этом он различает общее (γενικῶς), более широкое значение каждого элемента и его частные (ιδιῶς) смыслы¹²¹. Так, церковь в общем плане является «образом и изображением Бога», а в частности, так как она состоит из святилища (ιερατεῖον) и собственно храма — наоса (ναός), — образом мысленного и чувственного мира, также — образом человека и, кроме того, образом души, как состоящих из духовной и чувственной частей (Mystag. 24, 705A—C)¹²². Малый вход (πρώτη εἰσοδος) означает первое пришествие Христа, а в частности — обращение неверующих к вере (705C).

Далее, частные смыслы основных элементов литургии Максим дифференцирует в соответствии с тремя категориями субъектов восприятия. Одно значение имеет тот или иной элемент богослужения для «уверовавших» (πιστευάντων), другое для «практиков» (πρακτικῶν) и третье для «гностиков» (γνωστικῶν).

Так, Евангелие, означающее на уровне «реальной символики» и крест, несомый Христом¹²³, и пришествие Христа в мир сей, и явление его на Иордане¹²⁴, у Максима «вообще» является «символом (σύμβολον) кончины эона сего», а в частности — для «уверовавших» — означает «уничтожение древнего заблуждения», для «практиков» — «умерщвление и конец плотского закона и мудрствования» и для «гностиков» — «совокупность и сочетание различных истин в одной» (708AB). Сошествие архиерея с кафедры и выведение оглашенных из храма перед «литургией верных» означает (σημαίνει) «вообще» второе пришествие Христа, в частности же — для «уверовавших» — «совершенное утверждение в вере», для «практиков» — «совершенное бесстрастие» и для «гностиков» — «полное познание всего познаваемого» (708B—C). Закрытие врат, вход «святых тайн» и возгласение «символа веры» вообще означает окончание всего чувственного и «наступление» духовного мира, в частности — для первой группы — преуспевание верных в учении и готовности к благочестию, для второй — переход от «деятельности» к созерцанию и для «гностиков» — переход «от естественного созерцания к простому ведению ноэтических предметов» (708C—709A) и т. п.

Таким образом, здесь ясно видно, что вся «умозрительная» символика Максима Исповедника направлена на осмысление богослужения как особого непонятного пути познания¹²⁵, именно — высшего «тайноводственного» этапа, завершающего систему византийской гносеологии в этом направлении.

Помимо трех категорий субъектов литургического гносиса, выделенных Максимом Исповедником внутри общины, в результате исторической эволюции богослужения происходит дальнейшая дифференциация в этом плане, заложенная уже в теории иерархии Псевдо-Дионисия Ареопагита, но окончательно реализованная только к IX в. Имеется в виду разделение субъектов познания на активных (клир) и пассивных (община).

В процессе исторического развития служба из сакрально-символического действия всех членов церкви первых веков христианства превратилась к IX в. в сложную символическую драму, в пышный с «красотами»

¹²¹ Г. Бальтазар связывает первый уровень (небесного, трансцендентного значения) с теорией Псевдо-Дионисия, а второй (ориентированный на индивидуальное восприятие души) — с учением Евагрия. См. H. U. von Balthasar. Kosmische Liturgie, S. 323.

¹²² Цит. по: PG, t. 91.

¹²³ Sophron. Ierus. Comment. liturg., 3993C.

¹²⁴ German. Hist. eccles., 405C, 408A.

¹²⁵ Ср. H. U. von Balthasar. Op. cit., S. 323.

и «узорами» «мистерияльный спектакль»¹²⁶. Община — активный участник действия, — заняла место пассивного созерцателя великолепно срежиссированного зрелища, во многих своих частях ей непонятного и недоступного. Начиная с VI в. устанавливается практика тайного чтения основных литургических молитв священнослужителями¹²⁷, важнейшие элементы действия переносятся из центра храма (где находился тогда амвон, над которым и сооружался центральный купол) в алтарь. Современные богословы видят основную причину этого процесса в постепенном ослаблении «церковного сознания», в «равнодушии народа» к церковной жизни¹²⁸. И действительно, длинное, излишне усложненное символическое действо вряд ли могло быть полностью воспринято средним византийцем. Его больше привлекала внешне-эстетическая сторона богослужения: украшение храма, красивые песнопения, понятные места из библейской истории. Поэтому богослужение постепенно стало происходить как бы на двух уровнях: сакральный — только для узкого круга духовенства, ведущего службу, и дидактически-эстетический — для присутствующего на службе народа. Для массового восприятия сложный «литургический опыт» свелся к более доступному и общезначимому — «эстетическому».

Не случайно, видимо, именно с VI в. усиливается внимание византийцев к церковному искусству. Возникает самобытная архитектура¹²⁹, с акцентом на внутреннем пространстве, начинается формироваться система росписей, авторы которых, по мнению О. Демуса, ставили перед собой задачу в художественной форме «воплотить центральную формулу византийской теологии — христологическую догму»¹³⁰. В это же время предпринимаются попытки «драматизировать проповедь, создать «драматизированные гомилии» (беседы), где некоторые эпизоды из жизни Иисуса Христа или девы Марии воспроизводились в диалогической форме. Драматизированы были и литургические песнопения»¹³¹.

На время с VI по IX в. приходится расцвет византийской церковной поэзии. Достаточно назвать такие имена, как Роман Сладкопевец, патриарх Сергий, Софроний Иерусалимский, Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, Косьма Маюмский, Феодор Студит, чьи высокохудожественные произведения, наполнив богослужение, вывели его далеко за пределы узко профессионального явления на уровень общечеловеческих культурных ценностей. При этом византийская поэзия разработала большое количество новых своеобразных форм поэтического, точнее — песенно-поэтического, мышления. Среди них особым своеобразием отличаются тропари, каноны, акафисты, кондаки, стихиры.

Следует особо подчеркнуть, что практически вся словесная информация богослужения, как поэтическая, так и прозаическая, была облечена в музыкальную напевно-мелодическую форму. Литургическое действо было пронизано музыкой, ибо византийцы хорошо ощущали эмоционально-эстетическое воздействие музыки, мелодии на человека, тонко воспринимали ее непонятную информацию, понимали, говоря современным языком, что музыка — мощный фактор создания определенной эмоциональной установки, ориентирующей восприятие и деятельность субъекта в заданном направлении.

¹²⁶ См. К. Onasch. Der Funktionalismus der orthodoxen Liturgie, S. 40—41; А. Шмеман. Исторический путь православия, стр. 273—275; его же. Введение в литургическое богословие, стр. 193, 142—145. Здесь А. Шмеман указывает на «внешнюю, торжественность», «изобразительно-символический» характер развитого богослужения, целью которого становится дать возможность его участникам «религиозно-психологически пережить событие или ряд событий...» (стр. 142).

¹²⁷ Киприан. Евхаристия, стр. 166.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Именно, в VI в. сооружается шедевр византийской архитектуры — храм. св. Софии в Константинополе.

¹³⁰ О. Demus. Op. cit., p. 5.

¹³¹ А. П. Каздан. Книга и писатель в Византии, стр. 124.

Еще Григорий Нисский замечал: «Мне кажется, что философия, проявляющая себя в мелодии, есть более глубокая тайна, чем об этом думает толпа»¹³². Ту же мысль развивал и Иоанн Златоуст: «Ничто так не возвышает душу, ничто так не окрыляет ее, не удаляет от земли, не освобождает от телесных уз, не наставляет в философии и не помогает достигать полного презрения к житейским предметам, как согласная мелодия и управляемое ритмом божественное песнопение»¹³³. Наконец, Псевдо-Дионисий подчеркивает психологическую функцию песнопений. Они, по его мнению, возбуждают у участников богослужения расположение духа, «приличное принятию или преподаванию того или иного таинства», «песнословие (*ὕμνολογία*) настраивает наше душевное состояние в соответствии (*ἐναρμονίως*) с последующим священнодействием» (ЕН, 3, 3, 4—5, 429D—432A). Эти высказывания ясно свидетельствуют о сознательно, опирающемся на пифагорейскую и неопифагорейскую теорию «психагогической» роли музыки¹³⁴ использовании византийцами искусства (в частности музыки) на второй ступени своей гносеологии, именно: 1) в качестве носителя особой, непонятной информации («философия в мелодии» Григория Нисского) и 2) в качестве организатора эмоциональной установки на последующее восприятие действия.

Таким образом, мы видим, что эстетический элемент играет важнейшую и принципиальную роль в структуре «литургического гносиса».

Здесь следует еще раз подчеркнуть, что органическое слияние эстетики и гносеологии на эмпирическом уровне нашло свое завершение и отражение в сфере теории. Вся эстетическая теория византийцев оказалась включенной в их теорию познания первопричины, что и способствовало сохранению жизненности и действенности этой теории. Главные категории византийской эстетики — образ, символ, знак, прекрасное, свет, канон — по сути своей категории гносеологические. Они составляют основу и византийской теории познания. Более или менее четкая дифференциация гносеологии и эстетики, совершенно естественная для основного направления постренессансной западной философии, в византийской духовной культуре принципиально невозможна¹³⁵. Эту мысль подтверждает и анализ развившегося внутри литургического гносиса и получившего практически самостоятельное значение третьего «опытного» пути византийской гносеологии — художественного опыта.

Материализованные феномены искусства, особенно изобразительного, с их сложным психологическим механизмом воздействия на субъект восприятия возбуждали священный трепет в душе средневекового зрителя и воспринимались им как своеобразные посредники между уровнями эмпирического бытия и сверхбытия (см. работы апологетов иконопочитания). «Если культ, — отмечает В. Н. Лазарев, — являлся в представлении византийца главным связующим звеном между миром здешним и миром потусторонним, искусство, поскольку оно входило в состав культа, призвано было выполнять ту же функцию. Художественный образ должен был возносить мысли верующего к небу, сосредоточивая его внимание на созерцании чистых идей»¹³⁶. Богатейший арсенал выразительных средств живописи как нельзя лучше соответствовал обострившемуся в антиномических изысканиях восприятию византийца, ибо живопись, по выражению И. Канта, «способна проникнуть гораздо дальше в область идей и

¹³² Толкование к надписанию псалмов. Цит. по кн.: «Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения». М., 1966, стр. 107 (пер. С. С. Аверинцева).

¹³³ Там же, стр. 114—115 (пер. С. С. Аверинцева).

¹³⁴ См. W. Tatarkiewicz. Historia estetik. 1. Estetika starożyt. Wrocław. Warszawa. Kraków, 1962, s. 100.

¹³⁵ К тому же мы помним, что византийская гносеология завершается онтологическим слиянием субъекта и объекта познания, а эстетика тесно переплетена с этикой, и все в целом являет собой удивительный по своей целостности духовный комплекс.

¹³⁶ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 28.

в соответствии с ними расширить сферу созерцания больше, чем это доступно другим искусствам»¹³⁷. Это хорошо ощущали, хотя и не всегда могли ясно выразить, византийские мыслители¹³⁸, но византийская художественная практика великолепно реализовала то, что не удалось до конца сформулировать отцам церкви.

Ко времени активного формирования системы византийской гносеологии (IV—VI вв.) изобразительное искусство начинает последовательно внедряться в христианскую духовную культуру. Работы Василия Великого, Григория Нисского и особенно «теория образа» Псевдо-Дионисия Ареопагита явились философско-религиозным обоснованием и стимулом дальнейшей активизации этого процесса, хотя, как известно, с раннехристианского периода в восточном христианстве существовала постоянная сильная оппозиция культу изображений¹³⁹, преодолевавшаяся прежде всего художественной практикой.

Активное включение произведений искусства в культовую практику, с одной стороны, и перенесение центра тяжести гносеологии в сферу внесознательного психического, с другой, направили внимание византийских мыслителей на гносеологическую функцию искусства. При этом ценность искусства в глазах философов значительно увеличилась по сравнению с предшествующим периодом. Если Климент Александрийский, опираясь на миметический принцип платоновской эстетики, отводил образам искусства последнее место в онтологической иерархии — ниже явлений и предметов природы, то Псевдо-Дионисий в своей информационно-иерархической системе помещает художественные образы выше не только явлений природы, но и всего чина церковного священноначалия, т. е. между уровнями бытия и сверхбытия, на одной ступени с таинствами. Гносеологический аспект изображений не уставали подчеркивать и борцы за иконопочитание. Иоанн Дамаскин полагал, что именно «для путеводительства к знанию, для откровения и обнародования скрытого и выдуман образа»¹⁴⁰, Феодор Студит считал, что только посредством изображения «возвышаются к первообразу»¹⁴¹, а патриарх Никифор утверждал: «Познание архетипа осуществляется нами через икону»¹⁴².

Остановливаясь несколько подробнее на роли изобразительного искусства в византийской гносеологии, можно заметить минимум пять аспектов (или уровней) функционирования его произведений в гносеологической сфере: дидактический, символический, сакрально-мистический, литургический и собственно художественный. В духовной культуре Византии все они были тесно переплетены между собой, однако для анализа кажется уместным провести это условное расчленение.

Дидактический аспект — самый поверхностный и очевидный гносеологический уровень. Это утилитарно-иллюстративный аспект изображения. Он соответствует «буквальному» тексту Писания и сюжетной стороне предания. Он в прямом смысле призван заменить для неграмотных книгу, написанное слово. Именно этот аспект изображений особенно последовательно выдвигали на первый план иконопочитатели VIII в., хотя восходит эта традиция еще к Василию Великому. С этим уровнем связана хорошо и однозначно формализуемая информация. Ее носителем является прежде всего иконографическая схема изображения, четко застabilизированная уже к IX в. в иконографических канонах. Информация этого уровня практически никак не зависит от художественного решения кон-

¹³⁷ И. Кант. Критика способности суждения. — Сочинения, т. 5. М., 1966, стр. 349.

¹³⁸ Ср. В. В. Бычков. Образ как категория византийской эстетики. — ВВ, 34, 1973, стр. 167—168.

¹³⁹ См. E. Kitzinger. The Cult of Images in the Age before Iconoclasm. — DOP, 8, 1954, p. 85, 129 а. о.

¹⁴⁰ Цит. по кн.: «История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли», т. 1. М., 1962, стр. 336.

¹⁴¹ PG, t. 99, col. 344D.

¹⁴² PG, t. 100, col. 401C.

кретного изображения. Это в себе замкнутый квант информации, аналитичный информации догмата.

Уровень познавательного-символический более подвижен и многозначен. Он соответствует аллегорически-символическому уровню Писания, т. е. предполагает определенное знание языка символов данной культуры.

Религиозная символика пронизывает всю византийскую культуру. Она восходит еще к ветхозаветной и эллинской религиозно-мифологической традициям. Теоретическое обоснование и развитие она получила у отцов церкви уже в первые века христианства. Экзегетический жанр византийской литературы дает нам ясное представление о возникновении и эволюции значений многих религиозных символов. Здесь же находится ключ к пониманию соответствующей символики живописи и поэзии. Как правило это сугубо рационалистическая символика. Необходимо заранее знать значение каждого религиозного символа, иначе смысл символических образов никогда не будет понят. Она рассчитана исключительно на аналитически-рассудочное восприятие. Современному неподготовленному зрителю она практически ничего не говорит, хотя для самих христиан многие символы были самоочевидны, воспринимались автоматически на уровне внесознательного психического. Но именно на базе этой символики возникла в византийском искусстве художественная символика как иной уровень снятия философско-религиозного материала.

До тех законченных утонченных форм, в которых мы знаем художественную символику икон и росписей по дошедшим до нас памятникам (в основном XI—XIV вв.), она прошла большой путь развития, начиная с примитивной рассудочно-религиозной аллегоричности. В первые четыре века христианства почти все его искусство было рассудочно-символическим. На стенах катакомб и саркофагов изображались условные знаки символизирующие Христа и других евангельских персонажей. Изображения рыбы, якоря, корабля, лозы виноградной, агнца трактовались как символы Христа. Лишь некоторые из этих примитивных символов удерживались в искусстве последующего времени. Кроме них, в первые века христианства часто употреблялись и аллегории, возникшие на основе греко-римских литературных традиций. Чаще всего они встречаются в византийских рукописях¹⁴³. Небольшое количество их вошло затем в иконографический канон. Так, в изображении «Крещения»¹⁴⁴, вошли аллегории в виде человеческих фигур реки Иордана и моря, в котором течет Иордан, в композицию «Страшный суд» — аллегории земли и моря.

Более сложным символическим явлением в раннехристианском, особенно катакомбном, искусстве, а позже и в миниатюрах был, по определению Ф. И. Буслаева, «символический параллелизм»¹⁴⁵. Суть его состояла в том, что особо значимые события новозаветной истории обозначались с помощью своих ветхозаветных прообразов (по установившейся религиозной традиции) и обратно (последнее — в рукописях: ветхозаветный текст иллюстрировался соответствующими сценами из Нового завета). Так, история с Ионой символизировала трехдневную смерть и воскресение Христа, жертвоприношение Авраама — заклание Христа и т. п.¹⁴⁶ Подобную символику имели и многие новозаветные события¹⁴⁷.

Символичны не только целые изображения, но и отдельные элементы в них: вино, река, павлин, пещера, архитектура и т. п.¹⁴⁸ При этом пред-

¹⁴³ См. Ф. И. Буслаев. Византийская и древнерусская символика. — Сочинения, т. II. СПб., 1910, стр. 208.

¹⁴⁴ См. G. Ristow. Zur Personifikation des Iordan in Taufdarstellungen der frühen christlichen Kunst. — «Aus der byzantinischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik», Bd. 2. Berlin, 1957, S. 120.

¹⁴⁵ Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 210.

¹⁴⁶ См., например: G. Mathew. Byzantine Aesthetics, p. 38—41; A. Grabar. Die Kunst des frühen Christentums. München, 1967, S. 102, 133.

¹⁴⁷ См. L. Ouspensky, W. Lossky. Der Sinn der Ikonen. Bern. Olten, 1952.

¹⁴⁸ Cp. G. Mathew. Op. cit., p. 38.

метная символика многозначна, что имеет своим началом александрийскую экзегетику первых веков христианства. Богатой символикой наделен в византийской культуре и цвет ¹⁴⁹. Кроме того, значение одного и того же изображения несколько менялось в зависимости от того, где оно помещалось: в рукописи, на иконе или на стене храма. В последнем случае оно зависело от конкретного места в храме ¹⁵⁰, ибо включалось в особое значимое пространство, интерпретируемое, как показал О. Демус, в трех аспектах: иерархически-космическом, топографическом и литургически-хронологическом ¹⁵¹. Икона более замкнута в себе. Миниатюра расширяла и углубляла иллюстрируемый текст ¹⁵². Функция влияла и на оттенки символического изображения.

Третий гносеологический аспект изобразительного искусства связан с восприятием изображения как реликвии, наделенной особой сверхъестественной энергией ¹⁵³. Изображение, являясь по византийской теории образа отображением архетипа, наделялось уже в ранневизантийский период энергией архетипа. В результате чего, как показывает Э. Китцингер, в сознании верующих византийцев граница между изображением и прототипом была очень расплывчатой. В популярных чудесных историях образ ведет себя так, как мог бы вести в подобной ситуации сам прообраз ¹⁵⁴. В народном сознании возникла масса легенд о чудесах, творимых священными изображениями. Образы часто выступали в них защитниками городов, армий, отдельных лиц, оказывали целительное действие ¹⁵⁵. В этом плане они были близки к другим реликвиям. Священным и наделенным божественной энергией считался уже сам материал, на котором было сделано изображение, особенно икона. Верующие часто соскабливали частицы фресок, чтобы, размешав их с вином или водой, использовать в качестве лекарства ¹⁵⁶. Освящение материи осуществлялось здесь по аналогии и как следствие освящения плоти актом вочеловечивания Логоса. Считалось, что Христос или любой изображенный персонаж сам присутствует в изображении, «реально» является в нем миру ¹⁵⁷. Таким образом, при помощи изображения осуществляется контакт с божеством, т. е. его познание, по мнению византийских мыслителей.

Однако изображение имеет в этом плане существенное отличие от других реликвий. Последние являются или частью тела святого, или предметами его личного обихода, т. е. непосредственными (через прямой телесный контакт) носителями божественной энергии. Изображения же получают эту энергию только благодаря своему изоморфизму с прообразом. Критерием же изоморфизма является иконографический канон, установившийся в результате художественно-культовой практики ¹⁵⁸, т. е. сакральное постижение архетипа здесь тесно связано с его визуальной моделью.

¹⁴⁹ См. подробнее: В. В. Бычков. Эстетическое значение цвета в восточнохристианском искусстве. — «Вопросы теории и истории эстетики», вып. 8. Изд. МГУ, 1974.

¹⁵⁰ Ср. М. Chatzidakis. A. Grabar. Die Malerei im frühen Mittelalter. Gütersloh, 1965, S. 8.

¹⁵¹ O. Demus. Byzantine mosaic decoration, p. 16. См. также: E. Giordani. Das mittelbyzantinische Ausschmückungssystem als Ausdruck eines hieratischen Bildprogramms. — JÖBG, 1, 1951; В. Н. Лазарев. Система живописной декорации византийского храма IX—XI веков. — В кн.: В. Н. Лазарев. Византийская живопись. М., 1971.

¹⁵² Как отмечал Буслаев, читатель «очень часто в миниатюрах, которыми украшена рукопись, дочитывает до конца мысль писания, не вполне выраженную в строках» (Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 201).

¹⁵³ Этому аспекту много внимания уделил Э. Китцингер.

¹⁵⁴ См. E. Kitzinger. Op. cit., p. 101.

¹⁵⁵ Ibid., p. 106—112.

¹⁵⁶ См. K. Onasch. Die Ikonenmalerei. Leipzig, 1968, S. 15.

¹⁵⁷ См. E. Kitzinger. Op. cit., p. 104. Подробное и глубокое изложение этого аспекта см.: П. Флоренский. Иконостас. — «Богословские труды», вып. 9. М., 1972, стр. 102, 148 и др.

¹⁵⁸ Этот изоморфизм принципиально отличен от античного или новоевропейского «миметического подобия», ибо основой византийской эстетики является «неподоб-

Неканоническое изображение считалось неизоморфным и соответствовало несвященным, т. е. не имеющим гносеологической значимости.

Сакрально-мистический аспект изобразительного искусства в Византии был тесно связан с литургическим. Изображения, и прежде всего иконы, служили не только для украшения храма или передачи дидактической историко-богословской информации. В структуре богослужения они обладали божественной энергией, силой «литургического образа» (τύπος) со всеми его гносеологическими аспектами. При этом изображение небесных чинов «реально» являло перед глазами и чувствами верующих участников небесной литургии. Как отмечает, опираясь на византийских авторов, Л. Успенский, все виды искусства становятся в литургическом действе «различными средствами богопознания»¹⁵⁹. Икона при этом, и слово, является «одним из средств познания бога, одним из путей к общению с ним»¹⁶⁰. Именно поэтому византийские теоретики и практики стремились изгнать из произведений искусства все личное, авторское и оставить только соборное, литургическое¹⁶¹.

Однако реальной подосновой двух последних гносеологических аспектов изображения является главный познавательный уровень искусства — уровень художественной (или, шире, эстетической) информации. Именно эта, в основе своей непонятная информация хорошо ощущалась деятелями византийской культуры, чей вкус формировался как правило лучших образцах античного искусства, и истолковывалась ими как божественное откровение, ибо природа и механизм ее воздействия на человека века были в то время непонятны. У византийских мыслителей, особенно у Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита и других иконопочитателей, можно найти много подтверждений тому, что изображение воспринималось ими прежде всего эмоционально-эстетически. В первую очередь это элементарный эстетический эффект сопереживания, когда зрители волнуются и льют слезы, созерцая изображение страданий мучеников, а также — более сложное, ассоциативное восприятие произведений искусства по аналогии с образами фантазии и сновидений, отмеченное Феодором Студитом.

Как справедливо указал О. Демус, икона в Византии как бы не имела действительности сама по себе, «ее магическая идентичность с прототипом существует только для и через зрителя»¹⁶², т. е. гносеологический эффект реализуется только в процессе зрительного (а применительно к искусству — эстетического) восприятия. Большое количество высокохудожественных памятников византийского искусства служит косвенным подтверждением этой мысли. С другой стороны, гносеологическая функция искусства — передача эстетической информации — как нельзя лучше соответствовала устремлениям византийских мыслителей — реализовать свою гносеологию на уровне определенных психических состояний в сфере внесознательного психического.

В частности, ассоциативность и многозначность искусства способствовали выходу из логически неразрешаемых антиномий. Особенно способствовало этому каноническое искусство. Оно играло роль возбудителя ассоциативных мыслительных процессов, ориентированных на познание архетипа. Как отмечает Ю. М. Лотман, «если деканонизированный текст выступает как источник информации, то канонизированный — как ее возбудитель». «Формальная система» такого текста «по-новому переорганизует уже имеющуюся в его (адресата. — В. Б.) сознании информа-

ное подобие». Поэтому не физический внешний облик прообраза (так как он проходящий, а для духовных субстанций вообще не имеет места), а канон является критерием изоморфности изображения в этом искусстве. Без него оно не может существовать ни как художественный, ни как гносеологический феномен.

¹⁵⁹ L. Ouspensky, W. Lossky. *Der Sinn der Ikonen*, S. 31.

¹⁶⁰ Ibidem.

¹⁶¹ Cp. ibid., S. 44—45.

¹⁶² O. Demus. *Op. cit.*, p. 7.

цию»¹⁶³. Созвучной византийской гносеологии была и надутилитарная духовная ориентация искусства, его устремленность в будущее¹⁶⁴.

Наконец, художественная символика искусства, сформировавшаяся в Византии на основе философско-религиозной символики, активно способствовала включению искусства в систему гносеологии. Художественный символ, как известно, возникает при стремлении в чувственном образе воплотить неизобразимое явление, ощущение, понятие, сущность которого при помощи этого символа должна непосредственно переживаться, т. е. ассоциативно «возникать» в психике, а не усваиваться путем логических умозаключений. Значение возникшего при восприятии символа образа превышает его непосредственное внешнее содержание. «Символ, — писал А. В. Луначарский, — есть конкретный, доступный нашему воображению образ, который означает что-то само по себе нашему воображению недоступное»¹⁶⁵. Устанавливается только ассоциативная (более или менее устойчивая) связь между денотатом и художественным символом, имеющая, помимо одной, более прочной — первоначальной, еще ряд степеней свободы, что влечет за собой эмоциональную насыщенность и многозначность художественного символа. Отсюда художественный образ, в основе которого лежат подобные символы, значительно шире и глубже любой идеи, породившей его, так как он вызывает в сознании субъекта восприятия не только эту или близкую к ней идею, но и ряд других (особенно у людей другой эпохи), подчас противоположных первоначальной, что привело, например, Ч. Морриса к выводу о «множестве денотатов» в искусстве, рассматриваемом как знаковая система.

С развитием изобразительно-выразительных средств достигла своей высшей точки и художественная символика византийского искусства, воплотившись в системе цвето-ритмических и пространственно-временных отношений. Иконографический канон способствовал возникновению особой пластической выразительности символа в этом искусстве. Художественный символ, возникнув на базе глубокого философско-религиозного материала, стал основой сложного художественного образа византийской живописи, снимающего в процессе его восприятия гносеологическую антиномию «трансцендентное — имманентное».

Таким образом, мы видим, что византийская гносеология нашла свое завершение в эмоционально-эстетической сфере, чем косвенно способствовала концентрации эстетической информации в византийском искусстве.

Высшее знание приобреталось в византийской культуре прежде всего в форме эмоционально-эстетической информации. Внесознательное психическое было важным звеном в системе познания византийских гностиков. В психике субъекта восприятия, в процессе становления художественного образа (активный психический процесс), в акте эстетического катарсиса и осуществлялось снятие антиномий спекулятивного мышления. Но только *высокохудожественные* структуры создавали психическую основу этого снятия, ибо только в этом случае и осуществлялся процесс эстетического восприятия, активной деятельности сознательной и внесознательной сфер психики, процесс сложной духовной деятельности субъекта восприятия. Именно с этим, пожалуй, и связана основная трудность аналитического описания как византийской системы мышления, гносеологии, так и системы художественных образов, так как они составляли внутри византийской духовной культуры нерасчленимое целое.

¹⁶³ Ю. М. Лотман. Каноническое искусство как информационный парадокс. — «Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки». М., 1973, стр. 20.

¹⁶⁴ «Искусство, — писал Л. С. Выготский, — есть скорее организация нашего поведения на будущее, установка вперед, требование, которое, может быть, никогда и не будет осуществлено, но которое заставляет нас стремиться поверх нашей жизни к тому, что лежит за ней». (Л. С. Выготский. Психология искусства. М., 1968, стр. 322).

¹⁶⁵ А. В. Луначарский. История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах, ч. 2. М., 1924, стр. 199.

А. Л. ЯКОБСОН

АРМЕНИЯ И СИРИЯ. АРХИТЕКТУРНЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Архитектурные взаимоотношения Армении и Сирии в раннее средние века — в V—VI вв. — тема отнюдь не новая. В той или иной степени об этом говорили многие, начиная с Н. Я. Марра¹. После него роли Сирии в истории армянского зодчества касались И. А. Орбели², И. Стриго-ский и Ф. Маклер³. В последнее время об этом писали Н. М. Токарский (в 1946 и 1961 гг.), А. Л. Якобсон (1950 г.), А. А. Саинян (1955 г.), автор общего очерка истории армянской архитектуры (1964 г.)⁴. Но всякий раз проблеме архитектурных связей Армении и Сирии посвящалось все несколько общих фраз, об этом говорилось попутно, между прочим, большей частью вскользь. Специального исследования этот вопрос так и не дождался. Может быть, именно этим и объясняется та разногласия, которая наблюдается в его решении.

А между тем взаимосвязи армянского и сирийского зодчества V—VI вв. достойны пристального внимания: их изучение позволяет более детально проследить процесс зарождения монументальной архитектуры раннесредневековой Армении — процесс, подготовивший тот исключительный подъем, если не сказать скачок, во всей культуре, и особенно в зодчестве, которым ознаменовалась жизнь Армении в VII в.

Более конкретно, чем другие, о роли сирийских архитектурных источников в Армении писал Н. Я. Марр. Он приводил и сравнительный материал, даже указывал на «архитектурное течение из Сирии в Армению» и объяснял наличие его тем, что в «ту раннюю пору восточная армянская церковность находилась в теснейшем, притом исключительном, общении с сирийскою» и что «первоначально христианство в восточной Армении органически было связано с Сирией, откуда с духовным содержанием церковности притекали, надо полагать, воплощавшие его нормы христианского зодчества»⁵. Это — «эпоха общения армян с сирийцами»⁶. И. А. Орбели писал, что «первые архитектурные памятники (почти единственно

¹ Н. Я. Марр. Ереванская базилика. Ереван, 1968, стр. 37; его же. Новые археологические данные о постройке типа Ереванской базилики. — ЗВРАО, XIX, вып. 1, 1909, стр. 64.

² И. А. Орбели. Армянское искусство. — «Новый Энциклопедический словарь» изд. Брокгауза и Эфрона, т. 3, стр. 665.

³ J. Strzygowski. Die Baukunst der Armenien und Europa. Wien, 1918, I, S. 154; II S. 505; Fr. Macler. L'architecture arménienne dans ses rapports avec l'art syrien. — «Syria», I, 1920, p. 253—263.

⁴ Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, стр. 49, 51 (2-е изд. 1961, стр. 73, 78, 79—80); А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв. М.—Л., 1950, стр. 13—14; А. Саинян. Архитектура Касахской базилики. Ереван, 1955 (на арм. яз. с русск. резюме), стр. 243—245, 277; А. Саинян К. Оганесян, С. Мнацаканян, М. Бабалян. Очерк истории армянской архитектуры. Ереван, 1964 (на арм. яз.), стр. 76.

⁵ Н. Я. Марр. Ереванская базилика, стр. 29, 30, 37. См. также: В. А. Мизанкова. Н. Я. Марр. М.—Л., 1949, стр. 154—155.

⁶ Н. Я. Марр. Кавказ и памятники его духовной культуры. Пг., 1919, стр. 14.

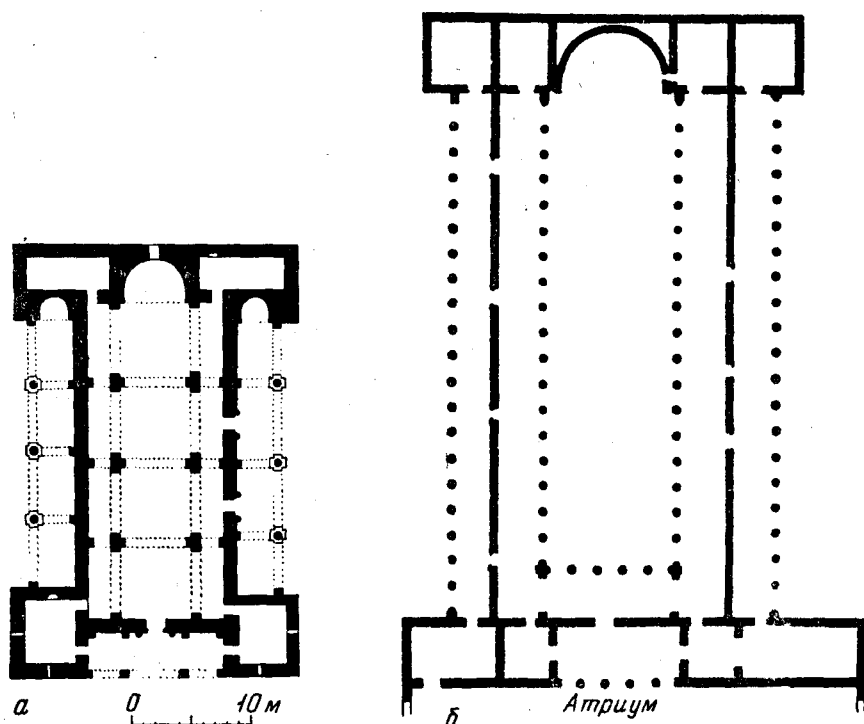

Рис. 1: а — Ереванская базилика (по Т. Тораманяну); б — базилика в ель-Бара (по Г. Чаленко).

наследие древнейшего христианского искусства Армении) носят чисто сирийский характер»⁷.

Само распространение христианства из Сирии в Армению (а процесс этот начался еще в III в. н. э.) не могло не сопровождаться определенным влиянием своеобразных форм сирийской культовой архитектуры, неизбежно накладывавших печать на слагавшуюся в IV—V вв. христианскую архитектуру Армении⁸. К такому предположению ведет нас вся история взаимосвязей Армении и Сирии в IV—V вв., прежде всего история христианской церкви в обеих странах, и то выдающееся значение, которое имели сирийские центры (в первую очередь Антиохия) в насаждении в Армении христианской культуры: ведь именно в Антиохии получали образование деятели армянской церкви, в том числе и знаменитый Месроп Маштоц, а в Кесарии (центре соседней Каппадокии) воспитывался и был посвящен в архиепископы Григорий Просветитель. Возникшее в начале V в. несторианство еще теснее сблизило армянскую церковь с сирийской. Правда, на Эфесском соборе 431 г. армянская церковь порвала с несторианством, но фактически разобщение обеих церквей произошло, как известно, позднее, на Двинском соборе 506 г., окончательно отрекшегося от догматов Халкедонского собора. Эти решения, подтвержденные на Двинском соборе 554 г., утвердили независимость и самостоятельность армянской церкви. Разрыв армянской и сирийской церквей не мог не отразиться и на архитектуре, но, конечно, не сразу, а постепенно.

Архитектурным связям Армении и Сирии способствовала и общность природных условий в обеих странах, определивших самый материал монументальных построек — камень (туф, базальт) и близость архитектурно-

⁷ И. А. Орбели. Армянское искусство, стр. 665.

⁸ Влияние Сирии на зодчество Армении в IV и особенно в V в., конечно, не ограничивалось «в основном внешним убранством», как полагает Н. М. Токарский («Архитектура Армении IV—XIV вв.». Ереван, 1961, стр. 73).

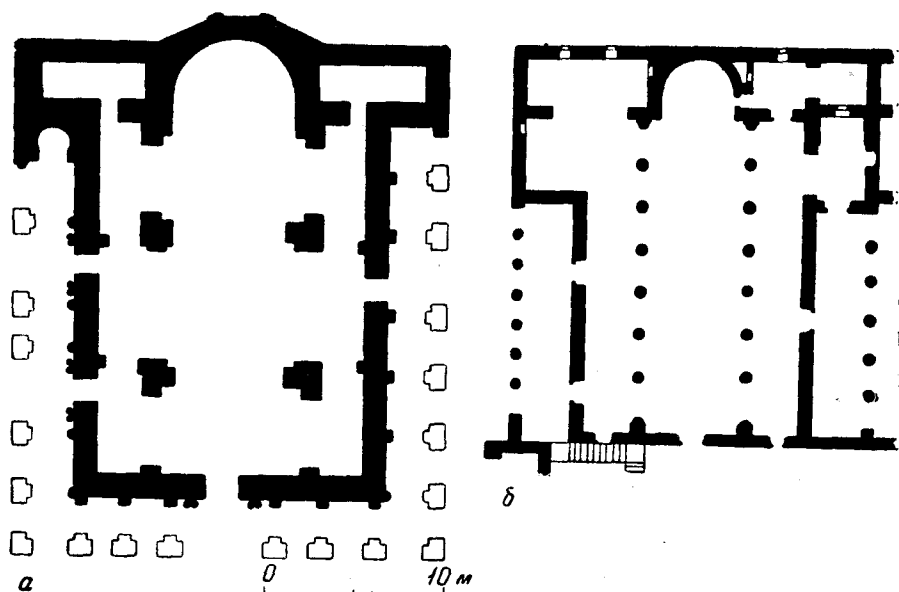

Рис. 2: а — базилика в Текоре (по Т. Тораманяну); б — базилика в Серджилла (по Беглеру).

технических приемов (кладка стен и пр.), а также, вероятно, социальные условия строительства, которое велось вольнонаемными артелями каменщиков, переходивших с места на место в поисках выгодного подряда. Они насаждали выработанные долгой практикой традиционные и привычные им формы там, куда призывали их заказчики. Вольнонаемные строительные артели засвидетельствованы в восточной Анатолии, т. е. районе, смежном с Арменией, уже в конце IV в.⁹ Вряд ли можно сомневаться, что таким путем сирийские строители переходили и в Армению.

В близости форм монументальной архитектуры V—VI вв. Армении и Сирии убеждают такие выдающиеся армянские памятники, как Ерееруйская и Текорская базилики (рис. 1а, 2а), некоторые сирийские параллели которым уже указывал Н. Я. Марр в цитированной работе об Ерееруйской базилике, написанной еще около 1910 г. Но Н. Я. Марр писал об этом в сущности тоже попутно, не концентрируя внимания на сирийских сопоставлениях. Да и возможности для этого были тогда ограниченными. А после упомянутой его работы связи армянской и сирийской архитектур в эпоху раннего средневековья (в V—VI вв.) указывались лишь в самой общей форме и специально не изучались.

Впрочем, некоторые исследователи вообще отрицают такие связи для начального периода христианской архитектуры в Армении. Так, А. А. Саинян, хотя и признает «характерную общность, существовавшую в раннехристианский период в архитектурном искусстве Сирии, Малой Азии, Армении и вообще кавказских народов»¹⁰, видит эту общность только на втором этапе развития армянского зодчества, т. е. в тот период, когда Ерееруйская и Текорская базилики успели приобрести «позднейшие добавления»¹¹, а именно: Текорская базилика — галерею, шедшую кругом храма, трехгранную апсиду (по Т. Тораманяну, алтарь первоначально помещался в прямоугольном выступе) и купол; Ерееруйская же базилика — южную и северную галереи и портик с западной стороны (хотя то и дру-

⁹ Имею в виду письмо Григория Нисского епископу Иконии Амфилохию, написанное между 379 и 394 гг. (PG, t. 46, col. 1096 sq.; J. Strzygowski. Kleinasien. Leipzig, 1903, S. 79—81; русск. пер.: Творения Григория Нисского, изд. Моск. Духовной Академии, ч. 8. М., 1871, стр. 538—539).

¹⁰ А. А. Саинян. Архитектура Касахской базилики, стр. 244.

¹¹ Там же, стр. 277.

гое — весьма предположительно и не бесспорно). Но эти достройки были произведены не позднее V в. (только купол Текорской базилики — позднее, может быть, в VI в.)¹². Поэтому называть эти дополнения «позднейшими», конечно, невозможно. Но если А. А. Саинян признает появление «общности» армянской и сирийской архитектуры уже в V в., то тем самым исчезает и предмет наших разногласий¹³. А в более древних армянских христианских храмах в виде простейшей базилики типа Касахской А. А. Саинян не видит никаких точек соприкосновения с сирийской архитектурой, с чем согласиться не могу (об этих памятниках речь ниже), хотя вполне присоединяюсь к его тезису о наличии у создателей армянских христианских храмов IV—V вв. большого опыта каменного строительства и о наличии «местных предпосылок, основанных на зодчестве дохристианского периода»¹⁴.

Тезис Н. Я. Марра о сирийском «архитектурном течении» в Армении V в. был исторически вполне обоснован. Но теперь мы можем значительно полнее раскрыть его и проследить архитектурные связи Армении и Сирии на несравненно более обширном материале, ибо изучение раннесредневековых армянской и сирийской архитектур с тех пор намного продвинулось вперед.

Задача предлагаемой статьи — полнее сопоставить армянскую и сирийскую архитектуры V—VI вв. и наметить их контакты. Но выполнение этой задачи поставит перед нами и другую, не менее важную, задачу — выявить *расхождения* той и другой архитектуры и показать тенденции этого процесса, который привел к формированию своеобразной и поразительной по своему совершенству армянской архитектуры VII в., ставшей для Закавказья классической.

Из сказанного ясно, что большая роль Сирии в сложении армянского зодчества V—VI вв., о чем писал Н. Я. Марр и выяснению чего посвящена настоящая статья, ни в какой мере не снижает значения «глубоких корней армянской архитектуры и самобытности путей ее развития»¹⁵ и «местных предпосылок архитектурного искуства»¹⁶. Наоборот, изучение связей с Сирией позволит оттенить это своеобразие и самобытность и тем самым поможет лучше понять и полнее оценить его.

Мы, повторяю, начнем с наиболее замечательных памятников армянского зодчества V в. — с Ереруйской и Текорской базилик — в том виде, который они приобрели в то время (т. е. с галереями и портиком с западной стороны — у Ереруйского храма и с галереями и трехгранной апсидой — у Текорского, но до постройки его более позднего купола). Обе базилики объединяет с одновременными сирийскими храмами не только общий тип трехнефной каменной базилики под деревянным стропильным перекрытием. На этом общем фоне выделяются отдельные компоненты базилик. Прежде всего имеется в виду специфическая черта Ереруйской базилики — башни, фланкирующие западный вход. Н. Я. Марр их называл башнеобразными приделами; они, по его наблюдениям, были явно двухэтажными, как и восточные приделы храма. «Из верхних этажей выход был, по всей вероятности, на портик второго яруса»¹⁷. Башни по сторонам входа, заключающие в себе лестницы на второй этаж, характерны для многих базилик Сирии V—VI вв., притом главным образом в северных ее районах, ближайших к Армении. Такую

¹² Аналогичный купол на кубовидном основании имеет мавзолей Галлы Плацидии в Равенне, 425 г.

¹³ Но вместе с тем становится непонятно, против чего возражает А. А. Саинян (указ. соч., стр. 244), цитируя страницы 12—13 моих «Очерков армянского зодчества...».

¹⁴ А. А. Саинян. Указ. соч., стр. 244.

¹⁵ Примечание Б. Н. Аракеляна и В. М. Арутюняна к книге: Н. Я. Марр. Ереруйская базилика, стр. 30.

¹⁶ А. А. Саинян. Указ. соч., стр. 244.

¹⁷ Н. Я. Марр. Ереруйская базилика, стр. 47.

композицию имели базилики Рувеха, Турманин, Марата, Кальблосе, Керратин, Иль-Андерин (кафедральный собор), ель-Бара, а в Южной Сирии могут называть лишь западную базилику в Умм идж-Джемаль¹⁸. К этим сирийским храмам примыкает несколько раннесредневековых базилик с башнями по сторонам входа в Бин-бир-килессе в Ликаонии (южная часть Малой Азии), т. е. районе, почти смежном с Северной Сирией¹⁹. Башни эти в сирийских храмах выступают в двух вариантах: они либо с самого низа отделены от собственно входного пространства²⁰, либо в нижней части объединены с ним²¹; при этом варианте образуется обычный в эллинистических базиликах нартекс, над южным и северным концами которого и возвышаются башни. В Ереруйской базилике представлен первый вариант²². Если это не были башни с лестницами, ведущими на портики или на хоры, а только западными двухэтажными приделами, то тем более симптоматично использование для этих приделов башенной композиции сирийских базилик.

Другой характерной чертой Ереруйской, а в первоначальном виде (до перестройки) и Текорской базилик, сближающей их с базиликами Сирии, были галереи с портиками, шедшие вдоль северной и южной сторон храмов. В Ереруйской базилике галереи тянутся от башен с западной стороны до приделов (пастофориев) по сторонам центральной апсиды. В Текорской базилике, у которой не было башен, галереи, вероятно, окружали храм с трех сторон и замыкались с восточной стороны также очень развитыми пастофориями.

В сирийской культовой архитектуре V—VI вв. галереи были весьма распространенным явлением, притом главным образом опять-таки в северных районах страны. Галереи с устоями в виде колонн или столбов, соединенных архитравом, протянуты либо вдоль северной и южной сторон базилики²³, как в Ереруйке, иногда — с северной и западной сторон²⁴, либо, чаще, с южной и западной сторон²⁵, либо только с южной стороны²⁶;

¹⁸ Рувеха: *H. Beyer*, p. 60, 66; *H. Butler*, 1903, p. 100; *H. Butler*, 3, p. 144, tabl. XV—XVI; *H. C. Butler*, 1929, p. 145. Турманин: *H. Beyer*, p. 62, 65; *H. Butler*, 1929, p. 95; Марата: *H. Beyer*, p. 18; *H. Butler*, 2, p. 89; *H. Butler*, 1929, p. 80. Кальблосе (конец V в.): *H. Beyer*, p. 62, 65; *H. Butler*, 1929, p. 190; *G. Tchalenko*, II, tabl. XXII, CVIII. Керратин (начало V в.): *H. Beyer*, p. 131; *H. Butler*, 2, tabl. X; *H. Butler*, 1929, p. 157. Иль-Андерин: *H. Butler*, 2, p. 52; *H. Butler*, 1929, p. 159; Ель-Бара: *G. Tchalenko*, II, tabl. XII (1), CCXII. Умм идж-Джемаль: *H. Butler*, 1929, стр. 116.

¹⁹ *H. Beyer*, p. 22; *J. Strzygowski*. Kleinasien, S. 10 (церковь № 1), S. 14 (церковь III); *W. Ramsay and G. Bell*. The thousand and one Churches. London, 1909, p. 55 и fig. 80.

²⁰ В базиликах Турманин, Кальблосе, Марата, Умм идж-Джемаль. Имеющиеся в базилике Кальблосе проходы из башен во входное пространство не меняют композицию.

²¹ В базиликах Рувеха, Керратин, Иль-Андерин и некоторых других (*H. Beyer*, p. 153).

²² Мы не касаемся здесь вопроса о происхождении и развитии башенного фасада сирийских базилик V—VI вв. Башни эти некоторые последователи ведут из древней иранской архитектуры эпохи Ахеменидов (*H. Beyer*, p. 148 f.; *F. M. Bissing*. Der persische Palast und die Turmbasilika. — «Studien zur Kunst des Ostens. J. Strzygowski zum 60. Geburtstag». Wien, 1923, S. 40—57); этот взгляд поддерживал и сам И. Стриговский (*J. Strzygowski*. L'ancien art chrétien de Syrie. Paris, 1936, p. 64—65). Нам важнее непосредственные источники такой композиции. Башни сирийских базилик закладывали в себе лестницы на хоры храма и явно исходят из башен, обычных в комплексах сирийских вилл римского и раннесредневекового времени, например, в Рувеха, Джераде-Рефад (*H. Butler*, 1903, p. 123, 125, 153; *G. Tchalenko*, II, tabl. XXII, 3); множество памятников такого рода в V—VI вв. дает Северная Сирия (*H. Butler*, 2, p. 70; 75, 84, 101; *H. Butler*, 3, p. 135, 138; *G. Tchalenko*, II, tabl. XXII, 2). Подобная башня с лестницей известна и в храме 245 г. в Дмер (обл. Гауран, Южная Сирия; *H. Butler*, 1903, p. 400—401).

²³ Серджила (*H. Butler*, 3, p. 116; *H. Butler*, 1929, p. 26); Тель-Аден (*H. Butler*, 1929, p. 96); ель-Бара (*G. Tchalenko*, II, tabl. XII, 1, 3; CCXII).

²⁴ Иль-Андерин, храм Архангелов (*H. Butler*, 1929, p. 190), Деир-Семан (*G. Tchalenko*, II, tabl. LXX).

²⁵ Брад (базилика Юлиана, 339—402 гг.) (*G. Tchalenko*, II, tabl. XI, 1). Бехуо (там же, tabl. XI, 4; CXI, CXIII), Такль (там же, tabl. X, LXVI).

²⁶ Дар Кита (*H. Beyer*, p. 84; *G. Tchalenko*, II, tabl. IX), Бамукка (ок. 600 г.) (*G. Tchalenko*, II, tabl. XCIX).

в Калат-Семане (VI в.) галереи окружают весь комплекс базилик²⁷; у одностолбных базилик галереи обычно имеются только с южной стороны²⁸.

Особенно следует отметить обширную базилику ель-Бара, V в., по композиции очень близкую к Ереванской базилике (рис. 1). Она также трехнефная, обрамлена с южной и северной сторон галереями, которые с западной стороны примыкают к башням, поставленным по сторонам входа, а с восточной стороны упираются в поперечно ориентированные удлиненные приделы (пастофории), выходящие за ширину наоса, т. е. основной части храма, благодаря чему восточная часть базилики, как в Ереванке и Текоре, значительно расширена. Это, пожалуй, наиболее близкая параллель Ереванской базилике, притом синхронная.

Очень выразительна и другая северосирийская параллель Ереванской базилике — храм в Русафа, дающий близкую композицию всего западного фасада здания: в Русафа угловые башни также фланкируют главный широкий вход в базилику, по сторонам которого также расположены менее широкие ниши, разделенные узкими. Композиция очень близка, хотя пропорции различны, причем колонны в Ереванке, что характерно, заменены пилястрами. На эту близость обратил внимание А. Хачатрян^{29а}.

Очень важна, в качестве аналогии, и упомянутая базилика в Серджилла IV—V вв. с такими же галереями, как в ель-Бара и Русафа, но меньшая по размеру, и с такими же сильно выступающими приделами, напоминающая по формам и пропорциям Текорскую базилику (рис. 2).

Очевидно, что и галереи на столбах с архитравным перекрытием, как и башни, перешли в культовую архитектуру Сирии из жилого строительства, где они как в римскую, так и в раннесредневековую эпохи были обычным и традиционным элементом²⁹.

В Армении уже в первой половине V в.³⁰ строились и другие базилики — столь же удлиненные и трехнефные, но в отличие от Ереванской и Текорской со сводчатым перекрытием и без галерей, что позволяет выделить их в особую группу. Это базилика в Касахе (Апаранского района), исследованная А. Саиняном, давшим ее реконструкцию³¹, Егварте³², Аштарак³³, первоначальный кафедрал в Эчмиадзине (если принять реконструкцию, предложенную А. Саиняном³⁴, производившим тщательное

²⁷ Н. Butler, 1929, p. 99; G. Tchalenko, II, tabl. LXXXVII.

²⁸ Н. Beyer, p. 106, 121 (ц. Юлиана 345 г. в Умм идж-Джемаль в Южной Сирии; но формы этого храма существенно отличаются от базилик Северной Сирии).

^{29а} А. Khatchatrian. L'architecture Arménienne du IV-e au VI-e siècle. Paris, 1971, p. 95, 96, pl. 34, 168.

²⁹ Н. Butler, 2, p. 68, 77, 78, 80—82, 90, 91; Н. Butler, 3, p. 126, 129, 134—136; G. Tchalenko, II, tabl. VI, LXV, LXIX, XCV, CIV, CX, CXV. Число примеров можно намного увеличить.

³⁰ А. А. Саинян (указ. соч., стр. 256) склонен первые трехнефные базилики Армении отнести к IV в. Но определенных данных для такого предположения пока нет.

³¹ А. А. Саинян. Указ. соч.; «Очерки истории армянской архитектуры» (на арм. яз.). Ереван, 1964, рис. 16 (1), 17. Галерея с северной стороны пристроена к базилике позднее (А. А. Саинян. Указ. соч., стр. 256).

³² Н. М. Токарский. Указ. соч., стр. 90; «Очерки истории...», рис. 16 (3).

³³ Н. М. Токарский. Указ. соч., стр. 87; «Очерки истории...», рис. 18 (3). А. А. Саинян (указ. соч., стр. 254) считает, что базилики в Аштарак и Егварте первоначально имели деревянное перекрытие, что, конечно, возможно (ибо базилики носят следы перестройки), но твердых данных для этого нет.

³⁴ А. А. Саинян. Новые данные об архитектурном облике Эчмиадзинского собора. — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. III. М., 1963, стр. 568—578. В первоначальном соборе Эчмиадзина в виде трехнефной базилики А. А. Саинян видит древнейший храм, построенный, по легендарным сведениям Агафангела (писателя V в.), в 279 или 301—303 гг., т. е. в конце III или в начале IV в. (там же, стр. 568). Но это маловероятно. Правильнее нам представляется отнести первоначальную базилику к концу V в., когда Ваган Мамиконян «восстановил от основания» весь храм, а перестройку его в купольное центрическое здание с четырьмя выступающими полукупольными связями, согласно мнению Т. Тораманяна, со строительством католикоса Комитаса в VII в. А. А. Саинян с этим несогласен (там же, стр. 571), сдвигая всю строительную историю эчмиадзинского храма более чем на полтора столетия назад. А. А. Саиняну возражает и Н. М. То-

археологическое исследование памятника) и первоначальный кафедра в Двине.

Все эти базилики (кроме двинской) приблизительно одного масштаба (наименьшая — Аштаракская, длина 24,5 м, Касахская — 27 м; в Егварте — 32 м; в Эчмиадзине, по реконструкции, — 39 м); длина Двинской базилики — 52 м. Основная особенность их — та, что все они были, не сомненно, сводчатыми. На сводчатость указывают прежде всего массивные столбы, толстые стены, как и данные археологического изучения самих памятников. Цилиндрические своды были основаны на трех, а в Егварте — на четырех парах столбов с лопатками (Т-образных); на лопатки и ложились пять подпружных арок, перекинутых между столбами и поддерживавших своды. Только в первоначальном кафедрале Двина, наибольшем в этой группе храмов, — семь пар столбов, притом крещатых³⁵.

Цилиндрические своды среднего нефа у всех названных базилик немного возвышались над сводами боковых, но были скрыты под общей двухскатной кровлей. Как видно, сводчатые базилики в Армении V в. были еще новшеством и зодчие еще не решались сильно возвысить средний неф над боковыми (как то было свойственно базиликам с деревянным перекрытием), чтобы не ослабить устойчивость свода центрального нефа (и погасить его распор)³⁶. Вместе с тем вследствие небольшого повышения цилиндрического свода среднего нефа над боковыми и отсутствия возвышения стен среднего нефа над стенами боковых нефов зодчие были лишены возможности использовать выступы этих стен для устройства окон, которые осветили бы центральную часть храма: в армянских сводчатых базиликах она оставалась слабо освещенной. Кроме того, общая, и притом довольно полая, двухскатная кровля над сводами всех трех нефов придавала базиликам приземистость, массы здания сливались в единый, слабо расчлененный массив. В смысле художественном эти храмы, конечно, намного уступали Ереванской базилике с ее сложным сочетанием различных объемов, очень гармоничной не только по плановой, но и по пространственной композиции. Зато отмеченный недостаток армянских трехнефных базилик возмещался их монументальностью: они впервые получили сплошное каменное сводчатое покрытие, что явилось, несомненно, большим шагом вперед в развитии зодчества Армении и всего Закавказья, всего Ближнего Востока.

Апсиды четырех названных базилик (в Касахе, Егварте, Эчмиадзине и Двине) сильно выступают вперед, имеют снаружи пятигранный контур, внутри — подковообразный, кроме Егвартской базилики, где апсида полукруглая (с бемой перед ней). Только у Аштаракской базилики апсида (внутри также подковообразная) скрыта снаружи в толще стены и не выступает наружу.

К группе армянских трехнефных сводчатых базилик V в. примыкают аналогичные (и по типу, и приблизительно по размеру) базилики Грузии, более или менее одновременные. Таковы базилики V — начала VI в. в Кахетии — Кацаратская, около Хашми (длиной 27 м), Наткора, около Телави (длиной 22 м), Натлис-Мцемели в Кандоли (длиной 19 м), перво-

---

карский (указ. соч., стр. 94), также относящий построение базилики к концу V в., а купольного храма — к VII в. (там же, стр. 92—93). Н. М. Токарский лишь добавляет, что древнейшим храмом (начала IV в.) могла быть однонефная церковь.

³⁵ Так реконструируют базилику по данным раскопок. См. К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952 (на арм. яз.), рис. 62; А. А. Саинян. Указ. соч., стр. 252—253. Первоначальный Двинский кафедрал выделяется своими огромными размерами (общая длина — 52 м). К. Кафадарян (указ. соч., русск. резюме, стр. 268) относит его к IV в., но убедительных данных не приводит. В V в., вероятно, во второй его половине, после перенесения церковной столицы в Двин (в 452 г.), базилику с трех сторон обнесли узкой галереей, а по сторонам алтарной апсиды построили узкие приделы, как в Текоре.

³⁶ Н. М. Токарский. Указ. соч., стр. 79.

начальная базилика Хирса (очень вытянутая, длиной 30 м)³⁷, а также в Урбниси (длиной 32 м)³⁸ и др. Все они также трехнефные, причем средний неф тоже вдвое шире боковых, все они также некогда были сводчатыми, о чем свидетельствуют толстые стены и массивные устои (продолговатые в плане пилоны, или крещатые, или Т-образные), которых две-три, но чаще четыре пары. Базилики эти лишены галерей и нартекса. Алтарное полукружие, большей частью подковообразное в плане и с подковообразной триумфальной аркой, не выступает наружу и, как в Аштараке, скрыто прямым восточным фасадом.

Выделяется лишь Болнисский Сион конца V в.³⁹ — столь же большая грехнефная базилика (длина — 28 м, ширина — основной части внутри, без галерей — 13,5 м), также сводчатая, с пятью парами крещатых столбов, часто расставленных, но относительно менее массивных, а потому не в такой степени расчленяющих внутреннее пространство, как в упомянутых базиликах. В этом отношении Болнисский Сион ближе к Ереруйской базилике, с которой сближает его и наличие галерей с северной и южной сторон.⁴⁰ Однако ядро Болнисской базилики не имеет принципиальных отличий от упомянутых трехнефных базилик Армении и Грузии.

По своей плановой композиции эти трехнефные базилики также находят себе параллели в сирийской архитектуре V—VI вв. — как в Северной, так и Южной Сирии. Базилики с невыступающей (скрытой снаружи) апсидой, как в Аштараке и в Грузии, особенно характерны для различных областей Сирии — таких базилик, но с деревянным перекрытием и с часто расставленными устоями в виде колонн или, реже, столбов — огромное большинство, и встречаются они повсеместно как в V, так и в VI в.⁴¹ Очень распространена там, как известно, и подковообразная форма апсиды и верхней части проемов (продольных арок между устоями и верха окон). Немало известно в Сирии и базилик с выступающей наружу апсидой, большей частью полукруглой, реже трехгранной и с редкими (двумя парами, реже с одной) массивными продолговатыми столбами⁴². Встречаются в Сирии и храмы с тремя полукруглыми (изнутри храма) апсидами, из которых средняя выступает наружу тремя гранями⁴³.

³⁷ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, I (текст). Тбилиси, 1959, стр. 55—65, 67, 68—69, 69—71.

³⁸ П. П. Закарая. Зодчество городища Урбниси. Тбилиси, 1965 (на груз. яз. с русск. резюме), стр. 99 сл.

³⁹ Г. Н. Чубинашвили. Болнисский Сион. Тбилиси, 1940. Аналогом Болнисского Сиона является известная базилика в с. Кум (Кавказская Албания, ныне на территории Азербайджана): базилика трехнефная, с тремя парами устоев; восточные углы по сторонам апсиды отделены стенками, таким путем образованы приделы; полукруглая апсида, как и в Болнисе, выступает вперед. Храм также окружен галереями. См. П. Д. Барановский. Памятники в селениях Кум и Лекит. — Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». М., 1947, стр. 32.

⁴⁰ Восточную часть южной галереи занимает помещение с полукружиями на обоих концах его, обращенными друг против друга, — может быть, по мысли Я. И. Смирнова, являвшееся крещальней.

⁴¹ H. Butler, 1929, IV в.: р. 26, 27, 29, 32, 35, 37, 210; V в.: р. 46, 50, 51, 56, 59, 60, 62, 64, 65, 67, 70, 78, 81, 82, 188, 209; VI в.: р. 116, 118, 119, 128, 130, 133, 142, 144, 145 (и 208), 160, 189, 190. В большинстве базилик нефы разделяются колоннами; встречаются и редко поставленные столбы — р. 142 (и 196) — ц. в Браде, 501 г.; 145 (и 208) — в Рувеһа, VI в., как в Кальблосе, кон. V в.; 189 — ц. Джуванийе, 554 г. Н. М. Токарский считает (указ. соч., стр. 87), что невыступающая наружу апсида Аштаракской базилики является признаком более поздней ее постройки — в первой половине VI в. Но приведенные сирийские параллели показывают, что эта форма была там уже известна в IV в., а в V в. стала обычной. Перенос Аштаракской базилики в VI в. нам представляется необоснованным.

⁴² H. Butler, 1929; IV в.: р. 20, 39; V в.: р. 44, 76, 77, 86, 204, 217 (?); VI в.: р. 119, 121, 190; начало VII в.: р. 89.

⁴³ Бетлер указывает, что в Сирии известно три таких храма, один из которых, в Симдж, VI в., с трехгранной средней апсидой (H. Butler, 1929, р. 119). Трехгранную сильно

Конечно, принципиальное различие между сводчатыми армянскими базиликами и сирийскими трехнефными базиликами с деревянным покрытием, о чем говорилось, слишком велико, чтобы ставить рядом те и другие, но все же следует признать, что армянские зодчие — строители сводчатых базилик — вырабатывали их формы, исходя из архитектуры Сирии, восприняв оттуда самую планировку базилик. Это тем более важно иметь в виду, что в смежных с Арменией областях Малой Азии (Бинбиркилисе в Ликаонии) сводчатые трехнефные базилики также строились уже в V в.⁴⁴

Следует отметить еще одну композицию, весьма распространенную в раннесредневековой культовой архитектуре Сирии, имевшую, вероятно, своих представителей и в Армении, — базилики с прямоугольным алтарем⁴⁵. В армянской архитектуре V—VII вв. такие базилики, правда, неизвестны или, по крайней мере, не сохранились⁴⁶. Зато мы знаем эту форму по очень своеобразному храму X в. в Бюракане (на южном склоне Арагаца)⁴⁷, что в современном ему армянском зодчестве беспримерно. Прямоугольный алтарь в архитектуре багратидской Армении может быть объяснен только как наследие предшествующей эпохи, доарабской, объясненное своим появлением на почве Армении сирийской архитектуре преимущественно VI в., хотя эта форма, видимо, и не приобрела в Армении популярности.

Аналогичны сирийским и некоторые раннесредневековые (V—VI вв.) однефные храмы Армении: почти все они удлиненные с полукруглой или подковообразной алтарной апсидой, не выступающей наружу (скрытой прямым фасадом), с мартирием с южной стороны и дякоником — с северной. Наиболее ранние из них имели деревянное стропильное перекрытие⁴⁸. Храмы эти — и по планировке, и по отдельным формам (подковообразные арки и форма апсиды, наличие у некоторых базилик галерей, декоративные детали) — несомненно, близки к сирийским⁴⁹. Правда, имеются и отличия, но о них скажем ниже.

В раннесредневековой культовой архитектуре Сирии наблюдаются и другие элементы раннеармянских базилик — Т-образные столбы⁵⁰, арки подковообразного контура⁵¹, аналогичные ереруйским наличники

выступающую апсиду имеет однефный храм в Дер иль-Каф, второй половины IV в. (там же, р. 20) и Эзра (Зорах), 515 г. (там же, р. 122). Но пятигранные апсиды, подобные апсидам армянских базилик V в., в Сирии мне неизвестны.

⁴⁴ См., например: *J. Strzygowski*. Kleinasien, S. 21; *R. Krautheimer*. Early christian and byzantine Architecture. London, 1965, p. 122.

⁴⁵ *H. Beyer*, p. 80—91; *H. Butler*, 1903, p. 206, 208, 209, 212, 217, 218, 230, 234, 236; *H. Butler*, 4, p. 161, 163, 169, 185, 198, 205, 208; *H. Butler*, 5, p. 229, 240, 246; *H. Butler*, 6, p. 287, 291, 311, 327, 329, 332; *H. Butler*, 1929, p. 136, 141, 148, 150, 151, 188, 189, 217; *G. Tchalenko*, II, tabl. XI (6), XIII, XLII (2), XCIX, CXI. Известны такие базилики и в смежном с Сирией районе Малой Азии — в Киликии (МАМА, III, 1931, табл. 54).

⁴⁶ Т. Тораманян [Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры, I. Ереван, 1942, стр. 131, 197 (на арм. яз.) и рис. 110 на стр. 189; II, 1948, стр. 124] полагал на основании своих наблюдений на месте, что первоначальная Текорская базилика (дохристианская) имела именно прямоугольный алтарь и что такой алтарь имели и другие наиболее древние раннехристианские храмы Армении (ср. А. Саинян. Указ. соч., стр. 255).

⁴⁷ А. Л. Яковсон. Храм X в. в Бюракане. — «Историко-филологический журнал». Ереван, 1971, № 2, стр. 116—124, рис. 2.

⁴⁸ Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв. Ереван, 1961, стр. 73—75, рис. 20.

⁴⁹ Ср. армянские однефные базилики в Диракларе и в Двине с сирийской в Рбеа (Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв., рис. 20, 3, 116; *G. Tchalenko*, II, tabl. XIII, 13), базилики в Аване и Эчмиадзине с сирийской базиликой Бауде IV в. и в Бардхан VI в. (Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв., рис. 20, 6, 7; *G. Tchalenko*, II, tabl. XII, 8, 10).

⁵⁰ Например, в базилике Рубеа: *H. Butler*, 3, p. 144.

⁵¹ Например, там же, tabl. XV—XVI.

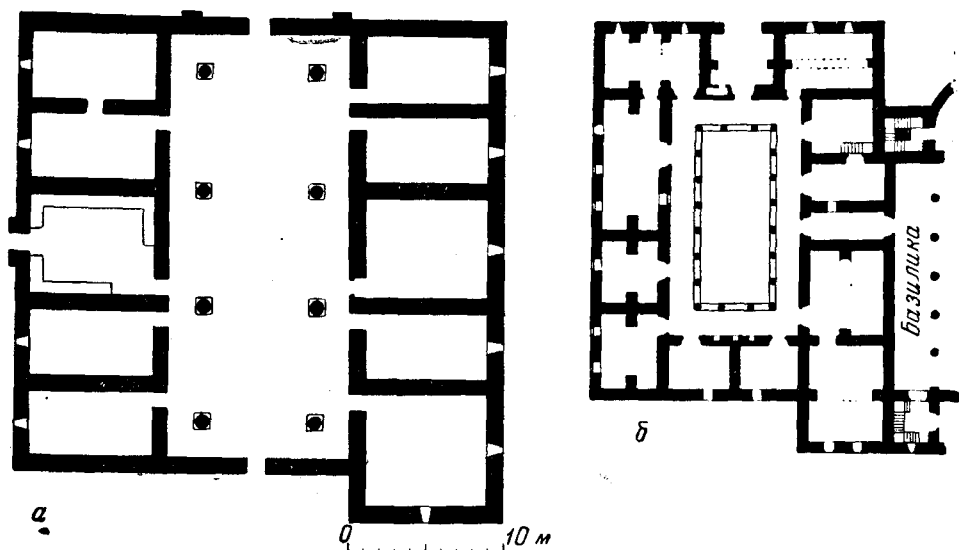

Рис. 3: а — дворец в Двине (по В. Арутюняну); б — монастырское жилое здание в Умм ис-Сураб (по Бетлеру)

входов в виде слегка подковообразной и сложно профилированной арки под высоким щипцом с сухариками, основанной на массивных колоннах с коринфскими капителями. Форма ереруйского наличника-портала вполне выработана и развита. Очень близки входные порталы южного фасада базилики Рувеха⁵², отличающиеся от ереруйских лишь более сильным выступом⁵³.

Нередка у сирийских базилик и композиция западного фасада с величественным порталом и тройным окном, завершающим фасад⁵⁴.

Раннесредневековая архитектура Сирии, как мне представляется, получила отражение и в планировке армянских дворцов, открытых раскопками в Двине и Аруче⁵⁵.

Оба дворца состоят из удлиненного парадного зала с четырьмя парами (в Двине) или тремя парами (в Аруче) массивных устоев в виде колонн, поддерживавших, по реконструкции В. М. Арутюняна, три (в Двине) или два (в Аруче) деревянных патра; к этому залу с обеих сторон примыкают жилые и хозяйственные помещения. Оба дворца почти одинаковы не только по планировке, но и по размерам.

Дворец в Аруче построен Григорием Мамиконяном во второй половине VII в. Постройку же дворца в Двине приписывают католикосу и датируют различно: 461 или 485 гг. (К. Г. Кафадарян), или не позднее 572 г. (В. М. Арутюнян), или VII в. (Н. М. Токарский)⁵⁶. Однако иден-

⁵² Там же, табл. XVII.

⁵³ Аналогичные сильно выступающие портики имеют и некоторые другие сирийские базилики. См., например: *H. Beyer*, p. 52, 59; *H. Butler*, 1903, p. 194; *H. Butler*, 5, p. 240; *H. Butler*, 6, p. 271, 273, 276, 330, 332; *H. Butler*, 1929, p. 59, 64, 67.

⁵⁴ Мшаббак: *H. Butler*, 1903, p. 144; Рувеха: *H. Beyer*, p. 60; Бакирха, Такль, Бебио: *G. Tchalenko*, II, tabl. CLVI, CLXXIX, CXCVIII.

⁵⁵ В. М. Арутюнян. Архитектура патриаршего дворца в Двине. — «Труды Ереванского политехнического института». Ереван, 1948; *его же*. Раскопки дворца Мамиконянов VII в. в Аруче. — «Известия АН Армянской ССР». 1953, № 8, стр. 53—65; *Н. М. Токарский*. Архитектура Армении IV—XIV вв., стр. 56—67.

⁵⁶ К. Г. Кафадарян. Двин и его раскопки. Ереван, 1952 (на арм. яз., русск. рез.), стр. 269; В. М. Арутюнян. Указ. соч., стр. 148; *Н. М. Токарский*. Архитектура Армении IV—XIV вв., стр. 66.

тичность дворца в Двине и дворца в Аруче делает датировку Н. М. Токарского наиболее вероятной: оба дворца, скорее всего, приблизительно одновременны.

Памятники эти опубликованы, и нам нет надобности вдаваться в детали. Ограничимся, соответственно теме нашей статьи, указанием на близкие параллели этим дворцам в Сирии.

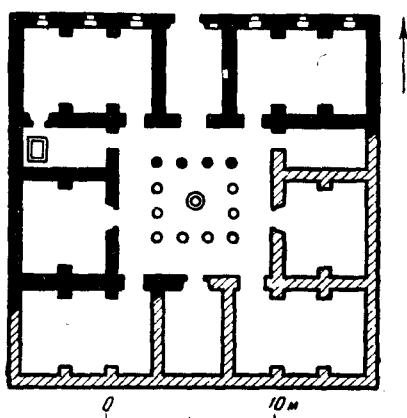

Рис. 4. План богатого жилого дома в Ит-Туба (Северная Сирия) (по Бетлеру)

Имеем в виду богатый жилой дом в Ит-Туба в северной части страны (в 20 км к северо-востоку от Хама)⁵⁷ и монастырское жилое здание, примыкающее с северной стороны к церкви Сергия и Вакха, возведенной в конце V в. (489 г.) в Умм ис-Сураб в Южной Сирии (рис. 3 и 4)⁵⁸. Здания эти, особенно последнее, очень напоминают планировку армянских дворцов и также состоят из большого центрального помещения — открытого дворика (в Умм ис-Сураб — с цистерной), окруженного галереями на колоннах; к дворику с галереями примыкают со всех сторон, как в Армении, одноэтажные и двухэтажные помещения, а с одной из сторон во двор ведет вход. Размеры обоих сирийских жилых

зданий несколько меньше армянских дворцов, но пропорции приблизительно одинаковы:

	Двин	Аруч	Ит-Туба	Умм ис-Сураб
Длина	29 м	23,5 м (?)	21,5 м	24 м
Ширина	31 м	24,5 м	22 м	19,5 м
Ширина дворика	11,5 м	11,5 м	9 м	8,5 м

Мы можем сослаться только на два таких памятника в Сирии, но вряд ли можно сомневаться, что это были отнюдь не единственные здесь постройки такого рода, как не были одиноки в раннесредневековой Армении дворцы светских и церковных нахараров, аналогичные дворцам в Двине и Аруче.

Наконец остановимся на декоре ранних армянских базилик. Декор этот очень сдержанный и лаконичный — и в Ереруйской, и в Текорской базиликах, тем более в других, более простых и меньших по размеру. Декор этот всецело подчинен архитектуре и никогда не вступает с ней в соревнование, а тем более — в противоречие. Он призван лишь подчеркнуть основные линии и элементы фасада. Окна Ереруйской базилики обрамлены широкой сложного профиля тягой, спускающейся до низа окна и имеющей внизу отвороты в стороны; наличники эти резко подчеркивают контур окна на широкой глади стены. Порталы венчаются также широкой и сильно выступающей подковообразной аркой столь же сложного профиля, или, как в Текоре, арка заполняется орнаментальной резьбой: благодаря глубине и сложной профилировке, создающей светотеневые контрасты, арка столь же эффектно выделяет вход.

Арки опираются на массивные полуколонки (в Ереруйской базилике) или двойные полуколонны (в Текоре), капители которых украшены зубчатым (острым), типично сирийским аканфом, листья которого широко разветвляются или даны в виде прямо растущих веток⁵⁹. Не менее показательны широкие наличники окон и входов.

⁵⁷ Н. Butler, 1, p. 21—22.

⁵⁸ Н. Butler, 1929, p. 47, 85, fig. 45 и 90; ср. p. 115, fig. 115.

⁵⁹ Н. Я. Марр. Ереруйская базилика, табл. VI и IX.

Такого рода декор ранних армянских базилик имеет много точек соприкосновения с сирийской архитектурой V—VI вв., для которой мотив широких тяг, обрамляющих порталы и окна с отгибом вниз, особенно характерен ⁶⁰. В Сирии широкие тяги-наличники встречаются в двояком виде — либо они ограничиваются одним окном, не переходя на соседние, либо, наоборот, даны в виде непрерывной тяги, соединяющей ряд окон, и заканчиваются широким завитком; нередко эти тяги даже переходят на смежные фасады, объединяя их ⁶¹.

Правда, в Ереруйской и Текорской базиликах этот прием разработки архитектурного фасада несколько упрощен, количество декора сокращено, он лишен той усложненности, которая свойственна многим сирийским храмам, и стал больше соответствовать строгости самой архитектуры ранних армянских базилик, нарочито освобожденных от декоративных излишеств. В этой строгости и лаконичности — одна из черт своеобразия Ереруйской базилики, в которой проявился большой художественный такт зодчего.

Ту же черту мы наблюдаем в Текорской базилике ⁶². В ее портале (он являлся декоративным центром здания) также использованы сирийские орнаментальные мотивы. Вход и венчающая его подковообразная арка обрамлены орнаментом в виде коротких желобков («ложек»), очень популярным в сирийской архитектуре мотивом еще античного происхождения. Полоса «ложек» сочетается с протянутой над входом полосой, заполненной орнаментом в виде пучков побегов-желобков, выходящих из спирали, расширяющихся и изогнутых в полудуги; пучки эти поочередно обращены вверх и вниз. Мотив этот представляет собой несомненно стилизацию растительных побегов, в чем убеждают известные мне аналогии — декор дворца V—VI вв. ель-Казр в Аммане (Палестина) ⁶³. Все эти декоративные мотивы — привнесенные, но вместе с тем портал Текорской базилики существенно отличается от сирийских и палестинского, он так же, как и в Ереруйке, лишен пышности и усложненности, он прост и ясен по своей компоновке, он, как и в Ереруйке, сдержан и строг.

Так армянские зодчие V в. — времен Ереруйской и Текорской базилик — по-своему трактовали то сирийское искусство, которое они хорошо знали и, как видно, почитали, но воспринимали не как обязательный и застывший образец, а лишь как точку отправления для своего творчества.

Однако для Ереруйской базилики характерен и другой прием декора, можно сказать, принципиально отличающийся от описанного. Речь идет об украшениях капителей пилястр и перемычек над входами (южными и западным). Капители эти большей частью украшены равноконечным крестом в ординарном или двойном круге из треугольников, а по сторонам круга совсем схематически вырезанными ветвями аканфа с узкими и острыми лепестками ⁶⁴.

Перемычки входов украшены также очень скромно. На перемычке западного входа вырезан равноконечный крест в круге на слегка углубленном фоне, по сторонам его два барана с круто загнутыми рогами; все это обрамлено каймой из кружков, разделенных стрелками (они воспроизводят листики) ⁶⁵.

⁶⁰ Это уже отмечал Н. М. Токарский. («Архитектура Армении IV—XIV вв.», стр. 80—81).

⁶¹ Примеры первого варианта: *H. Butler*, 1903, p. 30, 223; *H. Butler*, 1929, p. 139, 176, 225. Примеры второго варианта: *H. Butler*, 1903, p. 30, 211, 213, 215, 224, 232; *H. Butler*, 1929, p. 150, 185, 222, 226, *G. Tchalenko*, II, tabl. CLVI.

⁶² *Н. Я. Марр*. Ереруйская базилика, табл. IX.

⁶³ Амман (ныне столица Иордании) находится в Заорданье, в 70 км к востоку от Иерусалима. См. *Н. П. Кондаков*. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904, стр. 129, 130, рис. 22, табл. XXX.

⁶⁴ *Н. Я. Марр*. Ереруйская базилика, стр. 10—17.

⁶⁵ Там же, стр. 18 и табл. VII.

тичность дворца в Двине и дворца в Аруче делает датировку Н. М. Токарского наиболее вероятной: оба дворца, скорее всего, приблизительно одновременны.

Памятники эти опубликованы, и нам нет надобности вдаваться в детали. Ограничимся, соответственно теме нашей статьи, указанием на близкие параллели этим дворцам в Сирии.

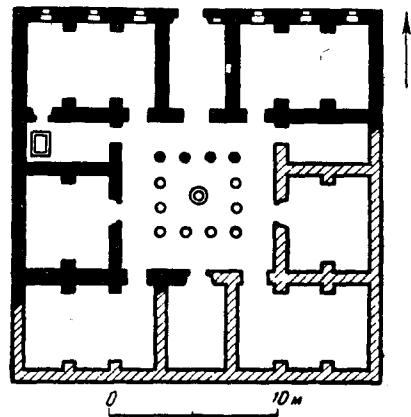

Рис. 4. План богатого жилого дома в Ит-Туба (Северная Сирия) (по Бетлеру)

Имеем в виду богатый жилой дом в Ит-Туба в северной части страны (в 20 км к северо-востоку от Хама)⁵⁷ и монастырское жилое здание, примыкающее с северной стороны к церкви Сергия и Вакха, возведенной в конце V в. (489 г.) в Умм ис-Сураб в Южной Сирии (рис. 3 и 4)⁵⁸. Здания эти, особенно последнее, очень напоминают планировку армянских дворцов и также состоят из большого центрального помещения — открытого дворика (в Умм ис-Сураб — с цистерной), окруженного галереями на колоннах; к дворику с галереями примыкают со всех сторон, как в Армении, одноэтажные и двухэтажные помещения, а с одной из сторон во двор ведет вход. Размеры обоих сирийских жилых

зданий несколько меньше армянских дворцов, но пропорции приблизительно одинаковы:

	Двин	Аруч	Ит-Туба	Умм ис-Сураб
Длина	29 м	23,5 м (?)	21,5 м	24 м
Ширина	31 м	24,5 м	22 м	19,5 м
Ширина дворика	11,5 м	11,5 м	9 м	8,5 м

Мы можем сослаться только на два таких памятника в Сирии, но вряд ли можно сомневаться, что это были отнюдь не единственные здесь постройки такого рода, как не были одиноки в раннесредневековой Армении дворцы светских и церковных нахараров, аналогичные дворцам в Двине и Аруче.

Наконец остановимся на декоре ранних армянских базилик. Декор этот очень сдержанный и лаконичный — и в Ереруйской, и в Текорской базиликах, тем более в других, более простых и меньших по размеру. Декор этот всецело подчинен архитектуре и никогда не вступает с ней в соревнование, а тем более — в противоречие. Он призван лишь подчеркнуть основные линии и элементы фасада. Окна Ереруйской базилики обрамлены широкой сложного профиля тягой, спускающейся до низа окна и имеющей внизу отвороты в стороны; наличники эти резко подчеркивают контур окна на широкой глади стены. Порталы венчаются также широкой и сильно выступающей подковообразной аркой столь же сложного профиля, или, как в Текоре, арка заполняется орнаментальной резьбой: благодаря глубине и сложной профилировке, создающей светотеневые контрасты, арка столь же эффектно выделяет вход.

Арки опираются на массивные полуколонки (в Ереруйской базилике) или двойные полуколонны (в Текоре), капители которых украшены зубчатым (острым), типично сирийским аканфом, листья которого широко разветвляются или даны в виде прямо растущих веток⁵⁹. Не менее показательны широкие наличники окон и входов.

⁵⁷ Н. Butler, 1, p. 21—22.
⁵⁸ Н. Butler, 1929, p. 47, 85, fig. 45 и 90; ср. p. 115, fig. 115.
⁵⁹ Н. Я. Марр. Ереруйская базилика, табл. VI и IX.

Такого рода декор ранних армянских базилик имеет много точек соприкосновения с сирийской архитектурой V—VI вв., для которой мотив широких тяг, обрамляющих порталы и окна с отгибом вниз, особенно характерен ⁶⁰. В Сирии широкие тяги-наличники встречаются в двояком виде — либо они ограничиваются одним окном, не переходя на соседние, либо, наоборот, даны в виде непрерывной тяги, соединяющей ряд окон, и заканчиваются широким завитком; нередко эти тяги даже переходят на смежные фасады, объединяя их ⁶¹.

Правда, в Ереруйской и Текорской базиликах этот прием разработки архитектурного фасада несколько упрощен, количество декора сокращено, он лишен той усложненности, которая свойственна многим сирийским храмам, и стал больше соответствовать строгости самой архитектуры ранних армянских базилик, нарочито освобожденных от декоративных излишеств. В этой строгости и лаконичности — одна из черт своеобразия Ереруйской базилики, в которой проявился большой художественный такт зодчего.

Ту же черту мы наблюдаем в Текорской базилике ⁶². В ее портале (он являлся декоративным центром здания) также использованы сирийские орнаментальные мотивы. Вход и венчающая его подковообразная арка обрамлены орнаментом в виде коротких желобков («ложек»), очень популярным в сирийской архитектуре мотивом еще античного происхождения. Полоса «ложек» сочетается с протянутой над входом полосой, заполненной орнаментом в виде пучков побегов-желобков, выходящих из спирали, расширяющихся и изогнутых в полудуги; пучки эти поочередно обращены вверх и вниз. Мотив этот представляет собой несомненно стилизацию растительных побегов, в чем убеждают известные мне аналогии — декор дворца V—VI вв. ель-Казр в Аммане (Палестина) ⁶³. Все эти декоративные мотивы — привнесенные, но вместе с тем портал Текорской базилики существенно отличается от сирийских и палестинского, он так же, как и в Ереруйке, лишен пышности и усложненности, он прост и ясен по своей компоновке, он, как и в Ереруйке, сдержан и строг.

Так армянские зодчие V в. — времен Ереруйской и Текорской базилик — по-своему трактовали то сирийское искусство, которое они хорошо знали и, как видно, почитали, но воспринимали не как обязательный и застывший образец, а лишь как точку отправления для своего творчества.

Однако для Ереруйской базилики характерен и другой прием декора, можно сказать, принципиально отличающийся от описанного. Речь идет об украшениях капителей пилястр и перемычек над входами (южными и западным). Капители эти большей частью украшены равноконечным крестом в ординарном или двойном круге из треугольников, а по сторонам круга совсем схематически вырезанными ветвями аканфа с узкими и острыми лепестками ⁶⁴.

Перемычки входов украшены также очень скромно. На перемычке западного входа вырезан равноконечный крест в круге на слегка углубленном фоне, по сторонам его два барана с круто загнутыми рогами; все это обрамлено каймой из кружков, разделенных стрелками (они воспроизводят листики) ⁶⁵.

⁶⁰ Это уже отмечал Н. М. Токарский. («Архитектура Армении IV—XIV вв.», стр. 80—81).

⁶¹ Примеры первого варианта: *H. Butler*, 1903, p. 30, 223; *H. Butler*, 1929, p. 139, 176, 225. Примеры второго варианта: *H. Butler*, 1903, p. 30, 241, 243, 245, 224, 232; *H. Butler*, 1929, p. 150, 185, 222, 226, *G. Tchalenko*, II, tabl. CLVI.

⁶² *Н. Я. Марр*. Ереруйская базилика, табл. IX.

⁶³ Амман (ныне столица Иордании) находится в Заиорданье, в 70 км к востоку от Иерусалима. См. *Н. П. Кондаков*. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904, стр. 129, 130, рис. 22, табл. XXX.

⁶⁴ *Н. Я. Марр*. Ереруйская базилика, стр. 10—17.

⁶⁵ Там же, стр. 18 и табл. VII.

Перемиčky южных входов украшены аналогично. У одного из них (восточного) — в центре также крест в круге, обрамленном треугольниками, по сторонам его опять-таки схематически изображенные (вернее сказать, прочерченные) деревья; по краям плиты перемиčky — шестиконечные розетки в круге с треугольниками; плиту также обрамляет кайма из кругов с полушариями и стрелочками между ними⁶⁶. Резьба перемиčky другого, южного входа отличается лишь наличием развевающейся ветви (крест, таким образом, был процветший) и рогатых барашков⁶⁷.

Порталы других одновременных базилик Армении еще скромнее. Так, вход в большую базилику Циранавор в Егварте украшен сложного профиля аркой с сухариками, а в тимпане помещена лишь шестиконечная розетка⁶⁸.

Декор всех этих перемиček и капителей пилястр имеет одну общую особенность: он очень плоскостной⁶⁹ и вызывает ощущение деревянной резьбы. Это ощущение укрепляют такие мотивы, как ряды треугольников, столь обычные в деревянной резьбе. «Деревянный» характер носят и деревья и аканфовые узкие и острые побеги на пилястрах Ереруйской базилики, довольно резко отличающиеся от аканфов на капителях полуколонн (на западном и южном фасадах Ереруйской и западном фасаде Текорской базилик), резьба которых следует приемам монументальной сирийской пластики. Это как бы второй пласт декора Ереруйской базилики, контрастирующий с первым, «монументальным» пластом и исходящий не из сирийской монументальной пластики, а, по-видимому, из народной деревянной резьбы, переведенной в камень.

Правда, и в раннесредневековой Сирии мы находим памятники с плоскостным декором, также обязанным влиянию деревянной резьбы: и схематические геометризованные деревья⁷⁰, и то же чередование кругов с крестами и розетками⁷¹, и кресты в круглой кайме с треугольниками⁷²; немало встречаем и других примеров плоскостной резьбы над входами, на капителях, различных плитах и пр.⁷³ Но эта каменная резьба на сирийских раннесредневековых храмах далека от армянской по самому характеру рисунка, уже не связанного с античными мотивами. В этом заключается очень существенное отличие плоскостного декора армянских и сирийских базилик: в тех и других мастера следовали своим родным, и притом различным, традициям народной деревянной резьбы, получившей приложение в монументальной каменной архитектуре⁷⁴.

Но не только в этом мы видим своеобразие армянских базилик и их отличие от сирийских. В первой части нашей статьи шла речь о чертах, сближающих те и другие. Но вместе с тем можно констатировать, что и собственно архитектура раннехристианской Сирии, поначалу питавшая творчество армянских зодчих, подверглась в Армении значительной переработке. Большие армянские базилики V в. в сущности не находят себе достаточно полных аналогий в Сирии — ни Ереруйская, ни Текорская, ни другие.

⁶⁶ Н. Я. Марр. Ереруйская базилика, стр. 15 и табл. VI.

⁶⁷ Там же, стр. 15.

⁶⁸ Н. М. Токарский. Предварительный отчет о поездке в Армению осенью 1923 г. — «Известия РАИМК», IV, 1925, стр. 350.

⁶⁹ Что уже отметил Н. Я. Марр («Ереруйская базилика» стр. 22).

⁷⁰ Н. Butler, 2, p. 85 (также на капители пилястр).

⁷¹ Н. Butler, 1929, p. 50 (на круглой капители).

⁷² Н. Butler, 1903, p. 33 (№ 12, 15); Н. Butler, 1929, p. 232 (№ 12, 15).

⁷³ Например: Н. Butler, 1903, p. 82, 136, 239; Н. Butler, 2, p. 59, 68, 77, 81, 86; Н. Butler, 1929, p. 135, 216, 232 (различные диски).

⁷⁴ В качестве исключения можно назвать трапецевидную перемичку входа в базилику Кирбит Хасан 507 г. (Н. Butler, 1929, p. 231); плита украшена тремя плосковырезанными розетками в кругах, окаймленных треугольниками и кружками, очень похожими (по рисунку и характеру резьбы) на круги с розетками на перемичках Ереруйской базилики.

Даже близкие сирийские параллели указывают на своеобразие армянских базилик. Так, Ереруйская базилика весьма существенно отличается от своего ближайшего аналога — громадной базилики в ель-Бара (в Апамене) ⁷⁵ — своими пропорциями, как в целом, так и в отдельных частях (рис. 1): западные угловые башни с входом на хоры в ель-Бара благодаря вытянутой (с севера на юг) форме создают иной, чем в Ереруйке, западный фасад. Многочисленные внутренние устои-колонны в ель-Бара расчленяют внутреннее пространство базилики, четко и резко выделяя центральный неф. В Ереруйке же было всего три пары устоев с очень широкими пролетами между ними; благодаря этому внутреннее пространство воспринималось как единое. Правда, это качество наблюдается и в некоторых других базиликах Северной Сирии (например Кальблосе, кафедрал в иль-Андерин, Рувеһа) ⁷⁶. Однако такие базилики в Сирии редки, но именно эта черта монументальной архитектуры получила затем в Армении, как и в Грузии, блестящее развитие в купольных базиликах и центрических композициях.

Сравнение Текорской базилики (до ее перестройки в купольную) с ее ближайшим аналогом — базиликой в Серджилла (рис. 2) ⁷⁷ ясно указывает не только на сходство, о котором говорилось выше, но и на существенные черты различия. Если общие внешние пропорции у обеих базилик приблизительно одинаковы, то пропорции внутренних объемов отличались: алтарная апсида в Текоре значительно шире, определяя иное соотношение нефов; боковые нефы здесь сужены, средний был относительно шире, чем в Серджилла, что создавало иной пространственный облик здания. Значительно уже были и галереи Текорской базилики. Таким образом, и здесь был сделан акцент на расширение среднего нефа, что явилось определенным отходом от сирийских базилик.

Еще резче бросается в глаза отличие архитектуры ранних (V в.) армянских трехнефных базилик без галерей от трехнефных базилик Сирии, о чем отчасти уже говорилось: армянские базилики V в. были перекрыты цилиндрическими сводами в противоположность обычным деревянным перекрытиям сирийских базилик. Средний неф армянских базилик, правда, мало возвышался над боковыми, и своды всех трех нефов были скрыты под общей двухскатной кровлей. Это снижало в сравнении с сирийскими общие пропорции армянских храмов, их общий силуэт, делало их приземистыми, что, конечно, меняло весь их архитектурный облик. Но вместе с тем это монументальное каменное перекрытие полуциркульными сводами было крупным принципиальным новшеством, ознаменовавшим большой прогресс армянской архитектуры. Правда, поначалу это новшество снизило художественный эффект армянских трехнефных базилик — они утратили стройность, присущую Ереруйской базилике. Их массивность и монументальность резко отличали их от более легких и стройных сирийских базилик с возвышавшимся средним нефом. Но зато это новшество послужило прочным фундаментом подлинного расцвета армянского зодчества в следующих столетиях.

Применение цилиндрических сводов в армянских базиликах V в. привело и к другим расхождениям: ряды часто поставленных колонн, обычные в Сирии, сменились в Армении редко поставленными, зато более массивными столбами с лопатками, как в Ереруйке (и только в Двинском кафедрале, как и в грузинском Болнисском Сионе, — крещатыми). Эти массивные устои неизбежно дробили внутреннее пространство и сокращали его, и лишь уменьшение числа их до трех-четырех пар отчасти компенсировало такое сокращение. Расширение внутреннего пространства храма — та проблема, которую армянские зодчие блестяще разрешили в VII сто-

⁷⁵ G. Tchalenko, II, tabl. XII, 1; ССХII.

⁷⁶ Ibid., tabl. СХСХVI; H. Butler, 1929, p. 71.

⁷⁷ H. Butler, 3, p. 116; H. Butler, 1929, p. 26.

летию, т. е. на следующем этапе развития армянской архитектуры, но тенденция архитектурного развития ясно проявилась уже в V в. Различна, наконец, и форма выступающей апсиды армянских базилик V в. — пятигранная, в то время как в сирийских базиликах она обычно полукруглая и лишь изредка трехгранная.

Однонефные армянские храмы также имеют выразительные отличия. Во-первых, многие из них уже в V в. по примеру трехнефных базилик перекрывались полуциркульным сводом, на что могут указывать пристенные пилястры, на которые опирались подпружные арки свода ⁷⁸. Во-вторых, однонефные храмы Армении редко сопровождаются гелереями, обычными у однонефных храмов Сирии. В-третьих, среди наличных однонефных храмов Армении неизвестны постройки с прямоугольным алтарем, а если такие и были, но не сохранились, то, во всяком случае, эта форма не имела здесь, как говорилось, широкого распространения.

Различия декоративной разработки фасадов и характера декора храмов Сирии и Армении рассматривались выше.

Мы можем сказать, что в Армении в раннее средневековье — в эпоху утверждения христианства — имело место не только влияние монументальной архитектуры Сирии (а может быть, и Палестины), а иногда и прямой перенос форм, шедших в Армению (преимущественно из Северной Сирии) вслед за распространявшимся оттуда христианством (это влияние было поэтому вполне закономерно), но и другое явление: более или менее значительная переработка форм сирийской монументальной архитектуры под углом зрения новых архитектурных задач, которые встали перед зодчими Армении — прежде всего создание максимально объединенного внутреннего пространства. Эта переработка привнесенных художественных замыслов и форм их воплощения — явление исторически не менее важное: оно показывает, что уже на заре средневековья в Армении формировалась своя архитектурная школа со своими архитектурно-художественными принципами. Как видно, к тому времени армянские зодчие успели накопить собственный большой архитектурный опыт и, усваивая близкие им по духу нормы сирийской монументальной архитектуры, создавали на этой общей основе произведения, полные своеобразия и художественной зрелости ⁷⁹.

⁷⁸ Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв., стр. 73—74.

⁷⁹ Уже после сдачи в печать настоящей статьи я получил возможность ознакомиться с очень интересной большой работой А. Хачатряна — исследованием раннесредневековой архитектуры Армении (А. Khatchatrian. L'architecture Arménienne du IV-e au VI-siècle. Paris, 1971). Одно из приложений к книге посвящено сравнительному анализу армянской и сирийской архитектур (стр. 92—97). В наиболее существенных пунктах наши взгляды совпадают. В архитектуре Сирии (имеются в виду северные районы страны) автор также видит источник вдохновения армянских зодчих V—VI вв. (стр. 92 и 97) и вместе с тем, как и мы, анализирует определенные различия монументальной архитектуры Армении и Сирии. Но в усилении этих различий, в усилении расхождений зодчества Армении и Сирии автор, в противоположность нам, не видит проявления определенного процесса развития и его не прослеживает; в этом, на наш взгляд, — недостаток исследования А. Хачатряна. Положительной стороной его работы является включение в обзор гробничной архитектуры, особенно близкой к сирийской, которой мы, наоборот, почти не касались, акцентирование гражданских источников культовой архитектуры (о чем в нашей статье говорится очень кратко) и сравнительный анализ архитектуры базилик Ереву́йка и Русафы (стр. 95—96), убеждающий в том, что Ереву́йская базилика также находит немало параллелей в зодчестве Северной Сирии.

В. Н. ЗАЛЕСКАЯ

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ МРАМОРНЫЕ БЛЮДА В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

С IV в. в христианском культе получают распространение большие мраморные блюда различной формы: круглые, квадратные, сигмаобразные¹. Их отличительными особенностями являются: гладкое углубленное центральное поле и выступающий над ним на несколько сантиметров бортик, украшенный рельефными изображениями и имеющий бусинное обрамление края. Назначение таких предметов различно. Они могли служить покрытием алтаря, местом для помещения подношений, приносимых верующими в храм, могли служить покрытием могил христианских мучеников и использоваться при агапах. Назначение каждого отдельно взятого блюда определяется в зависимости от его размеров и формы, места находки и характера представленных на нем изображений². Последние бывают двух видов³: 1. охота и звериный гон, нередко сочетающиеся со сценами из античной мифологии; 2. сцены, взятые из Священного писания.

Исходя из мест находок памятников, можно заключить, что блюда первого вида были распространены преимущественно на Балканах и в Египте⁴, а второго — в Сирии и Малой Азии⁵.

Еще в период эллинизма близкие по форме блюда получили распространение в культе мертвых, где они использовались для погребальных трапез; они также нередко служили покрытием алтаря (жертвенника)⁶. Использование этих сосудов в культовых церемониях для хранения воды, хотя и предполагалось рядом исследователей⁷, маловероятно ввиду их небольшой глубины. Наиболее вероятным представляется предположение, что христиане усвоили и использовали для своих целей тип блюд, служивших покрытием жертвенника.

¹ Свод известных в настоящее время памятников такого рода дан в работе Э. Китцингера: *E. Kitzinger. A marble Relief of the theodosian Period.* — «Dumbarton Oaks Papers», vol. 14, 1960, p. 19—42. К этому списку может быть добавлен ряд последующих публикаций: *A. В. Банк. Труды по византийскому искусству в «Dumbarton Oaks Papers».* — ВВ, т. XXII, 1963, стр. 261. *E. Eszlary. On the development of early christian Iconography.* — «Acta Historiae Artium», t. VIII, fasc. 3—4. Budapest, p. 215—240; *R. Giveon. Alexandrine decorated Basin-Rims from Israel.* — «Israel Exploration Journal», vol. 14, № 4. Jerusalem, 1964, p. 232—235; *М. Чичикова. Mensa sacra om Nicopolis ad Nestum.* — «Известия на археологический институт», т. XXXIII, София, 1972, стр. 245—258; *G. Roux. Tables chrétiennes en marbre, découvertes à Salamea, Salamine de Chypre*, vol. 4. Paris, 1973, p. 133—196; *idem. Une table chrétienne de Delphes.* — BCH, vol. XCVII, 1973, p. 137—144.

² *E. Kitzinger. Op. cit.*, p. 25—32.

³ *E. Michon. Rebords de bassins chrétiens ornés de reliefs.* — «Revue biblique», t. XII, 1915, p. 485—540; t. XIII, 1916, p. 121—170.

⁴ *E. Michon. Op. cit.*, t. XII, p. 509—523; t. XIII, p. 130—140.

⁵ *E. Michon. Op. cit.*, t. XII, p. 524—540; t. XIII, p. 121—130.

⁶ *W. Deonna. Mobilier délien. Tables antiques d'offrandes avec écuelles et table d'autel chrétien.* — «Bulletin de correspondance hellénique», vol. 58, 1934, p. 1—90.

⁷ *E. Michon. Op. cit.*, t. XIII, p. 162—170; *G. W. Elderkin.* — «Antioch-on-the Orontes», I. The Escavations of 1932; Princeton—London, 1934, p. 51.

Что касается времени изготовления и использования подобных предметов, то господствует датировка III—IV вв.⁸, хотя некоторые исследователи склонны допускать и более позднюю дату⁹.

В собрании Эрмитажа имеются фрагменты трех мраморных сосудов (инв. № х239—х240; □11106; ш 818 а—г), которые по конструктивным особенностям (характеру перехода рельефного бортика с бусинным краем к гладкому полю) можно признать частями интересующих нас предметов.

Два фрагмента (х239 и х240, рис. 1, 2) происходят из Херсонеса¹⁰. На одном из них (рис. 1) изображена в довольно высоком рельефе голова юноши, представленная в профиль и повернутая влево. Сохранилась только нижняя часть лица: нос, рот, подбородок, часть щеки и шеи. Характерный бортик, состоящий из чередующихся бусин и ов, позволяет считать данный фрагмент частью блюда. Ширина орнаментированного края может быть равна приблизительно 10 см при диаметре блюда в 110 см.

На втором херсонесском фрагменте (рис. 2) представлены двое животных, повернувшихся головами друг к другу. Сохранилась только часть бортика с рельефными головами и часть плоской поверхности блюда. Голова слева могла принадлежать лошади или ослу, голова справа — вероятнее всего, грифону. Ширина орнаментированного края может быть равна приблизительно 10 см при диаметре блюда в 110 см.

Находка обоих фрагментов в одном месте и в одно время, сходство материала и характера его обработки позволяют считать их частями одного и того же предмета¹¹. Оба фрагмента были обнаружены не в самой церкви, а с ее наружной стороны, где помещалась пристроенная часовня¹². Исходя из условий находки, совпадающих с условиями обнаружения ряда сходных памятников (находки в Сбейтле и в Тебессе), можно заключить, что и херсонесские фрагменты были не частями покрытия главного алтаря, а, вероятнее всего, частями блюда для помещения приносимых в церковь даров.

Описанный выше декор бортика блюда восходит к эллинистической традиции украшения краев сосудов, чаще всего металлических, звериным гоном, разделенным помещенными в профиль головами. Последние происходят от масок. Весьма характерны в этом отношении образцы античной торевтики II—III вв.¹³ Однако некоторые стилистические особенности херсонесских фрагментов, обнаруживающие утрату пластичности прежних изображений, а главное — использование данных предметов в христианском контексте указывают на более позднюю дату. Датировку херсонесского блюда IV—началом V в. подтверждают аналогичные как сюжетно, так и стилистически типы голов и животные на предметах, несомненно, относящихся к тому же времени. Весьма убедительны в этом отношении такие вещи, как сосуды, найденные в Карфагене,¹⁴ фрагмент серебряного сосуда из Трепрейна,¹⁵ сосуд из Венского музея,¹⁶ имеющие характерные для IV—V вв.¹⁷ бусинные края. Рит-

⁸ 'Α. Ευγγέλου. Πλάξ τραπέζης χριστιανική. 'Αρχαιολογική 'Εφημερίς, т. 1—2. 'Αθήναι, 1914, σελ. 78; G. A. S. Snyder. The so-called Puteal in the Capitoline Museum at Rome. — «Journal of Roman Studies», т. XIII, 1923, p. 60—65; G. W. Elderkin. Op. cit., p. 50—51; H. Ingholt. Rapport préliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syrie (1932—1938). Copenhagen, 1940, p. 138.

⁹ E. Thomas. Bruchstück einer frühchristlichen Marmortischplatte mit Reliefverzierung aus Csopak. — «Acta Antiqua», т. III, fasc. 1—2. Budapest, 1955, S. 274.

¹⁰ ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 38, рис. 60—а, размеры: выс. 7,2 см, ширина 6,6 см; рис. 60—б, размеры: высота 9,7 см, ширина 8,4 см.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 28—37.

¹³ D. E. Strong. Greek and Roman gold and silver Plate. London, 1966, p. 162—165, 171, 176, Pl. 47-A, 49, 51-B.

¹⁴ O. M. Dalton. Catalogue of early christian antiquities. London, 1901, p. 79, № 356.

¹⁵ A. Curle. The Treasure of Traprain. Glasgow, 1923, p. 45—46, Pl. XXIII, 38.

¹⁶ D. E. Strong. Op. cit., p. 202—203.

¹⁷ Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 23—25.

мичное построение звериного гона (с помощью профильных голов) характерно для второй половины IV в.¹⁸, причем, хотя позднее этот сюжет также весьма распространен, профильные разделительные головы не встречаются. По сюжетным и стилистическим признакам рассматриваемое блюдо примыкает к обширному, но достаточно четко определенному кругу памятников, найденных в основном на Балканах и отчасти в Египте¹⁹. Эти аналогии не только подтверждают предложенную выше дату, но и допускают отнесение херсонесских фрагментов к тому же кругу памятников.

Другой тип мраморного блюда представлен фрагментом, доставленным экспедицией В. Г. Бока из Египта (□ 11106, рис. 3). На сохранившейся части видны две фигуры под арками. Иконографические признаки позволяют признать в правой фигуре, держащей в одной руке пращу, а в другой посох, Давида, собирающегося поразить Голиафа, а в левой, стоящей фронтально и задрапированной в плащ, — Саула²⁰. Изображение последнего обычно предшествует сцене поединка Давида с Голиафом²¹. Данный сюжет встречается неоднократно как на интересующих нас блюдах²², так и на мраморных рельефах²³. Ближайшей иконографической аналогией нашему памятнику является фрагмент блюда²⁴ из археологического музея в Стамбуле: сходны — поза Давида, поворот головы, положение руки с занесенной пращой. По стилистическим особенностям: объемная моделировка всех фигур, ясно переданное движение в фигуре идущего с пращой Давида, четкое деление края блюда аркадами, с вписанными в них сценами, эрмитажный памятник близок известному блюду из Салоны, датируемому по археологическим признакам IV в.²⁵ Сопоставление с названными выше памятниками позволяет отнести наш фрагмент к тому же времени. Блюда с изображениями ветхозаветных сцен, и в частности сцен из жизни Давида, принято считать малоазийскими²⁶. Поскольку наш фрагмент происходит из Египта, где производство подобных предметов, но с другим типом изображений практиковалось достаточно широко²⁷, вероятнее всего предположить, что эрмитажный памятник был сделан в Египте, но с подбором сцен, чаще всего встречающихся на малоазийских памятниках. Структурные особенности этого фрагмента, сопоставленные с аналогичными памятниками (прежде всего с блюдом из Салоны), указывают на сигмаобразную форму блюда, к которому он принадлежал. Это блюдо должно было использоваться в качестве намогильного покрытия. Последнее подтверждается коптской надписью погребального характера²⁸, которая занимает

¹⁸ H. Buschhausen. Frühchristliches Silberreliquiar aus Isaurien. — «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», Bd. XI—XII. Graz—Köln, 1962—1963, S. 159.

¹⁹ E. Michon. Op. cit., t. XII, p. 513—523; t. XIII, p. 132—138; A. Ευρυβοῦλος. Op. cit., σελ. 70—81, εικ. 1—10; 12—13; М. Чичикова. Указ. соч., стр. 245—258, рис. 2—3, 5—6, 9.

²⁰ Ср. изображение Саула на серебряных блюдах со сценами из жизни Давида, найденных на Кипре: E. Cruikshank Dodd. Byzantine silver Stamps. Washington, 1961, Pl. 59—61.

²¹ L. Réau. Iconographie de l'art chrétien, t. II, 1. Paris, 1956, p. 260—261.

²² E. Michon. Op. cit., t. XII, p. 508; t. XIII, p. 128—130, 144—145.

²³ K. Weitzmann. The Iconography of the reliefs from the Martyrion. — «Antioch-on-the-Orontes, III. The Excavations of 1937—1939». Princeton, 1941, p. 136.

²⁴ J. Ebersolt. Sculptures chrétiennes inédites du musée de Constantinople. — «Revue archéologique», t. XXI (sér. 4), janvier—juin. Paris, 1913, p. 339.

²⁵ E. Michon. Op. cit., t. XII, p. 509—513, fig. 6.

²⁶ E. Eszlary. Op. cit., p. 232; J. Ebersolt. Op. cit., p. 339; L. Gastiglione. A recently published Forgery. — «Acta Archaeologiae Academiae Scientiarum Hungaricae», t. XXIII, fasc. 1—4. Budapest, 1971, p. 237.

²⁷ G. A. S. Snyder. Op. cit., p. 65.

²⁸ В. А. Тураев. Коптские тексты, приобретенные экспедицией В. Г. Бока в Египте. — «Труды XI археологического съезда в Киеве в 1899 г.», т. II. М., 1902, стр. 243, табл. XXIII, 5.

центральное поле. Эта надпись, напоминающая и даже в отдельных строках совпадающая с надписью на надгробной стеле 786 г. из Капского музея, датируется VIII в.²⁹

Таким образом, данное блюдо, как было характерно для аналогичных памятников, происходящих из коптского Египта, в разное время использовалось по-разному: первоначальное покрытие могилы, предназначенное для погребальной трапезы, сменив горизонтальное положение на вертикальное, было вторично использовано в качестве надгробной стелы³⁰.

В Малой Азии (в Самсуне) в 1904 г. были приобретены четыре фрагмента блюда (инв. № «818 а—г, рис. 4, 5, 6, 7)³¹. В первичном описании на нем значатся следующие сцены: «Грехопадение Адама и Евы» (см. рис. 4 «Жертвоприношение Каина и Авеля» (рис. 6), «Даниил во рту львином» (рис. 5), «Соглядатаи Моисея» (рис. 7). С иконографической точки зрения три первые перечисленные сцены аналогичны встречающимся на ранних христианских саркофагах и в росписях катакомб. Так, на первом фрагменте изображения Адама и Евы, стоящих по сторонам дерева, вокруг которого обвился змей, аналогичны таким же изображениям в ранней христианской живописи и скульптуре³². В стоящей на некотором расстоянии от Евы бородатой фигуре с серпом в поднятой правой руке и посохом (или пучком колосьев?) в левой следует признать, согласно принятой иконографии, Каина³³. Изображение последнего становится понятным при сопоставлении с вторым фрагментом, на котором представлены: рука вверху (десницы божья) и направляющийся к ней Авеель с агнцом. Рядом с ним стоит с поднятым серпом Каин, взгляд которого и поворот фигуры направлены в противоположную от руки сторону к дереву, под которым (сейчас сохранилась только верхняя часть кроны) согласно первоначальному описанию, лежал убитый Авеель. Смысловой анализ представленных персонажей позволяет утверждать, что здесь мы имеем изображение двух различных моментов из истории Каина и Авеля, данных в последовательном развитии: во-первых, жертвоприношение Каина и Авеля (Каин с отвергнутой жертвой находится на первом фрагменте, а рука бога, принимающая жертву Авеля, — на втором); во-вторых, убийство Авеля. Иконография обеих сцен соответствует принятой в раннехристианском искусстве³⁴. На третьем фрагменте видна часть стоящей фигуры (ноги и часть туники) и лапы и морда рычащего льва. В этом изображении можно видеть известную композицию «Даниил во рту львином», также соответствующую обычному иконографическому типу.

На четвертом фрагменте представлена сцена «Соглядатаи Моисея». Три фигуры соглядатаев, очевидно, являются лишь частью большой композиции, которая состояла обычно из пары, шествовавшей впереди и несшей на шесте гроздь винограда, и десяти остальных посланцев, несших на руках гранаты и смоквы. При известном иконографическом сходстве (позы, одежды, головные уборы, типы лиц) с изображением волхвов, дары, которые несут три персонажа на рассматриваемом фрагменте, одинаковы у всех троих и настолько специфичны, что не позволяют спутать их с подношениями волхвов. Последние всегда несут

²⁹ Б. А. Тураев. Неизданный поэтический памятник коптской эпиграфики. — ЗВРАО. X, 1897, стр. 79—82.

³⁰ E. Kitzinger. Op. cit., p. 27.

³¹ ИРАИК, т. XIII, 1908, стр. 317 (размеры: общая длина — 92 см, наибольшая ширина — 28 см, диаметр — 110 см).

³² A. Grabar. La premier art chrétien. Paris, 1966, p. 26, fig. 23; p. 246, fig. 273, p. 262, fig. 291; F. W. Deichmann. Repertorium der christlich-antiken Sarkophage, Bd. II. Wiesbaden, 1967, № 6, 515.

³³ L. Réau. Op. cit., p. 94—95.

³⁴ A. Grabar. Op. cit., p. 39, fig. 37.

разные дары³⁵ и никогда не держат их на вытянутых руках так, как в нашем случае. Таким образом, определение сюжета, данное в первичном описании памятника, вполне соответствует действительности. Следует лишь отметить, что, хотя этот сюжет был достаточно распространен в IV—VI вв., примером чего являются частые его изображения на глиняных светильниках и стеклянных донышках сосудов³⁶, это были, как правило, изображения только двух первых посланцев с гроздьем винограда. Композиция в расширенной редакции встречалась в то время гораздо реже, и сейчас судить об ее иконографии приходится исключительно по миниатюрам средневизантийского периода³⁷. Лучшее изображение имеется в серальском Октатевхе³⁸. Таким образом, наш фрагмент примечателен тем, что он дает одно из ранних изображений этой ветхозаветной сцены. В этом отношении он может быть сопоставлен с фрагментом блюда из Музея изящных искусств в Будапеште, где также представлена ветхозаветная сцена «Покаяние Давида», не дошедшая до нас на памятниках IV—VII вв. и известная только по миниатюрам X—XII вв.³⁹

Как уже было отмечено, рассматриваемый памятник своей сюжетной стороной тяготеет к малоазийско-сирийскому кругу. Это же следует сказать как о его стиле в целом, так и о трактовке представленных персонажей и отдельных деталях композиции. Следует указать на особую трактовку волос диагонально направленными неглубоко врезанными в поверхность камня линиями и на подчеркнутые, сильно выверленные, зрачки глаз, что характерно для изображений на малоазийских и некоторых сирийских рельефах⁴⁰. Не менее характерен и прием передачи кроны деревьев отдельными, слабо расчлененными пучками листьев, как на рельефе из Лаодикеи⁴¹. Перечисленные стилистические особенности, а также тот факт, что данные мраморные фрагменты происходят из Самсуна, позволяют отнести их к местным, малоазийским изделиям. Перечисленные аналогии датируются IV—V вв. Подбор сцен с преобладанием ветхозаветной тематики характерен для того же времени, что позволяет считать наиболее вероятной датой исполнения блюда из Самсуна IV—начало V в. Поскольку предмет был куплен, судить о его конкретном назначении не представляется возможным.

Таким образом, рассмотрение имеющихся в Эрмитаже византийских мраморных сосудов дает возможность проследить наличие двух традиций — эллинистической и восточной — в украшении этого рода памятников.

³⁵ G. Wilpert. *I sarcofagi cristiani antichi*, vol. III, supplemento. Roma, 1936, tav. CCLXXXIV, 4; CCLXXXIX, 1; CCXC, CCLXXXVIII, 2.

³⁶ M. Bauer. *Der Bilderschmick frühchristlicher Tonlampen*. Greifswald. 1907, S. 38—48.

³⁷ K. Weitzmann. *Die Illustration der Septuaginta*. Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst, Bd. III/IV. München, 1952/53, S. 102—103.

³⁸ Ф. И. Успенский. Константинопольский серальский кодекс восьмикнижья. Альбом. — ИРАИК, т. XII, 1907, табл. XXVII.

³⁹ E. Eszlary. *Op. cit.*, p. 220—235.

⁴⁰ R. Stillwell. *Catalogue of Sculpture*. — «Antioch-on-the Orontes, III. The Excavations of 1937—1939», N 368, 374, 390, 451; E. Eszlary. *Op. cit.*, fig. 1—3.

⁴¹ E. Michon. *Op. cit.*, t. XII, Pl. III.

А. Я. КАКОВКИН

ЭЛЕМЕНТЫ ЗАПАДНОЙ ИКОНОГРАФИИ В АРМЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЕРЕБРА XIII—XVI ВВ. *

В художественном наследии средневековой Армении видное место принадлежит памятникам ювелирного дела. Иконография этой области армянского прикладного искусства насчитывает без малого 150 лет. Однако многие вопросы, связанные с ее изучением, еще ждут своей разработки. Один из них — исследование армянских памятников в плане их соприкосновения с искусством других стран. Отдельные аспекты этой важной проблемы затрагивались Гарегиним Овсепяном¹, И. А. Орбели², Сирарши Тер-Нерсисян³, Арутюном Курдяном⁴, Г. Н. Чубинашвили⁵, Т. А. Измайловой⁶, Арменом Хачатряном⁷, автором данной статьи⁸.

В настоящей работе мы ставим перед собой частную задачу — определить элементы западной иконографии в бесспорно армянских по происхождению памятниках серебрodelия XIII—XVI вв.⁹⁻¹⁰, выявить пути

* Данная работа представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного автором на Всесоюзной конференции, посвященной памяти И. А. Орбели, 24 марта 1972 г. в Ленинграде, См.: «Ближний Восток, Кавказ, Средняя Азия (Проблема взаимосвязи культур в эпоху средневековья). Тезисы докладов конференции». Л., 1972, стр. 34—35.

¹ Г. Овсепян. Образчик золотых дел мастерства XIII в.: сурб ишан Хотакерац. — «Гехарвест», № 4. Тифлис, 1911, стр. 37—44 (на арм. яз.); *его же*. Страница из истории армянского искусства и культуры. Алешпо, 1930 (на арм. яз.).

² И. А. Орбели. Киликийская серебряная чаша конца XII века. — ПЭР, Л., 1938, стр. 261—274; *его же*. Восток и Запад в XII—XIII вв. — СГЭ, III, 1945, стр. 10.

³ S. Der Nersessian. Armenia and Byzantine Empire. A Brief Study of Armenian Art and Civilization. Harvard, 1945, p. 98—100; eadem. Le reliquaire de Skevra et l'orfèvrerie cilicienne aux XIIIe et XIVe siècle. REArm., t. I. Paris, 1964, p. 121—143.

⁴ А. Курдян. О древнеармянском серебрodelии. — «Гегуни». Венеция, 1950, стр. 76—81 (на арм. яз.).

⁵ G. Tschubinaschwili. «Metalwork», In: Encyclopedia of World Art. t. I. New York, Toronto, London, 1958, p. 727—728.

⁶ Т. А. Измайлова. Армянская рукопись, написанная в Генуе в 1325 г., и ее серебряный оклад 1347 г. — ВВ, XX, 1961, стр. 243—258.

⁷ Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Lieferung 3. Stuttgart, 1964, S. 330.

⁸ А. Я. Каковкин. К вопросу о скверском складне 1293 г. — ВВ, 30, 1969, стр. 195—204; *его же*. Об одном изображении на скверском складне. — СГЭ, XXX, 1969, стр. 30—31; *его же*. К вопросу о византийском влиянии на армянские памятники художественного серебра. — «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР», № 1 (60). Ереван, 1973, стр. 49—60.

⁹⁻¹⁰ Западные влияния прослеживаются в великолепной серебряной с чернью чаше конца XII в., найденной в 1925 г. в пруду близ селения Вильгорт Чердынского р-на Пермской обл. и известной в литературе под названием «вильгортской» или «чердынской». До недавнего времени ее происхождение связывали с Киликийской Арменией (А. Ю. Якубовский. Культура и искусство Востока в памятниках Эрмитажа, вып. I. Л., 1937, стр. 44; И. А. Орбели. Киликийская серебряная чаша. . .). В настоящее время киликийское происхождение вильгортской находки (как и ее двойника — черниговской чаши) оспаривается некоторыми исследователями. Э. А. Лапковская («Серебряная с чернью чаша XII века». — ТГЭ, т. VIII. Л., 1964, стр. 132—133) и А. Н. Свириш («Ювелирное искусство Древней Руси XI—XVII вв.» М., 1972, стр. 66, 69) относили ее к работе древнерусского мастера. В. П. Даркевич («Светское искусство Византии». М., 1975, стр. 17—233) связывал этот памятник с константинопольскими мастерскими. Нам кажется, что родиной

их проникновения в армянское искусство, проследить их судьбу в дальнейшем.

Самым ранним из известных нам армянских памятников сереброреликварий, изготовленный в 1293 г. по заказу настоятеля Скеврского монастыря епископа Константина¹¹.

На лицевой стороне правой створы триптиха вычеканено поясное изображение апостола Павла (рис. 1)¹². Святой представлен в три четверти влево; он поддерживает левой рукой книгу, а правой сжимает прямой меч наголо, покоящийся на плече¹³. Образ апостола Павла с мечом в памятниках искусства народов христианского Востока, и армянских в частности, более раннего времени и одновременных складню 1293 г. не попадает. Зато в произведениях западноевропейских начиная со второй половины XII в. он встречается довольно часто (рис. 2)¹⁴. Более того, такая трактовка образа Павла на Западе была обычной, что вытекает из слов известного литургиста и канониста XIII столетия Гийома Дюрана. В своем сочинении «*Rationale divinarum officiorum*», подводящем итог толкованию культа, Дюран прямо указывает: *Paulus [pingitur] cum libro et ense* (Павел [изображается] с книгой и мечом)¹⁵. Весьма вероятно, что подобная трактовка образа Павла из западноевропейских источников проникла в искусство Киликийской Армении и со временем стала довольно обычной в армянском искусстве¹⁶.

Однако усвоение киликийско-армянским искусством данного иконографического извода, на наш взгляд, считать моментом чисто подражательным нельзя. Исследователи единодушно считают, что меч в руке Павла символизирует его мученическую кончину¹⁷. Что касается изображения апостола на скевском складне, то, учитывая историческую ситуацию, обусловившую появление памятника (на нее ясно намекает текст вкладной надписи)¹⁸, а также глубокую продуманность в подборе

вильгортской чаши была Сицилия (это мнение разделяет и М. М. Постникова, как явствует из письма от 7 февраля 1972 г., адресованного автору данной работы). По этой причине мы не включили ее в свою диссертацию «Памятники армянского художественного серебра XI—XV вв».

¹¹ Ленинград, Эрмитаж, № Уз-828. Последние крупные работы о памятнике: *S. Der Nersessian. Le reliquaire. . .*; *А. Я. Каковкин. К вопросу о скевском складне. . .*

¹² Чеканное изображение апостола Павла с мечом в левом медальоне навершия триптиха принадлежит, вероятно, XVIII—началу XIX в. См. *А. Я. Каковкин. К вопросу о скевском складне. . .*, стр. 202.

¹³ Краткое изложение материала см. *А. Я. Каковкин. Об одном изображении. . .*

¹⁴ Ранние примеры изображения апостола Павла с мечом — миниатюра «Комментариев к псалмам» Жильбера де ля Поре — рукописи второй половины XII в. Парижской Нац. библиотеки (Ms. lat. 12004, л. 1 об.). См. *J. Porcher. French Miniatures from Illuminated Manuscripts. London, 1960, p. XXX*; фрагмент росписи того же времени базилики св. Винченца в Авиле (музей Diocesano, Авилы) — *Arts Hispaniae. Historia Universal del arte Hispánico. Vol. VI. Madrid, 1950, p. 267, fig. 258*. Некоторые характерные произведения XIII в., в которых Павел изображен с мечом, отмечены нами в работе «Об одном изображении. . .», стр. 31.

¹⁵ Цит. по: *F. Münter. Sinnbilder und Kunstvorstellungen der alten Christen. Heft II. Altona, 1825, S. 35*. Не исключено, что некоторую роль в утверждении за Павлом этого атрибута сыграли приписываемые ему слова: «И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово божие» («Послание к ефессянам», VI, 17).

¹⁶ С XIV в. изображения Павла с мечом встречаем в армянских памятниках: Библия 1314 г. с миниатюрами 1358 г. (лл. 484 об., 486 об., 490 об.), принадлежащая Гладзорской школе [Ереван, Институт древних рукописей имени Месропа Маштоца (далее — Матенадаран), № 6230], Библия Есаи Нчеци 1318 г. (Матенадаран, № 206), золотая дарохранительница 1687 г., выполненная в Кесарии (Лиссабон, фонд Oeiras), серебряные накладки XVII—XVIII вв. из собрания Гос. Исторического музея в Москве и музея при кафедральном соборе в Эчмиадзине и др.

¹⁷ *H. Detzel. Christliche Ikonographie, II. Bd. Freiburg im Breisgau, 1896, S. 129*; *E. Mâle. L'art religieux du XIIe siècle en France. Paris, 1910, p. 359*; *K. Künstle. Ikonographie der Heiligen. 2. Freiburg im Breisgau, 1926, S. 489*; *L. Réau. Iconographie de l'art chrétien, t. III (3). Paris, 1959, p. 1039*.

¹⁸ Армянский текст издавался трижды: в 1883 г. О. Каррьером (*A. Carrière. Inscriptions d'un reliquaire arménien de la collection Basilewski. — «Mélanges Orientaux»*, Paris, 1883, p. 186—195); в 1889 г. Гевондом Алишаном (Сисван, Венеция, стр. 107—

и размещении персонажей и их атрибутов¹⁹, мы склонны видеть в изображении Павла на складне первого представителя «церкви воинствующей», отстаивающего с оружием в руках христианское вероучение от посягательств инаковерующих²⁰.

Следующим по времени памятником, в котором отразилось влияние западноевропейских образцов, является переплет рукописи из позолоченного серебра, выполненный в 1334 г. по заказу некоего монаха Григора в одной из мастерских Сиса²¹.

Тыльная сторона переплета украшена чеканным изображением сцены Рождества Христова (рис. 4). Композиция представлена в характерном для XIV в. варианте, включившем в себя несколько апокрифических эпизодов: славословие ангелов, поклонение волхвов, благоговение пастырям, купание младенца. Для нас особый интерес представляют фрагменты сцены с ангелами и волхвами.

Небесные посланники изображены на переплете коленопреклоненными — мотив чрезвычайно редкий в памятниках искусства христианского Востока²² и вполне обычный на Западе.

Волхвы представлены в средней части композиции, слева, перед полулежащей в пещере Марией и Христом в яслях подле нее. Тесное пространство вынудило мастера предельно сблизить фигуры, что не мешает, однако, четкости их восприятия. Первый волхв, коленопреклоненный старец, держит обеими руками сосуд с дарами; за ним стоит бородатый муж средних лет, указывающий на звезду и обернувшийся к находящемуся позади юному волхву, тоже изображенному в рост.

Компоновка персонажей рассматриваемой сцены, их типаж, жесты, атрибуты чрезвычайно близки широко распространенному в европейских памятниках варианту поклонения волхвов (рис. 5).

Э. Маль убедительно доказал, что этот вариант сложился под непосредственным воздействием литургической драмы и появился впервые на памятниках французского искусства конца XII в.²³ Поэтому в специальной литературе он получил название *Der Französische Schauspiel-Typus* («французский театральный тип»)²⁴. Очень скоро данный вариант поклоняющихся волхвов стал популярным в искусстве других европейских стран²⁵. С Запада в третьей четверти XIII в. он проник, по мнению С. Тер-Нерсисян, в киликийскую миниатюру²⁶ и, как видим, через столетия всплыл в серебрodelии этой страны²⁷.

108) и в 1964 г. С. Тер-Нерсисян (*Le reliquaire*. . . , p. 143—146). Фрагменты надписи в русском переводе приводились в моей работе «К вопросу о скевском складне. . . » (стр. 199, 201, 203). Полный русский перевод см. А. Я. Каковкин. Еще раз к вопросу о заказчике реликвария 1293 г. — «Лрабер», 1972, № 6. Ереван, стр. 82—84.

¹⁹ Аргументацию см. А. Я. Каковкин. К вопросу о скевском складне. . . , стр. 196—198.

²⁰ Вероятно, так осмысливали этот образ боровшиеся против усиливавшейся в это время миссионерской деятельности «латинян» в Армении такие люди, как Есая Нчеци — ректор Гладзорского университета, в чьей Библии (1318 г.) находим более десятка изображений апостола Павла с мечом. Подобное переосмысление символического значения этого атрибута на западноевропейских памятниках наблюдается лишь со времени контрреформации.

²¹ Иерусалим, собр. Армянского патриархата, № 2649. Литература: Г. Овсепян. Страница из истории. . . , стр. 30—36, рис. 10, 11.

²² Коленопреклоненных ангелов видим в сцене Рождества Христова на чеканной пластине XI в. из грузинского монастыря Моцаменто (Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959, рис. 108, 109, стр. 107—110).

²³ К. *Måle*. Op. cit., p. 270—271.

²⁴ H. *Hehrer*. Die Heiligen drei Könige in Literatur und Kunst, Bd. II. Leipzig, 1909, S. 75, 129.

²⁵ E. *Male*. Op. cit., p. 271. Примеры см. H. *Hehrer*. Op. cit., Abb. 54, 60, 159, 175 и. а.

²⁶ S. *Der Nersessian*. Le reliquaire. . . p. 142. Здесь же см. замечание автора о том, что в миниатюрах рукописей, связанных с Сисом, часто встречаются изображения поклоняющихся волхвов в сценах Рождества Христова, аналогичные рассмотренному.

²⁷ Тут уместно отметить и другую особенность переплета 1334 г., обусловленную как нам кажется, также европейским влиянием. Рельеф этого памятника, чеканенный

Однако армянский мастер, придерживаясь западного образца в трактовке поклоняющихся волхвов, включил их в композицию Рождества как один из составных эпизодов последней. В западном искусстве этого времени поклонение волхвов почти всегда имеет самостоятельное значение: короли-волхвы поклоняются младенцу Христу, изображенному, как правило, на коленях у сидящей Марии. Зато в восточнохристианском искусстве, и в частности армянском, волхвы часто включаются в сцену Рождества.

Верным восточнохристианской традиции мастер-армянин остался и в том, что волхвы представлены им в восточном типе. К тому же надели он их не коронами, как того требовала западная иконография, а традиционными для искусства православного Востока шапочками.

Оба заинтересовавших нас произведения — складень 1293 г. и переплет 1334 г. — принадлежат к немногочисленным памятникам художественного серебра Киликийской Армении. Отмеченные в них элементы западной иконографии (встречающиеся, как мы видели, и в армянской миниатюре) являются отражением тесных и разносторонних связей, которые Киликийская Армения на протяжении своего недолгого существования (1080—1375 гг.) поддерживала со странами Западной Европы и с латинскими государствами на Ближнем Востоке (Иерусалимское королевство, Антиохийское княжество, графства Триполи, Эдессы)²⁸.

Элементы западной иконографии прослеживаются не только на изделиях серебряников Киликийской Армении. С XV в. они встречаются в памятниках, созданных в районах Центральной Армении, в европейских и азиатских колониях армян-переселенцев. К последним относится серебряный золоченый переплет, исполненный в первой половине XV в. в Кафе (Феодосия, Крым)²⁹.

Верхняя крышка этого оклада занята Распятием, на нижней — Деисус.

Первая сцена представлена в типичном для армянских памятников сереброделия упрощенном варианте (рис. 6). По сторонам от пригвожденного к кресту Спасителя изображено двое предстоящих: Мария слева и Иоанн Богослов справа. В ногах Христа — череп Адама. Однако сразу бросаются в глаза необычные для армянских памятников некоторые особенности: отсутствие у Христа традиционного для искусства православного Востока крестчатого нимба (его заменяет потертый терновый венец) и пригвождение ног распятого одним гвоздем, что характерно для западной иконографии³⁰. Изображение распятого Спасителя, подобное нашему, широко распространено в европейском искусстве XIV—XV вв. — в резьбе по кости, в ювелирных изделиях, в художественном шитье, в монумент-

---

с оборота, создает впечатление почти круглой скульптуры. Подобного необычайно высокого рельефа в армянской пластике до этого времени мы не встречаем. Показательно, что столетием ранее и греческая скульптура со стороны техники испытала западное влияние (П. Б. Юргенсон. О франкском влиянии в византийской пластике XIII века. — «РАНИОН, Институт археологии и искусствознания. Труды секции археологии», IV. М., 1929, стр. 537—538). В это же время католические иконные композиции проникают в Синайский монастырь (K. Weitzmann. Icon Painting in the Crusador Kingdom. — DOP, 20, 1966, fig. 8, 16, 31, рис. 2, 41, 43).

²⁸ Проникновение влияний западноевропейской культуры в сферы деятельности армянского общества Киликии блестяще раскрыто И. А. Орбели (И. А. Орбели. Киликийская серебряная чаша. . ., стр. 266—274). Новые данные об усилении влияния «франков» в Киликийской Армении в XIII в. приводит С. Тер-Нерсисян в работе «Deux exemples arméniens de la Vierge de Miséricorde». — REArm., VII. Paris, 1970, p. 196—197.

²⁹ Ереван, Матенадаран, № 7691. Публикация памятника: А. Я. Какоекин. Образец армянского художественного серебра XV века. — «Банбер», № 10. Ереван, 1971, стр. 161—169.

³⁰ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 350.

тальной, станковой, миниатюрной живописи³¹. Отзвуки готики я дают себя знать на этом памятнике в трактованной с необычайной эпрессией фигуре Христа.

Изображение Христа в сценах Распятия с пригвожденными одним гвоздем ногами, появляющееся на Западе с начала XI в.³², с XIV столетия довольно часто встречается в армянских памятниках³³.

Вариант Деисуса (рис. 8) со стоящим Спасителем на памятнике XV воспринимается как пережиток архаизма³⁴, но мастер, чеканивший э сцену, привнес и некоторые новшества. Он представил Христа со стягом прикрепленным к древку с крестом трехконечным флагом. Этот атрибут символизирующий победу над смертью³⁵, имеет западное происхождение. Христос изображается с ним как правило в сцене Воскресения, нередко в Вознесении.]

С XIV в. изображения Христа с лабарумом встречаются в памятниках скульптуры армян Крыма (рельефы с изображением Воскресения в армянской церкви села Богатое близ Белогорска)³⁶.

Трактовка по канонам западной иконографии отдельных персонажей и целых композиций в памятниках миниатюры, скульптуры и фрески крымских армян объясняется специалистами влиянием на них европейского, в первую очередь итальянского, искусства. Это явление непосредственно было связано с усилением с XIV в. среди крымских армян-переселенцев деятельности католических миссионеров и крепнувшими связями армянского купечества с торговыми домами Италии. Не исключено что западные мотивы могли проникнуть сюда и опосредованно — через рукописи, поступавшие в Крым в большом количестве в конце XIV в. с эмигрантами из Киликийской Армении.

В отличие от своих собратьев в Киликии армянские мастера — живописцы и ювелиры, работавшие в Крыму, были менее самостоятельны в интерпретации заимствований из европейских памятников. Как правило, они шли по пути откровенной эклектики, без всяких изменений перенося в свои произведения тот или иной образ или мотив, а порою и всю композицию целиком из европейских памятников.

Аналогичное явление наблюдаем в армянских памятниках XVI и последующих столетий.

Так, на лицевой стороне серебряного переплета рукописи 1577—1579 гг. из Хизана (Г. Овсепян, опубликовавший памятник, полагал, что оклад Евангелия одновременен рукописи и является работой писца

³¹ Несколько характерных примеров: ряд складней из слоновой кости армитажного собрания, триптих, «убранный розами» (середина XIV в.), в Клуэни, литая пелена 1350 г. из Метрополитен музея, рельеф с Распятием (1266—1269) Николо Пизано из Сиенского собора, средник алтаря Пахлера (1400) из Национального музея в Мюнхене, миниатюра Псалтири 1295 г. из Британского музея и др.

³² В качестве раннего примера см. Распятие из Вюрцбурга (1000 г.) — *H. Read. Art. and Society. London, s. a., pl. 37.*

³³ Отметим несколько примеров изображения распятия в армянских рукописях, где ступни Христа пригвождены одним гвоздем: Библия Есаи Нчеци 1318 г. (л. 509) — Матенадаран, № 206; Евангелие 1329 г. (л. 23 об.) — Матенадаран, № 7650; Библия 1314 г. с миниатюрами 1358 г. (л. 444) — Матенадаран, № 6230 (все рукописи принадлежат Гладзорской школе); Евангелие 1397 г. (л. 7) из Хизана — Матенадаран, № 121; крымская рукопись 1401 г. (л. 107 об.; рис. 7) — Матенадаран, № 3363; киликийское Евангелие с миниатюрами 1444 г. (л. 8) — Матенадаран, № 5784 и др. В таком же типе предстает Христос на напрестольном кресте XV—XVI вв., возобновленном в 1620 г. [А. Я. Каковкин. Серебряный крест из Загорска с армянскими надписями. — «Историко-филологический журнал АН АрмССР», № 4, (47). Ереван, 1969, стр. 283—285, рис. 1].

³⁴ А. Я. Каковкин. Серебряный оклад 1255 г. евангелия 1249 г. — «Баянбер», № 9, Ереван, 1969, стр. 166—167.

³⁵ Н. П. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876, стр. 171.

³⁶ А. Л. Яковсон. Армянский монастырь XIV в. близ Белогорска в Крыму. — «Историко-филологический журнал АН АрмССР», № 4 (27). Ереван, 1969, стр. 230—235.

и чеканщика Мартироса)³⁷ вычеканено Распятие (рис. 9). В этой сцене два мотива указывают на западный прототип композиции — рыдающая у подножия креста коленопреклоненная Мария Магдалина и кормящий птенцов пеликан³⁸.

По-видимому, под влиянием западноевропейских произведений трансформируется в большинстве армянских памятников и образ Григория Просветителя. Образ святого, сложившийся во времена так называемого «вселенского согласия» и соответствовавший принятому на православном Востоке типу святителя (в фелони, омофоре, без головного убора, с книгой в левой руке и благословляющей десницей)³⁹ вытесняется новым. Теперь обычно Просветитель предстает в митре (иногда — в тиаре) и с епископским посохом в руке. Таким мы видим его, например, в мишени львовского «ковша отца Иоанна» 1549 г.⁴⁰, на дне чаши конца XVI в. из Гос. Исторического музея в Москве⁴¹, в многочисленных поздних памятниках скульптуры, шитья, живописи⁴².

Вопрос об элементах западной иконографии в произведениях армянских ювелиров, разумеется, не исчерпывается приведенными примерами. Заимствованные, вероятнее всего, из миниатюры, эти элементы появились в армянском серебрodelии во второй половине XIII в., с каждым столетием все больше и больше отвоёвывая себе места. В памятниках XVII—XVIII вв. (особенно тех, которые были созданы в европейских колониях армян-переселенцев) трактовка по западным иконографическим канонам отдельных образов и целых сцен становится вполне обычной. Это явление, постоянно отмечаемое исследователями, но почти не нашедшее должного объяснения в научной литературе⁴³, требует пристального изучения. В данной работе мы, сознательно ограничивая себя ранними памятниками, лишь отметим некоторые характерные особенности, присущие поздним памятникам.

В армянских художественных изделиях ювелиров, как и в миниатюре, скульптуре, шитье, постоянно встречаются изображения Спасителя, увенчанного терновым венцом; Распятие трактуется по готической схеме (с одним гвоздем); в Воскресении изображается вылетающий из гроба Христос со знаменем (рис. 10); в Благовещении часто Мария предстает коленопреклоненной перед аналоем, а Гавриил с лилией в руке (рис. 10); святой Георгий поражает крылатого дракона; Григорий Просветитель изображается в типе католического епископа. Со временем завоевывают популярность такие типично западные сюжеты, как Коронавание и Прославление Марии (рис. 11).

³⁷ Иерусалим, собр. Армянского Патриархата, № 2569; Г. Овсепян. Страница из истории... стр. 45—49, рис. 15, 16.

³⁸ Н. В. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. СПб, 1898, стр. 384. В армянской миниатюре пеликан в распятии попадает с XV—XVI вв. (F. Macler. Documents d'art arméniens. Paris, 1924, pl. XXIII, fig. 52; pl. LXX, fig. 162).

³⁹ Примеры и литературу по этому вопросу см. А. Я. Каковкин. Об изображении Григория Просветителя на реликварии 1293 г. — «Лрабер», 1971, № 11. Ереван, стр. 84—88.

⁴⁰ Ленинград, Эрмитаж, № Вз-792. Публикация: И. А. Орбели. Два серебряных ковша XVI века с армянской и греческой надписями. — ХВ, т. V, вып. 1. Пг., 1916, стр. 1—9, табл. I—III.

⁴¹ Москва, ГИМ, № ОК 4486, 53030/652. Памятник не издан.

⁴² Примеры XVII в.: рельеф на фасаде церкви монастыря св. Фаддея в Иранском Азербайджане, шитый чехол рукописи Матенадарана № 6774, епитрахиль 1654 г. (Эчмиадзин, музей при кафедральном соборе, № 67), серебряный оклад 1670 г. иконы Просветителя, хранившейся в армянском соборе во Львове и др.

⁴³ Исключение можно сделать для ювелирной школы армян Кесарии второй половины XVII в., которой посвящена обстоятельная работа Арутюна Курдяна «Серебряные переплеты ювелирной школы Кесарии» («Хаск», № 1, Антиляс, 1948, стр. 51—61, на арм. яз.). См. также его сообщение: An Armenian Silver Binding Dated 1653. — «The Princeton University Library Chronicle», v. VII, April 1946, № 3, p. 118—119.

Влияние Запада сказывается и в подходе к композициям. Сцены личаются многоплановостью построений, перегружаются действующими лицами и сложным архитектурным стаффажем. Излюбленными декоративными мотивами становятся «барочные» раковины, завитушки, пышные растительные побеги.

Европейские заимствования все настойчивее и настойчивее проявляются в формах предметов как светского, так и церковного обихода, в технических приемах армян-ювелиров.

Не следует, однако, думать, что армянское серебрodelie лишь впитывало в себя иноземные влияния. На различных этапах развития мастера сами оказывали заметное воздействие на своих собратьев по ремеслу из других стран (как это было, например, в ряде центров ювелирного производства Молдавии⁴⁴, Сирии⁴⁵, Турции⁴⁶, Польши⁴⁷).

Анализ наиболее ярких примеров заимствований армянскими мастерами золотого и серебряного дела элементов западной иконографии позволяет полнее представить сложность и многоплановость развития ювелирного искусства средневековой Армении.

---

⁴⁴ С. Nicolescu. Orfèvrerie laïque et religieuse des pays Roumains XIVe—XIXe siècles. Bucarest, 1968, p. 383—384.

⁴⁵ Т. Гольдберг, Ф. Мишуков, Н. Платонова, М. Постникова-Лосева. Русское золотое и серебряное дело XV—XX веков. М., 1967, стр. 35.

⁴⁶ Там же; А. Сагян. Армянское ювелирное искусство в Константинополе в XVIII—XIX веках. — «Анаит», № 5, 6. Париж, 1930 (на арм. яз.).

⁴⁷ W. Łoziński. Złotnictwo lwowskie (Biblioteka Lwowska, XV—XVII). Lwów, 1911—1912.

Д Ъ Е Р Д Ъ Р У Ж А

К ИКОНОГРАФИИ ГЕОРГИЯ УГРИНА

Кульٹ Бориса и Глеба довольно многосторонне освещен как в русских, советских, так и в зарубежных работах¹. Изучалось его историческое значение, внимание исследователей привлекла также связь между письменными источниками и изображениями Бориса и Глеба в искусстве. Но относительно мало была изучена иконография слуги Бориса — отрока Георгия Угрина. Его образ и в литературе, и в живописи представляет интерес с точки зрения не только идейного содержания, но и историко-культурных связей между Древней Русью и венграми. Цель настоящей статьи — показать историческое и культурное значение этого образа, а также его специфику в живописи.

Георгий Угрин (т. е. венгр) упомянут во многих древнерусских письменных источниках (в венгерских текстах он не встречается). Эти источники, возникшие вскоре после смерти самого Георгия Угрина, дошли до нас в поздних списках. Его имя сохранили и летопись², и анонимное Сказание³, и даже «Чтение» Нестора⁴, хотя в последнем не упоминается его имя, а просто пишется о верном слуге Бориса.

Все эти произведения связаны с житием Бориса и Глеба. К иному источнику восходит Патерик Киево-Печорского монастыря. Здесь дается житие Моисея Угрина, в котором идет речь и о Георгии: «Увѣдано

¹ Приведем важнейшие работы: *И. И. Срезневский*. Сказания о св. Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. СПб., 1860; *П. Л. Гусев*. Новгородская икона свв. Бориса и Глеба в деяниях. — Вестник археологии и истории, 1898, т. X, стр. 86—108; *Н. П. Лихачев*. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба (по рукописи конца XV столетия). М., 1907; *Д. В. Айналов*. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. IV. Миниатюры Сказания о св. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. — ИОРЯС, т. XV, 1910, кн. 3, стр. 1—128; отд. оттиск — СПб., 1911; *Д. И. Абрамович*. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. — «Памятники древнерусской литературы», вып. 2. Пг., 1916; *А. В. Арциховский*. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 157—176; *В. И. Лесючевский*. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. — СА, 1946, т. VIII, стр. 225—247; *Э. С. Смирнова*. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи. — ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 312—324; *L. Müller*. Neuere Forschungen über das Leben und die Kultische Verehrung der Heiligen Boris und Gelb. — «Opera Slavica», IV. Beiträge zum V. Internationalen Slawisten Kongress». Göttingen, 1963, S. 295—317; *А. В. Понна*. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе. — ТОДРЛ, т. XXII, 1966, стр. 24—45; Die altrussischen hagiographischen Erzählungen über die Heiligen Boris und Gelb. Nach der Ausgabe von Abramovic in Auswahl neu herausgegeben und eingeleitet von Ludolf M. Puller. Wilhelm Fink-Verlag, München, 1967; *М. Х. Алешковский*. Русские глебо-борисовские энколпионы 1072—1150 годов. — «Древнерусское искусство, Художественная культура домонгольской Руси». М., 1972, стр. 104—125.

² Летописная повесть об убийстве свв. мучеников Бориса и Глеба. См. *Д. И. Абрамович*. Указ. соч., стр. 67—90.

³ Сказание о свв. мучениках Борисе и Глебе. См. *Д. И. Абрамович*. Указ. соч., стр. 1—26.

⁴ Чтение о свв. мучениках Борисе и Глебе. См. *Д. И. Абрамович*. Указ. соч., стр. 1—26.

бысть о семь блаженномъ Моисѣи Угринѣ, яко любимъ бѣ святымъ Борисомъ. Сей бо бысть угрин родомъ, братъ же Георгѣа, на него же свя-
тый Борисъ вложи гривну злата, его же убиша съ святымъ Борисомъ
на Алтѣ, и главу его отрѣзаша, златыа ради гривны»⁵.

Существует еще житие третьего брата, Ефрема Угрина, в котором
имеется много интересных сведений о Георгии⁶. К сожалению, оно дошло
до нас в довольно поздней и не совсем удачной редакции и с точки зре-
ния сложения иконографии образа Георгия большого значения не имеет.

* * *

Обратимся к известным нам изображениям Георгия Угрина. Мы по-
лагаем, что большую помощь нам может оказать иконографический метод —
именно подробное описание памятников и последующая их классифи-
кация необходимы для объективной интерпретации нашей темы.

Вопроса о связи между иконографическим изображением и письмен-
ными источниками, с которым мы будем иногда сталкиваться, мы соз-
нательно не касаемся. С одной стороны, материал, связанный с обра-
зом Георгия Угрина, по нашему мнению, для этой цели недостаточен;
с другой стороны, мы разделяем мнение А. В. Поппа⁷, скептически от-
носившегося к этой проблеме.

Георгий Угрин обычно изображается рядом с Борисом (об единствен-
ном исключении, где отдельное изображение Георгия в итоге также свя-
зано с Борисом, речь пойдет ниже). Поскольку до нас не дошло ни од-
ного житийного изображения св. Бориса и Глеба домонгольского вре-
мени, нам неизвестны и первые изображения Георгия Угрина.

Самое раннее известное изображение Георгия Угрина относится к бо-
лее позднему времени, чем первые упоминания о нем в агнографической
литературе. Впервые мы встречаемся с Георгием в четырех клеймах
иконы «Борис и Глеб с житием»⁸, относящейся ко второй четверти XIV в.
и находящейся в Государственной Третьяковской галерее. Икона про-

⁵ Д. И. Абрамович. Патерик Киевского печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 102; см. еще: Д. И. Абрамович. Клево-Печерский Патерик. Киев, 1930; *Igllii Endre. Magyar Mőzes legendája*. — *Filológiai Közlöny*, 1962, VIII, évf. 1—2. szám, 1—16 old.; *Das Paterikon des Kiewer Höhlenklosters. Nach der Ausg. von D. Abramovic* (hrg. von Dmitrij Tschizewskij. München, Eidos, 1964).

⁶ Изложение жития Ефрема Угрина (Новоторжского) см. Макарий (Архиепископ харьковский). История русской церкви, т. 1. СПб., 1868, стр. 211 и сл. О проблематичности его жития см. В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, т. 1. М., 1871, стр. 335 и след.; Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, 2-я половина. М., 1904, стр. 755 и сл.; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 386 и сл.; Библиографию о нем см. В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указанием. II. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., № 892, № 673, стр. 79 и сл.

⁷ А. В. Поппа. Указ. соч.

⁸ «Борис и Глеб с житием». — ГТГ, 28757. В каталоге ГТГ и в юбилейном каталоге Андрея Рублева икона датируется началом XIV в. (В. И. Антонова, Н. Е. Мневa. Каталог древнерусской живописи XI—начала XVIII в. в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 244; Каталог выставки, посвященной шестисотлетию юбилею Андрея Рублева. М., 1960, стр. 26). По В. Н. Лазареву, она относится к середине XIV в. (В. Н. Лазарев. «История русского искусства», т. III. М., 1955, стр. 74, 76; его же. Фрески Ладого. М., 1960, стр. 41; его же. Московская школа иконописи. М., 1971), а по Н. А. Деминной — ко второй половине XIV в. (Н. А. Деминна. Черты героической действительности XIV—XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга. — ТОДРЛ, т. XII, 1956, стр. 313). По В. К. Лауриной, одежды частично были переписаны в XV в. (В. К. Лаурина. Две иконы новгородского Зверина монастыря (к вопросу о Новгородской иконописи первой половины XIV века). — «Сообщения Государственного Русского музея», VIII, 1964, стр. 107). По В. И. Антоновой и В. Н. Лазареву, кафтаны и плащи центральных фигур были поновлены после пожара XVI века. (В. А. Антонова, Н. Е. Мневa. Указ. соч., стр. 244; В. Н. Лазарев. Московская школа. . . , стр. 7).

исходит из Коломны, которая была присоединена к Московскому княжеству в 1302—1307 гг.

Первая сцена (четвертое по порядку клеймо) представляет молитву Бориса, позади которого стоит Георгий Угрин в длинной красной отроческой одежде.

Следующее клеймо — на правом поле, второе сверху — представляет спящего Бориса. В композиции даны только важнейшие элементы. Почти посредине — черный зверь, напоминающий волка (как известно в Древней Руси волк вообще символизирует близость смерти). «Ограничившись лишь самым необходимым для изображения данной сцены, — пишет В. Н. Лазарев, — художник акцентировал в композиции образ черного зверя, чей темный силуэт зловеще выделяется на белом фоне»⁹. К Борису участливо склоняется Георгий Угрин. Письменные источники, в которых Георгий играет большую роль, в этой сцене о нем не упоминают. Но о Георгии часто повествуется в сценах, следующих за сном Бориса. Например, в «Сказании» рассказывается о том, как он утешает своего «милого господина». На иконе художник выделил его образ, как бы обращая внимание на сочувствующего верного слугу. Фигура отрока и по композиции, и по колориту представляла особый интерес для художника. Например, темной одежде Бориса и черному силуэту зверя великолепно противопоставлена красная отроческая рубаха.

Следующее клеймо — на левом поле, второе сверху — посвящено теме убийства Бориса и Георгия Угрина. Надпись: «Убиша Бориса по [том] Геор[гию] [отсе]коша гла[ву]». Композиция очень проста. Она построена в форме пирамиды, которую повторяет треугольник шатра. Один из убийц пронзает мечом Георгия Угрина, защищающего Бориса. Все фигуры — и убийцы и Георгий — склонены к лежащему на земле Борису. Талантливый иконописец сумел великолепно «сгустить» и построить композицию. Возможно, что и подобное построение художник заимствовал из миниатюры какого-либо лицевого жития Бориса и Глеба, похожего, например, на так называемый Лихачевский сборник, относящийся к концу XV в.¹⁰, но, само собой разумеется, более раннего по времени. В сборнике Лихачева, о котором речь пойдет позже, на одной из миниатюр два воина перед шатром пронзают князя. Здесь мы видим и одного воина с мечом, а перед ним двух отроков на коленях.

На следующей миниатюре изображен один убийца с мечом и Георгий Угрин с отрубленной головой. Надпись: «Георгию отсекоша главу». Но наш мастер в отличие от миниатюриста, имевшего в своем распоряжении гораздо больше места, располагал ограниченным числом клейм. Вот почему он слил две сцены в одну. Существует и иное мнение. Э. С. Смирнова связывает возникновение композиции этого клейма иконы с письменными источниками. «Чтение» Нестора она исключает. «По "Чтению" Нестора, Борис получает рану в шатре, выбегает, и «един от губитель» убивает его. Связь композиции клейма с «Чтением» следует отвергнуть ввиду умолчания «Чтения» о Георгии, занимающем в этой сцене, как и в предшествующих, значительное место»¹¹. Но Э. С. Смирнова исключает и «Сказание», связывая это клеймо с летописью. «Ввиду того, — пишет она, — что в иконе отсутствует описываемый "Сказанием" эпизод, по которому раненый Борис выбегает из шатра, молится и умирает, можно предположить, что икона следует версии летописи, где этого эпизода также нет»¹². Какой бы логичной ни была аргументация Э. С. Смирновой, она не может быть правомерной, потому что в ней игнорируется своеобразие житийной иконы. Нам представляется более

⁹ В. Н. Лазарев. Московская школа. . . , стр. 7.

¹⁰ См. Н. П. Лихачев. Указ. соч.

¹¹ Э. С. Смирнова. Указ. соч., стр. 316.

¹² Там же, стр. 317.

справедливым мнение А. В. Поппэ, который отвергает все письменные источники и ищет прообраз для этой композиции в изобразительном искусстве. По его мнению, мастер «мог располагать уже более приспособленным для его труда источником не литературным, но изобразительным»¹³. Интересно, что и надпись клейма (слово «потом») тоже доказывает, что речь идет об объединении двух сцен, т. е. двух миниатюр, похожих на миниатюры Лихачевского сборника¹⁴.

Итак, упрощение сцены объясняется прежде всего своеобразием житийной иконы (т. е. наличием определенного числа клейм, их размером и т. д.), а также индивидуальным изобразительным мышлением мастера. Конечно, мы не утверждаем, что невозможно найти связь между конкретным письменным источником и иконографическими схемами, но в некоторых случаях — хорошим примером является именно рассматриваемая икона — указанные признаки (есть конечно и другие) осложняют и часто делают невозможным исследование такого рода. Следует подчеркнуть, что своеобразие житийной иконы одновременно влияет и на содержание и на форму композиции.

Последнее клеймо, изображающее Георгия Угрина, находится на левом поле (пятое сверху). Надпись утрачена, но очевидно, что это именно та сцена, где Борис предрекает Георгию мучительную смерть. Святой стоит в печальной позе перед сидящим князем. Согласно Э. С. Смирновой, эта сцена по логике рассказа должна была бы помещаться перед изображением молитвы князя, и подобное перемещение сцены, по мнению исследователя, свидетельствует об использовании художником лицевой рукописи с перепутанными листами¹⁵. Однако мы считаем, что все-таки можно найти какую-то логику в порядке клейм. Например, именно с этой сцены (т. е. с пятого клейма сверху, помещенного на левом поле), на которой Борис предвидит свою смерть от Святополка, начинается назидательная история о злодее Святополке. Можно представить, что иконописец не следовал механически за житием, а сам, по своему представлению группировал события. Хорошо пишет об этом А. В. Поппэ: «...ведь иконный мастер должен был поместить всю серию на 16 (максимум 20) клеймах. Поэтому он и «сгущал» композицию, и пропускал некоторые сцены, пренебрегал хронологической последовательностью»¹⁶.

Интересно, что эта икона, являясь самым ранним дошедшим до нас изображением Георгия Угрина, представляет собой первое изображение предметов русского ювелирного искусства, имеющих какое-то отношение к венгерскому персонажу: на всех четырех клеймах на шее отрока Угрина видна золотая гривна.

Следует обратить внимание на три лицевых сборника, в которых на многих миниатюрах изображен Георгий Угрин.

Самым ранним из них является Сильвестровский сборник¹⁷, относящийся ко второй половине XIV в. Миниатюры этого сборника делятся на две части: одна связана с житием св. Бориса и Глеба, а вторая с их чудесами.

Первая миниатюра, на которой виден Георгий Угрин, представляет сцену, когда Борис молится в шатре перед иконой Христа (в сборнике есть еще одна миниатюра, посвященная молитве Бориса, но уже без фигуры Георгия Угрина). На Георгии здесь не та простая отроческая

¹³ А. В. Поппэ. Указ. соч., стр. 39.

¹⁴ А. В. Поппэ относится к этой проблеме несколько умозрительно и забывает, что так называемый Лихачевский сборник написан в конце XV в., а икона не позднее середины XIV в., следовательно, этот сборник не мог служить источником для иконы (см. А. В. Поппэ. Указ. соч., стр. 39.)

¹⁵ Э. С. Смирнова. Указ. соч., стр. 319.

¹⁶ А. В. Поппэ. Указ. соч., стр. 39.

¹⁷ ЦГАДА, собр. Моск. синод. типографии, № 1 (53). Сильвестровский сборник.

одежда, какую мы видели на иконе. Он одет в длинную рубаху, на ногах красивые сапоги. В его одежде преобладают серые и коричневые тона. Миниатюра интересна прежде всего тем, что здесь перед нами редкая деталь — Георгий держит в руке открытую книгу. Этим подчеркнуто его участие в молитве князя Бориса.

Более активную роль Георгий играет в другой миниатюре сборника, дошедшей до нас в довольно плохой сохранности. Когда воины убивают Бориса, Георгий, стоя на коленях, защищает князя. Любопытно, что в этой сцене на его шее нет золотой гривны, а виден только широкий ворот рубахи. Этот факт позволил исследователям сделать ряд выводов, связывающих миниатюру с письменными источниками, на которых мы не останавливаемся¹⁸.

Георгий Угрин изображен и во второй группе миниатюр, которая показывает чудеса князей. Самой интересной миниатюрой является та, на которой «Миронегу явистася во снѣ святая Борисъ и Гльбъ и цѣлиста ему ногу». Здесь Георгий Угрин держит свечу. Однако мы не знаем ни одной иконы, в клеймах которой он был бы изображен со свечой. И в этом случае можно сослаться на своеобразие житийных икон, в которых мастера вынуждены были ограничиваться изображением меньшего числа сцен, чем в лицевых сборниках.

Следующий, уже упомянутый нами Лихачевский сборник включает в себя самое своеобразное и самое интересное изображение Георгия Угрина. Этот сборник находился в богатом собрании Н. П. Лихачева, и, по его мнению, наиболее вероятным временем написания этого сборника, содержащего 32 миниатюры, является конец XV столетия или в крайнем случае первые годы XVI в.¹⁹ С Георгием мы встречаемся первый раз на пятой миниатюре.

В центре стоит Борис и молится перед иконой святого Николая, тогда как в Сильвестровском сборнике он молится перед иконой Христа. С правой стороны лицом к зрителю стоит Георгий Угрин. На следующей миниатюре справа также изображен отрок. Видимо, это тоже Георгий, выделенный как любимый отрок Бориса. Здесь князь молится перед иконой Смоленской богородицы, хотя в тексте стоит: «начя молитися, зря на икону образа Господня». Этот факт является также доказательством того, что иконография не следует точно и за тем текстом, который непосредственно иллюстрирует миниатюру.

Восьмая по порядку миниатюра Лихачевского сборника занимает своеобразное место в иконографии Георгия Угрина. Он изображен здесь не при Борисе, а отдельно. Здесь представлена сцена убийства Георгия. В центре композиции — воин, который отсекает ему голову. Истекающий кровью обезглавленный Георгий Угрин лежит на земле, рядом — его отсеченная голова. Надпись точно определяет персонаж и объясняет сцену.

На этой миниатюре нет никакой золотой гривы ни на шее Георгия, ни в руке убийцы. Следовательно, золотая гривна не является необходимым его атрибутом. Правда, по сути дела сама эта сцена доказывает существование золотой гривны, потому что именно из-за нее отрубили голову Георгию. Кроме того, в тексте сборника точно написано, что золотая гривна была на его шее: «со Георгия же могущие сняти гривны златыя и отсѣкоша же главу его»²⁰ (здесь тоже видна разница между текстом сборника и его миниатюрами). Это отдельное изображение Георгия Угрина свидетельствует о том, что он был известным лицом в эпоху русского средневековья.

¹⁸ См., например, Д. Айналов. Указ. соч., стр. 63.

¹⁹ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 25.

²⁰ Там же, стр. 27.

В этом же сборнике виден Георгий Угрин и на той миниатюре, где «св. князя Борисъ и Глѣбъ въ сопровождении отрока Георгия исцѣляють отрока съ сухою и скорченною ногою»²¹.

В лицевом сборнике Уварова²², относящемся к XVI в., изображения Георгия Угрина, как и других лиц, близки к аналогичным изображениям в Сильвестровском сборнике. Например, на миниатюре «Молитва Бориса» совпадает ряд иконографических деталей: поза и положение рук, одежда и книга. В сцене «Убиения» сходны поза, руки и одежда (хотя в Уваровском сборнике сапоги Георгия не видны — наверное из-за плохой сохранности миниатюры, — а на рубахе меньше складок).

А. В. Арциховский подробно сравнивает все детали миниатюр и надписей и на основе этого приходит к справедливому выводу, что мастер Уваровского сборника ни в коем случае не является оригинальным художником²³.

Более художественно самостоятельна икона «Владимир, Борис и Глеб с житием Бориса и Глеба» относящаяся к первой половине XVI в.²⁴ В клейме «Молитва Бориса перед шатром» изображен Георгий, стоящий за князем. Хорошо видна золотая гривна на его шее. Следующее клеймо — на левом поле, второе сверху — представляет сцену убиения. Георгий стоит на коленях и пытается заслонить князя. Центр композиции смещен влево, сюда обращены и фигуры воинов, убивающих Бориса и Георгия. Вся композиция изыскана, все детали, в том числе и гривна на шее, тонко выполнены, позы Бориса и Георгия соответствуют их душевному состоянию. На этих двух клеймах, как и на других, — несколько усиливается иллюстративное начало.

К этому же веку относятся две житийные иконы Бориса и Глеба. Они происходили из новгородской церкви Бориса и Глеба «в Плотенском конце» и погибли во время Великой Отечественной войны. Поэтому нам они известны только по изложению П. Л. Гусева²⁵ и Д. А. Ровинского²⁶ и по воспроизведениям, прилагающимся к статье П. Л. Гусева.

Одно из клейм первой иконы изображает молитву Бориса. Своеобразием этого клейма является то, что на нем помещены две сцены, что позже мы увидим и на других иконах. Сцена «Молитвы» занимает правую сторону клейма. А на левой стороне виден Борис, идущий против печенегов. «Св. Борисъ воста иде противу печенеговъ и св. Борисъ молится на пути въ шатръ». Эти два сюжета разделены чертой. На Борисе исподнее и шуба. На Георгии Угрене одежда длиннее, чем на ранее встречавшихся изображениях. В некоторых местах на ней виден узор. П. Л. Гусев не упоминает, была ли на шее золотая гривна, а по несовершенным воспроизведениям судить трудно. Узор вокруг шеи может быть и узором отороческой одежды, так как он похож на узор, украшающий пояс.

На клейме «Убиение» князь лежит на постели, а над ним — верный отрок Георгий Угрин, защищающий его своим телом. Их обоих воины пронзают копьями. Надпись: «Заклаша копиемъ въ шатръ св. Бориса

²¹ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 28.

²² ГИМ, Увар. 628.

²³ А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 172.

²⁴ ГТГ, «Владимир, Борис и Глеб, с житием Бориса и Глеба», 14247. По Н. П. Лихачеву, она относится «к концу первой половины XVI столетия» (Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 34); по Н. Е. Мневой («История русского искусства», т. III. М., 1955, стр. 570), — к первой четверти XVI века или, точнее к 20-м годам XVI в. (там же, стр. 565), по В. И. Антоновой — также к первой четверти XVI века (В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Указ. соч., т. II, стр. 60), по А. И. Некрасову — к 1520 г. (А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, М., 1937, стр. 265, рис. 188).

²⁵ П. Л. Гусев. Указ. соч.

²⁶ Д. А. Ровинский. История русского иконописания. — «Записки Русского Археологического общества». Первая серия, т. VIII, стр. 57—59, 64, 65, 69. Д. А. Ровинский занимается подробно только одной — в нашей статье первой — иконой, и относит ее к «специально новгородскому письму».

и Глѣба брата его» — видимо, ошибочна. П. Л. Гусев подчеркивает, что слова «и Глѣба брата его», по всей вероятности, являются добавлением, о чем свидетельствует и то, что именно эти слова плохо композиционно связаны с фоном. Наверное, какой-то поздний реставратор плохо знал житие Бориса и Глеба и принял отрока Георгия Угрина за князя Глеба. Этот исключительный факт, конечно, не является доказательством того, что Георгий Угрин не был популярным или известным в позднее время.

Имелись изображения Георгия Угрина и на не дошедшей до нас новгородской иконе XVI в., изображавшей житие Бориса и Глеба, и имевшей дату: 1545 год. Об этой иконе довольно мало сведений. Макарий упоминает, что она написана «повелением раба божия Никифора»²⁷. П. Л. Гусев также уделил ей мало внимания, потому что когда он видел эту икону (т. е. в 1897 г.), она была уже значительно переписана и покрыта медным посеребренным окладом (в 1839 г.). Ввиду того, что нет репродукций с этого произведения, нам остается удовлетвориться только изложением П. Л. Гусева, написанным в конце прошлого века. В связи с клеймом «Убиение Бориса» он пишет: «На датированной же иконе XVI века, если верить металлическому окладу, шатра вовсе нет. На правой стороне двухэтажное здание с круглой крышей и воротами, посередине (так что дело происходит как бы на улице) св. Борис падает с согнутыми только коленями, а Георгий, изогнувшись под прямым углом, обхватывает его руками, три воина, одинаково одетые, в шлемах поражают их копьями»²⁸.

В Государственной Третьяковской галерее хранится икона XV в. с изображением Бориса и Глеба, врезанная в икону, относящуюся к 1620-м—1630-м годам²⁹. На четвертом и пятом клеймах изображен Георгий Угрин. На этот раз он является участником многофигурных сцен. Мастер-иконописец передал в них много деталей современного ему быта. Хорошим примером этого служит именно изображение золотой гривны на шее Георгия. Для иконописца XVII в. было уже не совсем понятно выражение «гривну златую», поэтому он изображал какое-то жемчужное ожерелье в золотой оправе — ювелирное изделие, более распространенное в то время³⁰. На этой житийной иконе мы наблюдаем одну важную черту иконографии Георгия. Пятое клеймо делится на две сцены (подобное разделение клейма, связанного с Георгием, было, вероятно традиционным: мы уже видели его на одной из рассмотренных выше икон и встретим и на следующей иконе). В одной из них Георгий изображен на переднем плане и является главным ее героем. То, что ему посвящена отдельная сцена, свидетельствует о том, что художник глубоко понял роль Георгия и что личность последнего в XVII в. становится еще более известной и популярной.

Доказательством популярности Георгия являются и иконные створки, относящиеся к 1673 г. Остановимся на них немного подробнее: с одной стороны, они имеют не меньшее значение в развитии иконографии Георгия Угрина, чем предыдущая икона, а с другой, эти створки мало изучены и еще не получили полной музейной обработки³¹. Они поступили в Государственный Русский музей из собрания Н. П. Лихачева в 1913 г. Возможно, они относились к складному триптиху, утеранный средник

²⁷ Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, т. II. М., 1860, стр. 81.

²⁸ П. Л. Гусев. Указ. соч., стр. 101.

²⁹ ГТГ, инв. № обеих икон 12867. Борис и Глеб, с житием. Средник: XV век. Новгородская школа. На раме — житие: 1620—1630-е гг. Московская школа.

³⁰ Ср. Э. С. Смирнова. Указ. соч., стр. 324.

³¹ Пользуясь случаем выразить глубокую благодарность научным сотрудникам Отдела древнерусской живописи Государственного Русского музея, любезно предоставившим мне возможность изучить эти иконы.

которого изображал Бориса и Глеба³². Обе створки можно датировать на основании полустертой надписи на нижних полях: «написано бысть сие деяние. . . в лето 7181 (1673) июля в 24 день на праздник святых праведных страстотерпцев благоверных князей Бориса и Глеба в лавру. . . верую многогрешного раба божия Бориса Казынина»³³.

Из десяти клейм первой створки выделим только одно; третье клеймо на левом поле, второе сверху, которое изображает две сцены. На левой части клейма Борис молится перед иконой святого Спаса. Георгия с ним здесь нет. Но в правой сцене клейма виден Георгий при убиении Бориса. На полустертой надписи можно прочесть «Борис Георгий». На фоне шатра три воина длинными копьями пронзают лежащего князя. Над ним склоняется Георгий, защищая его своим телом. Эта небольшая сцена содержит в себе много тонких деталей. Жесты и позы выразительны, особенно у Георгия Угрина, который, корчась от боли и страдания, благоговейно и трогательно склоняется над телом поверженного князя.

В заключение можно упомянуть еще одну незначительную икону, изображающую Георгия Угрина в житии Бориса и Глеба. Эта икона также находилась в собрании Н. П. Лихачева³⁴. По его мнению, ей было «не более как столеток» (т. е. она написана не ранее начала XIX в.) и она представляет собой типичный пример «новых подражательных писем»³⁵.

* * *

Мы рассмотрели важнейшие изображения Георгия Угрина и на основе изложенных данных сделали некоторые выводы. Попытаемся выделить важнейшие из них, систематизировать их и подвести итоги.

Георгий Угрина всегда изображают в отроческой одежде, как и всех отроков, — безбородым. Среди других отроков его выделяет золотая гривна на шее, хотя часто он встречается и без нее. На поздних изображениях золотая гривна часто превращается в ожерелье, т. е. в современное художнику украшение. Реже он изображается со свечой или с книгой в руке.

Кроме этих атрибутов (отроческая одежда, золотая гривна, свеча, книга), его можно узнать и по месту в композиции — его изображают подле Бориса. Нам встретилось лишь одно исключение, которое, как уже говорилось, подчеркивает значение этого персонажа.

Действие (поступок) тоже раскрывает образ Георгия Угрина. Во всех сценах он принимает активное участие. Самая важная сцена — сцена убийства, когда Георгий телом защищает любимого князя. В этой сцене поза и жест Георгия Угрина изображаются по-разному. Например: он или закрывает Бориса своим телом сверху, или стоит на коленях перед Борисом, или склоняется к нему и т. п.

Георгий Угрин не был канонизирован, поэтому в агиографической литературе отдельно о нем не говорится. Вот почему не сложилась устойчивая иконография этого образа. Правда, некоторые иконографические

³² ГРМ, Створка № 1: новый инв. № $\frac{ДР}{Ж}$ 2032, старый инв. № 2530; ковчег, 3 шпонки; 40,5×17,3×1,3 см. Сцены изображены в десяти клеймах, расположенных в пять рядов. Фон золотой, поля светло-коричневые, опушка двойная; Сохранность: стерлись позолота и надписи. Утрачена одна шпонка. Створка № 2: новый инв. № 2531; ковчег, 3 шпонки: 41×18,5×1,4 см. Сцены изображены в десяти клеймах, расположенных в пять рядов. Фон золотой, поля светло-коричневые, опушка двойная. Сохранность: стерлись позолота и надписи. Утрачены три шпонки. Створка расчищена. Лит. обеих створок: Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 34 и таблица 11 (на этой репродукции створки перепутаны местами); Э. С. Смирнова. Указ. соч., стр. 324—325.

³³ Ср. Э. С. Смирнова. Указ. соч., стр. 324.

³⁴ Местонахождение неизвестно.

³⁵ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 34, таблица III.

типы можно различать: Георгий Угрин, молящийся с Борисом; Георгий Угрин, защищающий Бориса, и т. п. Но интересен тот факт, что в искусстве русского средневековья нет подобного, не святого лица, иконография которого приобрела бы столь большое значение. Объяснение следует искать в своеобразии той исторической среды, в которой были созданы эти памятники.

Изображение Георгия Угрина, как правило, сопровождают надписи, тоже помогающие идентификации. Следует отметить, что слово «Угрин» («венгр») почти без исключения фигурирует в них. Оно не исчезло со временем. О том, что он венгр, не забывали; его не называли «Георгием отроком» и т. п., а всегда «Георгием Угрином». И этот факт в определенной степени доказывает, что венгры были известны в Древней Руси.

Анализ изображения действий Георгия Угрина, также позволяет сделать несколько выводов. Те формы, в которых переданы его позы, жесты, движения и эмоциональное состояние в разных вариантах сцен «Убиения», в значительной мере выражают стиль произведения. В том, как он защищает своего князя, наиболее отчетливо проявляется связь между стилем и иконографией. Как известно, лица, в изображении которых эта связь особенно очевидна, занимают всегда важное, иногда даже ключевое положение. И в житийных изображениях Бориса и Глеба образ Георгия Угрина не отодвигается на задний план, в нем, как мы видели, ярко выражаются стилистические особенности произведений.

Изучение исторической среды всегда имеет большое значение. Некоторые политические события конкретно могут отражаться на возникновении и развитии иконографических изображений. Мы могли заметить, что много изображений Бориса и Глеба и связанные с ними изображения Георгия Угрина возникли за довольно короткий срок — в XIV—XV вв. Эта эпоха была временем своеобразного расцвета их культа. Причиной считается известное сходство исторической ситуации в XIV—XV вв. и в XI в., когда возник культ святых Бориса и Глеба. На передний план выдвинулась задача сохранения независимости. Утверждая свою самостоятельность от Византийской империи, Древняя Русь уже в первой половине XI в. стремилась добиться самостоятельности и в области теологии. Отсюда — желание создать культ русских святых³⁶. Однако византийская церковь категорически отклонила эти требования. В конце концов не без трудностей удалось канонизировать Бориса и Глеба. В требовании канонизировать Бориса и Глеба отражалась национальная политика Ярослава Мудрого, а в самой канонизации — сила Киевского государства. В XIV и в XV вв. первостепенное значение имела национальная целостность. Первым конкретным, но еще далеко не решающим результатом этого явилась победа на Куликовском поле (8 сентября 1380 г.). Объединение раздробленных феодальных сил в борьбе против общего врага. Оно же в значительной мере помогло и росту национального самосознания.

Такого рода настроения отразились и в памятниках искусства. В этих условиях стремление к оживлению культа национальных героев и святых имело большое значение. Вот почему мы находим в XIV—XV вв. опять так много изображений Бориса и Глеба. Конечно, не забывали и об образе Георгия Угрина — ведь верный слуга в эту эпоху представлял собой особенную ценность. Такой верный слуга, который не только сочувствует своему князю, но и жертвует за него жизнью, являлся своего рода героическим примером.

³⁶ О программе канонизации русских князей и княгинь см. подробнее: М. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII веков. СПб., 1913, стр. 68—74, 99, 106—109.

Е. С. ОВЧИННИКОВА

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ПАМЯТНИК СТАНКОВОЙ ЖИВОПИСИ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Молодой воин на белой лошади скачет вправо, поражая копьем дракона в открытую зубастую пасть¹. Справа внизу миниатюрная фигура царевны в короне, в красном платье с золотым оплечьем. На Георгии золотой доспех со светло-зеленой перевязью, украшенный темно-охряным византийским орнаментом в виде завитков стеблей и листьев. У Георгия розовые штаны и голубые мягкие сапоги. Киноварный плащ, развевающийся за спиной, завязан узлом на груди. За левым плечом — щит, около красного седла подвешен охряной колчан. Удлиненный овал лица Георгия с правильными чертами обрамлен густой шапкой темно-коричневых волос, уложенных крутыми завитками. Позади Георгия сидит отрок, в розовой одежде, в остроконечной шапке, с золотым кувшином в руке.

Изображение лошади, несмотря на попытку объемной трактовки, еще тесно связано с плоскостью доски. У нее короткая грива уложенная правильными, чередующимися, косыми волнами². Фон иконы золотой, со скалистыми горками. В левом верхнем углу сегмент с благословляющей десницей. В правом верхнем углу зубчатая городская башня с трубачами, с царем и царицей, наблюдающими поединок.

Георгий представлен здесь как герой, победивший дракона, олицетворяющего злое начало. И ему, как избавителю, царь протягивает ключи от города. Несмотря на общее плоскостное решение композиции, художник выделяет передний план с доминирующим положением группы всадника на лошади, четко вписанной в картинное поле иконы. Городская башня справа как бы намечает второй план. Но художник еще полностью сохраняет иконописный строй композиции, сочетая на плоскости иконы традиционное разномасштабное изображение фигуры Георгия с миниатюрной фигурой царевны³ (рис. 1).

«Иконография Георгия составляет одну из наиболее разработанных областей истории [византийского, южнославянского, кавказского и древнерусского искусства]»⁴. В многочисленных монографиях и статьях, по-

¹ Отдел Древнерусской живописи ГИМ, № 58383, ИУШ-5276. Происходит из собрания Л. К. Зубалова. Р: 99×75×2 см.

² Подобными прядями трактована грива на иконах «Чуда Георгия о змие» из церквей в Никозии, на Кипре, датированных XVI в. См. «Благо Кипра». Каталог выставки в Народном музее в Београде, 1968, стр. 57, № 162 и 164.

³ Икона написана на основной доске, без ковчега, на обороте две набивные более поздние шпонки. Доска состоит из двух тесин, при этом правая половина ее с остатками украшений в виде ромбов и орнаментальных поясков говорит о вторичном использовании ее для иконы.

⁴ В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. — В кн.: В. Н. Лазарев. Русская средневековая живопись. Статьи и исследования. М., 1970, стр. 66; Хр. Лонарев. Новейшая литература о св. Георгии Победоносце. — ВВ, XX, вып. 1, СПб., 1913, стр. 25; Н. Delehaye. Les legendes sgeques des saints militaires. Paris, 1909; K. Krumbacher. Der heilige Georg in der griechischen Überlieferung. — «Abhandlungen der

священных Георгию, исследуется самый широкий круг вопросов, связанных с редакциями жития Георгия, с его многообразным почитанием в народе, изучаются памятники изобразительного искусства. Однако остается пока не решенным до конца вопрос о значении публикуемого иконографического типа Георгия, в котором он изображен поражающим в пасть дракона, а на крупе лошади, позади Георгия, сидит отрок с кувшином в руке.

В работе И. Мысливца⁵, посвященной изображению св. Георгия в искусстве, неоднократно упоминаются композиции с двойным чудом Георгия, с драконом и со спасенным пафлагонским отроком, встречающиеся в памятниках монументальной и станковой живописи. Мысливец считает данную композицию объединенной, изображающей два чуда Георгия. Той же точки зрения придерживается и Е. Привалова, рассматривающая данную композицию как «намеренное слияние двух наиболее почитаемых чудес Георгия»⁶. Д. Тальбот Райс делает попытку разгадать появление фигуры отрока в композиции «чуда Георгия о зиме». Он пытается отыскать прототип композиции в дохристианском египетском и классическом искусстве⁷.

В Византии эпизод «чуда Георгия с отроком», очевидно, появляется очень рано, в связи с широким распространением культа св. Георгия и его почитанием. В честь Георгия с древних времен создавались храмы и монастыри⁸.

Цикл чудес Георгия в византийских рукописях складывается постепенно. В рукописях XI в. фигурируют три следующих чуда: «с колонной вдовы», «с пронзенным образом» и «с пленным пафлагонским отроком»⁹. Еще раньше эта легенда появляется в сочинении Метафраста. В X в. по повелению императора Константина Багрянородного Метафраст собрал и записал древние жития святых, среди которых имелась и легенда «о чуде Георгия с отроком»¹⁰. К. Крumbaхер первую греческую рукопись с легендой «чуда с драконом» относит в 1315 г.¹¹ Но В. Н. Лазарев и Х. Лопарев считают, что чудеса Георгия, и в частности «чудо с драконом», восходят к устной традиции VIII в. Не позднее IX в. появляется литературная редакция этого чуда¹².

Как указывает там же В. Н. Лазарев, «легенда о Георгии не получила дальнейшего развития в средневековой греческой и латинской литературе». Созданные византийские редакции продолжали бытовать столетия.

Новое местное звучание легенда о «чуде Георгия с отроком» получает в XV—XVI вв. на Балканах, в связи с появлением перевода жития и чудес Георгия с греческого языка на доступный новогреческий язык, сделанного Дамаскином Студицким¹³. Этот перевод, напечатанный в сборнике «Сокровища», издавался в Венеции в 1528—1558 гг.

Kgl. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Klasse», Bd. XXV, 3 Abh. München, 1911; J. Aufhauser. Das Drachenwunder des heiligen Georg in der griechischen und lateinischen Überlieferung. — «Byzantinisches Archiv», Heft 5. Leipzig, 1911.

⁵ J. Myslivec. Svaty Jirive vyhodo Krestanské umeni. — BS, 5, 1933—1934, p. 304—369.

⁶ Е. Л. Привалова. Художественное решение двух композиций «чудес» св. Георгия в грузинских росписях зрелого средневековья. — «Вестник отделения общественных наук АН Грузинской ССР», 1963, № 1, стр. 221.

⁷ D. Talbot Rice. The Accompanied Saint George. — «Actes du VIe Congrès International d'études Byzantines», v. II. Paris, 1951, p. 383.

⁸ В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 71.

⁹ Там же, стр. 70; J. Aufhauser. Op. cit., S. 1—4.

¹⁰ «Византийские легенды». Л., 1927, стр. 194—195. На основании сочинения Метафраста были составлены Четьи Минеи московского митрополита Макария (1542—1564) и Дмитрия Ростовского, где имеются все три версии литературной редакции «чуда с отроком».

¹¹ К. Krumbacher. Op. cit., S. 296.

¹² В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 70, прим. 72.

¹³ Студит Дамаскин, родом из Солуни, был митрополитом Навпакта и Арты, умер в 1580 г.

Вслед за этим в 60-х—80-х годах XVI в. появляется ряд переводов житийной литературы на славянский язык с новогреческого с широко представленным житием и чудесами Георгия, среди которых не последнее место занимала легенда о «чуде Георгия с отроком». Возможно аналогичные переводы и устные легенды существовали и раньше¹⁴. В качестве примера укажем сборник «Дамаскин» середины XVII в., написанный на новоболгарском языке, в котором помещены две версии «чуда Георгия с отроком»¹⁵. В одной из версий храм Георгия именуется митиленским, т. е. так, как он назван в византийских рукописях XVI в., на что указывает Ауфхаузер¹⁶.

Западных памятников с изображением двойного чуда Георгия нам не встречалось, нет упоминаний об их существовании и в литературе¹⁷. Совсем иначе сложилась литературная редакция этой легенды на Руси. В середине XVI в. уже появляются все три версии литературной редакции «чуда с отроком» в житии Георгия в Великих Минеях Четьях митрополита Макария (1542—1564), составленных на основе известных старых списков жития, и сочинения Метафраста. В частности, в книге на апрель месяц Димитрия Ростовского указывается прямо под 23 апреля: «месяца апреля в 23 день страдание сего славного великомученика победоносца Георгия». Здесь же на правом поле приписано: «От Метафраста и от Великие Минеи Четьи, сокращенно»¹⁸. Однако наличие клейма «чуда с отроком» на житийной иконе Георгия XV в. из Покровского собора при Рогожском старообрядческом кладбище в Москве¹⁹ дает основание считать, что этот сюжет, занесенный к нам из Византии, мог быть известен на Руси и раньше, в устных легендах.

На знакомство с этой версией «чуда с отроком» на Руси в XVI в. указывает и существующая литературная редакция этого чуда в рукописном Прологе второй четверти XVI в., хранящемся в Отделе рукописей государственной библиотеки имени В. И. Ленина, в Москве²⁰.

Интересно, как на иконе XV в. Рогожского кладбища и в указанном рукописном Прологе отразилась одна и та же третья версия «чуда с отроком». На листах 101 об.—102 об. крупным уставом XVI в. выцветшими чернилами просто изложена история взятого сарацинами в плен христианского мальчика, сына священника. Несмотря на это, композиция Георгия с двойным чудом на Руси не нашла широкого распространения. В представлении русского народа Георгий из патрона князей превращается в покровителя земледельцев и скотоводов; те же свойства Георгия воспевались в русской народной поэзии и в духовных стихах²¹.

В изобразительном искусстве эпизод «чуда Георгия с отроком» появляется, очевидно, вскоре после появления этого сюжета в литературной редакции его жития. К числу ранних изображений скачущего на коне Георгия с сидящим за ним отроком следует отнести фреску небольшого храма Мартирия, высеченного в скале, именуемого храмом «Трех всадников» (XII—XIII вв.), в Эски-Кермене (Юго-Западный Крым), опубли-

¹⁴ За сообщение мне этих сведений приношу глубокую благодарность Ю. А. Неволину, который считает, что появление в иконописи сюжета с двойным чудом Георгия на Балканах связано с переводом Д. Студийским на новогреческий язык «жития и чудес Георгия» с легендой о нафлагонском отроке.

¹⁵ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 299, Тихонравова, № 702, стр. 312—316. На этот сборник обратил мое внимание Ю. А. Неволин, которому я выражаю искреннюю признательность.

¹⁶ J. Aufhauser. Op. cit., S. 156.

¹⁷ D. Tablot Rice. Op. cit., p. 387.

¹⁸ Минея-Четья, книга житий святых на месяц априлий. М., 1898, стр. 333—356.

¹⁹ «Древние иконы старообрядческого Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве». М., 1956, стр. 55, № 15, рис. 15.

²⁰ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 199, Никифорова, № 536, лл. 101 об. — 102 об.

²¹ В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 90, 93.

кованную О. И. Домбровским²². Видимо, храм получил свое название от хранившейся здесь фрески, расположенной на изогнутой поверхности стены. Фреска представляет собой трех молодых античных воинов, с нимбами, скачущих вправо один за другим. Всадники — в воинских доспехах с развевающимися за спиной плащами, с копьем и щитами за плечами. Положение ног лошадей создает впечатление непрерывного движения следующих один за другим всадников. В облике всех трех безбородых воинов заметны какие-то близкие для всех них иконографические черты, несмотря на некоторые различия в украшении доспехов и в красочной гамме. Кто же эти три всадника? Первый справа с сидящим позади него на крупной лошади отроком — несомненно Георгий. Он представлен здесь в сцене «чуда со спасенным из плена пафлагонским отроком» (рис. 2)²³. Второй безбородый всадник, поражающий копьем дракона, — также св. Георгий. Кто же третий — Димитрий или Прокопий? Отсутствие атрибутов у этого всадника и близость его облика и позы к первому всаднику Георгию с отроком позволяют предположить и в нем видеть св. Георгия, надежного защитника, готового прийти на помощь. Если это так, то в изображении двух других таких же всадников иллюстрируются совершенные Георгием подвиги чудесного заступничества: избавление от дракона и спасение из плена сына Леона.

Под фреской сохранилась сильно фрагментированная надпись черными буквами, прочитанная В. В. Латышевым так: «Иссечены и расписаны. . . Христовы. . . для душевного спасения и отпущения грехов»²⁴. О. И. Домбровский приводит несколько иной перевод этой надписи, прочитанной А. А. Белецким: «Высечены из камня и расписаны. . . Христа. . . ради спасения и души отпущения грехов»²⁵. О. И. Домбровский связывает изображенных на фреске всадников с памятью павших в сражениях воинов. Здесь неизбежно, как считает автор, имеет место прославление местных героев, сопоставлявшихся с образами святых воинов, изображенных на фреске²⁶. Автор предполагает, что этот факт послужил основанием для сооружения Эски-Керменского храма — Мартирия — с фреской над могилами местных героев, павших в борьбе с врагами.

Допустимо и иное толкование содержания фрески с изображением воинов. Возможно, на фреске представлен конкретный образ св. Георгия, как чудесного защитника и победителя, избавляющего от злого врага-дракона и освобождающего пленных, т. е. дан не только сам св. Георгий, но и прославляются совершенные им чудесные воинские подвиги. В период тяжелой борьбы с татарами в Крыму в XII—XIII столетиях храм, посвященный «трем всадникам», и их изображения на фреске были созданы местным населением, надеявшимся на защиту от врага. С идеей защиты от врагов связан ряд храмов в Крыму, соорудившихся страдавшими от та-

²² О. И. Домбровский. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966.

²³ Не могу согласиться с мнением О. И. Домбровского, связывающего изображение трех всадников с устройством самого храма и могил-костниц, размещенных непосредственно под фреской. Вторую могилу, расположенную при входе в храм, О. И. Домбровский считает детской и видит в этом связь с мальчиком, изображенным на фреске, сидящим позади Георгия (указ. соч., стр. 36).

²⁴ Там же, стр. 39; В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианского времени из Южной России. СПб., 1890, стр. 47—48.

²⁵ О. И. Домбровский. Указ. соч., стр. 39. Не могу согласиться с О. И. Домбровским в толковании остатков надписи под фреской «Трех всадников», связывающим слово «иссечены» с мучениками, погребенными в храме. На стр. 34 автор, описывая храм, пишет: «Он вырублен внутри одной из пяти отдельных каменных глыб, отвалившихся от скального массива». Представляется, что слово «иссечены» логически связывается со словом «написаны» — в переводе В. В. Латышева и еще яснее в переводе А. А. Белецкого: «Высечены из камня и расписаны. . .», т. е. в надписи прямо указывается на храм, «иссеченный» в каменной глыбе и расписанный (см. Г. Э. Караулов. Крымские пещерные города и крипты. — Записки Одесского общества истории и древностей, т. 8. Одесса, 1872, стр. 52—53).

²⁶ О. И. Домбровский. Указ. соч., стр. 37.

тар жителями Крыма ²⁷. Кто же был создателем этого каменного храма и кто был автором этой замечательной композиции с всадниками? Ответ мы находим в работе Г. Э. Караулова, который пишет, что в горных местах Крыма церкви, построенные на поверхности земли, принадлежат грекам, так как в этих местах в византийскую эпоху существовали греческие поселения ²⁸. Очевидно, и церковь «Трех всадников», и фреска созданы руками греческих мастеров: В Юго-Западном Крыму, когда угрожало нашествие татар, фреска «Трех всадников» становится чтимой святыней среди греческого населения, страдавшего от генуэзцев и от постоянных набегов татар. Самым важным для нас в этой фреске оказывается то, что изображение двух чудес Георгия появляется в одной композиции, но раздельно, в виде трех самостоятельных эпизодов, еще не слившихся в одну сцену.

С подобной раздельной композицией «чуда с драконом» и «чуда с отроком» мы встречаемся в X—XII столетиях в пяти памятниках Грузии, в которых оба эти эпизода почти всегда располагаются в парной композиции, а иногда даже обе сцены выделяются размером среди других событий в житийном цикле св. Георгия ²⁹.

Среди известных нам памятников сложившийся иконографический тип Георгия с двойным чудом мы встречаем впервые на греческой иконе 1327 (?) г. из церкви в Александрополе ³⁰.

От XV—XVI столетий сохранились иконы с двойным чудом Георгия, исполненные греческими художниками, хранящиеся сейчас в музеях Афин, на Кипре и в других местах ³¹.

На Балканы культ Георгия с двойным чудом был занесен из Византии. Популярности его в изобразительном искусстве способствовал перевод на славянский язык с новогреческого житийной литературы, среди которой имелаась и легенда о «чуде Георгия с отроком», известная, очевидно, еще раньше в устном предании.

К XV в. относится фреска с изображением «чуда Георгия о змие» с сидящим позади Георгия отроком (в Кремиковской церкви св. Георгия в Болгарии) ³². В церкви св. Георгия в Струге также имеется композиция Георгия с двойным чудом в верхнем клейме иконы ³³ (рис. 3).

Поражает своей экспрессией фигура Георгия на скачущем влево коне на фреске в церкви Георгия в Харлау (Румыния), датируемая концом XV или началом XVI в. ³⁴

В церкви в Воронце (Румыния) на западной стене размещен целый житийный фресковый цикл 1550 г., посвященный Георгию, с тремя сценами, иллюстрирующими легенду о спасении из плена сына Леона. Жанровый характер этого цикла сближает его с фресковыми росписями грузинских памятников ³⁵.

²⁷ Эски-Керменский храм «Успения Богоматери» был связан с комплексом прилегающих к нему оборонительных сооружений. На северо-восточной стене храма размещается фреска с изображением в рост воина, по-видимому, Георгия, тип которого близок изображению «Трех всадников» (О. И. Домбровский. Указ. ссч., 42—45, рис. 21).

²⁸ Г. Э. Караулов. Указ. ссч., стр. 71.

²⁹ Е. Л. Привалова. Художественное решение двух композиций «чудес» св. Георгия в грузинских росписях зрелого средневековья. «Вестник отделения общественных наук АН Грузинской ССР», 1963, № 1, стр. 190—191 и сл.

³⁰ D. Talbot Rice. The Icons of Cyprus. London, 1937, p. 386; H. F. Lynch. Armenia. Travels and Studies, vol. I. The Russian provinces. London, 1901, p. 128—129, pl. 25. Проживавшие в Эрзеруме греки в 1829 г., покидая город под натиском турок, уносят из греческой церкви эту икону 1327 года с изображением двойного чуда Георгия.

³¹ D. Talbot Rice. Op. cit., p. 386.

³² К. Паскалева. Иконографически типовые на св. Георгия в стенописях на Кремиковската църква. — «Известия на Българското историческо дружество», т. XXV. София, 1967, стр. 204, рис. 2.

³³ См. буклет «Freske, Ikone, Mozaici», рис. 10 и 16, б/г. Београд.

³⁴ J. Myslivec. Op. cit., p. 362, taf. XVI.

³⁵ Ibid., p. 341, taf. IX, N 3.

Болгария, покоренная раньше других государств Балканского полуострова, служила турецким феодалам плацдармом для осуществления дальнейших завоеваний. Основная тяжесть феодального гнета ложилась на поработенное крестьянство, на протяжении XVI—XVII вв. осуществлялись массовые уводы мирных жителей в турецкое рабство. Во время карательных экспедиций захватывались в плен юноши, красивые девушки и дети, которых использовали в качестве гребцов на галерах и для домашних услуг³⁶.

Дошедшие до нас болгарские иконы XV—XVIII вв. с изображением Георгия с двойным чудом и их широкая популярность были созвучны страдальческой судьбе народа, изнывавшего под гнетом турок.

На Балканах вплоть до конца XIX в. неизменно сохраняется на иконах сюжет с двойным чудом Георгия. Большинство дошедших до нас болгарских, сербских и румынских моленных икон XVII—XIX вв. с изображением Георгия с двойным чудом малохудожественны. Но этот излюбленный сюжет, попавший в народную среду, обогащается местными национальными особенностями, сказавшимися в демократизации образов и в чертах национальной одежды и архитектуры, ожививших традиционную схему композиции.

Особенно много изображений Георгия с двойным чудом на кипрских иконах. С Кипром же, переходящим из рук в руки то византийцев, то арабов, то латинян, то турок, связана одна из версий легенды «о спасенном пафлагонском отроке»³⁷.

Рассмотрев различные изображения «двойного чуда Георгия», можно наметить следующий путь развития этого иконографического типа: 1) самым ранним известным византийским памятником с двойным чудом Георгия, является фреска XII—XIII вв. «Трех всадников» из одноименной церкви Юго-Западного Крыма, где оба чуда Георгия размещаются раздельно на одном панно; 2) с раздельной композицией тех же двух чудес в X—XII столетиях мы встречаемся в Грузии, в фресковых изображениях в пяти памятниках. Не связана ли распространенность этого сюжета в Грузии с борьбой грузинского народа за независимость на протяжении всей его истории?³⁸ Следовательно, в X—XII или в начале XIII в. были уже известны изображения двух чудес Георгия в виде раздельных композиций, встречающихся чаще всего в житийных циклах; 3) в XIV (греческая икона 1327 г.) и XV в. (фреска Кремиковского монастыря и икона из церкви св. Георгия в Струге) на иконах и в стенописи уже появляется композиция двойного чуда Георгия (рис. 3).

Факт широкого распространения и почитания в народе икон с изображением Георгия с двойным чудом дает основание предположить, что легенды об этих двух чудесах в народном представлении превращают Георгия в защитника и покровителя народа, ведущего многовековую борьбу с внешними врагами³⁹.

Возможно, не случайно именно в композиции с двойным чудом Георгия на иконах и фресках появляется одна деталь, которая становится непременной принадлежностью данного сюжета. Здесь имеется в виду изображение ключей, которые царь, наблюдающий поединок, протягивает Георгию, как победителю и освободителю народа в борьбе с угрожающими ему враждебными силами, злом и насилием⁴⁰.

³⁶ «Всемирная история», т. IV. М., 1958, стр. 411, 412.

³⁷ D. Talbot Rice. Op. cit., p. 386; «Благо Кипра», Београд, 1968, № 162, 164, 196.

³⁸ Е. Л. Привалова. Указ. соч., стр. 218.

³⁹ В Болгарии, например, в образе Георгия, победившего дракона, народ видел защитника христиан, побеждающего дракона-турчина (К. Паскалева. Указ. соч., стр. 201).

⁴⁰ Изображение ключей имеется: на иконе 1327 г. (H. F. Lynch. Op. cit., p. 128—129; fig. 25); Doko Mazalič. Slikarska umjetnost u Bosnii Hercegovini u tursko doba (1500—1878). Сараево, 1965; fig. 81, 82, 85; И. В. Акрабова Жандова. «Иконы в Софийския Археологически Музей, датировани икони». София, 1965, стр. 67, рис. 15;

Возвращаясь к иконе Георгия с двойным чудом из собрания ГИМ, попытаемся решить вопрос, какое же место она занимает среди рассмотренных выше памятников?

Ближайшими аналогиями к иконе ГИМ являются два изображения. Одно на иконе Георгия с двойным чудом из Эрмитажа, происходящей из собрания Н. П. Лихачева и изданной Н. П. Кондаковым (рис. 4). Другая аналогичная икона опубликована в каталоге мюнхенской выставки 1969—1970 гг. (рис. 5)⁴¹

Особенности художественного стиля эрмитажной иконы говорят уже о знакомстве ее автора с итальянской живописью. Это ощущается в манерном развороте фигуры Георгия, в изящном жесте его правой руки, в грациозном наклоне головы, а также в характере белой лошади с грузным туловищем на тонких коротких ногах, голова которой, данная в повороте, уже отрывается от фона.

Вторым близким типом к иконе ГИМ является икона из частного собрания в Мюнхене. В каталоге мюнхенской выставки икона считается греческой, XVII в. Излишняя изысканность позы Георгия и лошади на мюнхенской иконе, предельная насыщенность бытовыми деталями, разросшаяся группа народа на башне составляет коренное отличие рассматриваемой иконы от экземпляра ГИМ. Простота и лаконичность композиции на иконе ГИМ является полной противоположностью эрмитажному и мюнхенскому экземплярам. Для Георгия иконы ГИМ характерны еще живые отголоски античности, в частности близость к типам фракийских всадников⁴². Близкий к иконе ГИМ тип дракона встречаем на кипрских иконах XVI в. с изображением «чуда Георгия о змие»⁴³.

Сделанный обзор иконографических типов Георгия с двойным чудом, и прежде всего сопоставление иконы ГИМ с эрмитажным и мюнхенским экземплярами XVII в., ясно показывает, что икона ГИМ более ранняя. Отсутствие таких деталей на иконе ГИМ, как ангел, венчающий Георгия, а также классическая простота образа и позы самого Георгия позволяют с большой долей вероятности отнести икону ГИМ к концу XVI или к самому началу XVII в. Возможно, икона была исполнена в это время греческим художником на Балканах, где данный сюжет был особенно популярен.

Необычный иконографический тип Георгия с двойным чудом, в основе которого была заложена идея защиты от зла и насилия, близкая угнетенному народу, способствовал распространению этого сюжета и в Византии, и в Грузии, и на Кипре, и на Балканах в периоды тяжелых народных бедствий.

на иконе ГИМ, № IVIII 5276; *Doris Wild*. *Ikonen*. Bern, 1946, taf. VI, *Анастас Божков*. Тревенската живописна школа. София, 1967, БАН, рис. № 32, табл. 52—53, 61—62, 66, 87 и др.

На изображение ключей в руках царя на болгарских иконах указывает: *К. Паскалева*. Указ. соч. стр. 203, прим. 53.

⁴¹ «*Ikonen*, 13 bis 19. Jahrhundert». München, 1969—1970, N 51.

⁴² *Д. П. Димитров*. Болгария — страна древних культур. София, 1961, илл. 47, 49, 50.

⁴³ «Благо Кипра». Београд, 1968, стр. 57, № 162 (1559 г.).

Е. О. ВАГАНОВА

ВИЗАНТИЙСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЛЬ ГРЕКО

(Обзор литературы и постановка проблемы)

В XVI столетии, в эпоху сложения и укрепления национальных государств, в Европе усиливаются политико-дипломатические, экономические, культурно-идеологические контакты. Для этого времени особенно характерно появление многочисленных «интернациональных» деятелей культуры и искусства. Нередко меняя покровителей и место работы, являясь, таким образом, распространителями тех или иных художественных направлений, вкусов, требований, они осуществляли в своем лице непосредственные культурные контакты между европейскими государствами.

Определенный оттенок «интернационализма» в смысле зависимости от искусства передовых стран прежде всего присущ провинциальным и отсталым художественным школам Западной Европы. Показательна в этом отношении история испанской школы, лишь с конца XV в. вступившей на путь преодоления обусловленной реконкистой известной культурно-художественной изоляции и отсталости. В XVI в. Испания знакомилась с культурой Европы прежде всего путем становящегося все более обязательным обучения испанцев за границей (преимущественно в Италии) и благодаря хлынувшему в страну с середины столетия, в связи со строительством Эскориала, потоку иностранных мастеров. Многие из них, долгое время работая в Испании, обогащали и расширяли границы ее искусства, нередко сами испытывали сильное влияние последнего, однако их творчество лежало все-таки за пределами национальной художественной школы. Другие же «иностранцы попадали под такое глубокое воздействие местной культуры, что их творения кажутся порою более испанскими, чем работы самих испанцев»¹. Среди таких мастеров выделяются два живописца, очень различные по своим художественным устремлениям, темпераменту, по масштабам дарования, по той роли, которую они сыграли в развитии испанского искусства, — Педро де Кампанья и Эль Греко. Их объединяют, однако, напряженные попытки выразить в образной форме кризисность и порою трагедийность современной им действительности, а также известный «интернационализм» художественной биографии и творчества.

Уроженец Брюсселя, выросший на традициях ранненидерландской живописи и усвоивший затем в Италии принципы высокого Возрождения и маньеризма, Педро де Кампанья, и греческий иконописец с Крита, получивший прекрасное обучение в лучших мастерских Венеции, Доменикос Теотокопулос, по прозвищу Эль Греко, заняли ведущее место в пестрой картине испанской живописи XVI в. В Испании оба мастера попали под воздействие не столько чисто художественных национальных традиций (хотя это тоже имело место), сколько общей идеологической атмосферы, духовной жизни испанского общества. В произведениях Кампаньи и Греко

¹ J. Harvey. The Cathedrals of Spain. London, 1957, p. 8.

всегда выражена национальная специфика духовного мира и героев-испанцев, почувствовать которую особенно остро живописцы, возможно, смогли именно с позиции иностранца, а следовательно, в определенной степени постороннего наблюдателя.

Если имя Педро де Кампани, вернувшегося в 1562 г. после 25-летнего пребывания в Испании в Брюссель, фигурирует в трудах по истории и испанского, и нидерландского искусства, то вопрос о принадлежности Греко к какой-либо художественной школе решается, как правило, более однозначно. Эволюция творчества Греко определяется этапами его жизненного пути. Молодость на родном острове Крите обусловила появление иконописных работ; годы, проведенные затем в Венеции, нашли отражение в ренессансно-венецианских произведениях; с приездом в Испанию мастер бурно эволюционирует в направлении маньеризма с типично испанской мистической окраской. Большинство исследователей, несмотря на переоценку некоторыми из них значения критского или итальянского периодов в сложении творческого кредо мастера, относит Греко к художественной школе Испании². Однако искусство Греко перерастает рамки испанской школы, представляя собой в общеевропейском масштабе одну из вершин маньеризма — кризисного художественного направления XVI в., сущностью которого можно считать разложение ренессансного стиля³. Эль Греко, чье творчество является синтезом традиций трех великих культур — византийской, итальянской, испанской⁴, стал одной из самых «интернациональных», ключевых и глубоко индивидуальных фигур европейского маньеризма. Необычное профессиональное владение одновременно иконописными приемами и изобразительным языком Ренессанса, сложность и «интернационализм» творческой биографии обусловили определенную художественную изоляцию мастера и сугубо субъективный характер его искусства. Типично маньеристическая черта — субъективизм эмоционально-психологической окрашенности творчества и подчеркнутая индивидуальность самой художественной манеры — нашла в произведениях Греко столь яркое проявление, что превратилась в их исключительное свойство⁵. Цель данной статьи — попытаться установить сущность и «меру» этой «исключительности», поставив в общих чертах одну из важнейших проблем в искусстве Эль Греко: значения и степени воздействия на формирование своеобразного стиля живописца византийских иконописных приемов и традиций.

Именно в «византинизме» Греко А.-Л. Майер видит его основное отличие от культурного мира Западной Европы⁶. Естественно поэтому, что в попытках постигнуть специфику индивидуально художественного почерка Греко многие ученые обращаются к интересующему нас вопросу. Особенно бурная дискуссия развернулась в 20-х—30-х годах XX в., когда на страницах искусствоведческой периодики появился ряд статей, посвященных специально данной проблеме⁷. В ее разрешении быстро наметились две основные тенденции. Представители одной из них склонны вся-

² Эта точка зрения господствует в монографиях о Греко, начиная с первого труда М. Коссио и кончая последней работой Х. Гудиюла: М. Коссио. *El Greco*. Madrid, 1908; J. Gudiol. *Doménikos Theotokópoulos El Greco*. 1541—1614. Barcelona, 1971.

³ Б. Р. Виппер. Борьба течений в итальянском искусстве XVI века. М., 1956; И. А. Смирнова. Искусство маньеризма. — «Всеобщая история искусств», т. III. М., 1962; Е. И. Ротенберг. Искусство Италии XVI века. М., 1967.

⁴ Т. П. Кантерева. Эль Греко. М., 1965, стр. 19.

⁵ Акцентируя эту особенность творческого почерка Греко, некоторые исследователи рассматривают его искусство как сугубо индивидуальную, «внеациональную» интерпретацию эстетических идеалов маньеризма. См. H. Wethey. *El Greco and his school*, v. 1—2. Princeton, 1962.

⁶ A. L. Mayer. *El Greco an Oriental Artist*. — «The Art Bulletin», 1929, p. 146—152.

⁷ Например: R. Byron. *Greco, the Epilogue to Byzantine Culture*. — «The Burlington Magazine», 1929, v. 55, p. 173; F. Rutter. *El Greco*. — «The Burlington Magazine», 1932, v. 60, p. 274 и т. д.

чески преувеличивать роль иконописно-византийского фактора в формировании художественного видения Греко⁸. Сущность «теории византизма» (названной так Т. П. Кантаревой)⁹ выражена уже в характеристиках Эль Греко как «последнего гениального представителя православного искусства на Западе», «последнего западного выразителя византийской художественной формы», фигурирующих в работах Р. Байрона, Д. Талбота Райса, П. Швайнфурта — особенно активных «византинистов»¹⁰. Новой вспышке этой концепции способствовало открытие в 1937 г. Р. Паллуккини полиптиха из Модены — самого иконописного по своему характеру произведения Греко, которое итальянский ученый опубликовал в нескольких исследованиях¹¹. Посвятив работу выявлению роли критского и итальянского периодов деятельности Греко в сложении его творческого кредо, Х. Камон Аскар также акцентирует значение критского наследия¹². Проблема отношения художника к византийской культуре вызвала, естественно, большой интерес среди греческих искусствоведов, о последовательном присоединении которых к «теории византизма» мы можем судить, к сожалению, лишь на основании историографических обзоров¹³. В последние два десятилетия число безоговорочных апологетов византийского начала в творчестве Эль Греко резко сократилось. Исключением является американский исследователь П. Келемен, в чьей интерпретации мастер предстает перед нами греческим живописцем, до конца жизни в Испании психологически и профессионально сохранявшим верность родине¹⁴.

Уже в 20-е годы нашего столетия А.-Л. Майер проявил другой, более осторожный и дифференцированный подход к проблеме византийских влияний: считая их фактором, придающим искусству мастера сугубо индивидуальную окраску. А.-Л. Майер не видит в этих влияниях главного стержня творческой эволюции Греко¹⁵. Несколько позже против «теории византизма» выступил Х. Керер, который, тщательно прослеживая иконописные (прежде всего — иконографические) реминисценции в поздних работах художника, справедливо ставит его, вслед за М. Дворжаком, в ряд западноевропейских маньеристов¹⁶.

Для наших дней характерен восторженный и комплексный подход к оценке художественного наследия Эль Греко. Превалирует мнение о нем как о маньеристе, наиболее ясно сформулированное, пожалуй, Х. Уэзи¹⁷. Большинство современных испанистов, органически включая Греко в историю испанской культуры, необходимое внимание уделяют его связям с византийским искусством, выявляют важную, но не доминирующую роль иконописи в формировании живописца-маньериста¹⁸. На фоне монографических исследований о Греко в известной степени выделяется

⁸ См. следующие капитальные труды: J. F. Willumsen. *La jeunesse du peintre El Greco*, v. 1—2. Paris, 1927; F. Rutter. *El Greco*. London, 1930; R. Byron, D. Talbot Rice. *The Birth of Western Painting*. London, 1930.

⁹ Т. П. Кантарева. Указ. соч., стр. 20.

¹⁰ R. Byron. *Op. cit.*, p. 173; Ph. Schweinfurth. *Greco und die italo-kretische Schule*. — *Bz.*, 1929/30, S. 612.

¹¹ Одно из них: R. Pallucchini. *Un politico del Greco della R. Galleria Estense di Modena*. — «*Bolletino del Ministerio della Educazione nazionale*», 1937, march, p. 389—392.

¹² J. Camón Aznar. *Bizancio e Italia en el Greco*. Granada, 1944.

¹³ Исследования греческих специалистов — А. Киру, П. Превелакиса и др. — изданы на недоступном для нас новогреческом языке.

¹⁴ P. Kelemen. *El Greco revisited: Candia*. Venice. Toledo. N. Y., 1961.

¹⁵ A.-L. Mayer. *Domenico Theotocopulis, El Greco*. Munich, 1926.

¹⁶ M. Dvořák. *Über Greco und den Manierismus*. — In: «*Kunstgeschichte als Geistgeschichte*». Wien, 1924, S. 259—276; H. Kehr. *Greco als Gestalt des Manierismus*. München, 1939.

¹⁷ См. прим. 5.

¹⁸ J. Babelon. *El Greco*. Paris, 1946; G. Reimann. *El Greco*. Leipzig, 1966; J. Gudiol. *Op. cit.*

капитальный труд Х. Камона Аскара, переоценивающего, как уже упоминалось, значение для художника его иконописного прошлого¹⁹.

Проблема отношения Греко к византийской культуре не привлекала еще серьезного внимания русских и советских испанистов. В общих обзорах по истории испанского искусства²⁰, а также в статье М. В. Алпатов и в монографии Т. П. Каптеревой²¹ отмечается определенная преемственная связь творчества Греко с иконописью, но без специального освещения вопроса.

Как справедливо заметил в своей очень содержательной статье Х. Зёнер, необходимо разграничивать два вопроса: о «первоначальном обучении художника» и о «действовавших и позже влияниях»²². Проблема «византизма» Эль Греко обнаруживает два основных родственных, но тем не менее различных аспекта. Один из них связан с первым ученическим этапом деятельности Греко, в течение которого он предстает перед нами мастером, выросшим на традициях иконописи, генетически вышедшим из нее, в значительной мере — еще иконописцем. Другим аспектом можно считать использование зрелым маньеристом Греко некоторых художественных принципов иконописи. В свете двух последовательно поставленных вопросов мы и попытаемся наметить пути разрешения нашей темы.

Жизнь и творчество Доменикоса Теотокопулоса бедны достоверными сведениями. Однако дата и место рождения художника относятся к числу наименее спорных фактов его биографии. Давно установилось мнение о том, что Греко родился в 1541 г. в Кандии, основанное прежде всего на рекомендательном письме кардиналу Алессандро Фарнезе миниатюриста Джулио Кловии (назвавшего своего подопечного «молодым кандийцем»), а также подтвержденное высказыванием самого Греко на инквизиционном суде в Толедо, где он фигурировал в роли переводчика с греческого языка. Указанные факты, думается, не вступают в противоречие с изысканиями А. Киру, который нашел следы семьи «Теотокис» (по его мнению, «Теотокис» — модификация «Теотокопулос») в Фоделе²³, ибо это местечко находится близ Кандии; возможно, родившись в Фоделе, Греко со свойственной ему гордостью предпочитал считать и называть себя выходцем из столицы Крита — Кандии. Дополнительным косвенным свидетельством в пользу Крита как родины мастера обычно считается письмо Тита, первого епископа острова, помещенное на картине Греко с изображением апостола Павла²⁴. В опубликованных Ф. Сан Романом документах зафиксированы связи Греко с греками, жившими в Толедо²⁵; некоторые из них, как предполагает П. Келемен, были критянами (точно установлено критское происхождение, например, физика и писателя Антонио Салосиноса)²⁶.

Согласно господствовавшему раньше мнению, Греко покинул Крит в начале 1560-х годов. Однако изданные в 1961 г. новые документы²⁷

¹⁹ J. Camón Aznar. *Dominico Greco*, t. 1—2. Madrid, 1950.

²⁰ К. М. Малицкая. *Испанская живопись XVI и XVII веков*. М., 1947; И. М. Левина. *Искусство Испании XVI—XVII веков*. М., 1966.

²¹ М. В. Алпатов. *Живописное мастерство Эль Греко*. — В кн.: М. В. Алпатов. *Этюды по истории западноевропейского искусства*. М., 1963, стр. 223—234; Т. П. Каптерева. Указ соч.

²² H. Soehner. *Der Stand der Greco-Forschung*. — «Zeitschrift für Kunstgeschichte», 1956, Bd. 19, S. 60.

²³ К сожалению, с изысканиями греческого ученого мы вынуждены знакомиться не по его оригинальным работам, а по сообщениям, фигурирующим почти во всей доступной нам литературе.

²⁴ А. Валлантен. *Эль Греко (Доменико Теотокопули)*. М., 1962, стр. 109—110.

²⁵ F. San Román. *De la vida del Greco*. — «Archivo español de arte y argueologia», 1927, t. III, p. 144—147.

²⁶ P. Kelemen. *Op. cit.*, p. 90.

²⁷ C. D. Mertzios. *Domenicos Theotocopoulos. Nouveaux éléments biographiques*. — «Arte Veneta», 1961, p. 217—219.

во многом меняют наше представление о раннем этапе творчества художника: сокращается время, проведенное им в Венеции, и значительно более вероятной становится гипотеза о его профессиональном обучении на Крите, о первоначальном формировании в местных традициях. Вместе с тем попытки ученых (преимущественно греческих) обнаружить прямые следы обучения и художественной деятельности Греко на Крите пока остаются в пределах гипотез. Например, широко распространенная версия о работе мастера при монастыре св. Екатерины в Кандии базируется главным образом на изображении этого монастыря у подножья горы Синай в приписываемых молодому Греко произведениях. Еще более бездоказательным является предположение о том, что юный живописец учился в монастыре Вальсамонери²⁸. Не исключено, что Греко продолжил свое первоначальное художественное образование иконописца, переехав с Крита в Венецию, в греческой иконописной колонии города²⁹. Думается, однако, не так уж важно, в какой конкретно мастерской Крита обучался Греко и где именно он получил первые профессиональные навыки — на Крите или уже в Венеции, так как греческо-иконописные мастерские Венеции и Крита имели в середине XVI в. принципиально одинаковый характер и представляли в своей совокупности явление, именуемое обычно итало-критской школой.

Итало-критская школа живописи до сих пор мало изучена и достаточно противоречиво освещена в литературе. Расходятся мнения ученых о генезисе этой школы. Если французские специалисты видели ее художественно-исторические истоки исключительно в византийском позднепалеологовском искусстве³⁰, а русские дореволюционные авторы (Н. Кондаков, Н. Лихачев) главным импульсом сложения школы называли венецианский Ренессанс³¹, то В. Н. Лазарев — автор единственного советского исследования по итало-критской живописи — ее главной отличительной особенностью считает соединение двух равнозначных факторов влияния: западного и восточного³². Возраставшее проникновение в творчество итало-критских мастеров ренессансных, а позже барочных черт приводило ко все большему вытеснению иконописных приемов. Поскольку уже сам «факт перенимания западных новшеств означал смерть византийского искусства»³³, постольку с момента своего зарождения итало-критская школа лежала собственно за его пределами; однако представителей этой школы можно считать в известной степени преемниками и наследниками иконописных традиций Византии.

Поэтому при исследовании проблемы художественной среды и влияний в творчестве юного Греко необходимо учитывать, что он воспринимал византийскую культуру двояким образом. С одной стороны — при непосредственном знакомстве с попадавшими на Крит и в Венецию ранними высокохудожественными византийскими памятниками. С другой — усваивая традиции иконописного искусства в несколько измененном виде через посредство итало-критских живописцев, являвшихся в большинстве своем мастерами «второй руки».

Хотя сложение итало-критской школы датируется приблизительно рубежом XV—XVI вв., ее расцвет падает, по всей вероятности, на ко-

²⁸ Эту точку зрения греческого ученого П. Превелакиса приводит Х. Зёнер: *H. Soehner*. Op. cit., p. 60—61.

²⁹ Одним из первых такую гипотезу настойчиво выдвинул Виллумсен: *J. F. Willumsen*. Op. cit., v. 1, p. 50.

³⁰ Например: *Ch. Diehl*. Manuel d'art byzantin, v. II. Paris, 1926, p. 788—792.

³¹ Н. Кондаков. Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб., 1911, стр. 88—90; Н. Лихачев. Историческое значение итало-критской иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композицию некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911, стр. 21—32.

³² В. Н. Лазарев. К вопросу о «греческой манере», итало-греческой и итало-критской школах живописи (против фальсификации истории поздней византийской живописи). — «Ежегодник института истории искусств». М., 1952, стр. 170—173.

³³ Там же, стр. 161.

нец XVI—начало XVII в., так как именно с этого времени известны многие имена индивидуальных иконописцев³⁴. Невозможно поэтому говорить о воздействии на молодого Греко таких наиболее видных представителей этой школы, как М. Дамаскино, Э. Москос, Т. Полакис, семья Цане и др. Многочисленные аналогичные элементы в работах раннего Греко и его соотечественников-иконописцев свидетельствуют скорее о параллельной эволюции сходных творческих концепций и даже подсказывают предположение об обратном влиянии: Греко — на итало-критскую живопись рубежа XVI—XVII вв. В 1560-х годах Греко, бурно развивавший складывавшиеся принципы этой художественной школы, возможно, выступил как хронологически первый ее значительный представитель эпохи расцвета.

В искусствоведческом обиходе пока не существует достоверных произведений Греко, созданных на Крите. Попытка Р. Паллуккини приписать Греко икону с изображением Луки (собр. Сиссимианос, Афины) им же самим ставится под сомнение: подпись на иконе, как он пишет, могла принадлежать Доменико Джованни де Мантуя, работавшему на Крите и в Венеции в середине XVI в.³⁵ Согласно сделанной Е. Уотерхаузе и позже убедительно обоснованной М. Сориа периодизации, итальянский период деятельности Греко распадается на три этапа: 1-й венецианский — до 1570 г.; римский — 1570—1572 гг.; 2-й венецианский — 1572—1576 гг.³⁶ Продолжающийся оставаться, несмотря на обилие исследований, одним из самых спорных вопросов всего искусства Греко, первый венецианский этап прошел, вероятно (как уже упоминалось), под знаком тесной — и личной, и творческой — связи Греко с многочисленной греческой колонией Венеции³⁷. По всей видимости, мастер органически входил в круг итало-критских иконописцев, получивших название «мадоннери» благодаря особенно типичным для них иконам с очень темной живописной поверхностью, изображающим богоматерь.

Краеугольным камнем дискуссии по поводу генезиса искусства Греко является проблема атрибуции открытого Р. Паллуккини и приписываемого им Греко триптиха из музея в Модене с подписью «мастер Доменико»³⁸. Вслед за Р. Паллуккини большинство авторов относит это произведение к творчеству Греко, другие (и среди них прежде всего Х. Уэзи и Е. Арслан) сомневаются в авторстве художника, считая, что могло быть немало греческих мастеров с очень распространенным именем «Доменико»³⁹. Х. Уэзи выделяет целую группу аналогичных работ с подобной подписью, возможно, принадлежащих, по его мнению, другому иконописцу — «мастеру Доменико». Но хотя впоследствии произведения Греко всегда будут иметь подпись «Доменикос Теотокопулос», легко представить, что обычная в среде средневековых иконописцев манера подписываться только одним именем перестала позже удовлетворять Греко, попавшего в художественный мир европейского Ренессанса, где живописец, отделившись от ремесленно-цеховых корпораций, превращался в индивидуального творца, личность которого приобретала все больший вес в обществе. По справедливому замечанию Е. Арслана, «абсолютная достоверность установления мастера не достигается при современном состоянии исследования»⁴⁰. В произведении господствует характерный для итало-критской

³⁴ В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 172.

³⁵ R. Pallucchini. Op. cit., p. 390.

³⁶ E. K. Waterhouse. El Greco's Italian Period. — «Art Studies», 1930, p. 61—88; M. S. Soria. Greco's Italian Period. — «Arte Veneta», 1954, p. 213—221.

³⁷ Х. Камон Аскар указывает, что в 1550-х годах эта колония насчитывала около четырех тысяч человек (J. Camon Aznar. Dominico Greco, t. 1, p. 21).

³⁸ R. Pallucchini. Op. cit.; idem. La vicenda italiana del Greco. — «Paragone», 1953, № 45, p. 24—26.

³⁹ H. Wetthey. Op. cit., v. 1, p. 30—33; E. Arslan. Cronistoria del Greco «madonnero». — «Commentari», 1964, XV, p. 213—223.

⁴⁰ E. Arslan. Op. cit., p. 215.

школы в целом принцип соединения иконописных традиций и западных художественных форм. Если сцены триптиха «Бог-отец, Ева, Адам в раю», «Благовещение», «Поклонение пастухов» демонстрируют влияние Тициана, а также изучение маньеристических мастеров (в частности — Пармиджини), то в «Крещении» фигуры венецианского типа сопутствуют византийской композиционной схеме. Композиция «Христос с хоругвью» имеет, скорее всего, критские истоки⁴¹. Створка с видом горы Синай и монастыря у ее подножия была создана, по мнению Д. Талбота Райса, на основе средневековых икон, изображающих сцены с Моисеем и «Преображение», при определенном использовании реальных наблюдений природы — конкретного пейзажа с архитектурными мотивами⁴². Думается, что явный приоритет во многих створках ренессансных элементов — передача глубины пространства, свободная живописная манера письма, иногда объемная трактовка формы, а также склонность художника к маньеристическим исканиям свидетельствуют, возможно, в пользу авторства Эль Греко, который с самых первых шагов обнаруживал больший, чем его собратья по кисти, интерес к достижениям европейского искусства. Из всех предлагаемых датировок триптиха наиболее убедительной представляется сделанная Р. Паллуккини: около 1567 г., так как, с одной стороны, триптих говорит о столь глубоком знакомстве Греко с венецианской живописью, что не вызывает сомнения факт написания его уже в Венеции. С другой стороны, если эту работу, созданную вскоре после приезда в Венецию, принять условно за отправную точку исканий Греко во время пребывания в Италии, то становится очевидной необходимость определенного временного промежутка между нею и такими датированными началом 1570-х годов произведениями мастера, как «Изгнание торгующих из храма» (бывш. собр. Кук, Ричмонд) или «Исцеление слепого» (Дрезденская галерея).

К триптиху примыкают варианты «Поклонения королей» (например: галерея Боргезе, Рим; Художественно-исторический музей, Вена), в которых еще сильнее сказываются венецианские влияния, а также — небольшая картина с изображением горы Синай (раньше: собр. Хатвени, Будапешт), свидетельствующая о дальнейшем развитии индивидуального стиля живописца. В сравнении с пейзажной створкой триптиха «здесь меньше чувствуется иконописное начало, больше материальности, телесности, объемности, горы не так устремлены к небу»⁴³. В пользу авторства Греко, по замечанию А. Валлантен, говорит и субъективное чувство тревожного напряжения, повышенное эмоционально-драматическое ощущение природы, благодаря которому эта картина воспринимается «непосредственно предшествующей виду Толедо, а ведь между ними пролегла целая жизнь и все творчество художника»⁴⁴. При сопоставлении триптиха с указанными работами вырисовывается «развитие индивидуального стиля» Греко, отличавшее его от других итало-критских мастеров: быстрое усвоение художественных принципов Возрождения. Трудно четко выделить из огромной массы приписываемых раннему Греко произведений его достоверные работы. Однако даже при составлении последовательной цепи из трех наиболее вероятных звеньев: триптих — варианты «Поклонения королей», «Вид горы Синай» — «Исцеление слепого», «Изгнание торгующих из храма», ясно читается эволюция мастера от итало-критской

⁴¹ A. L. Mayer. Notes on the early El Greco. — «The Burlington Magazine», 1939, v. 74, p. 28.

⁴² Последний момент заставляет Д. Талбота Райса считать створку приписываемого им Греко триптиха и аналогичную икону из собр. У. Бланта (Лондон) уникальными произведениями на фоне иконописного искусства. См. Д. Талбот Райс. Три Синайских горы. — В кн.: «Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа». М., 1973, стр. 172—178.

⁴³ D. Talbot Rice. Five late byzantine Panel and Greco's views of Sinai. — «The Burlington Magazine», 1947, v. 90, p. 94.

⁴⁴ А. Валлантен. Указ. соч., стр. 32.

живописи к венецианскому Ренессансу. Две последние работы, несмотря на их еще непосредственную связь с предшествующей деятельностью художника (она сказывается сильнее всего в иконографии и типаже образов) лежат уже за пределами итало-критского этапа творчества Греко. В результате соприкосновения живописца с открывшимся ему богатством венецианского искусства слабеют его контакты с греческой колонией города. Под могучим, неудержимо захватившим молодого кандийца влиянием культуры Венеции происходит постепенно его отход от иконописных традиций и все более последовательное обращение к ренессансной системе. Рубеж 1560-х—1570-х годов ознаменован качественной трансформацией всего образа художественного мышления и эстетических идеалов мастера. Во многих произведениях этого времени, например в портрете Джулио Кловиио (галерея Каподиамонте, Неаполь), Греко, как бы сумев силой своего таланта «перешагнуть через века», преодолеть барьер между художественным миром ренессансного Запада и средневеково-иконописной Византии, предстает перед нами сложившимся представителем Возрождения, словно предавшим забвению свое прошлое иконописца.

Около 1577 г. Греко, как предполагают, в связи с надеждой получить заказ на работу в Эскориале переезжает в Испанию, где он живет безвыездно в Толедо до самой смерти в 1614 г. Испанский этап — основной в искусстве мастера — отмечен быстрым переходом Греко от ренессансных художественных принципов к маньеристическим, интерес к которым он эпизодически проявлял еще в Италии. Ренессансно-венецианский период наложил на все последующее творчество Греко сильную печать, ставшую одной из граней его «исключительности» в мире маньеризма. Греко свойственно отвлеченное, не основанное на реальном зрительном впечатлении от окружающего мира развитие живописных достижений позднего венецианского Возрождения. Такой тип маньеристического художественного языка не характерен для Испании и параллелен живописно-формальным исканиям итальянских маньеристов римско-тоscanского круга. В своей живописности Греко, однако, идет несравненно дальше всех европейских маньеристов, в чем, несомненно, огромную роль сыграло именно его знакомство со свободно-пастозной живописью Тициана и Тинторетто.

Причины «превращения венецианца второй руки в величайшего испанского художника»⁴⁵, сложения творческих позиций зрелого мастера именно в Испании нередко видят в своеобразной, исторически сложившейся «восточной» окраске испанского искусства⁴⁶. Эстетическим идеалам и вкусам Греко, возможно, отвечал сам тип испанской национальной культуры, сформировавшейся на стыке влияний, шедших с Запада и с Востока. Как выходцу с Востока, Греко стал близок Толедо — город, на который очень сильную печать наложило длительное владычество арабов. Контакт Греко с современными ему толедскими мистиками Г. Мараньон в большой мере объясняет определенным возрождением последними философской восточной традиции средневековья⁴⁷. Условия Испании, где на протяжении всего XVI в. сохранялись известные пережитки средневековых художественных традиций и где феодально-католическая реакция привела к временному распространению эстетических представлений средневековья, соответствовали специфике живописного видения Греко. Идеологическая среда Толедо — церковной столицы страны и главного средоточия мистических учений — была родственна внутренним устремлениям Греко, выросшего в атмосфере религиозно-иконописного искусства, и способствовала формированию идейно-философского кредо его творчества, в поисках средств выражения которого мастер в определенной степени вновь возвращается к иконописи. Индивидуальный почерк

⁴⁵ R. Stevenson. In Search of spanish Painting. N. Y., 1956, p. 77—78.

⁴⁶ J. Camón Aznar. Dominico Greco, t. II, p. 1274.

⁴⁷ G. Marañon. El Greco y Toledo. Madrid, 1956, p. 187—190.

живописца во многом складывался именно на основе его обращения к иконописи, что составляет другой важный аспект «исключительности» Греко среди европейских маньеристов.

Необходимо только постоянно учитывать, что подобное обращение имело место на фоне развития художественных взглядов Греко как маньериста, происходило сознательно, с позиции зрелого мастера, качественно отличаясь от ученически стихийного усвоения иконописных приемов в пору юности. Кроме того, произведения Греко демонстрируют не столько возрождение конкретных черт итало-критской школы, сколько воссоздание общих особенностей иконописного искусства в целом. Связи позднего Греко с иконописью проявляются двояким образом. Прежде всего, это непосредственное заимствование некоторых элементов из художественного арсенала средневековья; другой тип связей определяется воспроизведением многих иконописных принципов на основе иного — маньеристически-индивидуального — живописного языка Греко.

Творчество мастера отличается устойчивостью типов, образов, иконографии, близостью эмоционально-психологической трактовки сюжетов, единством изобразительных, выразительных приемов. Принято считать, что свойственная Греко тематическая повторяемость, многочисленные, почти идентичные друг другу авторские реплики одного сюжета свидетельствуют о его приверженности иконописным традициям, о возрождении специфической особенности деятельности средневековых мастеров ⁴⁸.

При изучении проблемы византийских влияний в позднем творчестве Греко зарубежные ученые охотнее всего выявляют аналогии иконографического порядка ⁴⁹. Традиционной иконографии Греко придерживался в многочисленных «молитвах» и «покаяниях» св. Франциска, а также в своих сериях «Апостоладос», особенно — в изображениях апостолов Петра и Павла. Многие исследователи пытаются отыскать конкретные прототипы иконографического решения самой значительной работы Греко «Похороны графа Оргаса» (церковь Сан Томе, Толедо). А. Прокопиу, например, видит их в греческих иконах и фресках середины XVI в. на сюжеты успения и погребения святых ⁵⁰, где, как и у Греко, композиция строится на двух основных горизонталях: первая горизонталь — тело усопшего, фланкируемое двумя поддерживающими его фигурами; второй горизонтальный пояс, параллельный первому, образует ряд зрителей на заднем плане (на иконах — апостолы и епископы, у Греко — представители толедской знати). Связь с критской иконографией находят в картине Греко «Вознесение» (Прадо, Мадрид), в которой верхняя часть полотна с кажущейся неподвижной фигурой Христа контрастирует с его нижней частью, где расположены экспрессивно-динамичные фигуры римских воинов; их прототипами служат поверженные от изумления апостолы на православных иконах ⁵¹. Возможно, однако, в данном и ряде других случаев правильнее было бы видеть воздействие не конкретных итало-критских образцов, а общепринятой, широко распространенной во всем иконописном искусстве иконографии. Это не исключает, естественно, и прямых аналогий с характерно критской иконографией. Примером может служить картина «Пир в доме Симона» (Институт искусств, Чикаго). Ее композиция с овальным столом, во главе которого лицом к нам сидит Христос с поднятой для благословения рукой, а спиной к зрителю под острым углом друг к другу изображены два апостола, уходит своими корнями в итало-критскую живопись ⁵².

⁴⁸ J. Camón Aznar. *Dominico Greco*, t. I, p. 24—26.

⁴⁹ Особенно это свойственно П. Келемену, который буквально в каждой работе художника находит прямые контакты с Византией (*P. Kelemen. Op. cit.*).

⁵⁰ A. G. Procopiou. *El Greco and Cretan Painting*. — «The Burlington Magazine», 1952, v. 94, p. 79.

⁵¹ *Ibid.*, p. 80; *P. Kelemen. Op. cit.*, p. 123—124.

⁵² A. G. Procopiou. *Op. cit.*, p. 79.

Часто Греко использует прием разномасштабности для выделения главных персонажей. В картине «Эсполио» (Старая Пинакотека, Мюнхен) доминирует фигура Христа, сильно увеличенная по отношению к другим участникам происходящего действия. Вырастающий до гигантских размеров Иоанн в одном из самых загадочных полотен Греко «Снятие пятой печати» (Метрополитен-музеум, Нью-Йорк) резко контрастирует с маленькими, беспорядочно мечущимися человеческими фигурками. В картине «Мученичество св. Маврикия» (Эскориал) «Греко, стремясь к повышению одухотворенному субъективному восприятию мира и человека. . .», «подобно произведениям средневекового живописца, изображает разновременные эпизоды из жизни святого»⁵³ на одном холсте разномасштабно.

Греко присуще острое чувство орнаментального ритма, его выразительности — и декоративной, и эмоциональной, и уводящей от реальности. Условному декоративному ритму мастер подчиняет, например, расположение драпировок на одеждах апостолов в «Сошествии св. Духа» (Прадо, Мадрид). Эти драпировки словно живут особой, не зависящей от фигур жизнью. Их произвольно-ритмичная, очень экспрессивная динамика подчеркивает бестелесность самих туловищ и вызывает определенные ассоциации со средневековым искусством. Греко свойственно также орнаментальное построение как композиций, так и форм. Наиболее ярким примером подобных композиционных решений служит картина «Лаокоон» (Национальная галерея, Вашингтон). Помещение в резко ограниченном одном пространственном плане лишенных активного начала фигур Лаокоона и его сыновей имеет декоративно-отвлеченный характер. Вписываясь в овал, замыкающий в себе другие эллиптические и остроугольные формы, эта фигурная композиция обладает собственным внутренним ритмом, не зависящим ни от сюжетной завязки произведения, ни от предмета изображения. Использование симметрии геометрических фигур и ритмических повторов наблюдается в нижней части полотна «Похороны графа Оргаса», где образующая круг центральная группа органически вписывается в форму прямоугольника, а стоящие справа и слева фигуры ритмически-симметрично повторяют позы друг друга. Орнаментально-геометрическое построение форм особенно сказывается в конструкциях голов «грековских» персонажей — так, в эрмитажной картине «Петр и Павел» голова Павла уподоблена ромбу⁵⁴.

Огромная роль в произведениях Греко декоративно-ритмического начала — свидетельство своеобразной переработки художественных особенностей средневекового иконописного искусства. Вместе с тем орнаментальная ритмика живописного языка Греко, как полагает О. Хаген, могла сложиться и под определенным воздействием испанской национальной культуры с ее унаследованной от арабов повышенной орнаментальной декоративностью⁵⁵.

Сопоставляя работы Греко с иконами, Д. Талбот Райс отмечает объединяющий их прием использования «особых контуров, очерчивающих фигуру, повторяющих ее форму в общих чертах без воспроизведения ее мелких изгибов. . . , более или менее темного оттенка, чем цвет самой фигуры»⁵⁶. Цветовые контуры чаще очерчивают не полностью фигуру, а лишь ее часть, обычно — голову, что дает некоторое основание видеть в них своеобразную модификацию иконописных нимбов. Такие контуры

⁵³ Т. П. Кантерева. Указ. соч., стр. 78—79.

⁵⁴ М. В. Алпатов. Указ. соч., стр. 230.

⁵⁵ О. Hagen. Patterns and Principles of Spanish Art. Madison, 1943, p. 37—38, 63—64.

⁵⁶ D. Talbot Rice. El Greco and Byzantium. — «The Burlington Magazine», 1937, v. 70, p. 39. Аналогичная мысль высказана М. В. Алпатовым, имеющим в виду большие просветы в облаках, обрамляющие фигуру: «она (фигура. — Е. В.) словно окружена сиянием. Представление о таинственной силе, излучаемой человеком, которое передавалось в средние века в виде мандорлы, приобретает у Греко свой изначальный смысл» (М. В. Алпатов. Указ соч., стр. 227).

интенсивного синего цвета вторят очертаниям голов ангела и Марии и как бы символизируют ореол божественности в «Благовещении» и «Святом Семействе» (Музей изящных искусств, Будапешт). Эти цветковые обрамления, однако, имеют волокнистые, прерывистые, подвижные очертания и сильно отличаются от плоскостно застывших нимбов с их линейно жесткими контурами. В этой связи мы подходим к вопросу о воссоздании художественных представлений средневековья не путем непосредственного воспроизведения языка иконописи, а новыми живописными средствами.

Имматериальности тел и предметов Греко добивается не за счет «трансцендентально-готического акцента на линейности»⁵⁷, а благодаря трансцендентальному «растворению» форм, достигающемуся приоритетом неясного, расплывающегося, змеевидного контура. Произвольно-отвлеченное разложение локального цвета, приобретающее порою такую силу, что ни один цвет не выражен достаточно определенно, лишает предметы их цветовой конкретности. В отличие от икон первостепенное значение в работах Греко имеют светотеневые градации, свет, который он использовал и как фактор композиционного построения, и как необходимый компонент в образной характеристике модели. Ослепительный свет, обволакивающий фигуры, также разрушает материальность форм. Такая роль светового потока, растворяющего форму, отчетливо выступает, например, в изображении ангела — носителя божественного начала в картине «Моление о чаше» (Музей изящных искусств, Будапешт). Не скованная никакими канонами, «грековская» манера письма, свободно-текущее наложение красок, особая роль живописного начала, тесное взаимодействие цвета и света, создающее своеобразный «окрашенный свет», — все это придает живописной поверхности картин Греко удивительную динамику, глубоко отличную от иконописных художественных приемов.

Произведения Греко роднит со средневековыми памятниками отсутствие конкретной характеристики места действия и реального пространства. Однако условность пространства создается не золотым фоном, с чем мы сталкиваемся на иконах. Персонажи Греко всегда живут в иррациональной среде, обозначением которой служит неопределенный фон, представляющий собой буквально сплав различных цвето-световых оттенков. Этот фон иногда имеет иллюзорную, как будто бездонную глубину, иногда, словно плоская стена, «давит» на фигуры людей, «выталкивая» их за пределы холста и ограничивая (особенно в малофигурных композициях) изображение, как и на иконах, одним пространственным планом.

По степени искажения естественных пропорций и форм человеческого тела творчество Греко порою перекликается с средневековым искусством. Персонажи художника имеют непомерно удлинённые бесплотные туловища, несоразмерные с ними маленькие головы. Такая деформация носит в данном случае сознательный характер и принимает нередко гиперболически-маньеристическое выражение, принципиально отличающееся от иконописных канонов: «иногда к реалистически трактованному корпусу пририсованы грубо торчащие конечности, иногда же чересчур мускулистые ноги держат сильно вытянутое плоскостное туловище»⁵⁸. Греко часто деформирует и черты лица, смещая, например, пространственные планы в написании его различных частей. Такой прием применен в трактовке глаз в предполагаемом автопортрете художника (Метрополитен-музей, Нью-Йорк).

Типаж, характерный для творчества Греко, тоже в известной мере демонстрирует его связи с византийским иконописным искусством. В портретах кисти Греко (не говоря уже об изображениях святых и апостолов) трактовка модели, как правило, подчинялась субъективному маньеристическому идеалу мастера, который возник в результате органи-

⁵⁷ А. Л. Mayer. *El Greco*. Berlin, 1931, S. 39.

⁵⁸ А. Кампиш. Греко. Будапешт, 1962, стр. 11.

ческого слияния определенных реминисценций иконописно-греческих типов и субъективно отобранных, но объективно присущих представителям испанской интеллигенции черт внешнего и внутреннего облика. Обязательное удлинение пропорций головы, неправдоподобное увеличение размера глаз, написание лиц в коричневато-«землистых» оттенках в сочетании со следованием традиционной иконографии способствует сближению внешности персонажей Греко с византийскими иконописными типами.

Корни символизма искусства Греко также нередко ищут в традиционной иконописной символике⁵⁹. Переключаясь с последней, индивидуальная «грековская» сложная система символики стоит на ином уровне понимания мира и человека. Идейно-образный подход мастера к разработке сюжетов развивался прежде всего по линии усиления отвлеченной символики самих образов. Лишение персонажей не только всякой материальной, телесной, но и образной конкретности достигает крайней степени выражения в картине «Встреча Марии и Елизаветы» (Думбартон-Оукс). Две женские совершенно бесплотные и зыбко-неустойчивые фигуры со «смазанными» лицами воспринимаются как символический, «итоговый» образ спиритуалистических исканий художника.

Благодаря своему огромному таланту, широкому художественному кругозору и «интернационализму» творческой биографии Греко сумел выразить квинтэссенцию самой сущности маньеризма как трагического крушения ренессансной художественной эпохи, напряженных поисков субъективных средств изображения и выражения, маньеризма как обостренного восприятия и косвенного отражения противоречивых коллизий исторической действительности, как стремления вместе с тем уйти от этой действительности в мир мистического трансцендентального воображения. Эстетическое «ощущение» иконы и воссоздание многих иконописных принципов следует считать не основой, а лишь одним из проявлений маньеристически противоречивого художественного видения Греко. Использование архаических приемов причудливо соединялось в искусстве мастера с приемами и открытиями, далеко предвосхищавшими развитие западноевропейской живописи. Среди них можно отметить особую живописность манеры письма, дифференцированное понимание движения и пространства, попытку передать впечатление временного «потока», достижения в области психологии.

Нам представляется невозможным поэтому солидаризироваться с теми исследователями, которым «греческое происхождение и византийское образование Греко дали ключ к рассмотрению стилистической сущности его творчества как византизма и позволили генетически выводить его из восточной живописи»⁶⁰. Творческая биография Греко прослеживается от итало-критской иконописи через венецианский Ренессанс к испанскому маньеризму. Наиболее яркий и значительный след в истории искусства Греко оставил как маньерист, однако первые два этапа деятельности мастера — иконописный и ренессансный — придали неповторимую, сугубо индивидуальную окраску его художественному наследию.

⁵⁹ J. Camón Aznar. Bizancio e Italia en el Greco, p. 18—25.

⁶⁰ H. Soehner. Op. cit., p. 74. На глубокое, принципиальное отличие творчества Греко от византийского искусства справедливо, хотя и без специального освещения вопроса, указал А. П. Каждан: «Ведь даже при самом расширительном понимании византийской живописи кто решился бы включить в нее Эль Греко?» А. П. Каждан. Рец. на кн.: H. G. Beck. Geschichte der Byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. — ВВ, 34, 1973, стр. 282.

Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

**КРАТКИЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР РУКОПИСЕЙ,
В СОСТАВ КОТОРЫХ ВХОДИТ ТЕКСТ
«ЛЕТОПИСЦА ВСКОРЕ»
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА НИКИФОРА**

Настоящий обзор является приложением к нашим статьям, посвященным древнерусской рукописной традиции «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора¹. В него включены только те рукописи, в состав которых вошли тексты, относящиеся к выделяемым нами трем редакциям памятника. На данном этапе исследования нам показалось нецелесообразным приводить археографическое описание сборников, в состав которых вошли тексты так называемых особых редакций, а также сборников XVI—XIX вв., где встречаются поздние обработки текстов Хронографика, не соотносимые с нашими редакциями². Как нам кажется, представленный обзор может быть использован для решения вопросов, связанных с судьбой текста на древнерусской почве, а также о времени перевода его на славянский язык и появления на Руси.

1-ая, Нераспространенная редакция

1. F₁ — ГПБ, основное собр. рукописной книги (ф. 550), F. II. 250. Кормчая последней четверти XV в., в лист, лл. 306 об. — 312 об.³. Рукопись описана, см.: 1) В. Н. Бенешевич. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905, стр. 261; 2) Я. Н. Шапов. О составе древнеславянской Кормчей Ефремовской редакции. — В сб.: «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 209—210.
2. ТСЛ₂ — ГБЛ, собр. Троице—Сергиевой лавры (ф. 304), № 207. Кормчая конца XV в. — начала XVI в., в лист, лл. 285 об. — 291. Рукопись описана, см.: 1) Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, ч. 1. М., 1878, стр. 339—341; 2) Я. Н. Шапов. О составе . . . , стр. 209—210.

2-ая, Распространенная редакция

Первый вид редакции

1. К-Б₁ — ГПБ, собр. Кирилло-Белозерское (ф. 351), № 10/1087. Сборная рукопись XV в., в 4-ку, лл. 309—313. В состав рукописи входят:

¹ См. наши статьи: «К изучению „Летописца вскоре“ константинопольского патриарха Никифора». — ТОДРЛ, т. XXIX, 1974, стр. 170—177; «О третьей русской редакции „Летописца вскоре“ константинопольского патриарха Никифора». — ВВ, 36, 1974, стр. 147—153; «К вопросу о времени перевода „Летописца вскоре“ константинопольского патриарха Никифора на славянский язык». — «Вспомогательные исторические дисциплины», т. VII (в печати).

² Шифры рукописей и некоторые замечания о них см. в нашей статье «О третьей русской редакции. . . », стр. 151.

³ Здесь и далее после указания формата рукописи мы отмечаем листы, на которых находится текст «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора

«Писание Иоанна Дамаскина о осми частях слова», книга Исуса Навина, книга судей Израилевых, книга Руфь, книга 4-х царств, апокрифические статьи из толковой Палеи и др. Филигрانی: перчатка с полумесяцем (лл. 1, 6, 10, 64, 75, 108) типа № 11254 по альбому Брике⁴, датируемая 1422—1449 гг.; голова быка со звездой (лл. 18, 20, 28, 41) типа № 4 по альбому Тромонина⁵, датируемая 1324—1407 гг., или типа № 451 по альбому Лихачева⁶, датируемая 1406 г.; женская фигура (лл. 92, 172, 173, 280) типов № 2371—2372 по альбому Лихачева, датируемая XV в.; буква В маленькая с крестом (л. 185) типа № 2498 по альбому Лихачева, датируемая 1458 г.; якорь (лл. 201, 211, 214) типов № 2473—2474 по альбому Лихачева, датируемый 1405 и 1420 г., или типа № 384 по альбому Брике, датируемый 1461—1466 гг.; единорог (лл. 267, 270—271, 353) типа № 9970 по альбому Брике, датируемый 1433—1475 гг.; корона (лл. 329, 332, 334) типа № 4644 по альбому Брике, датируемая 1455 г., или типа № 989 по альбому Лихачева, датируемая 1451 г. На листах с текстом «Летописца вскоре» (лл. 309—313) филиграней не обнаружено. На лл. 135, 141 заметны элементы и других филиграней, например ключей, однако из-за того, что в рукописи представлены только отдельные элементы этого знака, соотношение его с какими-либо типами затруднено. Рукопись описана, см.: 1) А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866, стр. 215—217; 2) Кирилло-Белозерский монастырь. Опись библиотеки (машинопись). Л., 1962, стр. 334.

2. А — ГБЛ, собр. Румянцева (ф. 256), № 453. Хронограф 1494 г., в 4-ку, лл. 474—475 об. Рукопись описана, см.: Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842, стр. 725—734.

3. Сол₄ — ГПБ, собр. Соловецкое, № 976/866, сборная рукопись конца XVI—XVII в., в 4-ку, лл. 291—298. В состав рукописи входит текст исторической Палеи и другие статьи. Филигрانی: 1-й кувшинчик с одной ручкой и литерами $\overset{C}{\text{HO}}$ (лл. 5, 9, 12), наиболее близкий № 1763

по альбому Тромонина (литеры на кувшинчике не совпадают), датируемый 1573—1638 гг.; 2-й кувшинчик с двумя ручками (лл. 28, 29, 82, 120, 125, 164, 165, 170—171, 208), аналогичного не найдено в альбомах ни у Гераклитова⁷, ни у Тромонина, ни у Лихачева; виноград (л. 271, 281, 290) типа № 1962 по альбому Лихачева, датируемый 1607 г.; герб «лилия на щите» (лл. 301, 304, 306, 308, 312, 324, 325), наиболее близкий № 214 по альбому Гераклитова (литеры, однако, не совпадают), датируемый 1660 г.; двуглавый орел (лл. 292, 293, 296, 297 — текст с «Летописцем вскоре»), аналогичного не обнаружено в альбомах ни у Гераклитова, ни у Клепикова⁸, ни у Лихачева, ни у Тромонина, ни у Лауцявичюса⁹, ни у Черчилля¹⁰. Рукопись описана, см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии, ч. II. Казань, 1885, стр. 92—95.

4. Писк₁ — ГБЛ, собр. Пискарева (ф. 228), № 183, в 4-ку, лл. 201—211. Исторический сборник начала XVII в. Филигрانی: на лл. 3, 5, 81, 119, 201, 207, 280, 284, 336, 358, 374 заметны отдельные элементы разных кувшинчиков, по-видимому, двух; рукопись была подвергнута современной реставрации, и поэтому затруднительно расчленение

⁴ Ch. M. Briquet. Les filigranes. Paris, 1907.

⁵ К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. М., 1844.

⁶ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. I—III. СПб., 1899.

⁷ А. А. Гераклитов. Филигрانی XVII века. М., 1963.

⁸ С. А. Клепиков. Филигрانی и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959.

⁹ Э. Лауцявичюс. Бумага в Литве в XV—XVIII вв. Атлас. Вильнюс, 1967.

¹⁰ W. A. Churchill. Watermarks in paper. Amsterdam, 1935.

ее на тетради, а соответственно и выявление филигранных полностью, однако просматриваемые элементы кувшинчиков могут быть соотносимы с № 606, 649, 867, 870 по альбому Гераклитова, датируемые соответственно 1628—1630 гг., 1626 г., 1618 г., 1620—1621 гг. Рукопись описана, см.: Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским публичным и Румянцевским музеями в 1868 г., после Д. В. Пискарева. Составлен А. Е. Викторовым. М., 1871, стр. 50—51

Второй вид редакции

1. Син₁ — ГИМ, собр. Синодальное № 132. Кормчая конца XIII в., в лист, лл. 567—576 об. Рукопись описана неоднократно, см., например, Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева), составила Т. Н. Протасьева, ч. I, М., 1970, стр. 95—97. Здесь же, на стр. 97, приводится подробная библиография предшествующих описаний памятника.
2. Ч — ГИМ, собр. Чудовское, № 4. Кормчая конца XIV в., в лист, лл. 300 об. — 303. Рукопись описана неоднократно, см., например: М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышко. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. — «Археографический ежегодник за 1964 г.» М., 1965, стр. 194.
3. К—Б₂ — ГПБ, собр. Кирилло-Белозерское (ф. 351), № 130/387. Каноник XV в., в 4-ку, лл. 284 об. — 290. Филигранные: гроздь винограда, окруженная лозами с листьями (лл. 7, 11, 16, 21, 45) типа № 1131 по альбому Лихачева, датируемая 1470 г.; агнец пасхальный (лл. 114, 117, 123, 136, 140) типа № 44 по альбому Брике, датируемый 1463—1469 гг., бык (лл. 143, 148, 180) типа № 2817 по альбому Брике, датируемый 1453—1477 гг.; 1-я голова быка (лл. 2, 182, 184—185, 211, 215) типа № 193 по альбому Тромонина, датируемая 1450 г.; 2-я голова быка (лл. 190, 194, 198, 206—207, 280, 281) типа № 143 по альбому Тромонина, датируемая 1450—1508 гг.; 3-я голова быка (лл. 217, 222, 234, 252) типа № 14825 по альбому Брике, датируемая 1448—1482 гг.; 4-я голова быка, на листах с текстом «Летописца вскоре» (лл. 284, 285, 288, 289) типа № 3883 по альбому Лихачева, датируемая 1426 г.; корона (лл. 255, 257, 267) типа № 2597 по альбому Лихачева, датируемая XV в. Рукопись описана, см.: Кирилло-Белозерский монастырь... стр. 158.
4. Епарх — ГИМ, собр. Епархиальное, № 377, в 8-ку, лл. 385—401 об. Сборная рукопись конца XV — начала XVI в.¹¹. О составе рукописи см.: Р. П. Дмитриева. Четыре сборники XV в. как жанр. — ТОДРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1972, стр. 168.
5. Сол₁ — ГПБ, собр. Соловецкое, № 415 (совр. 476/495). Кормчая книга конца XV — первой четверти XVI в., в лист, лл. 433—438. Филигранные: голова быка (лл. 2, 6, 7, 8) типа № 1062 по альбому Лихачева, датируемая 1485 г.; рука с цветком (лл. 433, 440) типа № 10718 по альбому Брике, датируемая 1499—1500 гг., или типа № 323 по альбому Тромонина, датируемая 1521 г.; рука без цветка (л. 447) типа № 325 по альбому Тромонина, датируемая 1521 г. Рукопись описана, см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря..., ч. II, стр. 55—56.
6. ТСЛ₄ — ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 765. Сборная рукопись XV—XVI вв., в 4-ку, лл. 29—36 об. В состав рукописи входят: слова Григория Богослова, св. Василия, отрывки из «Песни Песней», каноны, «Стефанит и Ихнилат» и др. Филигранные: голова быка со звездочкой (лл. 2, 4, 7, 42, 46) близка № 14930 по альбому Брике, датируемая 1413 г.; человек (лл. 14, 16) близкий № 366 по альбому Тромонина, датируемый 1450 г.; голова быка с крестом (лл. 17—18, 23—

¹¹ Определение по филиграммам было невозможно, так как в настоящее время этот фонд описывается сотрудниками отдела и рукописи читателям не выдаются.

- 24), близкая № 14519 по альбому Брике, датируемая 1471 г.; на листах с текстом «Летописца вскоре» патриарха Никифора (лл. 30—33) коропа, близкая № 4645 по альбому Брике, датируемая 1459—1469 гг.; якорь (лл. 63, 66), близкий № 366—367 по альбому Брике, датируемый 1404 и 1405 гг.; голова быка с крестом и звездочкой (лл. 87, 88, 90), близкая № 14540 по альбому Брике, датируемая 1464—1469 гг.; готическая буква **с** (лл. 121, 122, 125), близкая № 217 по альбому Тромонина, датируемая 1450 г.; рука с цветком (лл. 175, 178, 182), близкая № 10797 по альбому Брике, датируемая 1545—1547 гг.; рука (лл. 216—217, 242, 243), близкая № 11401 по альбому Брике, датируемая 1486 г. Рукопись описана, см.: Описание славянских рукописей библиотеки. . . , ч. III. М., 1879, стр. 175—180.
7. Царск — ГИМ, собр. Царского, № 213 (Уварова 125), Кормчая начала XVI в., в лист, лл. 498 об.—507 об. Филиграния: рука с короной и манжеткой (лл. 289, 499) близкая № 11391 по альбому Брике, датируемая 1535 г.; олень (лл. 325, 384, 385, 405) по альбому Брике типа № 331, датируемый 1522 г. Рукопись описана, см.: Рукописи славянские и Российские, принадлежащие почетному гражданину и археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому, разобраны и описаны Павлом Строевым. М., 1848, стр. 170—176.
8. ТСЛ₁ — ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), № 188. Нила Сорского книга с прибавлениями, второй половины XVI в., в 4-ку, лл. 275—285 об. Филиграния: просматриваются отдельные элементы сферы (лл. 150, 282), близкие типу № 666 по альбому Тромонина, датируемому 1564 г. Других водяных знаков не обнаружено. Рукопись описана, см.: Описание славянских рукописей библиотеки. . . , ч. I, стр. 182—184.
9. Q₁ — ГПБ, основное собрание рукописной книги (ф. 550), № Q XVII 62. Сборная рукопись XVI в., в 4-ку, лл. 1—7. Рукопись описана, см. ПСРЛ, т. IV, ч. 1. Новгородская четвертая летопись, вып. 1-й. Петроград, 1915, стр. V—VIII.
10. Пог₁ — ГПБ, собр. Погодина, № 1287. Сборная рукопись XVI в., в 4-ку, лл. 18—26 об., в состав рукописи входят Притча Соломона; Слова Дорофея, епископа Тирского, о 12 апостолах, о 70 учениках; Сказание св. Елифания о пророках; откровение св. Григория Богослова о посте и литургии; Послание архиепископа Новгородского Василия о рае; «Сказание о патриархе Александрийском Феофиле и о смерти его»; Слова св. Иоанна Златоустого; «Поучения от св. писаний». Слова о пьянстве: Аммония, Кирилла Нифантия; отрывки из книги Есфирь; слово Иоанна Дамаскина о разуме; отрывки из Киево-Печерского патерика — о Федоре и Василии, о Прохоре-лебеднике, о Марке-пещернике; Слово Иоанна Златоустого об умерших; статья о создании храма в Иерусалиме, «Повѣсть дивна зѣло о суждении яко люти злѣиши грѣхъ есть еже судити или оклеветати коего либо»; Слова: «Иоанна архиепископа о преславном пророцѣ Илии и о вдовици», «св. Козмы епископа Халкидонскаго о том, како не подобает жены своея звати госпожею». Послание Григория Богослова к Нектарию; отдельные статьи: о «хранении языка», как «вѣнчати двоженца и треженца»; слова о больных, о волхвующих и т. д. и т. п.; «Слово преподобного отца Ефрема о прекрасном Иосифе», «Житие Ефрема Сирина» и др. Филиграния: сфера (лл. 3, 5, 8; на лл. 18, 23, 24, 25 — текст «Летописца вскоре») типа № 1758 по альбому Лихачева, датируемая 1555 г., или типа № 357 по альбому Тромонина, датируемая 1564 г.; 1-й кувшинчик с одной ручкой и полумесяцем и литерами ID (лл. 33, 36, 46, 121) типов № 2718—2719 по альбому Лихачева, датируемый 1517 г.; 2-й кувшинчик с одной ручкой (лл. 93, 96), аналогичного нет в альбомах ни у Гераклитова, ни у Лихачева, ни у Тро-

мони́на; корабли́к (лл. 149—150, 262, 308—309) типов № 1922—1923 по альбому Лихачева, датируемый 1567 г.

11. Тих₁ — ГБЛ, собр. Тихонравова (ф. 299), № 210. Сборная рукопись исторического содержания XVII в., в 4-ку, лл. 86—97. Филиграниц: «Gardinas» (лл. 3, 6, 9, 27—28) типа № 2277 по альбому Лауцявичюса, датируемый 1665 г., на других листьях, а также на листах с текстом «Летописца» Никифора (лл. 75, 77—78, 86, 88, 92—93) — охотничий рог в картуше с литерами CD, подобного знака ни в альбомах Гераклитова, Клепикова, Тромонина, ни в альбомах Хивуда¹² и Черчилля нами не обнаружено. Рукопись описана, см.: Г. Георгиевский. Собрание Н. С. Тихонравова, I. Рукописи. М., 1913, стр. 31.
12. Ц₃ — ЦГАДА, ф. 181, № 365. Летописный сборник конца XVI — начала XVII в., в лист, лл. 134 об.—140 об. Описание рукописи см.: 1) Рукописное собрание МГА МИД, машинопись, кн. 1—726, стр. 58; 2) ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л. 1962, стр. 12—14.
13. Сол₂ — ГПБ, собр. Соловецкое, № 664/22 (совр. 22/1481). Летописец, сборная рукопись конца XVI—XVIII в., в 4-ку, лл. 2—8 об. Филиграниц: шут с воротником с семью бубенцами (лл. 3, 4 — текст «Летописца вскоре») типа № 1371 по альбому Гераклитова, датируемый 1669 г.; кувшинчик с одной ручкой и литерами $\frac{PD}{R}$ (лл. 19, 22, 28, 29, 43) типа № 3349 по альбому Лихачева, датируемый 1588 г.; герб с лентой и гирляндой цветов и литерами MB (лл. 80, 84, 85). Аналогичного не найдено в альбомах ни Гераклитова, ни Лихачева, ни Тромонина. Наиболее близок тип № 541 по альбому Хивуда, однако он имеет примечание — ND, NP, т. е. без времени и места. Рукопись описана, см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря... ч. II. Казань, 1885, 535—537.

Третий вид редакции

1. Обо₁ — ЦГАДА, ф. № 201, № 163. Список Никоновской летописи XVI в., в лист, лл. 5—11. Рукопись описана, см.: 1) ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. VII—VIII; 2) Б. М. Клосс. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20-х—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи. В кн.: «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, стр. 318—337.
2. Му₂ — ГБЛ, собр. Музейное (ф. 178), № 3841. Сборная рукопись конца XV — последней четверти XVII вв., в состав которой входят Софийская 1-я Летопись (младшего извода) и краткие летописцы конца XV — последней четверти XVII в., в 4-ку, лл. 289—299 (датируемые первой третью XVI в.). Рукопись описана неоднократно, см., например: 1) А. Н. Насонов. Летописный свод XV века (по двум спискам). — «Материалы по истории СССР», II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 277—279 (здесь же дана библиография и предшествующих описаний); 2) Музейное собрание (машинопись), ф. 178. Русская и славянская часть. Опись, т. II. М., 1968, стр. 331—332.
3. Б₂ — БАН, 32.14.8. Никоновская летопись с прибавлениями, третья четверть XVI в., в лист, лл. 47—51. Рукопись описана, см.: 1) ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, стр. VI—VII; 2) Описание РО БАН СССР, т. 3, вып. I. М.—Л., 1959, стр. 344—350.
4. Пог₄ — ГПБ, собр. Погодина, № 1571. Сборная рукопись исторического содержания, первая половина XVI—XVII в., в 4-ку, лл. 96—104 об. В состав рукописи входят: отрывки грамоты 1552 г. о неподсудности духовенства мирским властям; Повесть об иконе Владимирской богородицы; послания Кирилла Белозерского; Житие и чу-

¹² Watermarks mainly of the 17th—18th centuries. Hilversum (Holland), 1950.

- деса св. Макария Колязинского; список Киевских митрополитов до 1632 г.; сказка о Царьградском купце; послание игумена Спасо-Елиزارова монастыря Памфилия в Псков; послание инок Филофея к дьяку Михаилу Мисюрю; грамота 1410 г. митрополита Фотия в Новгород; отрывок из Хождения митрополита Исидора на Флорентийский собор; отрывки из Палеи, устав Льва Мудрого о порядке епархий и др. Филигрانی: 1-й кувшинчик с полумесяцем и двумя ручками (л. 8), аналогичного типа ни у Гераклитова, ни у Лихачева, ни у Тромонина в альбомах не обнаружено; однако согласно классификации Гераклитова наш кувшинчик может быть соотносим со 2-м видом данного знака, датируемым 1631—1640 гг.; 2-й кувшинчик с одной ручкой (лл. 15, 24, 27) типов № 427—429 по альбому Гераклитова, датируемый 1610 г.; герб «перевязь» (лл. 50—52) типов № 295—297 по альбому Гераклитова, датируемый 1650 г.; герб «лилия на щите» (лл. 100, 102 — с текстом «Летописца вскоре», 117, 120), близкий № 1503 по альбому Лихачева, датируемый 1522 г.; на других листах, например лл. 50, 58, — плохо различимый шут, л. 71 — маленький кувшинчик с одной ручкой, аналогичного не обнаружено в альбомах Гераклитова, Лихачева, Тромонина; кроме того, на тех листах, которые предшествуют основным текстам и на которых отдельно почерком XIX в. (Строева?) написаны только названия произведений, входящих в состав сборника, также заметны водяные знаки — в одной половине листа геральдическая лилия, по бокам которой литеры У и Ф, в другой половине листа такая же лилия и буквы Л и П. Посредине, внизу год «1814» (№ 3617 по альбому Лихачева).
5. ТСЛ₃ — ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, II, № 364, список Никоновской летописи первой половины XVII в., в лист, лл. 7—13 об. Филигрانی: кувшинчик с двумя ручками и литерами РВ (лл. 4, 10) типа № 1677 по альбому Тромонина, датируемый 1640 г.; лилия на щите с короной (л. 6), близка № 640 по альбому Тромонина, датируемая 1644 г. Рукопись описана, см.: ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. IX.
  6. Б₁ — БАН, 17.2.5. Никоновская летопись, вторая половина XVII в., в лист, лл. 7—12. Рукопись описана, см.: 1) ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. VIII; 2) Описание РО БАН СССР, т. 3, вып. I. М.—Л., 1959, стр. 350—354.
  7. У — ГБЛ, собр. Ундольского (ф. 310), № 756. Летописный сборник XVII в., в 4-ку, лл. 218—222 об. Филигрانی: шут, воротник с пятью концами (лл. 65, 68), близкий № 1200, по альбому Гераклитова, датируемый 1674 г., или № 811, 1253, 1316 по альбому Тромонина, датируемые соответственно 1668 г. и 1676 г.; заметны отдельные элементы и второго шута (лл. 83, 143), однако соотношение их с известными типами водяных знаков затруднительно из-за того, что части филигрانی различимы очень слабо. На листах с текстом «Летописца вскоре» патриарха Никифора никаких филиграней не обнаружено. Рукопись описана, см.: Описание собрания В. М. Ундольского (машинопись). М., 1936—1937, стр. 170.
  8. F₂ — ГПБ, основное собр. рукописной книги (ф. 550) F.IV.237. Летописный сборник XVII в., в лист, лл. 5—12 об. Рукопись описана, см.: ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. IX.
  9. Ц₁ — ЦГАДА, ф. 181, № 7. Список Никоновской летописи XVII в., в лист, лл. 5—11 об. Рукопись описана, см.: 1) ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. IX; 2) Рукописное собрание библиотеки МГА МИД, машинопись, кн. 1—726, стр. 2.
  10. Эрм — ГПБ, собр. Эрмитажное, № 429. Летописный сборник второй половины XVIII в., в лист, лл. 4 об.—13 об. Филигрانی: Герб Ярослава и литеры ЯМАЗ (лл. 1—13 — текст «Летописца вскоре»; 190—191; 195; 362; 409; 411; 520) — по Клепикову тип № 3, датируе-

мый 1756 г. Рукопись описана, см.: Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание. Составитель Д. Н. Альшиц. М., 1968, стр. 107.

Четвертый вид редакции

1. Ц₂ — ЦГАДА, ф. 181 № 66. Российский Летописец XVI в., в 4-ку, лл. 1—9 об. Описание рукописи см.: Рукописное собрание МГА МИД, машинопись, кн. 1—726, стр. 13.
2. П — ГБЛ, собр. Попова (ф. 236), № 31, сборная рукопись последней четверти XVII в. исторического содержания, в 4-ку, лл. 111—119. Филигрانی: шут (лл. 13, 27, 233, 234—235), близкий № 1253 по альбому Тромонина, датируемый 1676 г., рука с литерами СВ (лл. 116, 118, 161, 185, 196, 197, 321, 324), аналогичной ни у Брике, ни у Гераклитова, ни у Тромонина обнаружить не удалось; герб Амстердама (лл. 39, 80, 97, 111, 115 — текст «Летописца вскоре», 226—227, 314—315), аналогичного типа ни у Гераклитова, ни у Тромонина не обнаружено. Рукопись описана, см.: Опись собрания рукописных книг Андрея Николаевича Попова, XIII—XIX вв. (машинопись). М., 1964, стр. 15—17.
3. Син₂ — ГИМ, собр. Синодальное, № 965, летописный сборник, сборная рукопись XVII—XVIII вв., в 4-ку, лл. 201—205. Рукопись описана, см.: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева), ч. 1, стр. 150—152.

3-я, Сводная редакция

Первый вид редакции

1. Соф₂ — ГПБ, собр. Софийское, № 1497. Сборная рукопись. Хронограф особого состава второй половины XVI в., в 4-ку, лл. 387—401 (по карандашной пагинации). Филигрانی: сфера (лл. 1, 10, 11, 18—19, 39) типа № 1758 по альбому Лихачева, датируемая 1555 г., или типа № 1602 по альбому Тромонина, датируемая 1564 г.; кувшинчик с одной ручкой и литерами $\frac{RD}{B}$ (или $\frac{RI}{B}$) (лл. 173, 185, 292, 353, 380, 387, 391—на трех последних текст «Летописца вскоре»), аналогичного типа не найдено в альбомах Гераклитова, Лауцявичюса, Лихачева, Тромонина, Черчилля. Описание рукописи см.: А. Попов. Обзор..., стр. 217—226.
2. Q₂ — ГПБ, основное собрание рукописной книги (ф. 550), № Q XVII 321. Сборная рукопись XVI—XVII вв. (?), в 4-ку, лл. 292—299 об. В состав рукописи входят: Шестоднев Иоанна Экзарха болгарского, отрывки из Апокалипсиса; слова — Геннадия, патриарха Царьградского, Иоанна Златоустого «о разумѣ и о маслѣ», статья о пророках, «Толк святых церкви», «слово избранно Григория Богослова о кресте честном и о двою крестех разбоиничих», статья из Хронографа «о отложении мяса иноком», «Повесть дивна о цари Соломоне и о его прелщении», отрывки из Пчелы, отрывки из книги «Златой бисер», «Козьмы Индикоплова», «Послание архиепископа Новаграда и Пскова, владыки Василия ко Владыкѣ Тферьскому Феодору о рае», «Повесть о чюдеси пресвятыя владычицы нашея богородици и о отроцѣ», «Повесть от старчества о нѣкоем старце и ученицѣ его и о ме[r]твых костех зѣло полезна» и др. Филигрانی: 1-й кувшинчик с одной ручкой и литерами $\frac{A}{DR}$ (или $\frac{A}{DB}$) (лл. 2—5, 18, 23, 338, 343, 576) не находит себе аналогичного ни у Гераклитова, ни у Лихачева, ни у Тромонина; 2-й кувшинчик «ваза» (лл. 307, 315, 331, 332) наиболее близок № 915—917 по альбому Гераклитова (но без литер), датируемый 1631—

1633 гг.; крепостные ворота (лл. 230, 233, 269, 271, 296, 297, на д последних текст «Летописца вскоре») типов № 41—42 по альбому раклитова, датируемые 1638 г.

Второй вид редакции

1. Пог₅ — ГПБ, собр. Погодина 1577. Сборная рукопись первой половины XV — первой половины XVI в., в 4-ку, лл. 22—35 об. В состав рукописи входят: отрывок рассуждения о лунном течении, ответ Тверского епископа Симеона Полоцкого князю Константину, статьи о русских епископах и епископах, о князьях русских. Слова: Василия Великого о божественной службе, епитимиях; Иоанна Постника о заповедях и т. п.; Сказание о названии Афонской горы, житие Пафнутия Боровского и др. Филиграния: кувшинчик с одной ручкой (лл. 1, 3, 8, на л. 30 — текст «Летописца вскоре») типа № 12759 по альбому Брике, датируемый 1546 г.; тиара (лл. 36, 38, 41) типов № 4955 и № 4956 по альбому Брике, датируемая 1514—1515 гг., или типа № 18 по альбому Тромонина, датируемая 1530 г.; единорог (лл. 85, 86, 87) типов № 10013—10015 по альбому Брике, датируемый 1443—1449 г.; рука (лл. 93, 108, 130) типа № 10942 по альбому Брике, датируемый 1551 г.
2. Вол — ГБЛ, собр. Волоколамское (ф. 113), № 191 (583). Сборная рукопись XVI в., в 8-ку, лл. 1—18. В состав рукописи входят летописные и хронографические статьи, толкования и т. п. Филиграния: голова быка (лл. 2, 4, 9, 13, 21, 24, 28, 33), типа № 334 по альбому Тромонина, датируемая 1521 г.; тиара (лл. 42, 43) типа № 843 по альбому Тромонина, датируемая 1495—1521 гг., рука с цветком (лл. 372, 374), близкая № 319 по альбому Тромонина, датируемая 1504—1521 гг.; на других листах заметны отдельные элементы лилии и готической буквы *ſ*. Однако соотнесение их с известными типами по альбомам водяных знаков затруднительно из-за того, что полностью все элементы филиграния не просматриваются. Рукопись описана, см.: 1) Иосиф иеромонах. Описание рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифа монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882, стр. 236—238. 2) Дополнительная опись к печатному описанию Иосифа иеромонаха. Опись. . ., М., 1972 (машинопись), стр. 130—132.
3. Пог₂ — ГПБ, собр. Погодина, № 1409. Летописный сборник конца XVI в., в 4-ку, лл. 1—7 об. Рукопись описана, см.: ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, стр. 7—8.
4. Бел — ГБЛ, собр. Беляева, № 1512 (М. 1512). Сборная рукопись. Русский летописец, первая половина XVII в., в 4-ку, лл. 9—27 об. Рукопись описана, см.: 1) А. Викторов. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 5—6; 2) ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, стр. 8—9.

Третий вид редакции

1. Маз — ЦГАДА, собр. Мазурина, № 289, Летописный сборник конца XV в.—начала XVI в., в лист, лл. 101—107. Описание рукописи см.: ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, стр. 57.
2. Архив — ЦГАДА, ф. 181, № 365. Летописный сборник конца XVI в.—начала XVII в., в лист, лл. 55 об.—63. Описание рукописи см.: 1) ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, стр. 12—14; 2) Рукописное собрание МГА МИД, машинопись, кн. 1—726, стр. 58.

С. Б. АВРУНИНА

РУССКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ И СТАНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

В становлении русского византиноведения немалая роль принадлежит археологическим съездам, которые в силу ряда обстоятельств явились основными научными форумами, на которых стала выступать русская византистика и начали осуществляться постоянные научные контакты русских византиноведов.

Зарождение русского научного византиноведения относится к XVIII в. и восходит к трудам М. В. Ломоносова и других ученых, группировавшихся вокруг Академии наук¹. Новые возможности и изучение археологических материалов и памятников Юга России привели к возрастанию роли археологии.

В начале XIX в. появились музеи, куда поступали коллекции древностей. Было основано Московское общество истории и древностей, а позднее археологические общества были основаны в Одессе и Петербурге. С 1827 г. начинаются систематические раскопки в Херсонесе. В 1859 г. была создана Археологическая комиссия, которая руководила всеми раскопками. Помимо нее работы велись Русским археологическим обществом и Московским археологическим обществом², которому принадлежала инициатива созыва периодических всероссийских археологических съездов.

В связи со значением археологических материалов для дальнейшего изучения истории Византии археологические съезды становятся теми всероссийскими научными собраниями, на которых было представлено византиноведение, тем более что, кроме вопросов собственно археологических, на съездах ставились доклады по исторической географии, этнографии, филологии и т. д.

Сами же участники съездов, по словам одного из них, оценивали свою деятельность следующим образом: «Археологические съезды служат средством сближения между товарищами по науке. Члены съездов, историки, археологи, лингвисты и прочие, составляют благодаря этому учреждению, ученую корпорацию, которая в этом виде не существовала бы без съездов. . . , непосредственный обмен мыслей между специалистами. . . может считаться одним из самых важных средств поощрения нашей научной деятельности»³.

Начиная с первого съезда в 1869 г. византилисты принимают участие в работе секции «Классические и византийские древности». Постоянным участником почти всех съездов был Н. П. Кондаков — один из основоположников и зачинателей византийской археологии и искусствознания в нашей науке⁴.

¹ З. В. Удальцова. Византиноведение. — В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 2. М., 1960, стр. 508—525.

² А. Л. Монгайт. Русская археология до 1917 г. — В кн.: «Археология в СССР». М., 1955, стр. 38—44.

³ «Труды 5-го археологического съезда в Тифлисе, 1881». М., 1887, стр. LII.

⁴ В. Н. Лазарев, Н. П. Кондаков. — В кн.: «Византийская живопись». М., 1971, стр. 7—19.

Первый съезд заложил основы широкого участия византинистов в археологических съездах как основного их форума. Съезды собирались каждые 3—4 года, и почти на всех были византийские секции. Съезды проводились в разных городах, и в тематике их преобладали доклады, связанные с историей и археологией края, где проводился съезд. Труды всех съездов были опубликованы.

70-е—80-е годы XIX в. были временем создания русской научной школы византиноведения, начала систематических раскопок и археологических исследований многих центров, связанных с византийской историей и культурой (Херсонес, Киев, Закавказье). На эти годы приходится суммарно византиноведческие исследования В. Г. Васильевского, историко-археологические и исторические — Н. П. Кондакова и Ф. И. Успенского.

С 70-х годов Н. П. Кондаков совершает систематические поездки, изучая памятники Юга России и христианские памятники Востока. С 1870 г. Новороссийский (Одесский) университет, где Н. П. Кондаков занимает кафедру теории и истории искусств, становится центром изучения византийской археологии.

Второй съезд, состоявшийся в 1871 г. в Петербурге, и третий, состоявшийся в 1874 г. в Киеве, привлекли еще большее внимание византинистов. В работе секции «Древности классические, византийские и западноевропейские» приняли участие В. Г. Васильевский, Г. С. Дестунский, Н. П. Кондаков, И. И. Срезневский и А. Рамбо — крупнейший французский историк и византинист. Академик И. И. Срезневский, выдающийся русский ученый, основатель школы петербургских славистов, представил на съезд доклад «Св. София Царьградская по описанию русского паломника конца XII в.». Был предложен к обсуждению вопрос о сравнительной характеристике византийских хронистов, вошедших в состав русского свода хронографа: Иоанна Малалы, Георгия Амартола, Константина Манассея.

Свидетельством консолидации сил русского научного византиноведения явился VI съезд⁷, проходивший в Одессе в 1884 г.⁸ Съезд показал, что русское византиноведение становится самостоятельной областью русской исторической науки. На заседаниях византийской секции, где председательствовал В. Г. Васильевский, были представлены самые различные направления отечественного византиноведения. В. Г. Васильевский выступил с докладом, показавшим значение Палестинского общества и его изданий в развитии византистики. Палестинское общество являлось в те годы центром публикации византиноведческих трудов, организацией, с помощью которой происходило сближение византиноведения с ориенталистикой.

На византийских секциях работа велась как бы в трех направлениях:

1) теоретические и методические проблемы — в докладах Ф. И. Успенского («О научных потребностях в современном изучении Византии») и Н. П. Кондакова («О научных потребностях в современном изучении византийской археологии»);

2) византийская история и источниковедение — доклады В. Г. Васильевского («О вновь приобретенном Публичной библиотекой греческом сборнике Месопотамита»), Ф. И. Успенского («Византийские земледелие. Наблюдение по истории сельского хозяйства», «О рукописях библиотеки на острове Халки»);

3) византийская археология и искусство — доклады Н. П. Кондакова («О влиянии в области искусства вообще и византийского в частности»).

⁵ «Записки Одесского общества истории и археологии (1839—1919)», т. 1—32. Одесса, 1844—1915; Указатель статей, помещенных в 1—30 томах «Записок имп. Одесского общества истории и древностей». Сост. М. Г. Попруженко. Одесса, 1914.

⁶ «Труды 3-го археологического съезда. Киев, 1874 г.», т. 1, 2. Киев, 1878.

⁷ «Труды VI археологического съезда в Одессе, 1884», т. 1—4. Одесса, 1886—1888.

⁸ Четвертый и пятый съезды состоялись в 1877 г. в Казани и в 1881 г. в Тифлисе.

«Церкви Константинопольские»), В. В. Латышева («О работе над изданием общего сборника греческих и латинских надписей Северного Причерноморья»). В работе секции участвовали А. А. Куник, Г. С. Дестунис, Ю. А. Кулаковский, А. И. Кирпичников и др. Итогом работы секции явилась публикация всех докладов в «Трудах съезда»⁹.

Всего до 1917 г. было проведено 15 съездов, последний состоялся в 1911 г. Не на всех съездах византийская тематика была так разнообразна, как на шестом. На VII—XII съездах (1887—1902 гг.) византиноведение было представлено достаточно широко (история, источниковедение, литература, археология)¹⁰. В 1896 г. в Риге на X археологическом съезде Ф. И. Успенский выступил с сообщением о деятельности Русского археологического института в Константинополе¹¹, основанного в 1895 г. и ставшего важнейшим центром византийской археологии и искусствоведения. В 1894 г. начал выходить «Византийский временник»¹², вокруг которого продолжали консолидироваться византилисты.

Русское византиноведение превращалось в самостоятельную область исторической науки¹³.

В сотрудничестве русских византистов начинают играть важную роль другие связи и учреждения, поэтому их участие в рассматриваемых съездах принимает уже более узко археологический характер¹⁴.

Основные работы и исследования по византийской истории, искусству и литературе печатаются в «Византийском временнике» и в ИРАИК¹⁵.

Русское византиноведение с 90-х годов XIX в. выходит на международную арену¹⁶. Византисты участвуют в Международных конгрессах ориенталистов, а с 1903 г. — в Международных исторических конгрессах. В связи с этим роль археологических съездов в развитии византиноведения падает, что явилось закономерным процессом. Все это не должно затенять ту огромную роль, которую в XIX в. сыграли археологические съезды в консолидации сил русского византиноведения в начальный период его становления, того, что они были первыми всероссийскими научными форумами, на которых устанавливались систематические контакты русских византистов; ими фактически был подготовлен последующий выход русского византиноведения на международную арену, участие в международных конгрессах. С другой стороны, византиноведческие секции археологических съездов явились предшественниками последующих всероссийских научных объединений в области византиноведения, заложивших традиции систематического научного общения, которое нашло свое продолжение в советский период в практике созыва всесоюзных византиноведческих конференций, играющих существенную роль в развитии советского византиноведения.

⁹ «Труды VI археологического съезда в Одессе, 1884», т. 3. Одесса, 1887.

¹⁰ «Труды VII археологического съезда в Ярославле, 1887». М., 1890; «Труды VIII археологического съезда в Москве, 1890». СПб., 1892; «Труды IX археологического съезда в Вильне, 1893». М., 1895; «Труды X археологического съезда в Риге, 1896». М., 1899; «Труды XI археологического съезда в Киеве, 1899». М., 1901; «Труды XII археологического съезда в Харькове, 1902». М., 1905.

¹¹ ВВ, III, 1896, стр. 727.

¹² В «Византийском временнике» сразу же начала появляться информация об археологических съездах; давались краткие изложения докладов византистов.

¹³ См. ВДИ, 1938, № 4, стр. 13.

¹⁴ См. «Труды XIII археологического съезда в Екатеринославле, 1905». М., 1907; «Труды XIV археологического съезда в Чернигове, 1908—1909». М., 1910; «Труды XV археологического съезда в Новгороде, 1911». М., 1914.

¹⁵ З. Д. Титова. Указатель к статьям по византиноведению, опубликованным в «Известиях Русского Археологического института в Константинополе». — ВВ, XXVII, 1967, стр. 355—359. Ранее статьи по византиноведению публиковались в «Известиях Академии наук» и в журнале «Христианский Восток».

¹⁶ На XI Международном конгрессе ориенталистов в Париже в 1897 г. К. Крумбахер сделал доклад о русском византиноведении. См. ВВ, IV, 1897, стр. 759.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

З. В. Удалцова. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., «Наука», 1974.

На протяжении последних лет исследователи часто встречали в советских и зарубежных журналах и изданиях статьи З. В. Удалцовой, посвященные творчеству и мировоззрению ранневизантийских историков.

Эти статьи привлекали внимание умением автора выделить специфические и оригинальные черты в творчестве того или иного историка, дать развернутую характеристику его мировоззрения, социально-политических воззрений.

Рассматриваемая работа представляет собой сводный итог многолетних исследований автора в этой области. Но если в предшествующих статьях резко выделялись индивидуальные черты мировоззрения и исторического творчества различных ранневизантийских авторов, то в монографии наряду с этим скрупулезно прослеживаются и выявляются черты общей эволюции исторической мысли, сдвигов в мировоззрении ранневизантийских историков. По существу мы впервые имеем общую последовательную картину «внутреннего» развития светской византийской историографии IV—VII вв.

Советская наука всегда уделяла политической мысли и воззрениям этой кризисной переломной эпохи большое внимание. Достаточно вспомнить цикл исследований М. В. Левченко о Синезии и Агафии, Н. В. Пигулевской, автора рассматриваемой монографии, чтобы увидеть, что труд З. В. Удалцовой в определенной мере завершает длительный этап изучения идеологии и историографии ранневизантийского общества в нашей науке и является бесспорно итогово-обобщающим.

Это во многом объясняет его важнейшие достоинства. Пожалуй, главным научным достижением автора является то, что он удивительно органично сочетал элементы глубокого историкоисследовательского анализа с параллельным изучением мировоззрения и общественно-политических взглядов рассматриваемых авторов, в максимальной степени добившись того, что каждая из этих линий исследования могла дать для обогащения другой. Поэтому можно говорить не только о значимости данной работы в двух планах: историкоисследовательском и мировоззренческо-историографическом, плане изучения общественно-политической мысли ранней Византии, в каждом из которых автор во многом пополняет существующие представления и оценки, но и об определенном их синтезе, который во многих отношениях делает эту работу новаторской по характеру и принципиально существенной по своим обобщениям и выводам.

Думается, что автор совершенно правильно выделил и взял в качестве главного объекта своего исследования светских историков, с одной стороны, более непосредственно связанных с античной традицией, с другой — более живо и непосредственно откликавшихся на происходящие события, раскрывавших свои личные и групповые субъективные позиции и отношения.

Известной сильной стороной З. В. Удалцовой как исследователя является глубокая диалектичность ее подхода, которая особенно проявилась в свое время при изучении ею сложных и противоречивых процессов и сдвигов в мировоззрении, общественно-политических взглядах и настроениях последних столетий существования Византии. Эти черты в полной мере проявились и реализовались в ее подходе к сложным процессам развития и ломки мировоззрения и общественно-политических воззрений кризисной эпохи IV—VII вв.

З. В. Удалцова совершенно справедливо рассматривает ранневизантийскую историографию как органическое продолжение античной, в то же время выделяя ее известные принципиально новые черты, элементы специфически византийского характера, и в полной мере учитывает в своем исследовании результаты изучения ранневизантийской историографии (Ав. и Ал. Кэмерон и др.), показавшего, что зависимость ранневизантийских историков от античных традиций была меньшей, чем считалось раньше, что в их творчестве было больше собственного и оригинального.

Подобные выводы делались ранее преимущественно в результате историкоисследовательских исследований, изучения историографических воззрений и традиций ранневизантийских историков, отражения в их трудах борьбы языческих и христианских

воззрений и идеалов. З. В. Удальцова идет в этом направлении дальше и ставит проблему шире: «Дискуссия по этим проблемам еще далека от завершения. Думается, однако, что не следует сводить спор преимущественно к вопросу о борьбе языческой и христианской идеологии. Необходимо связать воедино политические и религиозно-философские взгляды... и установить их социальную направленность» (стр. 276). Эта задача ставится как основная перед самим автором и пронизывает и объединяет всю работу. Именно поэтому детальный анализ мировоззрения и общественно-политических взглядов ранневизантийских историков занимает в монографии большое место, и можно отметить много несомненных и удачных выводов автора, когда анализ идейно-философских или этических представлений того или иного писателя позволил З. В. Удальцовой точнее определить его общественно-политические воззрения. З. В. Удальцова пишет, что ее задачей было «проследить, как отражалась идейно-политическая борьба в исторических сочинениях того времени» (стр. 5). Думается, что автору, практически осуществившему комбинированный анализ мировоззрения и общественно-политических взглядов, удалось больше — показать те общие сдвиги в идеологии, философских, этических и общественно-политических воззрениях, которые происходили в тот период, определить важные вехи этого процесса, обнаружить существенные проявления ломки старой идеологии, выявить важные элементы рождавшегося нового. С этой точки зрения книга З. В. Удальцовой — несомненный вклад в изучение эпохи кризиса и разложения античного общества и зарождения феодального, в разработку дискуссионной проблемы перехода от античности к феодализму в Византии.

Книга написана живо, интересно и динамично. Автор учитывает все новые точки зрения и оценки, полемизирует со своими оппонентами. Читатель оказывается как бы втянутым в процесс оценки, критического осмысления новейшей литературы.

Нельзя не признать удачной и композицию книги, последовательность и взаимосвязь ее разделов. Несмотря на то, что формально она распадается на ряд очерков о крупнейших византийских историках, на первом плане на протяжении всей книги остается общее движение исторической мысли Византии, отмирание старого в мировоззрении византийских историков и зарождение элементов нового.

Совершенно справедливо первый и наиболее большой раздел исследования посвящен Аммиану Марцелину (стр. 7—82), исторический труд которого в самых разных аспектах в последние годы все более высоко оценивается современными историками. Обычно его рассматривают как последнего античного историка. И с достаточными основаниями З. В. Удальцова в полной мере учитывает античные черты и традиции его творчества. Но в центре ее внимания не эти традиционные для историографии Аммиана моменты, а черты современного и нового, то, что в конечном счете позволяет прийти к выводу о том, что Аммиан должен считаться «не только последним великим римским, но и первым византийским историком» (стр. 82). Думается, что автору удалось убедительно показать и то, что «органическая связь античной и ранневизантийской историографии нашла свое выражение в творчестве Аммиана» (стр. 320), и то, что он одновременно был и «основоположником светского течения в историографии ранней Византии, течения наиболее адаптировавшего основные достижения античной исторической мысли» (стр. 320), «первым византийским историком» (стр. 82).

З. В. Удальцова тщательно прослеживает черты нового в мировоззрении Аммиана, элементы религиозного индифферентизма, остатки античного оптимизма. Существенным является выяснение связи мировоззрения Аммиана с кризисом общества, отражения последнего в его произведениях. Очень важна характеристика Аммиана как «одного из основоположников» «оппозиционного направления». Последнее уходило своими корнями в античную гражданскую историографию и было связано с идеалами и позицией отживающих, античных групп, более тесно связанных с язычеством и античными идеалами. Но именно в эпоху кризиса его представители более живо откликнулись на современные события, для их творчества типичны были обличительные тенденции. З. В. Удальцова убедительно показала, что данное направление характерно для ранневизантийской историографии. Совершенно справедливо она видит в этом доказательство конкретной ценности ранневизантийской историографии, ее «актуальности».

Следующая глава книги посвящена писателям «круга Аммиана» — Евнапию, Олимпиодору из Фив, Зосиму. С большой тщательностью З. В. Удальцова прослеживает эволюцию в мировоззрении и политических взглядах. Она отмечает, что Олимпиодор, например, был «одним из первых византийских писателей, который понял, что без участия варваров империя не в состоянии победить варварство» (стр. 92). Интересный очерк посвящен мировоззрению и политическим взглядам Зосима, и не только как отдельного историка, но как завершающего плеяду представителей языческой оппозиции, как конец языческой историографии Византии, «последний взлет языческой исторической апологетики» (стр. 98). Его «Новую историю» З. В. Удальцова не считает удачным произведением, по ее мнению, оно свидетельствует о явном упадке языческой историографии.

Справедливо выделяют в отдельную группу Приск, Малх и Кандид, отражающие новый этап в развитии византийской историографии, более официальной, на которой уже лежат «лишь отблески идей» языческой оппозиции (стр. 144). Особого внимания заслуживает здесь (гл. III) очерк о Приске, в котором скрупулезно рассматривается

его отношение к варварам и даются интересные для исследователей оценки научно-значимости важнейших свидетельств Приска о варварах.

Немало проблем и по сей день ставит перед историками творчество Прокопия. Глава о нем (гл. IV) — одна из центральных в монографии. Автор подробно излагает биографию, мировоззрение Прокопия, глубоко анализирует его творчество. Он решительно высказывается против «скрытого язычества» Прокопия и приводит дополнительные аргументы в пользу христианских «основ» его мировоззрения. В целом оно уже христианское, но с индифферентным отношением к религиозным проблемам. В этом плане Прокопий занимает особое место в византийской историографии и поэтому вряд ли может рассматриваться как некое продолжение старой языческой оппозиции. Он скорее первый христианский светский историк, историк переходной поры, не утративший лучших традиций светского антично-ранневизантийского историописания и в какой-то мере даже вскормленный ими, но в то же время еще не подавленный традициями христианской историографии, всеобъемлюще-христианским мировоззрением и подходом.

Тем отчетливее выступают социальные основы недовольства и критики Прокопия. Автор убедительно показывает различия в мировоззрении Прокопия и языческих историков предшествующей поры. Хотя Зосим был последним представителем языческой историографии, для него, как и для других представителей этого направления, при всем их недовольстве характерен был определенный оптимизм в оценке будущего империи и Константинополя. Существенной отличительной чертой воззрений Прокопия является пессимизм, связанный не с индивидуальными особенностями характера Прокопия или новым шагом в изживании жизнеутверждающих традиций античного мировоззрения, а с углублением идейно-политического кризиса, с более глубоким осознанием обреченности интересов тех кругов старой сенаторской аристократии, которые представлял Прокопий. Дальновидность и информированность писателя, по мнению автора, заставляла его ощущать и соответственно отражать в своих произведениях эти ощущения острее, чем другие современники.

Автор совершенно прав в том, что оценку творчества и взглядов Прокопия нельзя дать, не сопоставив его с его младшим современником — Агафием, оценка мировоззрения которого также ставит немало проблем. В свое время многие исследователи отмечали его больший демократизм и в то же время больший оптимизм его взглядов, корни которого также не приходится искать только в особенностях характера Агафия. Отличия в его взглядах и мировоззрении справедливо позволили автору поставить вопрос: «Был ли Агафий провозвестником нового мирозерцания или приверженцем старого? Прямым продолжателем античной или предтечей средневековой историографии?» (стр. 205).

Именно под этим углом зрения автор анализирует мировоззрение и взгляды писателя. Он удачно выявляет больший политический радикализм его высказываний, достаточно острое недовольство знатью-династами как социальной категорией (стр. 214). Все это позволяет более четко определить место и позицию Агафия. На вопрос о том, насколько можно рассматривать писателя как выразителя интересов новых социальных сил, автор совершенно основательно дает отрицательный ответ, поскольку Агафий совершенно определенно выступает за «старый порядок вещей» (стр. 214). Равным образом и в своем христианском мировосприятии «он ближе к христианскому миропониманию, чем его предшественники, в том числе и Прокопий». Но вместе с тем «он далек от типично христианского благочестия не только церковных историков, но и Феофилакта Симокатты и Иоанна Малалы» (стр. 228). Несколько больший оптимизм Агафия и тех кругов, к которым он принадлежал, во многих отношениях показателен и примечателен в плане изучения развития идейно-политического кризиса в ранней Византии, но в то же время во взглядах Агафия нет таких черт, которые позволили бы, хоть и с натяжкой, отнести его к идеологам нового. Воззрения ряда историков этой поры, наоборот, скорее свидетельствуют об известном усилении идеологической реакции, отступлении от некоторых прежних «более либеральных» тенденций. Таковы, например, взгляды Менаандра, «рабовладельца до мозга костей» (стр. 251), который «более враждебно относится к варварам» (стр. 261), как бы демонстрируя крах иллюзий использовать варваров в интересах империи.

Историком, в известной степени находящимся на рубеже развития светской историографии Византии, выступает Феофилакт Симокатта (гл. VII). «Философские взгляды Феофилакта Симокатты во многом еще перекликаются с античностью (уже только «перекликаются». — Г. К.), но христианская идеология наложила на них уже более глубокий отпечаток» (стр. 325). Его труд пронизан «признанием всемогущества божественного промысла» (стр. 286—287).

Автор не упускает процесса развития византийской историографии. Он рассматривает его во всей сложности — в отличие от характерных для многих работ тенденций сводить движение историографии к борьбе языческих и христианских тенденций и идеалов. З. В. Удальцова совершенно справедливо показывает, что античное мировоззрение было шире, чем религиозные представления, христианские и языческие, хотя последние и составляли определенный компонент первого. Восприятие христианства, христианских представлений еще не означало окончательной перестройки, «отказа» от античной идеологии. С этой точки зрения, на наш взгляд, З. В. Удальцова исключительно удачно анализирует все стороны мировоззрения историков IV—VII вв.

Думается, что поэтому ей и удастся убедительно показать его явный позднеантичный характер и выявить ту хронологическую грань, когда оно в основе своей качественно меняется, становясь уже средневековым. З. В. Удальцова совершенно справедливо исходит из того, что такой качественной гранью является время, когда христианские воззрения стали определять всю систему мышления и мировосприятия. Это качественно новое отношение З. В. Удальцова находит у Феофилакта Симокаты, отмечая не только новые доминирующие черты в его мировосприятии, но и, что становится дополнительным аргументом в пользу ее выводов, — связанное с этим новое в самом характере его произведения, не свойственное старым традициям светского, «гражданского» историописания, — активно христианский подход ко всем событиям: «Впервые в историческом труде светского характера автор явно стремится показать свою ортодоксальность и приверженность к христианской религии никейского вероисповедания», «требует решительного отставания истинности христианской веры и борьбы с „ложными“ вероучениями» (стр. 289). Суммируя все данные, З. В. Удальцова приходит к важному обобщающему выводу о том, что время, отделяющее Симокату от его предшественников, оказалось решающим в окончательной победе христианской идеологии над остатками язычества, а анализ новых черт в характере его произведения дает ей основания говорить о «значительном шаге по пути развития будущей средневековой византийской литературы и значительного отхода от классических образцов античной цивилизации» (стр. 293).

Глава о Феофилакте Симокате как бы дополняется исследованием «Стратегикона» Псевдо-Маврикия (VIII). Исходя из оценки обстановки, описанной в произведении, З. В. Удальцова склоняется к признанию авторства Маврикия и датирует сочинение концом VI—первой четвертью VII столетия. Учитывая специфику произведения, З. В. Удальцова и здесь стремится выявить новые мировоззренческие черты, что позволяет ей говорить как об общем явлении о глубоком воздействии христианской идеологии на труды светских историков, начиная с VII в. (стр. 323). В этих главах речь идет не только о «христианизации» мышления и мировоззрения. Удачно подчеркиваются некоторые новые черточки и в политической идеологии и философии, также новые по своей направленности — идеи сплочения вокруг государства, выдвижение на первый план тезиса о «благое» государства и т. д. (стр. 317); это дает право автору сделать вывод, что «постепенно в историографии складывается новая философия истории, рождаются зачатки средневековой эстетики» (стр. 321).

Большим достоинством работы является то, что развитие мировоззрения византийских историков IV—VI вв. рассматривается З. В. Удальцовой как сложный диалектический процесс отмирания античной идеологии и зарождения другой, идеологии «нарождающегося феодального общества» (стр. 319). Всесторонний анализ этого процесса позволяет увидеть в начале VII в. некую переломную грань: «Годы, отделяющие Симокату от его предшественников, были, очевидно, переломными в окончательной победе христианской идеологии над остатками язычества» (стр. 323). Завершение этого процесса автор относит к середине VII в. До середины VII столетия еще сохраняются «симптоматич. к язычеству», сильные элементы еще «внешнего признания христианской религии» (стр. 321). В книге рассматривается эволюция мировоззрения и идеологии светской историографии, более тесно связанной с античной идеологией и культурой, античными традициями. Ее представители, как совершенно справедливо отмечает автор, обычно стояли на более «консервативных позициях, защищали умиротный рабовладельческий мир, угасающую античную цивилизацию» (стр. 328). Тем более показательны перемены в мировоззрении этих наиболее консервативных идеологов ранневизантийского общества — как свидетельство решающего перелома в развитии идеологии.

Убеждение в основательности такого вывода возрастает в связи с тем, что первые главы еще раз убедительно говорят о том, сколь сильно была в IV—V вв. античная идеология в мировоззрении ранневизантийских писателей, а в политической жизни, языческая оппозиция (стр. 319). Наиболее ярко это показано при анализе мировоззрения Аммиана Марцеллина. Но с некоторыми характеристиками З. В. Удальцовой вряд ли можно полностью согласиться. Она выступает против представлений о том, что «Аммиан не примыкал ни к одной из борющихся религиозных партий» (стр. 39) и совершенно справедливо выражает неудовлетворенность чересчур общими оценками его как «выразителя интересов» «средних классов», понятия довольно расплывчатого (стр. 61). Более «узкая» характеристика Марцеллина как идеолога городских куртулов средней руки также кажется автору хотя и заманчивой, все же еще недостаточно обоснованной» (стр. 61). В конце концов исследовательница приходит к выводу, что Аммиан «принадлежал к той части образованной интеллигенции империи, которая по своим социально-политическим воззрениям объективно в известной степени поддерживала идеологию оппозиционных кругов старой римской сенаторской аристократии» (стр. 81). Столь жесткая «привязка» к старой римской сенаторской аристократии, в свою очередь, кажется слишком узкой. Вероятно, все же нельзя сбрасывать со счетов как самое его происхождение из «средних кругов», близких к куртулам, и фактическую принадлежность к ним, так, очевидно, и невозможность, может быть, вообще, по для того времени бесспорно, резко делить интеллигенцию на куртуальную и сенаторскую. Во всяком случае для времени Аммиана (образец — Либаний) видна очень тесная связь между языческой куртуальной и сенаторской оппозицией, свидетельствующая

об их общей достаточно большой силе, и оппозиционность Аммиана (выступиле против «чрезмерной централизации и деспотизма») отражала общие интересы и : и других. Судя по идеям Аммиана, на наш взгляд, его можно с достаточными основаниями рассматривать как выразителя общих интересов тех и других, старой час сенаторской и муниципальной аристократии.

Думается, что автор совершенно прав, когда пишет, что «нельзя согласиться с те учеными, которые пытаются изобразить Зосима чуть ли не последним республиканц на римской почве» (стр. 96). Но именно поэтому вряд ли можно признать убедительны вывод о том, что для Зосима сенат был только «символом великого прошлого Рим носителем его культурных традиций» (там же). Отнюдь не с республиканских позици но Зосим, видимо, не терял реальной надежды на возможность усиления значен сената, и, может быть, именно с этими реалиями, а не остаточными пережитками а тичного оптимизма и была связана столь ярко выраженная автором конечная ве в «светлое будущее нового Рима — Константинополя» (стр. 97).

В обширных разделах, посвященных Прокопию, существенно уточняется его мир воззрение и политические симпатии, становится еще более отчетливой его принадле жность к старой сенаторской аристократии, показывается ее сплоченность и консер тизм убеждений (стр. 173—174). Но именно это, видимо, дает новые основания бол жество связывать Прокопия лишь с частью сенаторской аристократии, которую авт справедливо характеризует как «старую сенаторскую аристократию» или даже ка «консервативные круги старой сенаторской аристократии» (стр. 173). Это, очевидн предполагает наличие ее части или частей, стоявших на несколько отличных от прок иевской позиций. События восстания Ника, как и другие, говорят о наличии в крайней мере трех групп сенаторской знати: поддерживавшей Юстиниана (новой —? колеблющейся и той враждебной старой аристократии, к которой принадлежал Пр кокий. То, что он пытался представлять взгляды своей группы, как взгляды и иде всего сенаторского сословия, по-видимому, естественно. Но именно поэтому все ж трудно видеть в нем «идейный рупор» всей сенаторской аристократии Византии, ка это иногда проскальзывает в характеристиках в книге (стр. 180).

Очень интересна глава об Агафии. Анализ его взглядов вновь и более остро ставит некоторые вопросы, в частности вопрос об истоках его оптимизма. Последний в свое время отмечал М. В. Левченко, который связывал его с античным мировоззре нием, сближая Агафия с муниципальными кругами. З. В. Удальцова видит корни оптимизма Агафия в том, что «те социальные круги, к которым принадлежал Агафий имели меньше претензий к правительству Юстиниана, чем отнесенная от власти старая римская аристократия» (стр. 212). Если все же относить Агафия к муниципальным кругам, близким к куриалам, то положение их в эпоху Юстиниана вряд ли сколько нибудь заметно улучшилось, и, вероятно, этим объясняются его «политические выска зывания более радикальные, чем у Прокопия» (стр. 212), и открытое осуждение гра бительства и притеснений со стороны знати (стр. 214). В целом его приверженность к старому беспорядку. Поэтому, видимо, еще надлежит уяснить истоки его оптимизма, если не сводить его к только античным пережиткам. Если сближать его с куриальными, муниципальными кругами, то новые наблюдения, сделанные в главе, чрезвычайн интересны как показатель очень глубокого разложения прежде достаточно определенной и четко очерченной системы взглядов муниципальных кругов, резкого обострения борьбы в ней противоречивых тенденций.

Самым большим достижением З. В. Удальцовой на наш взгляд, является то, что она четко определила важные этапы в изменении идеологии светских ранневизантийских авторов, отражавшие в какой-то мере и сдвиги в идеологии всего общества. Многие ее наблюдения ценны не только для изучения развития последней. Рассмотренная в книге эволюция отношения к варварам, нам кажется, выявляет более четкую линию осознанного стремления использовать их в интересах империи, меньшую боязнь их, чем принято считать, и окончательное крушение этих надежд в VI в. Изучая взгляды, идеологию и позиции историков З. В. Удальцова, естественно, рассматривает и их отношение к народным массам, уточняя значение свидетельств источников. В этом отношении многие ее наблюдения весьма примечательны. Например, оценивая данные Аммиана Марцеллина, она пишет: «В раскрытии, быть может, независимо от воли автора, активной роли масс в истории Римской империи — огромная заслуга Аммиана Марцеллина» (стр. 73). Автор приводит новые доказательства активной роли народных масс империи в борьбе с государством. Последовательный историзм, рассмотрение развития идеологии в неразрывной связи с развитием общества — характерные черты исследования З. В. Удальцовой, которые превращают книгу в нечто более значительное, чем обзор развития историографии, историописания IV—VII вв. За ним отчетливо выступает общая динамика идейно-политической борьбы, идеологии, и поэтому можно говорить о более широком ее значении как одной из первых работ, в которой рассматриваются важнейшие черты сложного процесса ломки старой идеологии и мировоззрения, зарождения новой идеологии в условиях параллельного складывания основ византийской духовной культуры.

Г. Л. Курбатов.

Константин Порфирородный. Перевод с оригинала, предисловие и примечания Р. М. Бартияна. XV+368 стр., две вкл. и две карты. Ереван, издательство АН Армянской ССР, 1970 (на арм. яз.) («Иноязычные источники об Армении и армянах», 6 — «Византийские источники», II)

В сочинениях Константина Порфирородного сохранились разнообразные и в большинстве случаев уникальные сведения об Армении и армянах. Писатель-венецосец располагал хорошими источниками, так что к содержащейся в его сочинениях информации можно отнестись в общем с доверием. В значительной части эти данные давно вошли в научный оборот, к ним обращаются при решении многих вопросов как византийской, так и армянской истории, не говоря уж о смежных проблемах. Впервые, однако, эти материалы собраны воедино, что позволяет в ряде случаев подойти к ним по-новому и в то же время составить суждение о взглядах византийского писателя на круг вопросов, которым в его сочинениях уделено весьма заметное место.

Работа открывается статьей «Константин Порфирородный и его литературное наследие». Далее следуют переводы текстов. Р. М. Бартиян включил в свое издание полностью или выборочно 27, 43—46, 50—53 главы «De administrando imperio». Полностью приведено «Жизнеописание Василия», которое, как известно, составляет пятую книгу исторического труда «Продолжателя Феофана», но принадлежит перу Константина Порфирородного. Затем следуют отдельные разделы из обеих книг *De cerimoniis* (I: 24, 89, 90, 96 и Appendix; II: 42, 44, 45, 48, 50, 52, 54) и разделы из «De thematibus» (Praefatio, I, II, VIII, IX—XII, XV). Публикуется сочинение Константина Порфирородного о нерукотворном образе. В приложении даны отдельные разделы из Василия, из Синописа василик (Большого и Малого), из *De vellitatione bellica*, приписанной Никифору II Фоке, и, наконец, XVIII новелла этого императора. На стр. 209—336 — подробный комментарий ко всем публикуемым текстам. Работа завершается списком литературы, указателем личных имен, этнонимов и топонимов. Приложен указатель византийской терминологии, встречающейся в переводах. Карты воспроизводят границы восточных фем в VII—IX вв. и восточную границу Византии около 960 г.¹

Сведения, содержащиеся в памятниках, включенных в рецензируемую книгу, освещают, как мне представляется, два круга вопросов, две основные проблемы. К первой группе относятся 43—46 главы «De adm. imp.», и 48 глава II книги «De cerim.». Эта группа источников касается по преимуществу статуса государственных образований, которые появились в Армении и Грузии в IX—X вв., и их взаимоотношений с Византией. Остальные материалы составляют вторую группу — это источники, освещающие историю армян в Византийской империи. Впрочем, те разделы «Жизнеописания Василия», где Константин Порфирородный повествует об «аршакидском» происхождении своего деда, в равной мере принадлежат и к первой группе. Отметим также, что источники первой группы содержат особенно важную информацию, являющуюся плодом целенаправленной деятельности автора. Данные же о византийских армянах носят зачастую случайный характер.

Насколько я могу судить, Р. М. Бартиян включил в свою работу все те разделы, в которых так или иначе говорится об Армении и армянах. Упущений в этом смысле в книге нет. Но есть много такого, что к интересующей нас проблематике имеет весьма далекое отношение. Речь идет не о широте контекста — для того, чтобы правильно оценить роль одной фразы, порой имеет смысл привести целиком всю заключающую ее главу. Возражения вызывают такие разделы, как например, описания надгробий византийских императоров («О церемониях», II, 42). Некоторые из упомянутых здесь императоров были армянами, но вряд ли этого достаточно, чтобы относящийся к их надгробиям материал включать в книгу, подобную рецензируемой. Что касается «Повествования о нерукотворном образе», то здесь армяне вообще не упомянуты. Издатель счел нужным привести это сочинение рукоподвустя, по-видимому, тем обстоятельством, что один из первоначальных изводов памятника известен и на армянском языке. Между тем в своде, подобном рецензируемому, не только недостаток, но и избыток материала затрудняет исследование.

Переводы текстов выполнены вообще точно, хорошо передают не только содержание, но и стиль подлинника. Отклонения от оригинала весьма редки².

Во вступительной статье излагается политическая история Византии со времен Василия Македонянина до 959 г., когда скончался его внук Константин Порфирородный. Эта часть изобилует примерами, освещающими роль армян в византийской истории — на военном и административном поприще, в науке и др. Сочинения Кон-

¹ Карты выполнены на основе соответствующих вкладок в издания: G. Ostrogorsky. Histoire de l'Etat byzantin. Paris, 1956, p. 136; E. Honigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1935.

² Так, De adm. imp. (далее — DAI) I, 43/128—9: Григорий Таронит обращается к Роману Лакапину с просьбой τῆν δὲ ρύακιν ἢ προῖκα λαμβάνειν... ἢ ἐκποτῆσαι αὐτήν. Получение руги обуславливалось рядом обременительных обязательств. Григорий хочет получать ругу безвозмездно либо просит упразднить ее. В контексте фразы προῖκα, конечно, наречие. В переводе же Р. М. Бартияна Григорий «требовал ругу или приданое в тех размерах, в каких он получал при всеблаженном императоре Льве, в противном же случае он полностью отказывается от нее» (стр. 8).

стантина Порфирородного содержат сведения как об отдельных лицах, так и о компактных массах армян в составе населения империи. После краткой характеристики социально-экономических отношений в Византии IX—X вв. Р. М. Бартикян переходит к сочинениям Константина Порфирородного и выделяет те их разделы, которые так или иначе относятся к затронутой в книге теме. Вступительная статья снабжена библиографией, иногда очень подробной. Многочисленные ссылки на литературу имеются и в комментарии. Последний распространяется на собственные имена, терминологию, отдельные факты, реалии и т. п. Во многих случаях автор выходит за пределы, подсказанные соответствующим сведением из Константина Порфирородного, и стремится осветить явление или термин в его развитии во времени и в пространстве. Примечания опираются не только на специальную литературу, но и на источники, при этом автор широко обращается как к греческим, так и к армянским. Дополнительные данные, правда, приводятся нередко выборочно, они лишь иллюстрируют событие или понятие. Но даже в тех случаях, когда полнота привлеченного материала весьма относительна, его наличие существенно обогащает наши представления о предмете.

В целом вступительная статья и в особенности комментарий могут быть с успехом использованы не только при изучении сведений Константина Порфирородного об Армении и армянах, но и за пределами этой специальной задачи.

Конечно, не во всех случаях утверждения автора бесспорны. Так, трудно согласиться с тем, что магистр был высшим византийским титулом, на который мог рассчитывать иноземец (стр. XXXIX и 217, прим. 26). В самой же рецензируемой книге указано (стр. 5 текста, стр. 214, прим. 16 комментария и др.), что грузинский царь Адрнасе был куроалатом, т. е. носителем более высокого титула. По наблюдениям К. Туманова, с 588 г. этот титул жаловался грузинским правителям, с 635 — армянским³. Отталкиваясь от личного имени стратига Халдии Варды Воилы, автор считает его армянином (стр. XXV). Подобным критерием при определении этнической принадлежности Р. М. Бартикян пользуется и в других случаях (например стр. XV, стр. 300, прим. 50). Между тем, по мнению такого авторитетного исследователя, как В. Лоран, две трети византийцев носили негреческие имена. Поэтому настаивать на армянском происхождении того или иного лица, исходя только из его личного имени (даже такого армянского, как «Варда», арм. Вард), не вполне оправданно⁴. На стр. LVIII экзархаты Италии и Африки толкуются как «шестивластия», соответственным образом транскрибируется и термин ἑξαρχατοί. Неправомомерность подобного осмысления вряд ли нуждается в доказательствах.

Встречаются нечеткие формулировки, вроде того, что Константин Порфирородный как император ничем не отличался от других византийских императоров (стр. XXXII), словно существовал некий императорский стереотип. Но в такой объемистой работе, как рецензируемое издание, подобные ошибки, вероятно, неизбежны, и в данном случае они не определяют его научный уровень, тем более что к осмыслению выдержек из Константина Порфирородного они отношения не имеют либо касаются вопросов второстепенных. В дальнейшем же я позволю себе остановиться на некоторых данных Константина Порфирородного, имеющих принципиальное значение для правильного понимания сложных политических отношений между Арменией и Византией в конце IX и в первых десятилетиях X в. В рецензируемой книге эти данные либо не стали предметом специального разбора, либо освещены, с моей точки зрения, не всегда верно.

Прежде всего это касается статуса Тарона. В 830 г. эта область отошла к Баграту Багратуни (880—851), положившему начало таронской ветви Багратидов. С 898 по 966 г. здесь правят потомки Багарата — Григорий и его сыновья. 43 глава «Об управлении империей» (далее — DAI) целиком посвящена Тарону, она является если не единственным, то во всяком случае важнейшим источником для изучения этой части Армении в первой половине X в. Архонт Тарона Григорий был приглашен в Константинополь, где ему было пожаловано звание магистра. Он стал стратигом Тарона⁵. При Романе Лакапине Константинополь посетил старший сын Григория Панкратий-Багарат. Баграту был пожалован титул патрикия, он, как и его покойный отец, стал стратигом Тарона⁶. Стратигом возможно стал и побочный сын Григория Ашот, который еще при жизни отца посетил Константинополь и вернулся на родину с титулом протоспафария, а впоследствии стал патриkiem⁷. Назначение Таронитов стратигами дало С. Рансимену повод утверждать, что Тарон превратился в составную, неотъемлемую часть империи, хотя формально эта область была аннексирована лишь

³ C. Toumanoff. Studies in Christian Caucasian History. — «Georgetown University Press», 1963, p. 388—389. Иначе: R. Guillard. Le Curopalate. — «Byzantina», II, 1970, p. 213—220.

⁴ В одной из своих ранних работ Р. М. Бартикян подробно прослеживает историю рода, к которому принадлежал Варда Воила. Об армянском происхождении Варды здесь ничего не говорится, а патроним толкуется как болгарский. См. ВМ, 5, 1960, стр. 397—398: «Завещание Евстафия Воилы (1059 г.) как важный источник по истории Армении и Грузии» (на арм. яз.).

⁵ DAI, I, 43/65—6.

⁶ Ibid., 43/153.

⁷ Ibid., 43/51—3, 133.

в 966/7 г.⁸ С этим мнением солидаризируется и Р. М. Бартикян (стр. 218, прим. 27), хотя во вступительной статье зависимость Григория от империи он квалифицирует как вассальную (стр. XXXIX).

Точка зрения, которой придерживается С. Рэнсимен и следующий ему Р. М. Бартикян, представляется ошибочной. Тарон, разумеется, был настолько втянут в орбиту имперской политики, что говорить о его независимости не приходится. Здесь были вынуждены считаться с волей императора, которую осуществлял специальный чиновник — βασιλικός.⁹ По распоряжению Романа Лакапина производится раздел страны между потомками Григория Таронита и его брата Апоганема, при этом город Улнугис (арм. Էլնուտ, Օլնут) остается за империей. По словам Константина Порфирородного, Тарон принадлежал к тем странам Востока, которые обратились в *ὁπλῶς*, а Григорий Таронит *ἐαυτὸν ὑπέχλινεν καὶ ὑπέταξεν*¹⁰. Как подданный императора, архонт Тарона получает его «повеление» (*κελεύσεις*)¹¹. Но, с другой стороны, Григорий обменивается с императором дарами и посланиями (*διὰ γραμμάτων*) — как до визита в Константинополь, так и спустя годы¹², а это обстоятельство является признаком суверенных прав Тарона. Григорий и его сыновья были стратигами¹³, и действительно этот термин прилагается обычно к фемному правителю. Но как отличаются Тарониты от обычных стратигов! Права «стратига» передаются здесь по наследству. Тарониты выполняют свои функции пожизненно — черта, не свойственная обычным правителям фемы, которые постоянно смещаются и перемещаются. И хотя Григорий получал ругу, он и его сыновья были «стратигами» не в должностном, а в титулярном смысле.

В пользу этого можно привести еще один аргумент. В 46 главе II книги «О церемониях» перечисляются титулы, которые жалуются иноземным правителям. Наряду с терминами, титулярный характер которых сомнений не вызывает (экзусиократор, экзусиарх, экзусиаст, архонт архонтов и др.), встречаются и такие, которые в империи вообще говоря, означали должность: дука, стратилат и т. д. В последнем ряду значится и стратиг. Таким образом, определенные должностные обозначения, в том числе и стратиг, применительно к иноземцам у себя дома, употреблялись, по-видимому, всего лишь как почетные титулы¹⁴. В международноправовом смысле, как это понимали византийцы, Тарон еще не утратил своего суверенитета, хотя и стал вассальным государством. В противном случае вряд ли завидовали бы Григорию куропалат Адарнасе, Гагик I Арируни и Ашот II Багратуни. Тарон еще не стал фемой, в De cerim. он упомянут в числе княжеств, которые наверняка не входили в состав Византийской империи: Коговиѳ, Моккѳ, Андавадикѳ, Сюникѳ, Вайоц Дзор, Хачен, Севордикѳ.

Как известно, в международных отношениях Византии действительную роль играло представление об идеальной «семье царей и народов» во главе с василевсом. Термины родства (и некоторые другие), которые прилагались к контрагентам, имели титулярное значение, они определяли место правителя, соответственно и его подданных, в системе, построенной по иерархическому признаку. Эта система, оказывая мощное идеологическое воздействие на народы, имела в то же время правовой характер, ею руководствовались в практике международных отношений Византии. Корни этой системы уходят в глубокую древность. Отношения между императором и прочими членами этой своеобразной «семьи» конституировались по трем основным линиям. На высшей ступени находились «братья» императора, причем здесь фактическое соотношение сил могло дать повод претендовать на известное равноправие. Далее шли «сыновья», а на низшей ступени были «друзья» (*φίλοι*) императора¹⁵. К последней

⁸ DAI, II, p. 164, 43/65.

⁹ DAI, I, 43/43.

¹⁰ Ibid., 43/5, 8.

¹¹ De cerim. I, p. 687.9 (Боннское издание); F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953 (далее — BES), S. 38; idem. Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956, S. 125. Anm. 45.

¹² DAI, I, 43/21, 50, 80.

¹³ Возможно, впрочем, что Ашот не носил этого титула. В De cerim. правитель Тарона — архонт.

¹⁴ На возможность подобного толкования этой действительно важной главы обратил мое внимание проф. Я. Ферлуа (при обсуждении доклада на XIV Международном конгрессе византистов в Бухаресте и в частном письме). Пользуясь случаем еще раз высказать ему мою искреннюю признательность.

¹⁵ Изучение международных связей византийской империи в правовом аспекте связано в первую очередь с именами Ф. Дэльгера и Г. А. Острогорского, эта проблема продолжает привлекать пристальное внимание ученых. См. F. Dölger. 1) Die «Familie der Könige» im Mittelalter; 2) Die mittelalterliche «Familie der Fürsten und Völker» und der Bulgarenherrscher; 3) Der Bulgarenherrscher als geistlicher Sohn des byzantinischen Kaisers. — BES, S. 34—69, 159—196; G. Ostrogorsky. Die byzantinische Staatenhierarchie. — SK, VIII. 1936; idem. The Byzantine Emperor and the Hierarchical World Order. — SEER, XXXV, 1956—1957 и др. Из новых работ см., например: D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. London, 1971; V. Tăpkova-Zaimova. L'idée impériale à Byzance et la tradition étatique bulgare. — «Byzantina», III, 1971; И. П. Медведев. Империя и суверенитет в средние века. —

категории принадлежал и иверский куропалат Ашот, которого Константин Порфирородный квалифицирует как πιστός καὶ ὀρθὸς δοῦλος καὶ φίλος ἡμῶν¹⁶. К сожалению, ни в переводе, ни в комментарии не оговорено, что Константин Порфирородный оперирует важным дипломатическим термином «друг».

Как дипломатический термин φίλος имел и другое значение. В 24 главе I книги «О церемониях» описывается прием в Магнавре, устроенный по случаю праздника Василия Кесарийского¹⁷. В приеме участвовали «магистр и архонт Тарона» (по всей вероятности, Григорий Таронит) и φίλοι Βουλγαράι¹⁸. Касаясь этого известия, Р. М. Бартиян полагает, что «болгарские друзья» принадлежат к той части болгарской знати, которая придерживалась провизантийской ориентации и, покинув царя Симеона, искала прибежища в империи. По его мнению, эти «друзья» участвовали в императорских приемах, как правило, во второй виле, после магистров. К той же категории он относит τοὺς ἀπὸ Βουλγαρίας φίλους, которые участвовали в пиршестве, устроенном в честь Михаила III¹⁹ (см. стр. 258, прим. 39 и стр. 296, прим. 9). С таким толкованием трудно согласиться. Протокол приема, который содержится в 24 главе «О церемониях» был составлен, конечно, применительно к официальному положению и сану болгар, а не к их ориентации. В обоих случаях φίλος употреблен в качестве термина, обозначающего посла. В «Клиторологии» Филофея имеется раздел, который посвящен прибывающим в Константинополь посольствам, среди них упомянуты и «болгарские друзья»²⁰. В книге «О церемониях» содержится формула, по которой византийские послы (φίλοι) приветствуют халифа²¹. По другим источникам известно, что в 896—913 гг., в промежуток между двумя войнами, Болгария обменивалась послами с Константинополем. И хотя интересующий нас случай приема болгарских послов в Магнавре нельзя приурочить к какому-либо из этих посольств, сам по себе прием не противоречит общ исторической обстановке.

48 глава II книги «О церемониях» является чем-то вроде инструкции по составлению официальных посланий византийского императора иноземным правителям (в рецензируемой книге она вполне оправданно приводится полностью). Здесь текстуально воспроизводятся инскрипции грамот и сведения о достоинстве их печатей. Трое адресатов названы «духовными сыновьями» византийского императора: правители Великой Армении, Алании и Болгарии²². «Духовный сын» — это титул, даже правовой (Rechtstitel), и как таковой он включается в инскрипцию грамоты. В нашем случае он прилагается к правителю «Великой Армении», (с центрами попеременно в Еразгаворсе, Карсе, Ани). Со второй половины IX в. между Византийской империей и ширакскими Багратидами утверждаются тесные политические отношения. Появление термина «духовный сын» в титулатуре ширакских Багратидов отражает эти связи.

Правовая сторона отношений между Византийской империей и «Великой Арменией», нашедшая отражение в специфическом титуле армянского царя, многократно привлекала внимание исследователей, но, сколько мне известно, этот вопрос рассматривался на основании лишь тех данных, которые содержатся в греческих источниках. Между тем сведения об этом духовном родстве сохранились и у армянских писателей, например у такого осведомленного автора, как Иоаннес Драсханакертский (завершил свой труд в 925 г.). Известно, что незадолго до своей смерти император Василий I успел признать царские права Ашота I Багратуни. Между императором и армянским царем был заключен договор о мире, подчинении (разумеется, царя императору) и любви. При этом Василий нарек Ашота «сыном любимым»²³. Лев VI Мудрый осыпал Смбата I дарами и почестями, но «важнее было то, что император назвал Смбата своим любимым сыном через полюбовный договор о верности»²⁴.

Возвращаясь к этому сюжету, автор отмечает, что, будучи «любимым сыном», Смбат вдсестеро воздавал императору, признавал его верховенство и полагал его «отцом родным»²⁵. Ашот III Багратуни был духовным сыном Иоанна Цимисхия²⁶. Взя-

В кн.: «Проблемы истории международных отношений». Сб. статей памяти академика Е. В. Тарле. Л., 1972. Литература вопроса использована и в DAI, II.

¹⁶ DAI, I, 45/157.

¹⁷ Отмечался 1 января. В тексте указан III индикт, о датировке см. стр. 294—295, прим. 6 рецензируемой книги. Н. Г. Адонц, который специально занимался этим вопросом, колебался между 900 и 910 гг.

¹⁸ De cerim., p. 136—139; Livre des cérémonies, ed. A. Vogt. Paris, 1935, p. 127—129.

¹⁹ Theoph. Cont., p. 229.7 (Боннское издание).

²⁰ J. B. Bury. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. London, 1911, p. 155.26, 156.10.

²¹ De cerim., I, p. 683.17—18; ср. p. 139.1. Подобное истолкование термина предложил еще Рейске: De cerim., II, p. 226—227. См. также: J. B. Bury. The Ceremonial Book of Constantine Porphyrogenetos. — EHR, 22, 1907, p. 420—421; DAI, II, p. 163, 43/64—65 и в особенности: F. Dölger, in: BES, S. 65—66, Anm. 74.

²² De cerim., I, p. 687.3, 688.7, 690.11, 14.

²³ «История Армении католикоса Иоаннеса Драсханакертци». Тифлис, 1914, стр. 140 (на арм. яз.).

²⁴ Там же, стр. 158—159.

²⁵ Там же, стр. 199—200.

²⁶ Матфей Эдесский. Хронография. Вагаршапат, 1898, стр. 19 (на арм. яз.).

тые даже сами по себе, эти данные показывают, что «семейные» отношения между византийскими императорами и их армянскими «сыновьями» представляли собой юридическую реальность и, как в случае с первыми Багратидами, фиксировались в специальном договоре.

Система духовных родственных связей и относящаяся к ней терминология принадлежали исключительно международноправовой сфере. Эта система предполагала, по-видимому, только двойственные связи: византийский император — его иноземный контрагент. Духовные «сыновья» императора не становились духовными братьями, а «друзья» императора вполне могли оказаться врагами.

Существовала и другая система, которая также предопределяла нормы международных отношений, но в равной мере она принадлежала и государственноправовой сфере. Как известно, каждому иноземному правителю присваивался особый титул, который с византийской точки зрения не только представлял его носителя в международных отношениях, но и призван был определять его власть по отношению к собственным подданным. Эта титулатура также носила официальный характер и включалась в инскрипцию послания. Эта система перекрывала первую, она была много шире нее — в 48 главе лишь несколько адресатов состоит в «родстве» с императором, но каждый из них имеет — на данный момент строго фиксированный — титул второй системы. Вторая система, как и первая, носила в общем двойственный характер, хотя здесь возможны были некоторые отклонения.

Специфическим международно-правовым титулом армянского царя «внеродственной» системы был *ἀρχὼν τῶν ἀρχόντων*. Давно замечено, что этот титул восходит к арм. ишханац ишхан, «князь князей». В «Об управлении империей» титул архонта архонтов прилагается исключительно к Багратидам — Ашоту I (886—890)²⁷, его сыну Смбату I (890—912)²⁸ и сыну Смбата Ашоту II Железному (912—929)²⁹, употребляется как титул Багратидов вообще³⁰. Но Абаса I (929—953), второго сына Смбата I, Константин Порфирородный именует только магистром³¹. В «О церемониях» отмечено, что инскрипция послания архонту архонтов «Великой Армении» гласит: «Константин и Роман, верные во Христе-боге автократоры, августы, великие василевсы ромеев, — славнейшему имярек проту (*πρωτῶν*) Великой Армении и духовному нашему сыну»³².

О царе Васпуракана Гагике I Арцруни (908—943) в «Об управлении империей» говорится как об архонте, но в «О церемониях» содержится иная формулировка: «Архонту Аспуракана или Васпуракана, ныне титулуемому архонтом архонтов. Константин и Роман, верные во Христе-боге автократоры, августы, василевсы ромеев, — славнейшему имярек архонту архонтов»³³.

Таким образом, в какой-то период Гагика I также признали архонтом архонтов. Р. М. Бартиян полагает, что это произошло вскоре после 908 г., т. е. вскоре после восшествия царя на престол (стр. 311, прим. 81). Это кажется сомнительным. Уже будучи царем, Гагик I был современником и Смбата I, и Ашота II Багратуни. Но в то время как в «Об управлении империей» эти двое неоднократно названы архонтами архонтов, Гагик фигурирует всего лишь как архонт. Есть основания думать, что архонтом архонтов он стал лишь после смерти Ашота II Багратуни, когда преемнику последнего, Абасу I, в подобном титуле отказали — его упорно именуют магистром. Надо думать, что с византийской точки зрения в Армении мог быть только один архонт архонтов.

48 глава составлена, конечно, на основании документов, но строго официальный характер носят по-видимому только инскрипции посланий. Как мы видели, багратидский царь именуется здесь не архонтом архонтов, но протом (при том, что он остается духовным сыном императора). Аналогичный пример являет собой раздел, посвященный Алалии (если, конечно, текст исправлен). В описательной части ее правитель назван экзусиократором, в инскрипции же экзусиастом³⁴. Сохранилось послание Романа Лакапина, адресованное анонимному — очевидно, армянскому — князю³⁵. Здесь упомянуты архонт архонтов Гагик I Арцруни и магистр Абас I Багратуни. Если адресат пожелает стать «другом» императора, если он будет достойно вести себя в своих краях, мы пожелаем ему титул архонта архонтов и прикажем Гагику (в этой фразе Гагик фигурирует без титула!) и магистру Абасу и прочим архонтам Востока, тем что пребывают в этих краях, подчиняться твоему слову и мнению, заявляет автор послания. Титул архонта архонтов предполагал, по-видимому, первенство его носи-

²⁷ DAI, I, 44/6, 13, 18, 20.

²⁸ Ibid., 43/30, 33—34; 44/7, 19, 22, 26—27, 50, 120.

²⁹ Ibid., 43/112; 44/9, 37. Хронология первых Багратидов недостаточно разработана, приведенные даты несколько условны.

³⁰ DAI, I, 44/38—39, 42, 45.

³¹ Ibid., 44/10, 36.

³² De cerim., I, p. 686, 22—687.3.

³³ Ibid., p. 687, 4—8.

³⁴ Ibid., p. 688, 2, 6. В армянском переводе (стр. 151—152) эта разница не отмечена, в обоих случаях правитель Алалии назван экзусиократором.

³⁵ См. I. Saccellion. *Ρωμανὸς βασιλεὺς τοῦ Λακαπηνῶς ἐπιστολαί*. — *Δελτίον*, II, 1885, p. 406—409.

теля, власть над прочими архонтами. Этот титул носили первые три Багратида. При Абасе архонтом архонтов стал Гагик I. В какое-то время³⁶ архонтом архонтов предполагалось сделать неизвестного армянского князя, но дальше переговоров дело, по-видимому, не пошло. Мы видим, что по византийским понятиям армянские правители должны были следовать известной субординации и иметь своим главой то лицо, которое император признавал архонтом архонтов.

Сочинения Константина Порфирородного относятся к числу важнейших византийских источников об армянах, грузинах и других народах Кавказа. Книга Р. М. Бартияна является в целом безусловным вкладом в их изучение.

К. Ю.

G. C a v a l l o. Rotoli di Exultet dell'Italia Meridionale, contributi sull'Exultet 3 di Troia di C. Bertelli, prefazione di A. Petrucci. Adriatica Editrice. Bari, 1973 г.

Среди иллюстрированных средневековых рукописей южноитальянские свитки, так называемые «Эксультет», занимают совершенно особое место. Они не только точно локализованы, но возможна и их довольно точная датировка. Ими уже давно занимаются такие ученые, как Эвери Лоу, Г. Кавалло, Е. Берто, П. Тозска, а за последнее время и Г. Бельтинг. Скриптории Беневента и Трои привлекают к себе все большее внимание, как активные центры книжного искусства, в которых причудливо переплетались местные традиции с занесенными извне византийскими влияниями.

Свитки «Эксультет» называются так по первому слову пасхального песнопения, возглашаемому в субботу с амвона. С возвещением воскресения Христова зажигаются свечи, символизирующие это воскресение. Песнопение «Эксультет» является одновременно и «laus», и «benedictio segei»; это и прославление Христа, и принесение ему символического дара — сделанных из воска свечей. В пасхальную ночь новообращенные получали также крещение. Эти предварительные замечания объясняют нам специфическую тематику миниатюр свитков «Эксультет», в которых встречаются совсем особые сюжеты, продиктованные содержанием песнопения.

Поскольку песнопение возглашалось дьяконом с амвона и он читал его по свитку, который постепенно, по мере прочтения, свешивался сверху вниз, верующие могли рассматривать украшавшие его миниатюры лишь при условии их расположения в направлении, обратному тексту. Это специфическое размещение миниатюр, учитывающее ход литургии, липший раз показывает, как тонко средневековые люди использовали синтез слова, музыки и изображения, слившихся в единое целое.

В Южной Италии практиковалась особая формула для «benedictio segei» отличная от «Эксультет» французско-римских, что дало повод называть эти рукописи «Беневентскими Эксультет», или «Эксультет из Бари» (по месту хранения свитка № 1).

В настоящее время известен 31 литургический свиток. Все свитки, кроме двух, происходят из района Беневента и были написаны и иллюстрированы в бенедиктинских монастырях либо в местах, тяготевших к ним (Монтекассино, Фонди, Гаэта, Мирабелла, Эклано, Салерно, Капуя, Беневент, Троиа, Бари). Почти все они написаны беневентским минускулом. В рецензируемой книге публикуются с подробным описанием два свитка из архива собора в Бари (№ 1 и 2; к первой рукописи пришиты четыре листа «Бенедикционала») и три свитка в архиве Капитула собора в Троице (№ 1, 2, 3). Основная тематика свитков почерпнута из Нового завета, но встречаются также изображения, подсказанные ходом литургии и текстом песнопения; представлены дьякон, либо получающий свиток из рук епископа, либо зажигающий пасхальную свечу, либо читающий свиток с амвона, или освящение купели. Почти во всех свитках фигурируют пчелы, символизирующие девственность Марии. Часто встречаются сцены сбора меда и воска. В конце даются портреты современных написанию рукописей пап, императоров, епископов. По-видимому, широкое иллюстрирование свитков начало практиковаться с X в., с эпохи архиепископа Ландольфа I Беневентского (969—982).

Самыми тонкими по исполнению являются миниатюры свитка № 1 из Бари (около 1025 г.) и пришитого к нему «Бенедикционала» (середина XI в.). Здесь несомненно основательное знание византийских образцов, но система орнаментики остается западной, что вообще характерно для всей группы опубликованных в книге рукописей. И здесь византийские влияния не следует переоценивать, так как основной строй форм романский. Вся евангельская тематика подсказана образцами восточнохристианского (а не константинопольского!) искусства, которые были ближе к пониманию варварской среды. Среди изображений особенно интересны аллегория земли (табл. 3), «роза ветров» (табл. 7), сцены с дьяконом и сбора воска и меда. В них, под влиянием наблюдаемого, больше живости, меньше от канона. То же самое приходится сказать о миниатюрах «Бенедикционала», на которых представлены пшестие к купели и ее освящение. Хотя стилевая система не меняется, ее наполняют более реалистическим содержанием, непосредственно подсказанным не «exemplum», а тем, что художник непосредственно наблюдал в ходе литургии.

³⁶ Послание датируется промежутком между 929 г. (приход к власти Абаса I) и 943 г. (смерть Гагика I). Анализ послания см. К. Н. Юзбашян. Неизвестный адресат Романа Лакапина. — ВОН, 1974, № 1, (на арм. яз. с русск. резюме).

Гораздо примитивнее миниатюры второго «Эксультет» из Бари (1050—1075), невольно заставляющие вспомнить о коптских и сирийских рукописях. Здесь все намного схематичнее, проще, беспритязательнее. Но этому примитивному искусству нельзя отказать в своеобразной выразительности [см. особенно такие миниатюры, как «Ecclesia» и «Молитва дьякона» (табл. 20—21)].

Еще один шаг в направлении дальнейшей примитивизации мы находим в «Эксультет» из Трои (№ 1, середина XI в.) с его миниатюрами, изображающими «Христа во славе», «Распятие» и три сцены благословения верующих, клира и светской власти. В столь же примитивной манере выполнены миниатюры второго «Эксультет» из Трои (№ 2; XII в.), где в изображении сидящего на коне святого, попирающего дракона (табл. 47), я склонен усматривать св. Георгия. Третий «Эксультет» из Трои (№ 3, вторая половина XII в.) наиболее богато иллюстрирован (сцены из Ветхого и Нового завета, сцены из литургии и др.). Эта рукопись получила историко-художественный комментарий, принадлежащий компетентному перу К. Бертелли, который убедительно показывает, что развернутый евангельский цикл в свитке свидетельствует о знакомстве с французскими рукописями. Авторы миниатюр несомненно хорошо знали византийские образцы, но ни орнаментика, ни излишне пестрая колористическая гамма, ни типы лиц, ни формы архитектурных кулис, ни романская распластанность фигур на плоскости, ни особая угловатость жестов не дают основания утверждать, что они органически восприняли основы византийской эстетики. В их работах явно сквозит западная подоснова, что заставляет с большой осторожностью говорить о «византийских влияниях».

Группа свитков, любовно и тщательно опубликованных в рецензируемой книге, изготовлялись в скрипториях тех областей Южной Италии, которые долгое время принадлежали Византии, где чиновный аппарат и клир чаще всего состоял из византийцев и где монахи строго придерживались греческой литургии. Казалось бы, в этих условиях должно было процветать сильно византизирующее искусство. Но в действительности местные традиции оказались сильнее и живучее. Прежде всего это проявилось в орнаментике, оставшейся совершенно в стороне от мира как византийского, так и восточнохристианского искусства. Проявилось это и в стиле миниатюр, мало похожих на стиль изделий чисто константинопольского мастерства. Это как будто понимает и сам Г. Кавалло (см. стр. 125). Но вызывает величайшее недоумение, когда он в число провинциальных памятников зачисляет в один ряд мозаики Дафни и Осиос Лукас, а также фрески пещерных храмов Апулии (стр. 125). Это явления несоизмеримые: в то время как мозаики Дафни представляют чисто константинопольскую традицию, а мозаики Осиос Лукас имеют к ней косвенное отношение, фрески Апулии тяготеют к совсем иному кругу, кругу восточнохристианских памятников. К сожалению, и поныне многие итальянские ученые слишком неопределенно толкуют термин «византийские влияния», не желая вносить в этот термин должную научную дифференциацию.

Книга издана очень хорошо. Прекрасные цветные фототипические таблицы удачно передают краски подлинников. Основной текст принадлежит перу Г. Кавалло, большого знатока южноитальянских рукописей, их палеографии и содержания. Поэтому книга вносит серьезный вклад в науку и ее появление в свет следует всячески приветствовать.

В. Н. Лазарев.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АННОТАЦИИ

J. Lefort. Actes d'Esphigménou. Archives de l'Athos, VI. Paris, 1973. XVI+250 p., Album (XL planches)

Публикации актов Афонского архива постоянно привлекают внимание¹, и это вполне естественно, поскольку грамоты афонских монастырей — один из важнейших источников по византийской истории, особенно по истории социально-экономических отношений. Наличие ряда рецензий на эту серию избавляет меня от необходимости характеризовать общие принципы публикации Ж. Лефора: он издал 31 акт, относящийся к истории афонского монастыря Спасителя Эсфигмена (что значит «закланный» — имеется в виду, скорее всего, агнец), с середины XI в. называемого Эсфигмен (буквально: «задушевный»), а также 5 документов в Приложении (среди них три поддельных).

Значительная часть эсфигменского архива была издана уже Л. Пети и В. Регелем², однако Лефор публикует 9 неизданных грамот (№ 2, 4, 5, 8, 13, 15, 16, 24, 30): кроме того, № 14 был издан раньше лишь частично. Таким образом, около трети состава книги — новые публикации. Ранее изданные акты публикуются подчас по лучшим материалам: оригиналам или средневековым копиям, а не по поздним спискам. Они сопровождаются детальным комментарием, где Лефор иной раз пересматривает датировку грамот; в комментарии разъясняются имена, географические названия (в ряде случаев помещены планы местности), административные, фискальные, церковные термины, излагаются обстоятельства дела, рассматривается вопрос о подлинности документа и т. п. Альбом и индекс дополняют книгу Лефора, как и предыдущие тома серии.

31 акт распадается на две разновеликие хронологические группы, первая из которых, охватывающая всего 5 документов, приходится на XI столетие (1034—1095 гг.). Так как этот период небогат деловыми источниками и так как среди эсфигменских актов XI в. 3 неизданных, эта группа заслуживает особого внимания. Оставляя сейчас в стороне свежие просопографические данные (не следует ли патроним протопе-старха и судьи вила Христофора в № 4.2 предположительно восстанавливать τοῦ Δ[ε]υχούδ(ου)?), которыми всегда богаты акты, а также сведения по налоговому обложению [см. особенно № 5, 1095 г., где расчет повинностей, по мысли Лефора (стр. 57), соответствует принципам обложения в конце XI в.]³, остановлюсь на двух моментах.

В купчей 1034 г. упоминается право предпочтения: монастырь Эсфигмена покупает надел земли, пользуясь предпочтением (προετιμῆς), поскольку он является соседом продавца (№ 1.15). Отмечу сразу же, что принципы протимисиса сохранялись на Афоне и много позднее: в судебном решении 1393 г. продажа земли объявляется недействительной, ибо обойденным оказался Хиландарский монастырь, который был соседом продавца и обладал правом близости (πλησιάζου το δίκαιον) (№ 30.17—18). Принципы аграрного законодательства X в. дожили до конца XIV в., хотя мы видим, как они используются в интересах монастырей.

Гарантийное письмо (ἀσφάλεια) Феодора, монаха обители Галеагры (№ 3), давно уже приводилось в литературе как образец внутримонастырского держания на срок жизни⁴. Еще более интересна для изучения внутримонастырской структуры грамота прота Феоктиста от 1037 г., который дал монаху Никифору ряд привилегий, в частности обещая передать ему после своей смерти поле Селинов с домами и виноградниками с правом передачи еще двум наследникам (№ 2.17—24). Живя в монастыре,

¹ См. ВВ, IV, 1951, стр. 207—210; «Советское славяноведение», 1969, № 3, стр. 99 и сл.; ВВ, 34, 1973, стр. 32—34.

² ВВ, XII, 1906, Приложение.

³ О расчете налога в Византии XI—XII вв. см. еще: Г. Г. Литавин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. — ВВ, X, 1956, стр. 101—103.

⁴ См. А. И. Каздан. Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа. — ВВ, 31, 1971, стр. 59. Лефор датировал «асфалию» Феодора не 1051 г., как Пети и Регель, а 1040—1041 гг. (со знаком вопроса).

Никифор мог при желании питаться в своей келье, где его обслуживал слуга — *δπουργός* (№ 2.13—16). Индивидуалистическая структура византийского монастыря проступает из обеих грамот.

После 1095 г. в эсфигменском архиве наступает большой перерыв. Хрисовул № 6 Лефор относит к 1258/9 г. и атрибутирует Михаилу VIII. К сожалению, конец хрисовула потерян и датировка его, равно как и атрибуция, остаются проблематичными: ряд исследователей видел в акте хрисовул Стефана Душана, другие — Андроника II, а С. Бинон вообще считал его поддельным (см. библиографию: стр. 60 и сл.). Как бы то ни было, основная масса публикуемых грамот относится к периоду от конца XIII до начала XV в. (последний ориентировочно датирован 1409 г. — № 31).

Среди поздних грамот Эсфигмена важное место принадлежит практикам: их пять (№ 7, 8, 14, 15, 16), и среди них только один (№ 7)⁵ был издан полностью и один (№ 14) — частично. Практики — важнейший материал для изучения поздневизантийского поместья, и в частности соотношения крестьянского имущества и ренты. К сожалению, этот важный вопрос совершенно не затронут в комментарии Лефора⁶. Разумеется, эсфигменские практики станут еще объектом глубокого анализа — отмечу сейчас лишь довольно большое число зажиточных крестьян-зевгаратов в эсфигменских описях, особенно в № 8 (около 1300 г.), где они платят высокую ренту — от 2 до 5½ перперов. Другая приметная черта практиков Эсфигмена — частое упоминание в них лиц ремесленных профессий: портного, сапожника, медника и т. д. При этом возникает некоторая издательская трудность: Лефор в одних случаях понимает соответствующие слова как названия профессий и пишет с малой буквы, в других же они написаны с большой как фамильные имена. Почему, скажем, у Мануила или Георгия *τσαρκάρης* (сапожник) — профессия (№ 8.16, 21), а у Димитрия — прозвище или фамилия (№ 14.13; 15.44)? Можно ли руководствоваться тем, что во втором случае стоит артикль — ведь в практиках постоянно пишется *ὁ υἱός, ὁ γαμβρός* и наоборот — Георгий *Μπισσάκος* (№ 14.23), Димитрий *Μοδῆγός* (№ 15.10). Возможно разное написание: вдова *ἡ Ἐλένη*, с артиклем (№ 14.119) и вдова *Ἀννα*, без артикля (№ 14.122).

Грамоты Эсфигмена XIV в. фиксируют, как, впрочем, и все монастырские грамоты, рост монастырской собственности. Этому вопросу Лефор уделяет много места как в комментарии, так и особенно в вводной статье, тщательно локализуя владения Эсфигмена и составляя легко обозримые таблицы монастырских приобретений (стр. 22—24). Грамоты отражают и земельные тяжбы между монастырями (№ 13, 24, 27), между монастырем и церковью (№ 28), между монастырем и светскими лицами (№ 30). К последней группе документов принадлежит «досье» актов, посвященных процессу между Эсфигменом и епиками (жителями) кастроны Рендина. Сюда относится простагма Андроника III от 1330 г., повелевающая Сиргиану Палеологу Филантропину разобрать этот спор (№ 18); постановление «вселенских судей» от сентября 1334 г., присудивших спорный метох св. Николая Эсфигмену (№ 19) — первое сохранившееся решение этого трибунала; простагма Андроника III от декабря 1334 г., скреплявшая решение «вселенских судей» (№ 24). Кроме того, Лефор относит к тяжбе о метохе св. Николая еще одну простагму Андроника III, которую он датирует 1328 г. (№ 17; см. стр. 127—129). Трудность, однако, состоит в том, что простагма № 17 не упоминает метох св. Николая, но говорит о земле в 2 тыс. модиев (№ 17.4). Более того, если принять вместе с Лефором, что акт № 17 имеет в виду то же дело, становится непонятным, почему в 1328 г. Андроник III пожаловал спорный участок Эсфигмену «незыблемо и несокрушимо» (№ 17.11—12), а в 1330 г. приказал Сиргиану разбираться в споре и передать монахам метох в том только случае, если окажется, что права на него подкреплены монастырскими документами (№ 18.20—24). Таким образом, либо в акте № 17 речь идет о другой тяжбе, либо он был издан после других грамот, т. е. в 1343 г. и, следовательно, после кончины Андроника III — его преемником.

Как бы то ни было, после начала борьбы Андроника III с дедом жителем Рендины получили от великого папия Алексея Цамблакона по грамоте, подтвержденной царским хрисовулом, землю, которая рассматривалась как «свободная» (*ἐλευθερία*) (№ 19.22—23), но которая на самом деле была «родовой» (*γονική*) землей Эсфигмена⁷. Примечательно, что в этой тяжбе эпика Рендины действуют сообща, как единая группа, посылая в Константинополь троих своих представителей.

Эсфигменский архив содержит новые данные о византийской феодальной терминологии и феодальных институтах. Термин *ἀρχων*, который в XI в. обозначал прежде всего должностное лицо (по-видимому, в этом смысле он употреблен еще в судебном решении 1365 г. — № 27.1), в актах XIV столетия чаще прилагался к земельным соб-

⁵ Лефор (стр. 64) ставит под сомнение датировку этого практика 1298/9 г., как предлагал Г. А. Острогорский, и считает предпочтительнее 1283/4 г.

⁶ Лефор рассмотрел позднее этот вопрос в специальной статье: *J. Lefort. Fiscalité médiévale et informatique: Recherche sur les barèmes pour l'imposition des paysans byzantins au XIVe siècle.* — *Revue historique*, 252, 1974, p. 315—352.

⁷ Если понимать гоникон по традиции как наследственное владение, как можно относить этот термин к монастырской земле? Но это особый вопрос.

ственникам: так, в практике (Георгия Фарисея) от 1321 г. идет речь о землях архонтов — царских родичей и других архонтов — церковных, монастырских, стратиотских, наделенных хрисовулами и прочих (№ 15.2—4. Ср. 16.2—3). Термин *ἀνδρωτοί* употребляется для обозначения зависимых людей (№ 27.4), подчас прямо идет речь о «людях» — присельниках (№ 27.22); «человек» Алексея Амнона Димитрий Аитани (Гаитани) стоит в одном ряду с париками Амнона (№ 10.2—3).

Если упоминание экскуссии (№ 22.36—37, 46) и различных налоговых изъятий не вносит, как будто, ничего нового в наши представления о поздневизантийском иммунитете, то сведения о пронии заслуживают специального внимания. Они могут быть разделены на две группы. Во-первых, несколько раз упоминается «экономию такого-то количества» (в перперах), принадлежащая монастырю (№ 8.2—4; 14.3—5). В 1321 г. экономия приравнивается к *οἰκίον πόσον* (16.3—4); в хрисовуле Стефана Душана 1346 г., напротив, идет речь об экономии, измеряемой не перперами, а землей: 300 модиев земли было отнято из экономии покойного Кунала и передано монастырю (№ 22.15—16). Лефор переводит *οἰκονομία* как «фискальная рента» (стр. 66, 90), не вдаваясь в спорный вопрос о природе экономии и ее тождестве пронии. Во-вторых, неизданное судебное решение 1393 г. свидетельствует, что Димитрий Ласкарь имел половину деревни Ахиян *λόγφ προνομίας αὐθεντῆ κῆς* (№ 30.9—10); покупка им земли в обход права близости явилась незаконной, ибо он владел не по праву гоникона (*κατὰ γονικότητος λόγον*) и не на каком-либо ином законном основании (*κατὰ γονικὴν ἄλλην αὐθενσίαν*), но как прониар (*κατὰ προνομιαστικὴν ἀξίαν*) (№ 30.18—19). Значит, еще в конце XIV в. прония противопоставлялась земельной собственности, в частности не давала владельцу права близости на соседние участки.

Эсфигменские акты интересны и для изучения этнической истории Византии. Они дают прежде всего огромное количество славянских топонимов и личных имен. Приведу несколько образцов славянской ономастики: *Δοβρωνάς*, *Δραγάνα*, *Δραγάτος*, *Μπαλατάς* *Μποζάννα* (Божана), *Μποσάκος* (Босяк), *Σουρουβίζας*, *Στροϊμερος*, *Τζεροντό*, *Χλάπετζις* (см. индекс). Сохранились и следы кавказской ономастики, например, *Μοσχωνᾶς* *ὁ Καρβέας*, турмарх в 1095 г., (5.8) и *Παχουριάνος* в XIV в. (№ 14.96). Грамота 1037 г. (№ 2) позволяет ставить вопрос о роли армянского элемента в братии Эсфигмена в XI в. и об участии эсфигменских армян-халкидонитов в религиозной пропаганде на востоке империи после присоединения Византией владений Давида Куропалата в 1001 г.⁸

А. К.

Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile. Recherches d'histoire et de géographie: 2. A. Guillou. Saint-Nicodème de Kellarana (1023/1024—1232). Città del Vaticano, 1968, XII+71 p., ill., cartes; 3. A. Guillou. La Théotokos de Hagia-Agathé (Oppido) (1050—1064/1065). Città del Vaticano, 1972, XIII+239 p., ill., cartes.

Две образцовые публикации греческих актов из Южной Италии, выпущенные А. Гийу¹, далеко не равнозначимы. Архив монастыря св. Никодима в Келларане состоит всего из трех актов, относящихся к тому же к разным периодам; дарение 1023/4 г., купчая 1181 г. (оба документа издаются по оригиналу, причем первый из них был уже опубликован², и договор об эмфитевсе 1232 г., оригинал которого потерян (был опубликован Ф. Тринкерой в 1865 г.); к этому в приложение Гийу добавляет две грамоты: пожалование чинаш нотарию монастыря св. Никодима Льву (1139 г.) и договор об использовании земли монастыря св. Фантина (1189/90 г.), изданные тем же Тринкерой. Второй архив, напротив, представляет собой комплекс из 47 документов, относящихся не только к одному району (греческая епископия св. Агафы в калабрийском городе Опшидо), но и к узкому хронологическому отрезку — в основном к 1050—1057 гг. (кроме того, одно дарение 1064/5 г. и несколько недатированных актов). Все грамоты публикуются впервые — по копии XII в., сделанной на обороте пергаменного свитка, содержащего не изданный еще инвентарный список греческой митрополии в Реджо XI в. Таким образом, перед нами уникальный источник: впервые исследователь получает массовый актовый материал для изучения византийской провинции середины XI столетия.

Область, освещенная грамотами архива, — «епархия» Салины (№ 2.6; 24.6 и др.). Термин «епархия» в византийских источниках, обычно соответствующий «феме», в Южной Италии, по предположению Гийу, был тождествен «турме»³. Епархия Са-

⁸ См. об этом: А. П. Каждан. Эсфигменская грамота 1037 г. и деятельность Феоктиста. — «Вестник Ереванского гос. университета», 1974, № 3, стр. 236—238.

¹ О первом томе этой серии см. ВВ, 32, 1971, стр. 237.

² L. R. Ménager. L'abbaye bénédictine de la Trinite de Mileto, en Calabre, a l'époque normande. — «Bullettino del'Archivio paleografico Italiano», 4—5, 1958—1959, p. 12—14.

³ A. Guillou. Studies on Byzantine Italy. London, 1970, X, p. 137.

лины распадалась на несколько административных единиц: Вуцано, Лакуцана, Опидо (№ 2.7). Лакуцана именуется деревней (*χωρίον*) (№ 36.5), Вуцано — друнгом (№ 8.5, 15.8; 24.7) или друнгом деревни (№ 36.5—6), Опидо — кастроном (№ 22.11—12; 27.5, 47.3) или *ἄστυ* (№ 2.4—5; 6.4 и др.). Эта терминология весьма интересна: во-первых, здесь засвидетельствован термин «друнг», вызывавший столь острую дискуссию⁴; во-вторых, термины «кастрон» и *ἄστυ* прилагаются к одному и тому же поселению, что ставит под сомнение тезис В. фон Фалькенхаузен о терминологической четкости южноитальянских документов в обозначении города⁵.

Этнический состав населения в освещенном документами районе весьма сложен. Согласно подсчетам Гийу, он может быть представлен следующей таблицей (стр. 31):

	Личные имена	Топонимы
Греческие	70%	71%
Латинские	17%	25%
Арабские	13%	4%

Большое место греческого элемента (как в личных именах, так в топонимике) может быть объяснено, по мысли Гийу (стр. 32) только массовой византийской иммиграцией конца IX — начала X в. Среди византийцев — не одни греки: сапожник Георгий Ἀρμένι (№ 14.3) — видимо, армянин (топонимом армянского происхождения Гийу считает Врасатум — Παγκράτιος); хартуларий Окан (№ 27.18) или Охан мог быть тюрком. Более сложен вопрос о патрониме Κατζάρι (№ 32.1; ср. № 29.14); Гийу (стр. 29) понимает его как «хазарин», хотя такое написание этникона не засвидетельствовано греческими источниками. Корень Κατζ входит, однако, в состав византийской фамилии Κατζαρόνυτης, известной как раз в середине XI в. (Skyl., р. 495.56; ср. Вуген., р. 112.1—7). Латинские имена переданы обычно в эллинизированной форме; некоторые из них, возможно, византийские по происхождению: так, фамилия Μακελλάρης (№ 3.8—9 и др.) вполне могла быть образована от греческого слова μακελλάριος, «мясник» (см. Книгу епарха, XV, 1—3); имя Льва Масарита (№ 28.6) напоминает известный византийский патроним — Месариты. Наконец, новое явление отмечено Гийу (стр. 32): наличие заметного арабского элемента, оставившего следы даже в топонимике.

Экономика района — чисто сельскохозяйственная: постоянно упоминаются харафии и виноградники, плодовые деревья, изредка тутовые деревья (стр. 23). Показательно отсутствие оливковых деревьев, которые встречаются в других местах, и в частности упомянуты в актах из архива Келлараны. Кроме того, жители занимались добычей соли. Упоминания ремесленников крайне редки.

Наиболее существенный вопрос, освещаемый актами, — социальная структура византийской Италии. Отмечая, что грамоты знают лишь владение (*οικία*) водами и лесами (№ 24.8. Чаще, впрочем, владение одними водами: № 2.8; 15.7; 47.4 и др.), Гийу (стр. 23 и сл.) допускает здесь существование сельской общины. Основная масса земель находилась в наследственной собственности землевладельцев и могла быть продана и подарена. В актах встречается такой известный (и спорный) термин, как «проасти» (№ 22.9), который в данном контексте вряд ли может означать пригородное поместье: речь идет о проастих и плодовых деревьях в Вуцано, т. е. проастии понимаются как земельные участки.

Каков социальный статус дарителей епископии и свидетелей? Вопрос этот непрост, так как грамоты, как правило, не дают прямых данных для его решения. Гийу предполагает, что разбросанность владений в разных местах служит показателем крупной собственности (стр. 26), но для византийских условий это довольно спорно: дробность *крестьянских* угодий не раз отмечалась в литературе⁶. Мне непонятно также, почему Гийу заносит в состав господствующего класса сапожника Георгия Армянина (стр. 33 и сл.). Таким образом, при некоторых коррективах картина роста крупной собственности в районе Опидо окажется не столь импозантной, как представленная Гийу (стр. 27 и сл.). Но вот что важно (и что не подчеркнуто издателем): среди местной знати и византийских чиновников, упомянутых в актах, почти нет фамилий, известных по другим источникам, — кроме протосафария Элпияди Варипода (№ 34.5) и триакоктарха Константина, сына Никифора Спана (№ 27.17). Все эти Сергоны, Гемеларии, Верикирии и другие роды, местные земельные собственники, иногда носившие высокие титулы (сафарокаandidат) и занимавшие должности турмархов или комитов, принадлежали к тому слою, который обычно ускользает из нашего поля зрения, — это не мегистаны, не столичная аристократия, а местная знать. К сожалению, грамоты не дают материала для изучения форм эксплуатации в их владениях.

⁴ См. обзор литературы: Г. Г. Литавин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 59—61.

⁵ V. von Falkenhausen. Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jh. Wiesbaden, 1967, S. 132. См. мои возражения: ВВ, 33, 1972, стр. 236. Гийу, отсылая по этому вопросу к своей статье (A. Guillou. Studies. . . , VIII, р. 10—12), не учитывает работы Фалькенхаузен.

⁶ См., например: А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 57 и сл.

Новый источник важен также и для изучения византийской дипломатики. В составе архива четыре асфалии — документы, которые подписывало должностное лицо епископии при вступлении на пост. Следует заметить, что термин «асфалия» встречается также в документах эсфигменского (см. выше, стр. 270) и лаврского (*Actes de Lavra*, I, № 25) архивов XI в., но, видимо, в ином значении. 42 грамоты — дарственные. До сих пор дипломатика византийских частноправовых актов изучена очень плохо, новый архив может служить важным подспорьем в этом деле. Гийу (стр. 14) справедливо подчеркивает, что акты архива Опидо составлялись по общевизантийским руководствам; наряду с этим, думается, было бы важно проследить локальные особенности южноитальянских дарственных ⁷.

А. К.

Jean Chrysostome. Sur la vaine gloire et l'éducation des enfants. Introduction, texte critique, traduction et notes par A. M. Malingrey. — «Sources chrétiennes», № 188. Paris, 1972, 302 p.

Основная часть наследия Иоанна Златоуста, одного из крупнейших писателей конца IV—начала V в., была опубликована уже в XVII в., но до сих пор еще нет критического издания его корпуса. В значительной мере причина этого — в плодовитости Златоуста: его сочинения занимают 18 томов «Патрологии» Миня, и соответственно их списки рассеяны по многим сотням рукописей (около 2 тысяч). Лишь в последнее время предприняты попытки систематизировать рукописное наследие знаменитого оратора ¹. Другая трудность порождена популярностью Златоуста: под его именем манускрипты сохраняют немало ложно приписанных ему сочинений (в их числе и так называемая литургия Иоанна Златоуста), и одной из серьезных задач является расчленение подлинного, сомнительного и бесспорно поддельного Златоуста ².

В последнее время ряд произведений Златоуста появился в новых критических изданиях, в том числе «Увещания Феодору» ³, «О девственности» ⁴, «О единственном браке» ⁵, послания к Олимпии ⁶. Та же А. М. Малэнгрей, которая подготовила письма к Олимпии, выпустила теперь трактат (?) Златоуста «О ложной славе и о воспитании юношества» ⁷.

Сочинение это представляет двойной интерес для исследователя поздней Римской империи. Во-первых, оно богато бытовыми подробностями и, более того, касается некоторых черт социальной структуры общества конца IV в. Прежде всего бросаются в глаза постоянные упоминания рабов: благодаря удобному индексу, составленному Ж. Л. Рюлем, легко установить, что термин οἰκῆτις встречается 16 раз, δοῦλος — 14, παῖς в значении «невольник» — 7 (к сожалению, в индексе не отделено это значение термина от другого — «ребенок»), παιδίσκη — 1, ἀνελεύθερος — 1 и специальный термин ἀκόλουθος (раб, сопровождавший ребенка в школу) — 5. Следовательно, термины, обозначающие раба, встречаются у Златоуста не менее 44 раз, тогда как наиболее употребительные существительные: παῖς в значении «ребенок», θεός — бог и πατήρ — отец — упоминаются соответственно 43, 37 и 31 раз. Конечно, большинство этих упоминаний относится к домашним рабам, с которыми постоянно сталкивается подрастающий мальчик, — но Златоуст знает не одну челядь: так, на строительстве дома для архонта заняты и рабы (стр. 130.483—485). Рабы — основной элемент богатства наряду с драгоценными металлами, одеждой и конями (стр. 78.93), обилие рабов — первейший показатель «ложной славы» (стр. 96.231); раба покупает даже бедняк, который еще вчера обходился без него — и не из необходимости, но чтобы придать себе значительность (стр. 90.175—179).

⁷ О локальных особенностях византийских частноправовых документов см. А. П. Каждан. Аграрные отношения. . . , стр. 28—36.

¹ M. Aubineau, R. E. Carter. *Codices chrysostomici graeci*, I—III. Paris, 1968—1970. См. P. Canart. Les inventaires spécialisés de manuscrits grecs. — «Scriptorium», 24, 1970.

² См. Repertorium Pseudochrysostomicum, coll. J. A. de Aldama. Paris, 1965; Cp. еще: J. P. Bouhot. La collection homilétique pseudo-chrysostomienne découverte par Dom Morin. — «Revue des études augustinienes», 16, 1970.

³ Jean Chrysostome. A Théodore, éd. par J. Dumortier. Paris, 1966.

⁴ Jean Chrysostome. La Virginité, éd. par H. Musurillo. Paris, 1966.

⁵ Jean Chrysostome. A une veuve sur le mariage unique, éd. par G. H. Ettlinger et B. Grillet. Paris, 1968.

⁶ Jean Chrysostome. Lettres à Olympias, éd. par A. M. Malingrey. Paris, 1968, 2nde éd. 1970.

⁷ См. еще: L. L. Gallinari. Cristianesimo primitivo ed educazione. II περί νεωδοξίας καὶ ὅπως δεῖ τοὺς γονεῖς ἀνατρέφειν τὰ τέκνα di S. Giovanni Crisostomo. Cassino, 1970 (мне недоступно). О педагогических воззрениях Златоуста см. теперь: A. Darnassis. Johannes Chrysostomos. Pädagogisch-psychologische Ideen in seinem Werk. Bonn, 1971.

Во-вторых, сочинение Златоуста очень важно для изучения ломки старой системы ценностей. Не рабовладение и не богатство представляется оратору главным злом современного ему общества — с этим он может примириться, и та среда, в которую он помещает идеального воспитателя, — состоятельная рабовладельческая среда. Его инвективы направлены прежде всего против античных форм социальных связей, против общественных функций гражданина (отсюда насмешки над устройством игр, с которых начинается трактат), против родовых связей (не следует давать детям имена предков — стр. 146.648—650), против осмысления богатства как показателя социальной чести (стр. 92.196—202). В воспитательной системе Златоуста, как она предстает из трактата, нет места для привития общественных функций, обязанностей, дружбы — все заменяется моральным совершенствованием, благочестием, целомудрием, т. е. сугубо индивидуалистскими качествами. Идеал Златоуста — не социально-политическая реформа общества, а воспитание человека, который с максимальным эффектом мог бы достичь самоотчуждения от общества.

В предисловии к изданию Малэнгрей останавливается (помимо анализа рукописной традиции) на двух вопросах. Во-первых, она убедительно обосновывает тезис о подлинности трактата, в чем еще в 1939 г. сомневался Д. Мораитис (стр. 13—40). Поскольку главным аргументом Мораитиса было утверждение, будто образная система и лексика трактата далеки от манеры Златоуста, издательница в подробном комментарии всякий раз отмечает параллели из других сочинений этого автора. Что касается стилистических шероховатостей текста, то Малэнгрей объясняет их тем, что трактат дошел до нас в черновой записи, не отшлифованной Златоустом. Во-вторых, она рассматривает вопрос о дате трактата (стр. 41—47) и склоняется к тому, чтобы датировать его концом 393—началом 394 г. Основным доказательством служат для Малэнгрей намеки на церковные распри в Антиохии между сторонниками Флавиана и Евагрия, — впрочем, намеки эти довольно расплывчаты. Со своей стороны я хотел бы обратить внимание на одну аллюзию Златоуста, которая осталась вне поля зрения исследовательницы. Говоря об устах воспитанного юноши, писатель называет их золотыми воротами (θύρας... χρυσῆς); через эти ворота (τῶν πυλῶν) не проходит никто, кроме царя (стр. 118. 385—394). Нельзя ли усмотреть в этом пассаже намек на Золотые ворота в Константинополе? Как известно, латинская надпись на Золотых воротах гласит, что они были воздвигнуты Феодосием после победы над «тираном», и сулит установление золотого века. Обычно эти надписи относят к Феодосию II и связывают с победой Аспара над мятежным примикирием Иоанном в 423 г.⁸ Если это так, Златоуст, конечно, не мог знать константинопольских Золотых ворот, но, может быть, все-таки надпись принадлежала Феодосию I и была составлена по случаю разгрома узурпатора Максима в 388 г., к моменту возвращения Феодосия I из похода в Италию, где он был до 391 г. Кстати сказать, в отличие от Феодосия II его дед сам возглавлял войска против «тирана» и одержал над ним победу. Если Златоуст читал свой трактат через несколько лет после 391 г., то Золотые ворота должны были быть еще у всех на устах.

Хороший перевод, комментарий и обширный указатель облегчают изучение текста.

А. К.

Theodoros Anagnostes. Kirchengeschichte, hg. von G. Ch. Hansen. Akademie-Verlag. Berlin, 1971, XLI+228 S.

«Церковная история» Феодора Чтеца (Анагноста), написанная в начале VI в., пользовалась в свое время широкой известностью как в греческих, так и в латинских кругах Средиземноморья. Тем удивительнее, что ее подлинный текст до нас не дошел. Г. Х. Хансен как бы собрал эту книгу, сложив ее из многочисленных и разнообразных фрагментов.

Книга Феодора состоит из двух частей. Первая, так называемая «Трехсоставная история» (Historia tripartita), излагающая историю христианской церкви в 305—439 гг. — компиляция из трех авторов: Сократа, Созомена и Феодорита. Она практически не имеет самостоятельного значения, хотя оказывается весьма полезной при критическом восстановлении их сочинений. Лишь в отдельных местах можно проследить стилистические поправки, изменения, вызванные догматическими соображениями, разъяснения и дополнения самого Феодора Чтеца, в том числе романтическую легенду о христианке Мавии, попавшей в плен к арабам, полюбившей шейху бедуинов и ставшей в конце концов арабской правительницей (стр. XV и сл.). Вторая половина «Трехсоставной истории» (кн. I—II) дошла в Венецианской рукописи XIII—XIV вв. (Marc. 344). Кроме того сохранился латинский перевод Епифания, выполненный

⁸ R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1964, p. 269 sq. Недавно П. Шпек дал новое истолкование надписи: по его мнению, в ней идет речь не о завершении, а лишь об украшении Золотых ворот при Феодосии II. Впрочем, и Шпек считает невозможным, чтобы ворота были воздвигнуты при Феодосии I, ранее стены (P. Speck. Der Mauerbau in 60 Tagen. — «Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels». München, 1973, S. 141 f.). Златоуст мог иметь в виду и Золотые ворота в Антиохии.

в 560 г. по заказу Кассиодора (факт столь быстрой «передачи информации» на Запад, весьма показатель для культурной атмосферы Византии середины VI в.), а также сокращенный пересказ в так называемой «Церковноисторической эпитоме» начал VII в., которая включала помимо того, изложение Евсевия Кесарийского и некоторые другие сочинения и фрагменты.

Вторая часть книги Феодора Чтеца — «Церковная история» в собственном смысле слова — охватывает период 439—527 гг., являясь прямым продолжением «Трехсоставной истории». Именно эта, наиболее ценная часть, основанная на актах соборов и других документах, а также на несохранившихся летописных источниках (следы одного из них проступают у Феодана в рассказе о возмущении исавров в 492 г.), утеряна (стр. XVIII и сл.) и известна только по упомянутой выше эпитоме и отдельным фрагментам у Кирилла Скифопольского, Виктора Тонненского, Иоанна Мосха, Иоанна Дамаскина и др.

Разнородность характера книги Феодора и ее рукописной традиции определили и разнородность издания Хансена. В его основу положен сокращенный текст эпитомы, воспроизводимый по нескольким рукописям (Paris. suppl. 1156, X—XI вв.; Paris. 1555, XIII—XIV вв.; Vatop. 286, XIII в.; Vatoss. 142, XIV в. и некоторые другие), подробно описанным в предисловии (стр. XXIV—XXIX). Текст «Трехсоставной истории» по Венецианской рукописи не издается, поскольку он лишь повторяет трех церковных историков. Публикуя эпитому I—II кн. (стр. 1—55), Хансен ограничивается указанием соответствующих параграфов Сократа, Созомена и Феодорита, включенных в компиляцию Феодора Чтеца, а также связующих фраз «Трехсоставной истории» по Венецианской рукописи. Дополнения к тексту Сократа, Созомена и Феодорита, сделанные Феодором Чтецом, выделены в эпитоме особым шрифтом.

Кн. III—IV «Трехсоставной истории» (стр. 56—96) известны нам, как уже было сказано, только по эпитоме. Поэтому сопоставление текста Феодора Чтеца с его источниками носит в этой части сугубо ориентировочный характер: Хансен был лишен возможности текстуально сличить Феодора с его источниками. Издатель, разумеется, приводит и здесь ссылки на соответствующие места Сократа, Созомена или Феодорита.

Собственно «Церковная история» (стр. 96—157) публикуется опять-таки по эпитоме с параллельным приведением всех разнородных и разноязычных (греческих и латинских) фрагментов.

В приложении помещены два фрагмента из церковных историй Геласия Кесарийского (стр. 158 и сл.) и Филиппа Сидского (стр. 160). Книга снабжена обширными указателями (имен, греческих слов, цитированных авторов, фрагментов из Феодора Чтеца в различных сочинениях и авторов, использовавших эпитому). В примечаниях Хансен кратко указывает параллельные свидетельства, приводит даты описанных событий и разъясняет неясные намеки.

Хотя потеря основного текста «Церковной истории» Феодора Чтеца невосполнима, эпитоме ее имеет существенное значение для изучения византийской истории V—начала VI в. Хансен справедливо подчеркивает сужение горизонта, характерное для Феодора (стр. XVIII), что, разумеется, было типичным не для эпохи Юстиниана (как пишет издатель), но для тех кругов, к которым принадлежал изданный им историк, даже не упоминающий Одоакра, а Теодориха Остготского именующий «африканцем», т. е. вандалом. «Церковная история», использованная многими византийскими христианами: Феоданом, Георгием Монахом, Симеоном Логофетом (Хансен предпочитает пользоваться его вариантом — хроникой Льва Грамматика) и др., — существенна и для истории византийской хронографии.

А. К.

Ioannis Caminiatae de expugnatione Thessalonicae, rec. G. Böhlig.
«Corpus fontium historiae byzantinae», vol. IV. Apud W. de Gruyter et socios.
Berolini et Novi Eboraci, 1973, XXXIII+98 p., ill.

Западногерманская византистка Гертруда Бэлиг критически издала сочинение Иоанна Каминиата. Текст издан по четырем рукописям XV—XVI вв. Пятая известная издателю рукопись — поздний (XIX в.) список, и его чтения не принимаются во внимание. По-видимому, в распоряжении В. И. Григоровича была какая-то иная рукопись этого автора: Б. Л. Фонкич сообщил мне, что в перечне рукописей, принадлежавших Григоровичу (Государственная библиотека им. В. И. Ленина, ф. 86: собрание В. И. Григоровича, п. 2, № 25, л. 26 об.), между Фукидидом и Медицинскими отрывками значится: «36, Камениата 4». Следов этой рукописи, впрочем, нет.

От предыдущего издания И. Беккера текст Бэлиг отличается главным образом более бережным отношением к рукописной традиции: углубленное изучение грамматики Каминиата позволило издательнице в ряде случаев восстановить в правах рукописное чтение, которое казалось Беккеру не отвечающим грамматическим нормам. Но в общем число поправок невелико, а некоторые места, как мне кажется, еще требуют конъектуры.

Стр. 20.80: τοὺς ἀπὸ τοῦ Σχλαβῆνους. Не является ли второе τοὺς лишним? Речь идет о том, что стратиг Никита призывал окрестных славян (οἱ ἀπὸ Σχλαβῆνων) прийти на помощь Солуни. Ср. τῶν πλησιοχώρων Σχλαβῆνων — стр. 19.73.

Стр. 21.20—22. Место испорченное. Стоящее в лучших рукописях $\delta\eta\lambda\omicron\nu$ явно неуместно, и Бэлиг принимает $\delta\eta\mu\omicron\nu$, не отмечая, что в таком случае следовало ждать определенного артикля: $\tau\omicron\nu\delta\eta\mu\omicron\nu$. Но в этой фразе есть и другая трудность: $\tau\omicron\iota\varsigma$ в начале § 6 невозможно — следовало бы ждать: $\tau\omicron\delta\chi\omega\rho\epsilon\iota\nu\tau\omicron\nu\delta\eta\mu\omicron\nu$ или нечто подобное. Нельзя ли предположить, что $\tau\omicron\iota\varsigma$ попало сюда из предыдущей строки, где стояло $\tau\omicron\iota\varsigma\mu\eta\tau\omega\ldots\epsilon\sigma\chi\eta\lambda\iota\varsigma$? Р. М. Бартияян в письме от 11. III 1975 идет дальше и предлагает читать: $\tau\omicron\delta\epsilon\iota\varsigma\tau\omicron\sigma\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\pi\alpha\rho\alpha\gamma\mu\alpha\tau\omicron\varsigma\chi\omega\rho\epsilon\iota\nu\delta\epsilon\iota\nu\omicron\nu$.

Стр. 23.14: о Льве Триполитанине сказано: $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\delta\gamma\alpha\rho\kappa\alpha\iota\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma\omicron\nu$ пота, что несколько странно. Не правильнее было бы читать $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\tau\omicron\nu$, имея в виду $\chi\rho\iota\sigma\tau\iota\alpha\nu\omicron\nu$ предыдущей строки, что означало бы: «И он некогда был в их (христиан) числе»?

Стр. 26.9: $\epsilon\sigma\tau\iota\nu$ кажется мне лишним.

В некоторых случаях напрашивается исправление пунктуации. Например, стр. 24.38: перед $\mu\eta\tau\epsilon$ лучше запятую, чем точку; стр. 31.9—10: после $\epsilon\phi\epsilon\delta\rho\epsilon\upsilon\sigma\iota\nu\tau\omicron\nu$ следует поставить запятую и соответственно начинать § 5 со слова $\pi\acute{\iota}\tau\alpha\nu$.

В примечаниях Бэлиг отмечает, помимо рукописных расхождений, библейские цитаты и помещает облегчающие понимание текста краткие заметки, в том числе топографические и хронологические. Скрытые цитаты выявлены далеко не все. Так, на стр. 4.61—62 аллюзия на Деяния апостолов 9.15; выражение $\kappa\acute{\iota}\pi\omicron\upsilon\varsigma\pi\alpha\rho\acute{\epsilon}\xi\epsilon\iota$ на стр. 17.67 — часто встречающаяся в Новом завете формула — см. Матфей, 26.10, Марк, 14.6, Лука, 11.7, 18.5, Галат, 6.17; на стр. 22.55 аллюзия на Псал., 78.10; на стр. 34.27—28 — на Исаию, 53.7. Совершенно не учитываются параллели у светских авторов, тогда как Каминиат довольно обильно использует лексику Лукиана: стр. 6.21—22 — Икароменипп, 12, ср. Атталиат, стр. 111.17—18; стр. 9.11 — Алекс., 57; стр. 10.64—65 — Демонакт, 9; редкое слово $\pi\rho\omicron\tau\epsilon\iota\rho\alpha\delta\eta\nu\alpha\iota$ на стр. 23.92 засвидетельствовано в Гермотиме, 53. Не отмечает Бэлиг ни параллелей у византийских авторов, ни повторяющихся у самого Каминиата стереотипных формул.

Перевода нет, но осмыслению текста помогают как пространное изложение содержания (стр. XIII—XVI), так и индексы византийских терминов, грамматических особенностей и трудных слов (стр. 72—95). Кроме того, в книге имеются указатель имен (стр. 69—71) и индекс античных и средневековых авторов, цитированных в примечаниях и во введении (стр. 96 и сл.). К индексам можно было бы сделать несколько поправок и дополнений.

На стр. 69 Эквол разъясняется как *залив* вблизи от Солуни, тогда как из описания Каминиата следует, что это длинная коса, отделявшая залив от моря; кроме того, я очень сомневаюсь, что Эквола («стена Экволы» — стр. 7.65) тождественна Экволу, как это принимает Бэлиг, впрочем, следуя авторитетам. Анагносты (стр. 72) упоминаются Каминиатом еще в одном месте: стр. 12.25. На стр. 85 можно добавить: $\alpha\pi\epsilon\iota\pi\omicron\nu\tau\eta\varsigma\zeta\omega\eta\varsigma$ — стр. 19.50. Я сомневаюсь в правильности перевода $\phi\iota\lambda\omicron\tau\iota\mu\omicron\epsilon\omicron\rho\alpha\iota$ как «дарить» (стр. 94). В цитируемом месте речь идет о прибывающих отовсюду в Солунь людях, которые *состязаются* с гражданами ($\epsilon\phi\iota\lambda\omicron\tau\iota\mu\omicron\epsilon\omicron\nu\tau\omicron\delta\tau\omicron\upsilon\varsigma\pi\omicron\lambda\iota\tau\iota\varsigma$: в нормативном греческом следовало бы ожидать $\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma\tau\omicron\upsilon\varsigma\pi\omicron\lambda\iota\tau\iota\varsigma$), давай им и получая от них (стр. 11.71—73), т. е. обмениваясь с ними товарами. На стр. 30 Каминиат описывает довольно сложное сооружение, воздвигнутое арабами для осады городских стен: встречающиеся там мореходные термины ($\kappa\alpha\tau\epsilon\rho\tau\iota\omicron\nu$ — «мачта», $\alpha\upsilon\chi\eta\tau\eta$ — «рулевое весло», $\kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\iota\varsigma$ — «рукоятка», $\sigma\tau\acute{\alpha}\nu\eta$ — «лопасть весла») не включены в индексы, что осложняет понимание этого места.

Текст предвзятается введением, где Бэлиг собирает скудные сведения об авторе, чье имя она читает по-новому; она характеризует его сочинение, указывает другие источники — греческие и арабские, касающиеся взятия Солуни в 904 г., приводит рукописные глоссы, описывает — чисто формально — манускрипты, сохранившие «О пленении Солуни», и их соотношение между собой. Следовало бы отметить, что патрионим Каминиат связан с солунской топонимикой: деревня Камена и местность Каминии существовали вблизи Афона, первое свидетельство о них относится к 893 г.¹ Отец писателя именуется экзархом Эллады — напомним, что В. Лоран опубликовал ряд печатей патриарших экзархов IX—XI вв. и среди них моливдовул Космы — игумена и экзарха Эллады². Довольно тривиальные фразы, которые Бэлиг посвятила художественным особенностям «О пленении Солуни» (стр. XI), отметив, что в отличие от Евстафия Солунского, аналогичное сочинение которого (о взятии Солуни норманнами в 1185 г.) полно цитат и аллюзий на античных классиков, Каминиат ограничивается одним Писанием, — не дают никакого представления об особенностях стиля того и другого автора.

Введение завершается характеристикой предшествующих изданий и списком литературы, относящейся к Солуни и арабскому нападению на нее. Русский перевод Каминиата С. В. Поляковой и И. В. Феленковской Бэлиг упоминает, хотя приписывает его Р. А. Наследовой (стр. XXXI), — но, по всей видимости, она не использовала ни перевод, ни предисловие и комментарий к нему Наследовой, ни статью Поля-

¹ Actes de Xéropotamou. Paris, 1964, p. 91. Ср. еще: Actes de Lavra, t. I. Paris, 1970, № 21.18.

² V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin, vol. V, 1. Paris, 1963, № 241—245, vol. V, 3, № 1681—1683.

ковой о художественных особенностях сочинения Каминиата. Статья Р. М. Бартияна о переводе Каминиата, равно как и развернутая рецензия Я. Н. Любарского и А. Я. Сыркина на это издание³, вовсе ускользнули от внимания Бэлиг. Не упомянуты в книге ни болгарский перевод М. Войнова (большие фрагменты с параллельным греческим текстом — «Гръцки извори за българската история», т. V. София, 1964, стр. 18—59), ни сербский — М. Райковича (отрывки с важным комментарием — «Византијски извори за историју народа Југославије», т. I. Београд, 1955, стр. 265—272). В библиографическом списке отсутствуют также специальные работы Наследовой: «Город Фессалоника и македонские славяне (по данным Иоанна Камениаты)». Автореферат диссертации. JL., 1954; «Ремесло и торговля Фессалоники конца IX—начала X в.» — ВВ, VIII, 1956; «Македонские славяне конца IX—начала X в. по данным Иоанна Камениаты». — ВВ, XI, 1956. Следовало указать и работу В. Н. Златарского «История на Българската държава през средните векове», т. I, 2. София, 1971, стр. 323—335, где дан подробный анализ известий Каминиата, а также: В. Vonderlage. Thessaloniki. Hamburg, 1953, S. 55—59; V. Tăpkova—Zaimova. La ville de Salonique et son hinterland slave (jusqu'au Xe siècle). — «Actes du IIe Congrès International des études du Sud-Est européen», t. II. Athènes, 1972, p. 360 sq.

А. К.

D. Sophianos. 'Αγιος Νικόλαος ὁ ἐν Βουναίνῃ. Athenai, 1972, 211 p., ill.

Житие Николая Нового, пострадавшего в Вунене (Фессалия), было известно до сих пор лишь по позднему пересказу, впервые изданному уже в 1657 г. Написанный на разговорном («народном») языке, этот памятник деконкретизирован; он настолько лишен примет времени и бытовых деталей, что жизнь его героя относили то к рубежу VI—VII, то к VIII, то к XIII или XIV в., а иной раз даже датировали его смерть 1694 г. Д. Софианос собрал и опубликовал весь круг источников, посвященных Николаю Новому, среди которых наиболее важны:

1. «Мученичество», составленное неизвестным писателем по имени Николай, сохранившееся в Метеорской рукописи конца XVI в., которая была переписана Иоанном из фессалийского Тырнова (не смешивать с одноименным болгарским городом!).

2. «Мученичество», написанное или, точнее, пересказанное (μεταφρασθέν) священником Архаиком, которого Софианос считает андропцем (стр. 44); оно содержится в рукописи XII в. с острова Андроса.

Кроме того, сюда относятся краткие синаксарные рассказы, последования (аклоуфии), из которых древнейшее сохранено в уже упомянутой Метеорской рукописи Иоанна из Тырнова, житие на «народном» языке, а также канон Арсения, известный по гроттаферратскому манускрипту XI в. и посвященный мученику Армодию, который, по мнению Софианоса (стр. 75), погиб вместе с Николаем Новым.

Изданные Софианосом памятники упоминают ряд фактов, а также некоторых персонажей византийской истории, которые до сих пор не были известны. Стремясь поставить их в правильную связь, издатель старается определить прежде всего, когда же, собственно, жил Николай Новый. К сожалению, сведения, сообщаемые его житиями, довольно смутны и противоречивы.

Древнейшим источником Софианос считает «Мученичество», принадлежащее перу Николая. Он писал между 912 и 985 г. (стр. 34), зная местность по личному опыту, а факты — «из первоисточника» (стр. 35). По его рассказу, соименный ему герой был родом с Востока (стр. 140.42), действовал при «благочестивом царе Льве, брате Александра» (стк. 50—51), был назначен «таксиархом воинского легиона» (стк. 60) и послан в Ларису — главный город Фессалии (стк. 61—62). Когда ромейская земля подверглась набегу «кровожадных аваров» ('Αβάρεις) (стр. 141.70), Николай отошел к горе, называвшейся в этой местности Терново (стк. 97—98), где его люди были перебиты аvarами; сам же Николай бежал на гору Вунену (стр. 142.150—151) и там погиб. Царь Лев, возвратившись из успешного похода на восток, заставил аvarов бежать восвояси (стр. 144.197—200), после чего проздр Фессалии Филипп мог вернуться на свою кафедру (стк. 203—205). «Прошло много времени», и дук Солуни Евфимиан, пребывавший там по приказу царя вместе с «ипатиком» Оратионом (стр. 145.230—232), заболел проказой и после долгих мук, от которых его не могли излечить ни Димитрий Солунский, ни Ахиллий Ларисский, нашел излечение у тела Николая на Вунене.

Трудность заключается в том, что во времена «Льва, брата Александра», т. е. Льва VI (886—912), аvarских набегов на Византию уже не могло быть. Софианос рядом остроумных наблюдений обосновывает тезис, что аvarы «Жития» — это арабы¹: они — иноверцы (следовательно, не славяне или болгары); согласно древнейшему «Последованию» (стр. 173.141—142), их дерзости удивлялись «земля и море», что не

³ Р. М. Бартиян. Некоторые уточнения к переводу сочинения Иоанна Камениата «Взятие Фессалоники». — ВВ, XIX, 1961, стр. 315—319; ср. там же, стр. 311—314.

¹ Возможность смещения арабов и аvarов в «Житии Григения Омирского» допускал Д. Моравчик. См., однако, мои возражения в рецензии на его книгу: ВВ, XVI, 1959, стр. 277.

может относиться к болгарам, действовавшим на суше (стр. 113—117); Николай отступал не на юг (что было бы естественным при аварском или болгарском набеге), но на север, дальше от залива Воло (стр. 98). Наконец, в позднем «народном» «Житии» говорится, что авары напали не только на Ларису, но и на Димитриаду и ее окрестности (стр. 163.85—87), а согласно поздней акалуфии, изданной в 1791 г., они разграбили Димитриаду. С таким определением времени жизни Николая Нового хорошо совпадает упоминание в «Житии» проэдра Фессалии Филиппа. В самом деле, митрополитом Ларисы в первой четверти X в. был Филипп, адресат 116-го письма Николая Мистика (стр. 32). Однако отнесение смерти Николая к 901—902 гг. наталкивается на новое противоречие: в источниках нет ни малейшего намека на успешную экспедицию Льва VI на восток, да и вообще Лев VI не вел войска в поход (стр. 128 и сл.).

Итак, чтобы сохранить свою датировку, Софианосу приходится дважды совершать насилие над источником: превращать аваров в арабов и отвергать житийный рассказ о походе царя Льва. Достаточно ли оправдано первое из этих предложений? В самом деле, прямые сведения о нападении арабов сохранены лишь в поздней версии; риторическое удивление «земли и моря» в «Последовании» отнюдь не значит, что «авары» действовали на море, но только что слава о них разносилась по морю. То, что Николай отступал на север, не доказывает, что враги шли с юга, — он искал убежище в горах, поросших лесом, а не собирался, скажем, пробиваться к Эгнатиевой дороге, уходить подальше от Ларисы. То, что мы знаем об арабских морских рейдах на рубеже IX—X вв., не согласуется с житийным рассказом: арабы грабили приморские города (Димитриаду. Солунь), но не продвигались в глубь материка. Кстати сказать, наиболее эффектный аргумент Софианоса — упоминание Филиппа Фессалийского (Ларисского) — оказывается в действительности не таким эффективным: по мнению Л. Вестеринка, только что выпустившего в свет новое издание писем Николая Мистика, послание Филиппу относится ко времени второго патриаршества Николая, к 913—919 гг., а самого Филиппа он считает ставленником Николая². Если эта датировка верна, то Филипп не был проэдром в момент кончины Николая Нового.

Жития — памятник особого рода. В них действительно сохраняются редкие бытовые детали, но главная сюжетная линия подвергается обычно сильным сдвигам под давлением агнографической традиции. Автор изданного Софианосом «Мученичества» чистосердечно признается в своей неосведомленности о жизни героя: «Оставив подробности и частности знающим мученика, я расскажу только главное, чтобы принести пользу слушателям» (стр. 140.27—29). Этот принцип вообще может явиться ключом к изучению житийной литературы: агнограф не только не знал Николая Нового, но для него и важно не то, что напали авары, что императором был Лев VI и т. п. *λεπτοτέρα*, а то, что Николай был божьим человеком, что он пострадал от тиранов, что после смерти у его мощей творились чудеса. Повествователь вполне мог соединить Льва VI со Львом III и приписать либо первому победу при Акроеине в 740 г., либо второму — брата Александра.

Редкие реалии «Мученичества» не могут служить решающими доводами для какой-либо датировки. По Софианосу (стр. 82 и сл.), должность таксиарха засвидетельствована только с XI в. и издаваемый им памятник оказывается первым ее упоминанием). На самом деле термин «таксиарх» встречается у античных и ранневизантийских авторов, приобретая со второй половины X в. техническое значение³. Агнограф говорит о таксиархе легиона, т. е. использует термин не в его техническом смысле X—XI вв., а скорее в приближении к античному словоупотреблению (таксиархи, в частности, соответствовали легатам легиона). Конечно, соблазнительно видеть в Евфимиане первого известного дуку Солуни, предшественника Григория Таровита, погибшего в 996 г. (стр. 134) (кстати, уже в 995 г. дукой Солуни был Иоанн Халд), но отнесение деятельности Евфимиана к периоду до 985 г. (стр. 33) основано на *argumentum ex silentio*, на умолчании о перенесении мощей св. Ахиллия из Ларисы в Преспу Самуилом Болгарским, а такой аргумент при датировке событий, описанных в житийном памятнике, вряд ли применим. К тому же что значит, «прошло много времени»? Год, пять, пятьдесят лет? Заметим, что, по словам агнографа, Евфимиан прибыл в Солунь «по приказу царя» (стр. 145.231): так как имя царя не названо, естественно было бы думать, что имеется в виду все тот же Лев. Тогда появление должности дуки Солуни (если доверять агнографу) пришлось бы отнести к началу X в. — почти на 100 лет раньше первых до сих пор известных свидетельств о солунских дукх.

Кончая, хочу подчеркнуть: византийский житийный памятник — по большей части легенда. И изучать его нужно, как легенду, т. е. иначе, чем летопись, не обольщая себя излишне надеждой восстановить действительный ход рассказанных событий.

А. К.

² *Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters.* Washington, 1973, p. 572.

³ См., помимо словаря Лидда—Скотта: В. Вальденберг. *Taxiarchos*. — ВВ, XXIV, 1926, стр. 134—137; Г. Г. Лимаев. Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972, стр. 434 и сл. и особенно: V. von Falkenhausen. *Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jh.* Wiesbaden, 1967, S. 115 f; N. Oikonomides. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècle.* Paris, 1972, p. 335 sq.

Первые два выпуска «Корпуса печатей Византийской империи» появились в 1963—1965 гг. (см. ВВ, XXVIII, 1968, стр. 300—302), после чего издание, казалось бы, замерло. Теперь перед нами третий выпуск — дополнительный, посвященный, как и два предыдущих, византийской церковной администрации. Он содержит около 400 моливдовулов, основная часть которых — коллекция Думбартон Оукса (Вашингтон); кроме того, публикуются памятники из нескольких более скромных собраний (прежде всего М. Тьерри д'Этампа: № 1737, 1751, 1833, 1846, 1924 и др.) и печати, ранее изданные, но почему-либо опущенные в вып. 1—2 (№ 1641 бис, 1802, 1821, 1903, 1914, 1929); при этом В. Лоран (он скончался 21.XI 1973) исправляет старое чтение и датировку. В ряде случаев включены памятники, изданные в вып. 1—2 по другим (и худшим) экземплярам, что позволяет теперь уточнить или исправить чтение. Так, в № 310 Лоран прочитал имя епископа Редесто — Никита, теперь (№ 1700 бис) он исправляет на Михаил; в № 1571 Сотирх был назван епископом Иордана, оказался же он епископом Дардана (№ 1705). Ср. еще № 1648 и 103, 1712 и 372. В других случаях новый экземпляр позволил уточнить иконографию (№ 1868 и 936) и дату (№ 1719 и 402) или дать толчок к пересмотру атрибуции (№ 1777 и 738). Одно из этих переизданий вызывает, впрочем, вопрос. Лоран переиздает печать царского монастыря Предтечи с^тς: 'Ερμιάς (№ 1944), утверждая, что новый экземпляр делает чтение названия монастыря quasi certaine. Однако от этого названия на новом экземпляре он восстанавливает лишь три буквы: . . ΗΜΙ., тогда как на первом экземпляре (№ 1285) были прочтены четыре: . . ΗΜΙΣ. Таким образом, новый памятник не делает реституцию, предложенную еще Г. Хунгером (см. р. 301), более надежной.

Нет необходимости снова говорить о значении сигиллографических памятников и «Корпуса» В. Лорана. Как и первые два, третий выпуск содержит массу новых данных по церковной географии, по церковной и монастырской организации. Примечательны две печати X—XI вв. экономов Великой церкви, которые оба были светскими людьми и носили титулы: один — магистра, а другой — анфипата и патрикия (№ 1640, 1641). Точно так же и эконоом Антиохийской патриархии (печать второй половины XI в., до 1086 г.) был светским чиновником — протоснафарием и мистографом (№ 2022). Подчинение церковных имуществ светской администрации — весьма существенная черта византийского государства. Ср. еще печати экономов — светских лиц в вып. 1: № 52—54.

Уже в вып. 2 Лоран издал ряд печатей так называемой диаконии (№ 1207—1222), которую он рассматривает как особое церковное ведомство, распоряжавшееся благотворительностью¹. Теперь сюда прибавляется еще несколько печатей и жетонов (№ 1920—1926) — впрочем, атрибуция некоторых из них ведомству диаконии не кажется мне бесспорной. Как бы то ни было, на всех печатях в вып. 2 стоит термин Διακονία, тогда как в новом издании № 1922 и 1924 его не имеют, отчего зачисление их в этот разряд становится субъективным.

Печати содержат упоминания о ряде прелатов и монастырей, до сих пор не известных, или же сообщают о них новые сведения. Правда, скудость сфрагистических документов требует при обращении с ними сугубой осторожности. Так, Лоран публикует две печати (№ 1904—1905), которые он атрибутирует монахам Манганского монастыря св. Георгия, и поскольку одна из них датируется первой половиной XI в., Лоран выдвигает гипотезу, что Манганский монастырь не был основан Константином IX (как об этом сообщают писатели XI в.), но существовал еще до этого императора. Следует, однако, отметить, что столь точная датировка (первая половина, а не середина XI в.!) моливдовула пока еще вряд ли возможна. Далее, ни на одной из двух печатей названия Манганов нет (а на второй нет и изображения св. Георгия — патрона Манганов, как и многих других монастырей); основываться же только на формуле «царский монастырь» или «монах деспота» (δеспότης) крайне рискованно. Царскими назывались многие византийские монастыри (например Лавра св. Афанасия в хрисовуле Константина X от 1060 г.)², а сам Лоран издал (№ 1147) печать Анны, игуменьи монастыря τῶν Δεσποτῶν (вторая половина XI в., изображение богородицы), который никопм образом не идентичен Манганскому.

Новые моливдовулы интересны и для истории византийской интеллигенции: достаточно сказать, что в вып. 3 публикуются печати Алексея Аристина (№ 1650), Феодора Вальсамона (№ 1648) и Михаила Италика (№ 1765). Отмечу в этой связи и печать (№ 1660) магистра Великой церкви Константина (вторая половина XI в.), которого Лоран считает магистром риторов.

Некоторые данные можно извлечь и для истории Руси, славян и Закавказья. Лоран публикует печать (анонимного) епископа Новгорода первой половины XII в. (№ 1788) и (анонимного) проэдра (архиепископа) Зихии второй половины XI в. (№ 1825). Две печати касаются эллинизированной семьи кавказского происхождения — Торников: одна упоминает Иоанна Торника, ктитора Ивирского монастыря на Афоне

¹ См. еще: D. J. Constantelos. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. New Brunswick, 1968, p. 75.

² Actes de Lavra, I. Paris, 1970, N 33.39.

(№ 1929), — она привешена к грамоте 1080 г., когда Торника уже давно не было в живых; второй памятник сохранил имя монахини Марии Торникины XI—XII вв. (№ 2012). Очень важна печать монахини Ксены ἡ τοῦ Νεστογγου XII в. (№ 2014): этот памятник, как и два неизданных моливдовула XI в.: Марии, патрикин, дочери Нестонга, и магистра, стратига Иоанна Нестонга, упомянутых в комментарии, подтвердили гипотезу И. Дуйчева о переходе болгарского рода Нестонгов-Нестягов на византийскую службу при Василии II³. До сих пор византийские Нестонги были известны не ранее XIII в.

Нет необходимости говорить о высоком качестве издания. Покойный Лоран был крупнейшим специалистом как в сигиллографии, так и в церковной истории Византии. Его чтения и датировкам можно доверять, его комментарий богат информацией и разнообразен. Он затрагивает лексические, просопографические, исторические, иконографические проблемы. Мои возражения будут касаться лишь некоторых, иной раз довольно частных сторон издания.

Трудности восстановления легенды на поврежденных печатях общеизвестны: иногда от слова или имени остается лишь одна буква, и только остроумие и опыт издателя могут подсказать, что стояло первоначально. Но подчас остаются возможными другие варианты. На печати № 1754 Лоран по конечной А восстанавливает имя 'Ανδρέα аргументируя, в частности, редкостью преномов из 5—6 букв с окончанием -ας. Известны, однако, такие имена, как 'Ηλίας, Θωμάς, Κοσμάς, Σάββας и особенно частое Νικήτας. Изображение св. Андрея на аверсе никак не может быть аргументом в пользу реституции Лорана: владелец печати был Патрским митрополитом, а св. Андрей — патрон Патр. Сохранились печати ряда Патрских митрополитов: Филиппа (№ 629), Константина (№ 631), Георгия? (№ 634), Иоанна (№ 636), Феодора (№ 1603), — со св. Андреем; св. Андрей представил на своем моливдовуле и митрополит Никита (№ 633): впрочем, его печать по шрифту и иконографии⁴ отличается от № 1754 и должна была быть более поздней. По одной «С» Лоран восстанавливает название архиепископии: [Κα]τ[α]ρε[ν]ία (№ 1685), что тем более спорно, поскольку перед «С» он отмечает место для 2, а не 3 букв и, скажем, [Ν]ῶ[ς] (της) могло читаться с тем же успехом: известна же печать Никиты, архиепископа Нисы (№ 1602).

Значительно чаще, однако, чем реституция, вызывает сомнение идентификация владельцев печатей. Следует учесть, что идентификация ведет подчас к очень ответственным выводам. Так, Лоран атрибутирует печать № 1690 иконопочитателю Феофилу, архиепископу Эфеса, и замечает, что изображение св. Иоанна на аверсе — показатель того, что Феофил не колебался выступить против официального иконоборчества. Вывод имел бы серьезное значение для трактовки иконоборчества, если бы только мы могли быть уверенными в этом отождествлении и в том, что печать изготовлена в начале, а не в середине IX в., уже после восстановления культа икон.

Видимо, вообще необходимо поставить вопрос о принципах идентификации, о том минимуме данных, которые позволяют говорить о тождестве двух персонажей. Так, скажем, Иоанн, митрополит Сидский и протосинкел (№ 1720), может быть идентифицирован с известным политическим деятелем второй половины XI в., поскольку имеет место совпадение как должности, так и (довольно редкого) титула. Редкое имя Эмилиан (№ 1703) делает идентификацию вполне вероятной. Но почему Михаил, синкел и великий эконоμ (№ 1641 бис), — непременно Михаил Кируларий, о пребывании которого в должности эконоμ ничего неизвестно? Изображение Михаила Архангела на аверсе не может (вопреки Лорану) служить доказательством тождества — любой Михаил считал Архангела своим патроном. По одному только имени идентифицируются с лицами, известными по письменным памятникам (то с оговоркой «быть может», то более уверенно), владельцы печатей № 1637, 1655, 1794 и некоторых других, что особенно рискованно, поскольку среди их преномов — и такой распространенный, как Иоанн. Подобное отождествление зиждется на (нев്യсказанном) принципе, будто нам известны все члены византийской духовной иерархии, что отнюдь не соответствует действительности: сам Лоран неоднократно подчеркивает, что то или иное лицо в иных источниках не фигурирует (№ 1691, 1693, 1695, 1704, 1710, 1721, 1734, 1737, 1753, 1758, 1760, 1784, 1814, 1821, 1937 и др.); о многих это не сказано, и тем не менее они — новые фигуры в византийской просопографии. Значит, мы легко можем допустить, что Иоанн, проэдр Керкиры (№ 1794), мог быть омонимом митрополита, названного Киннамом, — даже если они жили в близкое время. Ведь наличие омонимов на одной кафедре и подчас в близкое время Лоран нередко отмечает в комментарии (№ 1633, 1692, 1789).

Еще большие возражения вызывает у меня идентификация одноименных лиц, известных только по сигиллографии. Лоран утверждает, что протакдик Петр (№ 1649) — тот же человек, что великий эконоμ Петр (№ 57) и хартофилак Петр (№ 95, 96). Даже если принять как бесспорную дату — вторая половина XI в. — для всех печатей (№ 57, впрочем, датирован XI—XII вв.), нельзя утверждать, что среди патриарших

³ И. Дуйчев. Последний зашитник на Срем в 1018 г. — ИИБИ, 8, 1960, стр. 309—320. Работа Дуйчева не упомянута в комментарии Лорана.

⁴ Странным образом изображение в Альбоме (табл. 85) совершенно не соответствует описанию аверса в тексте (т. I, стр. 475): там представлен не св. Андрей en buste, а три стоящие фигуры.

должностных лиц этого времени один единственный — Петр. Иногда идентификация подкрепляется сходством самих печатей — таковы, например, два моливдовула такдики Иоанна (№ 109 и 1652); впрочем, и в них расположение строк различно. И типичны и печати митрополита (Халкидона) Сергия (№ 1714, 1715). Кстати скажем и стилистическое единство еще не является гарантией тождества владельцев, но скорее показателем выпуска печати одним гравером — как остроумно отметил Лоран по поводу печатей Феодора Серрского (№ 778) и Феодора Коринфского (№ 17). Но как быть в тех случаях, когда моливдовулы выполнены по-разному (№ 1732, 1771 и 1772, 842 и 1816, 1823 и 1824, 1891 и 1892, 1626, 1895 и 1896, 1352 и 1901, 1235 и 1932, 1389 и 1982)? Не является ли различие стиля скорее свидетельством различия омонимов, чем их тождества? Иногда, впрочем, и сам Лоран признает так, он отмечает трех разных Иоаннов, связанных с Влахернским храмом (№ 1200, 1921), но всех их относит к разным векам.

Объяснение титулатуры лишь в редких случаях нуждается в поправках и дополнениях. Думаю, что разъяснение обязанностей епископитита (№ 1639), несмотря на ссылку к работе Дж. Бури, неточно: во-первых, Бури говорит о заведовании императорским столом как о «вероятной» (probably) функции епископитита; во-вторых, Бури упоминает о его обязанности посещать провинции и наблюдать за границами, Лоран, видимо, вывел из этимологии слова *ἐπισκοπῆς*. На самом деле, епископитита как и куратор (Николай, владелец печати № 1639, сочетал обе должности), — сокий чиновник императорского патримония: понятия *ἐπισκοπῆς* и *κορητορεία* близки друг к другу⁵.

Лоран издает печать X в. (№ 1643) клирика Михаила, хартулария эконома Великой церкви и куратора параклимомена⁶. Реституцию последнего слова издатель ставит условной — и не без оснований: в самом деле, должность куратора параклимомена кажется невероятной. Однако если учесть существование монастыря Параклимомена (см. печать его игумена Неофита — № 1141), восстановление Лорана становится вероятным: Михаил мог быть куратором этого монастыря. Что должность куратора не противоречила монашеской, свидетельствует моливдовул игумена и куратора Павла (№ 1327).

Понимание легенды иной раз кажется мне спорным. Так, печать № 1756 Лоран атрибутирует епископу Мефону, трактуя термин *ἐπίσκοπος* как епископ, но в других случаях *ἐπίσκοπος* безоговорочно рассматривается как священник (№ 1891, 1892; см. V, стр. 501 и сл.). Отсутствие топонима еще не может служить абсолютным аргументом известен ряд печатей епископов и митрополитов без указания их епархии, причем не только ранних, но и X—XII вв. (№ 1069, 1863, 1864, 1870, 1879). Печать № 19 Лоран считает невозможным отнести к афонской Лавре, поскольку на легенде это просто: «лавра Афанасия» — без эпитета «святого». Является ли этот ригоризм достаточно оправданным? Краткость легенды и требования метрики могли обусловить пропуск эпитета. Лаврой Афанасия именуют эту обитель и более пространственные документы как грамоты патриарха Николая II от 989 г. или монаха Георгия Харзана от 1024 г. Возможно, что отсутствие эпитета указывает на относительно раннее (первая половина XI в.) изготовление моливдовула.

В некоторых случаях следовало бы пополнить библиографию комментария. Так, при анализе имени Влахернит (Лоран разбирает вопрос, является ли он патронимом или эпитетом, указывающим на связь владельца печати с Влахернским храмом, — № 1651) следовало бы учесть распространенность этого имени, о котором уже писал Г. Г. Литаврин⁷. Датой смерти Арефы Кесарийского указывается «около 944 г.» (№ 1692); П. Лемерль предлагает несколько более раннюю⁸. Смерть Николая Айфеодорита, митрополита Афин, датирована по традиции 1175 г. (№ 1749), без учета моего предположения, что он умер около 1178 г.⁹

Расположение материала не всегда бесспорно. Печать Алексея Аристина № 165 ошибочно датирована первой половиной XI в. и помещена ранее печати Константина Влахернита, тоже протекдика, отнесенной ко второй половине XI в. Печать эконома Эфеса Феогноста № 1699 естественнее было бы видеть после № 1692, после моливдовулов Эфесских архиепископов. Непонятно, почему печати диакона и хартулария Феодора (№ 1894) и диакона и хартулария Константина (№ 1896) помещены не среди печатей диаконов (№ 1833—1838) и отнесены к клиру св. Софии, хотя легенды об этом молчат. Священник Иоанн № 1846 бис помещен среди епископов, что, видимо, отражает колебания Лорана в толковании термина *διήκονος*. Наконец, печать прота Гаяна (№ 1949) должна была быть помещена на другом месте (об этом монашеском центре см. № 1228—1232). Книга снабжена удобными индексами.

А. К.

⁵ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Darmstadt, 1960, S. 151 f.

⁶ Actes de Lavra I, № 8, 14; № 25, 11—12.

⁷ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 124, 137.

⁸ P. Lemerle. La premier humanisme byzantin. Paris, 1971, p. 207.

⁹ А. П. Каждан. Братья Айфеодориты при дворе Мануила Комнина. — ЗРВИ, 9, 1966, стр. 92—94.

Составленные Ф. Грирсоном два тома каталога византийских монет из собрания Думбартон Оукса и коллекции Виттемора служат продолжением первого тома, подготовленного А. Беллинджером и аннотированного в свое время в ВВ (30, 1969, стр. 285 и сл.). Работа Грирсона отличается от труда его предшественника коренным образом: Беллинджер дал нам только описание монетного фонда, Грирсон же пошел дальше и наряду с дескриптивной частью представил характеристику развития византийской монеты. Различие стилей обоих исследователей не должно удивлять тех, кто знаком с их трудами: Беллинджер — нумизмат старой школы, блестящий знаток византийских изделий, не стремящийся, однако, связать историю монеты и историю общества; Грирсон же — один из тех ученых, кто видит в солиде и милиарисии не только самодовлеющий памятник, созданный безымянным резчиком, изящное произведение прикладного искусства, но и исторический источник. Беллинджер, если так можно выразиться, нумизмат-агностик, не допускающий перехода от монеты к исторической реальности, Грирсон готов совершить этот путь, хотя постоянно призывает к осторожности и скептически относится к «радикальным» выводам Д. Меткалфа¹.

Каталог Грирсона включает в себя прежде всего детальное описание византийских монет за 602—1081 гг., сопровождающееся отлично выполненными снимками. Монеты расположены по царствованиям, и каждый раз описание предваряется краткой характеристикой данного периода и выпущенной в это время монеты: разумеется, в истории отдельных царствований Грирсон выделяет те моменты, которые важны для истории монеты, и прежде всего вопросы хронологии, в результате этого возникает кажущаяся непропорциональность вводных характеристик: скажем, историческое введение к разделу о Василии I (III, 473—476) куда обстоятельнее, чем соответствующая часть главы о Василии II (III, 599), но это объясняется необходимостью обосновывать хронологию многочисленных соправителей Василия I, изображавшихся на монетах.

Анализируемый материал ограничен составом коллекций, и потому книга не превращается, как я уже отмечал в аннотации на первый том, в свод византийских монет, хотя и приближается к нему. Тот же недостаток, кстати сказать, присущ и другому отличному каталогу, выпущенному совсем недавно, — каталогу собрания Парижской Национальной библиотеки, подготовленному С. Моррисон². В настоящий момент уже предпринята попытка издать «византийский нумизматический корпус»: я имею в виду публикацию австрийского нумизмата В. Хана, первая часть которой обнимает время от воцарения Анастасия I до смерти Юстиниана I³. Однако при всей полноте охвата материала книга Хана лишена того, что делает работу Грирсона особенно привлекательной для историка: в рецензируемой книге оба тома открываются большими экскурсами (II, 3—143, III, 3—222), которые характеризуют положение Византии в соответствующий период, монетную систему, организацию чеканки, а также иконографию и эпиграфику монет; в конце экскурсов приложены библиографические списки, где, кстати сказать, работы советских нумизматов (В. В. Кропоткина, И. В. Соколовой, К. В. Голенко и др.) занимают заметное место⁴. Эти экскурсии образуют подлинную историю византийской монеты, которая получает солидное обоснование в обширном материале самого каталога.

Одна из основных иллюзий византиноведческой науки состоит в том, что Византийская империя воспринимается и изображается как неизменный (или почти неизменный) феномен, жизнедеятельность которого состояла в повторении или модификации устойчивых римско-греко-христианских традиций и норм в общественной жизни, литературе, искусстве, праве и т. п. И, может быть, первостепенное значение нумизматических памятников состоит в том, что как раз они чрезвычайно четко обнаруживают подвижность, изменчивость византийского мира, — и Грирсон (при всей его осторожности) убедительно прослеживает эту изменчивость.

Рассмотренный им почти пятисотлетний отрезок времени исследователь разделяет на два периода: первый — переходный — приходится на VII столетие (до установления Исаурийской династии в 717 г.), второй — период формирования собственно византийского типа монеты — охватывает VIII—XI вв. и завершается приходом к власти династии Комнинов, которая открывает новую эпоху в византийском монет-

¹ См. прежде всего: Ph. Grierson. Byzantine Coinage as Source Material. — «Proceedings of XIIIth International Congress of Byzantine Studies». London, 1967, p. 317—333, а также: *idem*. Coinage and Money in the Byzantine Empire. — «Moneta e scambi nel' alto medioevo». Spoleto, 1961, p. 411—453 (см. аннотацию: ВВ, XXIV, 1964, стр. 258).

² C. Morisson. Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque Nationale, t. I. Paris, 1970.

³ W. Hahn. Moneta imperii Byzantini, Bd. I. Wien, 1973.

⁴ Досадная погрешность: работа Т. Я. Абрамишвили посвящена Нокалакевскому (не Покалакевскому!) кладу (II, 134). К сожалению, эта погрешность вошла и в текст (II, 15) и в индекс (II, 712).

ном деле⁵. По Грирсону, монета VII в. отличалась следующими особенностями. Золотая чеканка соответствовала позднеантичной системе, в основе которой лежал сол и его дробь — семиссий и тремиссий; правда, чеканились «облегченные» сол (в 20—23 карата вместо 24), однако их уменьшенный вес четко указывался на са монете. Выпуск облегченных солидов может объясняться стремлением приспособить к германской счетной системе — во всяком случае, он — не показатель падения ценности монеты (стр. 10—15). Серебряная монета VII в. — гексаграмм, введен Ираклием около 615 г., — совершенно новый тип. Гексаграмм значительно тяжелее римского денария и его преемника — силиквы; в отличие от серебра VI в. он служил для нужд обмена (во всяком случае, внешнего) (стр. 17 и сл.). Что касается медной монеты, то она пережила в VII в. явный упадок (стр. 22): несмотря на попытку реформы при Константине IV, фоллы конца VII в. обнаруживают нестабильность и резкое уменьшение веса (стр. 28 и сл.).

В организации монетной чеканки начиная с VII в. также происходят важные перемены: ведомство комита священных палат, которому в IV в. подчинялись монетные дворы, уже в V—VI столетиях теряет значение, а затем и вовсе исчезает; его функции частично переходят к логофетию геникона, частично же — к вестиярию: во всяком случае, к концу IX в. архонт чеканки находился в подчинении у хартулария вестия (стр. 33). Другое важное явление — сокращение числа официн (стр. 34); по мнению Солуи (стр. 36), провинциальные монетные дворы на Востоке либо прекращают свою деятельность в начале VII в. (Никомидия в 627 г., Кизик в 629 г., Селевкия Исаурийская около 617 г., Антиохия в 610 г., Александрия около 630 г.), либо функционируют лишь временно (Исаура, Александрия и др.). В отличие от этого на Западе провинциальная чеканка сохраняется (в Карфагене, Сиракузах, Сардинии, Неаполе, Риме, Равенне и т. д.) (стр. 37—53).

Иконография византийской монеты VII в. отличают переходные черты; именно в это время сходят на нет признаки, восходившие к античной традиции: 1) профильное изображение императора исчезает сперва на меди, затем на серебре и, наконец, на лоте, встречаясь последний раз на семиссиях и тремиссиях начала царствования Юстиниана II (стр. 66); 2) военные атрибуты императора, подчеркнутые на позднеримских монетах, уступают место гражданским: государя изображают в хламиде, с короной на голове, со сферой в руках (стр. 80), хотя образ стоящего императора в воинском одеянии все еще был модным (стр. 74); наряду с этим продолжало встречаться и изображение императора в консульском облачении, с лоросом как характерной чертой костюма (стр. 78 и сл.); 3) фигура Виктории встречается последний раз на карфагском серебре Ираклия с любовитной надписью *Virtus* (стр. 348) и на милиарии Ираклия около 620 г., где она возлагает на государя корону (стр. 268 и сл.); надпись *Victoria Augusti*, впрочем, сохраняется и позднее — на солиде Ираклона от 640 г. (стр. 395). Вместе с тем усиливается христианская символика: изображение Виктории вытесняется стоящим ангелом, тот в свою очередь уступает место кресту (стр. 395). На золоте и серебре Юстиниана II появляется Христос-Пандократор, занимающий лицевую сторону монеты (стр. 569).

Новые черты отчетливее проступают в чеканке следующего периода. Грирсон отмечает прежде всего сокращение видов монеты: семиссий и тремиссий на Востоке перестали выпускать в середине VIII в. (III, 22); единственным видом серебряной монеты стал милиарий, введенный Львом III около 720 г., — более легкий, гексаграмм; медные монеты в 5, 10 и 20 нуммиев не встречаются после царствования Константина V, и цифра М (40), ставившаяся на фоллах, превращается в анахронизм и при Феофиле исчезает (III, 15 и сл.). Однако это упрощение, начавшееся, как можно сказать, еще в предыдущий период, показательно только для VIII—IX вв. В дальнейшем, с конца X в. и особенно в XI в., византийская монета вновь становится многообразной (это ярко выражено в многообразии терминов для золотой монеты — стр. 44—62), но уже на другой основе: византийцы выпускают не дробные части старых наименований, типа позднеантичных семиссиев и полуфоллов, но монеты одной номиналы, при разной реальной ценности. Золотая номисма с конца X в. выступает в двух разновидностях: тонкий и широкий истаменон и более толстый тетартейс меньшего диаметра и с меньшим содержанием золота. Так возникает типично средневековое понятие «предпочтительной» монеты, которую выгодно приобретать, но нежелательно отдавать; в XI в. эта тенденция усиливается благодаря тому, что номиналы ранних царствований оказываются ценнее (предпочтительнее) более поздних монет того же номинала. Изменяется и форма монеты: с середины XI в. засвидетельствованы вогнутые монеты. Исследователи одно время относили к ним термин «скифаты», в действительности византийцы именовали их «трахи» (стр. 5—7). Одно из важнейших явлений истории византийской монеты — ухудшение золотой номисмы (солида) в X в. Оно происходило в четыре этапа: при Михаиле IV появляются наряду с полноценными номисмами в 19½ каратов; в 50-е годы ценность номисмы спускается до 18 каратов при Романе IV — до 16, а после Манцикерта (1071 г.) катастрофически падает (стр. 41 и табл. 3). Грирсон при этом обращает внимание на то, что соседи Византии пережили в XI в. аналогичные экономические трудности (стр. 42), хотя сам же

⁵ См. о монетах XII—XIII вв.: *M. F. Hendy. Coinage and Money in the Byzantine Empire, 1081—1261. Washington, 1969* (см. аннотацию: ВВ, 33, 1971, стр. 239—240).

тается объяснить ухудшение византийской монеты политикой «индивидов» (стр. 43): Иоанна Орфанотрофа, Константина IX и др.

Изготовление монеты сосредоточивается почти исключительно в Константинополе — даже наличие монетного двора в Солуни Гриссон считает сомнительным (стр. 81). Тем более интересно, что Херсон, где чеканка прекратилась в начале VII в. (II, 38), возобновила ее при Михаиле III (III, 94)⁶. Некоторое время чеканка византийской монеты продолжалась в Италии (Сиракузы, Равенна и др.).

Изменения иконографии сводятся, по Гриссону, к следующему. Профильное изображение императора окончательно заменяется анфасным⁷: в VIII—IX вв. преимущественно бюст, с конца IX в. — стоящая фигура (стр. 107); наметившаяся уже при Юстиниане II тенденция к христианизации монетной символики была прервана при императорах-иконоборцах (видимо, даже крест стали изображать реже — см. стр. 175), но возобновлена при Михаиле III: образы Христа (стр. 146—169) и богородицы (стр. 169—174) занимают главенствующее место на монетах с конца IX в. Император выступает в гражданском одеянии (различие между хламидой и лоросом перестает быть существенным), тогда как воинский костюм встречается лишь изредка: при Льве III, Константине IX и Исааке I (стр. 126). Латинский язык теряет монопольное положение на легендах — туда вторгаются греческие формулы (стр. 176 и сл.). Наконец тенденция к деконкретизации портрета, наметившаяся уже в VII в. (II, 89), утверждается окончательно, хотя некоторые элементы портретного сходства Гриссон прослеживает у отдельных государей X—XI вв. (III, 144 и сл.): Романа II, Константина VIII, Никифора III.

Не все изложенные наблюдения принадлежат самому Гриссону, однако благодаря ему мы получили теперь надежный и легко обозримый очерк развития монетного дела, пронизанный историзмом, как можно видеть даже по нашему резюме (где, естественно, многие детали опущены). Но, может быть, этот историзм проступил бы еще отчетливее, если бы в основу периодизации был положен не династический принцип, а внутренняя закономерность эволюции самой монеты. В самом деле, 602 г., который выбран в качестве грани между первым и вторым томом, не принес каких-либо коренных сдвигов, да и царствование Ираклия, если не считать введения гексаграммы, не имевшего, кстати сказать, устойчивого будущего, не было ознаменовано серьезными новыми веяниями. Действительная грань проходит где-то по середине или второй половине VII в., когда начинается кризис византийской меди и замирает деятельность провинциальных монетных дворов, когда исчезают античные и властно вторгаются христианские иконографические символы. Всю эпоху до середины VII в. можно отнести к поздней античности. К тому же надо добавить, что именно в это время сокращается объем монетной чеканки. Гриссон очень осторожен в оценке объема чеканки, он пытается поставить под сомнение расчеты Меткалфа (см. о них аннотацию на книгу Меткалфа: ВВ, 31, 1971, стр. 221—223), исчисляющего соответствующие данные для IX в. (III, 94—97), но и он не отрицает уменьшения общего количества монеты; правда, Гриссон допускает, что поздние фоллы из-за их скверного качества мало интересовали коллекционеров и потому хуже представлены в собраниях, а археологический материал относится к городам и не типичен для сельской округи⁸, — и все-таки он склоняется к мысли, что «византийское аграрное общество конца VII в. меньше отличалось от германского в Западной Европе, чем мы привыкли думать» (II, 6 и сл.). Заключение чрезвычайно важное, особенно потому, что сделано осторожнейшим нумизматом. А для хода наших рассуждений оно примечательно тем, что здесь именно late seventh century выступает как грань и в истории монеты, и в истории общества.

В свете этого и 717 г. не кажется принципиальной границей. Если отвлечься от реформы серебра при Льве III, VIII столетие не дало существенно нового: по характеру монетной чеканки оно очень близко ко второй половине VII в., а переходный

⁶ Гриссон не использует статью В. А. Анохина «Обзор монетного дела средневекового Херсона» («Нумизматика и сфрагистика», III, 1968, стр. 99—113), где, в частности, автор стремится доказать, что возобновление деятельности монетного двора в Херсоне относится еще ко времени Феофила. Он основывается на единственной монете с легендой Ν/ΤΗ. См. возражения: И. В. Соколова. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1975, стр. 6. О херсонской нумизматике VIII—XI вв. см. еще: И. В. Соколова. Находки византийских монет VI—XII вв. в Крыму. — ВВ, XXIX, 1968; А. М. Гилевич. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. — «Херсонесский сборник», 5, 1959; К. В. Голенко. Монеты из раскопок Государственного исторического музея в Херсонесе. — СА, 1972, № 4; А. М. Гилевич. Золотые византийские монеты из Херсонеса. — СА, 1959, № 1; *ее же*. Новый клад херсонско-византийских монет. — ВВ, XXIV, 1964; И. В. Соколова. Клад херсонских монет середины IX в. — ТГЭ XII, 4, 1971; *ее же*. Датировка некоторых монет Херсонеса. — «Нумизматика и сфрагистика», III, 1968.

⁷ Византийская эстетика требовала изображения праведных лиц анфас — профиль был резервирован для дьявола и его слуг.

⁸ В работах последних лет А. Л. Якобсон констатировал экономический подъем сельских поселений Крыма в VIII в. (см. прежде всего: А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. М., 1970), но этот подъем не был связан с внедрением денежного хозяйства, он совершался на натуральной основе.

период завершается скорее где-то во второй четверти или середине IX в., когда начинает возрастать объем чеканки меди и складывается «средневековый» тип византийской монеты с ее религиозной символикой, греческой эпиграфикой и т. д.

Наконец, вторая четверть XI в. приносит новый перелом: резкое возрастание монетных находок, появление вогнутых монет — трахи, обесценивание монеты, первые опыты «милитаризации» иконографии императора, типично средневековая «предпочтительная» монета — все это очень существенные черты нового. Следует подчеркнуть, что изменения эти не были «византийской случайностью», но происходили одновременно с аналогичными сдвигами в монетном деле Запада и Востока: монетный кризис XI в. отражал, скорее всего, приспособление средневековой натуральнохозяйственной экономики к новому феномену — городской жизни.

А. К.

P. P. Joannou. *La législation impériale et la christianisation de l'Empire romain (311—476)*. — «*Orientalia christiana analecta*», t. 192. Roma, 1972, 166 p.

K. - L. Noethlichs. *Die gesetzgeberischen Maßnahmen der christlichen Kaiser des vierten Jahrhunderts gegen Häretiker, Heiden und Juden*. Köln, 1971, II+350 S.

Трагическая смерть в автомобильной катастрофе 12 января 1972 г. унесла известного византиниста, историка византийской философии Перикла-Петра Иоанну. Рецензируемая книга, созданная им в связи с чтением курса в Мюнхенском университете в 1966 г., увидела свет уже после кончины автора.

Книга эта представляет собой своего рода регесты — в хронологическом порядке расположенный свод законов позднеримских императоров (311—476 гг.) в области религии (стр. 61—116). Свод состоит из трех элементов: даты, ссылки на источник и краткого содержания закона. Такая максимальная простота весьма удобна для первых справок, хотя, разумеется, исследователь хотел бы видеть в каждом случае отсылки к литературе, источниковедческую характеристику, сведения о том, кому закон был адресован, и т. п. Особенно удобным справочником делает издание Иоанну огромный предметный указатель (стр. 117—150), позволяющий без труда находить законы, затрагивающие тот или иной вопрос. Указатель включает свыше 250 статей. Для того, чтобы дать представление о затронутой в законах тематике, приведу список наиболее обширных статей указателя, отмечая в скобках число занятых строк: еретики (57), евреи (47), рабы (36), дети (35), клирики, иммунитет духовенства (по 31), церкви, язычество (по 28), брак (25), похищение ребенка, девицы и т. п., мятежники против церкви (по 21), манихеи (17), храмы языческие (16), епископы (15), евномiane, ограбление могил (по 13), аудиенция епископальная, жертвоприношения языческие (по 12), неверность супружеская, донос, магия, монахи, бедняки, схизматики, синагоги, вдовы, Рим (по 11), воскресенье, пасха, вторичное крещение, проституция, Константинополь (по 10). Таким образом, главное внимание законодатели уделяли иноверам и еретикам, организации церкви (монашество занимало сравнительно малое место), семейным отношениям и рабству.

Диссертация молодого западногерманского ученого К. Л. Нэтликса посвящена очень близкой теме — законодательству римских императоров IV в. (от Константина до Феодосия I) относительно инаковерующих (гетеродоксов). Нэтликс рассматривает законы, зафиксированные в Кодексе Феодосия и в нарративных источниках. Работа распадается на ряд очерков — по царствованиям, и каждый из очерков, как правило, разделен на три части: законодательство о еретиках, т. е. внутрихристианских сектантах, о язычниках и об иудеях. Законодательство против гетеродоксов увязывается с политической ситуацией в империи: внешнеполитическая угроза, выступление узурпаторов, консолидация государства — все это, по справедливому суждению автора, сказывалось на отношении позднеримских законодателей к инаковерующим¹. Автор стремится также проследить подоплеку этих законов (см., например, стр. 23, 92), однако источники лишь в редких случаях позволяют судить о том, что против какого общественного строя (состоятельных или неимущих, аристократов или простолюдинов) было направлено то или иное постановление.

Основной вывод Нэтликса сводится к тому, что три направления римского законодательства IV в. против гетеродоксов развивались независимо друг от друга (стр. 197). Это проявлялось прежде всего в «материальном» содержании законов — в природе запретов и наказаний за них: только язычникам возбранялись магические акции; смешанные браки и покупка рабов ограничивались лишь законами против иудеев; сожжению книг, запрет собраний, обучения, рукоположения в священники и строительство храмов применялись по отношению к одним еретикам (стр. 196). Далее,

¹ Связь религиозного законодательства с политической деятельностью императоров проступает, между прочим, и в том, что соответствующие законы Константина издавались осенью и зимой, тогда как летнее время он посвящал внешнеполитическим акциям (стр. 44).

три направления законодательства не совпадали между собой во времени. Так, суровые законы Феодосия I против христиан-еретиков вводились в 380—384 гг., тогда как антиязыческое законодательство этого императора падает прежде всего на 390—392 гг., когда преследование еретиков ослабевает (стр. 189 и сл.). Наконец, между этими направлениями имело место различие по существу: по отношению к иудеям осуществлялась политика изоляции, но терпимости — задача их обращения не ставилась, тогда как еретиков стремились обратить в православие, а язычников — в христианство (стр. 192).

При всей соблазнительности этого тезиса Нэтликса он не может не вызвать некоторой настороженности. В самом деле, если законодательство против гетеродоксов определялось политической ситуацией империи, то у всех направлений этого законодательства должна была быть общая причина: политическая напряженность и политическая консолидация должны были сказываться на отношении к еретикам и к язычникам. Это не значит, что они сказывались одинаково: напротив, преследование одних групп могло совпадать с временной терпимостью к другим. Обратимся, однако, еще раз к последовательности религиозной политики Феодосия I.

Законодательство Феодосия против еретиков начинается с эдикта от 28.II 380 г. (стр. 129), против язычников — с указа от 2.V 381 г. (стр. 166). Нэтликс говорит на основании этого об «относительно позднем» издании первого эдикта против язычников (стр. 181) — я бы скорее подчеркнул хронологическое совпадение начала законодательства в обоих случаях. Первая серия антиеретических законов Феодосия завершается указом от 21.I 384 г. (стр. 144), первая серия законов против язычников — указом от 20.V 383 г. об отпавших от христианства (стр. 169).

Между 384 и 388 г. Феодосий почти не издает законов против еретиков (стр. 163), и возможно даже, что к этому времени относится его постановление, дарующее некоторые уступки полуарианам (стр. 146 и сл.). Довольно вялым было и антиязыческое законодательство этих лет (стр. 169 и сл.); указ 385 г. был направлен против политических прорицателей, указ 386 г. регламентировал замещение должностей надзирателей за языческими храмами и празднествами.

В 388—391 гг. Феодосий вновь издает ряд указов, последний из которых (от 19.V 391 г.) предписывал изгнание еретиков из городов и сел (стр. 147—155). Одновременно публикуются законы против языческих праздников и магии (стр. 171 и сл.), а 24.II 391 г. император направил Альбину, префекту Рима, эдикт, воспрещающий языческие жертвоприношения и почитание идолов; чиновникам не разрешалось принимать участие в языческом богослужении (стр. 173 и сл.). Затем последовал еще ряд эдиктов против языческого культа, изданных в середине 391 г. и особенно в следующем году (стр. 174 и сл.). «391 годом датируются последние законы императора о язычестве» (стр. 177). И точно так же «накануне начала борьбы против Евгения законодательство против еретиков оборвалось — в ноябре 392 г. — и в последние месяцы правления уже не возобновлялось» (стр. 156).

Вопреки Нэтликсу законодательная активность Феодосия против еретиков и против язычников обнаруживает поразительный синхронизм, несмотря на то, что центр тяжести в первом случае падает на 381, а во втором — на 392 г.

Систематизированный Нэтликсом материал показывает, насколько далека была православная церковь IV в. от установления идеологической монополии. Императорская политика в отношении еретиков и язычников была оборотливой (стр. 193). Среди императоров Константин (стр. 58) и Валент (стр. 92) были арианами, Валентиниан II, который так и не был крещен, признавал равноправие арианской церкви (стр. 122) и был терпим к язычникам (стр. 126). Константин и Иовиан проводили политику терпимости (стр. 76), а также Валентиниан I (стр. 91 и сл.) и его сын Грациан (стр. 111). Исключение в этом ряду автор делает лишь для Константина Великого и Феодосия (стр. 193).

Именно на политике этих двух императоров специально останавливается Иоанну в двух главах, предшествующих своду. Религиозные позиции Феодосия I как будто бы не вызывают принципиальных дискуссий: мероприятия Феодосия недвусмысленно фиксировали победу христианства никейского толка и ставили вне закона как язычество, так и антиникейское вероучение, трактуемое как ересь². Некоторый нюанс, характерный для книги Иоанны, заключается в том, что Феодосий обрисован «убежденным римским католиком» (стр. 44); соответственно Иоанну утверждает, что на константинопольских соборах 381 и 382 г. отнюдь не проявляла себя оппозиция римскому авторитету (стр. 45). Думаю, однако, что речь шла не об убежденности Феодосия и его церковных советников в римском верховенстве, но о политическом союзе с далеким Римом против близкого и опасного Востока, где религиозное инакомыслие грозило стать знаменем политического сепаратизма. Другой важный момент заключается в том, что суровые угрозы Феодосия язычникам почему-то не помешали некоторым из них оставаться в ближайшем окружении императора (таков, например, Фемистий), а столетие после смерти Феодосия было в Восточной Римской империи периодом своеобразной регенерации языческой культуры, временем Прокла и Зосима. Я уже не говорю о том, что «победа ортодоксии» у Иоанну предшествует такому явлению, как вспышка

² См., например: *A. Lippold. Theodosius der Grosse und seine Zeit. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1968, S. 102—115.*

несторианства и монофиситства (несториане упоминаются в двух приведенных в кнѣ законах, монофиситы вовсе не значатся в указателе).

Значительно более сложен вопрос об оценке религиозной политики Константина В первой трети XX в. сложилось представление, развитое такими учеными, как О. Зеек и А. Грегуар, о том, что Константин поддерживал христианство из политических соображений; после Второй мировой войны все настойчивее пробивает себе место тенденция видеть в нем убежденного христианина, особенно детально развит Х. Дэррисом³. Иоанну следует в этом вопросе за Дэррисом. Правда, сейчас уже нельзя вернуться к традиционной церковной концепции, будто бы Константин внезапно под влиянием озарения, повернул в 312 г. религиозную политику Римской империи. Иоанну признает, что терпимость была дарована христианам еще Галерием в 311 (стр. 19—21), подчеркивая при этом, что нет никаких оснований считать инициатором закона 311 г. Константина; он берет в кавычки слова «Миланский эдикт» и признает лишь соглашение Лициния и Константина в Милане, заключенное в 313 г. (носившее, надо думать, негласный или полуофициальный характер), за которым последовали частные меры в развитие эдикта Галерия, например: предписание от апреля 313 вернуть Африканской церкви похищенное у нее имущество (свидетельство Евсевия). Эдикт же о веротерпимости был издан не Константином, а его противником Максимом Дайей в Никомидии, а затем повторен его победителем — Лицинием (стр. 22). Если прибавить к этому, что и Максентий проводил отнюдь не антихристианскую политику⁴, то роль Константина на первом этапе признания христианства (311—313 гг.) окажется весьма скромной, во всяком случае не уникальной.

Остается выяснить, как далеко зашел Константин в своей прохристианской политике после Никомидийского эдикта Лициния 313 г. Иоанну считает, что Константин действовал, «сознавая свою миссию и свое высокое назначение» (стр. 24), и что его законодательство было пронизано христианскими идеями равенства и гуманности заботой о семейных устоях, о слабых, бедных, рабах. Впрочем, и тут Иоанну проявляет известную осторожность, подчеркивая, что развитие Константина прошло «некоторые фазы» (стр. 24) — к сожалению, не определенные более точно, — и что от Константина нельзя требовать, чтобы он был «больше христианином, чем большинство наших современников» (стр. 33). Таким образом, оговорки сделаны, но точки над *i* не поставлены.

Мне кажется, есть две проблемы, заслуживающие рассмотрения в этой связи. Прежде всего это историко-ведческая проблема, распадающаяся в свою очередь на ряд вопросов. Как известно, сведения о мероприятиях Константина дошли до нас лишь в изложении христианских апологетов, либо в составе поздних кодексов (преимущественно в Кодексе Феодосия). Бросается в глаза, что язык обеих групп памятников — разный. Если поверить Евсевию или Афанасию, Константин говорил, как настоящий христианин; так называемое «Послание к провинциалам Палестины» от 324 (оно сохранилось в Евсевиевом «Жизнеописании Константина»), имевшее вполне конкретную цель — вернуть христианам имущество, конфискованное у них в период гонений, снабжено преамбулой, которую Евсевий характеризует как христианское исповедание веры (стр. 23); Иоанну цитирует «Послание», где Константин будто бы снисходительно даровал язычникам свободу культа в таких примерных словах: «Даже те, кто пребывает в заблуждении, должны иметь свою долю в имперском мире: пусть они сохраняют храмы своей ложной веры» (стр. 32). Фразеология коренным образом расходится с задачей «Послания»: вводить терпимость для религий язычников, составлявших тогда более 90% населения, было явно преждевременно — еще нужно было укрепить терпимое отношение к христианам! Но оставим Евсевия: подлинные указы Константина, сохранные в кодексах, не имеют специфически христианской фразеологии, за исключением единственного закона от 21.III 315 г., которым запрещалось клеймить лицо осужденного, ибо он создан по подобию божьему. Не значит ли это, что Евсевий и Афанасий, с одной стороны, и Константин — с другой, обращались к разным аудиториям? Более того, Евсевий в «Жизнеописании Константина» перечисляет мероприятия императора, как запрещение языческого культа, разрушение храмов, отмена жертвоприношений, но достоверность этого свидетельства довольно сомнительна в свете эпиграфически засвидетельствованного разрешения воздвигнуть в Гиспелле храм, посвященный родовому культу самого Константина (CIL, XI, 5265). Нэтликс отмечает это (стр. 29), что, впрочем, не мешает ему затем пользоваться данными Евсевия как достоверными (стр. 195. Ср. оценку мероприятий Константина на стр. 31 и сл.).

Далее, следует учитывать, что составители кодексов, работавшие уже в V—VI вв., как правило, не должны были включать законы, регламентировавшие отправление языческого культа (кроме законов, запрещавших его): лишь в виде исключения сохранились указы, разрешающие действия гарусников, если молния поразит общественное здание (17.XII 320); устанавливающие иммунитет профессоров и медиков (1.VIII 321, 27.IX 333), которые в ту пору почти все были язычниками; допускавшие магические процедуры против болезней и града (23.V 318). Уцелели те указы, которые так или иначе действовали при Феодосии II, — но сколько должно было потеряться на стр. 31 и сл.).

³ H. Dörries. Das Selbstzeugnis Kaiser Konstantins. Göttingen, 1954.

⁴ См. D. de Decker. La politique religieuse de Maxence. — Byz., 38, 1968. Работа Д. де Декера не учтена в рецензируемой книге.

силу в царствование Феодосия I? Впрочем, как отметил Нэтликс (стр. 54 и сл.), в Кодексе Феодосия (XVI, 10.3) сохранилось постановление императора Константа, охранявшее от христианских разрушений храмы за пределами римских городских стен.

Оставаясь великим понтификом, Константин соблюдал ряд языческих культов, вроде Непобедимого солнца или Гелиоса, строил языческие культовые здания и сохранял привилегии жрецов: так, закон от 29.XI 330 г. устанавливал привилегии иудейского жречества. Нэтликс (стр. 70) даже допускает, что в конце своего правления Константин покровительствовал язычникам. Как бы критически ни относиться к рассказу Зосима о крещении Константина, из него следует, что император, во всяком случае некоторое время, принимал участие в языческих празднествах и допускал гадания⁵.

Вторая проблема — определение тех постановлений, которые можно квалифицировать как христианские. К ним относятся указы, развивающие идею эдикта Галерия, например освобождение обращенных в рабство в период гонений (24.IV 314 г.) или запрещение принуждать христиан к жертвоприношению в языческих капищах (25.XII 323 г.). В них речь идет о том, чтобы обеспечить в отношении христиан терпимость. Далее, сюда следует отнести ряд податных привилегий христианскому клиру (17.VI 315 г., 21.X 319 г., 3.VII 321 г.), а также признание обряда отпуска на волю в церкви (8.VI 316 г., 18.IV 321 г.), признание воскресенья праздничным днем (3.III 321 г.) и судебных прав епископальной аудиенции (23.VI 318 г.). Наконец, был издан ряд указов против ересей (31.X 313 г., 1.IX 326 г., 25.IX 326 г.).

Большая группа законов Константина, включенных Иоанну в свой свод, не имеет, на мой взгляд, ничего специфически христианского: провозглашение справедливости и правосудия (13.V 314 г.), упрочение семейных связей, защита слабых и т. п. мероприятия (или политические формулы) применялись в разные времена независимо от вероисповедных убеждений: по этим критериям христианами были бы братья Гракхи и Катон Младший. Упрочение семейных связей, в частности, могло быть вызвано деспотическим вмешательством государства в частную жизнь — тенденция, восходящая не столько к апостолам Христа, сколько к Августу. Насколько она была «политической» и далекой от личного поведения Константина, свидетельствуют его суровые расправы в собственной семье: казнь сына и мужа сестры.

Наконец, в своде есть законы, явно противоречащие христианскому духу. Так, закон от 1.VIII 315 г. обрекал преступника на отдачу в гладиаторы (позднее гладиаторские игры были отменены Константином); отцеубийцу следовало карать по «древнему закону» — зашить в мешок со змеями и бросить в море (16.XI 318 г.), — так ли понимал Иоанну христианское милосердие? Закон о возвращении отпущенника в рабство за непочтение к патрону (13.IV 326 г.) никак нельзя причислить к «христианским», как и запрещение свободной женщине выходить за раба (1.IV 314 г.). Вряд ли христианскому духу соответствовало и отстранение незаконных детей от наследования (29.IV 336 г.).

Большую трудность для апологетов Константина создала его позиция в арианских спорах: в конце жизни император явно отошел от никейства, сослал Афанасия и принял крещение от епископа-арианина. Иоанну стремится смягчить впечатление от этих акций: «Несправедливо, — говорит он, — считать Константина арианином» (стр. 37; ср. стр. 39). Конечно, Константин не был арианином, но тем более он не был православным. Он был политиком, стремившимся к консолидации империи и оценившим удивительную силу упрямой меньшинства своих подданных в условиях всеобщего безразличия и апатии, но и не отказавшимся от поддержки языческого жречества. В вопросе о христианстве он был продолжателем Галерия — идею «Константинова переворота» создали Лактанций и Евсевий и закрепила византийская традиция.

А. К.

S. Szadeczky-Kardoss. Ein Versuch zur Sammlung und chronologischen Anordnung der griechischen Quellen der Awarengeschichte nebst einer Auswahl von anderssprachigen Quellen. — «Acta Universitatis de Attila József nominatae. Acta antiqua et archaeologica», t. XVI: Opuscula byzantina, I. Szeged, 1972, 140 S.

Книга Ш. Садецки-Кардоша, выполненная при сотрудничестве Терезы Олайош, издана венгерским университетом в Сегеде как первый выпуск «Византийских исследований». Она распадается на две части. Первая — это свод византийских источников, упоминающих аваров или народы, связанные с ними. Сперва авторы предлагают условно-алфавитный список этих источников (сокращенные названия) с библиографическим полным указанием издания и отсылками к основным общим работам, как, например: «Byzantinoturcica» Д. Моравчика, «Kirche und theologische Literatur» Х. Г. Бека, «Извори за българската история», «Византијски извори за историју народа Југославије» и некоторые другие (стр. 9—24). По-видимому, следовало бы также

⁵ См. об этом пассаже: F. Paschoud. Zosime 2, 29 et la version païenne de la conversion de Constantin. — «Historia», 20, 1971.

дать отсылки и на книгу И. Караяннопулоса «Источники византийской истории»¹. Далее следует список тех же источников в хронологической последовательности (стр. 25—31): в свое время в рецензии на книгу Д. Моравчика² я как раз предлагал перейти в изданиях такого типа от условно-алфавитного принципа к хронологическому — Садецки-Кардош и Олайош пошли по среднему пути, сохранив структуру, аналогичную той, что лежит в основе труда Моравчика, но дополнив ее хронологически-последовательным списком. Сам список в их работе лишен пояснений — авторы даже не разделили использованные ими источники по векам; впрочем, во введении к списку дается обоснование некоторых датировок. Список охватывает византийских авторов от Приска (VI в.) до Константина Ласкаря (XV в.).

В приложении к 1-й части приведены: а) выборочный список латинских источников по истории аваров (стр. 33—47); б) некоторые восточные и славянские источники по той же теме (стр. 49—52). В обоих случаях имеются только условно-алфавитные списки.

Вторая часть книги — расположенные в хронологическом порядке сведения об аварах от 463 до 1303 г. (стр. 53—124). Авторы приводят дату события, кратко излагают его сущность и дают ссылки на источники и на основную литературу. Некоторые из этих сообщений не связаны с историей Византии и в византийских источниках не освещены, например победа аваров над Сигибертом (стр. 65 и сл.) и ряд других. Литература могла бы быть значительно расширена, в частности за счет русских работ. На стр. 127—140 помещены дополнения и поправки.

В целом книга Садецко-Кардоша — справочник, облегчающий изучение истории аваров, ценный как для византиноведов, так и для тех, кто занимается прошлым нашей Родины.

T. W a s i l e w s k i. *Bizancjum i Słowianie w IX wieku*. Warszawa, 1972, 234 str.

Книга польского историка Т. Василевского посвящена политическим и культурным взаимосвязям Византии и южных славян в IX в. Важность проблемы, с одной стороны, и скудость уцелевших источников, с другой, приводят к тому, что многие стороны этих взаимосвязей остаются недостаточно ясными, а их оценка в литературе — противоречивой. Поэтому обзор истории отношений Византии с болгарями, сербами, хорватами и славянскими племенами, расселившимися на юге Балканского полуострова, основанный на изучении разноязычных и разнохарактерных памятников, равно как и обширной литературы, несомненно полезен не только для польского читателя.

Василевский начинает с предыстории отношений IX в.: гл. 1 посвящена вторжению славян на Балканы и началу византийской «реконкисты». Знаменитую фразу Константина Багрянородного («О фемах», II, 6.33), продолжающую вызывать споры¹, Василевский понимает как свидетельство славянизации Пелопоннеса (стр. 23). Странно, что до сих пор не привлекли должного внимания аналогичные строки Иоанна Геомерга [Эллада стала варварской, сделалась страной варваров (PG, t. 106, col. 922 B)], которые прекрасно подтверждают наблюдения Константина VII.

Говоря о византийской «реконкисте», Василевский особо останавливается на так называемой *Notitia Isaurorum*, восходящей к нотиции, составленной в 751—787 гг. (стр. 28 и сл.), и констатирует наличие ряда новых епископий во Фракии, осуществивших миссионерскую деятельность среди славян. Вместе с тем он отмечает наличие линии византийских крепостей на границе с Болгарией (стр. 47 и сл.). Впрочем, вторжение Крума уничтожило эту крепостную линию.

В трех главах Василевский рассматривает историю политических взаимоотношений Византии с Болгарией в первой половине IX в., уточняя конкретные факты этой истории. В частности, основываясь на «каменной хронике» из Шумена, Василевский считает, что хан Маламир около 830 г. занял Филиппополь (стр. 80 и сл.), а надпись из Сулейман-кёй рассматривает как договор Маламира (не Омортага) с византийцами, по которому Филиппополь остался в руках болгар (стр. 82—84); он датирует византийскую экспедицию против болгар при Михаиле III не 863—864 гг., как это обычно делают, а 855—856 гг. (стр. 110).

Две следующие главы посвящены очень спорным вопросам о крещении болгар и о миссии Кирилла и Мефодия в Моравию, причем Василевский специально останавливается на так называемой первой византийской миссии в Болгарию около 863 г., которая, по его мнению, была направлена Фотием (стр. 152—154). Василевский касается также проблемы становления славянской письменности: по его мнению, в Болгарии сперва пользовались греческим алфавитом для славянских текстов, затем в светский обиход была внедрена кириллица, тогда как глаголица употреблялась в бого-

¹ См. аннотацию: BB, 34, 1973, стр. 285—286.

² См. BB, XVI, 1959, стр. 274 и сл.

³ См. в последнее время: J. Tsaras. *Le verbe εσαβλαζώθη chez Constantin Porphyrogénète*. — «Cyrillomethodianum», I, 1971, p. 26—57.

служении; только при Иоанне Экзархе кириллица нашла себе применение и в церкви (стр. 171 и сл.).

Затем Василевский останавливается на положении славян в пределах Византийской империи, и в частности на византино-славянских «архонтиях» на Балканах (стр. 173—177). Он подчеркивает, что в 816—879 гг. появилось 12 епископов, носивших славянские топонимы, тогда как за 879—904 гг. можно отметить лишь одну епископию со славянским названием (стр. 187), что свидетельствует, по его мнению, об успешной эллинизации балканских областей к концу IX в.

Наконец, Василевский касается истории византино-сербо-хорватских отношений конца VII—IX в. и взаимоотношений Византии с Болгарией в конце IX в. вплоть до первой войны при Симеоне. Помимо политической стороны этих событий, он отмечает и идеологическую — начало «лингвистического конфликта» между «филэллинами» и сторонниками славянского языка (стр. 227 и сл.). В кратком заключении Василевский подчеркивает ту роль, которую сыграли византийские культурные влияния в жизни южных славян.

А. К.

А. А. Glabinas. 'Η ἐπὶ 'Αλεξίου Κομνηνοῦ (1081—1118) παρὶ ἐσθῶν σκαῶν, κατεργλίων καὶ ἀγίων εἰκόνων ἔρις (1081—1095). Thessalonike, 1972, 217 p.

Греческий ученый А. Главинас рассматривает оппозиционное движение, возникшее в Византии в начале правления Алексея I Комнина в связи с решением императора о конфискации части церковных сокровищ на военные нужды. Протест исходил от видного церковного иерарха Льва Халкидонского, поддержанного частью высшего духовенства и имевшего сторонников среди светской знати. Источники для изучения борьбы Льва Халкидонского против правительства Алексея скудны: это преимущественно «История» Анны Комниной и несколько писем современников (Льва Халкидонского, Василия Евхаитского). Все они не раз привлекались исследователями (В. Грюмель, П. Стефану), в том числе русским византинистом Н. Гроссу, работа которого не использована Главинасом¹. Автор, увязывая церковную историю с военно-политической, стремится уточнить хронологию и последовательность событий, выяснить спорные моменты в биографии Льва Халкидонского. Так, остроумно решается вопрос о месте ссылки Льва (стр. 140 и сл.); по Анне Комниной, это был Созополь, по Никите Хониату — Месимврия (Несебр); Главинас же, обращая внимание на то, что Лев Халкидонский называет духовного главу этого места епископом, исключает Месимврию, поскольку она была архиепископией.

В истории борьбы Льва в защиту сокровищ Главинас выделяет два этапа: на первом столкновение носило чисто политический характер, и осуждение Льва в январе 1086 г. было вызвано, как подчеркивает Главинас (стр. 124), не его взглядами на иконы, а его неповиновением властям. После 1086 г. догматически-богословские споры выдвигаются на передний план, но, так как в этом пункте расхождения не носили принципиального характера, соглашение могло быть достигнуто.

Главинас рассматривает проблему скорее в личном, нежели в общественном плане. Для него Алексей I — прежде всего благочестивый правитель, постоянно борющийся против ересей и стремившийся к упрочению византийского православия (стр. 38 и др.); поэтому каноническое оправдание конфискации занимает в его рассуждениях важное место (стр. 58 и сл.). Напротив, Главинас постоянно подчеркивает неуступчивость, упрямство Льва (стр. 199 и др.).

Хотя автор и ставит вопрос о союзниках Льва (стр. 130 и сл.), но лишь в личном плане. Каковы были те социальные силы, которые выдвинули Льва, — этим Главинас не занимается. Не задумывается он и над экономическими переменами, которые привели к стабилизации империи и позволили достичь соглашения со Львом Халкидонским в 1095 г.: как известно, хронологически оно совпадает с нормализацией монетного обращения², и служит, таким образом, показателем упрочения византийской казны.

А. К.

¹ Н. Гроссу. Дело халкидонского архиепископа Льва. — «Труды Киевской духовной академии», 1917, март—август. Ср. еще: его же. Церковно-религиозная деятельность императора Алексея I Комнина. — «Труды Киевской духовной академии», 1912, июль—август. Не использован и комментарий Я. Н. Любарского в кн.: Анна Комнина. Алекспаса. М., 1965.

² По М. Хенди, монетная реформа Алексея I имела место между 1084—1085 и 1092 г., скорее всего — в 1092 г. (M. F. Hendy. Coinage and Money in the Byzantine Empire. 1081—1261. Washington, 1969, p. 46). Попутно замечу, что представление Главинаса (стр. 43), будто ухудшение монеты началось только при Никифоре III Ватаниате, неверно.

Диссертация Агнесы Василикопулу-Иоанниду, ученицы известного историка византийской литературы Н. Томадакиса, отчетливо распадается на три части. Одна из них — свод гомеровских образов, выражений и слов, встречающихся у византийских писателей XII в., и анализ этого материала (стр. 111—166). Гомер, который входил в систему школьного образования, был хорошо известен образованному византийцу; гомеровский мир воспринимался как своеобразная (мифологическая) реальность, им постоянно оперировали, хотя он и отличался от официального космоса церковной идеологии. Любопытна при этом тенденция к лексическому упрощению гомеровского контекста, свойственная византийским авторам: замена редких слов синонимами, модернизация грамматических форм и синтаксиса (стр. 164). Отношение византийцев к Гомеру определялось традиционностью средневекового мышления: критический анализ, вопрос о подлинности, об авторстве эпоса не интересовали филологов XII в. (стр. 114). Они удовлетворялись повторением эллинистических суждений о происхождении и времени жизни Гомера, внося туда несущественные варианты: так, согласно Евстафию Солунскому, 20 городов спорили за честь считаться родиной поэта, по Цецу же — только семь. Византийские комментаторы настойчиво связывали Гомера с Египтом: Цец утверждал, что его отцом был писец иероглифов, который обучил сына тайнам своего искусства (стр. 115). Естественным для средних веков было стремление соотнести Гомера с библейскими персонажами: у византийских хронистов встречается мысль, что поэт был современником царя Соломона (стр. 116).

Этой части, содержащей большой и полезный материал, предшествует другой — гетерогенный раздел, характеризующий Византию XII столетия: ее политическое положение, образованность, различные жанры литературы (стр. 43—110). В нем, к сожалению, нет серьезного анализа общественной и культурной ситуации изучаемой эпохи. Довольно односторонне автор отбирает факты, свидетельствующие об упадке Византии (военные поражения, мятежи); банальные утверждения («причиной упадка были также свойства правивших после Мануила императоров» — стр. 45) перемежаются с элементарными ошибками: к Алексею II отнесены слова Зонары, сказанные об Алексее I (стр. 46 и прим. 1); императрица Ирина-Берта смешана с севастократорисой Ириной (женой Андроника, брата Мануила I), причем автор полагает, будто Продром написал стихи на ее смерть, тогда как имеются в виду стихи от ее имени на смерть Андроника (стр. 50 и сл.); о том, что Патриаршая академия XII в. была основана еще при Ираклии (стр. 56), нет никаких данных; список сочинений византийских риторов на стр. 75 отрывочен и неполон (разве Никита Хониат написал только 4 речи: два панегирика и два энкомия?); «Тимарион» приписан Продрому и отнесен к разделу о поэзии (стр. 103).

Трактат XII столетие как эпоху политического и культурного упадка (стр. 52, 76 и др.), Василикопулу-Иоанниду, тем не менее, признает, что историография переживает в ту пору расцвет (стр. 81), подобно риторике (стр. 93) и эпистолографии (стр. 97). Однако остается неясным, что понимается в данном случае под расцветом — большое количество написанных сочинений или нечто иное, скажем, их высокое качество.

Наиболее важной частью рецензируемой работы представляется мне третья, где автор ставит вопрос о византийском возрождении XII в. и решает его отрицательно (стр. 169—199). Она противопоставляет Византии западный Ренессанс: в Византии изучение античного наследия никогда не прекращалось, но это было изучение формы, приспособленной к потребностям христианского мировоззрения, тогда как «новый человек на Западе» обращался к существу античной культуры, ища в ней ответа на потребности своей эпохи (стр. 181 и сл.).

Стремление Василикопулу-Иоанниду определить понятие «возрождение» и отделить от истинного Ренессанса внешне сходные с ним феномены заслуживает всестороннего внимания — особенно теперь, когда нестрогое употребление понятий «возрождение», «ренессанс», «гуманизм» приводит к стиранию грани между столь разнородными явлениями, как итальянский гуманизм XIV—XVI вв., каролингское возрождение IX в. или так называемый кельтский ренессанс V—VI вв. Однако конкретная трактовка исследовательницей византийского XII века и принципиальное противопоставление Византии Западу вызывает у меня сомнения.

Прежде всего, сопоставлять комниновскую Византию надо не с Италией Леонардо да Винчи, а с современным Комнинам западным миром ранней схоластики, Оттона Фрейзингенского и зарождающейся поэзии трубадуров. В таком случае различие окажется не столь значительным и, во всяком случае, лежащим не в той плоскости, где его ищет Василикопулу-Иоанниду. Если в Византии гомеровская традиция никогда не умирала вовсе (хотя надо признаться, что во времена Феофана она не была столь живой, как при Пселле или Хониатах), то на Западе традиция Вергилия теплилась с тем же постоянством. А вместе с тем развитие схоластики на Западе имело адекватные параллели в деятельности Иоанна Итала, Евстратия Никейского и Соттириха в Византии. Не надо забывать и того, что «классицизирующее» XII столетие дало первые подлинные образцы литературы на разговорном языке. Короче говоря, если бы мы искали в Византии XII в. не гуманизм Лоренцо Валла и Брунеллески,

а более скромное «предвозрождение», ответ, может быть, не был столь категорически негативным.

Далее, континуитет античной традиции кажется мне преувеличенным греческой исследовательницей: я подробно писал об этой проблеме в рецензии на книгу П. Лемерля о византийском гуманизме IV—X вв.¹ и здесь повторю лишь основное: конечно, знание античной литературы никогда не сходило совсем к нулю (как не искореялось в Италии знание латинской литературы), но несомненно имелись периоды угасания интереса к ней и возрастания этого интереса. Таким периодом возрастания интереса явились как раз XI и XII столетия, причем, думаю, интерес этот был не просто «эндо-терически»-книжным, но и вызванным общественными потребностями эпохи².

И последнее. Цитата в средневековом произведении — органический его элемент, выполняющий определенную художественную и общественную нагрузку. Писатель XII в. иначе мыслит прошлое, чем мы, и с помощью цитаты привязывает прошлое к современности. Цеп, превращая Ахилла в вождя гуннов и болгар (стр. 68, прим. 6), не мог не знать, что болгары пришли на Балканы много позднее гомеровской эпохи, — его пренебрежение временной дистанцией было не ошибкой, но позицией. Как использовали Гомера мастера византийского предвозрождения, какой художественный эффект они создавали, какие эмоции вызывали (а умело использованная цитата могла порождать неожиданные эмоции), — вот проблема, оставшаяся за рамками рецензируемой книги. Не рассматривая этот вопрос в целом, я позволю себе сослаться лишь на один пример, относящийся, правда, к чуть более позднему времени: Пахимер (кн. II, гл. 8, т. 1, стр. 103) рассказывает, как патриарх Арсений, подписывая нежелательный для него документ, заметил, что делает это *βραιοτρόπως*, букв. — «таким же образом» (как все); тут же историк добавляет: «У Поэта (Гомера) слово *βραιο* было среди худших, и патриарх обозначил им вынужденность и дурной характер своего подписания, то, что он делал это не по доброй воле и радостно, но сознавая необходимость и насилие». Вот какое богатое внутреннее содержание могло приобрести гомеровское слово — и современникам это было понятно.

А. К.

¹ См. BS, 34, 1973, p. 51—57.

² Такая постановка вопроса пока еще редко встречается в работах западных византинистов. См. прежде всего: А. Garzya. Storia e interpretazione di testi bizantini. London, 1974, VII, p. 1—14; H. Hunger. Byzantinische Grundlagenforschung. London, 1973, XVI, S. 59—76.

ХРОНИКА

СЕССИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ КОМИССИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ГДР

С 25 по 27 мая 1973 г. в Магдебурге состоялась сессия специальной византийской комиссии Исторического общества ГДР. Специальная комиссия продолжает деятельность основанного в 1961 г. Византийского общества секции медиевистики немецкого Исторического общества.

Основной доклад по теме сессии «Византийско-немецкие отношения. Достижения и проблемы» был сделан И. Ирмшером, председателем совета специальной комиссии, избранного президиумом Исторического общества. Во введении докладчик напомнил о конференции византинистов социалистических стран, состоявшейся в Праге в 1957 г., на которой были подведены итоги изучения связей Византии и дан толчок дальнейшим исследованиям. Он подчеркнул далее как общеисторическое, так и идеологическое значение темы сессии, исследование которой в равной мере обогатило знание как византийской, так и немецкой истории. Он остановился также на результатах и проблемах в изучении как политических отношений, так и влияние Византии в области искусства. Несмотря на многочисленные исследования, особенно последних лет, эти вопросы нуждаются в систематизации и общей оценке.

К докладу И. Ирмшера тесно примыкает доклад В. Цельнера «Отношения раннефеодалного немецкого государства с Византией». Докладчик предостерегал от переоценки значения немецко-византийских отношений, которые у обеих феодальных держав не были на первом плане. Дискутируя с В. Онзорге, чьи заслуги в изучении малоисследованной тематики неоспоримы, он подчеркнул, что притязания немцев на *Renovatio imperii Romani*, которые достигли своей высшей точки при Оттоне III, не распространялись на время Генриха II, «проблема же двух императоров» не может быть оторвана от общественных отношений и ограничена фиктивной противоположностью Востока и Запада.

Следующие доклады касались времени Оттона I. Х.-Д. Делмани высказал предположение, что в 973 г. в Кведлинбурге, куда многие страны послали своих представителей, византийские послы, как особенно явствует из сообщения Титмара из Мерзебурга, договорились относительно статус-кво с представителями Западной Болгарии (Северо-Восточная Болгария была непосредственно подчинена Византии).

О византийско-немецких торгово-ремесленных отношениях в XIV—XV вв. говорил К.-П. Мачке. Он утверждал, что едва ли существовали прямые византийско-немецкие торговые связи, о чем свидетельствует также отсутствие документов в книге Жакомо Бадозра. Как он отметил, для этого времени неизвестны также непосредственные отношения византийских и немецких ремесленников. Речь может идти только об Италии и только в отношении отдельных византийских областей (например при строительстве мостов, в горном деле и производстве сукна).

В дальнейшем ходе сессии были рассмотрены специальные вопросы. Х. Г. Тюммер обратил внимание на выраженное в поткеровских «Деяниях Карла Великого» «Франское самосознание по отношению к Византии» во времена Карла III. И. Дюммер сделал доклад «Сочинения Лиутпранда из Кремоны как источник для изучения византийской культуры». После обзорного доклада М. Шпрингера о военных отношениях между Византией и Германией с VI по XII в. Г. Шниттер убедительно показал влияние военно-теоретического наследия ранней Византии на военное дело у немецких мелких князей в XV—XVI вв.

В докладе о преподавателе юридической школы в Цвикау Петере Поахе (1549—1622), который копировал и собирал византийские тексты, К. Тей рассказал об одном еще мало известном немецком гуманисте.

Для изучения истории византиноведческой науки значительный интерес представляет сообщение Н. Херца о понимании исторического процесса византинистом прошлого века Генрихом Гельцером (1847—1906).

Теме «Византия и ее влияние на немецкое средневековое искусство» были посвящены доклады Х. Никеля (о миниатюре оттоновского времени и о саксонской пластике

и стеной живописи), Г. Брокера (о раннецерковном зодчестве), В. Элиха (об алтарях, прототипом которых послужили алтари из Византии).

Основное внимание на дискуссии было уделено оттоновскому времени, на которое приходится расцвет византийско-немецких отношений. На сессии были освещены самые различные аспекты этой проблематики, и хотя были выявлены еще большие проблемы в ее изучении (необходим более дифференцированный подход к проблемам идеологии и продолжение историко-искусствоведческих штудий), отраден интерес к смежным дисциплинам, стимулирующий дальнейшую деятельность специальной комиссии.

Х. Кэпштейн.

ЮБИЛЕЙ «ИЗБОРНИКА СВЯТОСЛАВА 1073 года»

31 октября и 1 ноября 1974 г. в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР проходила конференция, посвященная 900-летию со времени написания одной из древнейших славянских рукописных книг — «Изборника Святослава 1073 г.» Конференция была организована по инициативе ИРЛИ, Института литературы Болгарской АН и Совета по истории мировой культуры АН СССР. В ней приняли участие ученые Москвы, Ленинграда и Софии. Во вступительном слове академик Д. С. Лихачев (Ленинград) охарактеризовал Изборник 1073 г. как памятник славянской средневековой письменности, свидетельствующий о высокой культуре Болгарии X в. и Руси XI в., подчеркнул значение Изборника как книги энциклопедического характера, установившей наиболее распространенный тип рукописной книги для чтения. Главными задачами исследователей Изборника, по мнению Д. С. Лихачева, являются: текстологическое изучение самого Изборника 1073 г. и сборников, связанных с ним, выяснение обстоятельств миграции книги из Киева в Северо-Восточную Русь. Д. С. Лихачев высказал предположение, что эта миграция была связана с деятельностью нижегородского епископа Дионисия.

Академик П. Н. Динеков (София) выступил с докладом «Симеоновский сборник в развитии староболгарской культуры». Докладчик остановился на художественной структуре и идейном пафосе Похвалы царю Симеону в Изборнике 1073 г. Отметив разнообразие тем Изборника, высокий уровень перевода и мастерство оформления книги, П. Н. Динеков показал, что Изборник 1073 г. является убедительным свидетельством исторической миссии литературы Болгарии — посредницы между Византией и славянскими странами.

Доктор филологических наук Л. П. Жуковская (Москва) остановилась на истории изучения Изборника 1073 г. и подчеркнула важность бытования его списков на Руси для истории культуры нашей страны. Первоочередная задача изучения Изборника 1073 г., по мнению Л. П. Жуковской, — археографическое и кодикологическое исследование рукописи. Докладчица установила, что первоначально книга имела 35 тетрадей по 8 листов, т. е., следовательно, 280 листов вместо содержащихся в ней сейчас 266. Таким образом, само построение рукописи в древности было иным. Л. П. Жуковская отметила необходимость нового палеографического описания рукописи, а также искусствоведческого изучения элементов оформления книги и, что особенно важно по отношению к этому памятнику, изучения его языка с точки зрения исторической лексикологии и грамматики.

Член-корр. Болгарской АН Ем. Георгиев (София) в докладе «Симеоновский сборник и царь Симеон» показал большую роль царя Симеона в развитии литературы и культуры Болгарии. Докладчик высказал предположение об участии в создании Изборника 1073 г. царя Симеона и Иоанна Экзарха: в основу Изборника вошли статьи, выбранные Симеоном; непосредственным же составителем Изборника и автором Похвалы Симеону был, по мнению Ем. Георгиева, Иоанн Экзарх.

Проф. К. Куев (София) в докладе «Симеоновский сборник и его распространение в старых славянских литературах» перечислил 19 известных ему списков Изборника 1073 г., хранящихся ныне в Белграде, Софии, Бухаресте, Москве, Ленинграде, и указал на необходимость их всестороннего изучения.

С докладом «К вопросу о неоплатонической традиции в Изборнике 1073 г.» выступил проф. В. Велчев (София). Он рассмотрел статью Дионисия Псевдо-Ареопагита в составе рукописи 1403 г. — списке с Изборника 1073 г. — и пришел к выводу, что ее появление в Изборнике 1073 г. свидетельствует о проникновении неоплатонической традиции в славянскую письменность.

Доклад доктора филологических наук Е. Э. Гранстрем (Ленинград) и доктора филологических наук Л. С. Ковтун (Ленинград) «Поэтические термины в Изборнике 1073 г. и развитие их в русской традиции» был посвящен эстетическим понятиям в трактате Георгия Херобоска «Об образах», помещенном в Изборнике 1073 г. Авторы проследили зависимость трактата от античных риторик, в частности, от «Риторики» Аристотеля. Докладчикам удалось выявить 14 списков сочинения Георгия Херобоска в сборниках, близких по составу к Изборнику 1073 г. Авторы указали ряд переводных греческих эстетических терминов у Георгия Херобоска, закрепившихся впоследствии в русском языке, и некоторые кальки с греческого.

Доктор филологических наук Е. М. Верещагин (Москва) рассмотрел ветхо- и новозаветные цитаты в Изборнике 1073 г. и установил, что они являются выписками из новых переводов. Докладчик отметил, что греческие источники не влияют на лексическое варьирование в славянском переводе, которое является внутренней характеристикой переводческой техники.

В докладе «Числовые обозначения в Изборнике 1073 г.» Р. А. Симонов (Москва) на анализе цифрового материала показал, что списки, близкие к Изборнику 1073 г., разделяются на две группы: 1) рукописи, восходящие непосредственно к Изборнику 1073 г., и 2) рукописи, более тесно связанные с болгарским протографом. На характер использования цифрового материала в Изборнике 1073 г. повлияли традиция болгарского протографа и древнерусская цифровая практика второй половины XI в.

Академик Б. А. Рыбаков (Москва) остановился на изречении, взятом составителем Изборника 1073 г. из «Премудростей Иисуса сына Сирахова»: «Оже ти собе не любо, то того и другу не твори», в котором отразились драматические события в Киеве весной 1073 г. — борьба Святослава с братом Изяславом за киевский престол.

С докладом «Изборник 1073 г. как тип книги» выступила доктор искусствоведения О. И. Подобедова (Москва). Ею были рассмотрены инициалы, знаки Зодиака, миниатюры Изборника и отмечена несомненная связь художественного оформления кодекса с византийской художественной традицией VI—VII вв. О. И. Подобедова высказала предположение о существовании на Руси в XI в. двух книжных мастерских, сведения о которых имеются в «Повести временных лет» и «Житии Феодосия Печерского».

Кандидат искусствоведения В. Б. Гиршберг (Москва) посвятил свой доклад изображениям знаков Зодиака в Изборнике 1073 г. Докладчик отметил, что они имеют характер свободного рисунка и созданы русским мастером вполне самостоятельно, причем можно предположить, что автором рисунков был мирянин, вероятнее всего, — второй писец Изборника 1073 г.

Доклад доктора искусствоведения Г. К. Вагнера (Москва) «Слово об образах» в Изборнике 1073 г. и русское искусство XI века» был посвящен эволюции понятий аллегорий и метафор в античной и средневековой эстетике. С течением времени, указал докладчик, аллегория и метафора толкуются уже не только как символы, их образное значение углубляется, и название статьи Георгия Херобоска «Об образах» вполне соответствует своему содержанию. В конце доклада автор остановился на значении слова «образ».

Кандидат искусствоведения В. Д. Лихачева (Ленинград) выступила с докладом «Византийские источники архитектурных фронтисписов Изборника 1073 г.» Докладчица обратилась к принципам декора кодексов в Византии и нашла, что введение архитектурных обрамлений в виде рамы-храма характерно для византийской книжной миниатюры XI в. Миниатюрист Изборника 1073 г. не только следовал византийской традиции, но и творчески ее перерабатывал, что сказалось, в частности, в выборе им колорита.

Кандидат искусствоведения В. Г. Брюсова (Москва) исследовала толкование на IX притчу царя Соломона в составе Изборника 1073 г. По мнению докладчицы, произведение должно быть атрибуировано Ипполиту, а не Анастасию Синаиту, как предполагалось ранее. Во второй половине XI—начале XII в. была создана новая редакция толкования на притчу, которая несет на себе печать полемики между восточной и западной церковью по вопросу о первенстве церквей в борьбе против еретических движений. Эта редакция использовалась митрополитами Никифором, Климентом и Иоанном и определяется как греческая. В докладе прослеживается толкование темы Премудрости в письменности в сопоставлении ее с иконографическими схемами в изобразительном искусстве.

Кандидат филологических наук Б. Б. Пейчев (София) прочитал доклад «Трактат Теодора Раутуисского как интерпретация категорий Аристотеля в Изборнике 1073 г.». Он установил, что в период болгарского средневековья этот трактат служил учебным курсом по введению в философию и одновременно являлся первой интерпретацией категорий «Органона» Аристотеля. Докладчик отождествил автора трактата Теодора из Рауту с Теодором из Фарана.

В докладе проф. Б. Ангелова (София) «Похвала царю Симеону и ее проникновение в старославянские произведения» названное сочинение было сопоставлено со стихотворением Константина Костеневского в честь сербского деспота Стефана Лазаревича, с Похвалой великому князю Иоанну Калеке, со «Словом похвальным о благоверном великом князе Борисе Александровиче» инока Фомы. Докладчик установил несомненное сходство между этими памятниками, что свидетельствует, по его мнению, о широком распространении Похвалы царю Симеону в древнеславянских литературах.

Доктор филологических наук Н. А. Мещерский (Ленинград) в докладе «Взаимоотношения Изборника 1073 с Изборником 1076 г.» сопоставил обе рукописи как письменные памятники одной исторической эпохи, отражавшие речевые черты одного и того же варианта общего литературно-письменного языка той поры. Изборник 1073 г. и Изборник 1076 г. можно рассматривать как две различные ступени языковой адаптации памятников древнеславянского литературного языка на восточнославянском этническом ареале. Изборник 1076 г. можно считать памятником древнерусского литературного языка старшего периода, Изборник 1073 г. принадлежит к памятникам древнеславянского литературно-письменного языка восточнославянского извода.

О необходимости современного научного издания Изборника 1073 г. для его широкого и повсеместного изучения говорилось в докладе доктора филологических наук Н. Н. Розова (Ленинград).

Ближайшей задачей является, по мнению докладчика, факсимильное и наборное издание рукописи Изборника 1073 г. с лингвистическим комментарием и словарем. Для этого полезно использовать опыт наборных изданий памятников древнеславянской письменности с привлечением их греческих оригиналов или параллелей и последующих списков.

И. Добрев (София) в докладе «Символические и аллегорические мотивы в орнаменте Изборника 1073 г.» отметил влияние «Физиолога» и древнеболгарской архитектурной пластики на орнаментику Изборника 1073 г. В ней следует искать отголоски того направления византийского искусства, которое связано с воскрешением античных и раннехристианских традиций в целях православной экзегетики.

После докладов состоялись прения. В них выступили Н. А. Щербачева (Москва), Н. И. Гаген-Торн (Ленинград), Т. Н. Копреева (Ленинград), С. О. Шмидт (Москва), Ем. Георгиев (София), З. Г. Самодурова (Москва).

Академик П. Н. Динев благодарил организаторов конференции, отметив, что на ней были подняты важные вопросы изучения одной из древнейших славянских книг, тесно связывающей болгарскую и русскую культуру. Академик Д. С. Лихачев выразил благодарность всем участникам конференции и ее гостям.

М. В. Рождественская.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ШМИТА (1877—1941)

1. Стефануса Праксителя статуэтка из собрания Ал. Ив. Нелидова. — ЖМНП, 1901, ч. 337, стр. 147—155. Та же статья, — «Commentationes Nikitinianae». Сборник статей по классической филологии в честь проф. Никитина. СПб., 1901, стр. 282—290.
2. Мозаики и фрески Кахриэ-Джамии. — ИРАИК, VIII, 1903, стр. 119—152.
3. Каталог житийных рукописей Ватобедского монастыря на Афоне. — Там же, стр. 264—298.
4. Рецензия на кн.: *Adolf Bauer u. J. Strzygowski. Eine Alexandrinische Weltchronik.* Wien, 1905. — ВВ, Т. XIII, 1906, стр. 445—449.
5. Кахриэ-Джами. I. История монастыря Хоры, архитектура мечети, мозаики нарфиков. — ИРАИК, XI, 1906, стр. 306. Отдельный альбом с 42 табл. рисунков и чертежей, выполненных Клуге. Мюнхен, 1906.
6. Die Malereien des bulgarischen Klosters Poganovo. Einige Worte über mittelalterliche bulgarische Kunstdenkmäler. — ВЗ, XVII, 1908, S. 121—128.
7. Рецензия на кн.: *Н. Я. Марр.* Раскопки в Апи летом 1906 г. СПб., 1907. — Ibid., S. 280—283.
8. Рецензия на статью: *Ф. Успенский.* Серальский кодекс восьмикнижия. ИРАИК, XII, 1907, — Ibid., S. 641—643.
9. Рецензия на кн.: *J. Strzygowski.* Die Miniaturen des serbischen Psalters der Koeniglichen Hof- und Staatsbibliothek in Muenchen. Wien, 1906. — ЖМНП, н. с.; XVIII, декабрь 1908, стр. 423—432.
10. Памятницы на българската старина. Доклад отъ Феодор Шмит до председателя на Редакционний комитет. «Българско отечество». XXI, 5—6, София, 1909, стр. 412—450.
11. La perspective inverse dans la peinture byzantine. — «Le Rayon», Première année, N 2, mars-avril, 1910, p. 1—2.
12. Памятники Мистры. — ЖМНП, н. с., XXXIII, 1911, стр. 249—259.
13. Новые веяния в археологической науке на Балканском полуострове. — ЖМНП, н. с., XXXIV, 1911, современная летопись, стр. 1—29.
14. Благовещение. — ИРАИК, XV, 1911, стр. 31—72.
15. Один из иконографических вариантов крещения Спасителя. — Там же, стр. 73—91.
16. Παράστασις Ἀγγελικῆς. — Там же, стр. 206—239.
17. Новая книга о великой св. Софии. — ЖМНП, н. с., XXXIV, 1911, отд. критики и библиогр., стр. 293—300.
18. Рецензия на кн.: *W. de Grœneisen.* Sainte Marie Antique. Rome, 1911. — «Гермес». СПб., 1911, № 20, стр. 495—498.
19. Памятники византийского искусства в Греции. — ЖМНП, н. с., XL. Современная летопись, 1912, стр. 45—59.
20. Что такое византийское искусство? — «Вестник Европы», 1912, октябрь, стр. 221—255.
21. La «Renaissance» de la peinture byzantine au XIVe siècle. — «Revue archéologique», IV série, XX, 1912, p. 127—142.
22. Die archäologische Erforschung Bulgariens. — «Deutsche Literaturzeitung», XXXIV, N 5, 1913, col. 261—267.
23. Рецензия на русский перевод кн.: *С. Рейнак.* История пластических искусств

- (Аполлон), перевод с шестого французского издания В. С. Елпатьевского и Е. Н. Колышкевича. СПб., 1912. — «Гермес», СПб., т. 12, № 1 и 2, 1913, стр. 1—3.
24. Рецензия на кн.: W. Harway, W. R. Lethaby, O. M. Dalton, H. A. Cruso, A. C. Headlam. The Church of the Nativity at Bethlehem. London, 1910. — ЖМНП, н. с., XLVI, 1913, отд. критики и библиогр., стр. 313—342.
  25. Рецензия на кн.: O. M. Dalton. Byzantine art and archaeology. Oxford, 1911. — ВВ, XX, вып. 1, отдел II, 1913, стр. 1—21.
  26. Рецензия на кн.: P. Friedländer. Johannes von Gaza u. Paulus Silentarius. Kunstbeschreibungen Justinianischer Zeit. Leipzig und Berlin, 1912. — ВЗ, XXII, 1913, S. 152—154.
  27. Рецензия на кн.: E. H. Minns. Scythians and Greeks, a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913. — «Deutsche Literaturzeitung», XXXIV, N 40, 1913, col. 2536—2537.
  28. Киевский Софийский собор. — «Светильник». М., 1913, № 8, стр. 3—22.
  29. Искусство и археология (библиографический обзор), — ВВ, XX, вып. 4, 1913, стр. 62—106.
  30. Мозаики монастыря преподобного Луки. — «Сборник Харьковского Историко-филологического общества (в честь проф. В. П. Безескула)». Харьков, 1913—1914, стр. 318—334.
  31. Отзыв о сочинениях на тему: «Деисус в византийском и русском искусстве» (сочинения Д. Гордеева и В. Третьякова). — «Записки Харьковского университета», 1914, № 1, стр. 1—6.
  32. Равеннские мозаики 1112 года. — «Светильник». М., 1914, № 7, стр. 7—36.
  33. Рецензии, напечатанные в «Византийском Временнике», XXI, вып. 1—2, отдел II, 1914;
    1. На кн.: W. S. George. The Church of saint Eirene at Constantinople. Oxford, 1913 (стр. 3—5).
    2. На кн.: Dr. Julius Kurth. Die Wandmosaikien von Ravenna. München, 1912 (стр. 6—7).
    3. На кн.: W. Bachmann. Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan. Leipzig, 1913 (стр. 7—9).
    4. На кн.: Thomas Graham Jackson. Byzantine and romanesque architecture. Cambridge, 1913 (стр. 9—10).
    5. На кн.: Hugues Vincent et F.-M. Abel. Jérusalem. Recherches de topographie, d'archéologie et d'histoire. t. II. Jérusalem nouvelle. Paris, 1914 (стр. 51—55).
    6. На кн.: H. Vincent, et F.-M. Abel. Bethléem, le sanctuaire de la Nativité. Paris, 1914 (стр. 55—57).
  34. Искусство и археология (библиографический обзор). — ВВ, XXI, вып. 3—4, 1915, стр. 37—54.
  35. Алтарные мозаики церкви Михаила Архангела в Равенне. — «Светильник». М., 1915, № 3—4, стр. 47—54.
  36. История античного искусства в VIII классе мужских гимназий. — «Наука и школа». Харьков, 1915, № 1, стр. 1—9.
  37. Законы истории. Введение к курсу всеобщей истории искусств, вып. 1. Введение. Искусство Египта. Искусство Месопотамии. Искусство критско-микенское. — «Записки Харьковского университета», 1915, кн. 1, стр. 1—32; кн. 2, стр. 33—64; кн. 3, стр. 65—192; 1916, кн. 2—3, стр. 191—197. То же — отд. книга. Харьков, 1916, 196 стр.
  38. О преподавании истории. — «Наука и школа». Харьков, 1915, № 2, стр. 106—115.
  39. Программа по истории искусства русского, курс 1915—1916 гг. — «Записки Харьковского университета», 1916, кн. 1, Приложение, стр. 1—8.
  40. Заметки о поздневизантийских храмовых росписях. — ВВ, XXII, 1915, стр. 62—126.
  41. Отзыв о медальном сочинении на тему: «Иконография украинского иконостаса» под девизом «Лебедь» (сочинение С. А. Таранушенко). — «Записки Харьковского университета», 1917, № 1—2, стр. 1—6.
  42. Три генуэзских рельефа из Кафы (Феодосии). — «Известия Археологической комиссии», вып. 63. Пг., 1917, стр. 22—30.
  43. О Тмутаракани. — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 54. Симферополь, 1918, стр. 389—393.
  44. Археологично відомство. — «Наше минуле», Київ, 1918. № 2, стр. 189—193.
  45. О психологии рисования. — «Внешкольное просвещение». Харьков, 1918 г., № 3, стр. 23—27; № 4/5, стр. 22—34. Отдельная брошюра. — Харьков, 1919, 16 стр.
  46. Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. Харьков, 1919, 103 стр.
  47. Искусство — его психология, его стилистика, его эволюция. Харьков, 1919, 328 стр.
  48. Искусство древней Руси — Украины. Харьков, 1919, 111 стр. Мистецтво старей Руси — України. Харків, 1919, 99 стор.
  49. Революция и искусство. — «Сборник нового искусства». Харьков, 1919, стр. 17—19.
  50. Все на художественную выставку сектора искусств Главнолитпросвета! (Совместно с Грасисом, А. Козловым). Харьков, 1921, 8 стр.

51. Психологія малювання. Для педагогів. Київ, 1921, 115 стор.
52. Про видання св. Софії. — «Сбірник секції мистецтв Українського Наукового Товариства», I. Київ, 1921, стор. 103—111.
53. Об исследовании и издании памятников древнерусского искусства. — «Наука на Украине». Харьков, 1922, № 3, стр. 125—145.
Про досліджування й видання пам'яток старо-руського мистецтва (Пам'ятки старо-руського мистецтва — про досліджування й видання їх). Переклад Э. Г. Хоткевича за редакцією проф. Таранушенка. Харків. 1922, 40 стор.
54. Искусство, как предмет обучения. — «Путь просвещения». Харьков, 1923, № 1, стр. 1—63. Отдельная брошюра — Библиотека журнала «Путь просвещения», № 7. Харьков, 1923, 63 стр.
55. Мистецтвознавство. — «Музика». Київ, 1923, ч. 6—7, стор. 18—20.
56. О художественно-педагогическом образовании. — «Путь просвещения». Харьков, 1923, № 7—8, стр. 56—71.
57. Китай — Персия — Византия? «Новый Восток». М., 1923, кн. 4, стр. 313—327.
58. Археологічний Комітет у 1923 р. (Совместно с Новицким). — «Записки історично-філологічного відділу БУАН», кн. 4. Київ, 1923, стр. 319—320.
59. Кабінет мистецтв. — Там же, стр. 320.
60. Живопись, ваяние, зодчество. — «Печать и революция». М., 1924, № 3, стр. 107—130.
61. Почему и зачем дети рисуют. Педологический и педагогический очерк. — М., 1925, 197 стр.
62. Диалектика развития искусства. — «Под знаменем марксизма». М., 1924, № 12, стр. 231—249.
63. Искусство. Основные проблемы теории и истории. Л., 1925, 185 стр.
64. Zur Ausstellung altrussischer Monumentalmalerei. — «Das neue Russland», 1925, N 9—10, S. 24—25.
65. Государственный институт истории искусств. Бюллетени ГАХН. М., 1925, № 1, стр. 59—72.
66. Проблемы методологии искусствovedения: 1. Искусство как фактор общественности; 2. Искусство как продукт общественности; 3. Новые наблюдения в области изучения детского рисунка. — Сб. «Проблемы социологии искусства», I. Л., 1926, стр. 9—71.
67. Крестьянское искусство Севера. Об искусствovedческой экспедиции на русский Север *. — Там же, стр. 166—190.
68. Die Mosaiken von Nicaia. — «Arcgäologischer Anzeiger». Berlin, 1926, № 3/4, S. 457—464.
69. Was wir mit unserer altrussischen Ausstellung in Berlin wollen. — «Ost-Europa», 1926/1927, № 2/3, S. 77—86.
70. Byzantinisch-Russische Monumentalmalerei. Russische Abteilung. — «Veröffentlichtungen des Kunstarchivs». Berlin, № 22/23, 1926, S. 12—36.
71. Виставка копій древнерусской монументальной живописи в Берлине (ноябрь—декабрь 1926 г.). — «Печать и революция». М., 1927, № 3, стр. 78—83.
72. Государственный институт истории искусств. — Там же, 1927, № 8, стр. 70—75.
73. Предмет и границы социологического искусствovedения. Л., 1927, 67 стр.
74. Die Koimesis-Kirche von Nikaia, das Bauwerk und die Mosaiken. Berlin u. Leipzig, 1927, 56 S.
75. Художественная культура в Советской стране. — «Художник». Сборник по вопросам изобразительного искусства. Л., 1928, стр. 29—41.
76. Бронза в искусстве. — БСЭ, т. 7, 1927, стб. 597—598.
77. Византийская литература. — Там же, т. 10, 1928, стб. 688—691.
78. Византийское искусство. — Там же, стб. 693—705.
79. Предмет и границы социологического искусствovedения. 2-е, значительно расширенное издание. Л., 1928, 146 стр.
80. The study of art in the URSS (1917—1928). — «Parnassus». New York, December 1928, p. 7—10. Die Kunstwissenschaft in USSR 1917—1928. — «Archiv für Kulturgeschichte». Leipzig, XX, 1, 1929, S. 109—120.
81. Барокко как историческая категория. — «Русское искусство XVII века». Сборник статей по истории русского искусства донетровского периода. Л., 1929, стр. 7—26.
82. The development of painting in Russia. — «Parnassus», New York, mai 1929, vol. 1, № V, p. 32—38.
Der Werdegang der Russischen Malerei. — «Ost-Europa», IV, 1929, april—mai, S. 477—493.
83. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л., 1929, 245 стр.
84. О нескольких ранних эллинистических портретах. — «Античный портрет». Сборник статей, посвященных О. Ф. Вальдгауэру. Л., 1929, стр. 23—30.
85. Стадиальность и историзм. — «Яфетический сборник». Л., VI, 1930, стр. 1—6.
86. Архитектура. — БСЭ, т. 3, 1930, стб. 560—564.

* Статья не подписана, но Ф. И. Шмит включил ее в список своих научных работ и поставил очередной номер на личном экземпляре. Очевидно, она написана им.

87. Готическое искусство. — Там же, т. 18, 1930, стб. 519—532.
88. Греческое искусство. — Там же, т. 19, 1930, стб. 168—189.
89. Roads to art in the USSR. — «Parnassus». New York, vol. 11. December 1930, p. 8—12.
90. Древнехристианское искусство. — БСЭ, т. 23, 1931, стб. 434—437.
91. Отчет Эски-Керменской экспедиции. — «Сообщения ГАИМК». Л., 1931, № 7, стр. 25—29.
92. Les musées de l'Union des Républiques Socialistes Soviétiques. — «Musées» («Cahiers de la République des lettres, des sciences et des arts», XIII). Paris, octobre—novembre, 1931, p. 206—221.
93. Яванское искусство. — БСЭ, т. 65, 1931, стб. 321—323.
94. Античный курорт в окрестностях Керчи (совместно с Н. И. Репниковым). — «Сообщения ГАИМК». Л., 1932, № 5—6, стр. 67—68.
95. Эски-Керманская базилика. — «Готский сборник». «Известия ГАИМК». Л., 1932, т. 12, вып. 1—8, стр. 213—253.
96. Политика и византиноведение. — «Сообщения ГАИМК». Л., 1932, № 7—8, стр. 6—23.
97. О технике водоснабжения средневековых городов Крыма (совместно с Н. И. Репниковым). — Там же, 1932, № 9—10, стр. 46—50.
98. Эски-Керменская экспедиция (краткий предварительный отчет об экспедиции ГАИМК и Гос. Исторического музея в августе 1932 г.). — Там же, 1932, № 11—12, стр. 61—65.
99. «Искусство для искусства». — «Проблемы истории материальной культуры». Л., 1933, № 1—2, стр. 44—46.
100. Отчет о командировке 1932 г. в Херсонес. — Там же, 1933, № 7—8, стр. 56—60.
101. К происхождению базилики. — «Известия ГАИМК», Л., 1933, вып. 100, стр. 617—634.
102. Советско-американская крымская экспедиция (1933 г.). — «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 9—10, стр. 61.
103. Работы на южном берегу Крыма (Гипрогор). Археологический очерк. Археологические работы Академии (ГАИМК) на новостройках в 1932—1933 г. — «Известия ГАИМК». Л., 1935, вып. 109, стр. 188—200.

Не опубликованные работы

ЛО Архива АН СССР. Миниатюры серальских рукописей, № 13, 21, 34 (№ 13 — Псалтырь с толкованием Евфимия Зигавина XIII в.; № 21 — Недельное евангелие XIII в.; № 34 — Четвероевангелие XII в. Рукопись. 16 стр. Не датирована.
ЛОИА АН СССР. Архив, ф. 55.

№ 5. Десятинная церковь.

1. Летописные известия о Десятинной церкви.
2. Дальнейшие судьбы Десятинной церкви.
3. Последние раскопки.
4. Что мы знаем о Десятинной церкви?
5. Первоначальная Десятинная церковь.
6. Строители Десятинной церкви.

Рукопись. 12 стр. 1919 г.

№ 6. Закон общественности. 24 стр. Рукопись. М., май 1924.

№ 7. О социальном музее. Рукопись. 11 стр. 31 января 1924.

№ 9. Хиосская старина. Рукопись. 21 стр. Киев, 14 февраля 1924.

№ 11. Федор Иванович Успенский. Рукопись. 9 стр. Л., 11 июля 1929.

№ 12. Новые данные о церкви св. Климента в Ангоре. Рукопись. 4 стр. Л., 25 января 1930.

№ 14. Без названия (о марксистском искусствоведении). Рукопись. 9 стр. Л., 30 января 1930 г.

№ 16. Об издании альбома по истории мирового искусства. Рукопись. 2 стр. Л., 24 ноября 1932.

№ 17. Карл Маркс об истории искусства. Рукопись. 4 стр. Л., в 15-ю годовщину Октября.

№ 21. Без общего названия.

§ 1. Повесть временных лет как документ по истории классовой борьбы в Киеве XI в. Рукопись 30 стр. Без даты.

§ 2. Киев в XII в. по летописным данным. Рукопись. 59 стр. Без даты.

№ 39. Пореволюционное византиноведение. Рукопись. 17 стр. Л., 24.XII 1931 г. Государственный Русский музей. Архив, ф. 32, ед. хр. 157.

Новая теория искусств. Рукопись. 9 стр. Не датирована.

Архив П. Ф. Шмит.

Никея. Сброшюрованные корректурные оттиски. 101 стр.

Здесь не указаны многочисленные рукописи Ф. И. Шмита, которые не закончены и не подготовлены для печати. Они хранятся в архиве ЛОИА АН СССР, ф. 55.

Составитель П. Ф. Шмит.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века
 БАН, РО — Библиотека Академии наук, рукописный отдел
 ВВ — Византийский временник
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ВМ — Вестник Матенадарана
 ВОН — Вестник общественных наук Академии наук Арм. ССР
 ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
 ГИМ — Государственный Исторический музей
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗВРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ЗРВИ — Сборник Радова. Византологический институт
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 ИИБИ — Известия на Института за българска история
 ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 ПС — Палестинский сборник
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 ПЭР — Памятники эпохи Руставели
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 СА — Советская археология
 СВ — Средние века
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
 ХВ — Христианский Восток
 ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов
 ВСН — Bulletin de correspondance hellénique
 Н. Beyer — Н. Beyer. Der syrische Kirchenbau. Berlin, 1925
 BNJb. — Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
 BS — Byzantinoslavica
 Н. Butler, 1903 — Н. С. Butler. Architecture and other Arts-Publication of an American Archaeological Expedition to Syria in 1899—1910. Part II. New York, 1903.
 Н. Butler, 1, 2, 3, 4, 5, 6 — Н. С. Butler. Ancient Architecture in Syria. — Publications of the Princeton University archaeological Expedition to Syria in 1904—1905. Section B. Northern Syria.
 Part 1 — The 'Ala and Kasr ibn Warden. Leyden, 1907
 Part 2 — Il Anderin — Karratin — Ma'râta. Leyden, 1908
 Part 3 — The Djebel Riha and the Djebel Wastaneh. Leyden 1909
 Part 4 — The Djebel Barisha. Leyden, 1909
 Part 5 — The Djebel Halakah. Leyden, 1912
 Part 6 — The Djebel Sim'ân. Leyden, 1920

- H. Butler*, 1929 — *H. C. Butler*. Early Churches in Syria IV to VII centuries.
Princeton, 1929
- Byz. — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
CIL — Corpus inscriptionum latinarum
DOP — Dumbarton Oaks Papers
EHR — English Historical Review
JÖBG — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua
MGH SS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores
MM — F. Miklosich — J. Müller. Acta et diplomata Graeca medii aevi
NE — Νέος Ἑλληνομνημίων
OCP — Orientalia Christiana Periodica
PG — *J. P. Migne*. Patrologiae cursus completus. Series graeca
REA — Revue des études arméniennes
REArm — Revue des études arméniennes. Nouvelle série
REB — Revue des études byzantines
SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
SEER — The Slavonic and East European Review
SK — Seminarium Kondakovianum
- G. Tchalenko*, II — *G. Tchalenko*. Villages antiques de la Syrie du Nord le massif
du Bélus à l'époque romain, II. Paris, 1953

А н н о т а ц и и

J. Lefort. Actes d'Espignénou. Archives de l'Athos, VI. Paris, 1973	270
Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile. Recherches d'histoire et de géographie: 2. A. Guillou. Saint-Nicodème de Kellarana (1023/1024—1232). Città del Vaticano, 1968; 3. A. Guillou. La théotokos de Hagia-Agathé (Oppido) (1050—1064/1065) Città del Vaticano, 1972	272
Jean Chrysostome. Sur la vaine gloire et l'éducation des enfants. Introduction, texte critique, traduction et notes par A. M. Malingrey. — «Sources chrétiennes», № 188. Paris, 1972	274
Theodoros Anagnostes. Kirchengeschichte, hg. von G. Ch. Hansen. Akademie-Verlag. Berlin, 1971	275
Ioannis Caminiatae de expugnatione Thessalonicae, rec. G. Böghlig. «Corpus fontium historiae byzantinae», vol. IV. Eboraci, 1973	276
D. Sophianos. 'Αγιος Νικόλαος ὁ ἐν Βουναίνῃ. Athenai, 1972	278
V. Laurent. La corpus des sceaux de l'Empire byzantin, t. V, 3; Supplément. Paris, 1972	280
A. R. Bellinger. Ph. Grierson. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, vol. II, pts. 1—2; vol. III, pts. 1—2. Washington, 1968—1973	283
P. P. Joannou. La législation impériale et la christianisation de l'Empire romain (311—476). — «Orientalia christiana analecta», t. 192. Roma, 1972	286
K.-L. Noethlichs. Die gesetzgeberischen Maßnahmen der christlichen Kaiser des vierten Jahrhunderts gegen Häretiker, Heiden und Juden. Köln, 1971	286
S. Szadeczky-Kardoss. Ein Versuch zur Sammlung und chronologischen Anordnung der griechischen Quellen der Awarengeschichte nebst einer Auswahl von anderssprachigen Quellen. — «Acta Universitatis de Attila Jozsef nominatae. Acta antiqua et archaeologica», t. XVI; Opuscula byzantina, I. Szeged, 1972	289
T. Wasilewski. Bizancjum i Słowianie w IX wieku. Warszawa, 1972	290
A. A. Glabinas. 'Η ἐπὶ 'Αλεξίου Κομνηνοῦ (1081—1118) περὶ ἱερῶν σκευῶν, χειμῶν καὶ ἁγίων εἰκόνων ἔρις (1081—1095). Thessalonike, 1972	291
A. Basilikopulu-Ioannidu. 'Η ἀναγέννησις τῶν γραμμάτων κατὰ τὸν 13' αἰῶνα εἰς τὸ Βυζάντιον καὶ ὁ 'Ομηρος. Athenai, 1971—1972	292

Хроника

Сессия специальной византийской комиссии Исторического общества ГДР	294
Юбилей «Изборника Святослава 1073 года»	295
Список печатных работ Федора Ивановича Шмита (1877—1941)	297
Список сокращений	301

Византийский временник, т. 37

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории Академии наук СССР

Редактор издательства Ф. Н. Арский
Художественный редактор Ю. П. Трапаков
Технический редактор Н. Н. Плотова

Сдано в набор 13/VIII 1975 г. Подписано к печати 13/I 1976 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 23,35. Уч.-изд. л. 31,7. Тираж 1900. Т-00603. Тип. зак. № 556. Цена 2 р. 05 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Ангелов</i> (София). О некоторых характерных чертах развития византийского общества на путях феодализма	3
<i>Э. Вернер</i> (Лейпциг). Византийский город в эпоху феодализма: типология и специфика	8
<i>И. Ирмиш</i> (Берлин). Трансформация идеи государственности в последний период истории Византии	13

Статьи

<i>Г. Г. Литаврин</i> (Москва). Провинциальный византийский город на рубеже XII—XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака)	17
<i>Е. П. Наумов</i> (Москва). Проблемы аграрной истории южной Далмации и торговых связей ее с Византией (конец XII—середина XIV в.)	30
<i>М. В. Криво</i> (Солнечногорск). «Архонт Крикорахис» и Григорий Макидонян	45
<i>П. И. Жаворонков</i> (Москва). Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг.	48
<i>И. С. Чичуров</i> (Москва). Феофан Исповедник — компилятор Прокопия	62
<i>З. В. Удальцова</i> (Москва). Жизнь и деятельность Виссариона Никейского	74
<i>Я. Н. Любарский</i> (Ленинград). Пселл в отношениях с современниками (Опыт характеристики личности)	98
<i>С. В. Полякова</i> (Ленинград). К вопросу о византино-французских литературных связях («Повесть об Исмине и Исминии» Евмафия Макремволита и «Роман о розе» Гийома де Лоррис)	114
<i>Я. Н. Щапов</i> (Москва). Рецензия сборников византийского права в средневековых балканских государствах	123
<i>И. П. Медведев</i> (Москва). Лев Алляций о византийских хронографах	130
<i>Б. Л. Фонкич</i> (Москва). Николай Караджа и ленинградский сборник византийских документов (Из истории византийской дипломатии)	140
<i>Р. А. Наследова</i> (Москва). Владычешская запись греческой рукописи № 348 Исторического музея в Москве	147
<i>Э. В. Ртвеладзе</i> (Ташкент), <i>А. П. Рунин</i> (Пятигорск). Новые находки византийских монет и индикаций в окрестностях Кисловодска	151
<i>А. И. Романчук</i> (Свердловск). Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса	156
<i>В. В. Бычков</i> (Москва). Из истории византийской эстетики	160
<i>А. Л. Якобсон</i> (Ленинград). Армения и Сирия. Архитектурные сопоставления	192
<i>В. Н. Залесская</i> (Ленинград). Ранневизантийские мраморные блюда в собрании Эрмитажа	207
<i>А. Я. Каковкин</i> (Ленинград). Элементы западной иконографии в армянских памятниках художественного серебра XIII—XVI вв.	212
<i>Дьёрдь Ружа</i> (Будапешт). К иконографии Георгия Угриня	219
<i>Е. С. Овчинникова</i> (Москва). Вновь открытый памятник станковой живописи из собрания Государственного исторического музея	228
<i>Е. О. Ваганова</i> (Ленинград). Византийские художественные традиции в творчестве Эль Греко (Обзор литературы и постановка проблемы)	235
<i>Е. К. Пиотровская</i> (Ленинград). Краткий археографический обзор рукописей, в состав которых входит текст «Летописца вскоре» Константинопольского патриарха Никифора	247
<i>С. Б. Аерунина</i> (Ленинград). Русские археологические съезды и становление византиноведения в России	255

Критика и библиография

Р е ц е н з и и

<i>Г. Л. Курбатов</i> (Ленинград). <i>З. В. Удальцова</i> . Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., «Наука», 1974	258
<i>К. Н. Юзбашян</i> (Ереван). Константин Порфирородный. Перевод с оригинала, предисловие и примечания Р. М. Бартияна. Ереван, 1970 (на арм. яз.)	263
<i>В. Н. Лазарев</i> (Москва). G. Cavallo. Rotoli di Exultet dell'Italia Meridionale, contributi sull'Exultet 3 di Troia di C. Bertelli prefazione di A. Petrucci. Adriatica Editrice. Bari, 1973	268

52

2

... inogwini in Kuyavirwa aya 27
16 y 18 00h.

9

11. Էգայն ած Մուշեղաթ ճի Կարա
նիստը. Կիճնգի անդրադա Վ
աֆր Նի-

[illegible]

Рис. 1. Ленинград, БАН, F № 3, л. 5. Автограф Николая Караджы.

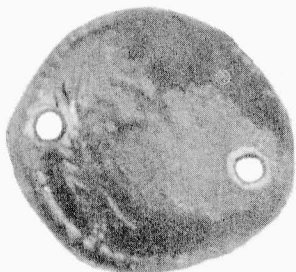
1

2

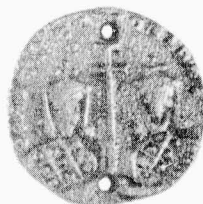
3

4

5

6

7

8

9

Таблица I. Монеты, найденные в окрестностях Кисловодска.

Рис. 1. Фрагмент блюда с изображением головы юноши.

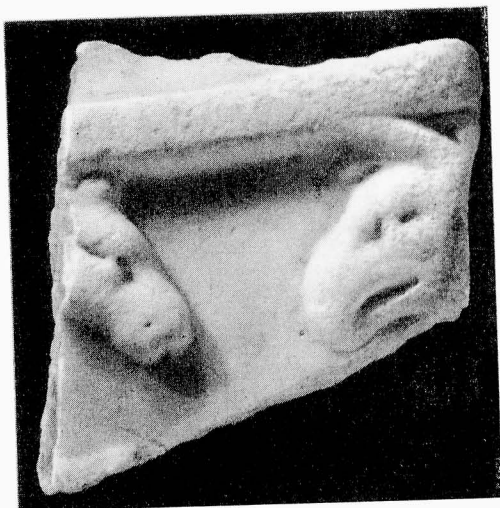

Рис. 2. Фрагмент блюда с изображением голов животных.

Рис. 3. Фрагмент блюда с изображением Давида.

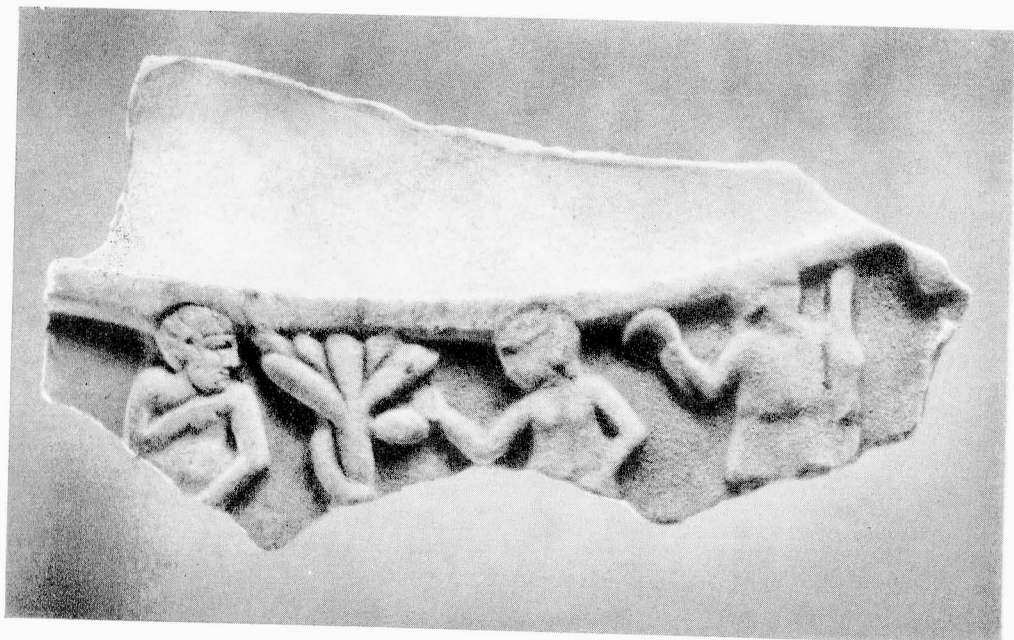

Рис. 4. Фрагмент блюда с изображением сцены Грехопадения.

Рис. 5. Фрагмент блюда с изображением сцены «Даниил во рву львином».

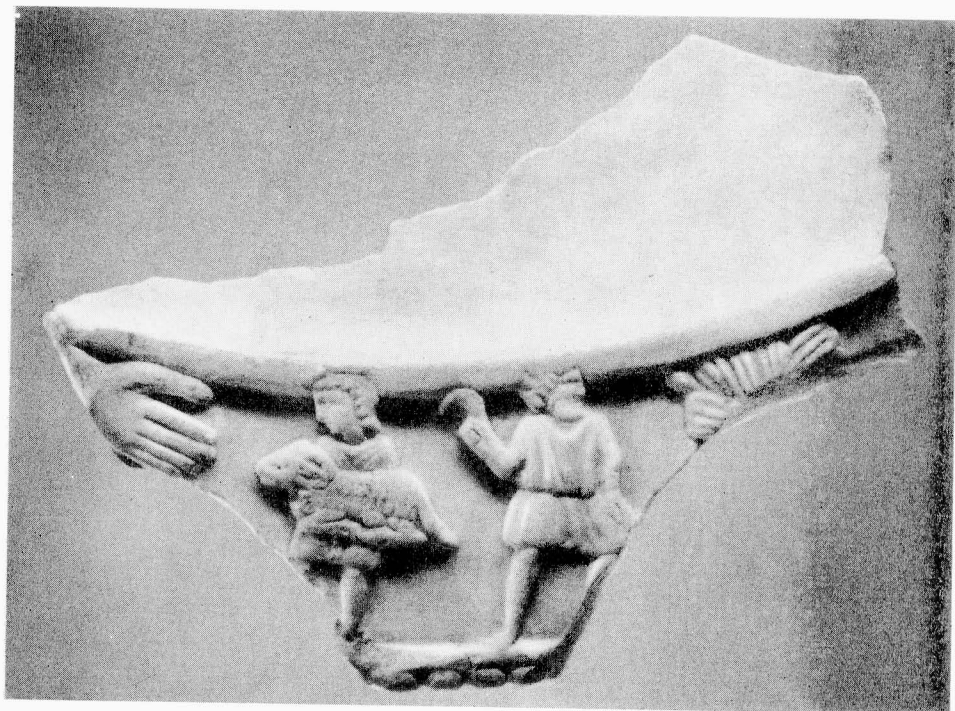

Рис. 6. Фрагмент блюда с изображением сцены Жертвоприношения Каина и Авеля.

Рис. 7. Фрагмент блюда с изображением сцены «Соглядатаи Моисея».

Рис. 1. Апостол Павел. Чеканное изображение на складне 1293 г. (Ленинград, Эрмитаж).

Рис. 2. Апостол Павел. Фрагмент иконы «франкского письма» XIII в. (Синайский монастырь).

Рис. 3. Апостол Павел. Заставка армянской рукописи 1314 г. (миниатюры 1358 г.) (Ереван, Матенадаран).

Рис. 4. Рождество Христово. Обратная сторона переплета 1334 г. (Иерусалим, собр. Армянского патриархата).

Рис. 5. Поклонение магов. Миниатюра из французского миссала 1299 г. (Кёльн, Архиепископский музей).

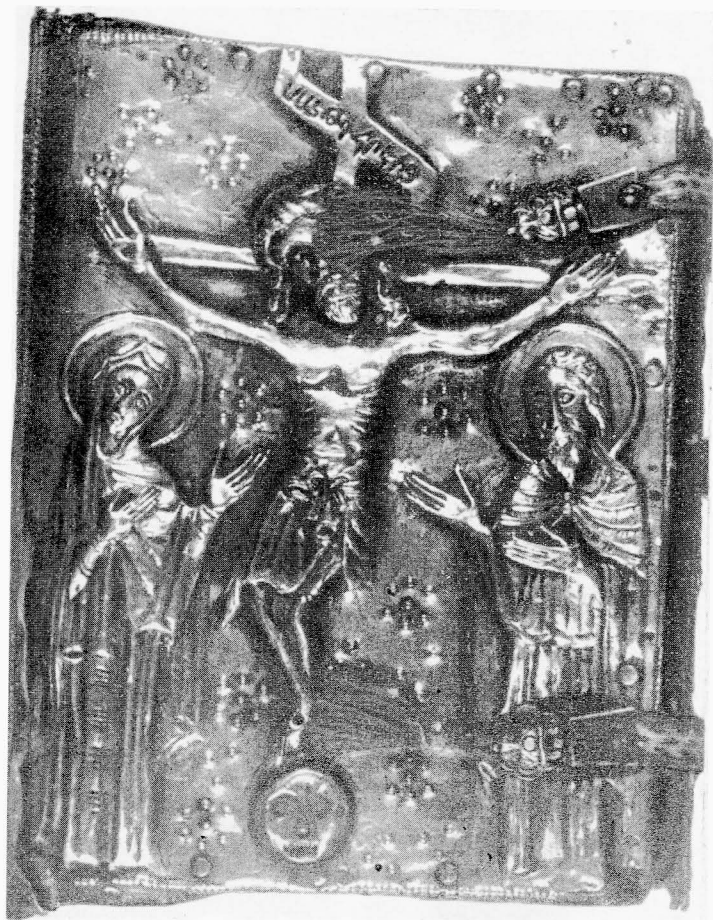

Рис. 6. Распятие. Лицевая сторона переплета первой половины XV в. (Ереван, Матенадаран).

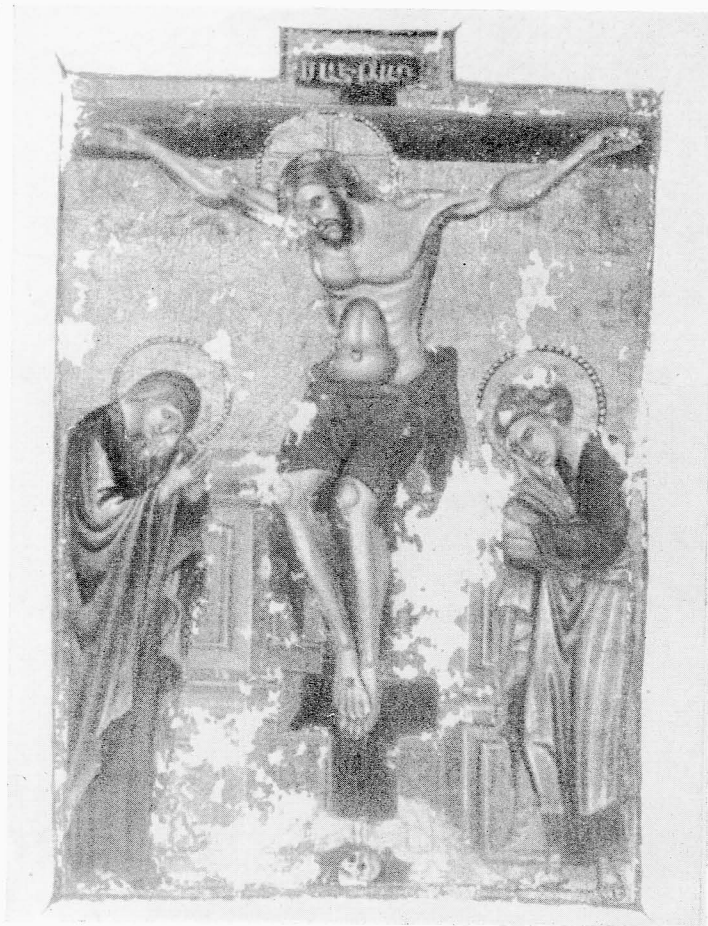

Рис. 7. Распятие. Миниатюра из «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци. 1401 г. (Ереван, Матенадаран).

Рис. 8. Денсус. Обратная сторона переплета первой половины XV в. (Ереван, Матенадаран).

Рис. 9. Распятие. Лицевая сторона переплета 1579 г. (Иерусалим, собр. Армянского патриархата).

Рис. 10. Воскресение. Благовещение, св. Предтеча и Стефан. Обратная сторона переплета 1663 г. (Бостон, Публичная библиотека).

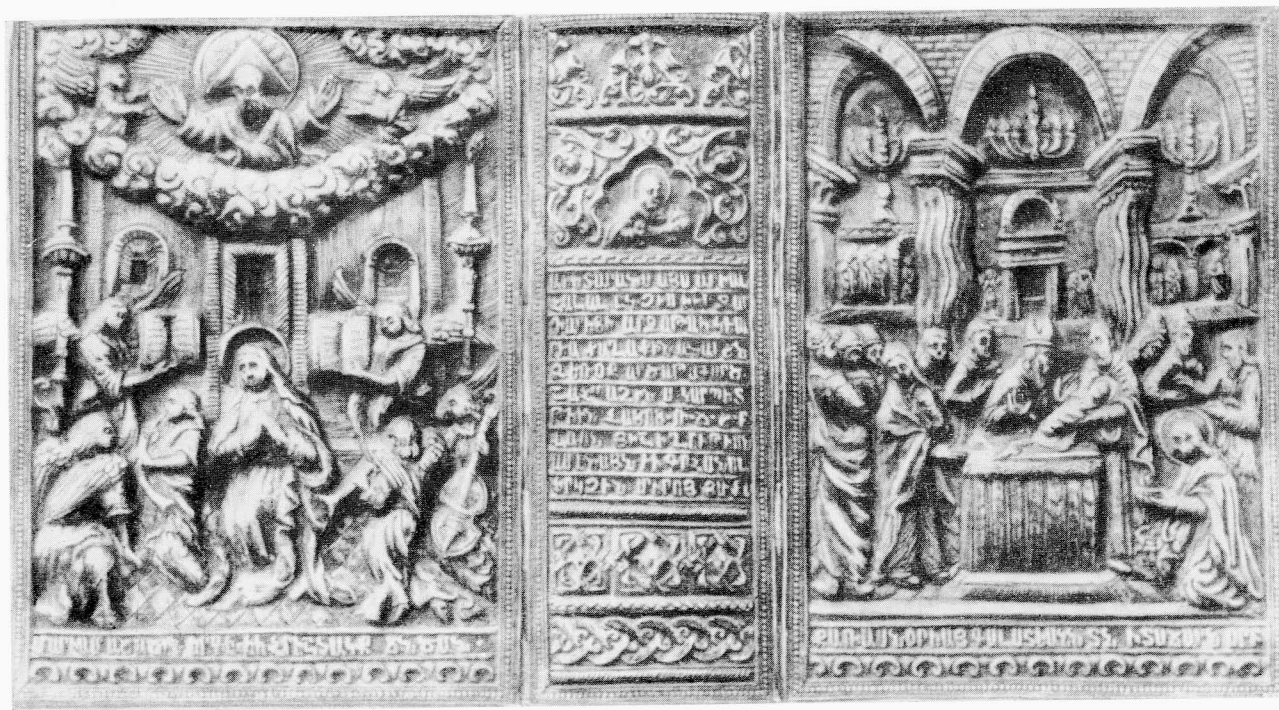

Рис. 11. Сретение и Прославление Богоматери. Переплет 1673 г. (Антипас, Католикосат Киликий).

Рис. 1. Икона св. Георгия с двойным чудом. ГИМ, конец XVI—начало XVII в.

Рис. 2. Фреска в храме «Трех всадников». Реконструкция О. И. Домбровского.

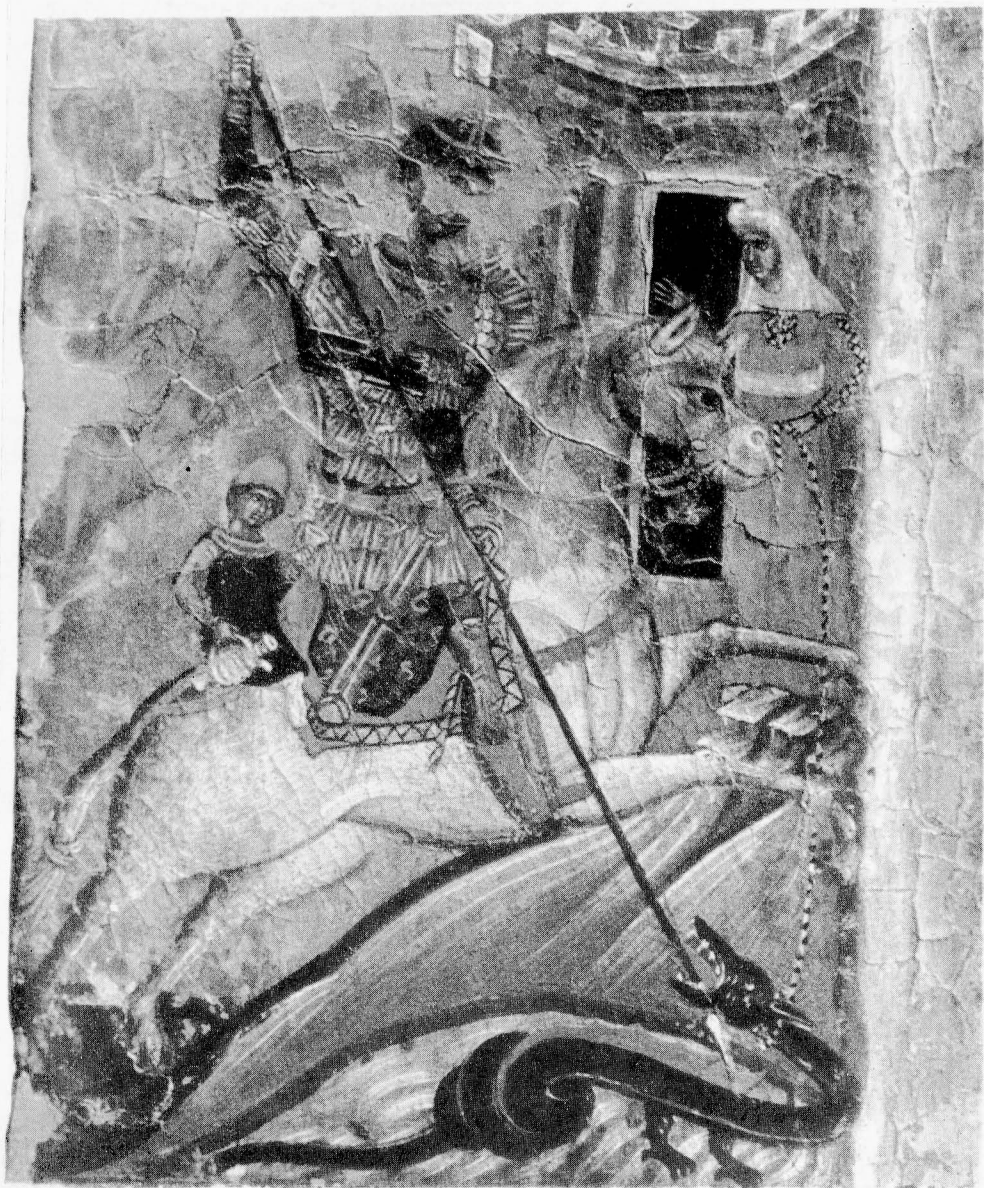

Рис. 3. Икона Георгия с двойным чудом из церкви св. Георгия в Струге. XV в.

Рис. 4. Икона Георгия с двойным чудом. XVII в. Эрмитаж (собр. Н. П. Лихачева).

Рис. 5. Икона Георгия с двойным чудом. XVII в. Мюнхен (собр. И. Нефферт).